

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РЕСУРСЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА
МАЛОЙ РОДИНЫ**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Иркутск, 27–30 июня 2019 г.

УДК 159.922.4(063)
ББК 88.5л0
М43

*Конференция проводится
и материалы публикуются при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-013-20113*

Ответственные редакторы:

доктор психологических наук, профессор *А. Д. Карнышев*,
доктор философских наук, профессор *В. А. Решетников*

М43

Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 27–30 июня 2019 г. / [отв. ред.: А. Д. Карнышев, В. А. Решетников] ; ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 609 с.

ISBN 978-5-9624-1728-8

В материалах конференции отражены вопросы, посвященные междисциплинарному подходу к проблемам большой и малой родины, теории и практики социальной и этнорегиональной идентичности, экономической и политической социализации молодежи, предпринимательства и корпоративной идентичности в малом бизнесе, качества жизни, социальной справедливости.

Предназначены специалистам в области поведенческой экономики и этнопсихологии, а также студентам, аспирантам, преподавателям вузов, широкому кругу исследователей.

УДК 159.922.4(063)
ББК 88.5л0

СОДЕРЖАНИЕ

Оргкомитет и программный комитет конференции	10
От редакторов	13
РАЗДЕЛ 1. Междисциплинарный подход к проблемам большой и малой родины	
Карнышев А. Д. Междисциплинарные проблемы и ресурсы «экономизации» психологии	15
Дейнека О. С. Образ-представление родины как фактор национальной экономической безопасности	29
Гуо Чуньян, Ли Шаолун. Патриотические чувства в культуре Китая (на примере традиционных боевых искусств)	36
Серкин В. П., Штроо В. А. Социально-психологический анализ миграции населения Дальневосточного и Сибирского федеральных округов и принимаемых к ее снижению мер	41
Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения в условиях психологической поляризации общества	53
Решетников В. А. Ресурсы экономической психологии в процессах гуманизации социального пространства	60
Арзуманов И. А. Этнорегиональная идентичность как фактор государственно-правового регулирования идеологической сферы общественных отношений	67
Фальковская Т. Ю. Проблемы самоидентификации в эпоху транснационализации капитала и хозяйственной деятельности	74
Карнышев А. Д. Французские уроки экономического патриотизма (По итогам мероприятий сотрудничества Иркутского государственного университета и Университета Париж-8)	82
Вероник Буа Статус Байкала, как основа его оригинального образа	94
Пиккарди М. Психолого-экономические причины, ведущие к росту или к снижению уровня патриотизма среди итальянцев	100
Бобков А. И., Бобков А. А. Феномен «борьбы с этническим самосознанием» как основа утверждения монизма лич-	

ностной идентичности в становлении современного человека 103

Аршинская Е. Л. Психологическое здоровье личности как основа межнационального согласия и патриотизма 110

РАЗДЕЛ 2. Социальная и этнорегиональная идентичность: вопросы теории и практики

Белинская Е. П. Особенности идентичности личности и стратегии совладания с трудностями 118

Дугарова Т. Ц. Развитие гражданской и этнокультурной идентичности в трансграничных регионах Сибири 124

Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Галсанова Д. Р. Проблема этноконфессиональной идентичности личности 128

Китова Д. А., Соснин В. А. Социальная идентичность как объект психологического воздействия в Интернете 133

Трофимова Е. Л. Особенности гражданской идентичности юношей, проходящих срочную военную службу 139

Айварова Н. Г. Формирование гражданской идентичности подрастающего поколения через формирование позитивного образа «Малой Родины» 145

Попова В. В., Решетникова Е. В., Толстопятов Ю. Ю. Проблемы технологизации деятельности и профессиональной идентичности специалистов служб экстренной психологической помощи семье и детям по телефону в Иркутской области 151

Москвитина Н. В., Иванов Р. В., Заварзина Ю. В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе 158

Браун О. А., Аркузин М. Г. Структурно-содержательные характеристики региональной идентичности студентов 161

Лянгузова В. В. Гражданская идентичность дауншифтеров: социально-психологические особенности Я-концепции 168

Мунгалов В. Н. Культурно-исторический анализ социально-психологических характеристик индустриального общества 175

Карнышева О. А. Особенности этнической идентичности у представителей из этнически смешанных и несмешанных семей	182
Жукова А. С., Маркер А. В. Этническая идентичность молодежи: сравнительное исследование	191
Скуденков В. А. Психогеографические притязания жителей Иркутска	197
Иванов Р. В., Батьянова Л. Н. Гражданское общество – связующее звено между социальными субъектами в контексте местного самоуправления в кризисной экономике	204
Амосова Н. О. Роль профессиональной идентичности в сохранении психологического здоровья студентов	209
Ким А. С. Национальное самосознание и идентичность россиян и политика памяти	215
Полюшкевич О. А. Семейная история и идентичность	221
Бобков А. И. Феномен связи религиозного опыта и этнического самосознания как технология актуализации самотрансценденции этнокультурной идентичности	229
Егунов А. О. Особенности рефлексии представителей русской и китайской национальностей	235

РАЗДЕЛ 3. Экономическая и политическая социализация молодежи и её современные проблемы

Китова Д. А., Апреликова Н. Р. Потребности в знаниях по психологии как фактор развития социальной компетентности молодежи	239
Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Структура «Я-образа» представителей различных ценностных типов	246
Ярославцева И. В. Идентичность как индикатор психологического благополучия молодежи в трудной жизненной ситуации	253
Иванова Е. А., Вахромеев В. Ю. Экономическая социализация и отношение к деньгам у старшеклассников	261
Мурзина Ю. С. Компетенции цифрового будущего и нравственные ценности	271
Ли Шаолун. Психологическая подготовка в китайских традиционных боевых искусствах как технология гармоничного развития личности	279

Перикова Е. И., Атаманова И. В., Карпачева Е. В. Личностная готовность к деятельности и культурные факторы социально-экономического развития вузовской молодежи	285
Кузьмина Ю. В. Здоровье начинается со здорового отношения к здоровью: трансрегиональное исследование здоровья студенческой молодежи	290
Атаманова И. В., Богомаз С. А., Бойко Е. А., Иванова Е. А., Перикова Е. И. Личностно-средовое взаимодействие: сравнительный анализ ценностных ориентаций современной российской молодежи	297
Шаков А. М., Салпагарова А. У. Представления о коррупции как фактор первичной социализации молодежи: теоретико-методологические аспекты	304
Шибеева Л. В. Психологические затруднения в становлении нравственно-экономического самоопределения современного юношества и направления их преодоления	310
Грицких Н. В., Загородний В. Д. Социокультурные ценности и символический капитал как взаимосвязанные факторы формирования групповой идентичности с малой родиной у молодежи	315
Гочияева П. И., Шаков А. М. Представления о коррупции как психологический ресурс социализации молодежи	321
Ревина Е. В., Гунзунова Б. А. Кросскультурные особенности ценностных ориентаций молодежи Республики Бурятия	327
Лутошлива Е. С. Психологические подходы к проблеме формирования этнической идентичности в процессе психологического консультирования	333
Канавина С. С. Психологические особенности формирования временной перспективы подростков	339
Прусакова М. А. Актуальные смыслы личности с разным уровнем инновационного потенциала в контексте временной перспективы	346

РАЗДЕЛ 4. Предпринимательство и корпоративная идентичность в малом бизнесе

Позняков В. П. Ценностные ориентации российских предпринимателей с разным психологическим типом экономического самоопределения	354
Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Терехова Н. В., Попов С. А. Структурно-уровневая организация экономического самоопределения предпринимателя	361
Овруцкий А. В. Психологические аспекты социального маркетинга	370
Вавакина Т. С. Роль делового партнерства в предпринимательской деятельности	377
Свитюк С. Ю. Взаимосвязь этнической идентичности и жизненных ценностей российских предпринимателей в сфере малого бизнеса	384
Гаевская Л. Г. Смыслообразующая активность предпринимателя в контексте временной перспективы	392
Орловская О. В. Экономическая субъектность предпринимателя в сфере малого бизнеса	398
Трофимова Е. Л., Щербакова А. Экономическое самоопределение студентов, ориентированных на предпринимательскую деятельность	405

РАЗДЕЛ 5. Качество жизни, социальная справедливость в их связи с экономическими ориентациями

Гагарина М. А. Особенности отношения к денежному долгу у лиц с различным уровнем финансовой и юридической грамотности	414
Балова Д. Ю., Китов А. А. Психологические критерии в структуре моделей качества жизни: проблемы и перспективы исследований	422
Курганская В. Д., Дунаев В. Ю. Успешные экономические стратегии этнических меньшинств как показатель интеграции в казахстанское общество	429
Гочияева П. И., Китов М. А. Экономико-психологические критерии в структуре моделей государственного управления	435

Дружинин Г. В. Публичные корпорации как средство стабилизации экономики региона	442
Журавлева И. А. Роль университета в формировании образов героев в менталитете россиян	446
Калюжнова Н. Я., Кошурникова Ю. Е. Ресурсность и «магия» городской точки кипения	459
Иванов Р. В. Современное содержание социальной справедливости на основе взаимодействия государства и общества	467
Малых С. В. Культура патриотизма в университетской среде	472
Лидин К. Л., Калюжнов Н. В. Девиантное поведение мигрантов как эффект турбулизации информационного потока	476

РАЗДЕЛ 6. Междисциплинарность и многоплановость психологических исследований

Буравлева Н. А., Богомаз С. А. Ценности, готовность к деятельности и учебная мотивация студентов технических специальностей в контексте инновативности	483
Шишкина А. О., Коробцова Н. В. Исследование взаимосвязи уровня инновационной активности и адаптации первокурсников к обучению в университете	490
Доржиева М. О., Неврина О. Н. Этнопсихологические особенности эмоционального выгорания медицинских работников (на примере русских и бурят)	501
Гунзунова Б. А. Этнопсихологические факторы развития саморегуляции состояний педагогов	507
Бажина У. Н. Социально-психологические особенности участников клубных формирований культурно-досуговых учреждений Иркутской области	512

РАЗДЕЛ 7. Молодежь о демографической и национальной политике властей и о своем отношении к Родине

Анохина А. А., Павлюк М. А. Оценка PR-акции по созданию имиджа родного края (на примере Иркутской области)	519
---	-----

Зыкова А. А., Савилова К. А. Социально-политические особенности дифференциации мнений политиков и населения Байкальского региона о влиянии перехода Республики Бурятия и Забайкальского края в Дальневосточный федеральный округ на реальную жизнь и перспективы молодежи	526
Осипов Т. А., Сафонов С. А. Исторический и социологический аспекты отношения населения к освоению Дальнего Востока	531
Ахмадышина Н. В. Оценка межнациональных отношений в городе Иркутске среди коренного населения и лиц кавказской национальности	541
Гантимуров В. Р. Отношение к мигрантам в Якутии: события в Якутске и их оценка со стороны населения	546
Большедворская И. Г., Гильдебрандт А. И., Орлова Я. В. Влияние процессов цифровизации на уровень мобильности населения Иркутской области	551
Давыдова А. А. Жизненные ценности, характерные для школьников, ощущающих и не ощущающих себя патриотами России	554
Сергеева Л. А., Саватди А. Т., Качан М. К. Роль семьи в формировании патриотической идентичности	560
Прокопьева К. Л., Маторина Е. А. Ценности семейных отношений в контексте стабильного развития региона	564
Лоскутов Д. В. Укрепление межэтнической коммуникации через развитие туризма в Иркутской области	570
Пружинин А. Н. Бренд территории как инструмент создания положительного образа малой родины	573
Абдрашитова О. А. Социальный образ малой родины на примере г. Усть-Кута	577
Крутова Е. А. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития: на примере г. Братска	582
Попова Н. В. Ценности и нормы Юго-Восточной Азии	588
Татура М. О., Шарафеева Д. С. Взаимосвязь религий с проблемой межнациональных отношений	591
Данные об авторах	597
Приложение	608

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Сопредседатели оргкомитета

- Карнышев Александр Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
- Решетников Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, директор Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск.

Заместитель председателя организационного комитета

Гольцова Евгения Викторовна – кандидат философских наук, доцент, декан социального факультета Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск.

Состав организационного комитета

- Иванова Елена Александровна – кандидат психологических наук, доцент Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
- Решетникова Екатерина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
- Трофимова Елена Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, г. Иркутск.
- Глызина Надежда Николаевна – председатель Думы Усольского района Иркутской области.
- Грицких Надежда Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
- Карнышева Ольга Александровна – старший преподаватель Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель программного комитета

Карнышев Александр Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований Иркутского государственного университета, г. Иркутск.

Заместитель председателя программного комитета

Решетникова Екатерина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск.

Состав программного комитета

- Белинская Елена Павловна – доктор психологических наук, профессор Московского государственного университета, г. Москва.
- Дейнека Ольга Сергеевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.
- Дугарова Туяна Цыреновна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития личности факультет педагогики и психологии МПГУ, г. Москва.
- Залевский Генрих Владиславович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и социальной работы Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград.
- Позняков Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН, г. Москва.
- Серкин Владимир Павлович – доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

- Серый Андрей Викторович – доктор психологических наук, профессор, зам. декана по НИР и НИРС социально-психологического института Кемеровского государственного университета, г. Кемерово
- Терехова Татьяна Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
- Штроо Владимир Артурович – профессор, заведующий кафедрой организационной психологии, заведующий научно-учебной группой психологии бизнеса департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.
- Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
- Ярославцева Ирина Владиленовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая базовой кафедрой медицинской психологии Иркутского государственного университета и ФГБНУ «Научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека», г. Иркутск.

ОТ РЕДАКТОРОВ

Весной 2019 года Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) поддержал заявку лаборатории психолого-экономических и кросс-культурных исследований Института социальных наук ИГУ о проведении **27–30 июня 2019 года** Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. На проведение конференции РФФИ выделил 600 тыс. руб.

Важнейшая особенность конференции – это ее междисциплинарность, которую организаторы ставят в центр внимания. Во-первых, междисциплинарность – взаимодействие психологических, социальных и естественных научных направлений для решения актуальных проблем современного сибирского общества. Во-вторых, это изучение психолого-экономических причин, приводящих к оттоку населения, особенно молодежи, из Байкальского региона. В-третьих, это исследование ресурсов формирования у жителей этнорегиональной идентичности, укрепляющей активную жизненную позицию молодежи и её стремление проживать и трудиться на территории родного края. Междисциплинарные ресурсы научной отрасли – это её способность встраивать в свои структуру и содержание элементы содержания других наук, и через это достигать синергетического эффекта. Экономическая психология проявила такую способность как самостоятельно, так и в системных положениях поведенческой (бихевиоральной) экономики.

Междисциплинарный состав участников конференции подтверждает то, что среди них свыше 40 представителей психолого-педагогических наук, 22 человека являются специалистами филологии, социологии и культурологии, истории, около 10 дипломированных профессионалов представляют экономическую науку, есть ученые и практики по направлениям физика, математика, информатика, биология и медицина.

Цель конференции – поиск соответствующих ресурсов для формирования этнорегиональной идентичности, обеспечивающей стимулирование экономической активности и органично сочета-

ющейся с преданностью малой родине. Для этого намечаются следующие направления конференции:

а) экономические и этнокультурные факторы стабилизации обстановки в кризисных регионах и поддержки демографического роста населения;

б) этнический и региональный протекционизм, ресурсы социальной политики в их позитивном и негативном влиянии на экономическое поведение и психологическое здоровье граждан;

в) влияние условий развития малого и среднего бизнеса, личностных характеристик предпринимателей на характер отношений к малой родине;

г) экономическое и психологическое благополучие, национальное достоинство как индикаторы интеграции этнической и гражданской идентичности.

Очень важно, что на круглых столах, дискуссионных площадках и других мероприятиях будут рассмотрены такие виды (уровни) идентичности, как профессиональная, должностная, ролевая. Особое внимание будет уделено научному обеспечению условий для реализации экономических ролей: производителя, потребителя, покупателя, плательщика налогов и сборов. Аналогичные проблемы будут обсуждены и на студенческой секции.

В данный сборник материалов конференции включены статьи и сообщения более 120 ученых и практиков из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Калининграда, Кемерово, Томска, Иркутска, Улан-Удэ и других городов Российской Федерации. Международная часть представлена материалами из Казахстана, Китая, Италии и Франции. Среди авторов 24 доктора наук, профессора, свыше 40 кандидатов наук, доцентов, более 20 аспирантов и магистрантов, около 30 студентов. Свыше половины очных и заочных участников конференции из Байкальского региона – Иркутской области и Республики Бурятия. 23 человека из разных вузов г. Москвы, а именно: МГУ, НИУ «Высшая школа экономики», МПГУ, «Высшей школы бизнеса», Института психологии РАН.

Остается пожелать участникам конференции плодотворной работы!

РАЗДЕЛ 1

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ РОДИНЫ

Междисциплинарные проблемы и ресурсы «экономизации» психологии

Карнышев А. Д.
г. Иркутск, Россия

*Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ
Тема № 18-013-00785 «Экономический патриотизм как объект
междисциплинарного исследования в психологии и ресурсы его формирования
у городской и сельской молодежи (на примере народов Восточной Сибири)»
(2018–2020 г.)*

Аннотация. Известны высказывания авторитетных ученых о том, что новый этап психофизики и психологии – это психология по образу и подобию экономики. Разные варианты движения к этой цели обязательно включают в себя способность интегрировать научные направления. Междисциплинарные ресурсы научной отрасли – это её способность встраивать в свои структуру и содержание элементы содержания других наук, и через это достигать синергетического эффекта. Существует экономическая психология, которая проявила такую способность как самостоятельно, так и в системных положениях поведенческой (бихевиоральной) экономики. Сегодня ее возможности апробируются в рамках «экономики идентичности» – инновационной области, разрабатываемой Д. Акерлофом – Нобелевским лауреатом по экономике.

Рассматривая психологические категории «лояльность», «приверженность» и «преданность» как своего рода ступеньки к экономическому и/или организационному патриотизму, многочисленные ипостаси данных явлений, в статье показаны широкие возможности интеграции исследовательских и практических направлений экономики и психологии.

Ключевые слова: экономическая психология, поведенческая (бихевиоральная) экономика, междисциплинарность, идентичность, экономический патриотизм.

Междисциплинарный анализ вопросов «экономизации» психологии (по аналогии: математизации, химизации, либерализации и т. п.) интеграции экономического и психологического знания начнём с факта, подтверждающего возможность такого подхода.

Размышляя о динамике развития психологической науки, член-корреспондент РАО, профессор МГУ А. Г. Асмолов, в опубликованном в 2018 г. интервью электронному журналу «ИП РАН СЭП» отметил, что психология часто строилась по образу и подобию других наук – физики, нейрокогнитивистики и т. п. Вместе с тем в своём утверждении: «новый этап психофизики и психологии – это психология по образу и подобию экономики», он не исключает некоторого «подвоха»: «когда мы радуемся как дети, что экономисты используют конструкт или дискурс «человеческий капитал», мы невероятно проигрываем, потому что берём и навязываем категории, с помощью которых экономисты пытались года с 1961-го дотянуться до психологов» [2, с. 162]. В целом справедливое утверждение. Но надо вспомнить, что в связи с «партийным присмотром» в СССР и России с 30-х по 80-е годы XX века экономическая тематика в исследованиях психологов не одобрялась. А в западной науке такой подход был уже обычным. М. Фуко в лекции 1979 г.: «заработная плата – это не что иное, как вознаграждение, как доход, зависящий от определенного капитала, который называется человеческим капиталом, поскольку компетенция-машина, от которой получают доход, неотделима от человеческого индивида, являющегося её носителем» [22, с. 286]. М. Фуко приводит одно из известных в западной науке пояснений феномена: «Отличительная черта человеческого капитала заключается в том, что он является частью человека. Он *человеческий*, потому что воплощен в человеке, и *капитал*, потому что это источник будущего удовлетворения или будущего дохода, или обоих» [там же, с. 299; курсив автора цитаты].

Интеграция экономики и психологии один из важных поводов рассмотреть суть и функции междисциплинарности. Междисциплинарность может быть детерминирована как возможностью и/или необходимостью трансформации более сложных явлений к простым, так и значимостью разностороннего анализа каких-либо феноменов. Например, для успешного рассмотрения психологических проблем в отечественной науке с давних пор практиковалось обращение к их глубинным физиологическим и другим «механизмам» и на этой основе осуществлялась интеграция наук. Известный американский ученый Н. Дойдж, разработчик только формирующейся науки о нейропластичности, в своей книге 2018 г. издания так отзывался о талантливом российском психологе и медике

А. Лурии: «Ему удалось перекинуть теоретический мостик из психологии в неврологию и нейрофизиологию. Таким образом, А. Р. Лурия стал основателем совершенно нового направления в мировой психологии – *нейропсихологии*» [8, с. 80; выделено и курсив автора цитаты]. В свою очередь, социальные проблемы при их междисциплинарном анализе также могут быть сведены к каким-то простым феноменам. Автор системной теории, выдающийся социолог второй половины XX в. Н. Луман попытался показать это посредством ряда вопросов: «Можно ли все, что воспринимается в социальном плане, объяснить с помощью психического обследования участников? И если это возможно на уровне психологии, может быть, это сработает и на уровне нейропсихологии, а если и это возможно, то, может быть, удастся найти объяснение на уровне химического состава клеток, и, в конце концов, придется проникнуть в зловещий внутренний мир атомов»... [15, с. 269].

Между тем ресурсы междисциплинарности, связанные с системной теорией, в ряде психологических направлений остаются невостребованными, что отражается негативно и на теории и на практике. Односторонний подход особенно негативен в области исследований, связанных с человеческим капиталом, экономическим поведением и экономическими организациями. М. Иванов и В. Штроо пишут: «вместо системного анализа в большинстве исследований продолжается традиция изучения «чистой психологии» даже при работе со сложными живыми системами. Это особенно странно, учитывая, что такое значимое направление науки и практики как организационное развитие (*organizational development*) формировалось под влиянием как раз системного подхода. Более того системный подход обычно рассматривается как один из источников этого направления исследований» [10, с. 142].

Взаимодействие человека с социальными системами вызвало «движение» междисциплинарности в психологии и в другом направлении. М.-А. Робер и Ф. Тильман рассматривая связь социальной психологии со смежными дисциплинами, выделяют среди последних культурную антропологию, институциональный анализ, социоанализ и социологию организаций [18, с. 37–41]. Приоритетным по значимости выступает первый термин с его проявлением его сути в культуре (субкультуре), как «образе жизни, присущем группе». «Культура включает в себя общий способ производства, поведения, самовыражения, систему и иерархию ценностей; она

включает ту или иную мораль, те или иные обычаи, тот или иной язык. Она представляет собой в некотором роде способ выражения человеком своей биологической природы в данной структуре. Она является совокупностью действий, взглядов и мыслей, санкционированных обществом и сложившихся в группах» [18, с. 37].

А. Л. Журавлев в методологической статье «Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии» среди многих реальных и перспективных направлений междисциплинарных отраслей называет, в частности, интеграцию экономической психологии с экономической наукой (поведенческой или/и бихевиоральной экономикой), появление социально-экономической психофизиологии и т. д. [см. 9, с. 21, 19]. Если брать современные междисциплинарные феномены, как бихевиоральная экономика, экономический патриотизм или гражданское сотрудничество, то они настолько комплексные явления, что без взаимодействия разных наук при их анализе не обойтись.

В интеграции психологии и экономики не могут не играть роль математические понятия и алгоритмы. В свою очередь, междисциплинарность экономики проявляется и через её тесную связь с математическими вычислениями. Причем, обращение к формулам и вычислениям в социально-психологическом плане – далеко не всегда позитивное явление. Еще основатель кибернетики Н. Винер высказывал сомнение в необходимости проникновения математики во все сферы науки и практики, не одобрял веру во всемогущество её регулирующих возможностей в социальных преобразованиях. Кстати, эти мысли он иллюстрировал, показывая достаточно неудачные попытки этнокультурных модификаций. «Использование математических формул сопровождало развитие естественных наук и сделалось модным в науках общественных. Первобытные племена перенимали у Запада лишённые национальных примет одежды и парламентаризм, пребывая в необоснованной уверенности, будто это магические облачения и обряды мгновенно позволяют им приобщиться к современной культуре и технике, а экономисты завели привычку облекать свои весьма смутные рассуждения в строгий язык исчислений» [6, с. 112]. Здесь можно только добавить, что включение в социально-экономическую систему этнических «элементов», обычно не может не повлиять на трансформацию установившихся в системе связей, порой существенным образом меняя их.

Так или иначе, на такие моменты обращает внимание и французский философ и социолог Э. Морен в своей оригинальной и актуальной работе – «Образование в будущем: семь неотложных задач». В частности, он пишет: «...экономика, которая математизирована в наибольшей степени по сравнению со всеми социальными науками, в социальном и гуманитарном отношении является наиболее отсталой наукой, поскольку она абстрагируется от социальных, исторических, политических, психологических, экологических условий, неотделимых от экономической активности... В результате ошибка в экономической практике становится прямым следствием экономической науки» [17, с. 264]. Критические высказывания двух известных зарубежных ученых демонстрируют неизбежность возникновения проблем использования математики в психологии и при её взаимодействии с другими науками. Вместе с тем глупо отрицать значение математических вычислений, когда они отражают реальные эффекты, обусловленные «человеческим фактором» в самых его разных ипостасях. В первую очередь, это именно то, чем занимается поведенческая (бихевиоральная) экономика, наиболее яркими представителями которой выступают два Нобелевских лауреата по экономике XXI в. – Д. Канеман и Р. Талер, – которые весьма тесно связаны с психологией [см. 11].

Междисциплинарность необходима даже в тех случаях, когда речь идет о «единичном носителе» экономических ресурсов. К. Лаваль утверждает: «Человек экономический, субъект заинтересованных социальных отношений, является понятием междисциплинарным, универсальным по своим свойствам. Его следует рассматривать и изучать как социальный и исторический факт, как результат нашего культурного развития» [14, с. 15]. Историчность данного феномена, на наш взгляд, так или иначе, связана с его давними патриотическими чувствами, проявляющимися в контексте отношения к малой и/или большой родине. Пусть они далеко не всегда демонстрировались, но они существовали среди многих других реалий, выступающих объектами разных наук. Такой «расклад» вполне реален в свете еще одного высказывания К. Лавалья: «понятие «человек экономический» разрастается и дробится, оно присутствует во всех концепциях и областях знаний, оно сосредоточивает на себе социальные представления, лежит в основе нового иерархического распределения знаний о человеке» [Там же, с. 24]. Остается только добавить, что человек экономический не

может не быть субъектом инновационных преобразований во всех сферах жизни [см. 13; 21].

Выше мы говорили о физиологических и нейропсихологических аспектах междисциплинарности. Данные слагаемые важны и при формировании экономических ресурсов человека. М. Фуко в лекциях, прочитанных в Коллеж де Франс в 1979 г. отмечал: «Учитывая моё генетическое оснащение, если я хочу иметь потомство, генетическое оснащение которого будет, по крайней мере, таким же хорошим, как моё, или по возможности лучше, нужно еще, сочетаться браком с кем-то, чье генетическое оснащение само по себе хорошо. Как видите, механизм производства индивидов, детей, может обнаружить целую экономическую и социальную проблематику, исходя из проблемы редкости хорошего генетического оснащения» [22, с. 288]. Если же сегодня можно «заказать» через «механизмы» геной инженерии потомка с запрашиваемыми нами индивидуальными способностями и талантами (в том числе предпринимательскими), то это опять-таки будет зависеть от возможностей нашего социального статуса и/или кошелька.

Формирование человека с заданными характеристиками для социально-экономической деятельности, с программируемыми ресурсами физического и психологического здоровья может осуществляться лишь при медицинской поддержке. Французский исследователь А. Гржебин, в прошлом директор политологических исследований университета «Сьянс По» (Париж), утверждает: «Политическая экономика больше похожа на медицину, чем на точную науку. Восприимчивость «пациента» играет такую же важную роль, как и особое качество лечения. Исследование мотиваций ответственных руководителей, а также политических, социальных, информационных и даже психологических трудностей, которым они подвергаются, должно быть отражено в труде об экономической политике с тем же обоснованием, что и бюджетный и денежно-кредитный механизмы» [7, с. 5].

Важнейшей проблемой в интеграции наук является, так сказать, «продвижение» междисциплинарности. Какие условия важно соблюсти, чтобы междисциплинарный подход становился максимально приемлемым и объективным. Попробуем хотя бы частично осветить вопрос. Первое – это опять-таки максимальная сближенность содержания основных терминов, используемых для анализа. В действительности в этом часто скрыты серьёзные противо-

речия. Покажем данный аспект на специфике отношения к понятию социализация в психологии и экономике. В психологии данный процесс естественно связан, с одной стороны, с личностными характеристиками, формируемыми в обществе, с другой стороны, с так называемыми агентами социализации – социальными группами и институтами, которые, так или иначе, определяют специфику процесса и его результатов [см. 19, с. 408–409]. В таком плане многими исследователями рассматривается и экономическая социализация. В экономике же чаще всего наблюдается иной взгляд. Как отмечает Нобелевский лауреат по экономике Д. Акерлоф, стандартная экономическая модель не принимает социализацию, если только все люди не прошли социализацию одинаковым образом. «Любые различия между людьми рассматриваются как специфические, личные различия» [1, с. 29]. С таким подходом нельзя согласиться в полной мере, поскольку, например, личные особенности китайцев, корейцев, японцев своеобразно отражаются на экономике этих стран.

Продолжая разговор о различиях позиций психологов, социологов и экономистов в теории и практике, стоит рассмотреть принцип рациональности в качестве основного объяснения экономического поведения людей. Мыслящие люди с давних пор противились категоричности такого подхода. В частности, М. Вебер отмечал, что невозможность теоретиков объяснить действия и поступки людей чисто экономическими мотивами вела к двум последствиям. Во-первых, экономисты объявляли все другие детерминанты «незначительными в научном смысле». Во-вторых, наблюдалось стремление исследователей расширить понятие экономического до таких пределов, когда все человеческие интересы сводились к ним: «Если исторически установлено, что реакция на две, в экономическом отношении одинаковые ситуации была, тем не менее, различной из-за политических, религиозных, климатических и множества других неэкономических детерминантов, то для сохранения превосходства экономического фактора все остальные моменты сводятся к исторически случайным «условиям», в которых экономические мотивы действуют в качестве «причин» [4, с. 560]. В обоснованности такой универсализации сомневается Д. Акерлоф, в качестве доводов приводя специфику исследований в смежных науках: «Антропологи, психологи и социологи сосредотачивают внимание, прежде всего, на отношениях между нормами

людей и их взглядами на себя и социальный контекст, – в основном потому, что эти исследователи более внимательны к данным феноменам в силу своей теоретической ориентации» [1, с. 41].

Противоречие в его характерных нюансах показывают не только психологи, но и представители естественных наук. В своей книге «Истоки морали» знаменитый американский биолог Ф. де Вааль рассматривает и описывает множество таких примеров. Остановимся на двух «полюсных» точках зрения, которые чаще всего встречаются, по его мнению, в научной литературе. «То, что на первый взгляд кажется сотрудничеством, при внимательном рассмотрении оказывается чем-то средним между приспособленчеством и эксплуатацией... При наличии реальной возможности действовать в своих интересах ничто, кроме выгоды, не остановит [человека] и не помешает ему проявить жестокость, искалечить и убить – брата, супруга, родителя или собственного ребенка. Отмой «альтруиста» – получишь «лицемера». Это, на наш взгляд, – положение с одной крайней позиции. С другой: «Антропологи обнаруживали существование чувства справедливости у людей по всему миру; экономисты находили людей более альтруистичными и склонными к сотрудничеству, чем позволяла теория Homo economicus (человека экономического)...; нейробиологи обнаружили, что в человеческий мозг «встроена» способность чувствовать боль других людей. К 2011 г. круг замкнулся, и человека официально объявили существом «сверхкооперирующимся» (supercooperators)» [3, с. 61, 66; курсив Ф. Вааля А. К.]. Проблемы биологической детерминации экономических явлений сегодня актуализируют своё значение в связи с необходимостью конкретных мер защиты окружающей среды, становления «экологичной экономики» [см. 26].

В 20-м веке прогрессивные исследователи старались избежать «экономических крайностей». Интеграция положений экономики и психологии хоть и особо не афишировалась, но стала характерной чертой работ многих зарубежных исследователей. Г. Файоль, Э.Мэйо, Д. Морено и другие исследователи и практики показали пример учета психологического (человеческого) фактора в научной организации труда и управления производством (менеджменте). Г. Капона посвятил свои работы, прежде всего, экономическому поведению потребителей и предпринимателей, в том числе иррациональности (неразумности, явной неподчиняемости законам логики) действий покупателей. Ф. Котлер исследовал социально-

психологическую дифференциацию потребностей и запросов покупателей в интересах маркетинговой деятельности (организации сбыта) и прежде всего в сегментировании рынка. Лауреат Нобелевской премии Г. Беккер подверг детальному анализу социально-психологические механизмы экономического поведения людей, в том числе девиантного (отклоняющегося). В целом за рубежом во второй половине XX в. всё же сложилась традиция рассматривать экономические проблемы неотрывно от их социально-психологических начал.

Выше мы говорили об авторитете в экономической психологии исследований и жизненных экспериментов по поведенческой экономике. Весьма близко к ним по своей значимости могут и должны быть исследования по экономическому патриотизму. Понятие экономический патриотизм, как считается, появилось только в 21-м веке, и его авторство приписывают Б. Карейону – депутату национального собрания Франции, который в 2003 г. через данный термин заговорил о защите отечественного бизнеса от иностранного капитала. Его позиции были расширены другими французами учеными и практиками [см. 23–25]. Между тем издавна существовали экономические явления, которые вполне можно рассматривать в качестве примеров экономического патриотизма: лозунг меркантилистов «Оборона важнее благосостояния», меры протекционизма многих государств по отношению к «своим» товарам и запреты на привоз «чужих». Сегодня конкретными примерами выступают: тезисы «Покупай американское. Нанимай американцев» (Д. Трамп), «Экономический патриотизм обозначает помощь в процветании французской компании на французской земле» (А. де Романе – французский бизнесмен), реализация санкций и антисанкций в отношении китайских и российских товаров, отдельных субъектов, фирм и организаций.

Нельзя не отметить, что в истоках науки «экономическая психология» заложены идеи любви к отечеству, проповедуемые уже в конце XIX в. одним из основателей научного направления – французским ученым Г. Тардом. По его мнению, очень трудно найти истинный всеобщий полюс народов, который «обладал бы способностью возвышать и укреплять единение душ так же энергично, как религия и отечество». И пока соперничают нации и классы, по его мнению, верования подобного рода будут играть свою важнейшую роль во всех сферах жизнедеятельности общества. В

противном случае нельзя позавидовать людям и отдельной личности и всем находящимся в такой ситуации: «общество, как и отдельный человек, прежде всего нуждается в какой-нибудь великой любви, и если оно перестает любить что-нибудь больше своей жизни, то его жизнью не стоит и жить» [20, с. 419].

В наших исследованиях признается значение общего национального интереса в экономической психологии, но всё же акцент чаще делается на патриотических чувствах человека и близких к нему сообществ [см. 12; 27 – 29]. Обобщая такие подходы, можно дать следующее определение экономического патриотизма: готовность и способность личностей и групп активизировать использование интеллектуальных, эмоциональных и физических (материальных) ресурсов для достижения целей и интересов референтных сообществ (патриот: завода, города, транснациональной корпорации) и некоторых территориальных образований (патриот родного края, малой родины). По большому счету экономический патриотизм можно представить как осознаваемое и порой неосознаваемое инициативное стремление индивида или/и группы повысить вклад в дела референтного сообщества.

«Ингредиентами» экономического патриотизма мы называем: а) референтность сообщества, т. е. высокий уровень его значимости для всех (большинства) членов; б) высокая степень сознательной и даже подсознательной идентичности личности и группы, часто проявляющаяся в психологической слитности «Я» и «Мы», единении их интересов и ценностей; в) синергия, как повышение индивидуального и группового эффекта деятельности («идеальный уровень групповой продуктивности, который превышает суммированную продуктивность каждого отдельного участника») [5, с. 392]; г) позитивное отношение к окружающей природе, повседневная забота о ней (в отношении окружающей среды, на наш взгляд, должен быть приоритетным девиз: «экономика должна быть экологичной, а экология – экономичной»); д) психологическое здоровье членов сообщества, как показатель своего материального и духовного благополучия.

Приведенное определение экономического патриотизма и его «ингредиенты» стали отправной точкой наших исследований. Так в опросе респондентов из города и села (г. Иркутск и Осинский район Иркутской области) мы поставили задачу детализировать некоторые аспекты патриотической идентичности в их проблем-

ном содержании. В первую очередь мы учитывали иерархический, уровневый характер психологического феномена «идентичность» [см. 12]. В одном из заданий респонденты по десятибалльной шкале (1 – минимум, 10 – максимум) оценивали её на основе ряда территориальных и социальных сообществ. В русле нашей работы мы предполагали, что вариативность патриотической идентификации (её расположенность на шкале: индифферентность – лояльность – преданность – патриотизм) будет носить оттенки не только территориального, но и национального своеобразия. Детализация в данном направлении показателей таблицы подтвердила наличие иерархических уровней «патриотической идентификации» или отсутствие таковой (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка молодыми респондентами вариантов собственной патриотической идентичности в зависимости от их национальности и места жительства

№	Варианты идентификации	Место проживания респондентов					
		Город			Село		
		Русские	Буряты	Другие	Русские	Буряты	Другие
1	Патриот страны	7,68	7,49	6,73*	8,07*	7,49	7,47
2	Патриот малой родины	7,27	8,04*	6,57*	7,72	8,24*	7,83
3	Патриот родного края	7,14	7,56	6,12*	8,03	8,10	7,33*
4	Патриот Байкальского края	6,70	6,95	5,10**	6,79	6,65	6,56
5	Патриот организации	5,36*	5,31*	5,32*	6,38	6,77	6,00
6	Патриот Земли в целом	4,74*	4,51*	5,60	5,95	5,52	5,67
7	Патриот материка	4,01	4,84	4,78	4,78	5,56*	3,56*
8	Придерживаюсь девиза: «Где хорошо, там и родина»	3,26	3,23	4,04*	3,25	3,85	4,76*
9	Не признаю слова «патриот»	2,00	2,08	2,29	2,24	2,33	2,67*

Примечание: $p \leq 0,05^*$; $p \leq 0,01^{**}$

Данные табл. 1 показывают дифференциацию не только на основе национальных характеристик, но и в зависимости от места проживания респондентов, и выводит на важные для наших рассуждений обобщения, которые мы покажем лишь частично. В первых, представители аборигенного населения – и городские, и, особенно, сельские буряты – оценивают свой патриотизм по отношению к малой родине заметно выше, чем русские и представители других национальностей. Учитывая, что их предки прожива-

ли в Восточной Сибири с давних времён, этот нюанс вполне объясним. У русских респондентов (особенно из сёл) заметно выше патриотизм по отношению к стране в целом. Проблемной также является соответствующая оценка со стороны представителей других национальностей, но, учитывая то, что в большинстве – это представители мигрантов, ситуация вполне объяснима.

Во-вторых, вновь подтвердилось предположение, что в самооценке некоторых вариантов идентификации у сельской молодежи есть заметные отличия от городской. В частности, наиболее значимое различие касается отношения к организации. Если брать экономическую реальность, понятно, что в условиях дефицита рабочих мест во многих сельских поселениях значение организаций-работодателей закономерно возрастает, поэтому цифры, представленные в таблице, закономерны. Да и в целом в деревенском менталитете более высока роль первичных групп, коллективизма.

В-третьих, выше оценки девиза «где хорошо, там и Родина» у представителей других национальностей, и данную, в основном «мигрантскую», закономерность мы кратко проанализировали в теоретической главе. Нельзя не отметить, что городские представители данной категории по сравнению с другими значительно меньше идентифицировали себя с патриотами байкальского края. Соответствующим образом можно объяснить все отмеченные достоверные различия, но это не входит в задачи диссертационной работы.

Важно, хотя бы кратко прокомментировать достаточно высокую оценку в таблице варианта «патриот организации», особенно респондентами из села. Скорее всего, это связано не только с экономическим значением принадлежности к организации в условиях дефицита вакансий на селе, но и с «семейным» составом многих фирм в сельской местности. При этом важно, что сегодня все чаще используются сочетания патриот компании, патриот корпорации, и этот феномен, особенно в своих транснациональных вариантах, порой ни в чем не сочетается с патриотизмом в конкретном отечестве. Причем вряд ли у кого вызовет сомнение факт, что истинный патриот завода или корпорации – это явление экономически выгодное, поскольку преданность человека своей организации сопровождается синергией – более высокой отдачей в труде и социальной активности.

Анализ патриотической идентичности в её уровневых территориальных и этнических вариантах представляет для интеграции

экономики и психологии интерес в перспективном плане. Дело в том, что развитие проблематики экономического патриотизма мы рассматриваем в интеграции с исследованиями Нобелевского лауреата по экономике Д. Акерлофа. Он вместе с коллегой Р. Крэнтон в начале второго десятилетия XXI в. презентовали свою книгу «Экономика идентичности» с ёмким подзаголовком: «Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны». В отзывах говорится, что книга будет истоком новой экономической отрасли, которая включает в себя «человеческие пристрастия». В произведении Акерлофа и Крэнтон много находок, и некоторые из них непосредственно сопряжены с экономической этнопсихологией. В частности, они пишут: «Работы по этнографии показывают, что самомотивация и идентификация с компанией важны для работников на всех уровнях. Роль идентичности в повседневной жизни людей, зарабатывающих «на хлеб», является самым центральным открытием в этнографии [1, с. 63]. При этом Д. Акерлоф и Р. Крэнтон приводят достаточно убедительные данные, основанные на опросе General Social Survey, GSS: 82 % работников были не согласны – полностью или частично – с утверждением, что они обладают малой лояльностью в отношении организации, где они работают, 78 % респондентов соглашались, что их ценности и ценности организации во многом совпадают, 90 % гордились, что они работают на свою организацию [Там же, с. 66]. Если рассматривать психологические категории «лояльность», «приверженность» и «преданность» как своего рода ступеньки к экономическому и/или организационному патриотизму, то приведенные американскими исследователями цифры подтверждают широкие возможности «экономики идентичности» в интеграции исследовательских и практических направлений экономики и психологии. Что важно: проблема «заидеологизированности» понятия экономический патриотизм в такого рода случаях сводится к минимуму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акерлоф Д. Крэнтон Р. «Экономика идентичности». М. : Карьера Пресс, 2011. 224 с.
2. Асмолов А. Г. Интервью о будущем психологии // Электрон. журн. ИП РАН СЭП. 2018. Т. 3, № 1 (9). С. 148–170.
3. Вааль де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М. : Альпина нон-фикшн, 2015. 376 с.
4. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология XX век: Антология. М. : Юрист, 1995. С. 557–603.

5. Верт Л. Экономическая психология. Теоретические основы и практическое применение. Харьков : Гуманит. центр, 2013. 432 с.
6. Винер Н. Корпорация «Бог и голем». М. : Изд-во АСТ, 2018, – 160 с.
7. Гржебин А. Экономическая политика или преодоление трудностей. М. : Терра, 1993. 240 с.
8. Дойдж Н. Пластичность мозга. М. : Изд-во «Э», 2018. 544 с.
9. Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Поснеклассическая перспектива / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М. : Ин-т психологии РАН, 2007. С. 15–32.
10. Иванов М. А., Штроо В. А. Академическая и практическая психология. // Организационная психология. 2018. Т. 8, № 4. С. 137–155. www.orgpsyjournal.hse.ru
11. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М. : Изд-во АСТ, 2019. 653 с.
12. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М. : Изд-во ИП РАН, 2017.
13. Карнышев, А. Д., Винокуров М. А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2010. 480 с.
14. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
15. Луман Н. Введение в системную теорию. М. : Логос, 2007. 360 с.
16. Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Синергетика. Антология. М., СПб. : Центр гуманитар. инициатив. 2013. С. 185–208.
17. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетика. Антология. М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив. 2013 – С. 247–322.
18. Робер М. -А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М. : Прогресс, 1988. 256 с.
19. Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. М. : Проспект, 2008. 512 с.
20. Тард Г. Социальная логика. СПб. : Соц.-психол. центр, 1996 г. 500 с.
21. Ушаков Д. В., Карнышев А. Д. Компетенции, креативность и предпринимчивость как основа инновационных потенциалов личности и группы // Экономическая психология: актуальные исследования и инновационные тенденции : материалы Десятой юбил. междунар. науч.-практ. конф. / ред. А. Д. Карнышев. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. С. 378–392.
22. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978/1979 учебном году. СПб. : Наука, 2010. 448с.
23. Karayon B. Patriotisme économique et mondialisation // *Defense Nationale*. 2006. P. 61.
24. Herzog Ph. Du patriotisme économique au développement partagé // *Confrontations Europe*. 2007. N 77. P. 18 (14).
25. Desmettre Sandra. Les dessous du patriotisme économique // *Regards croisés sur l'économie*. 2008. Vol. 1, N°3. P. 286–290. DOI: 10.3917/rce.003.0286. URL: <https://www.cairn.info/revue-regards-croises-sur-l-economie-2008-1-page-286.htm>
26. Karnyshev A. Le lak Baikal, lieu-ressource pour un développement de la personne et de la communauté, en harmonie avec la nature // *L Ecole sans murs*. Paris : L Harmattan, 2019. S. 101–113.
27. Patriotic attitudes impact on interethnic contacts of national identity and self-assessment / A. Karnyshev, O. Karnysheva, E. Ivanova, N. Gritskikh // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Toms : Siblzdatservis, 2019. P. 882–887.
28. Gritskikh N., Gildebrandt A. Economic Patriotism in Cities and Villages: Differentiating and Integrating Features // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Atlantis Press, 2019. P. 511–514.
29. Gritskikh N., Reshetnikova E., Zagorodniy V. Specifics of Formation of Comfortable SocioCultural Environment as Factor in Formation of Well-Being of Modern Students / N. Gritskikh // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Dushanbe: Siblzdatservis, 2019. P. 145–149

Interdisciplinary Problems and Resources of “Economization” of Psychology

Karnyshev A. D.

Abstract. There are statements of authoritative scientists that a new stage of Psychophysics and psychology is psychology in the image and likeness of Economics. Different options for moving towards this goal necessarily include the ability to integrate scientific areas. Interdisciplinary resources of the scientific branch is its ability to integrate elements of the content of other Sciences into its structure and content, and through this to achieve a synergetic effect. There is an economic psychology which has shown such ability both independently, and in system positions of behavioral (behavioral) economy. Today, its capabilities are tested in the framework of the “identity economy” – an innovative field developed by D. Akerlof – Nobel laureate in Economics.

Considering the psychological categories of “loyalty”, “commitment” and “devotion” as a kind of steps to economic and/or organizational patriotism, numerous hypostases of these phenomena, the article shows the broad possibilities of integration of research and practical areas of Economics and psychology.

Keywords: economic psychology, behavioral (behavioral) economy, interdisciplinary, identity, economic patriotism.

Образ-представление родины как фактор национальной экономической безопасности

Дейнека О. С.

г. Санкт-Петербург, Россия

*Работа выполняется при поддержке РФФИ,
проект № 19-013-00725.*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования образа-представления о родине у студентов (327 чел.), содержащего оценку репутации и роли России на международной арене, оценку ее исторического прошлого, понимание ее миссии. В исследовании использовались метод свободных ассоциаций, шкальный многофакторный опросник представлений о России с учетом информационной культуры респондента и личностные методики, в частности тест «Большая пятерка». Результаты показали, что большинство студентов уважительно относятся к историческому прошлому своей родины. В отношении к современной политике студенты продемонстрировали поляризацию мнений. Готовность к эмиграции как негативный фактор экономической безопасности страны, в основном оказалась связана с экономическим пессимизмом.

Ключевые слова: образ-представление родины, экономическая безопасность, студенческая молодежь, эмиграционные настроения.

Образ родины, страны, нации является частью политического сознания гражданина и влияет на поступки и решения его носителя. Представление граждан о своей стране и разных сторонах ее жизни, в их ретроспективном и перспективном аспектах важно рассматривать как стратегический ресурс обеспечения национальной и, в частности, экономической безопасности.

Как часть человеческого капитала студенческая молодежь рассматривается в контексте экономической безопасности страны, поскольку в перспективе она формирует ее научный потенциал и становится частью класса интеллигенции. Очевидно, что «утечка мозгов» наносит серьезный ущерб государству.

Образ страны, государства, нации как обобщенный образ-представление в политическом сознании [4] обусловлен потребностью человека в ориентации, потребностью человека знать, «где он находится, в каком направлении проявлять активность, какими методами изменять свое положение в политическом, экономическом, правовом пространстве» [6, с. 91]. Глобальное психоманипулирование [1], воздействующее на историческую память [1; 2], социальное восприятие происходящего и ожидаемого в будущем, осуществляется с помощью воздействия СМИиК на человека. В свою очередь, оно опосредуется ближайшим социальным окружением субъекта, позицией группы, к которой он принадлежит, отбором информации, согласующейся с собственными ценностями личности [5].

Геополитические процессы неоднозначно влияют на формирование образа своей родины у молодежи, усиливая поляризацию гражданского сознания [7] молодежи. У части молодежи на фоне западной русофобии создается негативный образ родины, не всегда обоснованное желание искать счастья в других странах. Кроме того, Запад все еще остается шкалой для сравнения социально-экономического развития страны в целом и качества жизни граждан, что отражается на идентификации молодежи со своей страной.

Целью настоящего исследования явилось изучение образа-представления о России в среде студенческой молодежи и поиск личностных коррелятов антипатриотизма, следов глобальной психоманипуляции.

Метод. В исследовании приняли участие 327 студентов разных специальностей и форм обучения в возрасте от 17 до 28 лет, 40 % мужчин и 60 % женщин.

На предварительном этапе на пилотной выборке исследования применялись проективные методики (свободных ассоциаций и незаконченных предложений), с помощью которых был получен материал, предоставивший некоторые опоры для составления основного опросника.

Для реализации основной цели исследования нами (совместно с И. А. Мортиковой) был разработан авторский многофакторный опросник с 7-балльной шкалой. Содержание опросника было представлено двумя блоками. Первый блок был направлен на оценку репутации и роли России на международной арене, оценку ее исторического прошлого, на понимание миссии России, оценку вклада в мировую культуру, также на измерение гражданской гордости и идентификации себя со страной, чувства причастности к нации. Кроме того, измерялась готовность молодежи эмигрировать из страны. Второй блок был направлен на измерение информационной культуры студентов. Дополнительно использовался комплекс личностных методик с тем, чтобы выявить личностные корреляты подверженности деформации образа родины (тест Большая пятерка, шкала враждебности У. Кука-Д. Медлей, тест монетарных девиаций А. Фенема, шкала темного будущего З. Залески, самооценка конкурентоспособности).

Результаты. Результаты частотного анализа прилагательных, характеризующих Россию, в тесте свободных ассоциаций, показали, что 39 % прилагательных содержат негативную оценку, 34 % – положительную и 27 % – нейтральную. Также результаты пилотного этапа исследования показали, что понятие «Родина» у испытуемых чаще ассоциируется с малой родиной (город, дом, семья, природа, люди), и в меньшей степени со страной, государством. Следует отметить, что родина у студентов воспринимается как обеспечивающая безопасность, но не удовлетворяющая желание комфорта.

На основном этапе исследования образа-представления с помощью многофакторного опросника была получена четкая факторная структура из 6 факторов. Они были названы: 1) фактор патриотизма/антипатриотизма, 2) фактор желания/нежелания эмигрировать, 3) фактор понимания миссии России в историческом контексте, 4) фактор информационной культуры как предпосылки уважения к национальному наследию, 5) фактор отношения к предательству ради денег, 6) фактор осознания политической целесообразности воинской повинности.

Фактор патриотизма/антипатриотизма (табл. 1) продемонстрировал противопоставление гражданского, патриотического отношения к родине, с одной стороны, и моделирующего русофобные и оппозиционно-либеральные клише из СМИиК, с другой стороны.

Фактор патриотизма/антипатриотизма

Факторный вес 9.0	
31. Россия должна сохранять свою территорию, несмотря на связанные с этим затраты	-0,653
18. России следует соблюдать свои национальные интересы, несмотря на критику зарубежных политиков и журналистов	-0,594
30. Россия привнесла огромный вклад в миротворчество	-0,559
20. Россия заслуживает уважения на международной арене	-0,516
4. Я понимаю людей, которые принимают участие в боевых действиях за свою страну	-0,423
39. Я горжусь тем, что я гражданин России	-0,400
16. России нужно было согласиться со всеми условиями западных стран вместо того, чтобы страдать из-за санкций	0,685
21. Я доверяю зарубежным СМИ больше, чем российским	0,595
23. Я считаю, что у граждан России нет поводов для гордости за свою страну	0,475
19. Парад, посвященный победе в Великой отечественной войне, – пустая трата денег	0,466
36. Я убежден, что отечественные СМИ манипулируют нашим сознанием больше, чем зарубежные	0,441
25. У России нет успешного независимого будущего	0,440
5. Я не осуждаю журналистов и телеведущих, которые называют Россию агрессором	0,401
32. Я согласен(сна) с теми, кто считает, что россияне должны каяться за политические ошибки прошлого века	0,401

Фактор желая эмигрировать (табл. 2) показал, прежде всего, роль экономических мотиваций как серьезного основания для решения покинуть страну. Как подчеркивает Е. Б. Шестопал, политический образ представляет собой не только отражение реальных характеристик объекта восприятия, но и проекцию ожиданий субъекта восприятия (граждан) [4]. Ожидания материального благополучия в настоящее время не гарантированы для будущих специалистов, но культивируются СМИ через эталоны потребления.

Описательные статистики результатов, полученных с помощью опросника образа-представления о России, свидетельствуют о преобладании позитивной окраски образа России в студенческой среде. По ряду позиций мнения студентов практически однозначны. Студенты ценят вклад российской культуры в мировую (M = 6,18; 1,14). Также почти все респонденты категорически не согласны с тем, что Советскому Союзу правильнее было бы сдать-

ся, а не участвовать в Великой Отечественной войне ($M = 1,61$; $\sigma = 1,14$). При этом на провокативное утверждение о том, что парад Победы в Великой отечественной войне – пустая трата денег, ответ показал низкую степень согласия ($M = 3,46$; $\sigma = 2,11$), но был уже не так однозначен, а солидарность с теми, кто участвует в акции «Бессмертный полк» оказалась ниже середины шкалы ($M = 3,87$; $\sigma = 2,07$).

Таблица 2

Фактор желания эмигрировать

Факторный вес 7.5	
28. Я завидую тем, кто переехал жить из России	0,781
3. Я бы уехал(а) из России при первой возможности	0,740
25. У России нет успешного независимого будущего	0,544
37. В нашей стране все безразличны друг к другу	0,477
23. Я считаю, что у граждан России нет поводов для гордости за свою страну	0,450
17. Внутренние экономические проблемы наносят большой вред репутации России на международной арене	0,414
35. Я бы не стал(а) счастливее, живя в другой стране	-0,696
8. Я убежден, что через 5–10 лет экономическое положение России улучшится	-0,586
39. Я горжусь тем, что я гражданин России	-0,438

Обследованные студенты не согласны с тем, что россияне должны каяться за политические ошибки прошлого ($M = 2,02$; $\sigma = 1,36$). Очень мало студентов, которые стесняются своей страны в обществе иностранцев ($M = 2,11$; $\sigma = 1,54$), и считают, что историческое прошлое не имеет никакого значения для принятия решений о будущем ($M = 2,63$; $\sigma = 1,84$). Низкая степень согласия обнаружена с тем, что у России нет поводов для гордости за свою страну ($M = 2,45$; $\sigma = 1,63$) и высокое согласие с тем, что у России есть чему поучиться ($M = 5,62$; $\sigma = 1,47$).

Что касается современной политики и видения себя в современном мире, то полученные данные свидетельствуют о противоречивости сознания студентов, о поляризации мнений по острым вопросам. Так, большая часть обследованных гордится тем, что они являются гражданами России ($M = 4,91$; $\sigma = 1,50$). При этом больше половины респондентов при первой удобной возможности уехали бы из страны ($M = 4,42$; $\sigma = 1,92$). И согласие с утверждением «Я завидую тем, кто переехал жить из России» тоже оказалось выше середины шкалы, но с большим разбросом мнений

($M = 4,13$; $\sigma = 2,09$). Полученный результат может быть связан не только, а порой и не столько с негативным образом своей страны. Его можно объяснить еще и общей тенденцией повышения ценности мобильности, которая согласно работам социологов, стала самостоятельной ценностью современной культуры [3].

Студенты считают, что Россия заслуживает уважения на международной арене ($M = 5,17$; $\sigma = 1,57$), но не высоко оценивают уровень российской дипломатии ($M = 3,68$; $\sigma = 1,59$). В большинстве своем они не считают ($M = 3,08$; $\sigma = 1,57$), что России нужно было согласиться со всеми условиями западных стран вместо того, чтобы страдать из-за санкций. Они разделяют мнение о том, что России следует соблюдать свои национальные интересы, несмотря на критику зарубежных политиков и журналистов ($M = 4,94$; $\sigma = 1,50$) и сохранять свою территорию, несмотря на связанные с этим затраты ($M = 4,78$; $\sigma = 1,81$).

Респонденты осуждают тех, кто готов за деньги разгласить государственную тайну ($M = 5,80$; $\sigma = 1,73$). А вот мнение, о том осуждать или нет журналистов и телеведущих, которые называют Россию агрессором ($M = 4,08$; $\sigma = 1,83$) разделила обследованную условную группу пополам. Обнаружены противоречия и в оценке миссии России. Студенты не оспаривают вклад России в миротворчество ($M = 4,35$; $\sigma = 1,83$), но не согласны с тем, что миссия России состоит в восстановлении справедливости и мира между народами ($M = 3,21$; $\sigma = 1,83$).

На основе корреляционного и факторного анализа было выявлено, что студенты с более высокой информационной культурой (проявляющие поисковую активность, предпочитающие получать информацию из разных источников), более уважительно относятся к российскому наследию.

Корреляционный анализ данных, полученных с помощью опросника «Образ-представление о России» и теста «Большая пятёрка» (учитывались только корреляции с $p < 0,001$), позволил выделить два личностных качества, которые дифференцируют студенческую аудиторию в их отношении к родине: готовность к сотрудничеству и эмоциональная стабильность.

Для респондентов с высокими баллами по шкале «Готовность к сотрудничеству», а также находящиеся на полюсе стабильности по шкале «Эмоциональная стабильность», характерен более позитивный образ-представление о России, чем у респондентов с низ-

кими баллами. В частности, респонденты, проявляющие высокую готовность к сотрудничеству, выражают осуждение журналистов и телеведущих, называющих Россию агрессором. Также они убеждены, что необходимо соблюдать национальные интересы, несмотря на критику зарубежных журналистов и политиков, соглашались с необходимостью усиления российской армии с целью защиты и сохранения территории, считают неприемлемым полное согласие с условиями Запада во избежание санкций, а также придерживаются мнения о том, что России заслуживает уважения на международной арене. Также им свойственен высокий уровень гражданской лояльности, что проявляется в их солидарности с участниками акции «Бессмертный полк», гордости за свою гражданскую принадлежность, высокой оценке вклада российской культуры в мировую.

Оказалось, что среди тех, кто является носителем деформированного образа-представления родины больше респондентов, получивших высокие значения по шкале «Цинизм» (тест Кука-Медлей). У них выражены пораженческие настроения и пренебрежение к историческому прошлому страны, слабая идентификация с ней, обвинения и претензии к обществу и государству. Если учитывать, что показатели шкалы цинизма «расшифровываются» как склонность к пренебрежительному отношению к морально-этическим ценностям общества, недоверие к способности других людей совершать высоконравственные и альтруистические поступки, сомнения в высоком уровне их компетенции в каких-либо сферах их деятельности, то полученный результат вполне объясним.

Носителями негативного образа-представления родины оказались также студенты с гипертрофированной ценностью денег и готовностью нарушить нравственные нормы ради них (тест монетарных девиаций С. Рубинштейн), а также те, у кого сильна тревога и пессимизм по поводу будущего (по методике Залески) и низкие показатели своей конкурентоспособности.

Требуются огромные временные и ресурсные затраты для построения адекватной картины мира и образа родины у молодого поколения, развития у него устойчивости к глобальным психоманипуляциям, в частности, с учетом психологических рекомендаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гостев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М. : ИП РАН. 2017. 467с.

2. Ковалева Ю. В., Соснин В. А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Соц. и экон. психология. 2017. Т. 1, № 3. С. 83–110. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf>

3. Круталевич А. Н. Мобильность как ценностная характеристика культуры новейшего времени // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2015. № 9 (364). Философия. Социология. Культурология. Вып. 36. С. 71–74.

4. Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестоपाल. М.: Аспект Пресс, 2008. 288с.

5. Юревич А. В., Марченко Ф. О. Эксплицитные и имплицитные представления о зрителе в социально-психологических исследованиях телевидения // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. С. 115–128.

6. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб: СПбГУ. 1992. 232 с.

7. Deyneka O. S. Mass-media influence on national polarization in existential events' reflection // Век информации. 2018 Т. 1, № 2 С. 319–320. URL: <http://jf.spbu.ru/conference/7614/7631.html>

The image of the motherland as a factor of economic security

Deyneka O. S.

Abstract. The article presents the results of a study of the image of the homeland among the students (327 people), containing an assessment of Russia's reputation and role in the international arena, an assessment of its historical past, and an understanding of its mission. The study used the method of free associations, a multifactorial questionnaire of ideas about Russia, taking into account the respondent's information culture and personality methods, in particular the Big Five test. The results showed that most students respect the historical past of their homeland. In relation to modern politics, students demonstrated a polarization of opinion. Willingness to emigrate as a negative factor in the country's economic security was mainly associated with economic pessimism.

Keywords: image-representation of the motherland, economic security, student youth, emigration attitudes

Патриотические чувства в культуре Китая (на примере традиционных боевых искусств)

Гуо Чуньян, Ли Шаолун

Хэнаньский Университет, Китай

(Пер. с кит. яз.: А. О. Егунов)

Аннотация. При изучении оригиналов литературных источников, посвященных Ушу, стиль ЮэЦзяЦюань, было обнаружено, что патриотические чувства по отношению к своему роду, государству и нации являются обязательным элементом в культуре китайских традиционных боевых искусств. Обучая традиционным боевым искусствам сегодня, необходимо внимание уделять воспитанию этики и морали, как неотъемлемых факторов культуры Ушу. Такой подход в преподавании Ушу не поможет сформировать не только деловые, но и высокие моральные качества учащихся. Также переход изучения стилей Ушу от закрытого (наследуемого по роду, как это происходит сейчас) к открытому и общедоступному, мог бы обогатить не только китайскую, но и мировую культуру в целом.

Ключевые слова: чувства к родине, патриотизм, ушу, традиционные боевые искусства, стиль ЮэЦзяЦюань.

1. Чувства к родине и традиционный дух боевых искусств

1.1. Си Цзиньпин о патриотических чувствах к родине

«Семья это маленькая страна, страна это множество семей». История и современность говорят нам, что судьба семьи тесно связана с будущим государства и нации. Положительные изменения в стране начинаются на уровне отдельно взятых семей. Достичь великое возрождение китайской нации является славной и трудной задачей, поколение за поколением китайских людей должно работать в этом направлении вместе. «Прекрасная преданность стране» – цель, преследуемая на протяжении всей жизни. Патриотизм является самой глубинной, самой основной, и самой неизменной социалистической ценностью. Способствующий к сплочению соотечественников, патриотизм на протяжении веков остается основной темой китайских авторов: Фань Чжунъянь, Лу Ю, Вэнь Тяньсян, Линь Цзэсюй, Юэ Фэй, Фан Чжиминь и других.

1.2. Анализ содержания патриотических чувств к родине

В китайском языке иероглиф Дом (Семья) «家» jiā, состоит из двух частей: верхней «宀» mián – Крыша, и нижней «豕» shǐ, – Свинья. Первоначальное значение ключа Крыша толкуется как жилище, дом. Свинья, здесь рассматривается, как старейший вид одомашненного скота, символизирующего достаток оседлой семьи, а также как главное животное, используемое в религиозных жертвоприношениях. Совместное сочетание «宀» и «豕» можно растолковать, также как основу для появления общности интересов: для того, чтобы поддерживать сформированное единство и удовлетворять социальные потребности общины, жителям необходимо проводить обряды жертвоприношения на регулярной основе. Словарь «Происхождение китайских иероглифов» толкует иероглиф 家 Дом (Семья) не только в современном его смысле Жилище или Постройка, сколько подразумевая брак и кровные узы как связующее объединение, включающее в себя имущество, жилище и бытовую организацию членов семьи. Далее, в комментарии к хронике «Чуньцю» «Цзо-чжуань», выделенные местным вассальным князьям уделы, образующие государственную территорию, и передающиеся по наследству также называются Домом (иероглифом 家).

В сформированной, по происхождению конструкции, Под небом (Поднебесная) существует Сын неба (Император); для жалованных Сыном неба государственных Домов (уделов) существует местный вассальный князь; для образованных в уделах Домах (городах) существует местный управляющий чиновник. Сын неба как большой основоположник рода, князя как малые потомки. Государство представлено как более высокая организация по отношению к семье, обоих связывают своеобразные родовые (в отношении старший, младший) отношения. Поднебесная полном своем понимании представляет из себя Большой Дом «Государство-Семья».

Термин «Государство-Семья» можно понимать как единицу, обеспечивающую гармонию групповых интересов, где созданная ей система ценностей, направленная на улучшение жизненных условий народа, используется гражданами в соответствии с индивидуальными устремлениями отдельно взятого человека. Личные интересы человека и государства становятся тесно взаимосвязаны. Появляется добровольное желание человека соблюдать государственные нормы и правила, стать частью процветающей большой семьи – своего народа и страны. Так человек естественным путем наследует культурные традиции и жизненные ценности родного государства, что является фактической основой для возникновения патриотических чувств к своей стране.

1.3. Патриотизм в традиционных боевых искусствах

Развитие китайских традиционных боевых искусств, как сформированной теоретической системы боя, развивалось, в том числе под влиянием таких духовных учений, как буддизм, конфуцианство, даосизм, моизм и других.

В период Сражающихся царств (476/403–221 гг. до н. э.) моизм, также известный, как учение Мо-цзы, проповедовал «ненападение и всеобщую любовь», в конфуцианские заповеди входили такие как: «не соблазниться ни богатством, ни почестями; и в нищете не изменить своим идеалам; не подчинять себе силой». Пример таких героев, как Цзин Кэ, также показывает образец доблести духа неотрывно связанного к культурой традиционных боевых искусств. Все это формировало теоретическую основу, в которой неизменным элементом оставались патриотические чувства по отношению к своему учению, близким, родине.

Во времена династии Сун, в монастыре Шаолинь на основании буддийских заповедей: «не убивать живое, не брать чужого, не блудить, не выражаться необдуманно, не пить вина», установились десять шаолиньских запретов на: возмущение против наставника, скучание по былому, необдуманные выражения, поверхностность мастерства, воровство, безудержные драки, нарушение воздержания, неповиновение приказам, обиду слабого, алкоголь и разврат. В середине 17 века, под влиянием эпохи, шаолиньские Десять запретов редактируются и выглядят следующим образом: учиться искусству мастера, устремиться на восстановление Китая, постоянно прилежно совершенствоваться, не допускать малейшего ослабления, помогать нуждающимся, ставить милосердие в первую очередь, никогда не использовать оружие против слабых, уважать и ценить идеи учителя, почитать старших, отбросить ложные утверждения, воздержание от секса, зависти и жестокости, не быть непочтительным, защищать идеи учителя и разделять наказания за проступки совместно с другими учениками. В мае 1984 г. наставником Шаолиньского монастыря были введены повторные правки, обязательные для исполнения всеми учениками: поддерживать правительство, строго соблюдать дисциплину и законы, защищать интересы своего народа и государства; практиковать преподавание боевому искусству, укреплять здоровье, приносить пользу народу и стране; прививать добродетельные качества учеников по отношению к наставнику, быть смиренным и любознательным в обучении, почитать учителя, благородно нести мораль ушу; почитать родителей, пестовать стариков, сплотиться с народом; непременно удовлетворять призыв государства заступиться за народ, при необходимости дать отпор неприятелю; охранять строительство государства и народные интересы ради развития шаолиньского ушу и возрождения Китая (2, 22–23).

«Ушу выйдет в свет через Шаолинь». Разработанная в монастыре Шаолинь система обучения ушу оказала глубокое влияние на остальные школы китайского традиционного боевого искусства, которые одна за другой стали перенимать опыт легендарного монастыря используя те же элементы системы в своих школах. Общий порядок правил поведения гласил: терпеть трудности при обучении настойчиво практикуя тренировки; ценить идеи учителя и самостоятельно развивать нравственность; быть терпеливым и твердым, покаяя людей своей добродетелью; в сплочении и

дружбе помогать слабым; стоять на защите справедливости обеспечивая мирную жизнь народу; стремиться к истине, смело беря на себя ответственность; быть патриотом и оберегая свою отчизну быть готовым отдать за нее жизнь.

2. Происхождение и наследственность ушу

2.1. Герой Юэ Фэй и стиль Юэцзяцюань

Китайское традиционное искусство имеет глубокую и многогранную историю. Согласно опросу, проведенному в 1990-х гг., было установлено порядка 129 видов боевых искусств. При этом у большинства у них есть легендарные представители, к примеру, в Шаолине это Дамо, в Тайцзи это Чжан Саньфэн, в Тайцзу – Чжао Куаньинь и т. д. Конечно же, стиль Юэцзяцюань не исключение, для представления этого стиля легендарный командир Юэ Фэй является оптимальным вариантом. О легендарных подвигах таких мастеров существует много легенд в культуре традиционных боевых искусств. И хотя ушу как боевое искусство, это всегда история, берущая начало из далекого прошлого, такие легенды являются впечатляющим влиятельным примером для будущих поколений. Обычно все они обладают высокими моральными устоями и отточенным мастерством боевого искусства, они сострадают людям, стоят на защите справедливости и обеспечивают мирную жизнь народу. Они честны и альтруистичны, совершают героические поступки, зачастую жертвуя жизнью, с полной самоотдачей ради не своего собственного блага, но своих соотечественников и государства. Бесспорно, Юэ Фэй и есть образец такой героической личности.

Юэ Фэй родился в эпоху династии Сун в уезде Таньин. Он обрел славу народного героя, командуя доблестным отрядом китайской армии, защищая родину от северных захватчиков. Весь его жизненный путь – это яркий пример служения человека на благо своей родине это видно не только из его легендарных поступков, но и из того наследия, которое он оставил следующим поколениям, помнящим его героизм и по сей день. Помимо героических заслуг великого командира и его патриотического служения своей отчизне, не менее важным оказался его вклад в культуру родной страны.

Совмещение образов легендарных героев и боевого стиля имеет позитивное психологическое влияние на учеников: такой образ создает идеологическую направленность учения, становится образцом для подражания, помогает придать индивидуальность

формируя «лицо» школы. Несомненно, образ Юэ Фея при использовании его в стиле Юэцзяюань, будет способствовать патриотическому настрою учеников данного стиля, формировать из них будущих защитников отчизны, глубоко преданных своей родине.

Patriotic Feelings in the Culture of Traditional Martial Arts of China

Guo Chunyang, Li Shaolong

Henan University, Institute of physical culture China

Социально-психологический анализ миграции населения Дальневосточного и Сибирского федеральных округов и принимаемых к ее снижению мер

Серкин В. П., Штроо В. А.

г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются статистические данные об особенностях миграции населения из Дальневосточного и Сибирского федеральных округов Российской Федерации за последние пять лет. Статистические данные свидетельствуют о постоянном снижении численности населения этих регионов, однако фактически отсутствуют сведения о субъективных причинах миграции. В статье рассматриваются социально-психологические причины миграции (выявленные в ходе опросов) и государственные меры, принимаемые к снижению. Итоги рассмотрения приводят к выводу о том, что сегодня в ДВФО и СФО нет единой системной стратегии, которая позволила бы реально снизить потоки миграции населения этих регионов.

Ключевые слова: миграция населения; причины миграции; Сибирский федеральный округ; Дальневосточный федеральный округ.

Общая ситуация. Миграционные процессы в целом обусловлены влиянием множества факторов: экономическими, демографическими, политическими, этническими, природно-климатическими. Направленность и интенсивность миграционных потоков вызваны неравенством регионов в социально-экономических условиях и комфортности проживания. Так, например, темпы роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы населения на Дальнем Востоке отстают от среднероссийских показателей. В то же время все дальневосточные субъекты РФ в результате повышенной стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг попадают в первую двадцатку самых дорогих регионов страны [2; 12; и др.].

Обратимся к статистической информации. Статистические данные за 2018 г. нас не радуют, показывая незначительное общее уменьшение численности населения страны. Если же обратить внимание на данные численности населения (табл. 1). Дальневосточного федерального округа (далее – ДВФО) и Сибирского федерального округа (далее – СФО), то продолжающееся уже много лет сокращение населения этих обширнейших (самых больших по территории) округов вызывает особую озабоченность.

Таблица 1

Численность населения на 1 января с 2014 по 2019 г.¹

Годы	Дальневосточный ФО	Сибирский ФО
2014	6 226 640	19 256 426
2015	6 211 021	19 251 876
2016	6 194 969	19 278 201
2017	6 182 679	19 326 196
2018	6 165 284	19 287 474
2019	6 139 533 С присоединенными – 8 188 594 ²	19 222 246 Без присоединенными к ДВФО – 17 173 185 ²
Разница 2019–2014 гг.	–1,4 %	–0,5 %

Сокращение численности населения по регионам происходит неравномерно. В ДВФО в Республике Саха (Якутия) численность населения увеличивается, а в регионах «рекордсменах» по относительному, т. е. в процентах, сокращению численности населения эта величина превышает 6 % (табл. 2). При простейшей линейной экстраполяции таких тенденций менее чем через 75 лет в этих регионах вообще не останется населения.

Несколько лучше, чем в ДВФО, статистика выглядит в СФО, но и здесь наблюдаются те же тенденции. Увеличилось количество населения в трех регионах СФО из десяти (Республика Алтай, Республика Тыва и Новосибирская область). В последний год начало уменьшаться количество населения в Красноярском крае и в Республике Хакасия. В последние три года ежегодно уменьшается количество населения в Омской и Томской областях. В осталь-

¹ Здесь и далее (табл. 1–3) численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 г. Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2014–2019.

² Связано с присоединением (указом В. В. Путина) к ДВФО Забайкальского края (1 065 785 чел.) и Бурятии (983 276) и выведением их из состава СФО. Всего – 2 049 061 чел.

ных регионах СФО все годы наблюдается уменьшение количество населения. Соответственно, в регионах «рекордсменах» СФО по относительному (в процентах) сокращению численности (табл. 3) эта величина превышает 2 %.

Таблица 2

Численность населения в регионах ДВФО на 1 января с 2014 по 2019 г.

Годы	Магаданская обл. ¹	Еврейская АО
2014	150 312	170 377
2015	148 071	168 356
2016	146 354	166 120
2017	145 570	164 210
2018	144 091	162 014
2019	141 231	159 873
Разница 2019–2014 гг.	-6 %	-6,2 %

Таблица 3

Численность населения в регионах СФО края на 1 января с 2014 по 2019 г.

Годы	Алтайский край	Кемеровская обл.	Забайкальский край ²
2014	2 390 638	2 734 075	1 090 344
2015	2 384 812	2 724 990	1 087 452
2016	2 376 774	2 717 627	1 083 012
2017	2 365 689	2 708 844	1 078 983
2018	2 350 080	2 694 877	1 072 806
2019	2 332 511	2 674 283	1 065 785
Разница 2019–2014 гг.	-2,4 %	-2,2 %	-2,2 %

Основываясь на тех же данных, можно утверждать, что и в ДВФО, и в СФО миграция за пределы федеральных округов, в основном, представлена городским населением, миграция в пределах округов в крупные города представлена населением малых городов и сельским населением, миграция в пределах регионов в города – сельским населением. Таким образом, территории большинства регионов ДВФО и СФО вне городов в буквальном смысле слова пустеют, т. е. жителей на этих территориях остается все меньше или вообще не остается (особенно на территориях вне малых городов Магаданской области и Чукотки)³, что собственно

¹ В период с 1988 по 2016 г. численность населения области уменьшилась в 2,7 раза [1].

² Присоединен к ДВФО (из СФО) в 2018 г.

³ Эти же тенденции наблюдаются и в Республиках СФО и ДВФО, однако специфические особенности их развития в предмет данной статьи не входят.

соответствует ставшей уже спорной после «корректировок» Стратегии пространственного развития Российской Федерации [7].

Основной причиной сокращения населения регионов в опубликованных статотчетах называется отрицательное сальдо миграции, однако причины миграции либо вообще не разбираются, либо публикуются без каких-либо ссылок на опросы и других обоснований.

Миграционная мобильность – одна из возможностей человека реализовать (приблизить) свое представление о «нормальной» жизни. Сегодня большей частью мигрантов из ДВФО и СФО являются люди трудоспособного возраста и их дети, которым легче преодолеть «ловушку бедности»¹. Это, отчасти, обуславливает и тренд старения населения округов.

Причины миграции и их анализ. Основные причины миграции по России в целом, указанные в Социальном бюллетене Аналитического центра при Правительстве РФ (*уровень экономического развития регионов, параметры уровня жизни населения, уровни развития и доступность объектов социальной инфраструктуры в регионах, уровень преступности*) продолжают действовать в ДВФО и СФО, увеличивая миграцию из округов.

К неблагоприятным параметрам миграции следует отнести (не компенсирующее миграционный отток) замещение выезжающих из округов граждан РФ трудоспособного возраста мигрантами из стран ближнего зарубежья, как правило, имеющими значительно более низкий уровень образования и квалификации. Часть мигрантов не имеет регистрации на территории РФ, что является предиктором как нарушения прав мигрантов, так и роста административных (со стороны работодателя) и уголовных правонарушений (последнее еще более способствует миграции граждан РФ из регионов).

В упоминаемом выше Социальном бюллетене не указан еще один *важнейший фактор миграции выпускников школ* из всех регионов РФ в обе столицы (Москва, Санкт-Петербург) и в наиболее крупные города РФ – ЕГЭ. Лучшие выпускники всех школ всех регионов рассылают результаты ЕГЭ, зачисляются и, чаще всего, навсегда уезжают из мест проживания. Такая миграция молодежи для ДВФО и СФО имеет наиболее ярко выраженный «западный

¹ Термин, обозначающий невозможность мигрировать при наличии желания из-за отсутствия средств на переезд и минимальное обустройство.

тренд¹». Кроме того, образовательные учреждения высшего профессионального образования малых городов ДВФО и СФО в этих условиях теряют свою образовательную градообразующую функцию² (воспроизводство культурно-профессиональной структуры сообщества), что неизбежно приводит к их стагнации (вплоть до закрытия) и дальнейшему уменьшению населения малых городов округов [14].

В 2015 г. ВЦИОМ провел опрос жителей Дальнего Востока. Выяснилось, что 40 % из них хотят уехать. Эти данные перекликаются и с другими, подобными исследованиями, проводимыми ранее. По ответам респондентов можно было выявить следующие причины этого явления: состояние ЖКХ (44 % опрошенных), алкоголизм и наркомания (38 %), состояние дорог (33 %), коррупция в органах власти (29 %) и большое число иммигрантов (22 %) [17].

В отчете 2014 г. по гранту РГНФ «№ 12–09–0054 «Невроз отложенной жизни: специфика образа мира и образа жизни» [5] изложены следующие причины миграции в ЦРС, указанные жителями Камчатской области, Магаданской области, Приморского края и Чукотки (более 350 человек):

1. Более низкий, чем в центральных районах страны (далее ЦРС) уровень жизни.

2. Невозможность найти хорошо оплачиваемую работу.

3. Низкие зарплаты, меньшие базовые ставки оплаты труда за аналогичную работу.

4. Худшие климатические условия³.

5. Незрелость (худшая развитость) инфраструктуры, особенно коммуникаций. Соответственно, меньше возможностей получать качественные инфраструктурные услуги (прежде всего: здравоохранение и образование)⁴.

6. Более высокий, чем в ЦРС уровень коррупции и кумовства.

7. Более высокие цены на продукты питания и другие товары.

8. Худшая структура питания. Дефицит и дороговизна свежих овощей и фруктов⁵.

¹ Термин, обозначающий преимущественное направление миграции из ДВФО и СФО, а также из южных и северных регионов РФ в ЦРС.

³ Подтверждается данными 2017 г. См. [10].

⁴ П. П. 1–3 указываются в наших первых опросах еще с 1996 г.

⁵ Подтверждается данными 2018 года. См.: [11].

9. Незрелость коммуникаций (в том числе – интернет-коммуникаций)¹.

10. Меньше возможностей для социальной мобильности и социальной адаптации (поиск работы, устроить свою судьбу, поиск партнера, ограниченный бизнес...).

11. Нарастающий разрыв уровней жизни внутри региона².

12. Северный (региональный) жизненный сценарий.

Последняя причина подробно раскрывалась в наших работах ранее [13; 15] поэтому здесь лишь кратко опишем ее суть: в период наиболее активного заселения северных и дальневосточных регионов РФ люди, привлеченные тогда региональными (северными) надбавками ехали в эти регионы, но многие вовсе не собирались в них жить постоянно. Типичный северный сценарий времен СССР (он же – сценарий отложенной жизни) – заработать денег, купить в своем регионе ЦРС³ квартиру, машину, гараж и дачу и зажить там комфортно «настоящей жизнью». Однако реализовать сценарий отложенной жизни быстро не удавалось, и для большинства он растягивался до выхода на пенсию, что и обусловило название. В конце 80-х проявилась первая массовая волна миграции, связанная со сценарием отложенной жизни (у людей, приехавших в первые годы введения надбавок – начало 60-х), что обусловило отрицательное сальдо миграции населения из некоторых северных и дальневосточных регионов еще до экономического кризиса начала 90-х гг.⁴ Северный сценарий по принципам «родительского программирования» [4] передан и детям, родившимся в последние четыре десятилетия уже на Севере и Дальнем Востоке, и до сих пор является одним из очень весомых факторов миграции, усиливая западный тренд или даже являясь одной из его причин.

Мы предполагаем, что именно вышеприведенные перечни причин наряду с вышеуказанными общероссийскими и сегодня обуславливают и величину, и направление миграции из ДВФО и СФО.

Желающих переехать может быть еще больше, чем выявляется соцопросами (от 40 % в миграционно депрессивных регионах СФО до 70 % (!) в Магаданской области). Например, в наших

¹ Указывается в опросах с начала 2000-х.

² По исследованиям 2013 и 2014 гг. Аналогично у других авторов (см., например, [6]). Тенденция усиливается и ведет к росту протестных настроений [3; 8 и др.].

³ Центральные районы (регионы) страны.

⁴ Например, в Магаданской области с 1988 г.

опросах [5] респондент на прямой вопрос о желании переехать отвечает «Нет», но через несколько вопросов на вопрос «Что бы Вы сделали, если бы у Вас были деньги?» отвечает: «Купил бы домик с участком в Подмоскovie». «Что бы Вы выращивали на своем участке?» – «Вишню, клубнику, арбузы», – т. е. то, что не растет в регионе проживания респондента.

В целом миграционная динамика имеет свои территориальные различия. Жители СФО по сравнению с ДФО более подвижны, и потоки перемещения мигрантов для них более очевидны, если рассматривать лишь абсолютные величины. Однако в силу существенной разницы в численности населения миграционные потери для дальневосточных регионов более значимы. Более того, в статистической отчетности эта ситуация сглаживается за счет зарубежных мигрантов, поэтому потери собственного населения дальневосточных регионов еще более угрожающие [18]¹.

Кроме вышеперечисленных, определенных эмпирическим путем причин миграционного оттока населения ДВФО и СФО можно предположить путем обзора литературных источников и теоретического анализа следующие причины:

1. Уменьшение населения, рост бедности, дифференциация по уровню доходов и замена квалифицированных специалистов неквалифицированными ведет к падению качества человеческого капитала (меньше инноваций, меньше рост производительности труда, меньше рабочих мест, стагнация и пр.), что, в свою очередь, ведет к росту миграционных настроений (по аналогии с неврозом отложенной жизни – «миграционный невротический круг» регионов). Следует заметить, что качество человеческого капитала пока не оказывает заметного влияния на экономику регионов с сырьевой направленностью промышленности (Мельников, Тесленко, 2018), впрочем, лишая эти регионы инновационного потенциала.

2. Увеличивающаяся в связи с развитием средств связи (коммуникации) и транспорта свободы перемещения обуславливает отъезд населения регионов и перемещение капиталов в большие города (для ДВФО – Владивосток, Хабаровск; для СФО – Красноярск, Новосибирск, Томск) округов и в ЦРС.

¹ Еще одна причина, не указанная в данной статье – центральные регионы просто гораздо ближе для жителей СФО, чем для жителей ДВФО (доехать и быстрее, и гораздо дешевле).

3. Попадание в общий тренд развития когнитивного капитализма – слом старой системы «государства всеобщего благоденствия»¹.

4. Накладывание (усиление) старых миграционных сценариев (северный, региональный) на новые (1–3 в этом списке).

5. Низкая «приживаемость» мигрантов (климат, инфраструктура, доходы, отношение работодателей).

6. «Высасывание» ресурсов из регионов (крупные сырьевые компании: минеральные и биоресурсы (лес, морепродукты и др.)) работают в регионах, а значительная часть налоговых поступлений уходит в бюджет городов и регионов ЦРС, так как там расположены и центральные офисы (регистрация), и структуры управления (в том числе – финансовые).

Принимаемые меры и их анализ. Нельзя сказать, что Правительством РФ не принимается никаких мер по изменению миграционных трендов и их причин, но проводимая работа несистематична² (и исследовательская, и проектная) и на существующем уровне вряд ли может обеспечить сколько-нибудь значимые изменения.

Рассмотрим, однако, некоторые из предпринимаемых действий:

1. Госпрограмма переселения соотечественников. По данным Росстата [16] за 2016 г. на 10 тыс. человек населения прибывало в ДВФО 11 (10,8) человек, в СФО – 10 (9,7) человек [Там же, с. 35]. Небольшое количество, учитывая численность населения этих округов. Данных после 2016 г. авторам обнаружить не удалось, однако отмечается как снижение финансирования этой Госпрограммы, так и снижение количества переселенцев.

2. В последние годы отмечен тренд назначения с последующим избранием губернаторов-«варягов» в регионы ДВФО и СФО. «Варяги», в свою очередь, набирают команды аппаратов администрации из регионов прибытия. Такие менеджеры зачастую плохо знакомы с местными условиями и, кроме того, часто демонстрируют нежелание работать при принятии решений как с местными учеными-специалистами, так и со специалистами-прикладниками. Результатом становится повторение уже не раз пройденных и заранее очевидных для местных специалистов в регионах ошибок,

¹ Причины 1–3 в несколько иной редакции описаны в теоретической части работы Барбарук Ю. и А. Барбарук [1].

² Например, данная статья написана на основе чистого интереса и энтузиазма авторов.

потеря специалистов, скептическое отношение населения к администрации и т. п. Кроме того, некоторые команды «варягов» не скрывают, а иногда и демонстрируют, что не собираются связывать свою жизнь с регионом, что, естественно, вызывает у местного населения отношение к ним, как к очередным чиновникам-временщикам серии «УУ¹».

3. Пока нет достоверных данных, но, по предварительным беседам с 30 респондентами, проведенный в 2018 г. первый этап пенсионной реформы негативно отразился на миграционных настроениях жителей северных регионов («наверное, уеду»), ранее собиравшихся доработать до северной пенсии или заработать северный пенсионный стаж.

4. Особо следует сказать о плохо продуманной программе «Дальневосточный гектар». Авторы опросили в свободной форме (сетевой опрос, 63 человека) взрослых дальневосточников о том, почему они не спешат взять этот «бесплатный» гектар. Опрос нельзя пока считать репрезентативным, однако предварительно ответы можно объединить в следующие 6 групп:

А. Делал заявку – отказали (нет земельного кадастра, земля уже в пользовании – хотя на карте не указано, земля не предназначена для программы – на карте не указано, природоохранная зона – опять на карте не указано и т. п.).

Б. Все приличные подходящие участки (близко коммуникации и населенные пункты) уже застолблены чиновниками или их родней.

В. Далеко, нет коммуникаций, а кредиты под такие проценты, что никогда с гектара не оправдаешь.

Г. Гектара мало. На Дальнем Востоке (особенно на Севере ДВ) с гектара неугодий (тундра, лес, горы, болота и пр.) даже корову не прокормишь.

Д. Нет гарантии, что через год-два-три тебя не заставят заплатить безмерный налог за землю, причем задним числом (то есть будешь уже много-много должен, не зная об этом).

Е. Специфические трудности на уровне муниципалитетов, обусловленных а) неумением и неподготовленностью сотрудников работать по программе; б) недостаточно проработанными кадастровыми картами.

¹ «Урвать и удрать». См. [15].

Пример: один из авторов статьи пытался летом 2018 г. начать деятельность на выделенном по его заявке муниципалитетом гектаре, но сразу же столкнулся с трудностями уже на этапе определения координат: координаты и место выделенного участка, указанные муниципалитетом, не совпадали с определенными с помощью специалистов и самой современной авиационной навигационной техники (первоначально выданные по карте находились в гористой лесотундре примерно в 240 км от дороги). Сотрудницы в телефонном разговоре признались, что не умеют точно определять координаты и дали телефон кадастрового инженера. Тот, в свою очередь, согласился выехать на машине автора к участку, запросив за получасовую поездку и определение (подтверждение своей должностью) 4-х точек у дороги 22 тыс. рублей. То есть, даже границ участка еще нет, а траты уже начинаются. Какой здравомыслящий человек начнет вкладываться (труд, время, деньги, материалы, согласования и пр.) в освоение дальневосточных земель на таких условиях?

При Столыпинской реформе крестьяне безвозмездно получали в собственность (!) сотни гектаров, материалы, инструменты, семена, беспроцентные (!) и безвозмездные (!) кредиты-ссуды и пр. Если сравнить эти реальные льготы и помощь при Столыпинской реформе с льготами и помощью (вернее – с их почти полным отсутствием) сегодня, то становится четко понятной непродуманность и непроработанность программы «Дальневосточный гектар». Если же сравнить условия программы ДВ-гектар, например, с сегодняшними условиями (климат, инфраструктура, поддержка, риски) конкурирующей по направленности программы «Ленинградский гектар», то остается только удивляться тому, что вообще находятся люди, вошедшие в эту программу.

5. В связи с программами выплат подъемных и повышенной зарплаты приглашенным специалистам есть риск столкнуться с теми же проблемами, с которыми уже сталкивалось в начале введения региональных надбавок хрущевское правительство СССР: первоначально надбавки выплачивались только приезжим, что привело к отъезду при окончании контракта или вообще при любой возможности уже ранее работающих и прижившихся в регионах специалистов (психологический параметр – обида, чувство несправедливости – превратился сразу же в социологический, экономический, демографический и пр.). Хрущевское правительство

нивелировало эту проблему путем выплаты надбавок всем, проживающим в регионах.

Следует также отметить (нормальная конкуренция за специалистов), что иногда размер выплат, предлагаемых в более экономически благополучных регионах ЦРС будущим сельским учителям, врачам и другим специалистам, ощутимо превышает размер выплат, предлагаемых при переезде в регионы ДВФО и СФО.

6. Формализация предпринимаемых мер (оптимизаций), требование «работать на показатели» без учета специфики регионов может привести к тому, что нормально действующие в ЦРС программы приведут к негативным последствиям на отдаленных малозаселенных территориях. Например, концепция укрупнения медицинских центров в регионах ДВФО и СФО может привести к тому, что жители окажутся на расстоянии десятков и сотен километров от такого центра, т. е. к нивелированию региональной системы здравоохранения (Барбарук, Барбарук, 2018).

Необходимо отметить, что при попытках разработки мер по нивелированию действующих миграционных процессов (начиная с Госпрограмм) полностью отсутствуют социологические и другие исследования по ключевым для проблемы вопросам респондентам: «Что Вам необходимо, чтобы Вы не уехали из региона?». Такой вопрос задавался в нашем исследовании¹ (Высочил, Серкин, 2014), однако для его обсуждения потребуется отдельная статья.

Общий вывод. К сожалению, сегодня в ДВФО и СФО нет проработанной единой системной стратегии, нет системы принимаемых мер по снижению уровня оттока населения, а предпринимаемые меры можно охарактеризовать как «судорожные» действия, призванные продемонстрировать «оперативное реагирование» чиновников государственного и муниципального управления, фокусирующиеся скорее на последствиях, а не на причинах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбарук Ю. В., Барбарук А. В. Реформа здравоохранения в условиях периферии: социологическое исследование на основе экспертных интервью // Вестн. науки и образования. № 9 (45). 2018. С. 117–122.

2. Басарева В. Г., Михеева Н. Н. Сибирский федеральный округ: что мешает экономическому росту // Регион: экономика и социология. 2017. № 2. С. 104–125.

3. Беляева Л. А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестн. Инс-та социологии. 2018. № 26. С. 83–100.

¹ Два наиболее частотных ответа в 2012–14 г. г. достойная зарплата (заработок) и решение жилищной проблемы.

4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М. : Прогресс, 1993. 358 с.
5. Выскочил А. А., Серкин В. П. Отчет по гранту РГНФ № 12-09-0054 «Невроз отложенной жизни: специфика образа мира и образа жизни». На правах рукописи.
6. Калугина З. И. Сибирь в ракурсе человеческого развития // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 110–132.
7. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии / Е. А. Коломак, В. А. Крюков, В. Е. Селиверстов, В. И. Суслов, Н. И. Суслов // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 264–287.
8. Мареева С. В. Социальное неравенство и социальная структура в современной России // Вестн. Ин-та социологии. 2018. № 26. С. 101–120.
9. Мельников Р. М., Тесленко В. А. Оценка влияния человеческого капитала на экономическую динамику российских регионов // Регион: экономика и социология. 2018. № 1. С. 93–115.
10. Мкртчян Г. М., Блам И. А., Ковалев С. Ю., Цвелодуб Ю. О. Влияние климата на субъективные оценки благосостояния домашних хозяйств в России // Регион: экономика и социология. 2017. № 3. С. 254 – 276.
11. Микушева Т. Ю. Различия северных регионов России по потреблению основных продуктов питания // Регион: экономика и социология. 2018. № 3. С. 77 – 96.
12. Рязанцева М. В., Сеницына М. О. Анализ причин усиления миграционных процессов на территориях опережающего развития дальнего востока // Междунар. журн. приклад. и фундам. исслед. 2016. № 6/5. С. 936–940.
13. Серкин В. П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20–23.
14. Серкин В. П. Проблемы системы образования коренных малочисленных народов Северо-Востока России в конце XX в. Магадан: Кордис, 1998. 36 с.
15. Серкин В. П. Социально-психологические причины миграции населения Северо-Востока России // Личность в экстремальных условиях. Вып. 2 : сб. науч. тр. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А. А. Бучек, Ю. Ю. Неяскиной, М. А. Фризен ; КамГУ им. Витуса Беринга. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С. 161–177.
16. Соц. бюл. Аналит. центра при Правительстве РФ. 2018. № 11 (май).
17. Фокина Е. С. Причины миграционной подвижности на Дальнем Востоке // Учен. заметки ТОГУ, 2015. Т. 6, № 4. С. 211–215.
18. Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 2. С. 485–501.

Social and Psychological Analysis of the Population Migration from the Far Eastern and Siberian Federal Districts and the Measures Taken to Reduce It

Serkin V. P., Stroh V. A.

Abstract. The article discusses statistical data on the features of migration from the Far Eastern and Siberian Federal Districts of the Russian Federation over the past five years. Statistics show a steady decline in the population of these regions, but in fact there is no information about the subjective causes of migration. The article discusses the socio-psychological causes of migration (identified during surveys) and government measures taken to reduce. The review results lead to the conclusion that today there is no unified systemic strategy in the Far Eastern Federal District and the Siberian Federal District, which would really reduce migration flows in these regions.

Keywords: population migration; reasons for migration; Siberian Federal District; Dal-nevostochny Federal District.

Чувство патриотизма и типы патриотического поведения в условиях психологической поляризации общества

Лебедев А. Н., Гордякова О. В.

г. Москва, Россия

*Исследование проводится при поддержке РФФИ
(грант № 17-29-02104 офи_м «Индикаторы и предикторы
психологического состояния российского общества»)*

Аннотация. Рассматривается феномен психологической поляризации общества, изучаемый в рамках макропсихологического подхода. В соответствии с данным подходом феномен психологической поляризации общества (ППО) выступает критерием его психологического состояния (ПСО). Было проведено исследование, в котором на всех его этапах приняли участие более 800 человек от 16 до 72 лет (47 % мужчин и 53 % женщин). В исследовании по индивидуальному типу психологической поляризации респонденты были разделены на «позитивных» и «негативных». На основе разработанного опросника типов патриотического поведения было установлено, что «позитивные» респонденты чаще проявляют «идеологический» тип патриотического поведения, «негативные» чаще демонстрируют «проблемный». Это позволяет судить об индивидуальной психологической поляризации респондента по типу его патриотического поведения.

Ключевые слова: психологическая поляризация, чувство патриотизма, тип патриотического поведения

Феномен психологической поляризации общества в настоящее время отечественной психологии рассматривается в рамках макропсихологического подхода. По мнению Журавлева А. Л. и Юревича А. В., макропсихологический анализ состоит в изучении социальных процессов, соразмерных обществу в целом. Как отмечают авторы, в фокусе внимания отечественных ученых должны оказаться макропсихологические проблемы, которые появляются, например, в связи с изменением морально-этических норм поведения граждан и ценностей, которые вызваны культурной травмой, реформами нравственных идеалов и ценностных ориентаций, революциями и др. [2; 12].

Одним из объектов исследования в макропсихологии становится понятие психологического состояния общества (ПСО). Психологическое состояние общества – понятие, которым обозначают совокупность психологических характеристик большой, относительно изолированной, группы людей с учетом объективных, экс-

партных и субъективных оценок ее благополучия в определенный момент или за определенный период времени [11; 6; 7].

В соответствии с макропсихологическим подходом, психологическое состояние общества может определяться на основе как объективных, так и субъективных оценок. В этом случае часто возникают ситуации, когда такие оценки существенно различаются. Эти различия нередко ставят исследователей в тупик, например, при изучении характеристик объективного и субъективного экономического благополучия [10], при определении так называемого индекса счастья [1] и др. Например, люди с низкими доходами порой утверждают, что они вполне удовлетворены своим экономическим положением. Во многих экономически слаборазвитых странах измеряемый социологами индекс счастья оказывается намного выше, чем в благополучных и т. д.

В ряде исследований, выполненных в рамках макропсихологического подхода, представлена модель, в соответствии с которой психологическое состояние общества оценивается на основе понятия психологической поляризации общества (ППО). В этом случае ППО возникает как результат осознания большими группами населения объективной социально-экономической, политической и социокультурной поляризации [6; 7].

Очевидно, что ПСО нельзя оценивать по результатам опросов представителей отдельных социальных групп, если в стране возникает какая-либо значительная поляризация. В этом случае мнения разных групп населения могут не только существенно различаться, но оказываются противоположными по важным для оценки ПСО вопросам. Гипотетически, чем ниже уровень какой-либо поляризации в обществе, тем более точными могут быть оценки его психологического состояния, определяемые на основе выборочных исследований.

В социологической литературе поляризацией часто называют усиление различий в положении различных групп населения, в результате которых возникает их противостояние друг другу. По мнению Г. В. Осипова, одна из задач социальной политики государства – предотвращение перерастания социальной поляризации в открытые социальные конфликты [9].

В социальной психологии первоначально широко применялся термин «групповая поляризация». В 1969 г. С. Московиси и М. Заваллони опубликовали статью, в которой предложили объяс-

нение феномену «сдвига к риску», обнаруженному в условиях эксперимента Дж. Стоунером в 1961 г. Они утверждали, что характер взаимодействия в группе во время дискуссии усиливает «приверженность норме», которая поляризует группу. Когда группа или индивидuum тщательно обдумывают различные альтернативы и аргументы, которые до этого казались несущественными, они напротив часто «приобретают больший вес». Участники дискуссии, погружаясь в проблему, становятся более уверенными в своей правоте [15].

Французский психолог В. Дуаз, обратил внимание на то, что поляризация суждений членов группы также происходит, если они задумываются о возможном мнении своих оппонентов вне группы. При этом собственные наиболее существенные для них мнения кажутся им еще более важными и даже могут стать радикальными [13].

А. Лейджервуд и С. Чейкен в 2007 г. изучали проблему изменения установок у людей с разными политическими взглядами, а именно, республиканцев и людей с демократическими взглядами. В соответствии с предложенной ими концепцией, собственные установки человека, возникающие под влиянием членов in-группы, влияют на восприятие установок других людей. В исследовании его участники, находясь под психологическим контролем членов in-группы, выше оценивали их более экстремальные политические высказывания [14].

Таким образом, было показано, что в социальной группе в процессе дискуссии человек, занявший в дискуссии активную полярную позицию, как правило, уже не принимает противоположную точку зрения. Он просто «убеждается в своей правоте» в еще большей степени. Те, кто не имел мнения, в этом случае, обычно, принимают точку зрения одной из сторон, аргументы которой им кажутся более убедительными.

Несмотря на то что первоначально явление поляризации изучалось в малых группах, С. Московиси позже стал рассматривать его на уровне больших социальных групп. Он показал, что противостояние людей, имеющих какие-либо убеждения, лишь укрепляется в процессе борьбы и конфликтных отношений, и редко меняется на противоположное в процессе дискуссий или политического противостояния.

По мнению многих исследователей, политиков и государственных деятелей тенденция к поляризации общества в послед-

ние годы усиливается. В результате мнения людей по многим жизненно важным вопросам группируются вокруг двух противоположных мировоззренческих полюсов. Это вопросы эффективности экономики и уровня жизни, отношение к религии и науке, к внешней и внутренней политике и др. Данное явление наиболее отчетливо проявляется в случае накопления проблем и противоречий в обществе, например, в результате увеличения разницы между наиболее и наименее обеспеченными группами населения. Психологическая поляризация часто проявляется на уровне высших социальных эмоций (чувств), например, в различных типах патриотического поведения [8].

Без всякого сомнения, любое независимое государство в наше время способно самостоятельно и эффективно развиваться только в том случае, если большинство его граждан характеризуется высшими социальными чувствами. Среди тем, наиболее обсуждаемых в отечественных средствах массовой информации, тема патриотизма сегодня является, пожалуй, одной из самых острых. Чувство патриотизма как объект исследования в настоящее время привлекает все больше психологов [4; 5; 6–8; 12].

Теоретический анализ проблемы с учетом литературных источников, показывает, что в психологии феномен патриотизма целесообразно рассматривать, как минимум, в двух аспектах: как высшее социальное чувство [3] и как форму социального поведения [8]. Как социально ориентированное чувство отдельного человека патриотизм может и должен оцениваться по интенсивности, наряду с другими высшими социальными чувствами. В этом случае патриотизм может измеряться одной однополярной или биполярной шкалой. Когда патриотизм рассматривается как поведение, могут быть выделены несколько существенно различающихся между собой типов [6; 7]. То есть, применяя известную терминологию А. Н. Леонтьева, можно сказать, что чувство патриотизма «опредмечивается» в типах патриотического поведения.

И даже в тех ситуациях, когда человек не чувствует себя патриотом в той степени, которая необходима для какой-либо активной деятельности, он вынужден, находясь в обществе, придерживаться соответствующих социальных норм. А это, по нашему мнению, также следует рассматривать как проявление определенной формы патриотического поведения, несмотря на то что оно осу-

ществляется этим человеком с минимальным уровнем патриотического чувства.

Для изучения типов патриотического поведения нами был разработан опросник, выявляющий тенденцию к определенному преобладающему у человека типу патриотического поведения. Данные выделенные на основе факторного анализа типы патриотического поведения получили названия: «идеологический», «проблемный» и «конформный». Позже были выделены несколько подтипов конформного типа поведения. Также были установлены некоторые связи типов патриотического поведения с некоторыми индивидуально-психологическими, личностными и другими характеристиками респондентов.

Для проведения исследований применялся ряд методик (РФ Кеттелла, методика субъективного экономического благополучия В. А. Хащенко, Шкала субъективного благополучия, методика семантического дифференциала Ч. Осгуда, анкетирование, методика УСК Дж. Роттера и другие). На разных этапах исследования в нем приняли участие более 800 человек (16 до 72 лет (47 % мужчин и 53 % женщин). В качестве таковых были выбраны специалисты в области госслужбы, предпринимательской деятельности, управления, производства. В исследовании принимали участие респонденты с образованием в сфере управления, экономики, юриспруденции с различным опытом работы, а также – пенсионеры и студенты экономических специальностей Финансового университета при Правительстве РФ и студенты психологических специальностей Московского института психоанализа.

Среди респондентов, принявших участие в исследовании, 69 % оценили свое экономическое благополучие как «среднее», 10,5 % как «высокое», 15 % – «ниже среднего» и 5 % как «низкое» и «очень низкое». В процессе обработки результатов по оценкам психологической поляризации общества все респонденты были разделены на две группы, с условными названиями: – «негативные» и «позитивные». В этом случае «позитивные» – те, кто проявляет склонность не замечать проблем и ориентироваться на позитивные явления в обществе. «Негативные» – это те респонденты, которые склонны в большей степени видеть в обществе проблемы и в меньшей степени его достижения.

Анализ результатов показал, что поляризация респондентов связана с их оценками перспективы стабильности российского

общества в будущем. Так, уровень «негативизма» респондентов ($n = 170$) оказался статистически значимо ($p < 0,01$) связан с предполагаемыми оценками стабильности общества в ближайший год ($r = -0,280$), через год ($r = -0,249$), через пять ($r = -0,185$) и через десять лет ($-0,187$). Респонденты из группы «позитивных» склонны более оптимистично оценивать перспективу стабильности российского общества в ближайшие десять лет.

Не было обнаружено различий в оценках респондентами психологической поляризации в стране. Так, в группе респондентов ($n = 483$) 36 % считают, что сегодня люди в России разобщены, 25 % считают, что они разделены на два противоположных и отчетливо заметных мировоззренческих лагеря. Только 9,5 % респондентов уверены, что по своим взглядам люди сегодня едины, и 29 % респондентов не захотели или затруднились ответить на данный вопрос.

Были обнаружены значимые различия в оценках России респондентами с разным уровнем субъективного благополучия. Так по методике семантического дифференциала субъективно благополучные люди значимо оценивают Россию как «неагрессивную», «богатую», «последовательную», «веселую», «свободную» и «заботливую». Субъективно неблагополучные оценивают Россию, соответственно, как «агрессивную», «бедную», «противоречивую», «унылую», «несвободную» и «безразличную». Была установлена связь типов патриотического поведения с оценками ППО и характеристиками индивидуальной психологической поляризации респондентов. Так «позитивные» респонденты чаще проявляют «идеологический» тип патриотического поведения, «негативные» чаще демонстрируют «проблемный». Это позволяет судить об индивидуальной психологической поляризации респондента по типу его патриотического поведения.

Вопрос изучения психологической поляризации людей в обществе в настоящее время технически является достаточно сложным, вследствие того, что не совсем ясно, какие именно факторы являются существенными и значимыми для возникновения данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев Е. М., Демченко Т. И. Экономика счастья как новая экономическая парадигма. Харьков: ВХНУ, 2013.

2. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Макропсихология современного российского общества. М. : Ин-т психологии РАН, 2012.
3. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2014.
4. Карнышев А. Д. Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия : монография / науч. рук. А. Д. Карнышев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015.
5. Кольцова В. А., Соснин В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психол. журн. 2005. № 4. С. 89–98.
6. Лебедев А. Н. Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества // Человеческий капитал. 2018. № 6. С. 58–68.
7. Лебедев А. Н. Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 243–251.
8. Лебедев А. Н., Гордыякова О. В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru>.
9. Осипов Г. В. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). М. : Вече, 2005.
10. Хашченко В. А. Психология экономического благополучия. М. : Ин-т психологии РАН, 2012.
11. Юревич А. В. Психология социальных явлений. М. : Ин-т психологии РАН, 2014.
12. Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственность в современной России // Электрон. журн. «Психологические исследования». 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/41-yurevich3.html>
13. Doise W. Social representations in personal identity // Social identity: international perspectives / eds. by S. Worchel, J. F. Morales, D. Paez, J. Deschamps. N. Y., 1998. P. 13–25.
14. Ledgerwood A., Chaiken S. Priming us and them: automatic assimilation and contrast in group attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. Vol. 93 (6). P. 940–956.
15. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. Vol. 12(2). June. P. 125–135.

A sense of Patriotism and Patriotic Types of Behavior in Condition of Psychological Polarization

Lebedev A. N., Gordyakova O. V.

Abstract. The phenomenon of psychological polarization of society, studied in the framework of macropsychological approach, is considered. In accordance with this approach, the phenomenon of psychological polarization of society (PPS) acts as a criterion of its psychological condition (PCS). More than 800 people aged 16 to 72 years (47 % of men and 53 % of women) participated at all stages of the research. In the study, the respondents were divided into “positive” and “negative” according to the individual type of their psychological polarization. The developed questionnaire of types of Patriotic behavior allowed establishing that “positive” respondents more often show “ideological” type of Patriotic behavior, “negative” more often show “problem”. This allows us to judge the individual psychological polarization of the Respondent by the type of his Patriotic behavior.

Keywords: psychological polarization, sense of patriotism, type of Patriotic behavior.

Ресурсы экономической психологии в процессах гуманизации социального пространства

Решетников В. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Становление экономической психологии способствует обогащению понятийного аппарата общественных наук, в том числе гуманистики. В статье выделяется общий исследовательский ресурс ряда научных направлений в рамках междисциплинарного подхода. Это требует особого внимания к понятиям и категориям софиологического подхода, помогающих отношений, онтологической безопасности. Присутствие софийности означает возможность решение вопросов с позиции общего и поэтому не случайно возникает ряд наук или паранаук, в который «софия» параллельна «логосу»: технология и технософия, этнология и этнософия.

Ключевые слова: экономическая психология, гуманизм, софиология, помогающие отношения, онтологическая безопасность.

Общим местом современных социально-экономических публикаций стала констатация кризиса экономической теории. Во многом это стало следствием господства российской версии неолиберализма с его акцентом на институциональном подходе. Человек в рамках такого подхода оставался человеком А. Смита – предельно рациональным существом, которого можно уподобить машине и, соответственно, легко просчитать, спланировать удовлетворение его потребностей и т. д. С развитием наук о человеке и социальных группах возникло понимание ограниченности такого подхода и необходимости интеграции экономических и психологических дисциплин. Уже в 1902 г. в Париже вышла двухтомная работа французского ученого Г. Тарда «Экономическая психология», в которой он заложил основы социально и гуманистически ориентированной психологии экономической жизни. «Отцом экономической психологии» в Германии принято называть П. Мюнстерберга, издавшего в 1912 г. свой объемный труд «Психология и экономика», внесший существенный вклад в дело научной кооперации между «национальной экономией» и психологией.

Новые возможности исследовать психолого-экономическую реальность возникла со становлением относительно нового междисциплинарного научного направления – экономической психологии. В широком смысле, это вторжение в экономический процесс субъективности человека, его воли и своеволия. Как писал

известный культуролог Михаил Эпштейн, цивилизация (добавим, индустриальная) должна умереть, чтобы из оболочки этой металлически-монотонной, прожорливой гусеницы, впавшей в состояние спячки, застоя, оукливания, вдруг выпорхнула ее бессмертная душа, ночная бабочка – культура. И первой из этих бабочек будущей культуры выпорхнула экономическая психология. По определению международной ассоциации исследователей (МАИЭП), экономическая психология – это наука, которая изучает механизмы, процессы и виды экономического поведения.

В конце XX столетия становится особенно явным вторжение в безукоризненно логичную картину экономического мира иррациональности, непредсказуемости и нелогичности. Лауреаты Нобелевской премии Дж. Хекман и Д. Макфадден исследовали теорию потребления и гораздо более непредвзято подходят к анализу потребительского поведения, пытаются на основе обширного статистического анализа выявить реальные критерия выбора людей. Возникает теоретическая возможность выработки экономической политики с учетом национальных, культурных и иных особенностей. К рациональности добавляется иррациональность, интуиция, ценностная мотивация и постепенно вселенная человека становится психолого-экономической. И профессора МГУ А. В. Бузгалин и А. И. Колганов в докладе на Московском экономическом форуме в 2017 г. вновь настойчиво ставят вопрос о реальности и необходимости креатосферы.

Связь гуманизма и экономической психологии замечена рядом исследователей. Как отмечает И. В. Троицкая, гуманистически ориентированная экономическая психология – это новый научный раздел экономической и политической психологии о рациональной координации психологических ресурсов человека, групп, общностей в процессе достижения ими значимых целей в естественной и искусственной среде жизнедеятельности средствами политики.

Нам бы особо хотелось остановиться на тех возможностях, которые экономическая психология предоставляет для важнейшего дела – гуманизации социального пространства. Однако, заметим, и экономическая психология нуждается в новых ресурсах для своего развития. Следовательно, речь может идти об обмене ресурсами, о необходимости общего решения проблем, о развитии междисциплинарного подхода [см. 3; 7].

Институт социальных наук ИГУ занимается проблемой гуманизации около пятнадцати лет. Это одна из наших перспективных комплексных тем. В изданной ИСН ИГУ коллективной монографии «Современный гуманизм; проблемы и перспективы» (2004 г.) отмечалось, что современный гуманизм может рассматриваться как вид культуры, имеющий свои детерминирующие возможности. Он предполагает, наряду с признанием общечеловеческих ценностей как его смыслообразующего ядра, и развитие локально-культурных подсистем, в которых сконцентрирован национальный гуманистический опыт и отражена специфика человеческого бытия. Это подразумевает как бы «почвенную» ориентацию гуманистической культуры, смену акцента – от человека вообще к творческой личности в конкретной ситуации, вектор влияния гуманизма – от личностной творческой самореализации через гуманизацию кооперативно коммунитарных отношений к национально – государственным, а затем к общечеловеческим ценностям. Отличительная черта нашего подхода – уход от абстракции всечеловека и привязка личности к конкретной почве – малой и большой Родине, семье, этносу. В связи с этим в институте, во-первых, интегрировались этнокультурные исследования проблем социального образования, а во-вторых, создана лаборатория психолого-экономических и кросс-культурных исследований, которая уже выдает научную продукцию в масштабах России [см. 5].

Обоюдные точки роста, недостаточно разработанные междисциплинарные проблемы и ресурсы многообразны. Сосредоточимся только на нескольких. Первая из них, с нашей точки зрения, обращает внимание на общую проблему гуманистики и экономической психологии – преодоление крайнего рационализма, об опасности которого предостерегал еще И. Кант. Можно высказать проблемную точку зрения, что и экономическая психология, и гуманизм не могут быть предельно рационализированы. Из кантовской идеи границы вытекало то, что по мировоззренческим вопросам нельзя дать окончательных ответов. Мировоззрение не конститутивно, а регулятивно и знания скорее указывают направление движения и поэтому каждый раз нужна осторожность, открытость новому, нужна вера [см. 8].

В теории познания вера представляла санкционирующим фактором, определяющим принятие идеи без достаточного основания. Это субъективный ориентир, придающий идеям живость, стой-

кость и прочность. Прагматическую веру выделял еще И. Кант. В его трактовке, это субъективное оправдание возможности достижения цели и ее реализации в процессе деятельности. Великий философ развивал мысль, что без веры нет постоянства в познании, образ мыслей будет колебаться между практическими велениями и теоретическими сомнениями.

Вера действительно обнаруживается во всяком процессе практической и познавательной деятельности и представляет собой принятие чего-либо как ценного и справедливого при отсутствии достаточного обоснования. Сам феномен веры может отражать правильное или превратно истолкованное явление. Критерием способна выступить практика, а вера с трудом укладывается в антитезу «истинное – ложное», ибо в ней может быть заключено конкретное соотношение частей этой антитезы.

Хотелось бы подчеркнуть, что в практической жизни жесткая дифференциация знания и веры является скорее удобным приемом, позволяющим исследовать эти формы самоутверждения человека в их чистоте. На практике она редко оправдывает себя и прежде всего потому, что существует множество переходных форм, которые функционируют на уровне культуры общества, воспроизводятся противоречиями общественной практики и трудностями освоения человеком научных точек зрения. Свои особенности имеет религиозная вера. Определенное выражение тождество знания и религиозной веры получило в софиологических концепциях С. Булгакова, В. Соловьева.

В обоих своих смыслах (религиозном и светском) вера эмоционально окрашена и связана не только со знанием, но и ценностью, ибо отражает стремления, мечты и надежды человека; она обнаруживает свою существенную связь с социокультурными условиями жизни людей, хотя нередко и в сложной опосредованной форме. Здесь скорее действует принцип дополнительности, который обеспечивает системе мировоззрения гибкость, адаптивность и возможность взаимообогащения верой и рациональностью.

В связи с этим можно представить проблему исследования экономической психологии и софиологическими средствами, тем более что для этого имеется солидная отечественная традиция. В русской религиозной философии София предстает как творческая премудрость, она олицетворяет женственное в боге. В «Притчах Соломона» София описывается как художница, стоящая рядом с

богом, как домоустроительница. Присутствие софийности означает возможность решение вопросов с позиции общего и поэтому не случайно возникает ряд наук или паранаук, в который «софия» параллельна «логосу»: технология и технософия, этнология и этнософия, антропология и антропософия, биология и биософия и т. д.

Впрочем, от времен господства рационалистической марксистской традиции (у которой, впрочем, была своя софийность) у многих отечественных ученых существует предубеждение против софиологического подхода, в котором слабо дифференцирована наука и мифология, верифицированные логические представления и вера. Однако стоит помнить, что характерная черта российской философской мысли – осмысление экономической жизни, имела ярко выраженный софиологический характер и базировалась не на рациональности К. Маркса, а на сформированной мифологии.

Вторым междисциплинарным ресурсом, который хотелось бы отметить, может стать освоение и развитие гуманистической достижений психологической и экономической науки по исследованию проблемы помогающих отношений. Здесь значимо наследие Э. Фромма, доказавшего на историческом материале и на примере собственного психотерапевтического опыта, постепенное превращение помогающих отношений в важную характеристику мировоззрения и деятельности человека, их перерастание в человечность (в оценочном смысле слова). Психологи и психиатры имеют дело с микроструктурой общества и обладают, может быть ограниченными, но, все же, реальными возможностями регулирования первичных общественных отношений. Психолог и психотерапевт К. Роджерс (Взгляд на психотерапию. Становление человека (1994) понимал под термином помогающие отношения такие, в которых, по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой в личностном росте, развитии, обретении зрелости, в умении ладить с другими (человеком или группой), особенно если эти другие отличаются своими национальными характеристиками. В экономической и политической жизни помогающие отношения функционировали в кооперативных формах, связанные с конкуренцией. Возникло даже такое синтетическое понятие как конперация.

В-третьих, междисциплинарным ресурсным понятием, несомненно, является термин онтологическая безопасность. Видимо, первоначально, оно сформировалось в психологической науке, по

крайней мере, еще в 1965 г. Р. Лайинг писал об онтологической безопасности как свойстве индивида быть автономной личностью идентифицировать самого себя и свободно вступать в общение с другими людьми. Если же эта способность не сформировалась в раннем возрасте, то человек не отличает себя в окружающем мире, его автономия и идентичность находятся под вопросом, а контакт с реальностью воспринимается как угроза со стороны неведомых сил. В психологической теории Дж. Тернера под ней понимается потребность в таком мироощущении, когда поведение других воспринимается как заслуживающее доверия своей предсказуемостью. Это стремление к ощущению надежности. Социологическая трактовка этого понятия представлена в работах Э. Гидденса. Эмпирически онтологическая безопасность предстает в многообразных вариантах смысловых связей, упорядочивающих, оправдывающих и защищающих мир человека. Нельзя не обратить внимания, что онтологическая безопасность по Гидденсу имеет субъективный характер, предстает как совокупность переживаний личности.

Если кратко суммировать смысл онтологической безопасности в условиях переходного (трансформирующегося) общества, то он заключается в стремлении добиться определенности в идентичностях человека и минимизировать неопределенность внешнего мира как неизбежное качество современной жизни. Это возможно только при условии, если человек способен контролировать свою социальную и природную среду. В современном обществе, в котором господствуют социальные мегамшины, это является труднодостижимой задачей. Возможно только компромиссное решение – выделение доступной человеку социальной среды, включая объективные условия и субъективные родственные, дружеские и производственные связи. Именно на таком уровне, с нашей точки зрения, единственно возможна гуманизация общественных отношений. Эвристический смысл понятия онтологической безопасности состоит в его способности выступить наиболее обобщающей категорией для выражения единства объективных и субъективных факторов, которые способны обеспечить безопасность человека в меняющемся мире.

В комплементарном процессе интеграции новой индустриализации и становящейся креатосферы экономической психологии принадлежит особая роль. Именно она призвана помочь в гумани-

зации грядущей, при оптимистическом прогнозе, психолого – экономической реальности.

Известный философ Мераб Мамардашвили в фрагменте «О психоанализе» рассматривает изречение Монтеня, что законы существуют после того, как они написаны. Поясняя это, М. Мамардашвили справедливо отмечает, что вещи не существуют, если они не живут в публичном пространстве. Они сначала должны прорезонировать, отразиться от сказанного о себе и стать в себе. То есть, когда возникает реальность как бы в зеркале многократных отражений [см. 6].

Именно такую задачу привлечения внимания научной общественности к важной проблеме гуманизации социального пространства и актуальности междисциплинарного подхода ставили перед собой участники конференции. Но для решения таких проблем необходимо вновь и вновь возвращается к переосмыслению привычных научных истин. Для этого, как гласит монгольская мудрость, нужны люди длинной воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Agassi J. The Very Idea of Modern Science (Francis Bacon and Robert Boyle). 2013.
2. Губанов С. Неоиндустриализация и вертикальная интеграция (о формуле развития // Экономист. 2008. № 9.
3. Дейнека О. С. Экономическая психология. Социально-политические проблемы. СПб. : СПбГУ, 1999. 240 с.
4. Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Поснеклассическая перспектива / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юрвич. М. : Ин-т психологии РАН, 2007. С. 15–32.
5. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М. : Изд-во ИП РАН, 2017. 480 с.
6. Мамардашвили М. К. Необходимость себя //Лекции. Статьи. Философские заметки. /Под общей редакцией Ю. П. Сенокосова. -М.,1966. 350 с.
7. Позняков В. П. Экономическая психология в России XXI в. Теоретические проблемы и эмпирические исследования. // Экономическая психология: актуальные исследования и инновационные тенденции : материалы Десятой юбил. междунар. науч.-практ. конф. / ред. А. Д. Карнышев. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. С. 41–69.
8. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 544 с.
9. Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 352 с.

Resources of Economic Psychology in the Processes of Humanization of Social Space

Reshetnikov V. A.

Abstract. The formation of economical psychology helps to enrichment the system of notions of public sciences, including humanistic science. The author underline common resources in crossdisciplinary approach. It refers to notions sophiological approach, helping relations, ontological security.

Keywords: economical psychology, humanism, sophiology, helping relations, ontological security.

Этнорегиональная идентичность как фактор государственно-правового регулирования идеологической сферы общественных отношений

Арзуманов И. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с этнорегиональной идентичностью как фактором государственно-правового регулирования идеологической сферы общественных отношений. Проводится анализ нормативных правовых актов, закрепляющих дефиниции социо-культурологического порядка, определяющих сущность социально-экономического функционирования общин коренных малочисленных народов (КМН), проживающих на территории РФ. Делается вывод о деструктивном характере процессов реализации идеологической функции государства в сфере этноконфессиональных отношений в связи с нарушением принципа светскости государства. Этноидентификация, связанная с процессами обеспечения прав КМН на традиционный образ жизни и хозяйствования, должна быть обеспечена сменой модели государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, идентичность, государственно-правовое регулирование, идеология, общественные отношения.

Тема, касающаяся специфики процессов формирования этнорегиональной идентичности, безусловно, относится к одним из актуальнейших направлений социально-политических, культурно-правовых и этнопсихологических исследований, имеющих междисциплинарный характер. Полидисциплинарность данного направления определяется, во-первых, культурологическим фактором предмета размышлений, во-вторых, его социо-политическими характеристиками. Данные характеристики проявляются уже при рассмотрении социо-культурных детерминант и ценностей как факторов интеграционного порядка, обеспечивающих единство социума, проживающего на определенной территории, имеющего общие духовно-нравственные основы культуры, язык, этно-конфессиональные институты, территорию, публичную власть и формы хозяйственной деятельности. Как известно, в рамках теоретико-правовой и теоретико-государственной парадигмы данные аспекты рассматриваются в качестве основных признаков государства в широком (общесоциальном) смысле, в контексте дефиниции «страна» – союза людей). В узком же смысле государство понимается как политическая организация, выступающая в качестве важнейшего социального института, непосредственно

обеспечивающего механизмы жизнеобеспечения и единства общества во всех сферах общественной жизни – от социально-экономической до социально-культурной. Мы необходимо выходим на вопрос о функции государства в духовной (идеологической) сфере, непосредственно обеспечивающей единство социокультурного, политико-правового и экономического пространств. Идеология как социально-политический конструкт интерпретируется в различных смысловых модификациях. В основе этимологического значения – понятия «идеал» и «учение». Функционально-смысловой основой понятия «идеал» является «образец» – ценностный маркер возможного (желаемого) результата. В том числе, это весьма примечательно, и социального поведения. Идеологическая функция это разнообразная деятельность государства в духовной (идеологической) сфере в целях развития «культурных ценностей», «культурного наследия», «культурного достояния», как факторов, непосредственно оказывающая воздействие на экономико-психологические составляющие социального бытия. В своей совокупности данные понятия позволяют дифференцировать предметный ряд как материальной, так и духовной культуры в их социальной, экономической, правовой и в целом, политико-культурной детерминации. В процессе анализа важно выявить смысловую взаимосвязь и дифференциацию конструктивных элементов приведенных законодателем дефиниций. К материальной сфере, исходя из общего перечня «культурных ценностей», приведенных в ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре помимо всего прочего относятся художественные промыслы и ремесла, имеющие историко-культурную значимость технологии. К духовной культуре и на это необходимо обратить особое внимание законодатель относит не только базовые компоненты социальной норматики – нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, национальные традиции и обычаи, но и языки, диалекты и говоры. Понятие культурных ценностей, данное законодателем структурно уточняется в дефиниции «Культурное наследие народов Российской Федерации», под которым понимается совокупность материальных и духовных ценностей, значимых для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию [7].

Понятие самобытности Российской Федерации в данном случае опосредуется законодателем смысловыми прерогативами по-

нятий «культурное наследие», «культурное достояние». Достаточно интересен в этой связи логический ряд, связанный с понятием «культурного суверенитета», закрепленным в ст. 5 Основ законодательства РФ о культуре, фиксирующей сам факт наличия суверенитета Российской Федерации в области культуры и его реализацию «на своей территории» [7]. Специфика идеологической функции государства состоит в деятельности, направленной на сохранение объективно необходимых для воспроизводства социума ценностей, прежде всего витального, духовно-интегративного порядка. По сути, речь идет о предельных ценностно-нравственных основаниях права, имеющих своей корневой системой этико-аксиологический комплекс религиозной культуры.

Культурная политика государства (как центрального звена политической системы общества) в этой сфере общественных отношений, призвана защищать комплекс традиционных ценностей посредством осуществления идеологической функции государства, имеющей (как и все функции) две основные формы осуществления – правовую и организационную. Поэтому на современном этапе одним из фундаментальных вопросов в социокультурной парадигме теории государства и права является вопрос о том, каким образом отражается антропологический (ценностно-культурный) фактор в нормативно-правовом обеспечении осуществления идеологической функции государства и социально-экономического развития территорий?

Как показывает анализ форм права, осознание роли культурных ценностей в данных процессах отмечено достаточно четко. Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. утверждают равнозначность экономических, социальных и культурных прав, наравне с гражданскими и политическими правами выступает в качестве условия воплощения «идеала свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды». В положениях 1 и 2 глав Конституции РФ данная взаимосвязь также четко фиксируется [1]. В уточнение положений Конституции РФ – в нормативном блоке «мягкого» права – федеральных и региональных актов программного и концептуального свойства – вопросы социального развития также непосредственно увязываются с ожидаемой эффективностью развития экономического [8; 2]. На уровне позитивно-правового регулирования социально-экономического

развития территорий федерального и местного уровней [6; 5] данный фактор интерпретируется в качестве базового в принципе.

Одним из показательных корреляций данных дефинитивных соотношений с экономико-психологическими параметрами проявляется в практике государственного регулирования правового положения КМН, чьи права гарантируются положениями ст. 69 Конституции Российской Федерации [1]. Основным маркером прав КМН и традиционного образа жизни, согласно п. ст. 2 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», являются самобытность социальной организации проживания и культуры, обычаи и верования [11]. В п. 3 ст. 1 этого же закона закрепляется дефиниция «исконная среда обитания малочисленных народов». Структурно-смысловой код данной дефиниции в диалектической взаимосвязи определяет пространственные характеристики среды обитания с культурной и бытовой жизнедеятельностью, влияющих на процессы самоидентификации и образа жизни [11]. Территориальная, природно-виталяная функция «исконной среды обитания» опосредуется законодателем понятием «ареал». В общей смысловой коннотации «ареал» понимается как территория, объединяющая различные факторы биогенеза природной среды в их совокупности с результатами жизнедеятельности человека [3, с. 555]. Духовно-культурный и экономико-психологический факторы жизнедеятельности человека аккумулируется понятием «традиционный образ жизни», сохранение которого гарантируется государственными мерами обеспечения. В п. 2 ст. 1 ФЗ № 82-ФЗ традиционный образ жизни малочисленных народов структурно определяется в ряде элементов, каждый из которых носит подсистемный характер: 1) исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов; 2) самобытная социальная организации проживания, 3) самобытная культура; 4) обычаи и верования [11]. Статья 5 ФЗ № 122-ФЗ определяют правовые формы осуществления данных гарантий. К основным из них, кроме федерального и регионального законодательства, относятся и программы социально-экономического и культурного развития КМН [11]. В их положениях также фиксируется понятия «традиционный образ жизни» и «хозяйственная деятельность», являющиеся одними из основных социо-консолидационных компонентов [11]. По сути, вся сфера проблематики формирования интегративных идеологием непосред-

ственно увязана с понятием социальной памяти как выражения преемственности поколений и определяющих эту преемственность единства традиционных материальных, духовно-ценностных и связанных с ними психологических детерминант общественного бытия.

Достаточно показательными в этом отношении являются положения ст. 1 ФЗ № 104-ФЗ [10] закрепляющими дефиницию «малочисленные народы». Ее смысловой акцент опосредован фактом проживания данных народов на «территориях традиционного расселения своих предков» при сохранении традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов. В этой связи заключительные положения п. 2 ст. 1 ФЗ № 122-ФЗ, фиксирующие обычаи и верования в качестве функциональных подсистем традиционного образа жизни КМН выводят размышления на уровень кодов традиционной мировоззренческой системы большинства малочисленных народов – мифорелигиозный комплекс шаманизма.

Его архаизированные функционально-структурные элементы – анимизм, фетишизм, магия и тотемизм встраиваются в структурно-функциональный комплекс традиционного образа жизни. Не случайно, на рубеже XX–XXI вв. мифорелигиозный комплекс шаманизма переживает процессы возрождения. Более того, его архаизированные, семейно-родовые характеристики, в основе которых лежат тотемические, кровно-родственные принципы социальной интеграции. В условиях миграционного «замеса» шаманизм конфессионализируется. Данные процессы (особенно в регионах Восточной Сибири), приводят к тому, что кровно-родственные принципы социальной интеграции заменяется территориальным. Это объективные последствия процессов размывания этноконсолидационных механизмов, живущих в условиях индустриальной хозяйственно-экономической деятельности, сопряженной с разрушением традиционных форм духовной, экономической жизни и территориальной деструкцией ареала (в виде последствий промышленного освоения северных территорий в XX–XXI вв.). Тем не менее, современное российское законодательство ставит в качестве предмета своего регулирования сохранение именно традиционных форм жизни КМН. Несмотря на то что режим государственно-конфессиональных отношений носит светский характер, согласно п. 2 ст. 5 ФЗ о гарантиях прав КМН Российской Федерации, определяется финансовый механизм осуществления про-

граммного корпуса сохранения традиций и верований в том числе и «за счет средств федерального бюджета».

А вопрос о последствиях оттока коренного населения микшируется положениями ФЗ № 82 о формах самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам. Их объединение рассматривается в рамках кровнородственных, семейно-родовых или территориально-соседских форм. Цель – защита «исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры. Статья 8 ФЗ № 82-ФЗ в п. 9 за общинами КМН закрепляется право получения государственной помощи для «реформирования всех форм воспитания и обучения подрастающего поколения малочисленных народов с учетом традиционных образа жизни и хозяйствования малочисленных народов». В этой связи возникает ряд вопросов макрометодологического порядка, требующих своего осмысления и касающихся общего режима государственно-этноконфессиональных отношений. С одной стороны, встает вопрос о соотношении форм традиционного образа жизни и хозяйствования с позиций их этнорелигиозной детерминации, а с другой – о соответствии данного порядка вещей положениям ст. 14 Конституции РФ в п. 2 декларирующей принцип отделенности религиозных объединений от государства. Безусловно, каждый народ, проживающий на территории Российской Федерации, имеет право на реализацию своих интересов в области социально-экономической жизни и духовной культуры. Но процессы формирования этнорегиональной идентичности и позитивного образа «малой родины» должны проходить в рамках принципов правового регулирования и соответствовать конституционным положениям.

Вопрос о необходимости государственной помощи в процессах реализации прав КМН должен быть решен вкупе с вопросом о смене режима светскости государственно-этноконфессиональных отношений на режим, предполагающий признание в качестве государственных ряда традиционных институциональных форм религиозной культуры. Это, несомненно, будет способствовать адекватности принимаемых правовых и управленческих решений существующему порядку общественных отношений, и способствовать формированию позитивного образа «малой родины».

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. указом Президента РФ от 10.01.2000 № 24. URL: <http://archive.mid.ru/ns-osndoc.nsf> (дата обращения: 05.06.2019).
3. Новая Российская энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / под ред. А. Д. Некипелова. М., 2005, 959 с.
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 24.05.2019).
5. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 24.05.2019).
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2015) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 24.05.2019).
7. Основы законодательства Российской Федерации о культуре утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1// КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 24.05.2019).
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 24.05.2019).
9. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 24.05.2019).
10. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 24.05.2019).

Ethnoregional Identity as a Factor of State-Legal Regulation of the Ideological Sphere of Social Relations

Arzumanov I. A.

Abstract. The article is devoted to problems related to ethnoregional identity as a factor in the state-legal regulation of the ideological sphere of social relations. The analysis of the normative legal acts, enshrining the definitions of the socio-cultural order, determining the essence of the socio-economic functioning of the indigenous minority communities (KMN) living in the territory of the Russian Federation. The conclusion is made about the destructive nature of the processes of realization of the ideological function of the state in the field of ethno-confessional relations in connection with the violation of the principle of secularism of the state. The ethno-identification associated with the processes of ensuring the rights of KMN to the traditional way of life and management should be ensured by changing the model of state-confessional relations.

Keywords: Indigenous Minorities, Identity, State and Legal Regulation, Ideology, Public Relations.

Проблемы самоидентификации в эпоху транснационализации капитала и хозяйственной деятельности

Фальковская Т. Ю.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Анализ научного и политического дискурса французских ученых и политиков показал наличие различных позиций по проблеме национальной самоидентификации и национальных экономических интересов в эпоху глобализации.

Ключевые слова: экономический патриотизм производителей, экономический патриотизм потребителей, политика протекционизма, поддержка национальных производителей, лоббирование, национальная внешнеторговая политика, прагматизм и кризис рациональности.

Индекс транснациональности корпораций существенно возрос в настоящее время: большая часть хозяйственной деятельности корпораций с участием международного капитала осуществляется за пределами материнской фирмы. Собственно национальная идентификация транснациональных корпораций чрезвычайно затруднена: пропорции уставного капитала могут не сохранять первоначальную структуру; национальная принадлежность часто может определяться только по историческим вехам развития фирмы; но насколько это актуально и справедливо? Стратегии современных конкурентоспособных фирм определяются в контексте мировой экономики, а не национальной экономики [3].

Призывы национальных правительств к экономическому патриотизму, к соблюдению национальных интересов, интересов малой родины к кому обращены? Понятие патриотизма несомненно соотносится с национальными идентификаторами. Национальная самоидентификация ТНК чрезвычайно затруднена. Собственно эти призывы не имеют точного адресата. Ожидать добровольной реализации стратегии экономического патриотизма от ТНК – наивно, поскольку это противоречит рациональным интересам бизнеса. Реализовывать данную стратегию с позиции силы также крайне затруднительно: юридические меры против ТНК у национальных государств крайне ограничены, поскольку ТНК максимально гибко использует административные ресурсы различных национальных законодательств.

Сандра Деметр в статье «Основания экономического патриотизма» (различные взгляды на экономику)» [5] рассматривает историю концепции «экономического патриотизма». Концепция приобрела популярность после того, как 27 июля 2005 г. на пресс-конференции была объявлена политическим знаменем Доминика де Вильпена. В то время вмешательство премьер-министра было связано со слухами о поглощении американским Pepsico французского Danon: «Я хочу собрать все наши энергии вокруг реального экономического патриотизма. Концентрация наших сильных сторон означает, что мы ценим факт защиты Франции и того, что является французским... Действительно, существует настоящий французский парадокс: мы хотим гарантировать высокий уровень защиты для наших сотрудников, но мы не адекватно защищают наши национальные экономические интересы. Мы будем защищать интересы сотрудников только в том случае, если мы будем защищать интересы наших компаний ... Многие страны уже имеют эффективные способы защиты своих чувствительных предприятий от враждебных действий. Мы должны сделать то же самое».

Это заявление вызвало множество реакций: некоторые приветствовали эту демонстрацию политического волонтаризма, других оскорблял его протекционистский подтекст... Однако, прежде чем выносить политическое решение, считает автор, необходимо искать то, что скрывается за политической риторикой, что есть концепция экономического патриотизма.

Патриотизм относится как к политической сфере, так и к национальным чувствам, к национальным идентификаторам, но экономика должна основываться на индивидуальных рациональных расчетах. Нет ли в этом противоречий? – задается вопросом С. Десметр. Она определяет экономический патриотизм как намерение потребителей, предприятий или государств поощрять предприятия и продукты из своей страны. Например, для генерального директора Caisse des Depots et Consignations, Августин де Романет, «экономический патриотизм, это означает, что французская компания будет процветать на французской земле».

Такое определение предполагает, что можно с уверенностью определить, что такое французская компания. В то же время, когда 40 % капитала компаний САС принадлежат иностранным инвесторам, две трети продаж двадцати крупнейших французских компаний находятся за пределами границ Франции, а также почти две

трети их рабочей силы – это иностранные рабочие, – как можно определить национальность такой компании? Вопреки распространенному мнению, Франция фактически более открыта, чем ее соседи. В этом контексте государственный интервенционизм часто реагирует прежде всего на опасения, связанные с рисками переселения и потери рабочих мест. Речь идет также о том, чтобы справиться с желанием сохранить предприятия, которые считаются частью национального наследия... Необходимо будет привыкнуть к тому, что интересы компаний отличаются от интересов нации и рабочих. На практике большинство государств по-прежнему убеждены в обратном.

По-прежнему относительно мало данных о влиянии на занятость иностранных захватов, но, похоже, появляются некоторые особенности. Распространенная идея о том, что национальный босс щедрее для своих сотрудников и соотечественников, не подтверждается фактами. По данным Соединенных Штатов, Швеции и Соединенного Королевства оказалось, что захват компании иностранцем обычно приводит к значительному повышению производительности. С экономической, рациональной точки зрения это логично, естественно: захват осуществляет более конкурентоспособная компания, с более эффективным менеджментом, с более эффективной системой мотивации и управления персоналом. Захват компании конкурентом повышает производительность, конкурентоспособность продукции, конкурентоспособность фирмы в целом. Приток иностранного прямого капитала сопровождается внедрением новых технологий. Все это в конечном итоге оборачивается благом для сотрудников.

С. Десметр также поднимает вопрос о трудностях национальной самоидентификации международных компаний, в связи с чем призывы к патриотизму становятся неактуальными поскольку противоречат рациональным интересам владельцев и инвесторов. Кроме того, поднимается вопрос интересов наемных работников: приход иностранных инвесторов, вливание иностранного капитала не дискредитирует интересы работников, напротив, в конечном счете иностранные инвестиции как прямые, так и портфельные ведут к притоку новых технологий, как инженерных, так и технологий управления, более эффективных и конкурентоспособных, чем национальные.

Современная глобализация проявляется прежде всего в мобильности капитала и дает возможности более эффективного и рационального его использования. Конкурентная борьба, которая по канонам как классической, так и неоклассической экономики, является стимулом для прогресса во всех отраслях хозяйства, выходит на более высокий уровень – на уровень мирового рынка. Отбор лучших разворачивается вне национальных рамок; но лучшие, конкурентоспособные стратегии реализуются при этом на национальных территориях, внутри национальных экономик. С. Десметр осознает объективные глобальные преимущества мировой системы организации экономических процессов, и, очевидно, понимает объективность и необратимость процессов глобализации, которые проявляются через деятельность транснациональных корпораций.

Э. Дельбек также указывает, возвращаясь к историческим истокам протекционизма, существенный вклад свободной торговли в современную экономику. История различных «раундов» ВТО (ранее ГАТТ) иллюстрирует эту эволюцию международной торговли. Автор справедливо указывает, что сегодняшняя Франция, получает налоги от компаний на 40–50 %, контролируемых иностранным капиталом, 70 многонациональных компаний входят в число 2000 наиболее влиятельных международных групп в мире и, наконец, 15 % французских служащих против 10 % в Соединенном Королевстве и 5 % в США работают в дочерних компаниях иностранных групп [6].

Экономический патриотизм, по мнению Э. Дельбека, проявляется как способ взглянуть иначе на глобализацию. И этот способ заключается в преобразовании видения роли современного государства, государства стратегического, которое должно играть важную роль, поскольку оно должно внедрять инструменты оперативного и интеллектуального контроля, которые позволят отдельным лицам, предприятиям и территориям более эффективно реагировать на проблемы и возможности глобализации. Среди этих инструментов и в условиях все более жесткой конкурентной среды экономическая разведка, селективные инструменты прогнозирования, занимают центральное место в региональных мероприятиях по развитию и пространственному планированию. Это поможет обеспечить синергию государственных органов и общественно-частного сотрудничества на благо национальной территории, ко-

торая, в свою очередь, создает условия экономического процветания для национальных экономических агентов. Что касается европейских институтов, они должны предоставить возможность экономическим субъектам стран Союза максимизировать свои сильные стороны и свести к минимуму их слабые стороны путем лучшей корректировки правовых норм и политики поддержки и финансирования инноваций. Автор, наконец, настаивает на том, что необходима общая культура национального и европейского успеха, что уже не может быть двух миров (общественных и частных), которые игнорируют друг друга. На самом деле приоритетом является культура, общая для лиц, принимающих решения в общественной и частной сферах.

Столкнувшись с появлением на международной арене новых акторов, таких как Китай, Россия, Бразилия и Индия, которые нарушили геостратегические и экономические балансы в мире, который становится все более сложным с каждым днем, оптимизированное обращение с информацией становится серьезной стратегической проблемой. Эффективной современной стратегией сегодня является производство знаний, которое позволяет лучше понять сегодняшний мир и в конечном итоге уметь влиять на него и на ситуации, которые он создает. Наконец, автор подчеркивает, что означает включение человеческих сообществ в глобальное информационное общество и экономику знаний. Дельбек видит экономический патриотизм в том, чтобы рационально и эффективно воспользоваться возможностями глобальных мировых рынков, он видит роль элит в том, чтобы предвидеть тенденции в международной среде, обеспечивать распространение информации, генерировать уникальные и эффективные действия государства [6].

Таким образом Э. Дельбек также не испытывает наивных иллюзий по поводу экономического патриотизма в эпоху глобализации. Он отчетливо осознает преимущества и риски глобализации для национальной экономики и трезво призывает воспользоваться этими преимуществами; Э. Дельбек несомненно понимает объективность и прогрессивный характер процессов, развертывающихся на международном рынке капиталов. Автор видит роль государства в формировании и осуществлении эффективных национальных стратегий в мировом экономическом пространстве, однако избегает прямых призывов к регулированию деятельности ино-

странного капитала во Франции и ограничения вывоза французского капитала за границу.

Стратегия вывоза капитала и переноса производства за пределы национальной экономики доказала свою эффективность, обеспечила широкое распространение продуктов научно-технического прогресса в том числе в развивающиеся страны. Понятно, что миграция капитала обеспечивает одновременно приток капиталов в страны – реципиенты и отток его из стран-доноров. В масштабе макроэкономических эффектов стратегия переноса производства обеспечивает экономический рост, увеличение платежеспособного спроса, приток новых технологий странам-реципиентам; страны-доноры получают в результате реализации данной стратегии повышение конкурентоспособности национальной продукции, увеличение прибылей, увеличение объемов реинвестиций и модернизации национальной экономики.

Мари-Франсуа Делэт и Жак Пуаро в статье «Экономический патриотизм и стабильное развитие» рассматривают природу экономического патриотизма с точки зрения европейских философских традиций. Экономический патриотизм выступает в качестве конституитивного элемента патриотизма, который Дюркгейм определил как «совокупность идей и чувств, которые привязывают человека к определенному государству». Авторы, со своей стороны, считают, что экономический патриотизм – это чувство, разделяемое всеми или некоторыми субъектами страны, такими как центральные государственные администрации, местные власти, потребители или предприятия, принадлежащие к единой экономической системе. Это чувство принадлежности к общему экономическому и социальному пространству может привести к возникновению морального обязательства многих субъектов поддержать и продвигать определенные национальные действия, иногда даже в ущерб их собственным интересам. Именно к этому экономическому патриотизму обращаются политики, когда фундаментальным экономическим интересам их стран угрожают решения иностранных субъектов, будь то правительства, международные институты или компании [8].

В своих докладах 2003 и 2006 гг. Бернард Карейон внес свой существенный вклад в реанимацию, в ренессанс понятия «экономический патриотизм; Карейон возродил «экономический патриотизм» чтобы пропагандировать во Франции концепцию экономи-

ческого патриотизма, которую он считает «гарантом нашей национальной сплоченности». Политики неоднократно ссылались на эту концепцию экономического патриотизма, особенно в 2006 г., в попытках защитить ценности французской промышленности, которым угрожали поглощением иностранные транснациональные корпорации

Мари-Франсуа Делэт и Жак Пуаро так же, как и их коллеги указывают на иррациональное содержание призывов к экономическому патриотизму в понимании Карейона: такое экономическое поведение нанесет ущерб экономическим агентам.

Нам также видится спекулятивный смысл подобного рода концепций и призывов: инспирированные угрозами иностранного эффективного бизнеса менее эффективным национальным компаниям политики-популисты призывают потребителей пойти на экономические потери, на ущерб, ради того, чтобы застраховать от ущерба неконкурентоспособных, неэффективных национальных производителей и неэффективных политических акторов. Призывы к экономическому патриотизму носят иррациональный характер, поскольку противоречат рациональной природе homo economicus, будь то потребители либо производители. Потребители из патриотических соображений должны добровольно отдавать предпочтения товару не на основании его конкурентоспособности, а на основании его отечественного происхождения, тем самым минимизируя потребительскую полезность. Что касается производителей, то они должны из патриотических соображений размещать производства на территории национальных государств, пренебрегая возможностями мирового рынка, возможностями повышения конкурентоспособности за счет вывоза капитала и переноса производства, возможностями освоения новых рынков и увеличения прибыли, что в конечном итоге, заметим, бумерангом ударит по национальной экономике.

Разумеется, государства обладают существенным административным ресурсом, чтобы реализовывать концепцию «экономического патриотизма» и силой воздействовать на потребителей и производителей. В связи с этим государства вводят ограничения на иностранный капитал (в США создан комитет по иностранным инвестициям, во Франции принято постановление об ограничении иностранных инвестиций), призывают ограничить его вывоз. Однако такая политика может постепенно привести к экономической

автаркии. Собственно в этом видится глобальное противостояние двух принципиально различных моделей организации хозяйственной деятельности: ограниченной национальной территорией, связанной по рукам и ногам национальной, территориальной самоидентификацией и не имеющей территориальных привязок ограничений, космополитичной. Речь идет о формате организации хозяйства в пределах национального государства и в формате транснациональной корпорации (ТНК). Становится все более очевидным, что вторая модель более эффективна с точки зрения социально-экономических показателей. ТНК демонстрируют растущую мощь и резистентность к различного рода кризисам, по отношению к которым национальные экономики и мононациональные предприятия крайне уязвимы. Экономический потенциал крупных ТНК сопоставим с потенциалом некоторых экономик, следовательно, они имеют возможности финансового давления на государства, которые испытывают дефицит капитала [3].

На сколько хватит ресурсов у национальных государств противостоять транснациональной стратегии? Ограничивать экспансию национального капитала? Спекулировать патриотическими чувствами потребителей и производителей?

ЛИТЕРАТУРА

1. Карнышев А. Д. Экономический патриотизм: государственные, этнорегиональные и личностные аспекты <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-patriotizm-gosudarstvennye-etnoregionalnye-i-lichnostnye-aspekty>
2. Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия / науч. ред. А. Д. Карнышев ; М-во образования и науки РФ, Иркут. гос. ун-т. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 427 с.
3. Фальковская Т. Ю. // Опыт экономического патриотизма во Франции и России : материалы II летней российско-французской школы в Университете «Париж 8». Париж, 02–09 июля 2018 : темат. сб. ст. Иркутск, 2018. С. 127–140.
4. Carayon B. Patriotisme économique et mondialisation // *Defense Nationale*. 2006. N 12. P. 61.
5. Desmettre Sandra, Les dessous du patriotisme économique // *Regards croisés sur l'économie*. 2008/1. N°3. P. 286–290. DOI: 10.3917/rce.003.0286. URL: <https://www.cairn.info/revue-regards-croises-sur-l-economie-2008-1-page-286.htm>
6. Delbecq Eric. Quel patriotisme économique? Presses Universitaires de France, «Quadrige», 2008. 192 p. ISBN: 9782130565574. DOI: 10.3917/puf.delbe.2008.02. URL: <https://www.cairn.info/quel-patriotisme-economique--9782130565574.htm>
7. Lemerrier Claire. David Todd, L'identité économique de la France. Libre-échange et protectionnisme, 1814–1851. Paris, Grasset, 2008. 494 p., ISBN 978-2246711810. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 2010/1 (n° 57–1), p. 252–254. DOI: 10.3917/rhmc.571.0252. URL: <https://www.cairn.info/revue-d-histoire-moderne-et-contemporaine-2010-1-page-252.htm>
8. Marie-Françoise Delaite et Jacques Poirot, « Patriotisme économique et développement durable », *Développement durable et territoires* [En ligne], Vol. 1, n° 3 | Décembre 2010, mis en

ligne le 08 juillet 2010, consulté le 17 janvier 2018. URL : <http://journals.openedition.org/developpementdurable/8469>; DOI : 10.4000/developpementdurable.8469

9. Plihon Dominique, « La nationalité des entreprises et le patriotisme économique sont-ils solubles dans la mondialisation ? », Revue internationale et stratégique, 2006/2 (N°62), p. 65–74. DOI : 10.3917/ris.062.0065. URL : <https://www.cairn.info/revue-internationale-et-strategique-2006-2-page-65.htm>

Problems of Self-Identification in the Era of Capital and Economic Activity Transnationalization

Falkovskaya T.

Abstract. An analysis of the scientific and political discours of French scientists and politicians showed the presence of different positions on the problems of national identity and national economic interests in the era of globalization

Keywords: economic patriotism of producers, economic patriotism of consumers, protectionism policy, national producers support, lobbying, national foreign policy.

Французские уроки экономического патриотизма (По итогам мероприятий сотрудничества Иркутского госуниверситета и Университета Париж-8)

Карнышев А. Д.

г. Иркутск, Россия

*Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ
«Экономический патриотизм как объект междисциплинарного
исследования в психологии и ресурсы его формирования у городской
и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)»
(2018–2020 гг.)*

Аннотация. В статье показаны некоторые результаты более чем пятилетнего сотрудничества преподавателей и студентов Иркутского университета с коллегами и студентами французского Университета Париж-8. На Байкале (2016 г. и в Париже (2018 г.) проведены две научные школы для преподавателей, магистрантов и студентов с обсуждением вопросов познания природы и взаимопонимания, а также проблем экономического патриотизма. В настоящей публикации показана динамика изменения мнений французских ученых-классиков и политических деятелей на отношение к родине, некоторый опыт формирования соответствующих мнений. Основная цель встреч и выпущенных работ – обмен позитивным опытом. В статье подчеркивается, что чтобы понять и принять опыт других, построить его в собственный опыт, надо обязательно уйти от самомнения и самодовольства.

Ключевые слова: экономическая психология, патриотические чувства, межкультурная компетентность, национальные движения, социальная справедливость.

Сотрудничество Иркутского госуниверситета с Университетом Париж-8 из Франции началось в 2013 г., когда в Париже состоялась международная конференция по продвижению инноваций в образовании. Несколько запоздало, а именно в начале 2019 г. Университет Париж-8, по материалам совместных мероприятий того времени, подготовил коллективный сборник на французском языке *L'École sans murs* («Школа без нянек»), в который включена статья профессора А. Карнышева *Le lac Baikal, lieu-ressource pour un développement de la personne et de la communauté, en harmonie avec la nature* («Байкал как источник ресурсов природосообразного развития человека и этноса») [см. 19].

Совместное мероприятие, названное первой летней франко-русской «Научной школой» трех университетов прошло на Байкале в августе 2016 г. В «Школе...» приняли участие преподаватели и студенты Иркутского и Бурятского госуниверситетов от России и Университета «Париж-8». По результатам работы первой школы в 2017 г. иркутские участники инициировали выход совместной книги «Траектории познания природы и взаимопонимания» [см. 11], оформленной и выпущенной издательством ИГУ. В книге собраны материалы 23 докладов и сообщений, прозвучавших на круглых столах и дискуссионной площадке «Школы».

В конце прошлого года в издательстве Иркутского государственного университета вышел сборник «Опыты экономического патриотизма во Франции и в России» под редакцией профессоров А. Карнышева и В. Решетникова [см. 8]. В сборнике размещены материалы 2-й летней российско-французской школы, которая проходила 1–9 июля 2018 г. в Париже. Выход в свет названной книги подтвердил то, что сотрудничество между вузами углубляется, и взаимообмен знаниями и навыками целесообразно продолжать. Чтобы понять и принять опыт других, встроить его в собственный опыт, надо обязательно уйти от самомнения и самодовольства. Это первое, что мы старались сделать, готовясь к 2-й летней школе, разрабатывая её мероприятия. В структуру «Школы...» 2018 г. от иркутской стороны был включен, во-первых, семинар по теме «Идеи патриотизма и межнационального согласия в истории французской и российской социально-экономической и психологической мысли и их значение для современных межэтнических отношений». Подготовка семинара в Иркутском государственном университете началась задолго до поездки во Францию и

включала в себя проработку французских классических и современных источников по гуманитарным и психологическим вопросам. Вторым слагаемым летней школы по линии ИГУ был круглый стол «Экономический патриотизм и особенности межнациональных отношений». До поездки в Университет Париж-8 (в марте 2018 г.) были сформулированы и доведены до российских и французских участников летней школы возможные вопросы для обсуждения на круглом столе:

1. Что в современных науке и практике вкладывается в понятия «патриотизм» и «экономический патриотизм»?

2. В какой мере и каким образом экономический патриотизм связан с национальными и гражданскими чувствами людей?

3. Как с экономическим патриотизмом и отношением к природе связана бихевиоральная экономика и экономическая психология?

4. Для кого в большей мере свойственен девиз *Ubi bene, Ibi patrie* («Где хорошо, там и родина»)?

5. Можно ли и нужно ли формировать региональный патриотизм мигранта, и что для этого необходимо?

6. В какой мере, на Ваш взгляд сопоставимы тезисы: «Покупай американское. Нанимай американцев» (Д. Трамп) и «Экономический патриотизм обозначает помощь в процветании французской компании на французской земле» (А. де Романе – французский бизнесмен).

7. В какой мере связан термин «экономический патриотизм» и выражение «отечество для нас – страна не предков, а потомков».

Кратко стоит сказать о вопросах методологического характера. Суть статьи отражает стремление к интеграции экономического и психологического знания. Покажем факт, подтверждающий актуальность такого подхода. Размышляя о динамике развития психологической науки, член-корреспондент РАО, профессор МГУ А. Г. Асмолов в опубликованном в 2018 г. интервью электронному журналу «ИП РАН СЭП» отметил, что психология часто строилась по образу и подобию других наук – физики, нейрокогнитивистики и т. п. Вместе с тем в своём утверждении: «новый этап психофизики и психологии – это психология по образу и подобию экономики», А. Асмолов не исключает некоторого «подвоха»: «когда мы радуемся, как дети, что экономисты используют конструкт или дискурс «человеческий капитал», мы невероятно проигрываем, потому что берём и навязываем категории, с помо-

щью которых экономисты пытались года с 1961-го дотянуться до психологов» [1, с. 162]. В целом справедливое утверждение. Но надо вспомнить, что в связи с «партийным присмотром» в СССР и России с 30-х по 80-е годы XX в. экономическая тематика в исследованиях психологов не одобрялась. Именно поэтому сегодня любые дискуссии по интеграции психологии и экономики важны и актуальны. Сразу отметим, что на круглых столах и дискуссионных площадках во Франции иркутские студенты и преподаватели проявляли свою активность и заинтересованность, разговор с французами был достаточно компетентным. Продемонстрируем также, что материалы проведенных мероприятий стали основой публикаций иркутских авторов в международных изданиях [см. 15, 16, 20].

Что касается проблемы, которая тщательно обсуждалась на научной школе в Париже взята в название книги, вышедшей в ИГУ в 2018 г., то надо подчеркнуть, что термин «экономический патриотизм» родился во Франции в начале XXI в. Его суть, как говорят французские предприниматели, заключен в первую очередь в тезисе: «процветание французских фирм на французской земле» [см. 14; 17; 18]. В данных словах видно яркое стремление французской экономики и политики к самостоятельности и независимости. Кстати, после избрания президентом США Д. Трамп подготовил указ № 1: «Покупай американское. Нанимай американцев», и «дух» данного указа последовательно реализуется и в торговой войне не только с Китаем, но и с европейскими фирмами, а через разного рода санкции направлен и на России. Для россиян патриотизм может быть как-то связан не только с приведенными призывами, но и с «борьбой» с конкретного вида санкций. Именно такого рода параллели позиций, говорящих о значении экономического патриотизма, побуждают проанализировать некоторые французские уроки. Между тем, в истоках экономической психологии имеются идеи патриотизма, проповедуемые уже в конце XIX в. одним из основателей научного направления – французским ученым Г. Тардом. По его мнению, очень трудно найти истинный всеобщий полюс народов, который «обладал бы способностью возвышать и укреплять единение душ так же энергично, как религия и отечество». И пока соперничают нации и классы, по его мнению, верования подобного рода будут играть свою наиважнейшую роль во всех сферах жизнедеятельности общества. В про-

тивном случае, нельзя позавидовать людям и отдельной личности и всем находящимся в такой ситуации: «общество, как и отдельный человек, прежде всего нуждается в какой-нибудь великой любви, и если оно перестает любить что-нибудь больше своей жизни, то его жизнью не стоит и жить» [10, с. 419].

Когда в свое время при ознакомлении с «казами» экономической психологии автору данной статьи пришлось «порадоваться» точности и ёмкости эпитета французского психолога Г. Тарда о множестве социальных явлений – «роскошь различий», я, конечно, не задумался об одной из важнейших причин, вызвавших к жизни данное понятие. Но вот не так давно удалось прочесть работу Ф. Броделя «Что такое Франция?», и уже первые абзацы принесли это понимание, поскольку он суммирует утверждения о том, что «Франция до абсурда разнообразна, или, иными словами, что пространство ее «пестро как мало в какой другой стране», что Франция удивительная страна «проселочных дорог», «не имеющая себе равных мозаика пейзажа» [3, с. 334]. К этим словам и сравнениям присоединились впечатления о нашей поездке в 2018 г. с около двухтысячным маршрутом по «проселочным дорогам» северной Франции, более всего провинции Нормандия. Вполне естественно приходится соглашаться со словами Л. Февра: «Имя Франции – разнообразие», и при этом помнить, что соответствующее определение смело можно отнести и к России.

Этническое разнообразие французов, русских, как и многих других народов Европы исторически связано с давними и недавними миграционными процессами. В частности, о национальном разнообразии Франции говорит и состав этнических групп, ставших основой французского населения. А. Фулье в книге «Психология французского народа» считает, что по вопросу об этнической характеристике французов господствует большая неурядица. Он приводит мнения, что их считают то ли латинянами, то ли кельтами, то ли германцами. Цезарь различал три этнические группы: аквитан, кельтов и бельгийцев. Неопределенность вносит и лингвистический анализ: бельгийцы, французы, итальянцы и испанцы говорят на языках, произошедших от латинского [13, с. 69, 74]. Отталкиваясь от таких фактов, этническое разнообразие России в целом представляется более обширным и глубоким явлением.

В национальной психологии народов Франции и России есть интересный «объединяющий» момент. У французов он может быть

назван «ностальгия по прежней Франции». Патриот Франции, социолог Ф. Бродель пишет: «Ныне все историки согласны в том, что в дореволюционную эпоху Франция – в силу своей большой территории, природных богатств, многочисленного населения, делавшего её самой мощной в демографическом отношении европейской страной (исключая Россию), – была первой промышленной державой Европы» [3, с. 469]. Эта ностальгия – одна из причин подталкивающих граждан Франции к патриотическим шагам. И здесь нельзя не вспомнить, что и у народов России есть свой достаточно весомый повод гордости – не только многоёмкая российская культура, но и пребывание и успехи этносов в составе СССР.

Особенностью патриотизма граждан Франции является то, что зачастую он находится в тесной связи с древними римскими традициями. Французские деятели Просвещения, а вслед за ними и революционеры Франции конца XVIII в. руководствовались принципом ставить общее благо выше личного благоденствия, и для них весьма значимым был девиз римских граждан «Iustum et dulce est pro patria mori» (справедливо и прекрасно погибнуть за Отечество). Одновременно подчеркивались и религиозные истоки патриотизма. Вольтер, говоря о разных творениях Бога, подчеркивал не только значимость любви к окружающему, но и негатив других тенденций: «Нужно любить творения, и очень нежно; нужно любить свою родину, свою жену, своего отца и своих детей, и любить их тем более, что бог заставляет нас их любить вопреки нам самим. Противоположные принципы способны лишь творить жестоких резонеров» [4, с. 199].

В век «Просвещения» в патриотизме французов чаще стали звучать социально-экономические нотки. М. Монтень утверждал, что любой наставник должен рассказать питомцу об известных мыслях древнего мудреца Персия: «Чего дозволено желать, в чем ценность недавно отчеканенных денег; насколько подобает расщедриться для своей родины и милых сердцу близких» [8, с. 131]. В свою очередь, Вольтер высказывался о более высокой значимости лиц, которые привносят стране свою «лепту» торговлей. В философских письмах он фиксировал факт, французские представители «высшего общества» – маркизы слишком гордятся своим статусом и презрительно отзываются о негоциантах – торговцах. И Вольтер задается вопросом: «Однако я не знаю, какая из этих двух профессий полезнее государству – профессия ли напудренно-

го вельможи, которому точно известно, в какое время встает ото сна король и когда он ложится... или же профессия негоцианта, обогащающего свою страну, ... содействующего процветанию всего света». Ученый с пафосом приводит пример английского купца того времени, имеющего «справедливое чувство гордости» и сравнивающего «себя с римским гражданином» [4, с. 99, 100].

В определенный период истории Франции «сын отечества», как весомое гражданское понятие неоднозначно воспринималось революционерами. Один из вождей Великой французской революции Робеспьер говорил: «В аристократических государствах слово «patrie» имеет значение только для патрицианских семей, которые захватили власть. Лишь при демократии государство – это действительно patrie для всех составляющих его людей» [см. 7, с. 325]. Такого рода демократические взгляды в цивилизованных обществах заметно снизили связь патриотизма с сословной принадлежностью. Скорее всего, с этими тенденциями связаны дискуссионные слова К. Маркса из Манифеста Коммунистической партии: «рабочие не имеют отечества». Классик английской историографии, автор многотомной книги «История Советской России» Э. Карр так оценивает данное высказывание: «Эти знаменитые слова не были, как иногда думают, бахвальством или программой. Это был протест против лишения пролетариата привилегии быть полноправным членом страны» [там же].

Историческим актом, который несомненно повлиял на изменение патриотических чувств французов и, в целом, европейцев, стало создание Евросоюза, который изначально воспринялся противоречиво. Так, позиция известного французского философа и экономиста М. Фуко по вопросу евростроительства была весьма позитивной: «Мы вступаем в эпоху экономической историчности, движимой, скорее, бесконечным обогащением, чем взаимной игрой конкуренции». «Это Европа совместного обогащения, Европа как коллективный экономический субъект, который, какой бы ни была конкуренция между государствами, или скорее даже, благодаря конкуренции между государствами, движется по пути неограниченного экономического прогресса» [12, с. 76, 77]. Другой точки зрения придерживался А. Гржебин, тогда директор политологических исследований университета «Сьянс По» (Париж), Он прозорливо писал о последствиях финансовой и в целом экономической политики Евросоюза: «единая валюта приводит к унифика-

ции экономической политики стран. Этот план представляется тем более вероятным, что Брюссельская комиссия ясно вписывает эту унификацию экономической политики среди основных целей евростроительства. Отныне, если у стран наблюдается изначальный недостаток конкурентоспособности, то они не смогут найти средства, необходимые для её восполнения. Несоответствия между европейскими странами лишь усилятся» [5, с. 227–228].

Политики – значимые адепты евростроительства постоянно стремятся расширить функции и значение ЕС. Интересен факт, когда в дни празднования 100-летия окончания Первой мировой войны Президент Франции Макрон, с одной стороны, заявил, что Франция не должна быть вассалом США, а с другой, – предложил создать общеевропейские войска для защиты от Китая, России и даже США. Эту инициативу поддержала канцлер ФРГ Ангела Меркель. Однако само предложение крайне возмутило президента США Д. Трампа. Американские СМИ прокомментировали, что это предложение – «самопиар» Макрона на фоне его снижающегося рейтинга в стране и в мире, и никакой любовью к Европе здесь не пахнет.

Особо обратили на себя внимание плюсы и минусы ЕС после выступлений «желтых жилетов» не только во Франции, но и в ряде других европейских стран в конце 2018 и в первые месяцы 2019 г. Меры строгой экономии средств и увеличения налогов, которые ввел Макрон и которые первоначально выступили отправной точкой протестов, стали восприниматься в единстве с необходимостью поднять уровень бюджета Еврозоны и расходов на экологию. Развитие протестного движения не только «похоронило» подобного рода меры, но сделали проблематичными возможности наделяния ЕС ещё большими полномочиями в отношении национальных экономик. В данной ситуации крайне левые и крайне правые движения всё больше набирают очки в роли настоящих поборников социальной солидарности и справедливости. Не случайно, по итогам выборов в Европарламент в мае 2019 г., эти движения увеличили своё представительство, особенно партия Марин Ле Пен, обошедшая партию президента Э. Макрона. Так или иначе, национально ориентированные движения поднимают свой вес в общеевропейской политике, используя лозунги экономического, и не только, патриотизма, и ЕС по сути постепенно начинает менять свою сущность.

Рост значения «правых» движений в ситуациях экономического давления и «засилья» мигрантов предопределяется в какой-то мере нравственно-психологическими факторами. Изучая деятельность движений и партий типа «Национальный фронт», исследователи под научным руководством С. Московичи уже в последней трети прошлого века выявили немало мотивов и факторов, их стимулирующих: от обычной жестокости до мнений о том, что присутствие во Франции иностранцев символизирует крушение порядка в нации и семье. Поддерживая чрезвычайную сложность таких процессов, в целях нашей работы важно подчеркнуть, что их мотивация тесно коррелирует и с патриотическими чувствами немалого числа французов. Ученые приводят типичное мнение отставного офицера: «Национальный фронт для меня – это обещание моральной чистоплотности в стране, которая так в ней нуждается! Да, чистоплотности, чистоплотности моральной и чистоплотности во всём. Как в личном плане, так и в плане политическом» [10, с. 476].

Если рассматривать суть движения «желтых жилетов» со стороны самих французов, то можно отметить следующие моменты. Во-первых, хотя далеко не все граждане готовы выйти на улицы, две трети (а по некоторым данным 80 %) опрошенных в первое время считали протесты оправданными, даже в их радикальных формах: погромы в самых богатых кварталах Парижа. Во-вторых, протестующие стремятся внедрить в сознание населения мысль, что во Франции из-за высокомерия парижской элиты сигналы из провинций доходят до бюрократических высот слишком медленно. Недовольство экономическим давлением долго «зреет» в регионах, но потом оборачивается взрывом в столице. Не случайно в событиях ноября-декабря 2018 года участвует много провинциалов. В самый разгар событий премьер-министр Франции признал: «Мы ошибались. Мы недостаточно слушали французов». В-третьих, стоит напомнить, что среди лозунгов «желтых жилетов» наблюдаются призывы, националистическую и/или патриотическую направленность которых трудно определить: «Остановить поток мигрантов во Францию. У страны нет денег на содержание приезжих» [см. газета «Комсомольская правда» от 12.12.2018]. Как считают эксперты, экономически новым и значимым выступает требование, связанное не только с прекращением приёма беженцев, но и с ограничением мер социальной защиты мигрантов. Суть

такого экономического патриотизма французских «желтых жилетов» в заботе о материальном благополучии граждан своего государства, и по большому счету данную тенденцию вряд ли можно назвать сугубо негативной. В-четвертых, негатив отношения к олигархической элите сказался на резком снижении рейтинга президента Э. Макрона, который сегодня называется «президентом богатых». Его оппоненты, намекая на провал заявленной раньше политики, с ехидцей используют выражение: «Юпитер сдулся, ему нужно спуститься с Олимпа». И для «левых» и для «правых» оппозиционеров весьма желателен слабый и лишенный поддержки населения президент, который в таком случае может стать заложником любых политических игр.

Но не одни международные причины стимулируют экономический патриотизм. Нельзя не отметить роль национального предпринимательства. Здесь немного личных впечатлений. Неоднократное посещение Франции и путешествие по её провинциям позволили увидеть те основные "предметы", связанные с экономикой, которыми в первую очередь гордятся французы:

- товарами, сделанными на родине с маркой Made in France;
- деликатесами французской кухни, французскими винами и другой продукцией сельскохозяйственного плана;
- продукцией отечественных производителей (многократно больше, чем в России, количество потребителей готово платить дороже и тратить больше денег, поддерживая французские фирмы, наверное, это связано в том числе и с гордостью производителей за качество своего товара);
- системой социальной защиты безработных, мигрантов, людей, нуждающихся в опеке и попечительстве.

В большинстве этих «факторов гордости» наша страна вряд ли может похвастаться более значимыми результатами. В России, в условиях санкций, антисанкций и необходимости импортозамещения, положение должно меняться, но происходит это очень медленно. К тому же проявляется масса недостатков:

- на местных прилавках всё чаще появляется разного рода фальсификат,
- качество товаров оставляет желать лучшего,
- цены на продукты первой необходимости постоянно возрастают,
- из стран "третьего мира" поступает некондиционный товар.

Все приведенные факты и выводы говорят о слабых поводах для россиян строить свой патриотизм на реальных, ощутимых экономических успехах отечественных производителей. Но может ли это означать утверждение сугубо пессимистических взглядов на перспективы развития экономики страны? На наш взгляд, на данный вопрос вряд ли можно дать утвердительный ответ хотя бы по двум причинам. Во-первых, в России много свидетельств об инновационной, творческой деятельности молодежи, которая сумеет переломить ситуацию в пользу отечественных производителей. Во-вторых, у россиян всегда были сильны субъективные, духовные ресурсы защиты своих идеалов и интересов, и в кризисных, переломных ситуациях это качество граждан только укреплялось. И это можно отнести к рассматриваемому нами вопросу.

Если, подводя итог размышлениям в статье, кратко обобщить уроки для россиян со стороны по-настоящему патриотичных французов, можно сказать следующее. Во-первых, чтобы для всех уровней власти стало обязательным правило «процветание российских фирм на российской земле», и оно неукоснительно обеспечивалось и средствами, и налоговыми льготами. Во-вторых, чтобы большинство наших соотечественников поняло, что импортозамещение, достойные ответы на санкции и учет экономических интересов провинции со стороны и производителей, и потребителей – это главные инструменты сохранения нашего достоинства, ресурсы проявления повседневного патриотизма. В-третьих, многим амбициозным отцам отечества важно напомнить, что терпение людей не безгранично, и события могут развернуться по французскому сценарию. А то ведь, наоборот, такая «элита» в дни волнений в Париже «устаи» А. Чубайса сделала самоуверенное заявление: «Общество глубоко инфантильно, оно за 25 лет не удосужилось даже сказать спасибо бизнесу за всё, что бизнес сделал в стране». При этом глава Роснано имел в виду, прежде всего, не честный малый и средний, а олигархический бизнес. Общество понимает, что с такими позициями эти люди не будут патриотами никогда. Да они ими и не были с момента своего появления в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Интервью о будущем психологии. // Электронный журнал ИП РАН СЭП. 2018. Т. 3, № 1 (9). С. 148–170.
2. Бродель Ф. Что такое Франция. // Хрестоматия нового обществоведения. М. : Научный эксперт, 2014. С. 334–482.
3. Вольтер. Философские сочинения. М. : Наука, 1988. 751 с.

4. Гржебин А. Экономическая политика или преодоление трудностей. М. : Терра, 1993. 322 с.
5. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М. : Изд-во ИП РАН, 2017. 422 с.
6. Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1, 2. М. : Прогресс, 1990. 768 с.
7. Монтень М. Опыты. Избранные главы. М. : Правда, 1991. 656 с.
8. Опыты экономического патриотизма во Франции и в России. Материалы 1-й французско-русской школы в Париже / отв. ред.: А. Карнышев, В. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 232 с.
9. Социальная психология / под ред. С. Московичи. 7-е изд. СПб. : Питер, 2007. 592 с.
10. Тард Г. Социальная логика. СПб. : Соц.-психол. центр, 1996 г. 500 с.
11. Траектории познания природы и взаимопонимания : материалы 1-й французско-русской школы в Париже / отв. ред.: А. Карнышев, В. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 232 с.
12. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978/1979 учебном году. СПб. : Наука, 2010. 448 с.
13. Фулье А. Психология французского народа. // Революционный невроз. М. : Институт психологии РАН, 1998. С. 9 – 250.
14. Desmetre Sandra. Les dessous du patriotisme économique. Regards croisés sur l'économie, 2008/1. N°3. P. 286–290. DOI: 10.3917/rce.003.0286. URL: <https://www.cairn.info/revue-regards-croises-sur-l-economie-2008-1-page-286.htm>
15. Gritskikh N., Reshetnikova E., Zagorodniy V. Specifics of Formation of Comfortable SocioCultural Environment as Factor in Formation of Well-Being of Modern Students / N. Gritskikh // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Dushanbe : Siblzdatservis, 2019. P. 145–149.
16. Gritskikh N., Gildebrandt A. Economic Patriotism in Cities and Villages: Differentiating and Integrating Features // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Atlantis Press, 2019. P. 511–514.
17. Herzog Ph. Du patriotisme économique au développement partagé // Confrontations Europe. 2007. N 77. P. 18 (14).
18. Karayon B. Patriotisme économique et mondialisation. Defense Nationale, 2006. P. 61.
19. Karnyshev A. Le lak Baikal, lieu-ressource pour un développement de la personne et de la communauté, en harmonie avec la nature // L'École sans murs. Paris : L'Harmattan, 2019. P. 101–113.
20. Patriotic attitudes impact on interethnic contacts of national identity and self-assessment / A. Karnyshev, O. Karnysheva, E. Ivanova, N. Gritskikh // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Tomsk: Siblzdatservis, 2019. P. 882–887.

French Lessons of Economic Patriotism (As a Result of the Cooperation of the Irkutsk State University and the University of Paris 8)

Karnyshev A. D.

Abstract. The article shows some results of more than five years of teachers and students' cooperation between Irkutsk State University and their colleagues and students of the French University 'Paris 8'. At Baikal (2016) and in Paris (2018) two scientific schools for teachers, undergraduates and students were held to discuss the issues of nature knowledge and mutual understanding as well as the problems of economic patriotism. This publication shows the change dynamics of French classical scientists and politician's opinions on the attitude to the Motherland, some experience in the formation of appropriate view. The main purpose of the meetings and the published studies is the exchange of positive experience. The article emphasizes that in order to understand and accept the others experience and to embed it in own experience, a person must necessarily get away from self-conceit and complacency.

Keyword: economic psychology, patriotic feelings, intercultural competence, national movements, social justice.

Статус Байкала как основа его оригинального образа

Вероник Буа
г. Париж, Франция

Аннотация. Байкал, обожествляемый и считавшийся с незапамятных времен священным, аборигены данных мест называли «морем», отмечая тем самым его биологическую и энергетическую мощь, «живительную» силу. Сегодня некоторые традиции утеряны, но сеть экологических школ в Иркутской области и, особенно, в Бурятии, ставит в центр своей деятельности «жемчужину Сибири», пытаясь вернуть Байкалу те благородные черты, которые побуждали людей называть его «морем». Экологические движения, как и другие, обращаются к каждому человеку, школе, населенному пункту, давая каждому возможность внести свою лепту, свой вклад в общее дело и осознать ответственность каждого.

Ключевые слова: экология, модели развития, «дикие» туристы, экологические школы и издержки.

В основе данной статьи лежит эссе «Байкал – озеро или море? (Le Baïkal, un lac? Une mer?)», опубликованное по результатам первой научной школы преподавателей и студентов России и Франции в 2016 г. Публикуемое тогда эссе ставило целью изучить отношение людей к озеру Байкал, рассмотрев многочисленные наименования, начиная от «озера» и заканчивая «морем», которые с давних времен давали Байкалу. Могут ли они оказать влияние на будущее озера? В данной же статье я пытаюсь конкретизировать последний момент, размышляя о том, какое влияние может оказать статус Байкала на развитие его имиджа.

Сначала мною будут рассмотрены многочисленные имена, которые озеру давали в прошлом. Затем я перейду к изучению вопроса отношения к Байкалу в наши дни с учетом возникающих экологических проблем. Кроме того, в работе будут проанализированы преимущества экологической обучающей модели, которая должна связать и подружить традиционные и инновационные подходы к образованию, и показано их созвучие многочисленным географическим определениям и метафорам, представленным в докладе Николая Эскаша в рамках Байкальской школы 2017 г. Такой подход, на пересечении философии и образования, будет предложен здесь человеком, открывшим для себя Байкал пять лет назад.

Рис. Карта Байкала, который Семен Ремезов называет «морем Байкал» (1699–1701)

Как отмечает А. Карнышев, на протяжении всей истории существования озера, т. е. более двенадцати миллионов лет, народы и племена, селившиеся или кочевавшие по его берегам, давали ему самые различные имена. Ученый использует в названии статьи, посвященной озеру, эпитеты «многоликий», «разноязыкий», которые довольно трудно перевести, ведь в них тесно соединяются материальная реальность озера и идеальные представления о Байкале. Обычно Байкал, почитаемый и считавшийся с незапамятных времен священным, называли «морем», отмечая тем самым его биологическую и энергетическую мощь, «живительную» силу. Озеро является главным источником питьевой воды, оно богато эндемичными видами растений и животных, некоторые из которых способны очищать воды озера. Нет необходимости перечислять все особенности этого «чуда природы», описанные байкаловедом, и многие загадки которого еще предстоит раскрыть.

Как следует из комплекта «Байкальский сундучок», о разных именах озера было известно уже из записок Марко Поло (1254–1324), который писал, что китайцы называют его «Пехай» – «Северное море», а эвенки – «Ламу», т. е. «море». Так его называли и первые русские и европейцы, пришедшие в Сибирь, в том числе, Аввакум (1620–1682). Буряты называли его «Далай» – «море», а также «Природный», «Существующий». Тюрки дали ему имя «Бай-куль» – «богатое озеро», что означало кормилец, эпитет, ко-

торый часто используется в отношении тайги, богатой растительностью и животными; буряты также использовали определение «священное», «Священное озеро или море», настаивая на уникальном характере явления Байкал, который одушевляли и наделяли человеческими чувствами все коренные народы региона. Его также называли «древним», «Батюшкой» щедрым и суровым, который способен накормить и дать силы тем, кто его посещает (например, шаманам, хорошо знающим его энергетическую картографию), а может и вызвать сильнейшие разрушительные бури [1].

В 1675 г. румынский ученый и исследователь Никола Милеску Спафарий уже задумывался над статусом Байкала. Он писал о неувеличим характере «моря Байкал», которое нельзя объехать кругом, а потому «неведомом»; известно лишь, что его длина, ширина и глубина огромны. Но если озеро определяется по наличию в нем пресной воды, то его можно назвать и озером [там же].

С самого раннего возраста детей учили – в некоторых районах так делают и поныне – относиться к озеру как к живому существу, уважать его, любить и бояться, приносить ему дары и соблюдать ряд «запретов», таких как никогда не «осквернять» его грязной водой или грязными предметами. И это касается всего водного бассейна: рек, прудов, озер и притоков.

Байкал – новый символ?

Исходя из выбранной темы исследования, а также того, под каким углом рассматриваются значение озера и представления о нем (не считая многочисленных географических определений, представленных в докладе Николя Эскаша, многообразия возможных географических прочтений, подчеркивающих разрыв между физической сущностью озер и значением приписываемых им образов), мне показалось уместным рассмотреть другой аспект, позволяющий провести границу между озером и морем, – взаимоотношения людей и водоемов: человек может укротить озеро, в отличие от моря, независимого по своей природе. С этой точки зрения, исчезнувшее за несколько лет Аральское море является озером, а не морем, или морем, ставшим озером, прежде чем исчезнуть.

Байкал: будут ли его использовать, чрезмерно эксплуатировать для решения различных туристических, экономических и политических задач? Некоторые доклады, представленные университетами Иркутска (ИГУ) и Улан-Удэ (БГУ) показали огромную популярность и живой интерес к озеру, заметный по бесчисленным

названиям компаний и усилиям, прилагаемым для развития туризма в регионе. Озеро становится эмблемой, символом туристических компаний и экологических движений национального и международного уровня. Это увлечение может стать опасным для озера, если деятельность этих компаний не будет достаточно продуманной и согласованной. Кажется, само богатство озера, и положение его бассейна, «байкальского региона», выходящего за границы одного государства, делает его уязвимым. Несмотря на защиту ЮНЕСКО и федеральный закон об охране озера, новую реальную угрозу для озера создает Монголия, которая планирует забирать воду из главного его притока.

Кроме того, на повестке дня и другой вопрос, связанный с людьми, живущими в регионе. В настоящее время, для охраны озера недостаточно только крупных охранных мероприятий. Сегодня это дело каждого гражданина, что становится очевидным, если посмотреть какой ущерб наносят «дикие» туристы на его берегах, загрязняя воды, питающие озеро, вплоть до самых малых речушек, и все чаще вспыхивающие в регионе пожары, происхождение которых не всегда понятно.

Возвращение к корням

Экологическое образование как средство спасения Байкала.

Рост интереса к Байкалу проявляется и в усилиях, которые прикладывают в сфере экологического образования на самых различных уровнях, от частных инициатив до работы школ и ассоциаций. Среди них целая сеть «экологических школ», появившихся в Республике Бурятия около пятнадцати лет назад при поддержке ассоциации «Грань», которой руководит Нина Дагбаева, а также благодаря помощи преподавателей Бурятского университета, которые, стараясь учить уважительному отношению (как это принято в традиционной системе воспитания), прививают бережное отношение к природе.

Также как и А. Карнышев, который считает, что изучение природной среды молодежью возможно только при погружении в эту среду¹, Н. Дагбаева полагает, что для улучшения экологической ситуации в стране недостаточно преподавать экологию: «Можно изучать физику, химию, биологию с помощью книг, зада-

¹ Озеро Байкал как источник и стимул развития личности и социума в гармонии с природой. Материалы коллоквиума 2013, Университет Париж-8, в печати

ний, экспериментов и экскурсий. Но научить уважать природу своей «маленькой родины», относиться с любовью и вниманием ко всему живому значительно более трудная задача. Этический аспект отличает экологию от других дисциплин». ¹ Этот подход к природе близок к тому, что ученый университета педагогических наук г. Тура Гастон Пино называет «экообразованием», образованием, которое человек получает посредством окружающей среды наряду с «самообразованием», т. е. самостоятельным обучением и «гетерообразованием», полученным от других людей. «Каким образом включить в официальное и неофициальное экологическое образование концепты, учитывающие этический аспект, традиции народов, живущих в байкальском регионе? В какой форме и с помощью каких методик ввести устойчивое развитие в воспитание, социальную и индивидуальную жизнь граждан?» Такие вопросы задают себе все те, кто задумываются о проблемах воспитания в регионе. Таким образом, экологические школы опираются как на традиционное экологическое образование, так и на современные методики воспитания, цифровые ресурсы, а также некоторые российские инновационные педагогические течения, соединяющие теорию и практику, как, например, школа на станции Танхой².

В этих школах преподаватели могут использовать дополнительные дидактические материалы, такие как вышеупомянутый комплект «Байкальский сундучок»³. Этот комплект позволяет школьникам, открывая для себя знаменитое озеро, одновременно осознать его связь с реками, другими озерами родного края, которые, также как и озеро Байкал, надо уважать, охранять, поддерживать в хорошем состоянии: «Экология, – говорит учитель химии из Хурамши⁴, – это значит сохранение, охрана «нашей родной земли», но не только. Обучая по комплекту «Байкальский сундучок», мы думаем не только о том, чтобы сохранить чистоту нашего маленького озера, но о том, чтобы сохранить чистоту Байкала, заботимся о том, чтобы он сохранил всю свою воду (...) Как можно оставлять мусор рядом со священным озером, каким является Байкал? Похоже, люди начинают учиться убирать за собой мусор.

¹ Модели школ экологической направленности в образовательном пространстве Байкальского региона с. 4 (перевод автора)

² Российская школа на озере Байкал, которая проводит «международные летние курсы» для молодежи экологической направленности.

³ Комплект представлен на интернет-сайте «[www. everydropmatters.ru](http://www.everydropmatters.ru)»

⁴ Бурятская деревня недалеко от Улан-Удэ

Надо оставить место чистым и убрать не только свой мусор, но и оставленный соседом. Вам будут за это признательны!»¹

Как видим, сеть экологических школ в Бурятии ставит в центр своей деятельности озеро Байкал, пытаясь вернуть ему те природные черты, которые побуждали людей называть его «морем». Это движение, как и другие, обращаются к каждому человеку, школе, населенному пункту, давая каждому возможность внести свою лепту, свой вклад в общее дело и осознать ответственность каждого. В центре движения осознание Человеком самого святого в жизни, возможность обрести связь с природой, понять, что твое выживание и выживание окружающей среды тесно связаны между собой. И не об этом ли говорят с давних пор поэты и любители природы?

Сегодня региональные власти Иркутской области и Бурятии вместе со специалистами по рекламе и маркетингу работают над повышением привлекательности Байкала в сознании и чувствах отечественных и зарубежных туристов (т. е. практически над созданием его брэнда), и они озабочены поисками комплекса эффективных средств, которые наиболее успешно выполняют данную задачу. Наш материал может оказать определенную помощь в данном вопросе. А. Карнышев любезно поделился предварительными результатами ответов респондентов из Байкальского региона (N = 890, в мае 2019 г.) на вопрос: «Имеет ли какое-то значение имидж жемчужины Сибири – озера Байкал для закрепления жителей в нашем регионе?». Первая пятерка ответов выглядит следующим образом.

1. Люди порой гордятся, что живут у Байкала – 39,2 %;
2. Многие люди рады возможности общения с Байкалом – 27,8 %;
3. Браконьерство, экологические издержки и т. п. уронили имидж Байкала – 24,4;
4. Имеет, но весьма незначительно – 18,9 %;
5. Практически не имеет – 18,7 %.

Таким образом, опрос демонстрирует и позитивные и проблемные тенденции, но есть уверенность, что целенаправленная работа по имиджу Байкала принесет свои оптимальные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Отрывок интервью Надежды Очировой, проведенного Вероник Буа 18 июля 2016 г. в Хурамше

1. Буа В. Байкал – озеро или море? (Le Baikal, un lac ? Une mer?). Траектории познания природы и взаимопонимания/ ред. А. Карнышев, В. Решетников. Иркутск : ИГУ, 2017. С. 19–24.
2. Дагбаева Н. Ж. Модели школ экологической направленности в образовательном пространстве Байкальского региона. Министерство образования и науки Республики Бурятия и Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2002
3. Карнышев А. Д. Байкал: природа и люди малой родины. Иркутск, 2018. 342 с.
4. Gaston Pineau – L'éro-formation en deux temps, trois mouvements Dans Connexions 2007/1 (n° 87)

Status of Baikal as the basis of its original image

Veronique Bois

Abstract. Baikal, deified and considered sacred since time immemorial, the natives of these places called the "sea", thereby noting its biological and energy power, "life-giving" power. Today, some traditions are lost, but the network of environmental schools in the Irkutsk region, and especially in Buryatia, puts the "pearl of Siberia" at the center of its activity, trying to return Baikal to those noble features that prompted people to call it "the sea". Environmental movements, like others, appeal to every person, school, locality, giving everyone the opportunity to contribute, contribute to the common cause and realize the responsibility of each.

Keywords: ecology, development models, "wild" tourists, ecological schools and costs.

Психолого-экономические причины, ведущие к росту или к снижению уровня патриотизма среди итальянцев

Пиккарди Мауро

г. Терни, Италия

Аннотация. В статье поднимается вопрос о сложности проявления патриотизма у народа Италии. Рассматриваются различные экономические и др. причины, влияющие на рост патриотизма итальянцев.

Ключевые слова: патриотизм, экономические причины роста патриотизма

Экономические причины, влияющие на рост патриотизма в Италии, многочисленны. Например, это несомненные успехи ремесленного и индустриального производства. Мы можем начать с моды, а еще точнее, с создания модных брендов, таких как: Armani, Versace, Valentino, Dolce e Gabbana, Ferragamo, Prada, Gucci, Bulgari и т. д. Список итальянских брендов слишком длинный, чтобы привести его здесь полностью. К сожалению, многие из этих крупных домов в последние годы понесли на себе последствия глобализации и были выкуплены иностранными инвесторами.

Переходя к автомобилям, нельзя не упомянуть создание таких итальянских марок как: Ferrari, Lamborghini, Maserati, Bugatti,

Pagani, Isotta Fraschini, Alfa Romeo, Lancia, Fiat. Что касается мотоциклов, то это в первую очередь Ducati, Gilera, MV Augusta, Vimota, Moto Guzzi, а также Piaggio, знаменитый, прежде всего, созданием легендарной Веспы, моторизировавшей целые поколения итальянцев и давшей миру идеал мотоцикла. К сожалению, последствия глобализации ощущаются и в этом секторе. Самое удивительное то, что почти все перечисленные марки, родились и получили развитие на маленьком кусочке земли, расположенном в регионе Эмилия Романья, названном впоследствии «долина моторов».

Но мы можем считать себя патриотами не только исходя из экономических успехов, но также благодаря искусству и гуманизму. Период Возрождения, и не только, стал одним из наиболее плодотворных периодов итальянской истории, достаточно упомянуть таких гениев как Микеланджело, Караваджо, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Бернини, Боттичелли, Джотто, и многих других, «обогативших» мировое искусство. Это была эпоха великих экономических и общественных изменений, по мнению некоторых историков своего рода разрыв между Средневековьем и Новым временем, произошедший на маленькой территории в Средиземноморье.

В области музыки итальянцам так же есть чем гордиться: Верди, Вивальди, Россини, Доницетти, Пуччини, а также великие мастера, такие как Страдивари и мн. др. Эннио Морриконе, – создатель великолепных композиций, – вот еще одно имя, достойное дополнить ряды великих артистов.

Как можно видеть, у итальянцев есть много причин для гордости своей страной и патриотизма. Но необъяснимое несоответствие блистательных талантов и судьбы, во многом страдальческой, итальянского народа – вот основная причина для беспокойства. Все эти многочисленные испытания, выпавшие итальянцам на протяжении многих веков, кажутся несоответствующими малому размеру самой страны и числу жителей.

В том, что все перечисленные выдающиеся личности являются великими гениями, нет никаких сомнений. Но итальянцы часто наносили вред сами себе: многие исторические личности, подобно Маккиавелли, подверглись гонениям и даже пыткам. Галилео Галилей был судим за свои научные воззрения, Гарибальди попал под контроль полиции. Вынуждены были отправиться в изгнание Данте Алигьери, Джузеппо Маццини, Энрико Ферми, Артуро Тосканини и многие другие. Мы итальянцы, можем быть довольны

собой и упрекать себя в одно и то же время. Массимо Д'Адзелио (президент Совета министров в Королевстве Сардиния) говорил: «Италия создана, теперь необходимо создать итальянцев». Увы, необходимо признать правоту его утверждения.

Есть и еще один камень преткновения: итальянцев, как и многие другие народы, разделяет политика. Многие думают, что будет достаточно сменить политических лидеров, на которых и падают обвинения во всеобщих неудачах настоящего и прошлого, и, словно по-волшебству, все проблемы будут решены (это напоминает страуса, прячущего голову в песок в случае опасности). К сожалению, история показывает несостоятельность таких надежд: никогда политики не могли решить проблем такого уровня. Разумеется, важность политики оспаривать трудно, но прежде всего необходимо менять законы, которые и являются настоящим мотором развития. Именно они и есть магнит, привлекающий инвестиции, выгодные для населения и для страны. Инвестиции в исследования, в образование, и все это в гармонии с окружающей средой. Но этого нельзя добиться слоганами и воззваниями, популярными в сегодняшней Италии. И потому, изменение законов становится крайне необходимым для увеличения рабочих мест и развития.

Последний наш анализ будет посвящен недавним выборам в европейский парламент. Итальянский результат (усиление националистических тенденций, как и в Венгрии и во Франции) демонстрирует очевидное укрепление позиций «Лиги» Маттео Сальвини. Сальвини добился большого успеха даже в центральной части страны и на Юге, несмотря на то что его партия придерживается федералистских и сепаратистских взглядов (подобные взгляды более популярны скорее на севере Италии, нежели на юге). Все это свидетельствует о растерянности и беспокойстве среди населения, как если бы перепел решил голосовать в поддержку охоты, т. е. голосовал бы за то, что несет ему потенциальную опасность и даже смерть (это мнение автора). Эта волна популизма и сепаратизма пока еще не повлияла на состав Европейского Парламента, но, по моему мнению, необходимо стараться сдерживать и в конце концов, остановить эту волну.

В заключение можно сказать, что итальянцы становятся патриотами только когда они обижены, именно тогда они и объединяются. В противном случае, они постоянно критикуют самих себя. Внутренние разделения, которыми мы обязаны историческим

причинам, не смогли остановить глобализацию экономики, из-за чего Италия утратила многое, что прежде служило к её гордости. По этой причине, мы лишились так же и большого количества рабочих мест, что повлекло за собой необратимые для экономики и политики последствия. Но к счастью, надежда и оптимизм всегда были присущи итальянскому народу. Например, чтобы справиться с негативными последствиями переезда за границу многих крупных итальянских компаний, рядовые работники даже отдавали свой TFR (особая денежная выплата, которую итальянцы получают при выходе на пенсию), в противном случае, эти компании потерпели бы финансовый крах. Несмотря на риск, это смелое решение было поддержано многими работниками по всей стране. Вот свидетельство настоящего патриотизма и стремления к выживанию.

**Economic reasons leading to an increase or decrease
in the level of patriotism among Italians**

Piccardi M.

Abstract. The article raises the question of the complexity of patriotism among the people of Italy. Various economic and other reasons influencing the growth of patriotism of Italians are considered.

Keywords: patriotism, economic reasons of patriotism growth.

**Феномен «борьбы с этническим самосознанием»
как основа утверждения монизма личностной
идентичности в становлении современного человека**

Бобков А. И., Бобков А. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена «борьбы с этническим самосознанием» как характеристикой социального бытия современного человека. Рассмотрен генезис идеи этнического самосознания как тупиковой практики осознания социального самобытия личности, требующей преодоления. Предложена дифференциация понятий подлинное этническое самосознание и преодоленное этническое самосознание. Предпринята попытка фиксации их сущностных черт с целью поиска новой доктрины самоактуализации этнической самости. Неполнота социального бытия в условиях абсентизации этнического самосознания становится тем проблемным полем, где феномен этнокультурной идентичности занимает центральное место и ведет к актуализации этнического философского дискурса, как методологической основы актуализации необходимости этнопсихологии.

Ключевые слова: этническое самосознание, этноцентризм, борьба, этническая идентичность, индивидуальность, сознание.

Сознание собственной этничности есть проблема не только этнопсихологическая или этнологическая. Это проблема и фило-

софская. Точнее это одна из ключевых проблем социальной философии. И дело не только в том, что мы испытываем сегодня рост этнического в современных обществах, но и в том, что основные существующие доктрины этнического самосознания рассматривают его с позиции объективной жизненной необходимости личности и совсем игнорируют феномен борьбы с ним. А между тем всякий факт сознания и тем более самосознания что-то отсекает от бытия, и это отсечение нуждается в оправдании или осуждении, а это уже борьба.

Приступая к разговору об анализе феномена борьбы с этническим самосознанием отметим, что он является одной из ключевых проблем русской философии. Только осознание этого ключевого или фундаментального переживания русской мысли для одних кажется драмой разрыва с человеческим, а для других долгожданным освобождением от великого Другого с Запада. В рамках данной статьи мы не будем подробно останавливаться на истории происхождения этих доктрин, обозначим только то, что данная тема у славянофилов обозначается как борьба за целостность и соборность, определяющую этнос как единую духовную общину, где голос потомка равен голосу предка и современника. Такое равенство связано с тем, что их объединяет жизнь как непрерывный процесс, а различие лишь в специфике ее проживания или переживания. Приведем одну цитату из А. С. Хомякова: «Единство истинное, внутреннее, плод и проявление свободы, которому основанием служит не научный рационализм, и не произвольная условность учреждения, а нравственный закон взаимной любви и молитвы, единство в котором при всем различии в степени иерархических полномочий на совершение таинств, никто не порабощается, но все равно призываются быть сотрудниками в общем деле, словом единство по благодати Божией, а не по человеческому установлению – таково единство Церкви» [4, с. 191]. В этом высказывании одного из глубоких исследователей русского этнического самосознания таится и его личное переживание символов этнического «утаенных» в русской православной церкви, и его нежелание на замену понимания доказательством, и его обозначение самосознания как некоего трагического начала в человеке, требующего иного направления сознания, чем научный рационализм.

Не случайно позже П. А. Флоренский отмечал, иную направленность русской иконописи в отношении обратной перспективы.

Скорее всего, столкновение с говорением и «умозрением в красках» русской мысли в церкви и выступает как первооснова для интенции сознания. «Религиозная живопись Запада, начиная с эпохи Возрождения, была сплошь художественной неправдой, и проповедуя на словах близость и верность изображаемой действительности, не имели никакого касательства к той действительности, которую они притязали и дерзали изображать...»- отмечал П. А. Флоренский, иную направленность сознания в католическом искусстве, начиная с эпохи Возрождения [3, с. 53].

Индивидуальность, отошедшая от соборного общего дела, вот, та европейская дезинтегрированная индивидуальность, не подходящая русскому самосознанию. Именно она, столкнувшись с символами соборности, считает важным объявить им борьбу. Интенция такого сознания направлена на нигилистическое уничтожение символов дающих интенцию на самобытный коллективный умустрой или этническую субъектность.

Если взять за основу высказывание Г. Гадамера утверждающего: «В искусстве человек встречает самого себя, дух встречает дух», то необходимо понять, что следование эстетике научного творчества в отношении десубъективации этнического требует борьбы с самим собой, а социально-гуманитарное познание наоборот принятие самобытия [1, с. 103]. Отсюда и борьба с этническим самосознанием в лоне позитивистского нигилизма, ведущего к безобразным социальным структурам и требующим отречения от этнического самосознания.

Это отречение связано с тем, что в этническом самосознании есть много того, что не хотелось бы признать в себе. Ведь оно возвращает в жизни коллективного субъекта, заставляет вновь обнаруживать границы исторического самобытия, отрекаться от европейского завоевания творческой индивидуальности. Гораздо удобнее перебороть этническую субъектность, запретив те мифы, которые ее порождают. Вне учреждений разума свобода для самовыражения не обнаруживается. А этнос с этими учреждениями несовместим.

Конечно «борьба с сознанием» не наш термин. Этот термин мы взяли у М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского. В их работе «Символ и сознание» есть одно очень важное замечание о том, что при работе с сознанием необходимо его исключить как естественный процесс. Это исключение необходимо для приобретения

права на существование чего-то такого, что в сознании не умещается и вызывает желание его исключить, но в жизни существует вопреки этому исключению. Поэтому нам необходимо в том, чтобы более четко выявить проблему этнического самосознания как проявление некой этнической субъектности, объявить борьбу с ним, чтобы показать его иррациональное существование. Это важно, ибо сознание является лишь предтечей самосознания, как истинной цели и философии, и религии. «Жизнь» и «сознание» есть два пути, ведущие либо к свободе, либо к адаптации. Если этноса субъекта нет, значит, нет жизни, а есть поиск ее смысла без переживания, а если он есть, значит, смысл жизни не следует искать, ибо он уже дан в метаязыке этноса. Этот метаязык требует понять, что границы самобытия есть границы жизни вне коих, все бессмысленно. Столкновение с этническим самосознанием в нас останавливает сознание это кажется опасным, но М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский утверждали: «...мы в какие-то моменты жизни ясно ощущаем существование такой жизни, которая сознанием не является, и что наша жизнь может существовать, может обретать какую-то полноту – не только поскольку сознание останавливается, чтобы быть осознанным, но и постольку поскольку оно останавливается, чтобы его не было» [2, с. 21.]. Если для учреждения остановка сознания опасна, то для общины и общности, для церкви она необходима, ибо ведет к самосознанию. Поэтому попробуем остановить не сознание, а самосознание. Иначе говоря, заполним жизнь только сознанием. И значит, исключим этнос как субъект.

Обозначая свое этническое самосознание, субъект выбирает приемлемые для него стереотипы восприятия своих и чужих, он выбирает коллективные представления, в которые верит его этнос, тем самым осознавая их как социальный факт, носящий по отношению к его сознанию принудительное значение. И дело не только в том, что это объективная сторона социального бытия, а еще и в том, что этот процесс не происходит без борьбы. Только процесс борьбы во многом для нас скрыт. Точнее мы не подразумеваем его. Следует говорить о некой легкой естественности выбора этнической идентичности. Некая детскость в этом процессе есть, но динамически нам следует выделять фазы не только экстатические, но и кризисные, конфликтные. Тем более, что в условиях межэтнических браков дуальный характер этнического самосознания налицо.

Но не только это детерминирует состояние борьбы с этническим самосознанием, но и то, что этническое самосознание вводит субъекта в состояние борьбы с различными картинами мира внутри него, ведущих к отказу от многих объективных форм деятельности и игнорированию казалось универсальных символов. Сложность положения состоит в том, что универсальные символы начинают рассматриваться критически. Возникает цель найти их этническое происхождение или конфессиональное. Здесь возникает потребность с одной стороны выявить причастность своего этноса к созданию универсальной картины мира, либо его непричастность к этому. В любом случае вновь и вновь решается задача, где этнос мыслит сам, а где за него мыслят другие. В любом случае идет борьба с неполнотой этнического бытия. Примечательно, что эта неполнота отправной точкой считает миф о том, что актуализация этнического самосознания приведет субъекта к уничтожению способности инакомыслия, как единственной формы мышления. Императив «Мыслить как все» в данном случае четко ассоциируется с этническим самосознанием, поэтому и возникает борьба.

Однако рано или поздно возникает вопрос о том, что инакомыслие возникает не только и даже не столько в лоне культурного релятивизма, но и наоборот в рамках этноцентристского мышления. Более того этноцентристское мышление дает гораздо большую выгоду и универсальной картине мира в силу нестандартной постановки проблем бытия человека. Бессмысленное доселе вдруг предстает с очевидной наполненностью смыслом. Преображение субъектного бытия происходит следующим образом, там, где угроза потери индивидуальности считалась очевидной, эта индивидуальность обретается, а там где она считалась неуязвимой, она исчезает. Будем объективны и заметим, что и этот вывод внутри субъекта тоже подвергается сомнению, т. е. борьбе.

В связи с этим, нужно отметить, что этническое самосознание выступает сложным феноменом, детерминирующим необходимость создания метатеории этнического самосознания. Примечательно, что этническое самосознание противостоит отвержению некоего понимания жизни без этноса, без его причастности к становлению субъекта. Механизм этого противостояния начинается с того, что некое представление о человеке обосновывается как универсальное, т. е. объективное. Затем обнаруживаются условия, при которых эта объективность наиболее открыта, подбираются соот-

ветствующие символы, затем берется некое опровержение этих символов или анти-символы (анти-сознание) и обнаруживается их бесплодность в преодолении объективности. Такова схема мета-теории обосновывающей отсутствие этнического сознания и связанного с ним самосознания. В любом случае «общепринятой» объективации любая попытка ее критического осмысления признается необоснованным заблуждением, которое ведет к осуществлению малоуспешной или безуспешной социокультурной деятельности.

В социальном контексте любое этническое выступает как демонстрация неведения научно обоснованных социальных закономерностей, в этом его социальная функциональная сущность в контексте позитивистского дискурса. Неведение пугает субъекта, он стремится изменить одни стереотипы (этнические) на другие стереотипы (научно-теоретические) при этом не осознавая того факта, что социальные закономерности не раскрываются и при условии причастности к объективной картине без этнического самосознания. Незнание социальных закономерностей становится еще более очевидным. Но справедливости ради следует заметить, что в символах объективации, когда снята ответственность перед прошлыми поколениями, самочувствие субъекта выглядит более комфортно. Этот комфорт заключается в том, что он обозначает отсутствие фиксации социальных закономерностей в символах ибо они из уровня обыденности перекочевали на уровень социальной теории, которую он отдал на откуп ученым-экспертам. Его вера в то, что ответственность за отсутствие самосознания снята и есть итог борьбы с этническим самосознанием сведенным до уровня не более чем развлечения.

Такая картина отношения к этническому самосознанию требует отнесенности к некой теории, лежащей в его основании. Теории философской, а не психологической. Почему философской, потому что психологические теории все усматривают сугубо на индивидуальном уровне, а ведь речь идет о самосознании принадлежности к социальной общности в ее конкретном состоянии. А любая социальная общность нуждается в теоретическом осмыслении, ибо ответа на вопрос о смысле этнического самосознания не найдешь. Этот факт для одних вполне приемлем, но неприемлем для социальной философии, ведь смысл осознания социальной общности есть необходимое условие ее существования и ее конечная цель. Поэтому важнейшим замечанием, дающим право на обозначение феномена борьбы с этническим самосознанием, как его необходи-

мой гносеологической характеристикой, на наш взгляд является следующее высказывание М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского: «Борьба с сознанием означает, что стремлением человека сознание престаёт быть чем-то спонтанным, относящимся к природе, автоматически функционирующим» [2, с. 20]. Автоматическое функционирование, исключенное из метатеории сознания, выводит нас на понимание того, что есть проблема отсутствия сознания, а значит, есть проблема отсутствия автоматизма самосознания. Это означает, что борьба с этническим самосознанием проистекает в двух направлениях. Первое заключается в установлении критериев символов его порождающих, а второе в установлении наличия символов его блокирующих. Это приводит к пониманию того факта какая теория борьбы с этническим самосознанием господствует в сознании большинства субъектов тем самым предопределяя их понимание социального вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х. -Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
2. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.
3. Флоренский П. А. Иконостас – М. : ООО Издательство Аст, 2001. 208с.
4. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Том II. Работы по богословию. М. : Моск. филос. фонд : Медиум, 1994. 480 с.

Phenomenon of “fight against ethnic consciousness” as a basis of a statement of a monism of personal identity in formation of the modern person

Bobkov A. I., Bobkov A. A.

Abstract. Article is devoted to the analysis of a phenomenon of "fight against ethnic consciousness" as characteristic of social life of the modern person. Genesis of the idea of ethnic consciousness as deadlock practice of understanding of social self-life of the personality demanding overcoming is considered. Differentiation of concepts original ethnic consciousness and the overcome ethnic consciousness is offered. An attempt of fixing of their intrinsic lines for the purpose of search of the new doctrine of self-updating of ethnic egoism is made. Incompleteness of social life in the conditions of an absentization of ethnic consciousness becomes that problem field where the phenomenon of ethnocultural identity takes the central place and leads to updating of an ethnic philosophical discourse as methodological basis of updating of need of ethnopsychology.

Keywords: ethnic consciousness, ethnocentrism, fight, ethnic identity, identity, consciousness.

Психологическое здоровье личности как основа межнационального согласия и патриотизма

Аршинская Е. Л.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие психологическое здоровье как состояние психической, нравственной и духовной сферы человека. Обосновывается взаимосвязь и взаимовлияние между психологическим здоровьем и межнациональным согласием, патриотизмом. Представлена психопрофилактическая программа, направленная на развитие патриотизма и межкультурной компетентности у современной молодежи.

Ключевые слова: психологическое здоровье, патриотизм, межнациональное согласие, межкультурная компетентность.

При рассмотрении психологических составляющих таких категорий как патриотизм и межнациональное согласие нельзя не затронуть вопросы психологического здоровья, как отдельной личности, так и общества в целом. В. Франкл, писал, что здоровье – это мера духовного развития человека [5]. Рассматривая понятие здоровье, Г. С. Никифоров, приходит к выводу о том, что здоровый человек – это человек гармоничный [4, с. 56].

Психологическое здоровье, являясь частью общей культуры человека, представляет собой отражение здорового бытия, личного и социального благополучия как отдельного человека, так и общества в целом и является важнейшим условием, определяющим вектор формирования и развития взаимоотношений и взаимодействий в группе и коллективе. Недостаток психологического здоровья не только угнетает человека, но его можно рассматривать как своеобразную форму слепоты, когнитивной патологии, равно как форму моральной и эмоциональной неполноценности. Нездоровье – это всегда ущербность, ослабление или утрата способности к деятельности и самоосуществлению.

И. В. Боевым, было отмечено, что психологическое здоровье должно предполагать не только гармоничные характерологические личностные качества, вершиной которых является адекватное самосознание, но и полноценные психические и психологические функции. Психологическое здоровье должно включать характерологическую и личностную гармоничность, допуская изменчивость в диапазоне психологической нормы (И. В. Боев, 1999). Признаками психологического здоровья личности являются переживание

радости самооценности жизни, позитивный настрой, развитый самоконтроль поведения, нравственное отношение к другим людям, способность к саморазвитию, высокая степень совпадения «Я» реального и «Я» идеального, стремление к осмыслению и свободному выбору жизненного пути (Г. И. Колесникова, Н. Д. Лакосина, А. Маслоу, Г. Олпорт, В. И. Слободчиков, Г. К. Ушаков, А. В. Шувалов и др.).

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) психическое здоровье имеет отношение к отдельным психическим процессам и механизмам, психологическое здоровье относится к личности в целом и позволяет выделить собственно психологический аспект проблемы психического здоровья в отличие от медицинского.

О. С. Васильева, Ф. Р. Филатов, проводя анализ наиболее распространенных научных и социальных представлений о феномене здоровья, отмечают, что существуют этнические модификации эталонов здоровья, которые заключены в границах отдельной культуры и отражаются в национальных образах, символах, языковых конструктах. Например, до XVI в., на Руси собственно здоровьем считалось не физическое, а моральное благополучие. “Быть здоровым” значило скорее “быть добрым человеком”, нежели просто “не болеть”. Здоровье не противопоставлялось (диалектически) недугу, но сосуществовало параллельно с ним, противостояло здоровью страдание (прежде всего, в моральном его аспекте), в то время как недугу – благо [1].

В работах Э. Фромма, Г. Олпорта значительная роль отводится социальным аспектам здоровья, таким как: стремление к реализации собственных способностей, любви, созиданию, чувство общности, способность к теплоте глубинному отношению личности к окружающим, сострадание к отдельным людям и предрасположенность к такой совместной деятельности, которая улучшит жизнь человечества.

Когда говорят о психологическом здоровье, в первую очередь рассматривают состояние психической нравственной и духовной сферы человека. Это не только душевное, но и личностное здоровье, умение четко оценивать ситуацию, правильно действовать, принимать себя и окружающих, быть в хорошем расположении духа, проявлять креативность в решении жизненных задач. Как правило, психологически здоровые люди имеют активную жиз-

ненную позицию, они разумны, жизнерадостны, творчески, открыты к взаимодействию с окружающим их миром. Существует определенная норма психологического здоровья – наличие личностных характеристик, которые позволяют взаимодействовать с обществом, а также развиваться и утверждаться самому.

Таким образом, мы можем говорить о том, что психологическое здоровье – это комплексное понятие, которое предполагает, одновременное наличие психического и душевного здоровья, только на этой основе может формироваться психологически здоровая личность, основными характеристиками которого являются:

- самодостаточность;
- умение распределять свои силы и способности;
- эмоциональная устойчивость и способность регулировать свое психическое состояние, в независимости от ситуации;
- внутренняя гармония и равновесие с собой и окружающим миром;
- наличие системы ценностных установок, связанных с истинами добра, любви красоты;
- духовное и нравственное благополучие;
- наличие активной жизненной позиции;
- умение проявлять гибкость, креативность в решении жизненных задач;
- открытость и готовность взаимодействовать с окружающими.

Все вышесказанное, позволяет констатировать, что одной из наиболее значимых составляющих психологического здоровья является наличие гармонии в отношениях с окружающими. Таким образом, межнациональные отношения, как особый вид социальных отношений, которые осуществляются между народами (этниками) в разных общественных сферах способны оказывать существенное влияние на психологического здоровье, как отдельной личности, так и целой группы.

Межнациональное согласие понимается многими авторами, как согласованность, соразмерность и гармония в отношениях между представителями различных культур, национальностей, религий. Общество, в котором существует межнациональное согласие, отличается тем, что межличностные отношения, которые складываются в нем, характеризуются отсутствием различного рода противостояний и конфликтов. Только в таком обществе, со-

стоящем из людей способных находить взаимопонимание в различных ситуациях, может формироваться эмоционально-устойчивая и психологически здоровая личность.

Таким образом, мы можем говорить о взаимовлиянии и взаимосвязи между психологическим здоровьем и межнациональным согласием. Поскольку только психологически здоровый человек способен выстраивать гармоничные межкультурные и межнациональные отношения, а такая личность может сформироваться в обществе, где существует гармония в отношениях между людьми, в том числе и между представителями различных национальностей.

Проблемы психологического здоровья, как правило, рассматриваются в контексте психологической помощи. Для того чтобы поддерживать психическое и психологическое здоровье в обществе на должном уровне, психолог использует в своей работе различные виды деятельности: психологическое просвещение, психологическую профилактику, диагностику, коррекцию и др.

Для разработки и реализации различных программ по формированию и укреплению психологического здоровья необходимо прежде всего разбираться в теоретических и методологических подходах на которых должна основываться данная работа.

Как отмечает Г. С. Никифоров, основным направлением психологической работы в данном направлении должно стать отношение к здоровью. Теоретико-методологической основой в решении данной проблемы является концепция «психологии отношений», поскольку отношение к здоровью является отражением индивидуального опыта человека, а с другой оказывает влияние на его поведение [4]. А. Ф. Лазурский, рассматривая личность как биосоциальный организм выделял следующие основы личности: во-первых, ее нервно-психическую организацию, а во-вторых отношение личности к внешней среде (природе, людям, социальным группам, духовным ценностям. Таким образом, личность предстает перед исследователем как система отношений и отношения рассматриваются как психическое выражение связи субъекта и объекта [2]. В. Н. Мясищев развил данные идеи, раскрывая сущность понятия «отношение» в психологии, он указывал, что психологический смысл отношения состоит в том, что оно является одной из форм отражения человеком окружающей его действительности. Формирование отношений в структуре личности происходит в результате отражения им на сознательном уровне сущности соци-

альных объективно существующих отношений общества в условиях его макро- и микро-бытия, которое совершенно по-разному обуславливает формирование и проявление потребностей, интересов, склонностей. Система отношений, в которую оказывается включенным каждый человек со времени своего рождения и до смерти, формирует его субъективные отношения ко всем сторонам действительности: к окружающему миру, к людям, к самому себе. Это наиболее специфическая характеристика личности, чем, например, ряд других ее компонентов, таких, как характер, темперамент, способности и др. Более того, на всех психических процессах, фиксирующих особенности объективного мира (восприятия, памяти, мышления, внимания, воображении) постоянно лежит печать отношения человека к различным сторонам мира, частицей которого он является. Таким образом, если «меняется мир, в котором живет и действует человек, изменяется его роль и положение в этом мире» происходят в большей или меньшей степени значимые изменения в «картине мира» в отношениях с окружающими.

В. Н. Мясищев считал, что отношения личности – ее потребности, интересы, склонности – являются результатом того, как человеку удастся взаимодействовать с совершенно конкретной для него окружающей средой и насколько эта среда дает простор для проявления и развития его индивидуальности – и в предметной деятельности, и при взаимодействии с другими людьми [3].

Принимая во внимание вышесказанное, мы можем говорить о том, что программы по формированию патриотизма и межнационального согласия, как показателя психологического здоровья группы и общества необходимо разрабатывать и реализовывать с учетом этих теоретических положений. А также предложить основные принципы работы в данном направлении.

Позитивизм (позитивные эмоции и отношения):

а) позитивное отношение к проводимой работе, к представителям других национальностей, к родине (родному краю, особенно к малой Родине);

б) формирование чувства гордости;

в) настроенность на построение диалоговых отношений.

Когнитивный

а) знакомство с культурным и духовным наследием своего региона, своей страны;

б) знакомство с тем, какой вклад внесли представители различных национальностей в развитие и становление конкретного региона и России (осознание и понимание, что страна, государство создавалось совместными усилиями различных народов);

б) знакомство с достижениями современников, в том числе представителей различных национальных проживающих в регионе и в стране.

Актуализирующий (поведенческий) формируется только при реализации двух первых принципов, а также направлен на:

а) развитие умения выстраивать гармоничные бесконфликтные взаимоотношения с представителями других национальностей и т. д.;

б) формирование готовности участвовать в общественной жизни своего региона, активной жизненной позиции.

На основе вышеизложенных положений нами была разработана психопрофилактическая программа, направленная на развитие патриотизма и межкультурной компетентности у старших школьников, обучающихся средних профессиональных учреждений, студентов.

Программа состоит из трех этапов.

I. Ориентировочно-организационный этап

Цели и задачи: формирование общей направленности на здоровый образ жизни; осознание и принятие целей предстоящей работы; постановка индивидуальной цели.

- изучение индивидуальных показателей отношения к здоровью, патриотических установок, субъективное понимание патриотизма, на основе полученных данных формулировка индивидуальной цели работы;

- знакомство с истоками становления патриотизма, обсуждение проблем патриотизма, посредством использования исторических примеров и жизни конкретных людей;

- обсуждение проблем здорового образа жизни и оценка своей направленности на сохранение здоровья;

- обсуждение вопросов о том, как можно развивать индивидуальные психологические ресурсы и для чего это необходимо.

На этом этапе используются методы: тестирование, анкетирование, групповые дискуссии, фокус-группы, когнитивные и исследовательские методы.

II. Развивающий этап

Цели и задачи: развитие и совершенствование личностных качеств, актуализация психологических ресурсов личности.

- формирование и закрепление адекватных форм эмоционального реагирования;
- исследование своих эмоциональных реакций на различные ситуации учебного и межличностного и межнационального взаимодействия;
- знакомство со способами активного и бесконфликтного взаимодействия;
- обучение и овладение приемами выстраивания бесконфликтных, позитивных межнациональных отношений;
- внесение корректив в мотивационный деятельности компоненты посредством формирования значимых и адекватных содержанию выполняемой деятельности мотивов;
- рефлексия эффективности своей деятельности.

На этом этапе используются методы поведенческой коррекции: метод систематической десенсибилизации (методика эмотивного воображения), метод дополняется техниками моделирования социально-желаемых образов поведения и социального подкрепления, групповые дискуссии, «большие» психологические игры (игровые «оболочки», «игры проживания», «деловые» игры, психологические акции), методы саморегуляции.

III. Завершающий этап

Цели и задачи: закрепление навыков, сформированных в процессе прохождения программы рефлексия достижений, целеполагание на последующие этапы развития.

- закрепление навыков эффективного взаимодействия в межнациональной среде, культуре;
- обсуждение актуальных психологических возможностей до и после проведения программы;
- анкетирование и обсуждение результатов проведенной работы;
- планирование перспективы совершенствования приобретенных навыков.

Этот этап является итоговым в данной программе и позволяет закрепить и отрефлексировать результаты проведенной работы с помощью следующих методов: рефлексивная и позиционная дискуссии; занятия с элементами тренинга, инверсия.

Таким образом, гармонизация межнациональных отношений, через развитие межкультурной компетентности способствует развитию психологически здорового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева О. С. Филатов Ф. Р. Психология здоровья человека. М. : Академия, 2001. 352 с.
2. Лазурский А. Ф. Избранные труды по общей психологии. К учению о психологической активности. Программа исследования личности. СПб. :Алетейя, 2001.
3. Мясичев В. Н. Психология отношений. М. : МПСИ, 2005. – 158 с. .
4. Психология здоровья: учебник / под. ред. Г. С. Никифорова. СПб. : Питер, 2000. 607 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 372 с.

Psychological health of the individual as the basis of interethnic harmony and patriotism

E. L. Arshinskaya

Abstract. the article considers the concept psychological health as a state of mental, moral and spiritual sphere of a person. The interrelation and mutual influence between psychological health and interethnic consent, patriotism is grounded. A psycho-prophylactic program aimed at developing patriotism and intercultural competence among modern youth is presented.

Keywords: psychological health, patriotism, interethnic harmony, intercultural competence.

РАЗДЕЛ 2

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Особенности идентичности личности и стратегии совладания с трудностями

Белинская Е. П.

г. Москва, Россия

*Статья написана в рамках гранта РФФИ, проект № 19-013-00612
«Кросс-культурный анализ личностных и ситуационных факторов
совладания с трудными жизненными ситуациями».*

Аннотация. Современными тенденциями в развитии проблематики совладания с трудностями являются: переход от анализа объективных стрессоров к изучению саморегуляции при столкновении с субъективными трудностями; акцент на субъектности совладания; расширение трактовок эффективности совладания. Интерес исследователей к идентичности как личностному ресурсу совладания усиливается вследствие онтологических и гносеологических причин: кризиса идентификационных структур в условиях «текучей» современности и методологического кризиса проблематики идентичности. Первый выражается в «разрывах» субъективной временной перспективы, трудностях групповой идентификации и ощущении угрозы целостности. Кризис знания об идентичности выражается в междисциплинарности понятия, масштабировании его гносеологического контекста и возникновении частных моделей идентичности. Общим следствием выступает усиление гетерохронности социального и персонального пространств, что ставит под сомнение саму возможность понимания идентичности как ресурса совладания. Путем преодоления такого «совмещенного» кризиса идентичности и совладания представляется усиление процессов аккультурации, которое позволит восстановить целостность восприятия себя и мира.

Ключевые слова: совладание с трудностями, ресурсы совладания, Я-концепция, идентичность личности.

Современное социальное пространство в силу нарастания множественных, многовекторных и неопределенных изменений не только неминуемо предъявляет повышенные требования к адаптивному потенциалу личности, но и ставит задачу его развития и

обновления в целях соответствия новым вызовам времени, что предполагает формирование умения эффективно противостоять трудным жизненным ситуациям. В этой связи проблема совладания с трудностями неминуемо приобретает социально-психологическое звучание [1]. Актуальность ее решения усиливается еще и тем фактом, что сегодня процесс совладания с трудностями все чаще мыслится как необходимый и постоянный элемент повседневной жизни: в отличие от исследований еще двадцатилетней давности, фокус исследовательского интереса однозначно сместился от анализа преодоления воздействия объективных и сильных стрессоров к изучению саморегуляции в ситуации столкновения человека с субъективными трудностями, «событийность» которых есть результат чисто когнитивных оценок [4; 5; 7; 14].

Во многом вследствие этого ведущим вектором в изучении процесса совладания становится понимание его как принципиально субъектного: так, многие современные теоретические модели эффективного копинга акцентируют внимание на способности человека гибко относиться к своим целям [10; 16], трактуют совладание как процесс активного и осознанного взаимодействия человека с ситуацией [5; 11], понимают трудные жизненные ситуации как требующие от человека максимальной реализации ресурсов субъектной регуляции [9] и связывают процесс конструктивного совладания с возможностью и способностью человека использовать богатый репертуар конкретных копинг-стратегий [8]. Достаточно закономерным представляется одновременное расширение трактовок эффективности совладания: представления об успешном (адаптивном, эффективном и т. п.) копинге все чаще отказываются от популярной еще недавно идеи восстановления ресурсов и переходят к идее их накопления и развития, а предметом исследования, соответственно, становится преимущественно не реактивный, а проактивный копинг [12].

Среди всего многообразия эмпирических фактов, накопленных в рамках изучения проблемы эффективности совладания, отдельное значение имеют результаты, касающиеся связи особенностей копинга и характеристик представлений человека о себе. Отметим, что вектор этой зависимости исходно понимался и продолжает пониматься исследователями достаточно противоречиво: так, начиная с известной динамической модели копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман определенное качество Я-концепции (ее «позитив-

ность») трактуется как основной ресурс эффективного совладания [11; 15], в то время как представители альтернативной позиции в исследовании копинга придерживаются мнения, что подобное Я есть *результат* процесса совладания [13; 14]. Но в любом случае, особенно если объединить обе позиции, изучение взаимосвязи динамических (гибкости и дифференцированности), и структурных (прежде всего – в виде «возможных Я») особенностей Я-концепции с характеристиками совладания сегодня крайне активно представлено эмпирически. Так, отмечается, что индивидуальные стили совладающего поведения соотносятся с конкретными типами Я-концепции; формирование активных стратегий совладания и позитивной Я-концепции усиливает их взаимное развитие, помогает успешной адаптации индивида, в то время как формирование пассивных стратегий совладания со стрессом и негативной Я-концепции обуславливает отрицательное взаимное влияние и снижает уровень адаптации индивида; активная представленность в структуре самосознания репертуара «возможных Я» является одновременно и репертуаром проактивного совладания – направленного на прогнозирование возможных трудностей и ориентированного в будущее, что, в свою очередь, влияет на развитие субъективной временной перспективы, и т. д. [по: 5; 8]. Иными словами, можно утверждать, что система представлений человека о себе (Я-концепция, идентичность) играет системообразующую роль в процессах совладания, что вполне согласуется с достаточно популярной идеей о том, что жизнеспособность личности в целом определяется особенностями ее представлений о себе [по: 9].

Однако в актуальных социальных условиях констатация кризиса идентификационных структур личности звучит все чаще. Неопределенность, множественность и изменчивость социального пространства, суммируемая для отечественной исследовательской позиции в понятии транзитивность [6], все более и более становится ведущей характеристикой не только «внешнего», но и «внутреннего» мира человека. В переживании себя, во внутреннем идентификационном плане, эта транзитивность выступает в трех основных ипостасях, характеризующих одновременно и возможные векторы кризиса идентичности: 1) в «разрывах» субъективной временной перспективы, когда вчерашнее «Я» не находит возможного продолжения в сегодняшних представлениях о себе, а будущее Я не имеет опоры в настоящем; 2) в трудностях выбора груп-

пы идентификации – как для развития социальных граней идентичности, так и для ценностно-нормативного «укрепления» персональной идентичности; 3) в итоговых переживаниях угрозы собственной целостности, когда разные модусы Я-представлений являются собой случайную, подверженную ситуационным влияниям, мозаику [2]. Подобный кризис идентичности закономерно отражается и в гносеологической динамике: нарастающая междисциплинарность использования данного концепта задает его масштабирование (проблематика оказывается все шире, – в понятие идентичности включается круг других психологических концептов: смыслы, мотивация, агенсу), что, впрочем, не мешает исследователям на уровне конкретных эмпирических исследований апеллировать исключительно к частным видам идентификаций (гендерной, профессиональной, этнической и т. д. и т. п.) [3]. Одним из следствий подобного «размывания» идентичности выступает усиление восприятия гетерохронности социального и персонального пространств [6], что ставит под сомнение саму возможность понимания идентичности как ресурса совладания.

Подчеркнем, что проблематика идентичности, взятая в постнеклассической методологической оптике, предполагающей доминирование конструктивистских подходов к анализу Я, ведет к новым ракурсам анализа: сегодня проблема устойчивости/изменчивости Я сменяется конструированием оснований поиска дискурсивного самоопределения, приводя к появлению концепта нарративной идентичности [3]. Именно в последнем на данный момент концентрируются и надежды исследователей (так как очевидно, что в нем в максимальной степени воплощается идея конструирования человеком своего мира), и фиксируется позитивный опыт преодоления кризиса идентификационных структур. А именно: Я-нарратив позволяет фиксировать индивидуальный опыт предельной неопределенности (ведь это рассказ о событии, травмировавшем нашу идентичность); он снижает личностную тревожность (так как завершение осмысления травматичного события происходит через язык, т. е. общеупотребимую систему символизации); наконец, конструирование идентичности через нарратив помогает человеку дистанцироваться от собственного опыта, так как неизбежно предполагает наличие Другого. В итоге современные исследования в рамках нарративного подхода трактуют идентичность как существующую только и исключительно в отноше-

ниях с Другим/и (что, заметим, согласуется с концептом «возможных Я»), распределенную в конкретных ситуациях (что соответствует, на наш взгляд, понятию «рабочей Я-концепции»), а также постоянно перформируемую субъектом (что перекликается с пониманием идентичности как результата множественных самопрезентаций) [по: 3], т. е. «текучую».

Подобная ситуация не может не вызывать новые вопросы. Чем ресурсом и/или причиной может служить «текущая идентичность»? Как меняется копинг в ситуативности, распределенности и постоянном перформансе? Какой идентификационный результат (очевидно, что непостоянный) может быть достигнут при этом? Означает ли создание новой, альтернативной истории о трудности, из которой мы вышли победителем, эффективный итог совладания? Представляется, что неизбежный релятивизм в попытках ответов на эти вопросы не опровергает тезиса о том, что фактически единственным путем преодоления «совмещенного» кризиса идентичности и совладания представляется усиление процессов аккумуляции, которое позволит субъекту восстановить целостность восприятия себя и мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинская Е. П. Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru>
2. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? [Электронный ресурс] // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2015. № 8(40). URL: <http://psystudy.ru>
3. Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16, Психология, Педагогика. 2018. Т. 8, № 1. С. 6–15.
4. Битюцкая Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2011. № 1, с. 100–111.
5. Львова Е. Н., Митина О. В., Шлягина Е. И. Личностные предикторы совладающего поведения в ситуации неопределенности [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://www.psystudy.ru>
6. Марцинковская Т. Д. Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2015. № 8(42), 1. URL: <http://psystudy.ru>
7. Марцинковская Т. Д., Юрченко Н. И. Проблема совладания в транзитивном обществе [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2016. № 9(49). URL: <http://psystudy.ru>
8. Хачатурова М. Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 160–169.

9. Хазова С. А. Ментальные ресурсы субъекта и жизнеспособность личности // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты» / ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М. : Ин-т психологии РАН, 2016

10. Ялтонский В. М. Современные теоретические подходы к исследованию совладающего поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. 2010. N 1. URL: <http://medpsy.ru>

11. Carver C. S., Connor-Smith J. Personality and coping // Annual Review of Psychology. 2010. N 61. P. 679–704.

12. Frydenberg, E. Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes // Australian Journal of Psychology. 2014. N 66(2). P. 82–92.

13. Hardie E., Critchley C., Morris Z. Self-coping complexity: role of self-construal in relational, individual and collective coping styles and health outcomes // Asian Journal of Social Psychology. 2006. Vol. 9. P. 224–235.

14. Holahan C. J., Moos R. H., Schaefer J. A. Coping, stress-resistance and growth: Conceptualizing adaptive functioning / M. Zeidner (ed.) Handbook of coping. Theory, research, applications. N. Y. : Wiley, 1996. P. 24–43.

15. Lazarus R. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping // Journal of Personality. 2006. Vol. 74, N 1. P. 9–43.

16. Wrosch C., Scheier M. F., Carver C. S., Schulz R. The importance of goal disengagement in adaptive self-regulation: when giving up is beneficial // Self and Identity. 2003. N 2. P. 1–20.

Features of identity and strategies for coping with the difficulties

Belinskaya E. P.

*Research is supported by Russian Foundation for Basic Research,
project 19-013-00612 "Cross-cultural analysis of personal and situational determinants
of coping with difficult life situations"*

Abstract. Modern trends in the development of problems of coping with difficulties are: the transition from the analysis of objective stressors to the study of self-regulation in the face of subjective difficulties; emphasis on subjectivity of coping; expansion of interpretations of the effectiveness of coping. The interest of researchers in identity as a personal resource of coping is enhanced due to ontological and epistemological reasons: the crisis of identification structures in the conditions of "fluid" modernity and methodological crisis of identity. The first is expressed in the "breaks" subjective time perspective, the difficulties of group identification and a sense of threat to integrity. The crisis of knowledge about identity is expressed in the interdisciplinarity of the concept, the scaling of its epistemological context and the emergence of particular models of identity. The General consequence is the strengthening of heterochronicity of social and personal spaces, which calls into question the very possibility of understanding identity as a resource of coping. By overcoming such a "combined" crisis of identity and coping, it is possible to strengthen the processes of acculturation, which will restore the integrity of the perception of oneself and the world.

Keywords: post-non-classical methodology, personal and social identity, coping, coping resources

Развитие гражданской и этнокультурной идентичности в трансграничных регионах Сибири

Дугарова Т. Ц.

Москва, Россия

The reported study was funded by RFBR and MCESSM according to the research project № 19-513-44008

Аннотация. Достижение главной цели национальной политики и политики идентичности – укрепления единства многонационального народа Российской Федерации – возможно путем сбалансированного формирования общероссийской идентичности личности и ее структурной составляющей этнокультурной идентичности в системе непрерывного образования. Сохранение и развитие идентичности россиян перед вызовом трансграничных обменов представляет актуальную научную проблему. В условиях развивающегося сотрудничества с Монголией, стратегическим звеном восточной политики России, в регионах "Азиатской России", традиционно взаимодействующих с монгольским миром, расширяются "коридоры развития"- экономическая активность, коммуникационные потоки и системы социальных взаимодействий, ведущие к трансформациям национально-культурных идентичностей, определяя проблематичность их прогнозирования и регулирования. Автор подчеркивает, что формирование гражданской и этнокультурной идентичности личности в процессе социализации – сложный многоаспектный процесс, требующий достижения конкретных результатов на каждом возрастном этапе, что подчеркивается соответствующими федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС), где ведущая роль принадлежит системе непрерывного образования.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этнокультурная идентичность, непрерывное образование, теория и методология формирования множественной гражданской идентичности.

Стратегия национальной политики Российской Федерации, обусловленная происходящими в стране и мире межэтническими процессами, сопровождающимися ростом напряженности в обществе и несформированностью гражданского сознания, ориентирована на развитие гражданской идентичности, поддержку культурного и языкового разнообразия, укрепления единства многонационального народа Российской Федерации. Достижение цели укрепления гражданской идентичности возможно путем сбалансированного формирования общероссийской идентичности личности и ее структурной составляющей этнокультурной идентичности в системе непрерывного образования. Взаимообусловленность и взаимозависимость гражданской и этнокультурной идентичности в условиях этнокультурного многообразия актуализирует разработ-

ку теоретико-методологических оснований и научно-методического обеспечения формирования гражданской идентичности личности на основе преемственности данного процесса на различных уровнях образования и адаптивности к условиям полиэтнической и поликультурной среды.

Гражданская идентичность является в современной психологии актуальным понятием, позволяющим охватить целостность развивающегося человека в трансформирующемся мире, претендующим на "трансдисциплинарность" (М. С. Гусельцева, 2018), связывающим психологию с областями социогуманитарного знания. В целях разработки интегративной междисциплинарной модели гражданской идентичности важно рассмотреть базовые факторы формирования идентичности (А. В. Юревич) природно-географический, социально-исторический (в терминах, принятых в психологии, независимые переменные), так и динамичный фактор – субъекты системы образования (зависимые переменные), находящихся под влиянием первых, требующих постоянного научного мониторинга в тех новых ракурсах, которые актуализирует научная практика.

Актуальность исследования гражданской идентичности и условий ее формирования обусловлена «вызовами неопределенности, сложности, разнообразия» (А. Г. Асмолов, 2019) эпохи постиндустриального информационного общества, необходимостью осмысления социокультурных оснований жизни индивида и общества в России. Главной целью национальной политики и политики идентичности является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, что позволит решить задачи содействия формированию и развитию общероссийской гражданской идентичности, патриотизма; обеспечит гармонизацию межэтнических и этноконфессиональных отношений. Достижение поставленной цели возможно при условии формирования личности в трех аспектах: этническом, общероссийском гражданском и общечеловеческом. Поэтому анализ мирового опыта в поисках путей совмещения ориентиров гражданской, национальной и этнической идентичности особенно важен для российской науки.

Сохранение и развитие идентичности россиян перед вызовом трансграничных обменов представляет актуальную научную проблему. В условиях развивающегося сотрудничества с Монголией, стратегическим звеном восточной политики России, в регионах "Азиатской России" (А. Д. Карнышев, 2016), традиционно связан-

ных с монгольским миром, расширяются "коридоры развития" – экономическая активность, коммуникационные потоки и системы социальных взаимодействий на индивидуальном и коллективном уровнях, ведущие к трансформациям национально-культурных идентичностей, определяя проблематичность их прогнозирования и регулирования. Изучение гражданской идентичности, особенностей этнорегиональной идентичности, специфика образа «малой родины» юношества с возрастной чувствительностью к социальным "разнообразиям" обусловлено нарастающей "интраэтнической напряженностью" личности (Дугарова, 2017) в "мире традиций", "«мире модернизирующегося Востока»" и "мире интеграции культур", которые, в частности, вызывают психологическое состояние капсулирования, конфликтность между национальной идентичностью и моделями космополитического сознания, рост родоплеменных идентификаций в качестве меры противодействия глобализационным процессам и идентификационной неопределенности.

Формирование гражданской и общекультурной идентичности личности в процессе социализации – сложный многоаспектный процесс, эффективность которого зависит от достижения конкретных результатов на каждом возрастном этапе, что подчеркивается соответствующими федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС). Поэтому ведущая роль в этом процессе принадлежит системе непрерывного образования. Вместе с тем несмотря на имеющиеся работы, затрагивающие вопросы гражданского воспитания, социализации индивида, рассмотрение проблемы разработки теоретико-методологических подходов и моделей формирования гражданской идентичности в юношеском возрасте в условиях этнокультурного многообразия (на примере Монголии и регионов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации) не было предметом специального исследования.

Как показывает анализ литературы, проблематика идентичности находится на переднем плане анализа человека современного общества в условиях стремительных трансформаций социальной и культурной жизни, колоссально усложняющих процессы самоопределения и самореализации индивида. В транзитивном мире (Т. Д. Марцинковская) происходят необратимые разрушения многих прежде традиционных фундаментальных механизмов и способов поддержания идентичности личности, формируется текущее состояние всеобщего кризиса идентичности, важнейшими чертами которого становятся разнонаправленность и противоречивость

процессов развития личности, а также проблематичность их прогнозирования и регулирования. Речь идет о «массовом субъективном повороте»: люди стремятся найти собственный путь к самореализации, что особенно значимо в юношеском возрасте, сензитивном к психологическому дискомфорту в обществе, отражающийся в усилении абсентеистских, сепаратистских и даже экстремистских тенденций. Философ А. Этциони утверждает, что если XX век – это борьба идеологий, то социальные процессы XXI в. будут определяться вызовами идентичности. Очевидно, что в условиях нестабильности и кризиса идентичностей все сложнее соотносить себя не только с определенным социальным слоем или профессиональной группой, но и с такими социальными общностями, как государство и нация. Необходим целенаправленный поиск ресурсов для формирования гражданской и этнорегиональной идентичности в регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугарова Т. Ц. Реалии внешнего мира в контексте этнического самосознания (на материале изучения ментальных ориентаций бурят) // Развитие личности. 2017. № 4. С. 155–192.
2. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Молодежь Азиатской России: особенности гражданской и этнической психологии. Иркутск, 2016.
3. Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. М. : Ладомир, 2004.

Development of civil and ethnocultural identity in the cross-border regions of Siberia

Dugarova T. Ts.

Abstract. Civic identity formation is a core developmental task of adolescence. Although the term “civic identity formation” is often used in social studies, its definition differs among researchers. The study of civil and ethnocultural identity and the conditions of its formation it’s up to date due to the “challenges of uncertainty, complexity, diversity” of contemporary society. The analysis of the world experience to combine civil, national and ethnic identity is especially important for Russia. The main goal of the Russian national policy strengthening the unity of the multinational people is possible through the balanced formation of the all-Russian identity and its structural component of ethno-cultural identity in the system of continuing education. Russian identity development is an urgent scientific problem before the challenge of cross-border exchanges. In the context of cooperation with Mongolia, the strategic link of the eastern policy of Russia, in the “Asian Russia” regions, traditionally interacting with the Mongolian world, the “development corridors”- communication flows and systems of social interactions lead to identity transformations determining forecasting and regulation problems. The formation of civil identity in the process of socialization is a complex multidimensional process that requires specific results at each age stage, which is emphasized by the relevant Federal state educational standards, where the leading role belongs to the system of continuous education. However, the interactions between theories methodological approaches still need to be examined through empirical examples in order to produce a comprehensive framework towards adolescence in the context of ethnic and cultural diversity.

Keywords. Ethnocultural identity, civic identity, theory and methodology of multiple civic identity formation, models of civic identity formation.

Проблема этноконфессиональной идентичности личности

Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Галсанова Д. Р.

г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Проблема этноконфессиональной идентичности личности актуализируется в условиях трансформации российского общества, когда социальные, межэтнические конфликты становятся индукторами личностных кризисов. Изменения, происходящие в современном обществе (изменение системы ценностей, ломка этнокультурных стереотипов, размывание социально-ролевой структуры общества), способствуют росту состояний, связанных с трансформацией идентичности личности человека, приводят к нарушениям его поведения и социально-психологической адаптации. Одна из проблем, стоящих перед современным человеком, – поиск и построение стабильной, позитивной идентичности, конструирование собственной идентичности, в структуре которой важную роль приобретает этноконфессиональная идентичность. В связи с разрушением ценностей, стереотипов и норм поведения, лежащих в ее основе, проблема выбора ценностей, норм и самоопределения личности становится особо актуальной. Несмотря на имеющиеся исследования, психологические концепции, нет однозначного ответа на вопросы о природе, закономерностях и механизмах формирования идентичности, особенно этноконфессиональной, о феноменологии, классификации, структуре и состояниях идентичности.

Ключевые слова: этнос, идентичность, конфессия, духовность, механизмы адаптации, социализации, индивидуализации.

В контексте современной постнеклассической психологии, ее методологической толерантности, важным является анализ параметров социокультурной среды. К этим параметрам относится проблема и этноконфессиональной идентичности личности, ее духовного развития и воспитания. Актуальность данной проблемы подчеркивается последними правительственными документами: «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г.», «Стратегия государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.», «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» и др., в которых отмечается, что ключевыми проблемами настоящего времени являются: слабое общероссийское гражданское самосознание при усилении значимости этнической и религиозной самоидентификации; распространение националистических настроений; неудовлетворенность в среде различных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав; недостаточное использование имеющихся ресурсов в целях достижения гармонизации межнациональных отношений, укрепления

гражданского единства многонационального народа Российской Федерации и т. д. Поэтому основными целями всех образовательных учреждений как одного из основных институтов развития и воспитания в контексте Национальной доктрины образования РФ до 2025 г. являются: национальная и религиозная терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов, формирование культуры мира и межличностных отношений, развитие культуры межэтнических отношений. В них отмечается, что многообразии этнического состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций народов, являются общим достоянием российской нации и служат фактором укрепления российской государственности.

В современной научной литературе чаще встречается понятие «личностная идентичность» как составляющая механизма идентификации и как вид идентичности. В западной культуре свобода самовыражения и выбора традиционно ассоциируется с проблемой личностной идентичности, поэтому У. Джемс еще на рубеже XIX–XX вв. выразил представление о личностной идентичности как о последовательности, непротиворечивости личности. Как один из первых создателей теории личности, он различал три ее стороны – физическую, социальную и духовную, которые образуют естественную личность. Духовная же личность должна быть для человека высшим сокровищем, чтобы не утратить духовные блага нашей личности: совокупность чувств, действий и опыта отдельной личности, поскольку их содержание определяет отношение личности к тому, что она почитает Божеством [5].

Традиционно появление термина «идентичность» в психологии связано с именем Э. Эриксона, который определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности. Развитие идентичности проходит через кризисы идентичности, и для выхода из кризиса индивид должен приложить определенные усилия, с тем, чтобы найти и принять новые ценности, виды деятельности [18].

Анализ различных концепций, видов, типов, структур, иерархий идентичности позволяет сделать вывод, что этноконфессиональная идентичность личности, определяемая нами в рабочем варианте, как позитивный результат процесса идентификации личности с окружающим миром в пространстве и во времени (Культ Вечного Синего Неба, гор и др.), с системой ценностей и

смыслов культуры своего этноса, принятием его конфессиональных, духовных традиций, норм и открытостью, толерантностью к ценностям мировых конфессий, ее сущность проявляется во всем многообразии подходов к проблеме идентичности. Это можно подтвердить феноменом современной мировой религиозности – верующие без религии, со слабо выраженной конфессиональной идентичностью, с принципом: «Бог един».

В структуре этноконфессиональной идентичности личности традиционно нами выделяются когнитивный, эмоционально-аффективный и конативно-поведенческий компоненты. Когнитивный компонент личности образует комплекс представлений об окружающем мире, природе, которая неотделима от человека, связана с его историческими корнями, родовыми ценностями, легендами, нарративами, с культовыми местами, с понятием «тоонто» – местом рождения и т. д. Необходимо выделить осознаваемую и неосознаваемую части компонента, включающих представления о групповых особенностях конфессии, религиозных традициях, ритуалах и т. д. Источниками наполнения этого являются: собственный опыт, обыденные знания, полученные в семье, социуме, научные знания, усвоенные организованно и неорганизованно. В него входят также ошибочные представления, иллюзии, мифы, предрассудки.

Эмоционально-аффективный компонент опирается на эталоны, которым социальные нормы данной группы, этноса придают статус обязательных. У субъекта, принадлежащего к конфессиональной группе, складываются собственные, субъективные эталоны верования, культурные установки. Они содержат индивидуальные модификации, возникающие под влиянием личного опыта вероисповедания, эмпатии, сопереживания, прощения и т. д.

Конативно-поведенческий компонент образуют ценностно-смысловые ориентации самосовершенствования своей психики, внутреннего мира, личности, выбор модели поведения. Каждое время и каждая культура имели свои доминанты, заповеди, табу «грешно» в этом компоненте этноконфессиональной идентичности: совершенство саморегуляции, этноконфессиональная компетентность, гармонизация психики в целом и т. д.

А. Д. Карнышев и его научная школа к слагаемым межкультурной компетентности (МК) отнесли 12 наиболее значимых коммуникативных способностей и умений, подчеркивая, что существует бесконечное сочетание разных свойств человека, которые можно отнести к МК. Это: способность легко и быстро устанавли-

вать отношения с людьми; уважение к личности; терпимость в противоположным взглядам и мнениям; способность избегать конфликтных ситуаций; понимание своеобразия разных народов; умение сопереживать любому человеку; понимание традиций и обычаев других народов; уважение к религиозным ценностям и ритуалам других народов; умение найти подход к представителям других национальностей; осмотрительность и осторожность; умение быстро ориентироваться в особенностях других народов; способность хорошо чувствовать себя в любой стране [9, с. 177]. Ценностный смысл этих межкультурных компетенций позволяет транслировать и на этнокофессиональные компетенции.

Целью этноконфессионального образования и воспитания является личность, способная к взаимному признанию этноконфессиональной идентичности, сохраняющая свою индивидуальность, но понимающая многомерность мира, признающая и организующая общение представителей различных культур, конфессий.

Сохранение российской этноконфессиональной идентичности является неперенным условием для сохранения и развития нашей страны. Сейчас одновременно с мощным процессом духовного возрождения русского народа идет целенаправленная работа по дискредитации самой идеи этого возрождения. Будущее нашей страны возможно только в том случае, если сохранится связь с корнями нашего великого прошлого.

Д. Н. Разорина [13, с. 217] справедливо указывает на то, что обособленность методологических традиций изучения идентичности, специфичность получаемых в их рамках результатов, противоречивость и фрагментарность представлений о структуре и динамике идентичности свидетельствуют о необходимости переосмыслить и систематизировать накопленные по проблеме идентичности теоретические и эмпирические данные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев Н. В., Фельдман В. Р. Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. Кызыл : Изд-воТывГУ. 2007. 168 с.
2. Галсанова (Базарова) Д. Р. Структурно-содержательные характеристики образа мира молодежи Байкальского региона: дис... канд. психол. наук. Улан-Удэ, 2012. 186 с.
3. Бучек А. А. Этническое самосознание личности в пространстве полиэтнического мира. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. 386 с.
4. Весна Е. Б. К проблеме формирования этнической идентичности в полиэтническом мире // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 3–6.
5. Джемс У. Сокровища религиозного опыта. М., 1992. 142 с.

6. Дзанхотова А. А. Этноконфессиональная идентичность // Молодой ученый. 2010. № 4. С. 263–266.
7. Его Святейшество Далай-лама. Путь к спокойствию. Ежедневные медитации: пер. с англ. Ю. Черновой и Г. Ковалевой. М.: Астрель : АСТ, 2009. 416 с.
8. Иванова С. В. Гражданская идентичность в период не мира – не войны. Слово главного редактора // Ценности и смыслы. 2015. № 5 (39). С. 5–7.
9. Карнышев А. Д., Винокуров М. А., Трофимова Е. Л. Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. 310 с.
10. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность в норме и патологии. Новосибирск. НГПУ. 2000. 256 с.
11. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций молодежи (Байкальский регион). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ГУ, 2010. 126 с.
12. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичности. М. : Новое изд-во, 2004.
13. Разорина Д. Н. Проблема структуры и динамики идентичности в современной зарубежной социальной психологии // Вестник Кемеровского государственного ун-та. 2015. № 3(63). Т. 3. С. 211–218.
14. Санжаева Р. Д. Этнопсихокультура бурят в контексте постнеклассической психологии // Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: колл. монография / Науч. ред. Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ГУ, 2012. С. 5–19.
15. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 272 с.
16. Серый А. В., Яницкий М. С., Авиллов Г. М. Особенности ценностно-смысловой сферы представителей русского этноса в зависимости от конфессиональной принадлежности // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р. Д. Санжаевой. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС. 2008. Т. 1. 304 с.
17. Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 1 (26). С. 45 – 55.
18. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. 412 с.
19. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 2012. 227 с.

The problem of ethno-confessional identity

Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Galsanova D. R.

Abstract. The problem of ethnic and religious identity of the person is actualized in the conditions of transformation of the Russian society, where social, ethnic conflicts are inducers of personal crises. The changes taking place in modern society (the change of the system of values, breaking the ethnic and cultural stereotypes, the erosion of social and role-structure of society), promote the growth of conditions associated with the transformation of the identity of the human person, leads to violations of his behavior and the social and psychological adaptation. One of the problems facing the modern man – the search and building a stable, positive identity, the construction of its own identity, the structure of which an important role is played by ethno-confessional identity. In connection with the destruction of values, attitudes and norms of behavior, the underlying problem of choice of values, norms, and self-identity becomes particularly relevant. Despite the study, the psychological concept, there is no single answer to questions about the nature, patterns and mechanisms of identity formation, particularly ethnic and religious, of phenomenology, classification, structure and state identity.

Keywords: ethnicity, identity, confession, spirituality, coping mechanisms, socialization, individualizatsii.

Социальная идентичность как объект психологического воздействия в Интернете

Китова Д. А., Соснин В. А.

г. Москва, Россия

Аннотация. Интенсификация глобальных социально-экономических процессов сопровождается усилением различного рода угроз глобального характера, среди которых относительно самостоятельное значение приобретают угрозы психологического плана, оказывающие значительные нагрузки на психологическое состояние человека, групп и общества в целом. В статье выделены разновидности информационно-психологических угроз в Интернете, описано современное состояние и представлены тенденции распространения виртуальных угроз личного, группового и общественного характера. Раскрываются технологии, механизмы и объекты негативного информационно-психологического воздействия на социальную идентичность личности в Интернете, обосновываются их психологические детерминанты. В статье представлены проблемы исследования идентичности больших социальных групп (БСГ) и особенности информационно-психологических угроз, кратко определены перспективы исследований.

Ключевые слова: социальная идентичность, информационно-психологические угрозы, психологическая безопасность человека и общества.

Введение. Интенсификация мировых социально-экономических процессов сопровождается усилением *глобальных угроз*, среди которых можно выделить непосредственные угрозы *психологического характера*. Это связано с тем, что аккумулированные социальные, экономические, правовые, природные, техногенные, экологические, информационные проблемы оказывают значительные нагрузки на психику человека. К примеру, В. А. Владимиров с коллегами приводит комплекс психологических угроз, которые свойственны различным социальным категориям россиян: стресс от непонимания происходящего в мире (у детей); страх отсутствия материальной обеспеченности и социальных гарантий (у малообеспеченных слоев населения); депрессия от переживания бессмысленности прожитых лет и борьбы за погрязшие идеалы (у пожилых); фрустрация от неуверенности в завтрашнем дне (у производственников и предпринимателей) и др. [2].

Психологические угрозы в Интернете. На современном этапе развития информационных технологий в самостоятельную научную проблему выделились *психологические угрозы в Интернете*. В числе наиболее часто обсуждаемых в научной литературе психологических рисков и угроз Интернета специалисты называют

угрозы Интернет-среды для *детей и подростков*. К такого рода виртуальным рискам относят и наличие некорректного психологического содержания, которые могут включать в себя:

- *контентные риски* – материалы, отражающие насилие, агрессию, пропаганду наркотических веществ, азартных игр, содержащие нецензурную лексику, имеющие порнографическую направленность и т. д. ;

- *коммуникационные риски* – опасность быть подвергнутым некорректным психологическим воздействиям (оскорблениям, домогательствам, угрозам со стороны других пользователей);

- *кибер-риски*, связанные с возможностью столкнуться с использованием персональных данных, преданием огласке содержания персональных страниц, мошенничеством, хищением и т. д. ;

- *потребительские риски* – опасность приобретения товара низкого качества, а также контрафактной и фальсифицированной продукции;

- *интернет-зависимость* – опасность формирования патологической, навязчивой тяги к Интернету [8].

Среди виртуальных угроз *общественному благополучию* можно выделить возможность организации несанкционированных массовых выступлений через социальные сети, минуя официальные каналы; возможность прямой трансляции ценностных представлений (идейных, религиозных и иных), включая провокационные, которые могут повлечь за собой тяжёлые социальные последствия и т. д.

Детерминанты возрастания глобальных психологических угроз в Интернете. Во-первых, необходимо отметить, что управление и контроль Интернет-пространства легли в основу развития и применения эффективных технологий развития современного бизнеса, что обуславливает значительный интерес к сетевым коммуникациям и масс-медиа транснациональных компаний.

Роль *экономического* фактора в развитии глобальных процессов находит свое отражение во многих работах [1, 3, 4, 9, 10, 14, 15]. Так, Т. А. Нестик отмечает, что существенную роль в глобализации играют специализированные маркетинговые программы транснациональных компаний, а в научной литературе уже говорят об основных компетенциях глобальных бизнес-лидеров, таких как: способность анализировать глобальную информацию о бизнесе, принимать решения на основе глобальной информации и раз-

вивать отношения с представителями разных стран [11]. Кроме того, глобальная идентичность лежит в основе «этически избирательного потребления товаров» [11, с. 147]. Отмечаются усилия американских университетов и ТНК (Транснациональных корпораций) по формированию у молодых специалистов направленности на глобальную конкуренцию, а заметная часть потребителей из разных стран начала рассматривать весь мир как единый рынок продуктов и услуг, разработанных на основе глобальных стандартов [11; 13].

Во-вторых, Интернет имеет широкие возможности *политического* воздействия на общественное мнение, которое может использоваться «с целью формирования новых взглядов по отношению к тем или иным значимым событиям через изменение ценностных ориентаций и базовых установок личности» [7, с. 9]. Иными словами, есть основания говорить о том, что молодежный состав аудитории и технические возможности превращают Интернет в уникальную среду с совершенно новым уровнем свободы, открытости и коммуникации, а современные государства предпринимают «собственные попытки формулирования глобалистской повестки дня» [11, с. 153].

В-третьих, психологическая опасность заключается и в том, что Интернет-пространство все интенсивнее становится сферой *информационных противоборств* различных его участников, в том числе и с негативными устремлениями (террористических группировок, наркоторговцев и др.).

Сущность глобальных психологических угроз в Интернете. Представленные выше позиции имеют важные следствия для анализа психологических опасностей Интернет-пространства на *геополитическом уровне* [5, 6]. Основными «бенефициарами» развития глобальных процессов, как уже отмечалось выше, являются различные транснациональные субъекты, имеющие для обеспечения своей деятельности мощные политические, экономические и организационные ресурсы. При этом, *информационное воздействие* выступает необходимым условием реализации их глобальных интересов.

Социальная идентичность как мишень глобального информационно-психологического воздействия. Как показывает практика, основной мишенью зачастую скрытого информационно-воздействия геополитических субъектов выступает такая психологическая категория как *социальная идентичность* [6]. Соци-

альная идентичность определяется как личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными (групповыми) ценностями и идеалами, нормами и стандартами [там же, с. 17].

Обращение к комплексным исследованиям феномена социальной идентичности предполагает выделение *основных позиций*, отражающих структуру, содержание и принципы ее формирования и развития. В частности, согласно теории А. Тэшфела, социальная идентичность описывается следующими феноменами: *представлениями* о социальной и персональной идентичности; процессами *формирования* социальной идентичности; стремлением к *положительному образу* себя, через *позитивную оценку* своей группы [12]. Автор показывает, что в основе социальной идентичности лежат *потребности* в социальной ориентации и причастности к общности, которые реализуются через категоризацию индивидами себя и своего окружения, и проявляется как психологический феномен *осознания* своей принадлежности к какой-либо группе. Это первая теоретическая позиция.

Вторая позиция связана с тем, что социальная идентичность личности не выступает единожды сформированной и (или) заданной характеристикой, она конструируется и *переопределяется*. Как показывают исследования, если чувство социальной идентичности не удовлетворяет члена группы, он стремится либо покинуть группу, либо повысить ее привлекательность. Хотя нужно отметить, что здесь существуют возможности и «лукавого приспособления» и «двоемыслия» [12, с. 7].

В рамках данного подхода идентичность рассматривается как когнитивная система, выполняющая роль *регуляции поведения* в соответствующих условиях (А. Тэшфел, Дж. Тёрнер, Г. Брейкуэлл и др.). Исходя из данной концепции, можно утверждать, что позитивная национальная идентичность личности лежит в основе активного участия каждого члена группы в утверждении гражданской идентичности, которая включает в себя и утверждение национальной идентичности и, соответственно, становится основой подчинения определенному типу дискурса (как проявления формы власти), «определяет и переопределяет границы нации». Таким образом, *национальная идентичность* граждан выступает значимым политическим ресурсом, не менее важным для сохранения

государства, чем географические границы, конституция, армия и другие его институты [6, 12].

К примеру, политические деятели Запада выражают сегодня обеспокоенность последствиями формирования политической идентичности, которые приводят к фрагментации социума и кризису национальной (гражданской) идентичности практически в большинстве стран мира. Россия не стала исключением в осознании значимости феномена гражданской идентичности, а, в утвержденной Президентом РФ «Стратегии национальной политики России до 2025 г.» стратегической целью определено «формирование российской политической нации».

Перспективным направлением исследования феномена социальной идентичности выступает исследование факторов *единения* больших социальных групп (БСГ), таких как этнические общности, политические объединения, общество в целом. Обращение к теориям социальной идентичности БСГ объясняется тем, что Россия является многонациональным государством, на территории которого проживают различные этносы (народности, национальные и конфессиональные группы) со своими особенностями в сфере традиций, обычаев, хозяйства и быта. Такое устройство государства предполагает наличие *многоуровневой и сложносоставной* идентичности россиян, включающей региональную, этнокультурную, конфессиональную и иные элементы. Более широкая *национальная идентичность* может исследоваться в связи с осознанием большинством представителей БСГ *общности* культуры, истории, языка, а также социальной, экономической, политической и духовной общности социетального уровня.

С этих позиций, национальную идентичность россиян можно определить как рационально- и эмоционально-оценочное восприятие человеком своей принадлежности к значимым для него социальным группам (малым, среднего размера, большим), которое складывается в *осознание* своей принадлежности к российскому обществу. Важно выявлять эти особенности в условиях развития глобальных процессов и стремления некоторых участников этих процессов (см. выше) к формированию общемировой идентичности.

Заключение. С конца прошлого века в условиях постепенного возрастания международных *интеграционных* процессов мировое сообщество начало осознавать необходимость *регулирования* мировых глобальных процессов. Однако до сих пор остается не до

конца понятным, какие концепции и принципы, технологии и механизмы должны быть положены в основу регулирования глобальных процессов, что переводит острую социальную проблему в русло научных изысканий.

К примеру, в отечественной психологии появились работы, отражающие исследования глобальных процессов, их психологические предпосылки, тенденции и перспективы развития [13]. Вышел в свет и ряд монографий, в которых нашли свое отражение *психологические* характеристики массового сознания и поведения, представлены факторы обеспечения *психологической безопасности общества*, проанализированы *психологические ресурсы, механизмы и средства воздействия* на массовое сознание и поведение в условиях развития глобальных информационных процессов [7; 12], что конечно недостаточно для глубокого и комплексного понимания феномена глобальных психологических угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности: коллективная монография. СПб. : Изд-во НИЦ-РАТ, 2015.
2. Владимиров В. А., Долгин Н. Н., Малышев В. П., Фоменко В. Г. Концепция комплексного управления безопасностью территорий (проект) // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2013. № 1. С. 383 – 415.
3. Гармаев Ю. П., Китова Д. А. Экономико-правовая компетентность личности: проблемы формирования в условиях рыночных преобразований // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 9. С. 56.
4. Дышеков Б. Н., Китова Д. А. Формирование психологической готовности личности к легитимной предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 29–35.
5. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017а. № 4 (85). С. 4–9.
6. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017б. № 3–4. С. 10–21.
7. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований / Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В.. М. : Институт психологии РАН, 2017.
8. Калинина Н. В. Профилактика рисков интернет-активности обучающихся: субъект-порождающее взаимодействие // Образование личности. 2017. № 1. С. 12 – 17.
9. Китова Д. А. Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России. Дисс. ... д-ра психол. наук / Ставрополь, 2003.
10. Коррупция в предметном поле психологических исследований / Китова Д. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А., Юревич А. В. // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: Результаты и перспективы развития. М., 2017. С. 1981–1989.
11. Нестик Т. А. Исследование глобальной идентичности как социально-психологического феномена [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2017. Т. 2 № 4 (8). С. 145 – 185.
12. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.

13. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.

14. Социально-психологические исследования коррупции. М. : Ин-т психологии РАН», 2017. 285 с.

15. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества. Карачаевск : Изд-во Карач.-Черкес. гос. ун-т им. У. Д. Алиева, 2011.

Social identity as an object of psychological influence on the Internet

Kitova D. A., Sosnin V. A.

Abstract. The intensification of global socio-economic processes is accompanied by the strengthening of various kinds of threats of a global nature, among which the relatively independent importance of psychological threats, which have a significant impact on the psychological state of the person, groups and society as a whole. The article highlights the varieties of information and psychological threats on the Internet, describes the current state and presents trends in the spread of virtual threats of personal, group and social character. The technologies, mechanisms and objects of negative information and psychological impact on the social identity of the person on the Internet are revealed, their psychological determinants are substantiated. The article presents the problems of studying the identity of large social groups (BSG) and the features of information and psychological threats, briefly defined research prospects.

Keywords: social identity, information and psychological threats, psychological safety of the person and society.

Особенности гражданской идентичности юношей, проходящих срочную военную службу

Трофимова Е. Л.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Готовность защищать свою Родину, выступать защитником Отечества рассматривается как показатель гражданской активности. Армия как институт социализации для представителей мужского пола, прежде всего, призвана решать задачи формирования положительного образа гражданина, содержательно наполнить репертуар ролевых позиций, посредством которых в обществе реализуется статус гражданина, укреплять позитивные установки по отношению к Родине. В статье представлены результаты эмпирического исследования уровня сформированности гражданской идентичности и ее отдельных компонентов (когнитивного, поведенческого, эмоционального) у юношей, проходящих срочную военную службу, и юношей, имеющих отсрочку в связи с обучением в вузе. Выявлено, что у юношей-солдат преобладает устойчиво-позитивное отношение к Отечеству, более высокий уровень гражданской идентичности в сравнении с юношами-студентами, но при относительно низких значениях эмоционального компонента.

Ключевые слова: гражданская идентичность, образ гражданина, отношение к Отечеству, компоненты гражданской идентичности, ассоциации.

В научных исследованиях и публицистических работах неоднократно отмечалось, что у современной молодежи сформировалось скорее негативное отношение к службе в армии, отсутствие чувства долга перед Родиной, что в целом свидетельствует о низком уровне гражданской идентичности [1–5; 8]. В то же время в последние годы наметилась тенденция позитивных сдвигов: повышается престиж службы в армии, учебы в военных вузах, активизировалось направление военно-патриотического воспитания. Идеи объединения российского народа способствуют повышению уровня гражданской идентичности. Авторы, в том числе Л. М. Дробижева обращают внимание на то, что в условиях возрастающей угрозы терроризма и экстремизма, ростом ксенофобий востребована гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение [5–8]. Сформированность гражданской идентичности предполагает осознание и принятие своей принадлежности к государству, возникновение чувства сопричастности к проблемам страны и ответственности за происходящее и будущее Родины, позитивное отношение к Отечеству и готовность реализовать гражданское поведение [9]. Готовность защищать интересы Родины и своего народа, стремление к службе в армии являются индикаторами поведенческого компонента гражданской идентичности.

Целью нашего исследования стало выявление уровня гражданской идентичности солдат срочной службы.

Мы предполагаем, что уровень гражданской идентичности и отношение к срочной службе в армии у студентов и солдат срочной службы различны: юноши, проходящие службу по призыву в армии, имеют более высокий уровень гражданской идентичности в целом и поведенческого компонента в частности.

В исследовании принимали участие 85 юношей призывного возраста, из них 40 – проходящие на момент исследования срочную службу в воинских частях и 45 – студенты очного обучения Байкальского государственного университета (направлений обучения: «Экономика», «Психология», «Управление персоналом»).

В качестве методов исследования использовались:

- метод свободных ассоциаций;
- проективные рисуночные методики «Автопортрет» и «Нарисуй человека»;
- опросник личностного роста И. В. Кулешовой, П. В. Степанова, Д. В. Григорьева (шкала отношение к Отечеству);

- авторская методика «Опросник гражданской идентичности». Обсуждение результатов исследования.

Для выявления отношения к Отечеству, как компонент гражданской идентичности, применялся опросник И. В. Кулешовой, П. В. Степанова, Д. В. Григорьева. Авторы рассматривают отношения как ценностные (позитивные), неценностные (равнодушные) и антиценностные (негативные). Юноши, проходящие службу по призыву в армии, продемонстрировали более позитивные установки к Отечеству: 72,5 % из них имеют устойчиво-позитивное, 25 % – ситуативно – позитивно отношение и только у 1 респондента (2,5 %) зафиксированы ситуативно-негативные оценки. Среди юношей студентов ответы распределились следующим образом: 24,4 % – устойчиво-позитивное, 57,8 % – ситуативно – позитивное и 17,8 % – ситуативно-негативное отношение. Различия по шкале достоверны по t-критерию Стьюдента при $p = 0,06$. В интерпретации авторов признаками устойчиво-позитивного отношения являются характеристики: чувство личной ответственности за судьбу страны, желание жить и работать в своей стране, гордость Родиной и готовность ее защищать при необходимости. При этом подобные чувства вызваны не конъюнктурой, не модой на патриотизм, а являются глубоко личными, пережитыми.

Для исследования уровня гражданской идентичности и степени выраженности отдельных компонентов (когнитивный, поведенческий, эмоциональный) нами был разработан и стандартизирован опросник, позволяющий выявить как степень сформированности каждого компонента, так и по суммарному баллу – уровень гражданской идентичности. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровень гражданской идентичности

	Компоненты гражданской идентичности			Уровень гражданской идентичности
	Когнитивный (max. 9)	Эмоциональный (max. 15)	Поведенческий (max. 13)	
Солдаты	7,8	10,5	10,3	28,6
Студенты	6,4	9,3	8,7	24,3
t-критерий при $p =$	0,001	0,005	0,0004	0,0001

Показатели, как по отдельным компонентам, так и по уровню гражданской идентичности у всех респондентов находятся в диапазоне средних значений. Наиболее высокие оценки выявлены по

шкале когнитивного компонента, т. е. опрошенные идентифицируют себя как граждане, и считают, что частично знают историю и культуру своей страны. Самые низкие баллы оказались по шкале эмоционального компонента, свидетельствующие о том, что чувство сопричастности с жизнью страны, единения, гордости за достижения возникают ситуативно. Тем не менее, у юношей, проходящих службу по призыву в армии, значения по всем шкалам достоверно выше.

Один из этапов нашего исследования – это метод свободных ассоциаций (респонденты не ограничивались в выборе ассоциаций). В качестве стимула предъявлялось слово «армия». Осуществлялась как качественная, так и количественная обработка, подсчитывались показатели: негативная – положительная оценка и повторяемость одни и тех же слов. Ассоциации, которые четко определяют эмоциональную валентность, были поделены на три группы: нейтральные, положительные, отрицательные. Ассоциации, которые сложно интерпретировались были исключены из количественного подсчета. С полученными результатами можно ознакомиться в табл. 2.

Таблица 2

Характер ассоциаций у студентов и у солдат срочной службы

Характер ассоциаций	Солдаты срочной службы	Студенты
Положительные	(53 %)	(24 %)
Отрицательные	(27 %)	(71 %)
Нейтральные	(20 %)	(5 %)
Общее количество	80	85

Положительные ассоциации солдат: «дембель», «увольнительный», «отпуск», «военный билет», «защита», «семья», «гордость», «похвала», «встреча». Слова-ассоциации с позитивной валентностью, полученные на выборке студентов: «честь», «увольнение», «дембель», «каша», «гордость», «дружба», «защита». Негативная оценка армии выражалась следующих словах: у студентов – «война», «усталость», «суицид», «агрессия», «обман» «подстава» «дедовщина»; у юношей, проходящих службу по призыву в армии – «дедовщина», «духи», «дисбат», «тюрьма», «мучение», «голод», «страх», «самовольное отлучение от части», «побег», «ненависть».

Самые часто встречающиеся ассоциации у студентов и солдат: «форма», «солдат», «гордость», «дебель», «встреча», «военный билет», «дедовщина», «насилие». Ассоциаций, характеризующих имидж армии менее всего, преимущественно они попадают в зону нейтральной и негативной коннотации: «дембель», «военный билет», «форма», «солдат», «духи», «тюрьма» и пр. Ассоциативный ряд, отражающий отношение к армии, включает в себя как положительное, так и отрицательно окрашенные характеристики: «гордость», «дружба», «честь», «похвала», «усталость», «агрессия», «мучение», «голод», «страх», «ненависть», при этом именно солдаты срочной службы чаще называли слова с ярко выраженной негативной эмоциональной окраской. Наибольшее количество характеристик, описывающих поведение, предложили респонденты – солдаты, преобладают слова положительной валентности: «увольнение», «защита», «встреча», «отпуск». Отрицательно окрашенные поведенческие характеристики: «самовольное отлучение от части», «побег», а у студентов еще более сильные ассоциации: «война», «суицид», «обман», «подстава».

Следующим этапом исследования стал анализ материалов, полученных по проективным рисуночным тестам «Автопортрет» и «Нарисуй человека».

Обобщая интерпретации рисунков изображенных солдатами срочной службы и студенческой молодежью, можно проследить некоторую схожесть в рисунках. Образ солдата практически на всех рисунках находится в подвешенном состоянии, без опоры, так что тот кажется парящим в воздухе, что, вероятно, можно характеризовать как оторванность от реальности, склонность к фантазии и играм воображения, слабый контакт с действительностью. Рисунки солдат срочной службы отличаются детальностью, а также четкостью прорисовки и выделения черт лица, т. е. говорят о социальной желательности, могут быть попыткой создать образ успешного человека, подчеркнутое лицо в большинстве рисунков говорит о сильной озабоченности отношениями с другими. Рисунки студентов преимущественно свидетельствуют о недостаточной зрелости, инфантильности.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать следующие выводы: гражданская идентичность юношей, проходящих службу по призыву в армии, характеризуется средним уровнем сформированности когнитивного и поведенческого компонентов с

тенденцией к высоким значениям, но при относительно более слабо позитивно выраженном эмоциональном компоненте, т. е. осознанием себя как гражданина страны, выполняющего долг перед Родиной, но не испытывающим при этом чувства гордости, сопричастности и ответственности за происходящее в стране.

Выявленные в ходе исследования результаты позволили увидеть, какие характеристики ассоциируются с армией, и солдатом на декларативном и проективном уровнях. Обнаружено, что в оценках солдат срочной службы преобладают позитивные установки по отношению к Отечеству, ядро ассоциативного поля также состоит преимущественно из положительно окрашенных характеристик, однако, возможно и мотивированное искажение ответов вследствие проведения исследования по месту службы, непосредственно в воинской части. В ассоциативном ряду выявлены и ярко эмоционально окрашенные отрицательные оценки, рисуночные методики подтверждают стремление к созданию положительного образа военнослужащего, но демонстрируют и наличие проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Битев А. С. Некоторые аспекты проблемы формирования позитивного отношения молодежи к службе в армии в системе образования // Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 1–1 (46). С. 29–32.
2. Брюшков Д., Любаев А. Исследование отношения студентов к службе в армии в процессе изучения дисциплины безопасность жизнедеятельности // NovaInfo.Ru. 2014. № 27. С. 243–247.
3. Губарева В. Р. Негативное отношение молодежи к службе в армии и его социальные причины // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 10 т. 2015. С. 51–52.
4. Котельникова Е. А. Проблема отношения молодежи к службе в армии // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/06/3235> (дата обращения: 19.11.2016).
5. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России. М. : Ин-т социологии РАН, 2006. С. 10–30.
6. Дробижева Л. М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие : теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 12–17.
7. Ефименко В. Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11.
8. Погодин Н. А. Институт армии в формировании идентичности молодежи российского общества : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Краснодар. ун-т МВД России. Ростов н/Д, 2011. 189 с.
9. Трофимова Е. Л. Представления современных студентов о роли гражданина // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 1. DOI: 10.17150/2411- 6262.2017.8(1).27.

Abstract. Willingness to defend their Homeland, to act as a defender of the Fatherland is considered as an indicator of civil activity. The army as an institution of socialization for males, first of all, is designed to solve the problem of forming a positive image of the citizen, to fill the repertoire of role positions, through which the status of a citizen is realized in society, to strengthen positive attitudes towards the Motherland. The article presents the results of an empirical study of the level of formation of civil identity and its individual components (cognitive, behavioral, emotional) in young men undergoing military service, and young men with a delay in connection with training at the University. It is revealed that young soldiers have a stable-positive attitude by the Fatherland, a higher level of civic identity in comparison with young men-students, but with relatively low values of the emotional component.

Keywords: social identity, civil identity, image of the citizen, the attitude by the Fatherland, components of civic identity, associations.

Формирование гражданской идентичности подростающего поколения через формирование позитивного образа «Малой Родины»

Айварова Н. Г.

г. Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация. В статье поднимается проблема формирования гражданской и региональной идентичности подростков и старшеклассников, что является требованием к личностным результатам современного общего образования. Анализируя опыт работы в рамках элективного курса по психологии, автор выделяет актуальные вопросы формирования личностной и социальной идентичности старшеклассников, условия формирования позитивной гражданской и региональной идентичности.

Ключевые слова: старшеклассники, личностная идентичность, социальная идентичность, гражданская идентичность, региональная идентичность, образование.

Федеральные государственные образовательные стандарты начального, основного и среднего общего образования разработаны с учетом региональных, национальных и этнокультурных потребностей народов Российской Федерации и направлены на обеспечение формирования российской гражданской идентичности обучающихся, единства образовательного пространства Российской Федерации [5; 6]. Российская гражданская нация представляет национально-культурное сообщество с многовековыми традициями, и система образования выступает действенным фактором культурной и политической интеграции общества, Построение единой отечественной государственной образовательной системы

осложняется фрагментированностью российского общества по этническому, религиозному, региональному и социальному признакам, она должна отражать интересы поликультурного российского общества и государства и способствовать формированию у подрастающего поколения российской гражданской идентичности [2].

Подростковый и юношеский возраст являются этапом интенсивного формирования личности, личностного и социального самоопределения, формирования личностной, групповой и социальной идентичности. Система образования направлена на решение социально-психологических задач возраста, что отражено в требованиях к личностным результатам образования основного и среднего общего образования [5; 6]. В условиях поликультурного российского общества российская гражданская идентичность интегрирует в себя этнокультурную и региональную идентичность.

В данной статье раскрывается опыт работы по формированию идентичности старшеклассников в рамках реализации элективного курса по психологии в МОУ «Средняя образовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 3» г. Ханты-Мансийска в рамках проекта «Формирование модели взаимодействия школы и вуза, ориентированной на социализацию обучающегося». Рабочая программа элективного курса построена с учетом возрастных особенностей старшеклассников; знания, умения, навыки, полученные в процессе ее реализации, выступают благоприятными условиями для решения социально-психологических задач ранней юности, формирования цельной личностной и социальной идентичности, саморазвития и самовоспитания.

Юношеский возраст – этап поиска смысла жизни, своего места в жизни. Будущее становится главным измерением, обращенность в будущее построение жизненных планов и перспектив. Юность можно назвать порогом взрослой жизни. На пороге самостоятельной жизни старшеклассники делают свой выбор: «Кем быть?» и «Каким быть?». Как пишет Л. И. Божович, «...если подросток смотрит на будущее с позиции настоящего, то юноша смотрит на настоящее с позиции будущего» [1]. Согласно теории Э. Эриксона центральной задачей развития личности в подростковом и юношеском возрасте является формирование цельной личной идентичности [8]. Термин «идентичность» в русском языке употребляется нечасто и преимущественно в значении «тождественность», однако Э. Эриксон подразумевал под идентичностью также цельность

и непрерывность личности. Идентичность создает у субъекта чувство устойчивости и непрерывности своего «Я», несмотря на изменения, которые происходят с человеком в процессе его роста и развития. Первая цельная форма идентичности формируется в юношеском возрасте (Э. Эриксон не выделяет отдельно подростковый возраст). Этот период характеризуется самым глубоким жизненным кризисом. К этому кризису приводят три линии развития:

- бурный физический рост и половое созревание;
- эмоциональная нестабильность и озабоченность тем, «как я выгляжу в глазах других», «что я собой представляю»;
- необходимость найти свое профессиональное призвание, отвечающее приобретенным умениям, индивидуальным способностям и требованиям общества.

Юношеский возраст, по Э. Эриксону, строится вокруг кризиса идентичности, состоящего из серии социальных и индивидуально-личностных выборов, и идентификацией и самоопределением. Если юноше не удастся решить эти задачи, у него формируется размытая идентичность, развитие которой может идти по четырем основным линиям:

- уход от психологической интимности, избегание межличностных отношений;
- размывание чувства времени, неспособность строить жизненные планы, страх взросления и перемен;
- - размывание продуктивных, творческих способностей, неумение мобилизовать свои внутренние ресурсы и сосредоточиться на какой-то приоритетной деятельности;
- формирование «негативной идентичности», отказ от самоопределения и выбор отрицательных образцов для поведения [3].

Канадский исследователь Джеймс Марша выделил четыре статуса идентичности, измеряемые степенью ценностного, профессионального, религиозного, этнокультурного и т. д. самоопределения молодого человека:

- «Неопределенная, размытая идентичность» характеризуется тем, что индивид еще не выработал сколько-нибудь четких убеждений, не выбрал профессии и не столкнулся с кризисом идентичности.
- «Досрочная, преждевременная идентификация» имеет место, если индивид включился в соответствующую систему отно-

шений, но сделал это не самостоятельно, а на основе чуждых мнений, следуя чуждому примеру или авторитету.

- Для «Моратория» характерно то, что индивид находится в процессе нормативного кризиса самоопределения, выбирая из многочисленных вариантов развития тот единственный, который может считать своим.

- «Достигнутая или зрелая идентичность» статус тех, у кого кризис завершен и выбран вариант развития, индивид перешел от поиска себя к практической самореализации [3].

Условием формирования достигнутой зрелой идентичности является наличие аргументов и оснований для самоопределения, которые формируются в процессе получения образования и социального опыта.

Немаловажное значение для формирования идентичности имеет социальная среда, характер идентичности значимых взрослых. В нашей стране резкое изменение социальной ситуации в последние десятилетия, нарушило идентичность, в том числе этнокультурную, региональную и гражданскую идентичность взрослых людей, что негативно сказалось и на идентичности подрастающего поколения.

Региональная идентичность является результатом самоопределения и самосознания данной региональной общности на историческом, политическом, экономическом и социокультурном уровнях. Формирование региональной идентичности является фактором, который позитивно влияет на эффективность системы региональных и межрегиональных взаимодействий, консолидацию регионального сообщества, устойчивость поступательного развития региона [4; 7].

В школьном возрасте на формирование региональной идентичности, так и гражданской идентичности огромное влияние имеет насыщенность содержания урочной и внеурочной деятельности позитивной информацией о родине, в том числе «малой родине». Бесценным в этом вопросе является опыт советской школы, основанный на деятельностном подходе: краеведческие движения, походы и экскурсии, движения юных интернационалистов и т. д. Важно понимать, что в подростковом и юношеском возрасте интенсивно формируются когнитивный, ценностно-смысловой и эмоциональный компоненты гражданской идентичности, на которой в последствие базируется поведенческий (деятельностный) компонент.

В рамках элективного курса по психологии большое внимание уделяется изучению особенностей развития идентичности в юношеском возрасте, создаются организационные и психолого-педагогические условия для исследования собственной идентичности. Занятия преимущественно носят исследовательский характер, используются активные и интерактивные образовательные технологии: самодиагностика, тренинги, дискуссии, деловые игры и др.

Активные технологии психологической работы со школьниками позволяют выявить ценностные ориентиры, мировоззренческие позиции и жизненные установки юношей и девушек. Семи-летний опыт работы со старшеклассниками в рамках элективного курса по психологии позволяет выделить некоторые актуальные проблемы, связанные с формированием региональной, этнокультурной и гражданской идентичности, требующего серьезного внимания родителей и педагогов:

- неудовлетворенность межличностным общением, огромная потребность в личностном общении со взрослыми;
- размытая личностная идентичность, противоречия между желаемым и реальным;
- в деловых играх часто поднимается проблема суицида, как возможный выход из проблемной ситуации;
- наблюдается низкий уровень гражданской идентичности молодых людей, желание реализовать в будущем за пределами нашей страны;
- очень ограниченные знания об этнокультурных ценностях, об истории, культуре, современных событиях своего региона, города;
- характерна «позиция жертвы», «мне должны»;
- нежелание «усложнять» жизнь семейными узами, тем более детьми, развод рассматривается как норма жизни;
- неудовлетворенность общения с родителями («я для них темное пятно», «просто овощ» и т. д.).

Современная педагогическая работа, ориентированная на достижение личностных результатов образования требует высокой психологической компетентности, цельной, зрелой идентичности учителей. Формирование ценностно-смыслового и эмоционального компонентов региональной и гражданской идентичности имеет важнейшее значение в современной противоречивой и непредсказуемой действительности и возможно только в условиях использо-

вания активных психолого-педагогических методов обучения и воспитания подростков и старшеклассников. В процессе активного педагогического взаимодействия обучающиеся формируют собственный опыт поиска и определяют аргументы для личностного и социального самоопределения. Воспитывает не то, что декларируем, а то, что демонстрируем своим ученикам. Другого варианта, другого механизма развития личности нет. На этапе подросткового возраста и юности цельность и зрелость гражданской и региональной идентичности значимого взрослого играет особо важную роль в формировании гармоничной личности молодого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб. [и др.] : Питер, 2008. 398 с.
2. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования : проект / Рос. акад. образования ; под ред. А. М. Кондакова, А. А. Кузнецова. – М. : Просвещение, 2008. 39 с. (Стандарты второго поколения).
3. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб. : Питер, 200. 624 с.
4. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73.
5. Федеральный государственный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 28.04.2019)
6. Федеральный государственный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс] Режим доступа <https://fgos.ru/> (дата обращения: 28.04.2019)
7. Чиркова О. Н. Механизмы формирования региональной идентичности на примере республики Мордовия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 120–125.
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. М. : Флинта, 2006. 342 с.

The formation of civil identity of the younger generation through the formation of a positive image of the "small motherland"

Aivarova N. G.

Abstract. The article raises the problem of the formation of civil and regional identity of adolescents and high school students, which is a requirement for the personal results of modern General education. Analyzing the experience of work in the framework of the elective course in psychology, the author highlights the actual problems of formation of personal and social identity of high school students, the conditions for the formation of positive civil and regional identity.

Keywords. High school students, personal identity, social identity, civil identity, regional identity, education.

Проблемы технологизации деятельности и профессиональной идентичности специалистов служб экстренной психологической помощи семье и детям по телефону в Иркутской области

Попова В. В., Решетникова Е. В., Толстомятов Ю. Ю.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и особенности профессиональной идентичности специалистов службы телефона доверия. Данная тематика актуализируется в настоящее время в связи со спецификой идентификации населения. Работа всех служб телефонов доверия в Иркутской области является ещё одним свидетельством прогресса, достигнутого российским обществом в улучшении положения детей, подростков и взрослого населения, заботе об их психоэмоциональном равновесии, а также повышении их уровня социальной и гражданской компетентности.

Ключевые слова: телефон доверия, консультирование, супервизия, профессиональная идентичность.

В деятельности специалистов служб экстренной психологической помощи семье и детям по телефону существуют специфические проблемы, обусловленные характером работы. Это проблемы повышения квалификации специалистов службы телефона доверия, меры по обеспечению доступности помощи телефона доверия, работающего как под единым общероссийским номером, так и отдельно выделенным региональным номером, кампании в СМИ для повышения уровня информирования о работе телефона доверия для детей и подростков, определение приоритетных направлений дальнейшего совершенствования работы этих служб, психолого-педагогические и профессионально-этические проблемы оказания помощи по телефону.

Рязанова И. Н. отмечает, что с сожалением приходится констатировать, что бесплатные службы как создают возможность для большего числа людей получить при необходимости квалифицированную психологическую помощь, так и одновременно рождают почву для снижения ответственности абонента (по сравнению с платными услугами) и злоупотреблений, приводящих к выгоранию сотрудников телефонных служб [1, с. 105].

Работа службы осуществляется в формате консультирования абонентов по вопросам психологического здоровья, выхода из кризисных ситуаций по телефону. Телефон доверия работает в

круглосуточном режиме. Экстренная психологическая помощь по телефону бесплатна, анонимна, конфиденциальна, не директивна. Роль службы телефона доверия возрастает особенно в ситуации невозможности воспользоваться услугами очного консультирования по разным причинам (удаленность территории, отсутствие специалиста и пр.). Служба социально-психологической помощи с использованием телефонной коммуникации достаточно мобильная, имеет высокую пропускную способность при минимуме задействованных ресурсов. При этом реализуются все базовые принципы оказания психологических услуг: адресность, своевременность, сиюминутность, конфиденциальность, доверительность.

Практика работы служб телефонного консультирования свидетельствует о необходимости предъявления особых требований как к уровню профессионализма психолога, так и его личностным качествам, так как специфика их деятельности, а также значительные психические нагрузки, испытываемые консультантами в процессе выполнения своих должностных обязанностей, требует внимания к таким характеристикам, как эмоционально-волевая зрелость, владение навыками саморегуляции и самоконтроля, четкость профессиональной и личностной мотивации, выработка собственного стиля консультирования и т. д. Специалистами отмечено, что в экстренной помощи мало времени на глубокие раздумья, которые, возможно, привели бы к лучшим решениям – приходится двигаться наощупь [2, с. 72].

Профессиональные требования к консультантам телефонов доверия достаточно высоки. В структуре образа специалиста по телефону доверия компонент профессиональной идентичности является основным для развития консультанта в целом. Этот компонент имеет формообразующий фактор для всей дальнейшей деятельности специалиста, создавая профессиональную ментальность будущего профессионала. По итогам всех стадий развития профессиональной идентичности, специалист должен иметь выработанную картину мира, на которую он будет опираться в своей деятельности.

В ней должны быть четко распределены как его место в профессиональной иерархии, так и пути его дальнейшего развития в этом пространстве. Для специалистов телефона доверия этот фактор также важен в сфере расширения я – концепции, где конструкт профессиональной идентичности является призмой осмысления профессионального и личного опыта.

Как уже было указано выше, специалисты работают в экстренных условиях и обладают малым количеством времени на раздумья, поэтому четко построенная система координат, подкрепленная личным опытом, способствует более быстрому решению проблемы, так как специалист выбирает из уже имеющихся методик на каждый случай, освобождая себя от траты драгоценного времени.

Развитие профессиональной идентичности невозможно без этапа рефлексии своей деятельности и оценке результатов работы, однако же, в процессе профессионализации специалиста по телефону доверия существует барьер, который часто является одним из основных причин выгорания специалистов сферы. Изменения в процессе консультирования и разговоре посредством телефонной связи не так очевидны, как при личной беседе. Начинаящий специалист не сможет увидеть истинных эмоций и важных реакций, которые можно использовать в работе. Он должен ориентироваться только на слух и вербальные высказывания, что иногда довольно затруднительно в начале становления консультанта.

Исходя из данного факта, многие специалисты сферы испытывают сомнения в значимости своей работы, что постепенно приводит к сомнениям в своих возможностях как профессионала, что только затрудняет дальнейшее развитие. Помимо этого, специфика работы консультанта сопряжена с личностным напряжением: каждый специалист является определенным эмпатийным фильтром, и, пропуская через себя истории клиентов, может начать испытывать негативные личностные ощущения. Помимо уже упомянутых внутренних компонентов профессиональной идентичности, следует также сказать и о внешних аспектах. Это то, как специалиста воспринимают коллеги, клиенты, его статус в иерархии профессий. На этой почве у специалиста может возникнуть конфликт с общественным мнением, что также должно быть преодолено в процессе становления и осознания важности своей работы.

Исследователям процесса профессионального становления было предложено множества вариантов градации этого явления. На каждой из них у начинающего специалиста могут и должны возникать специфические сложности и тревоги во взаимоотношениях с клиентами и супервизорами, так именно преодоление этих барьеров и является результатом профессионального роста.

Начинаящий специалист проходит все стадии, и на каждом из них он все больше понимает свою профессиональную роль, нахо-

дит взаимосвязи между проблемами и возможностями их решений, формирует свой инструментарий работы и субъективный подход, который отображает степень его мастерства. Стадии развития не являются дискретными, в сложных случаях существует возврат на ранние стадии.

Наибольший интерес представляет собой модель профессионального становления, предложенная С. Йогев в 1982 году. Она состоит из трех компонентов, каждый из которых является логичным развитием предыдущего, и первый имеет название «Определение ролей».

Начинающий специалист возбужден, но в то же время испуган, его область деятельности пусть и привлекает его возможностями, однако смущает неизвестностью. Специалист телефона доверия на этом этапе понимает фундаментальную вещь в перспективе дальнейшей работы, а именно он учится распределять роли в рассказанной клиентом ситуации. Обладая крайне малым временем звонка, он должен своевременно разложить проблему на составные части, определяя место каждому аспекту и персонажу, для того чтобы связать это все посредством психологических методик. Многие консультанты уже на этом этапе испытывают проблемы, когда, нарушая дистанцию, они становятся участниками проблемы, принимая рассказанную ситуацию сверх эмпатийной меры. Специалист вырабатывает первые компоненты своей профессиональной картины мира и к концу этого этапа должен иметь ролевой набор, где дифференциация каждой роли обуславливает применения тех или иных средств, к примеру, разной лексики и т. д.

Это подводит специалиста ко второму этапу, который имеет название «Приобретение навыков». Здесь он уже применяет полученные теоритические навыки, нарабатывая определенные приемы, которые в дальнейшем станут его профессиональными навыками. На этом этапе многие консультанты испытывают неуверенность в себе, так как оценить результаты работы целостно они не могут. Специалист боится усугубить проблему и подвести клиента к психозу, поэтому часто не понимают даже суть своей работы, отвлекаясь на иные компоненты проблемы, что является следствием проблем первой стадий.

Однако при успешной работе консультанта и его супервизора эти трудности можно преодолеть и перейти к третьему этапу, названному «Укрепление и развитие практики». Сам Йогев счита-

ет, что именно здесь большая часть уже заканчивает профессиональное обучение. Важным моментом дальнейшего совершенствования на этом этапе является процесс трансцендирования собственного опыта и общение с коллегами для получения опыта уже других специалистов сферы для более целостного понимания собственной профессии в целом.

Значительные эмоциональные нагрузки, нестандартные рабочие ситуации, связанные с сильным эмоциональным взаимодействием, провоцируют развитие интеллектуального, физиологического, эмоционального, поведенческого стресса. Супервизия является принятой процедурой для нейтрализации последствий организационного, когнитивного, личностного стресса. Основная задача супервизии – выявить сложные для консультанта моменты в работе и поддержать его [1, с. 110].

Необходимость работы в напряженном ритме с большой эмоциональной нагрузкой личностного взаимодействия с трудным контингентом и кризисными темами (такими как смерть, горе, утраты, острые кризисы и т. д.), способствует развитию синдрома профессионального выгорания и ведет зачастую к потерям человеческого ресурса службы (снижение результативности труда консультанта в целом, его так называемый «уход в болезнь» или увольнение специалиста). Именно поэтому важно проводить совместные встречи специалистов, мастер-классы, конференции для обмена опытом, мнениями, поддержки внутри профессионального сообщества.

В апреле 2018 года в рамках проведения областной конференции «Проблемы технологизации работы консультантов телефона доверия в Иркутской области», организованной ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Институт социальных наук) и Министерством социального развития, опеки и попечительства Иркутской области, состоялось групповое интервьюирование. В групповом интервью приняли участие специалисты таких учреждений, как ОГКУ СО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних г. Иркутска», ГБУ «Центр профилактики, коррекции и реабилитации», ОГКУ СО «Центр социальной помощи семье и детям г. Усть-Илимска и Усть-Илимского района», ОГБУСО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Усольского района», ГАУ Иркутской области «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»,

ОГКУ «Центр реабилитации наркозависимых «Воля», Филиал ОГКУ Центр ГО и ЧС «Центр обработки вызовов системы экстренных оперативных служб по единому номеру «112» на территории Иркутской области».

Консультанты телефонов доверия, безусловно, работают в рамках существующего законодательства и правового поля.

Наряду с этим респонденты отметили, что в настоящее время сохраняется ряд пробелов, связанных с определенной социальной изоляцией служб, проблемой организации супервизорской работы служб и проявившейся потребности в выпуске Вестника специалистов службы телефона доверия.

Для улучшения и повышения эффективности респонденты предлагают:

1. Руководителям служб экстренной психологической помощи по телефону Иркутской области продолжать деятельность в направлении улучшения качества и эффективности оказываемых услуг.

2. Продолжить рекламно-информационную кампанию по обеспечению доступности единого общероссийского или регионального номера телефонов доверия для детей и подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации для создания условий максимальной доступности получения услуг детского телефона доверия для детей и подростков, в том числе проживающих в государственных учреждениях, кровных или приемных семьях, а также формированию положительного имиджа консультантов службы.

3. Создать единый региональный справочник служб экстренной помощи и служб помощи семье и детям (по муниципальным образованиям) и обеспечить его доступность специалистам учреждений социальной сферы. Это будет способствовать повышению эффективности межведомственного взаимодействия.

4. Разработать программы и организовать курсы повышения квалификации и/или профессиональную переподготовку специалистов служб телефона доверия по актуальным проблемам на базе ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» или ОГБУ ДПО «Учебно-методический центр развития социального обслуживания».

5. Выпустить сборник статей, методических материалов по проблемам функционирования служб телефона доверия Иркутской области.

6. Содействовать объединению в профессиональное сообщество специалистов служб телефона доверия Иркутской области в целях обмена опытом, проведения методических совещаний, совместных семинаров-практикумов по профилактике профессионального выгорания специалистов, координации мероприятий и конструктивного межведомственного взаимодействия.

7. Организовать работу специалиста с функциями супервизора для отработки проблемных вопросов, возникающих в работе психологов служб телефона доверия Иркутской области.

8. Разработать отдельный регламент прохождения аттестации педагогов-психологов телефона доверия учреждений Министерства образования Иркутской области с учетом специфики деятельности по оказанию экстренной психологической помощи.

Участники интервью выразили уверенность в том, что выполнение предложенных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности деятельности служб телефона доверия и их дальнейшему развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рязанова И. Н. Эффективные способы работы с «использующими» клиентами (Профилактика выгорания консультанта в аспекте самоподдержки и супервизии. Защита «собственного» в этическом конфликте методами экзистенциального анализа) // Семейная психология и семейная терапия. 2011. № 3. С. 105–112

2. Царева М. И. Телефон доверия как средство экстренной помощи детям и родителям в трудной жизненной ситуации, обусловленных асоциальными нормами в школьной среде // Семейная психология и семейная терапия. 2011. № 3. С. 65–73

3. Yogev S. An eclectic model of supervision: A developmental sequence of beginning psychotherapy students // Professional Psychology. 1982. 13(2). 236–243.

Problems of technologization of activity and professional identity of specialists of services of emergency psychological help to a family and children by phone in the Irkutsk region

Popova V. V., Reshetnikova E. V., Tolstopyatov Yu.

Abstract. This article discusses the problems and features of professional identity of specialists of the helpline. This topic is currently being updated in connection with the specifics of the identification of the population. The work of all telephone hotlines in the Irkut region is another indication of the progress made by Russian society in improving the situation of children, adolescents and adults, taking care of their psycho-emotional balance, as well as improving their level of social and civic competence.

Keywords: helpline, counseling, supervision, professional identity.

Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе

Москвитина Н. В., Иванов Р. В., Заварзина Ю. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье исследована актуальная социальная, психологическая и экономическая проблема позиционирования Иркутской области как динамично развивающегося, инвестиционно-привлекательного региона, но при этом трансфертно-зависимого от федерального центра. В ходе исследования предложена оптимизация механизмов предоставления и расходования межбюджетных трансфертов в Иркутской области, при эффективной реализации которых происходит стимулирование соответствующих органов власти к всестороннему экономическому росту, результативному использованию предоставленных бюджетных средств, что способствует оказанию социально-экономического эффекта в обществе через снижение психологической напряженности и рост уровня жизни населения региона.

Ключевые слова: трансфертная зависимость, социальная напряженность, стабилизация обстановки, человеческий потенциал, уровень жизни населения, развитие территории, инвестиции.

При непрерывном социально-экономическом развитии региона увеличивается налоговая нагрузка на юридические и физические лица, отдача от которой в виде поступления налогов, сборов в соответствующий бюджет бюджетной системы РФ способствует всестороннему развитию сфер жизнедеятельности населения, в том числе повышению индекса развития человеческого потенциала.

Во-первых, на сегодняшний день проблема совершенствования модели бюджетного федерализма, в идеале способствующая сбалансированному разграничению федеральным центром доходных и расходных полномочий между органами власти всех уровней в соответствии с принципом территориального соответствия, актуальна как для России в целом, так и для каждого хозяйствующего субъекта в частности, заинтересованного в динамичном развитии своей территории (регионы доноры и реципиенты).

Федеральный центр на сегодняшний день не заинтересован в качественном изменении действующей системы распределения фискальных платежей, поэтому наделяет регионы дополнительными налоговыми полномочиями (обязательствами), что увеличи-

вает налоговую нагрузку на соответствующие бюджеты бюджетной системы РФ.

Например, при определении налоговой базы по налогу на имущество организаций (офисная и торговая недвижимость) и физических лиц право перехода к кадастровой стоимости, корректировка механизма взимания НДС при совершении сделок купли-продажи жилой недвижимости», установление стоимости трудового патента для мигрантов [1].

Во-вторых, стоит отметить, что проблема самообеспечения территорий собственными налоговыми и неналоговыми доходами является двойкой, так как с одной стороны, это повышает их конкурентные преимущества в стратегически целенаправленном развитии по сравнению с другими регионами, с другой стороны, является «барьером» в саморазвитии из-за положений действующего законодательства.

Например, при переходе в группу регионов-доноров изымаются их сверхдоходы в федеральный фонд финансовой поддержки субъектов РФ, который образуется в составе федерального бюджета, т. е. если доходы превышают в 2 раза среднероссийский уровень, то могут субъекты РФ могут расходовать средства на собственные нужды, если более 50 % составляют, то перечисляют в фонд [2].

Также, в соответствии с положениями БК РФ (ст. 142.2) [2], из бюджетов муниципальных образований первого и второго уровня бюджету субъекта РФ предоставляются межбюджетные субсидии («отрицательные трансферты»), если их налоговые доходы (за исключением налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) превышали установленный законом субъекта РФ уровень.

При этом данный установленный уровень не должен быть ниже 1,3-кратного среднего по муниципальным образованиям одного уровня в расчете на одного жителя субъекта РФ [2, с. 78].

Стоит отметить, что наполняемость фондов финансовой поддержки регионов, муниципальных образований, как следствие, федерального и регионального бюджетов, от которых зависит объем предоставления межбюджетных трансфертов, невозможна без мобилизации налоговых доходов с территорий высокообеспеченных субъектов РФ и муниципальных образований. Они, как правило или вообще не получают соответствующие дотации, или получают безвозмездную финансовую помощь в минимальном объеме.

В-третьих, проблемой на сегодняшний день является то, что объем делегируемых полномочий федеральным центром с каждым годом растет при общей тенденции сокращения доходных каналов бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований.

Идеальная модель бюджетного федерализма предусматривает делегирование полномочий на основе принципа субсидиарности, т. е. передачи с нижестоящего уровня вышестоящему только тех полномочий, которые не могут быть реализованы им, но при сбалансированном объеме доходных и расходных полномочий каждого уровня бюджетной системы Федерации, соответствующий закреплённому в БК РФ [3, с. 50] принципу сбалансированности бюджета.

В действительности, достичь этого практически невозможно из-за явного бюджетного, территориального, инвестиционного, социально-экономического дисбаланса на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти.

При довольно большом количестве делегируемых полномочий, система перераспределения налоговых доходов в последнее время претерпела существенные изменения, повлиявшие на доходную базу Иркутской области.

Резюмируя вышесказанное стоит отметить, что оптимизация механизмов предоставления и расходования межбюджетных трансфертов в Иркутской области является на сегодняшний день одним из актуальных направлений бюджетной политики РФ, при эффективной реализации которых происходит стимулирование соответствующих органов власти к всестороннему экономическому росту, результативному использованию предоставленных бюджетных средств. Такая оптимизация окажет большой социально-экономический эффект в обществе – через рост стабильности, снижение психологической напряженности и рост уровня жизни населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Территориальные правовые и социально-экономические проблемы управления государственной собственностью (на материалах Иркутской области) / Л. Н. Батянова, Ю. В. Борисова, Е. В. Чигрина, С. В. Корнакова // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 3.
2. Борисова Ю. В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 170 с.
3. Заварзина Ю. В. Финансовый менеджмент в государственном и муниципальном секторах как инструмент развития территории (на материалах Иркутской области) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 163 с.
4. Москвитина Н. В. Государственная поддержка малого предпринимательства на федеральном уровне в РФ на современном этапе // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. 2015. С. 85–90.

Reduction of transfer dependence on the Federal center as an economic and psychological factor of stabilization of the situation in the region

Moskvitina N. In. Ivanov R. V., Zavarzina Yu. V.

Abstract. The article studies the actual social, psychological and economic problem of positioning the Irkutsk region as a dynamically developing, investment-attractive region, but at the same time transfer-dependent on the Federal center. In the course of the study, the optimization of mechanisms for the provision and expenditure of inter-budget transfers in the Irkutsk region is proposed, with the effective implementation of which the relevant authorities are stimulated to comprehensive economic growth, the effective use of the provided budget funds, which contributes to the socio-economic effect in society through the reduction of psychological tension and the growth of the standard of living of the region's population.

Keywords: transfer dependence, social tension, stabilization of the situation, human potential, standard of living of the population, development of the territory, investments.

Структурно-содержательные характеристики региональной идентичности студентов

Браун О. А., Аркузин М. Г.,

г. Кемерово, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы»

Аннотация. Региональная идентичность молодежи является важным условием стабильного развития любого региона. В настоящее время средовая и региональная идентичность в психологии изучены недостаточно, большинство исследований затрагивают лишь оценочный компонент, определяя её место в структуре Я-концепции. Данная работа посвящена изучению содержания региональной идентичности. При этом, в структуре содержательного компонента идентичности выделяются основные дифференцирующие признаки (критериальные); дополнительные характеристики объекта идентификации (коррелирующие); и представления о должном поведении. В результате разработки и апробации опросника, направленного на изучение содержания региональной идентичности, на выборке из 79 испытуемых было установлено, что основными дифференцирующими признаками для сибирской региональной идентичности выступают территория и климатические особенности, коррелирующими являются личностные черты и отношение к климато-географическим особенностям региона. Представления о поведении, свойственном объекту идентификации, также связаны с природными и климатическими характеристиками среды. Таким образом, перечисленные элементы содержания региональной идентичности могут являться опорными для ее формирования и развития.

Ключевые слова: идентичность, Я-концепция, Я-образ, региональная идентичность, сибирская идентичность.

Для любого региона вопрос сохранения населения это, по сути, вопрос выживания. Современная молодежь растет в условиях глобализации и мобильности. Открытые границы, возможности для обучения и стажировок за рубежом, не только несут с собой новые стимулы развития, но и предоставляют дополнительные образцы для сравнения, дают возможности выбора. В этих условиях особое значение приобретает воспитание связи с Родиной большой или малой, любви к ней. На уровне личности свидетельством значимости окружающей среды является средовая идентичность.

Являясь компонентом Я-концепции идентичность отражает субъективное тождество, связанность с каким-либо объектом психической реальности. В роли такого объекта может выступать сама личность, ее отдельные характеристики, социальные группы, а также значимая окружающая среда. Само понятие среда в психологии трактуется не однозначно. Среда понимается и как природное окружение и как модифицированная "квазиприрода" (вторая среда) и как искусственный мир, созданный человеком (третья среда) и как социальное окружение [4]. Описывая среду, как основу средовой идентичности Г. М. Андреева говорит о географическом районе проживания, типе поселения, природных и климатических характеристиках местности и т. д [1].

Таким образом, под средовой идентичностью мы понимаем интегральное системное образование, основанное на переживании субъективной связанности с местом, территорией проживания (региональная идентичность, гражданско-территориальная идентичность) или типом поселения (городская, сельская идентичность). При этом отдельные характеристики среды, такие как природные и климатические особенности могут выступать в качестве дифференцирующих характеристик.

В настоящее время в психологии описано большое количество различных видов идентичности. Как правило, за основу в классификациях берутся характеристики объекта идентификации. По этому признаку средовая идентичность может быть представлена в форме городской/сельской, региональной, гражданско-территориальной и т. д. идентичности. Таким образом, под региональной идентичностью мы понимаем переживание принадлежности к группе людей, проживающих на определенной территории, причем территория рассматривается не только и не столько как географическое про-

странство, но скорее, как социальный конструкт, та «реальность» которая определяется самим человеком [2].

По сравнению с этнической, профессиональной, гендерной, семейной и многими другими видами идентичности региональная идентичность не столь часто становится объектом психологических исследований. Отчасти, это может объясняться тем, что в обычных условиях ее значение может быть выражено слабо, тогда как в нетрадиционных, особенно связанных с изменением социального окружения, именно средовая идентичность может становиться для личности ведущей [1]. В то же время регионализм как явление и региональная идентичность все чаще становятся объектами социологических исследований. Социологами изучается структура, содержание, социальные функции и значения, механизмы формирования региональной идентичности и ее влияние на региональные взаимодействия [7]. Однако рассмотрение региональной идентичности в контексте больших групп и их взаимодействия дает лишь один срез данной проблематики, именно поэтому нам представляется важным психологическое изучение структуры и содержания региональной идентичности, ее места в структуре Я-концепции личности.

Как показывают предыдущие наши исследования, региональная идентичность занимает достаточно важное место в структуре Я-концепции студентов [5].

В 2019г. нами был проведен опрос, целью которого являлось изучение содержательных характеристик различных элементов средовой идентичности. Для этого мы составили специальный опросник, в котором просили оценить значимость некоторых элементов в структуре представлений о себе, в том числе: «Я – гражданин России», «Я – сибиряк», «Я – житель Кемеровской области» и др. Оценка проводилась по 4-х балльной системе: «3»- очень важно; «2»- достаточно важно; «1»- не существенно; «0»- абсолютно не важно. После этого, по каждой из категорий просили ответить на вопросы: «Кто это?» (критериальная идентичность по П. Боски), «Какие они?» (коррелирующая идентичность) и «Что они делают?» [6, с. 71]. Первые два вопроса позволяли оценить содержательный компонент идентичности, а последний – поведенческий. Обработка результатов проводилась при помощи контент анализа, осуществлялся сплошной подсчет частоты упоминания индикаторов категорий. Исследование носило пилотажный характер, в

опросе приняли участие 79 респондентов – студентов социально-психологического института КемГУ, 90 % опрошенных – девушки, 72 % родились и выросли в Кемеровской области, 81 % – русские.

Как показал анализ ответов респондентов, наиболее значимой является гражданская идентичность (средний балл 2,23). Региональная идентичность, как на уровне «Я-сибиряк», так и на уровне «Я-житель Кемеровской области» субъективно мене значима (1,85 и 1,61 соответственно). Доминирование гражданской идентичности является наиболее предпочитаемой, с точки зрения стабильности государства, поскольку препятствует росту сепаратистских настроений, развитию конфликтов, ухудшению межрегионального сотрудничества [7]. В то же время недостаточная выраженность субъективной связанности с регионом может приводить к усилению миграции и нарушению устойчивого развития территории. При этом значение имеет не только оценка значимости, т. е. эмоциональный компонент идентичности, но и что именно вкладывается в понятие «гражданин России», «сибиряк», «житель Кемеровской области» – её содержательная сторона.

Содержательный компонент идентичности представляет собой образ того явления, тождество с которым отражает идентичность. Внутри этого образа можно выделить базовые характеристики, на основе которых осуществляется дифференциация, и менее значимые признаки объекта идентификации.

Для изучения содержательных характеристик региональной идентичности в опросе предлагалось оценить и описать 2 утверждения: «Я–сибиряк» и «Я–житель Кемеровской области». Как оказалось, для испытуемых более важной является идентичность, связанная с сибирским регионом (62 % опрошенных высоко оценили значимость данного компонента в структуре Я-концепции), поэтому её структуру мы рассмотрим подробнее.

В случае региональной идентичности, вполне предсказуемо основным дифференцирующим признаком выступает территория, а вот второе место занимает климат и отношение к нему («живут в холоде», «выдерживают (-40)», «любят снег», «не мерзнут» и т. п.). К другим характеристикам сибиряков были отнесены: личностные черты («добрые», «душевные», «трудолюбивые», «смелые», «стойкие», «консервативные», «грустные» и т. д.) и свойства, отражающие отношение к климатическим условиям («морозоустойчивые», «термоустойчивые» и т. п.).

Наибольшую сложность у опрошенных, вызвала формулировка поведенческого компонента идентичности. То есть, ответ на вопрос «Что они делают?». Традиционно в поведенческий компонент идентичности принято включать реальные поведенческие проявления, т. е. «ведет себя как...». Мы, вслед за Р. Берном, считаем, что скорее стоит говорить о некотором поведенческом потенциале, складывающемся на основе знания о том, что нужно вести себя определенным образом, значимости данного поведения как компонента идентичности, места самой идентичности в структуре Я-концепции и ситуации [3]. Таким образом, знание о характерном поведении, являясь элементом образа объекта идентификации, в то же время является основой формирования поведенческого потенциала.

В ответах испытуемых об особенностях поведения сибиряков со значительным отрывом лидируют индикаторы, связанные с климатическими особенностями («готовятся к зиме», «закаляются», «приспосабливаются к погоде» и др.) и повседневной жизнью («едят», «отдыхают», «топят печь», «ходят в баню», «ведут огород») (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристики образа «сибиряки» в структуре региональной идентичности студентов

Категория	Частота упоминаний (n)	Условная мера выраженности
Критериальные признаки (количество ответов N = 155)		
Связанные с проживанием на территории Сибири	55	0,35
Климат и отношение к нему	47	0,30
Коррелирующие признаки (количество ответов N = 193)		
Личностные черты	75	0,39
Отношение к климатическим условиям	67	0,35
Поведенческие характеристики (количество ответов N = 152)		
Поведение, связанное с климатическими особенностями	51	0,33
Повседневное поведение	48	0,32

Примечание: условная мера выраженности категории подсчитывалась как отношение количества упоминаний её индикаторов к общему количеству ответов (n/N)

Примечательно, что в описании обыденного поведения большое внимание уделяется природе «собирают шишки», «ловят рыбу», «собирают травы», что не характерно для региональной идентичности, связанной с проживанием в Кемеровской области. В це-

лом структура идентичности с областью и сибирским регионом достаточно похожа, однако в случае Кемеровской области значительно чаще описания строятся через другие группы: «россияне», «сибиряки», «кемеровчане» и т. п. На наш взгляд это является следствием недостаточно сформированной идентичности с областью проживания. Косвенно данное предположение подтверждается и относительно более частым упоминанием желания переехать. Кроме того, если основной для формирования идентичности с Сибирью помимо территориального признака являются особые природные и климатические условия, то в случае Кемеровской области это трудовая деятельность. Таким образом, особенности промышленности Кемеровской области, с одной стороны дают основания для формирования идентичности и чувства гордости за малую родину, с другой стороны большинство негативных характеристик, высказанных респондентами, были связаны с неблагоприятной экологической обстановкой, вызванной добычей угля и работой крупных предприятий.

Как уже упоминалось, основной задачей исследования была отработка самой методики изучения различных компонентов идентичности. Тем не менее, нам представляется возможным сформулировать ряд выводов. Так, можно утверждать, что критериальным признаком общим для формирования гражданской и различных видов средовой идентичности является территория. К специфическим характеристикам среды, являющимся основой для формирования идентичности, могут быть отнесены климатические и природные условия, характеристики промышленной деятельности, отношение к этой территории, её культуре, традициям и обычаям.

Региональная идентичность населения является важной составляющей устойчивого развития региона. Она должна изучаться не только социологами, но и психологами, при этом необходим анализ всех характеристик: её места в структуре Я-концепции, содержательного, оценочного и поведенческого компонентов. В случае выявления проблем, связанных с недостаточной сформированностью идентичности или её отдельных компонентов, необходимо выявление средовых характеристик, которые могли бы стать основой идентификации. Именно эти характеристики должны являться фокусными точками воздействия в воспитательном процессе и работе с массовым сознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Г. М. Социальная идентичность: временные и средовые компоненты // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л. В. Куликова. СПб. : Питер, 2000. 480 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. : Медуиум, 1995. 323 с.
3. Берн Р. Развитие Я концепции и воспитание. М. : Прогресс, 1986. 422 с.
4. Браун О. А. Особенности коммуникативных свойств современных городских старшеклассников: монография. Кемерово : КемГУ, 2015. 141 с.
5. Браун О. А., Аркузин М. Г., Авилов Г. М. Структурно-содержательные характеристики средовой идентичности студентов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 135–142
6. Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология : учеб. пособие. М. : КМК, 2005. 483 с.
7. Смирнова Н. С. Региональная идентичность в условиях современного российского общества : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Волгоград, 2004. 188 с.

Structural and contenting characteristics of the regional identity of students

Braun O. A., Arkuzin M. G.

Abstract. Regional youth identity is an important condition for the stable development of any region. Currently, environmental and regional identity in psychology has not been studied enough; most of the studies affect only the evaluative component, determining its place in the structure of the self-concept. This paper is devoted to the study of the content of regional identity. At the same time, in the structure of the meaningful component of identity, the main differentiating features (criteria) are distinguished; additional characteristics of the object of identification (correlating); and perceptions of proper behavior. As a result of the development and testing of a questionnaire aimed at studying the content of regional identity, a sample of 79 subjects found that the main differentiating features for Siberian regional identity are the territory and climatic features, correlating are the personality traits and attitudes to the climate and geographical features of the region. Ideas about the behavior characteristic of the object of identification are also associated with the natural and climatic characteristics of the environment. Thus, the listed elements of the content of regional identity may be the basis for its formation and development.

Keywords: identity, self-concept, self-image, regional identity, Siberian identity.

Гражданская идентичность дауншифтеров: социально-психологические особенности Я-концепции

Лянгузова В. В.

г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема появления в социальной психологии новых тенденций, в частности, феномен дауншифтинга. Дауншифтинг тесно связан с понятием гражданской идентичности, и затрагивает социально-экономический компонент её содержания, являясь путем профессиональной самореализации. Также дауншифтинг является результатом процесса социализации, которая формирует такое центральное личностное образование, как Я-концепция. Изучение процесса социализации в психологии рассматривает, в частности, проблему соотношения социального и индивидуального в человеке. Имеет место сложный двусторонний процесс, результатом которого является формирование Я-концепции. Изучение особенностей содержания Я-концепции людей, склонных к дауншифтингу, представляется возможным в сравнении с людьми, не склонными к данному феномену. Эмпирическое изучение позволило показать существование значимой взаимосвязи между склонностью к дауншифтингу и особенностями Я-концепции для когнитивного и аффективного компонентов Я-концепции и её отсутствие для поведенческого компонента представлений человека о себе. Также продемонстрированы содержательные различия в характере данной взаимосвязи для групп склонных и не-склонных к изучаемому феномену. Полученные результаты могут иметь практическое значение при работе психологов, которые занимаются вопросами профориентации и консультантов, работающих с тематикой разрешения профессиональных проблем.

Ключевые слова: Я-концепция, дауншифтинг, гражданская идентичность, социализация, профориентация.

Резкий рост интереса социума к проблематике гражданской идентичности связан как с изменением самого общества, так и с изменением отношений человека и общества.

В ходе развития цивилизации требования общества к человеку обретают все более и более сложные и разнообразные формы. В наши дни психика человека стоит перед фактом решения увеличивающегося количества задач, которые связаны с усложнением социальных отношений и увеличением социальных ролей, в которых существует один и тот же человек.

В современном научном мире нет единства в понимании процесса гражданской социализации. В ряде работ гражданская социализация рассматривается как процесс, который определяется тремя элементами: 1) профессиональной социализацией, направленной

ной на присвоение профессиональных знаний и навыков; 2) правовой социализацией, направленной на определение индивидом своих прав и обязанностей; 3) политической социализацией, способствующей повышению активности субъекта в защите своих прав и свобод. О гражданской социализации говорится как о процессе усвоения индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей традиций в трудовой, политической и правовой сферах жизнедеятельности [8].

Так, дауншифтинг тесно связан с понятием гражданской идентичности, и затрагивает социально-экономический компонент её содержания, являясь путем профессиональной самореализации. Также дауншифтинг является результатом процесса социализации, которая формирует такое центральное личностное образование, как Я-концепция.

Конвенционального определения дауншифтинга не существует: термин является сленговым заимствованием. В английском языке (англ. *downshifting* – движение по нисходящей) отображается трактование термина – человек, который выбирает нисходящую «траекторию» трудовой мобильности [7].

Дауншифтинг можно проанализировать через социально-психологическую призму эскапизма, через стремление не быть вовлеченным в системы негибких социальных связей, которые приняты в группе (карьера, семья, классическое образование и т. д.) [10].

В исследованиях, которые посвящены дауншифтингу, можно выделить несколько затрагиваемых исследователями вопросов: анализ природы дауншифтинга и уточнение значения термина; выявление причин, ведущих к дауншифтингу; прояснение средств и путей изменения своей жизни; выявление личностных характеристик дауншифтеров [6].

В данной работе мы рассмотрим особенности Я-концепции такой категории людей, как “дауншифтеры”, отказавшихся от традиционного понятия “карьера”.

Итак, основной целью дальнейшего эмпирического исследования стал поиск ответа на вопрос о том, каков характер представлений человека о себе при условии его склонности к дауншифтингу. Общая гипотеза исследования состояла в предположении о том, что существует взаимосвязь между особенностями Я-концепции и склонностью к дауншифтингу. Мы изучали особенности содержа-

ния образа “Я”, особенности самоотношения и устойчивость самоотношения на временном континууме. Структура Я-концепции операционализировалась традиционно для социально-психологического исследования – как совокупность установок, направленных на самого себя, включающих: 1) когнитивный компонент (собственно представление человека о самом себе), 2) аффективный, представляющий собой оценку данного представления, обладающую вариативной выраженностью в зависимости от степени самопринятия, и 3) поведенческий – т. е. готовность к тем или иным потенциальным действиям, опосредованную первыми двумя компонентами [по: 3].

Эмпирическая база исследования

В исследовании приняли участие 185 человек (120 женщин и 60 мужчин), 18–45 лет.

Медиана возраста – 25 лет, из них работающих – 146 человек, студентов – 39 человек. Причиной составления именно такой выборки для нашего исследования послужило предположение автора о том, что именно данная социальная категория (молодые работающие и учащиеся люди) наиболее всего могут быть подвержены феномену дауншифтинга.

Все методики заполнялись письменно, индивидуально, в очном порядке.

Методический аппарат исследования

1. Авторская анкета на выявление особенностей целеполагания. Данный опросник направлен на поведенческий аспект Я-концепции, его результаты отображали склонность человека к дауншифтингу. После обработки результатов опросника респонденты были проранжированы от более склонных к дауншифтингу к менее склонным.

2. Методика М. Куна и Т. МакПартленда «Кто я? Какой я?», которая традиционно используется для изучения содержательных характеристик Я-концепции, в частности – ее когнитивного компонента. Для анализа полученных ответов далее использовался контент-анализ.

3. Методика исследования самоотношения (тест МИС, опросник МИС) В. В. Столина, С. Р. Пантилеева. Данная методика использовалась преимущественно для изучения аффективного компонента Я-концепции, а именно структуры самоотношения личности и выраженности отдельных компонентов самоотноше-

ния: закрытости, самоуверенности, саморуководства, отраженного самоотношения, самооценности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения.

4. Свободные сочинения на тему «Мой карьерный путь в ближайшие 10 лет»

Обработка результатов проводилась с помощью компьютерных программ MS Excel и статистического пакета SPSS 20.0 (корреляционный анализ и контент-анализ). Ответы на открытые вопросы анализировались при помощи метода контент-анализа.

Результаты исследования и их анализ

Все результаты анкетирования были сведены в единую таблицу. Всего было обработано 185 корректно заполненных анкет.

Авторский опросника был направлен на изучение поведенческого аспекта Я-концепции, его результаты отображали склонность человека к дауншифтингу. После обработки результатов опросника респонденты были проранжированы от более склонных к дауншифтингу к менее склонным.

В результате у нас получилось 3 группы людей:

а) склонные к дауншифтингу, набравшие от -5 до 2 баллов (80 человек).

б) люди, не входящие ни в одну из двух категорий, в сумме набравшие 3 балла (19 человек).

с) люди, не склонные к дауншифтингу, набравшие от 4 до 12 баллов (86 человек).

Результат нам кажется интересным в аспекте того, что в группы склонных и не склонных к дауншифтингу попало схожее число респондентов из нашей выборки. Результат ранжирования и разделение на группы был использован для дальнейшего анализа и сравнения групп.

При обработке методики «Кто Я?» были получены значимые результаты, подтверждающие связь склонности к дауншифтингу и показателей социального и личностного аспектов содержания когнитивной части Я-концепции.

В ходе обработки данных были посчитаны корреляции баллов (коэффициент Спирмена) по каждой из выделенных категорий «Я» по методике «Кто я? Какой я?» с показателем склонности к дауншифтингу. Значимые корреляции выявлены были для категорий «рефлексивное Я» и «социальное Я», как мы и предполагали.

Представляется, что можно дать следующие объяснения данному факту: у лиц, не склонных к дауншифтингу, более выражена категория «социальное Я», так как они больше привязаны к группам, в частности, организациям, и в их ответах преобладают учебно-профессиональные характеристики, семейная принадлежность и прочие аспекты личности, отображающие групповое членство, а у лиц, склонных к дауншифтингу, выделяется среди прочих категория «рефлексивное Я», так как у них более высокий показатель самоинтереса, а, следовательно, они больше склонны к анализу собственного Я, что выражается в указании персональных и личностных характеристик.

Мы отмечаем очень любопытным такой высокий показатель «рефлексивного Я», и считаем, что его нужно рассмотреть подробнее.

В категорию «рефлексивное Я» представлены характеристики персональной идентичности: персональные характеристики (кличка, гороскоп, имя и т. д.); эмоциональное отношение к себе (я супер, «клевый»); утверждения, которые глобальны и которые недостаточно проявляют различия одного человека от другого (человек разумный, *homo sapiens*).

Любопытным стоит заметить то, что у некоторых респондентов присутствовали такие ответы, как «микрокосм», «нейронная сеть», «трепетная лань», «мороженка», «ветер», «девушка-театр», «текст», «присутствие», «самосознание», «творение» и пр., которые сложно определить в какую-либо категорию, даже в «рефлексивное Я». Поэтому мы вынесли эти характеристики в категорию «эфмерное Я» и проанализировали, связано ли наличие выпуклости данной категории со склонностью к дауншифтингу.

Итак, мы применили корреляционный анализ и коэффициент Спирмена и получили следующие данные: коэффициент корреляции равен $-0,156$, $p = 0,034 < 0,05$ что является значимым и говорит о том, что склонность к дауншифтингу связана с такими характеристиками личности, как обозначать себя через нечто, что нельзя описать привычными категориями и отличаются своей необычностью и нестандартностью, что свидетельствует о некоторой “отгороженности” от мира дауншифтерами.

Также стоит сказать, что такой способ транслирования своей личности, возможно, связан с некоторой демонстративностью и желанием привлечь внимание к своей персоне. Таким образом, это

является особой стратегией самопрезентации, транслирующей «оторванность» от реального мира дауншифтером и индифферентность к социальным нормам и рамкам. Мы видим в этом возможный протест и некоторый вызов традиционному укладу общества, который дауншифтер всячески пресекает своим жизненным сценарием.

При обработке методики самоотношения Столина – Пантилеева (МИС) был использован корреляционный анализ и критерий Спирмена.

В этих результатах, прежде всего, отметим большую адекватность методики самоотношения поставленной исследовательской задаче: как известно, его использование позволяет «схватить» эмоционально окрашенную оценку респондентами тех или иных компонентов самоотношения, потому можно говорить о наличии значимой взаимосвязи между аффективными компонентами Я-концепции и склонностью к дауншифтингу по ряду параметров.

Так, люди, не склонные к дауншифтингу, в целом больше интегрально настроены «против» собственного Я, в отличие от склонных к дауншифтингу. Можно отметить, что люди, склонные к дауншифтингу характеризуются тем, что проявляют больше самоуважения, более дружелюбно относятся к себе и меньше склонны учитывать важность мнения о них от окружающих. Также они намного самоувереннее не склонных к дауншифтингу людей и выше степень самопринятия, а также самоинтереса и самопонимания.

Также отметим, что предположение о связи между поведенческими компонентами Я-концепции и склонности к дауншифтингу не подтвердилось. В ходе обработки данных был посчитан критерий Манна – Уитни для независимых выборок по признаку «наличие целей в будущем». Мы предполагали, что люди, не склонные к дауншифтингу, в большей степени будут иметь четкие представления о своем будущем, а склонные будут иметь о будущем представления очень расплывчатые.

Результат получился незначимым, т.е. гипотеза о связи склонности к дауншифтингу и отсутствием целеполагания не подтвердилась.

Заключение. В ходе проведенного эмпирического исследования изначальное предположение о взаимосвязи между выраженностью компонентов Я-концепции и склонностью к дауншифтингу было подтверждено частично: данная взаимосвязь отмечалась для

когнитивного и аффективного компонентов Я-концепции и отсутствовала для ее поведенческого компонента. Также были продемонстрированы содержательные различия в характере данной взаимосвязи когнитивного компонента для групп склонных и несклонных к дауншифтингу.

Полученные результаты могут быть использованы в практической работе психологов, которые занимаются вопросами профориентации, а также консультантов, работающих с тематикой разрешения проблем, касающихся профессионального становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. М. : Аспект Пресс, 2005.
2. Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 141.
3. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М. : Аспект-Пресс, 2001. 301 с.
4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М. : Прогресс, 1986. 420 с.
5. Джемс. У. Психология. -- М. : Просвещение, 1991. -- 189 с.
6. Дрейк Дж. Дауншифтинг. М. : Хорошая книга, 2007.
7. Ермакова С. Н. Дауншифтинг как социально-психологический феномен // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 6. С. 97–107.
8. Красная, М. А. Образ современного общества как составляющая процесса гражданской социализации / М. А. Красная // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. С. 11.

Civil identity of downshifters: socio-psychological features of Self-concept

Lianguzova V. V.

Abstract. The article deals with the problem of the emergence of new trends in social psychology, in particular, the phenomenon of downshifting. Downshifting is closely related to the concept of civil identity, and affects the socio-economic component of its content, as a way of professional self-realization. Downshifting is also the result of a process of socialization that forms such a Central personal education as I-concept. The study of the process of socialization in psychology considers, in particular, the problem of the ratio of social and individual in man. There is a complex bilateral process which results in the formation of the Self-concept. The study of the features of the content of the Self-concept of people prone to downshifting is possible in comparison with people who are not prone to this phenomenon. The empirical study allowed to show the existence of a significant relationship between the tendency to downshift and the peculiarities of the Self-concept for the cognitive and affective components of the Self-concept and its absence for the behavioral component of a person's ideas about himself. Substantial differences in the nature of this relationship for groups inclined and not-inclined to the studied phenomenon are also demonstrated. The results can be of practical importance in the work of psychologists who are engaged in career guidance and consultants working with the theme of solving professional problems.

Keywords: I-concept, downshifting, civic identity, socialization, career guidance.

Культурно-исторический анализ социально-психологических характеристик индустриального общества

Мунгалов В. Н.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ социально-психологических характеристик индустриального общества с культурно-исторических позиций. Динамическая модель демонстрирует взаимодействие различных сфер общественной жизни, где главной действующей силой является развитие экономики по индустриальному типу в развитых европейских странах. Данное взаимодействие является ответом на проблемы внедрения промышленного производства, решение этих проблем закладывает тенденции для возникновения новых, актуальность которых усиливается в постиндустриальных обществах.

Ключевые слова: культурно-исторический анализ, психоистория, индустриальное общество, социально психологические характеристики общества.

Актуальность. Общественное развитие за последние несколько веков в передовых странах мира имеют сходные тенденции. В развитых странах на настоящий момент накоплен комплекс проблем, связанных с демографическим, социальным, политическим и экономическим положением, имеющим, на наш взгляд, корни в первых шагах развития национальных государств в рамках процессов индустриализации. Культурно-исторический анализ социально-психологической трансформации общества в индустриальный период развития позволяет увидеть влияние различных сфер общественной жизни друг на друга, на функционирование человека и его психологические особенности. А затем на основании этого анализа системно подходить к проектированию сообществ и решению актуальных общественных проблем региона.

В качестве методической основы для анализа был использован психоисторический метод анализа в контексте культурно-исторического подхода к рассмотрению психологических процессов и явлений Л. С. Выготского и понимание важности анализа роли и функций системы через включение ее в более сложную организованную систему в соответствии с взглядами В. Е. Ключко.

Социальные изменения в обществе, начиная с первых шагов индустриализации, имеют несколько векторов своего развития:

- 1) развитие науки и образования;
- 2) индивидуализация отдельного человека;

- 3) эмансипация женщин, этнических меньшинств;
- 4) нарушение межпоколенных связей;
- 5) деградация института семьи;
- 6) упрощение содержания духовной культуры.

В целом, индустриальное общество характеризуется более низким уровнем благосостояния (в сравнении с обществом потребления) у большинства населения и актуализирует низшие потребности по иерархии А. Маслоу. Производство носит массовый, конвейерный характер, продукция стандартизирована и ориентирована на большие массы типовых потребителей. Также, на рынках имеется дефицит продукции, поэтому любое производство получает рынки сбыта. [5]. Следует отметить, что в развитых странах Европы, Азии и Америки индустриальное общество уже сменилось постиндустриальным. В большинстве этих стран процесс индустриального развития завершился переходом к обществу потребления на рубеже 50–60х гг. XX в.

Как известно, до формирования индустриального общества общество называют аграрным, или традиционным. Непосредственный переход к индустриальному обществу был обусловлен несколькими детерминантами. Первая из них появление у государств, имеющих флот, способный преодолевать океаны, колоний. В XV–XVI вв. было не так много государств, кто уделял внимание развитию флота: Британия, Голландия, Испания, Португалия, Франция. Превосходство этих государств в судостроении, вооружении и организации позволило им к началу XVII в. обзавестись колониями на ими открытых территориях, и стать государствами-империями.

Вторая детерминанта также известна – накопление капитала. Эта детерминанта непосредственно связана с первой. Накопление капитала стало возможным благодаря первой детерминанте. В колониях государства-империи получали практически неограниченный доступ к дешевым ресурсам и благодаря торговым операциям, захвату собственности (а то и просто грабежу) начался процесс перекачки ресурсов из колоний в метрополии.

Третья детерминанта: научный и технологический прогресс. Благодаря накоплению ресурсов, в метрополиях появилось больше людей, не занятых проблемами выживания и самообеспечения. Постепенно формируются философские подходы, которые впоследствии назовут философией Нового времени, отход от религи-

озных норм прогрессивной части сообщества, формирование атеизма и науки в современном ее виде. Научный и технологический прогресс обуславливает создание паровой машины и переход от ручного труда к машинному производству.

Четвертой детерминантой можно назвать изменение психологии в передовой части сообщества. Специфика этого изменения отражена в первой экономической теории А. Смита. Согласно этой теории, центральными чертами человека экономического стали эгоизм, стремление к личной выгоде через выгодный обмен, хотя христианские ценности имеют кардинальное неприятие этих черт. Причиной такой трансформации является специфика взаимодействия между колониями и метрополией на уровне социальных контактов.

В государствах, где указанные детерминанты проявили себя, сформировалась особая категория населения – буржуазия, которая стала использовать оплачиваемый наемный труд на фабриках и заводах для повышения собственного благосостояния и трансформировать государственные институты в угоду своим экономическим интересам.

Стремление к повышению уровня благосостояния у представителей буржуазии, людей предприимчивых и просвещенных, приводило к мысли о необходимости строительства предприятий на которых возможно было запустить производство товара круглые сутки. Логика проста: больше товара – больше выгодных торговых операций. Для организации такого производства необходима замена ручного труда на машинный. Однако, для того чтобы воплотить идею круглосуточного производства необходимо решить еще две крупных проблемы: проблему сбыта и проблему кадров.

Проблема сбыта товара заключается в том, что, имея быстрый прирост товара (в сравнении с ручными способами производства) для получения прибыли и увеличении уровня собственного благосостояния, необходимо его сбывать, осуществлять торговые операции. То есть нужен достаточно емкий рынок сбыта. Выход был найден в строительстве фабрик и заводов на окраинах уже сложившихся городов. В городах присутствует большее количество населения, плотность его выше, а значит и рынок сбыта достаточно емкий для поставленных целей.

Вторая проблема на современный взгляд неочевидна, но это действительно было проблемой на заре становления индустриаль-

ного общества. Это проблема поиска рабочих кадров. В городе к моменту строительства завода уже имеется сложившаяся система связей и отношений между людьми. Завод – элемент новый, а для общества это элемент неизвестного, возможно таящий в себе опасность. Добропорядочные горожане настороженно смотрели на возможность трудоустройства на завод, так как источник дохода у них уже есть, проверенный и понятный, чего не скажешь о возможностях завода. Да и предпринимателю выгоднее было рассматривать добропорядочных горожан не как источник рабочей силы, а как покупателей. Если взять в качестве рабочей силы горожан с низким уровнем жизни, то это тоже не выгодно. Большинство из них нищенствуют или воруют и к физической работе на заводах и фабриках малопригодно.

Тогда остается третий вариант – крестьяне. Они физически выносливы, неприхотливы, послушны, умеют работать, словом подходящий вариант. Но с ними тоже имеются проблемы, но иного свойства. Во-первых, у них нет возможности свободно выбирать место жительства и род занятий, так как крестьянин принадлежит феодалу. Во-вторых, крестьянин не хочет работать на фабрике, ввиду специфики труда на промышленном производстве. Достаточно вспомнить, что условия труда на первых промышленных предприятиях оставляли желать лучшего. При этом из заработанных средств необходимо не только покупать продукты, одежду, обувь, но и жилье. Крестьянский труд в этом отношении однозначно выигрывал. Так как крестьянин жил в отдельном доме на земельном участке, а не в рабочем бараке, подвальных или чердачных помещениях. Его труд был на свежем воздухе, отличался разнообразием видов деятельности и была возможность самостоятельно планировать режим работы. Значительное число потребностей семьи он своим трудом мог удовлетворить. Семьи были большие, но всем всегда было чем заняться. В работе участвовали все члены семьи. Зачем крестьянину было добровольно менять условия своего труда и жизни на менее комфортные?

Поэтому при переходе к индустриальному экономическому развитию было необходимо крестьян лишать земли и менять законодательство государства. Результатом этому становились буржуазные революции, которые проводились на средства крупных владельцев заводов и фабрик, и реформы по лишению крестьян земли. Крестьянин без земли имел только свободные руки, время и силы.

В сложившихся условиях у него было четыре выхода из ситуации: самоубийство, нищенствовать, добывать себе пропитание противоправным способом и трудоустройство на фабрику или завод. Причем, оплата труда была невысокой и ее едва хватало для удовлетворения элементарных потребностей. Тратилась она большей частью на то, что крестьянин производил сам. Условия проживания и низкая заработная плата способствовали снижению рождаемости, а часть детей их многодетных семей пополняла ряды беспризорников. Так закладывался вектор деградации института семьи.

Без сомнения, такие условия труда постепенно спланивали рабочих и у них формировались классовые интересы, которые приходили в противоречие с интересами буржуазии. В результате забастовок рабочими постепенно отменялись запрет на детский труд, восьмичасовой рабочий день. Работа детей на фабриках приводила не только к раннему возникновению профессиональных заболеваний, но и к травмам, увечьям и их гибели вследствие недостатка физической силы. Идея восьмичасового рабочего дня предполагала деление суток на 3 части: работа (8 часов), сон (8 часов) и свободное время (8 часов). Причем, после восьмичасового напряженного рабочего дня у рабочего было не много вариантов проведения досуга. Поэтому, для целей культурного отдыха пролетариата в послерабочее время начинает формироваться шоу-бизнес, культура становится массовой, а эстетическое ее наполнение примитивизируется.

Развитие промышленных технологий стимулировало развитие научных знаний, а проблемы социального характера становились источником для развития научных знаний в соответствующих областях. Использование конвейерного производства, а также расширение спектра производимых товаров промышленным способом и рост специализации труда поставило проблему подготовки кадров на новый уровень. Развитой экономике стали нужны образованные специалисты, нужно развитие государственного всеобщего образования.

Этот вопрос назрел еще и в связи с ростом детской беспризорности. Если в крестьянском хозяйстве детей рано приучали к труду и давали посильную работу, то в условиях города дети, не имея занятий, шли на улицу. Родители не могут уделить необходимое время для воспитания подрастающему поколению. Забастовки рабочих, запрет на детский труд формируют идею эмансипации женщин. В них капитал начинает видеть источник новых трудовых ресурсов.

Использование женщинами возможности самостоятельно зарабатывать усугубляет ситуацию с воспитанием подрастающего поколения.

Ответом на предложенные вызовы (подготовка специалистов для конкретных областей труда и борьба с детской беспризорностью) становится формирование системы образования, предполагающей деление на дошкольное, школьное, среднее профессиональное и высшее профессиональное образование. Однако, нахождение детей с раннего детского возраста в коллективах сверстников в течение большей части дня способствует разрыву межпоколенных связей. В виду различного предметного поля, задач, интересов у взрослых и их детей модели поведения, ценности будут различаться. Результатом такого разрыва становится появление молодежных группировок мало принимающих и понимающих ценности старшего поколения.

Тенденция индивидуализации имеет корни в европейской философии Нового времени, где формируется концепция свободной личности, откуда рождается понятия частной собственности, свободного рынка, демократических свобод, выборов власти и др. На начальном этапе промышленного строительства было важно вырвать крестьянина из крестьянской общины. Без этой опоры человек стал чувствовать себя в меньшей безопасности и им стало проще управлять. Женщинам также было предложено обрести большую самостоятельность и автономность через процессы эмансипации и феминистские движения. Большая индивидуализация и автономность личности прослеживается и в движении экономики по пути специализации труда. Уникальность специалиста, специальности способствует более глубокому погружению в свою предметную область, лучшему пониманию конкретного спектра проблем. Однако, оборотной стороной этому является полная незащищенность и уязвимость человека в других областях. Так при потере работы такому специалисту сложно будет адаптироваться к своему новому статусу, и понимание этого рождает у него чувство неуверенности, тревоги за свое будущее. Это беспокойство наряду с ростом городов, увеличением шумовой нагрузки на нервную систему, особенности социального быта в многоквартирных домах (когда человек не водит знакомства с соседями по лестничной клетке, а бывает, что затрудняется их назвать по именам) провоцирует рост невротических состояний и психологических проблем. Наиболее ярко эти проблемы заявили о себе к концу XIX в. и со-

провожают человека и по сей день. Именно поэтому XX век явился прорывным в развитии науки психологии.

Однако, данный анализ социально-психологических характеристик индустриального общества не будет полным без понимания его достижений. Именно в этот период развития удалось в индустриально развитых странах преодолеть проблему снабжения продовольствием, одеждой, благоустроенным жильем для значительного большинства населения, увеличилась продолжительность жизни и ее качество. Без сомнения, экономический прогресс стал движущей силой для развития прорывных технологий в области добычи природных ресурсов, их переработки и освоения новых пространств, ранее считавшихся непригодными для жизни (ближний космос, северный и южный полюс). Индустриальный период стал стимулом для развития многих научных направлений в том числе и в гуманитарной сфере. Были разработаны новые технологии управления людьми, администрирования больших транснациональных кампаний, передачи информации на значительные расстояния, система взаимодействия социальных и государственных институтов, технологии борьбы с большинством смертельно опасных заболеваний – бичом традиционного общества.

Представленный в рамках данной статьи культурно-исторический анализ строит модель взаимодействия различных сфер общественной жизни где главной действующей силой является развитие экономики по индустриальному типу в развитых европейских странах. Индустриализация в СССР, США и Японии в общих чертах повторяет опыт европейских стран, но имеет свою специфику, связанную с особенностями привлечения крестьян к работе на промышленном производстве. Переход к промышленному способу производства породил ряд проблем, решение которых составило основные черты индустриального общества. Эти решения стали основанием как улучшения уровня благополучия общества в целом, так и источником новых проблем. И если в эпоху индустриализации они не столь важны, то для постиндустриальных обществ усиливают свою актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории: (очерк истории западной экономической жизни) / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М. : Наука, 1993. 176 с.
2. Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. Научное издание. М. : Academia : Наука, 1999. 724 с.
3. Де Моз, Л. Психоистория. Ростов н/Д : Феникс, 2000. 512 с.

4. Мунгалов В. Н. Опыт психоисторического анализа модели Homo oeconomicus в работах А. Смита // Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы : сб. материалов V Сиб. психол. форума. Томск : НИ ТГУ, 2013. С. 159–161.

5. Мунгалов В. Н. Культурно-исторические аспекты теорий управления и мотивации // Психолог в организации : материалы VIII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. 23–29 марта 2017 г., г. Иркутск / под ред. Т. А. Жданко, О. В. Пуляевской, М. Г. Юрковой. Иркутск : ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2017. С. 22–28

Cultural-historical analysis of the socio-psychological characteristics of an industrial society

Mungalov V. N.

Abstract. The article presents an analysis of the socio-psychological characteristics of an industrial society from cultural and historical positions. The dynamic model demonstrates the interaction of various spheres of public life, where the main active force is the development of an industrial-type economy in developed European countries. This interaction is the answer to the problems of industrial production, the solution of these problems lays the trend for the emergence of new ones, the relevance of which is intensified in post-industrial societies

Keywords: cultural and historical analysis, psychohistory, industrial society, socio-psychological characteristics of society

Особенности этнической идентичности у представителей из этнически смешанных и несмешанных семей

Карнышева О. А.

г. Иркутск, Россия

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ

Тема № 18-013-00785 «Экономический патриотизм как объект междисциплинарного исследования в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере народов Восточной Сибири)» (2018–2020 г.)

Аннотация. Проблема этнической идентичности волнует научный мир на протяжении нескольких лет. Ее актуальность определяется поиском ориентиров в постоянно меняющемся и нестабильном мире. А так же учащением межнациональных контактов современных людей, вызванным миграционными процессами и развитием информационных технологий. В статье приводятся данные по исследованию особенностей этнической идентичности у представителей из этнически смешанных и несмешанных семей. Данные вопросы изучались на молодежной выборке в 2019 г. Участниками выступили студенты нескольких вузов Иркутска.

Большинству наших респондентов, присуща позитивная этническая идентичность, которая рассматривается как норма. При этом отмечается определенное превалирование у смешанных респондентов этнической индифферентности, а у несмешанных индивидов в нашем исследовании статистически значимо чаще проявлялись такие типы идентичности как этноизоляция и этнофанатизм.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая смешанность и не-смешанность, этническая индифферентность, этноизоляция, этнофанатизм.

Усиление процессов осознания своей этнической идентичности, начавшееся в обществе в начале XXI века не теряет своей значимости и в наши дни. Этот процесс связан с серьезными переменами в обществе. Современный человек оказался один на один в быстро меняющемся мире, и ему очень важно разобраться, кто он такой, и на какие ценности ему ориентироваться. Этнос – не единственная группа, в осознании принадлежности к которой человек ищет опору в жизни. Среди таких групп можно назвать фирмы и корпорации, учебные учреждения, партии, церковные организации и т. д. Но так как состав таких групп постоянно обновляется, а сроки их существования ограничены во времени, стремление человека к психологической стабильности не всегда может быть в них реализовано. Да и самого человека могут из данной группы исключить.

Всех этих недостатков лишена этническая общность. Это межпоколенная группа, она устойчива во времени, для неё характерна стабильность состава, а каждый человек в ней обладает устойчивым этническим статусом, т. е. его невозможно «исключить» из этноса. Благодаря этим качествам этнос, по меткому выражению Стефаненко Т. Г., выступает для личности в качестве «аварийной группы поддержки» [10, с. 15]. Этнические сообщества помогают человеку, с одной стороны, четче определиться с целостностью мира, а с другой стороны, выстроить целостность своего собственного «Я».

Среди психологических причин роста интереса к вопросу этнической идентичности называются две. Первая – поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией и нестабильном мире. Маргарет Мид писала: «Жизнь родителей не является моделью для детей, происходит разрыв поколений. Но, несмотря на любые инновации, человечеству, чтобы самовоспроизводиться и саморегулироваться, необходимо сохранять связь между поколениями» [10, с. 301]. Вторая психологическая причина – это интенсификация межэтнических контактов, как непосредственных в результате трудовой миграции, туризма, так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации.

Сильная идентификация с группой может стать мощным источником формирования чувства идентичности, а принижение достоинства других групп способно повысить самооценку и мотивировать борьбу, направленную на достижение социальных перемен. Однако чрезмерный рост этнической идентичности может приводить к негативным последствиям: к усилению позиций этноцентризма, вплоть до проявлений национализма и геноцида. При этом конфликты между группами обычно возникают вследствие преувеличения групповых различий и ощущения угрозы агрессии, которая всегда сопровождает эти процессы [5]. Это может приводить к всплеску межнациональной конфликтности, росту эмоционального напряжения, вплоть до кровопролитных войн.

В определении сущности этнической идентичности подчеркивается осознание или переживание принадлежности к этнической общности, отождествление с ее представителями при обособлении от других групп; представление об общем происхождении, эмоционально-ценностное отношение к этнической территории (родине), историческому прошлому этноса и его месту в современном мире, сопричастность этнокультурной традиции.

Одну из наиболее позитивных оценок этнической идентичности дает автор книги «Белое самосознание. Расовая идентичность в XXI в. » Д. Тэйлор. В своей книге он стремится увязать рассматриваемое понятие с психологической комфортностью человека, для чего приводит следующий довод: «наличие положительного чувства к своей этнической группе обеспечивает дополнительный рост позитивности в повседневной жизни людей» [11, с. 179].

Позитивная этническая идентичность с одной стороны способствует успешной социализации человека, а с другой – именно в процессе социализации общество как бы «приписывает» ребенка к определенному этносу. В результате чего у большинства людей не возникает проблема выбора этнической принадлежности.

Таким образом, этническая идентичность занимает большое место в становлении личности и выполняет ряд необходимых функций:

- ориентирует в окружающем мире, предоставляя относительно упорядоченную информацию;
- задает общие жизненные ценности;
- защищает, обеспечивая социальное и физическое благополучие.

По мнению научного сообщества, психологически здоровый индивид должен иметь четко определенную коллективную (этническую, культурную) идентичность. Такой индивид готов к осмысленному, позитивному взаимодействию с физической и социальной средой, а также способен эффективно взаимодействовать в изменяющемся и сложном современном мире. Так же многие ученые подчеркивают связь этнической идентичности личности с психологическим здоровьем и благополучием человека [см. к примеру: 3; 7].

В отечественной психологии в настоящее время делается акцент на тех изменениях, которые происходят в этнической идентичности в эпоху коренных социальных преобразований (Лебедева Н. М., Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротева В. В., Солдатова Г. У., Рыжова С. В., Павленко В. Н., Корж Н. Н., Ионин Л. Г., Сикевич З. В. и др.). В частности, современные ученые говорят о кризисе идентичности у русских в ближнем зарубежье. Данный кризис проявляется в утрате связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, лежащей в основе сбалансированной и непротиворечивой идентичности [см.: 1; 6; 12].

Ведь этническая идентичность является величиной переменной: под влиянием внешних и внутренних факторов она может актуализироваться и претерпевать определенные трансформации. Если позитивная этническая идентичность представляет собой баланс толерантного отношения к своей и другим этническим группам, являющийся важным условием самостоятельного стабильного существования этнической общности в полиэтническом окружении, то изменения этнической идентичности могут происходить в направлении как ее ослабления, так и усиления [см. 7]. Так Г. У. Солдатова рассматривает три вида ее трансформации:

- а) этническая идентичность может «размываться», что выражается в неопределенности этнической принадлежности;
- б) отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию;
- в) этническая идентичность может гиперболизироваться и в контексте межэтнических отношений принимать дискриминационные формы [см. 9].

Отдельно ученые выделяют «сдвоенную» или даже «строенную» идентичность. Современное общество является крайне разнородным в этнокультурном отношении и характеризуется куль-

турной «мозаичностью». Это приводит к формированию у некоторых людей транскультурной, множественной идентичности. Этот тип идентичности достаточно распространён в этнически смешанной среде и обусловлен трудностями процесса идентификации у детей из этнически смешанных семей, где родители или близкие родственники являются представителями разных национальностей.

Этническую смешанность можно рассматривать как особый вид не только генетического, но социального взаимодействия, «диалога культур». С одной стороны, она может вести к утрате индивидом своей идентичности (маргинализм), а с другой стороны, к появлению новых специфических видов идентичности [см. 4].

Данный аспект мы изучали на молодежной выборке. В исследовании участвовали люди в возрасте 18–25 лет, студенты различных вузов г. Иркутска (n = 407). На рисунке 1 представлены результаты, полученные по методике Г. У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» [8].

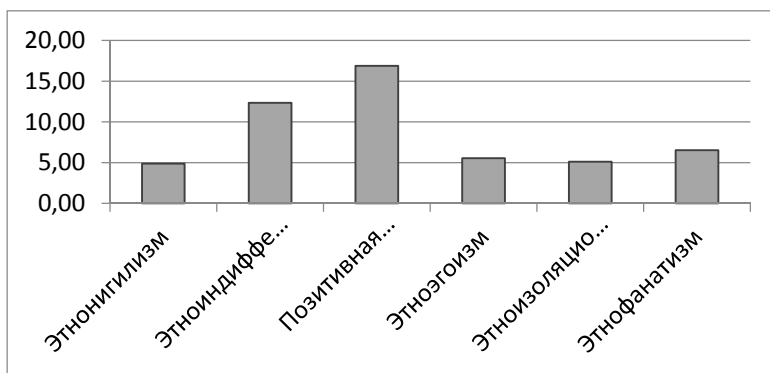

Рис. 1. Представленность типов этнической идентичности в целом по выборке

На рисунке видно, что у большинства наших респондентов, бесспорно, преобладает позитивная этническая идентичность. Данный показатель находится на повышенном уровне. Этот тип идентичности характеризуют высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам. Позитивная этническая идентичность представляет собой условие самостоятельного и стабильного существования как самой этнической группы, так и мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном обществе.

Так же достаточно ярко представлена у наших испытуемых этническая индифферентность. Размывание этнической идентичности – этническая индифферентность – выражается в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. Она подразумевает концепцию этнического взаимодействия, основанного на незначительности и принижении роли этнических особенностей в процессе межличностной и межгрупповой коммуникации. При этом типе идентичности люди практически равнодушны к проблемам этничности и межэтнических отношений, ценностям своего и других народов. Они свободны от норм и традиций, и на их жизненные поступки, на поведение в любых сферах деятельности никак не влияют ни их собственная этническая принадлежность, ни этничность других. Следовательно, значительная часть наших молодых респондентов склонна искать ориентиры вне собственной этнической принадлежности. С чем это может быть связано?

Рассмотрим проблему особенностей этнической идентичности у «смешанных» и «несмешанных» индивидов. Данный аспект представлен на рисунке (рис. 2)

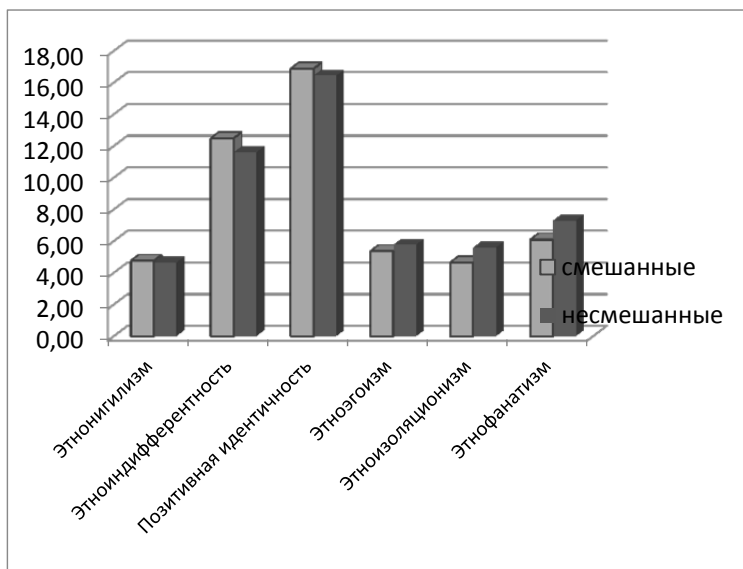

Рис. 2. Самооценка типов этнической идентичности у смешанных и несмешанных индивидов

Смешанных индивидов в нашем исследовании было 181 человек, а несмешанных всего 72, что вполне характеризует особенности Иркутского региона, где одновременно соседствуют представители 156 национальностей (согласно данным переписи 2010 г.). При этом еще одна значительная группа респондентов не смогла однозначно ответить на вопрос о наличии и отсутствии у себя смешанности, и выбирала ответ «возможно есть родственники других национальностей, но я об этом не знаю» (таких было 140 человек).

Для чистоты анализа полученных данных мы учитывали результаты диагностики только тех испытуемых, кто уверенно отвечал на вопрос о наличии у себя смешанности-несмешанности. При этом стоит отметить один важный момент. В анкете был вопрос о национальности респондента. Так вот многие из смешанных индивидов выбирали для себя вариант национальности «другие», а в расшифровке уже конкретно указывали что, на самом деле являются представителями смешанных семей. В своих комментариях они так и писали: «метис» (такой вариант встречался чаще всего), «украинка-татарка», «армянка-молдованка», «русский-китаец», «русская татарка», «русская украинка» и т. п. Данный феномен объясняется «смешением» в данных респондентах разных «кровей», что приводит к утрате или размыванию у них собственной этнической идентичности, о чем мы говорили ранее.

Если сравнивать результаты у смешанных и несмешанных индивидов, то можно отметить определенное превалирование у смешанных по сравнению с несмешанными, этнической индифферентности. Данная ситуация вполне объяснима и мы ее описали выше. Для смешанных, в силу смешения в них «результатов» воздействия двух и/или более культур характерно размывание этнической идентичности, которое может выражаться в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. Возможно, это будет способствовать тому, что данные испытуемые склонны проявлять толерантное отношение по отношению к иноэтничному окружению.

У несмешанных индивидов в нашем исследовании статистически значимо чаще проявлялись такие типы как этноизоляция и этнофанатизм, которые у «смешанных» выражены заметно меньше. Хотя стоит отметить, что данные типы не выходят по значениям рамок пониженного показателя. Особенность этих типов

этнической идентичности состоит в том, что они представляют собой ступени гиперболизации этнической идентичности. И потенциально могут означать появление дискриминационных форм межэтнических отношений.

Гиперидентичность, проявляющаяся в межэтническом взаимодействии может принимать различные формы этнической нетерпимости: начиная от недовольства, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, заканчивая политикой ограничения их прав и возможностей, агрессивными и насильственными действиями против другой группы и даже геноцида. Для представителей одного народа данная склонность к гиперболизации собственной этнической отнесенности вполне объяснима. Здесь главное отслеживать возможные риски данного процесса.

Таким образом, позитивная этническая идентичность представляет собой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире [см. 8]. Позитивность этнической идентичности раскрывается не только в высоких чувствах по отношению к своему этносу, но и в стремлении, и в умении находить эффективные контакты с представителями других сообществ. Но при этом в ситуации смешения культур, когда человек является выходцем многонациональной семьи, это чаще всего затрудняет у него процессы идентификации и приводит к размыванию этнической идентичности. Данное явление способствует тому, что молодые люди в подобной ситуации склонны отказываться и нивелировать влияние этноса, принижать его значение для себя и искать другие стабильные ориентиры в социальном мире.

При этом нужно учитывать, что индивиды всегда стремятся повышать свою позитивную идентичность и защищать ее. В напряженной социально-политической ситуации этническая идентичность выступает психологической основой этнополитической мобилизации как готовности людей, объединенных по этническому признаку, к групповым действиям по реализации национальных интересов. И данное явление имеет не только достоинства, но и определенные социальные риски.

Формирование позитивной этнической идентичности целесообразно начинать с выявления конкретных особенностей тех людей, на которых оно направлено. Для нас это этносы Восточной

Сибири и Дальнего Востока, если брать во внимание переход с осени 2018 г. республики Бурятия в ДВФО. Ведь субъектом этнической идентичности, ее «носителем», во всех случаях выступает отдельный индивид со всеми своими особенностями. Важно иметь в виду, что у аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока имеются не только общие психогенетические особенности, но и наличествуют близкие традиции и ценности в социальных и религиозных сферах. Нарботаны механизмы эффективного сотрудничества и у русского населения данных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баксанский О. Е., Лавринова Д. Г. Этнокультурная идентичность в условиях глобализации. // Феномен глобализации в контексте диалога культур. М. : Канон+, 2010. С. 47–75.
2. Барретт М. Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги Западноевропейского исследования // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М. : Ин-т психологии РАН, 2001. С. 16–58.
3. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигал, П. Р. Дасен. Харьков : Гуманитарный центр, 2007. 560 с.
4. Карнышева О. А. Этническая смешанность-несмешанность семей как фактор межнационального согласия и патриотизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63), Т. 3. С. 143–148.
5. Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология. М. : МАКС Пресс, 2011. 424 с.
6. Петров И. Г. Этнос и нация, национальность и этничность (предназначение и смысл) // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 12–23.
7. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. У. Солдаговой. М. : Смысл, 2002. 479 с.
8. Солдагова Г. У. Диагностика типов этнической идентичности. // Психология общения : энцикл. слов. / под общ. ред. А. А. Бодалева. М., Когито-центр, 2011. 511 с.
9. Солдагова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 389 с.
10. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2014. 352 с.
11. Тэйлор Дж. Белое самосознание: расовая идентичность в XXI веке. М. : Икс-Хистори; Кучково поле, 2014. 496 с.
12. Хотинец В. Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург : Изд-во УдГУ, 2002. 153 с.

Features of ethnic identity of representatives from ethnically mixed and unmixed families

Karnysheva O. A.

Abstract. The problem of ethnic identity has been worrying the scientific world for several years. Its relevance is determined by the search for guidance in an ever-changing and unstable world. As well as the increase in international contacts of modern people caused by migration processes and the development of information technology. The article presents data on the study of ethnic identity in representatives of ethnically mixed and unmixed families. These issues were studied in the youth sample in 2019. The participants were students of several universities of Irkutsk.

Most of our respondents have a positive ethnic identity, which is regarded as the norm. At the same time, there is a certain prevalence of ethnic indifference in mixed respondents, and in unmixed individuals in our study such types of identity as ethnic isolationism and ethnic fanaticism were statistically significantly more often manifested.

Keyword: ethnic identity, ethnic confusion and unbiased, ethnic indifference, ethnic isolationism, ethnic fanaticism.

Этническая идентичность молодежи: сравнительное исследование

Жукова А. С., Маркер А. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье изложены предварительные результаты исследования этнической идентичности молодежи. Авторами отслеживаются особенности проявления социальной, профессиональной, географической и др. видов идентичности, как в целом по выборке испытуемых, так и с указанием на их гендерную и возрастную принадлежность.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, молодежь.

В условиях многонациональной России перед родителями и специалистами, работающими с молодежью, встает актуальная задача воспитания и обучения: а именно воспитание человека, способного сохранить культурные ценности и традиции своего народа. Осуществить эту задачу в современных реалиях достаточно сложно, в силу того, что разрушены традиции передачи опыта социализации через этническую культуру в семье, и молодые люди вынуждены приобретать опыт социализации стихийно, впитывая идеи представителей определенных политических, религиозных, субкультурных и др. групп. Зачастую полученный опыт приводит в последующем к деструктивным процессам: к нарушениям со стороны формирования личности, возникновению межэтнических конфликтов, нарастанию межэтнической напряженности в группах и пр. В частности, разноплановые методы и механизмы социализации разрушают этническую идентичность молодых людей.

В своём исследовании Голуб Е. В. подчёркивает, что изучение этнической идентичности молодежи является не только научной проблемой, но и общественно-значимой. Проблема этнической идентичности отражена в Концепции развития поликультурного образования в РФ, в Проекте «Народов много – страна одна» Министерства регионального развития РФ, в Национальной доктрине образования в РФ и т. д. [1]

В психологической науке исследованы вопросы межличностного взаимодействия представителей разных этносов, изучена структура этнической идентичности и этнического самосознания. Этническую идентичность молодых людей, а также факторы, влияющие на формирование их этнической идентичности, изучали

такие исследователи, как Бублик М. М., Галкина Е. М., Кузмицкайте Л. Д., Романова О. Л., Склярова Д. В., Собкин В. С. и мн. др. Несмотря на разработанность указанной проблемы, считать её полностью исчерпанной нельзя. Открываются целые области исследования в русле заявленной проблемы, которые требуют отдельного внимания и рассмотрения.

Целью нашего исследования являлось изучение этнической идентичности молодёжи.

Исследование проводилось на базе Байкальской Международной Школы (пос. Танхой). Общая выборка включала испытуемых в количестве 100 человек. Из них: в возрасте от 11 до 18 лет – 67 человек, старше 18 лет – 33 человека. В исследовании приняли участие представители таких населённых пунктов России как Иркутск, Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Улан-Удэ, Новосибирск, Томск, Красноярск, Барабинск, Вихоревка, Слюдянка, Новокузнецк, Тайшет, Усть-Кут.

В качестве основных психодиагностических методик использовался тест «Двадцать определений» Куна М. и Макпартлэнда Т. С., а также опросник для исследования этнической идентичности Романовой О. Л.

Анализ результатов по методике «Двадцать определений» показал, что респонденты в большинстве своём определяют себя:

- как представителя какой-то конкретной группы (13,7 % = 274 ответов): турист, книголюб, собаковод, танцор, садовод, путешественник и пр.;

- как члена семьи (ячейки социума) во всем многообразии семейных ролей (12,6 % = 252 ответов). В среднем каждый опрошенный упоминает о своей принадлежности к семье около пяти раз (мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, тесть, теща и пр.). При этом, 195 ответов (77,4 %) принадлежат испытуемым женского пола, что обусловлено, возможно, осознанием роли женщины в семье (роль продолжательницы рода, хранительницы очага и семейных ценностей и пр.). Мужчины ощущают себя членом семьи в 3,5 раза реже (57 ответов).

Принадлежность к группе по роду занятий показали 10,9 % испытуемых (217 ответов). Отмечен большой спектр занятий/профессий, которые они одновременно осуществляют или осуществляли: учащиеся и студенты, музыканты, биологи, инженеры, «воспитатель» и пр.

О географической принадлежности свидетельствуют 78 ответов: с Россией идентифицируют себя 33 респондента: из них 19 дополнительно уточняли регион (Сибирь), а 26 человек – населенный пункт.

Следует отметить, что для большинства молодых респондентов характерно использование образа в идентификации себя. Некоторые ощущают себя частью материи: скоплением клеток, сульфатом меди, коробочкой хлопка и пр. Среди самоопределений встречаются также «патетически-всеобъемлющие»: человек, «второй после Бога», «Человек Мира», личность, «землянин», «обитатель Евразии», «Божья тварь», «сущность», «Homo sapiens». Индивидуумом «здесь и сейчас» признают себя 1,1 % (= 22 ответа): участник Байкальской школы, член секции МКК, волонтер, «отвечающий на вопросы», «пишущий ручкой». Часть образов можно отнести в категорию «прочие» (6,2 % = 123 ответа): «Спанч-боб», «свинка Пэппа», «Русалочка», «одуванчик», «роза», «плакучая ива», «аэроплан», «кролик», «Бэтмен», «королева», «фасоль», «мялявка», «зелень».

Причины отождествления себя с конкретными образами могут быть различными: следствие социальных и семейных ярлыков, идентификация себя с героями популярных фильмов, книг, компьютерных игр на основе внешнего сходства или психологических характеристик и пр.

Ответы респондентов, отождествляющих себя с представителями различных этнических групп, также были проанализированы. Отмечено, что 18 % респондентов относят себя к русским, китайцам, «хохлам», «метисам» и др. представителям этногрупп. Весьма интересно восприятие себя у молодых людей, воспитывающихся в многонациональной семье. Примером могут являться ответы: «Мать – татарка, отец – еврей. Я башкир», «Мать наполовину белоруска, а отец – немец. Я русская» и т. д.

На вопрос «Что роднит вас с ... народом?» респонденты выделяют обычаи, обряды, традиции, черты характера, песни и танцы, язык, место жительства, исторические судьбы, эпос, сказки, природа, географическое пространство (территория), литература и пр. Так, на вопрос «Что роднит вас с русским народом?», были получены следующие ответы: русский язык, традиции, национальные праздники (Масленица, Пасха), страна, история, русская литература, природа и пр.

Методика Романовой О. Л. позволила отследить следующие составляющие этнической идентичности испытуемых: 1) выраженность чувства принадлежности к своей этнической группе; 2) отношение к своей национальности; 3) представления о взаимоотношениях этнического большинства и меньшинства; 4) отношение к использованию родного языка.

Анализ результатов по параметру «выраженность чувства принадлежности к своей этнической группе» представлен в табл. 1.

Таблица 1

Выраженность чувства принадлежности к своей этнической группе респондентов разных возрастных групп (средние значения)

Вопросы методики Романовой О. Л., раскрывающие параметр «выраженность чувства принадлежности к своей этнической группе»	Испытуемые в возрасте от 11 до 18 лет		Испытуемые в возрасте старше 18 лет	
	жен.	муж.	жен.	муж.
Я интересуюсь историей и культурой своего народа	1,2	1,2	1,7	1,9
Меня крайне задевает, когда я слышу что-либо оскорбительное в адрес своего народа	0,9	1,1	1,2	0,8
Я испытываю глубокое чувство личной гордости, когда слышу что-либо о выдающемся достижении своего народа	0,7	1,1	1,5	1,4
Если я встречаюсь с обвинением в адрес своего народа, то я, как правило, не отношу это на свой счёт.	-0,1	-0,3	0,3	0,9
Если бы я имел (а) право выбора своей национальности, то я бы предпочел (а) ту, которую имею сейчас.	1,0	1,3	1,4	1,6
<i>Средний комплексный показатель</i>	<i>0,73</i>	<i>1,56</i>	<i>1,22</i>	<i>1,32</i>

Очевидно, что чувство принадлежности к своей этнической группе поддерживается интересом к истории и культуре народа, гордостью за его достижения, болезненным переживанием критики в адрес своего народа. Все респонденты «присягают на верность» своей этнической группе: от «скорее согласен» до «полностью согласен» (1,0 – 1,6).

Анализ результатов по параметру «отношение к своей национальности» представлен в табл. 2.

Особого внимания заслуживает отрицательная реакция респондентов на мысль, что в браке нужно ориентироваться на национальность партнера. Предельное «не согласен» зафиксировано у взрослых мужчин (-1,8).

Таблица 2

**Отношение к своей национальности респондентов разных возрастных групп
(средние значения)**

Вопросы методики Романовой О. Л, раскрывающие параметр «отношение к своей национальности»	Испытуемые в возрасте от 11 до 18 лет		Испытуемые в возрасте старше 18 лет	
	жен.	муж.	жен.	муж.
Считаю, что в любых межнациональных спорах человек должен защищать интересы своего народа	0,3	0,8	0,9	0,1
Думаю, что национальная гордость – это чувство, которое нужно воспитывать с детства	1,0	1,3	1,8	1,9
Считаю, что при общении с людьми нужно ориентироваться на их личностные качества, а не на их национальную принадлежность	1,5	1,1	1,9	2,0
Национальная принадлежность – это то, что всегда будет разъединять людей	-0,3	-0,3	-0,2	-1,2
В дружбе, а тем более в браке нужно ориентироваться на национальность партнера	-0,6	-0,8	-0,7	-,8
Думаю, что органично развивать и сохранять можно только свою национальную культуру	-0,2	0	-0,5	-1,1
Поддерживаю смешанные браки, так как они связывают между собой различные народы	0,6	0,3	0,4	0,7
<i>Средний комплексный показатель</i>	<i>0,32</i>	<i>0,34</i>	<i>0,51</i>	<i>0,1</i>

Анализ результатов по параметру «Представления о взаимоотношениях этнического большинства и меньшинства» представлен в табл. 3.

Таблица 3

Представления о взаимоотношениях этнического большинства и меньшинства у респондентов разных возрастных групп (средние значения)

Вопросы методики Романовой О. Л, раскрывающие параметр «представления о взаимоотношениях этнического большинства и меньшинства»	Испытуемые в возрасте от 11 до 18 лет		Испытуемые в возрасте старше 18 лет	
	жен.	муж.	жен.	муж.
Считаю, что представители каждой национальности должны жить на земле своих предков	-0,6	0	-0,6	-0,7
Считаю, что люди имеют право жить на любой территории вне зависимости от своей национальной принадлежности	1,1	1,2	1,6	1,7
Считаю, что политическая власть в многонациональном государстве должна находиться в руках представителей коренного большинства населения	0,2	0,2	0,2	-0,8

Представители коренного большинства населения не должны иметь никаких преимуществ перед другими народами, живущими на данной территории	0,1	0,4	0,5	0,4
Считаю, что представители коренной национальности имеют право решать – жить в их государстве людям других национальностей или нет	-0,2	-0,1	-1,0	-0,6
Думаю, что в правительстве многонационального государства должны находиться представители всех национальностей, проживающих на данной территории	0,4	0,7	1,1	1,4
Думаю, что представители коренной национальности должны иметь определенные преимущества, так как они живут на своей территории	0,1	0,1	-0,2	1,0
<i>Средний комплексный показатель</i>	<i>0,14</i>	<i>0,36</i>	<i>0,23</i>	<i>0,34</i>

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о глобализации мира в целом, стирании государственных границ при самостоятельном выборе территории проживания.

Параметр «отношение к использованию родного языка» определялся с помощью следующих утверждений, представленных в табл. 4.

Таблица 4

Отношение к использованию родного языка у респондентов разных возрастных групп (средние значения)

Вопросы методики Романовой О. Л, раскрывающие параметр «отношение к использованию родного языка»	Испытуемые в возрасте от 11 до 18 лет		Испытуемые в возрасте старше 18 лет	
	жен.	муж.	жен.	муж.
Представители одной национальности должны общаться между собой на своём родном языке	0,7	0,8	0,8	0,4
Считаю, что делопроизводство и преподавание в школах в многонациональном государстве должны быть организованы на языке коренного большинства населения	0,2	0,4	0,6	-0,1
<i>Средний комплексный показатель</i>	<i>0,45</i>	<i>0,6</i>	<i>0,7</i>	<i>0,15</i>

Большинство испытуемых выражают свое принципиальное согласие с тем, чтобы представители одной национальности общались на своём родном языке. К делопроизводству и преподаванию на языке меньшинства респонденты относятся с неодобрением. Считают, что это автоматически приведёт к проблемам отдельных лиц (например, в вопросах учёбы или в процессе сдачи ЕГЭ).

Таким образом, первичный анализ результатов по методике Романовой О. Л. показал, что для молодых людей менее значимо чувство принадлежности к своей этнической группе, нежели для представителей более зрелого возраста.

Перспективы исследования связаны с выявлением гендерных аспектов этнической идентичности молодых людей, а также в разработке способов оптимизации показателей идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб Е. В. Развитие этнической идентичности как фактор социализации подростков полиэтничного региона : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2011. 237 с.

Ethnic identity of young people: a comparative study

Zhukova A. S., Marker V. A.

Abstract. The article presents the preliminary results of the study of ethnic identity of young people. The authors trace the features of the manifestation of social, professional, geographical and other types of identity, as a whole on the sample of subjects, and indicating their gender and age.

Keywords: identity, ethnic identity, youth.

Психогеографические притязания жителей Иркутска

Скуденков В. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования психогеографии городской среды на примере Иркутска, анализируются формы и условия развития особого психогеографического пространства, определяющего идентичность и менталитет жителей, которая складывается из социокультурных и исторических особенностей города, экономического и социального положения, жизненных перспектив и установок его жителей, внутреннего ощущения времени и пространства, удовлетворенности своей жизнью комфортности организации повседневных бытовых и досуговых практик горожанами. На психогеографические притязания влияют реальные условия жизни в старых и новых районах города Иркутска, особенности и формы сравнения с другими городами, понимание самощности и уникальности конкретного городского ландшафта, заключенного в топонимике улиц, архитектуре старых и новых домов, наличием скверов, парков, набережных и других мест досуга и отдыха. Психогеографические притязания жителей Иркутска обусловлены прошлым города и жизненными ориентирами на будущее его жителей в настоящем, которые связаны с конкретными домами, улицами, парками и прочими элементами пространства города.

Ключевые слова: психогеография, социальные притязания, образ города, социокультурная среда города, история города, психологическая атмосфера города.

Психогеография – область социально-психологического обустройства городской среды. История и культура города, архитектурные и технические особенности городской среды накладывают психологический отпечаток на жителей этого города, формируя уникальную ментальную карту городского пространства. Архитектура городов, планировка улиц и скверов, площадей и переулков выступала способом артикуляции мечты, идеалов и ценностей в определенном пространстве и времени. Она с одной стороны отражала те идеи, что витали в воздухе и могли быть овеществлены отдельными личностями (архитекторами, художниками, писателями, поэтами), с другой влияла на всех жителей города (обывателей), формируя тем самым уникальную городскую среду [2].

Психогеография как термин впервые стал употребляться в середине XX в. в среде французских интеллектуалов во главе с французским философом русского происхождения И. Щегловым и его последователями Ги Де Бором и Ш. Бодлером. Они основали так называемый унитарный урбанизм – синтез искусства и науки (технологий), предполагающий отказ от классического понимания архитектуры, правил и норм.

Указанные авторы изучали психогеографический рельеф, под которым они понимали движение постоянных потоков горожан с фиксированными постоянными точками. Также они впервые стали анализировать городской ландшафт – общий городской план определяющий точки скопления и «зоны разрыва» в городской среде как в человеческом измерении (как часто там бывают горожане) и архитектурном (какие здания, архитектурные и дизайнерские ансамбли там расположены). Авторы говорили о световых решениях (освещенность улиц, площадей, домов) – мягком регулировании и архитектурных решениях (изменение архитектурных линий домов, включение эко-зон и прочее) – жестких решениях в городской среде.

Идеи, возникшие на стыке философии, поэзии и искусства стали основой трансформации городской архитектуры и дизайна многих городов второй половины XX в. во всем мире. Поэтому, на сегодня психогеография городской среды является передовым направлением развития городского планирования. [3]

В психологии также стали уделять особое внимание психологическому климату городов, основанному как на исторических событиях прошлого, так и на современных процессах и архитектурных формах городов. Образ города – это презентация социаль-

ного, культурного, исторического, природного пространства в сознании индивида и различных социальных групп. Образ города может быть сформирован на основе личного опыта, включенности в среду в процессе различных ступеней социализации (если прошло детство или юность в каком-то городе), а может сформироваться на основе историй об этом городе, рассказанных значимыми людьми (родителями, друзьями) или воссозданных в СМИ через яркие образы (*Прага – мистический город, Париж – город любви* и т. д.). Современные исследования уличного искусства и граффити-движения создают также новые пространства городской среды, новые образы и формы городской среды. Об этом более подробно изложено в исследованиях А. В. Завьялова [4], С. В. Малых [5] и др.

Образ города – это результат индивидуальных и коллективных представлений, воспринимается как среда обитания и пространство для жизнедеятельности. Образ города угадывается или узнается по каким-то фрагментам (символы города – например, в Иркутске – бабр; архитектурным памятникам – в Ангарске – памятник сурку, как способ отсылки к 90-м гг. XX в., где каждый второй горожанин шил сурковые шапки, Храм на крови в Питере и проч.).

Образы города формируются спонтанно на основе воспоминаний и разорванных знаний о истории города, его людях и ярких воспоминаниях связанных с отдельным человеком. Иными словами, психогеография городского образа – это сочетание индивидуального опыта и коллективных представлений, формирующая восприятие города как целостной системы. На основе этого имиджмейкеры формируют позитивный образ города привлекательный для туристов. Для самих горожан, положительный образ города благотворно влияет на их психологию, что побуждает их дольше находиться в городском публичном пространстве. Отрицательный образ города – гонит горожан из города, вызывает желание переехать.

Менталитет и психология горожан определяется в определенных стратегиях поведения в городе; особенностях социальной миграции в городе (чем больше город, тем больше времени уходит на перемещения внутри его); особенности социального взаимодействия (чем больше город, тем меньше личных контактов у людей между собой и тем больше они формализованы); особая материальная среда человека, обуславливающая работу психики человека.

Психолог Теннис ввел понятие «городской образ жизни», который обладает уникальными психологическими чертами, влияющими на личность человека и социальных групп, проживающих в городах. На это влияют как личные коммуникации, с одной стороны более отчужденные, с другой более агрессивные между соседями. С другой – то пространство где происходит это взаимодействие (социальное жилье с минимальным количеством квадратных метров на человека – ограничивает зону личного пространства, которое нарушают как члены семьи, так и соседи, что ведет к раздражительности, агрессивности, тревожности и прочим негативным формам социального проявления неудовлетворенности своей жизнью).

Г. Зиммель отмечал отличия в темпе жизни городских и сельских жителей и жителей крупных и малых городов, что также влияет на внутренне самочувствие жителей. В городе больше раздражителей (транспорт, громкие звуки, узкие улицы, плотность проживания и т. д.), влияющих на психику человека и изменяющих его базовые установки и поведение. По исследованиям П. Ньюмана, проживание в высотных зданиях увеличивает уровень агрессивности и деструктивного поведения (вандализм, драки) и иных преступлений среди жителей этих домов. Люди лишены права владения землей, они могут распоряжаться только площадью своей квартиры, все остальное находится в общественном пользовании и соответственно за эту территорию они не несут ответственности.

Городская среда при этом может и позитивно влиять на человека, вдохновлять, задавать общий тонус, повышать возможности реализации личных качеств и возможностей человека. Городское пространство влияет на развитие визуального восприятия [11].

Многоэтажная застройка, колодцеобразные дворы, узкие пространства между зданиями отрицательно влияют на сам характер зрительного восприятия. Физиологи отмечают, что зрительное восприятие практически перестает при этом функционировать, что снижает возможности визуализации.

В случае экопозитивного восприятия городской среды (парков, городских ансамблей, отдельно стоящих красивых зданий, сочетания архитектурной среды с гидрологическими объектами и «зелёной» архитектуры) у жителей и туристов формируется позитивный образ города [1]. Таким образом, эта среда благотворно влияет на психику человека. И этот человек инстинктивно стре-

мится отдыхать в рекреационных условиях, близких к условиям своего города.

С целью выявления воздействия психогеографии города Иркутска мы провели исследование среди его жителей, на тему как городское пространство влияет на психологическое самочувствие горожан и как определяет их психогеографические притязания. Исследование проходило в 2019 г., в нем приняли участие 1220 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 60 % женщин и 40 % мужчин.

Говоря о психологическом восприятии пространства города, респонденты говорили о его характеристиках, субъективном восприятии. У более чем половины (54 %) это указывало на его доверительную оценку, субъективное заведомо положительное восприятие, вне зависимости от негативных характеристик и черт.

Иркутск – приятный город, с множеством старинных зданий. Он так успокаивает и умиротворяет, что суэта соседних городов – Красноярска, Новосибирска и более дальних Питера и Москвы многих отталкивает (М. Н., экономист, 34 года).

Я люблю бывать в Иркутске, он такой родной, милый и домашний, что совсем не хочется уезжать в суетную Москву или каламбурный Питер (Г. А., программист, 39 лет).

А 46 % то же восприятие давало негативную окраску городу, причем зачастую за точку оценки брались одни и те же пространства и образы (дома, улицы, поведение людей и так далее).

В Иркутске жизнь остановилась. Все умерло. Я тут как в коме живу, дышать не могу – не хватает ритма и динамики, интенсивности жизни. А эти перекошенные окна, вросшие в землю дома вызывают ужас и жалость. Их давно сносить пора, а не обходить стороной (С. Ю., дизайнер, 33 года).

Иркутск – город без перспектив, и люди не мыслят, и дома пугают. Старый город убогое зрелище, новые дома – типичные планировки. Нет места для творчества ни в пространстве, ни в сознании (А. Л., звукорежиссёр, 46 лет).

На особое социально-психологическое восприятие города влияют улицы города, их названия. То, что многие улицы в Иркутске носят два названия (дореволюционное и советское) создает свой особый колорит. Эти данные также согласуются с результатами исследований О. А. Полюшкевич [6–8] и М. В. Поповой [9; 10].

Улица Карла Маркса, бывшая Большая – обладает своей аурой, неповторимостью не только названием, но и сохранившиеся

здания несут в себе память о прошлом, создают настроение и никакие современные условия и формы не дают ей потеряться в суете настоящего (М. С., предприниматель, 44 года).

Трапезниковская улица, которая нынче называется улицей Желябова – создает условия для сохранения памяти о великом купце Трапезникове и его вкладе в наш город (С. С., социолог, 25 лет).

Также жители выделяют достаточно высокую озелененность города, особенно в старой части города, но и новые районы, которые только строятся уже обладают в том числе и зеленой инфраструктурой (парковые зоны, пруды), что улучшает психогеографическое восприятие города.

В старых районах Иркутска своя атмосфера за счет насаждений, деревьев, который уже не один десяток лет, это делает наш город уютным и комфортным. Также длинная набережная, даже целых две – они притягивают людей, снимают напряжение, они делают наш город лучше (М. В., психолог, 32 года).

Новые районы в Иркутске обладают новыми условиями для комфортной жизни, помогают людям удаленность района компенсировать более экологической обстановкой, парковыми зонами и прудами. Это делает Иркутск современным с точки зрения обустроенности жизни простых людей городом, что закладывает привлекательность городской среды и в будущем (Л. Н., юрист, 40 лет).

Также, иркутяне указывали на формирование менталитета, который образуется за счет исторического и социокультурного облика и особенностей поведения и мышления горожан.

В Иркутске особое пространство, которое сформировано за счет интересной уникальной истории, сохранившейся в облике старых домов и улиц города. Люди, родившиеся и выросшие тут, обладают особым мышлением, они неповторимы в своем роде... (Г. А., архитектор, 49 лет).

В Иркутске особый менталитет, особая атмосфера, которая сложилась в рамках особенного ритма жизни, особенностей мышления и психологии горожан, а также благодаря уникальной социокультурной среде нашего города, сочетающей в себе прошлое и будущее (В. Н., юрист, 59 лет).

Таким образом, психогеография города Иркутска обладает уникальными чертами, которые отражаются как на внешнем облике самого города, так и на особенностях поведения и мышления

его жителей, формируя уникальные социокультурные пространства, определяющие идентичность и менталитет иркутян. Изучая данные явления можно более точно и качественно прогнозировать социальные настроения, уровень психологического здоровья, комфорта и социальной и личной удовлетворенности.

Психогеография города напрямую связана с социальным самочувствием как отдельного человека, так и целых социальных групп. Понимая механизмы и инструменты этой взаимосвязи, мы можем выстроить социальную модель более счастливого и гармоничного общества в локальных городских пространствах. Психогеографические притязания жителей с одной стороны, характеризуют их самих, их установки, представления, желания, а с другой – формируют уникальное пространство, где эти установки и представления, мечты и образы становятся реальностью и определяют будущие перспективы развития города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валишин Ю. И. Психогеография города // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Естественные науки. 2017. № 2. С. 29–41.
2. Дебор Г.-Э. Психогеография. М., Ад Маргинем Пресс, 2017. 112 с.
3. Дрейф в городе. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/620-dreyf-v-gorode/> (дата обращения: 11.05.2019).
4. Завьялов А. В. Новое лицо города: граффити в Иркутске // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск. 2010. С. 228–232.
5. Малых С. В. Граффити-реклама как часть визуального пространства города // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса : материалы Первой регион. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию ИГУ. Иркутск, 2018. С. 153–156.
6. Полошкевич О. А. Место топонимики в социокультурном воспроизводстве Иркутска // Социология. 2018. № 4. С. 39–45.
7. Полошкевич О. А. Образ исторического города: топонимические проблемы // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы X Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск, 2018. С. 231–240.
8. Полошкевич О. А. Топонимика Иркутска в оценках его жителей // Урбанистика. 2018. № 2. С. 12–22
9. Полошкевич О. А., Попова М. В. Влияние топонимики на идентичность жителей города (по материалам Иркутска) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 86–97.
10. Полошкевич О. А., Попова М. В. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 117–134.
11. Скуденков В. А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич. Иркутск, 2019. С. 119–122.

Psychogeographical claims of Irkutsk residents

Skudenkov V. A.

Abstract. The article discusses the peculiarities of the formation of psychogeography of the urban environment on the example of Irkutsk, analyzes the forms and conditions for the develop-

ment of a special psychogeographic space that defines the identity and mentality of the residents, which is composed of the sociocultural and historical features of the city, the economic and social situation, the life prospects and attitudes of its inhabitants time and space, satisfaction with your life, comfort, organization of everyday household and leisure time aktik townspeople. Psychogeographical claims are influenced by the actual living conditions in the old and new areas of the city of Irkutsk, the features and forms of comparison with other cities, the understanding of the intrinsic value and uniqueness of a particular urban landscape contained in the toponymy of streets, the architecture of old and new houses, the presence of public gardens, parks, embankments and other places of leisure and recreation. The psychogeographical claims of the residents of Irkutsk are due to the past of the city and the life guides to the future of its inhabitants in the present, which are associated with specific houses, streets, parks and other elements of the city's space.

Keywords: psychogeography, social aspirations, image of a city, socio-cultural environment of a city, history of a city, psychological atmosphere of a city.

Гражданское общество – связующее звено между социальными субъектами в контексте местного самоуправления в кризисной экономике

Иванов Р. В., Батьянова Л. Н.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье анализируется влияние формирования и развития гражданского общества в государстве на местное самоуправление в состоянии кризиса экономики. Авторами выделены функции гражданского общества по отношению к индивидам в агрегированной форме, рассматриваются такие аспекты, как гражданское общество и государство, а также гражданское общество и индивиды, исследуются последствия напряжения между государственными и гражданскими институтами в кризисной экономике.

Ключевые слова: гражданское общество, кризисная экономика, индивид, государство, местное самоуправление, социально-культурная идентичность.

В современной политической науке утвердилось следующее определение гражданского общества: это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти.

Термин «гражданское общество» обозначает объединения граждан, которые не имеют непосредственного отношения к власти или государству, стремящихся к защите общественных (некоммерческих) интересов.

Если исходить из того, что гражданское общество может быть рассмотрено как *подсистема*, расположенная между совокупно-

стью индивидов, отстаивающих частные интересы, и политическими институтами, представляющими общий интерес, являясь формой выражения и защиты групповых интересов, то следует выделить некоторые аспекты:

1. Возникновение гражданского общества

Гражданское общество в зачаточном виде возникает тогда, когда в социуме обособливаются управленческие функции и возникают первичные политические институты [1, с. 90]. Первоначально гражданские структуры существуют слитно с политическими, а весь дальнейший процесс становления и развития гражданского общества представляет собой последовательную дифференциацию политических и гражданских институтов. Поэтому представляется неправомерным распространенное мнение, будто гражданское общество возникло спонтанно, как бы «из ничего», в момент становления буржуазных общественных отношений и во многом адекватно «бюргерскому обществу» (Zivilgesellschaft = Bürgergesellschaft). Имеется гораздо больше оснований считать, что «бюргерское общество» следует рассматривать как этап, в ходе которого гражданское общество с высокой степенью очевидности дистанцировалось от политических институтов и приобрело самостоятельное значение.

2. Гражданское общество и государство

Дистанцирование гражданского общества от политических институтов выдвинуло на передний план проблему отношений между гражданским обществом и политическими институтами как важнейшего фактора большей или меньшей стабильности общественной системы [2, с. 42].

Разветвленная сеть общественных организаций, объединяющих на добровольной основе граждан, является необходимым, однако недостаточным признаком существования и функционирования гражданского общества. В полной мере о нем, как о действенном механизме общественной системы, можно говорить лишь в том случае, если эта сеть не замкнута сама на себя, а постоянно и эффективно взаимодействует с институтами государственной власти. Это значит, что для полноценного развития и функционирования гражданское общество нуждается в государстве, олицетворяющем публичный интерес. Только через это взаимодействие гражданское общество способно влиять на общественно-политический процесс, привнося в него гражданскую актив-

ность населения и, тем самым, препятствуя государственным структурам оградить его статистско-бюрократическими барьерами.

3. Напряжение между государственными и гражданскими институтами

Опыт взаимоотношений государственных и гражданских институтов, как в прошлом, так и в настоящем показывает, что между ними постоянно возникает большее или меньшее напряжение. Энергия частных интересов и инициатив рождает потенциал критического отношения к политическим институтам, к произрастающим в их недрах бюрократическим тенденциям и бюрократической закостенелости. Поэтому власть, которая сознает значимость гражданского общества, должна быть готова не только к тому, что оно будет сотрудничать с нею, но и к тому, что оно будет оппозирующей силой, создающей порой дискомфортную ситуацию для властных органов и государственных чиновников [3, с. 240].

Разумеется, отчуждение между гражданским обществом и государственной властью не может быть абсолютным. Взаимодействие между ними сохраняется в той или иной форме даже в условиях господства административно-бюрократической системы. Тем более оно неизбежно в условиях, когда в обществе утвердились демократические процедуры, а система общественных организаций получила значительное развитие. Однако, если такое взаимодействие не столь интенсивно, как это необходимо для нормального функционирования демократической системы, процесс внесения назревших изменений в проводимую политику существенно задерживается. В результате стабильность социума подвергается чрезмерным перегрузкам. Проблемы накапливаются. К их решению приступают лишь тогда, когда социально-политическое напряжение достигает критической точки и нависает реальная угроза развития событий по катастрофическому сценарию.

4. Гражданское общество и индивиды

По своей целевой направленности управленческие импульсы, исходящие от властных политических структур, адресованы, в конечном счете, индивидам. В действительности же они, как правило, так или иначе, проходят через гражданское общество, усиливаясь, ослабляясь и видоизменяясь в зависимости от его состояния. Со своей стороны гражданское общество аккумулирует, преобразует и интенсифицирует импульсы, исходящие от индивидов.

Гражданское общество служит первичным источником правового нормотворчества, препятствующим окостенению демократических форм, способствующим их периодическому обновлению в соответствии с общественными потребностями. Здесь в сфере практической жизнедеятельности, прежде всего, ощущается устарелость изживших себя правовых норм. Здесь же накапливается живой опыт взаимоотношений, не укладывающийся в сложившуюся систему законов и требующий ее развития.

Таким образом, функции гражданского общества по отношению к индивидам в агрегированной форме могут быть описаны так:

- социализация индивидов: включаясь в гражданские взаимоотношения через частный интерес, они обретают возможности для самовыражения и развития своих потенций в качестве социальных субъектов;

- самоорганизация и самоуправление в обширной мозаичной сети частных интересов, для которых внешнее (государственное) регулирование создает лишь общие рамки упорядочения (гражданское право), а в них действуют устойчивые внутренние регуляторы – нравы, обычаи, традиции, моральные нормы и стереотипы поведения;

- интеграция общества через систему горизонтально-сетевых связей и каналов информации, функционирующих на базе данной социально-культурной общности, смысловых значений и символов, сложившихся веками форм социальной солидарности, что, в конечном счете, обеспечивает целостность общественного организма, историческую преемственность в его развитии;

- создание базовых форм межличностной солидарности, основанной на общности или близости частных интересов, выработка механизмов согласования расходящихся интересов и урегулирования конфликтов, развертывание широкого дискурса общественно-политических сил как средства достижения согласия и стабильности;

- стимулирование правового нормотворчества выдвижением требований юридического закрепления тех гражданских и политических прав и свобод, осознание необходимости которых вначале происходит в лоне гражданского общества.

Если гражданское общество выполняет эти функции, оно тем самым способствует стабилизации общественной системы. В противном случае оно может стать источником дестабилизации.

Исключительно важная роль гражданского общества как промежуточного звена в процессе взаимодействия власти и граждан порождает соблазн его идеализации. Многие видят в нем определяющее условие решения всех острых социально-политических проблем, существующих в современных обществах. Гражданское общество, по существу, становится синонимом «хорошего общества», рассматривается как панацея от всех зол.

Между тем эта точка зрения не выдерживает сопоставления с действительностью. В широком историческом плане становление и развитие гражданского общества, безусловно, позитивно влияет на эффективное функционирование общественного организма и на утверждение в нем демократических начал. Тем не менее, даже самое зрелое гражданское общество является слепком противоречий своего времени. В фундаменте его организаций – кластеры частных интересов, среди которых есть и такие, которые расходятся с интересами общества в целом и даже противостоят им. Поэтому в гражданском обществе, в том числе в самых развитых демократиях, возникают очаги частного (группового) эгоизма, отторгающие публичные начала общественной жизни. Иногда, получая гипертрофированное звучание, они на время отодвигают на задний план всеобщий интерес. Нередки также попытки выдать групповой интерес за всеобщий.

Чтобы максимально раскрылся потенциал гражданских отношений и были найдены эффективные средства нейтрализации негативных тенденций, гражданскому обществу необходим оптимальный баланс сил и влияний. В обширной сети гражданских ассоциаций возможно появление сектантских организаций, лидеры которых навязывают рядовым членам нормы поведения, ущемляющие их индивидуальные права и свободы. В таких случаях возникает потребность защиты индивида не только от государственного бюрократизма, но и от самой ассоциации.

В кризисных ситуациях, когда государство ослаблено, возможно, в частности, стихийно-разрушительное давление гражданского общества, которое в состоянии подорвать способность власти решать свойственные ей задачи. В такие периоды гражданские институты склонны брать на себя не входящие в их функции властные полномочия. А это чревато ослаблением рычагов политического регулирования и даже анархией. Власть, оказавшись в руках гражданского общества и лишившись политических институтов, может стать носителем не столько общенациональных, сколько групповых интересов.

Негативные последствия обретения гражданским обществом властных функций могут повлечь за собой попытки его унификации, поскольку их осуществление требует единства воли. При широком многообразии частных интересов это может быть достигнуто только авторитарными методами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Ю. В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 170 с.
2. Заварзина Ю. В. Финансовый менеджмент в государственном и муниципальном секторах как инструмент развития территории (на материалах Иркутской области) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 163 с.
3. Иванов Р. В. Источники формирования идеологического пространства России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 239–245

Civil society – the link between social subjects in the context of local self-government in a crisis economy

Ivanov R. V., Batyanova L. N.

Abstract. The article analyzes the impact of the formation and development of civil society in the state on local government in the state of economic crisis. The authors highlight the functions of civil society in relation to individuals in an aggregated form, consider aspects such as civil society and the state, as well as civil society and individuals, the consequences of tension between state and civil institutions in the crisis economy.

Keywords: civil society, crisis economy, individual, state, local self-government, social and cultural identity.

Роль профессиональной идентичности в сохранении психологического здоровья студентов

Амосова Н. О.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье предлагается авторский подход к определению компонентов психологического здоровья студентов, определяется роль профессиональной идентичности в сохранении психологического здоровья студентов.

Ключевые слова: психологическое здоровье, профессиональная идентичность.

Проблема психологического здоровья студентов в настоящее время является малоизученной. Анализ имеющихся теоретических подходов к изучению психологического здоровья и наш собственный исследовательский опыт позволяет сформулировать следующее определение психологического здоровья.

Психологическое здоровье – динамическая совокупность психических свойств и состояний личности, обеспечивающих состояние гармонии, полноценного функционирования человека в процессе жизнедеятельности, осознание своей индивидуальности и своеобразия всех окружающих людей, высокий потенциал достижения благополучия в жизни.

Теоретическим основанием для определения компонентов психологического здоровья явились следующие положения. Как отмечают В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов, норма развития внутреннего мира взрослого человека проявляется в личностной зрелости, которая обнаруживает себя:

- в сознательном отношении к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода «человек» (центральное, системообразующее отношение);
- в способности к децентрации, самоотдаче и любви как способу реализации этого отношения;
- в творческом, целетворящем характере жизнедеятельности;
- в потребности в позитивной свободе;
- в способности к свободному волепроявлению;
- в возможности самопроектирования будущего;
- в вере в осуществимость намеченного;
- во внутренней ответственности перед собой и другими, прошлым и будущими поколениями;
- в стремлении к обретению сквозного общего смысла своей жизни [2, с. 98].

Для выделения компонентов психологического здоровья в студенческом возрасте рассмотрим возрастные особенности поздней юности.

Студенческому возрасту присущи определенные психические новообразования. В психологических исследованиях последних лет выделяются следующие основные новообразования этого возрастного периода:

- усваивается мужская или женская роль, идет подготовка к семейной жизни, вступлению в брак;
- формируются социальная ответственность и готовность вхождения в новые социальные общности;
- «примериваются» различные социальные роли и обретается личностная идентичность;

- происходит становление интеллектуальной системы и ее дальнейшее развитие, что связано с вхождением в широкий социум;
- рефлексия, способность мысленного обращения к своим собственным мыслям, теоретизирование,
- идеализация;
- способность различать противоречия в словах, действиях, поступках;
- молодые люди стремятся к самореализации и индивидуализации;
- решающим условием быстрой адаптации к условиям труда, дальнейшему профессиональному совершенствованию и повышению квалификации становится профессиональная готовность;
- достигается социальная зрелость, что предполагает возможность выполнения социальных обязанностей и принятие на себя ответственности за свою жизнь;
- «субъективно достижение социальной зрелости переживается появлением у молодого человека чувства зрелости».

Центральным возрастным новообразованием студенчества является окончательное самоопределение, позволяющее начать утверждать себя в жизни, которое происходит через развитие профессиональной идентичности.

Исходя, из норм развития внутреннего мира взрослого человека, возрастных особенностей поздней юности нами были определены компоненты психологического здоровья студентов:

- принятие себя,
- принятие других,
- профессиональная идентичность (уверенность в правильности профессионального выбора),
- полноценное межличностное общение,
- осознание своих желаний, ценностей, своего смысла жизни,
- саморегуляция,
- самоактуализация,

Период профессионального образования хронологически совпадает с кризисом юности (В. И. Слободчиков). Для этого периода жизни характерно: становления нового уровня развития самосознания, выработка собственного мировоззрения, поиска смысла жизни – все это активизирует процессы самоопределения и самопознания, проектирования себя в профессии. С поступлением в высшее учебное заве-

дение процесс профессионального становления не прекращается и осуществляется на протяжении всех лет обучения.

Таким образом, именно в студенческом возрасте происходит формирование профессиональной идентичности – выбор профессии и профессионального пути.

Компоненты психологического здоровья могут незначительно корректироваться исходя из особенностей возрастной группы. Отличительным компонентом психологического здоровья для студенческого возраста является развитие профессиональной идентичности, так как именно для данного возрастного этапа характерно профессиональное становление, осознание уверенности в правильности профессионального выбора.

Компоненты психологического здоровья в студенческом возрасте, выделенные нами в результате анализа психолого-педагогической литературы по проблеме исследования, отражены на рисунке (см. рис.).

Компоненты психологического здоровья были объединены по параметрам личности и составили три блока: направленность, инструментально-волевая сфера и коммуникативные качества.

Отнесение профессиональной идентичности к блоку «Направленность» было обусловлено особенностями психологического здоровья в студенческом возрасте, так как именно в данном возрастном периоде важное значение имеет уверенность в правильности профессионального выбора, так как исходя из этого выстраивается осознанный и целенаправленный процесс профессионального становления.

Остановимся более подробно на компоненте психологического здоровья – профессиональная идентичность.

Человек становится «вполне человеком», когда осознает свою идентичность. Идентичность есть психический компонент самосознания, формирующийся и существующий в мире человека. Мы знаем, кто мы, осознаем свою идентичность в мире людей, профессий, наций и пр.

В работах А. Ватермана акцентируется ценностно-волевой аспект развития идентичности. Ватерман, О. Н. Дериси считают, что идентичность связана с наличием у человека четкого самоопределения, включающего в себя выбор целей, ценностей и убеждений, которым человек следует в своей жизни. «Для того чтобы быть подлинной личностью, требуется верность своей собственной

личности и приобретенным принципам, которые вносят смысл и гармонию в нашу жизнь, т. е. которые согласуют поведение личности с требованиями указанных принципов» [1, с. 156]. Цели, ценности и убеждения А. Ватерман называет элементами идентичности.

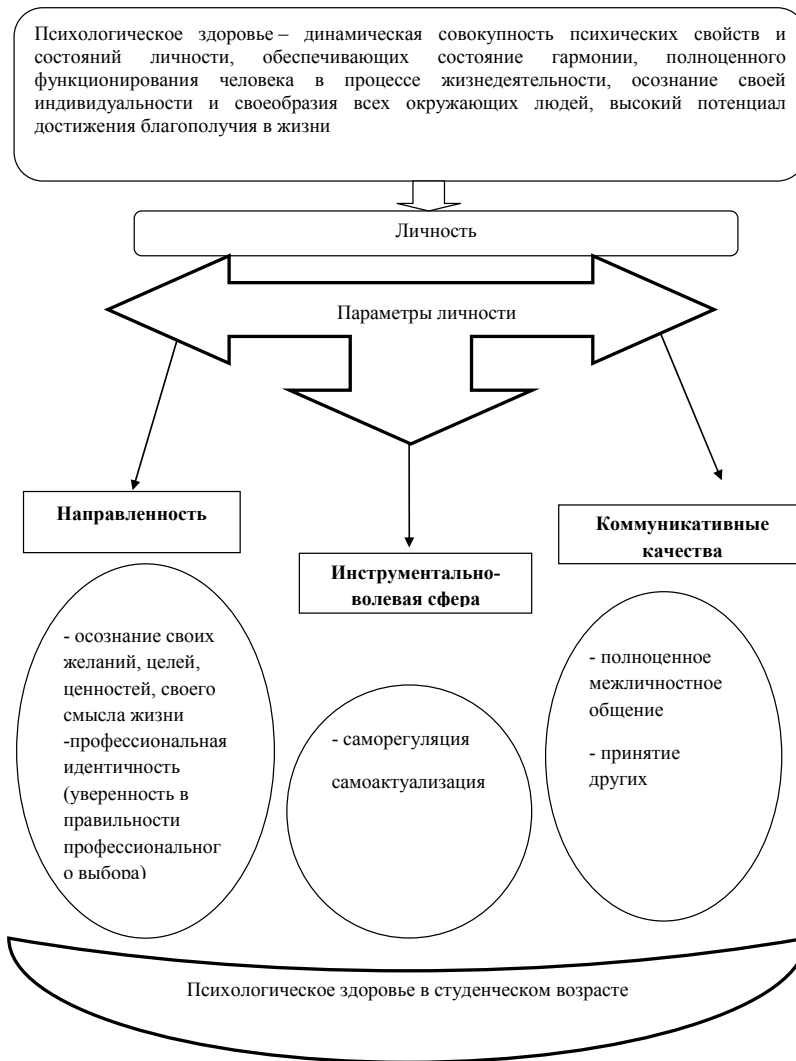

Рис. Компоненты психологического здоровья в студенческом возрасте

Л. Б. Шнейдер считает: «На личностных уровнях профессиональной дифференцированности наблюдается казуальная последовательность: желание, на которое влияют различные факторы, определяет профессиональный выбор – выбор вуза; далее в период профессиональной подготовки формируется профессиональное самосознание, которое, в свою очередь, определяет профессиональную самоидентификацию (профессиональную роль) и прежде всего обуславливает профессиональную идентичность; развитие функционального образа «Я», ведет к профессиональной самореализации» [3, с. 121].

«Профидентичность – это осознание себя, выбирающего и реализующего способ взаимодействия с окружающим миром и обретение смысла самоуважения через выполнение этой деятельности» [3, с. 155]

Переживание идентичности актуализируется в профессиональной сфере человеческой жизни. Профессиональная идентичность в качестве образовательно-культурной стратегии имеет свою специфику: становление профессиональной идентичности не может выступать в качестве статической цели образования, её достижение возможно только в динамике саморазвития, в процессе профессионального обучения и профессиональной самостоятельной деятельности.

Таким образом, формируемая в студенческом возрасте профессиональная идентичность через развитие уверенности в правильности профессионального выбора способствует пониманию своей профессии, принятию себя в профессии, а в дальнейшем к умению хорошо выполнять свои профессиональные функции. Все это обеспечивает состояние гармонии, полноценного функционирования человека в процессе жизнедеятельности, высокий потенциал достижения благополучия в жизни, а значит сохранению психологического здоровья. Профессиональная идентичность в студенческом возрасте играет одну из основополагающих ролей не только для сохранения психологического здоровья на данном возрастном этапе, но и обуславливает психологическое здоровье в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дериси О. Н. Человеческая подлинность // Это человек: Антология. М., 1995.
2. Слободчиков В. И., Шувалов А. В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4, с. 91–105.

3. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография. М. : МОРУ, 2001. 272 с.

The role of professional identification in maintaining the psychological student's health

Amosova N. O.

Abstract. In this paper is considered the author's approach to define components of psychological student's health, to determine a role of professional identification in maintaining the psychological student's health

Keywords: psychological health, professional identification.

Национальное самосознание и идентичность россиян и политика памяти

Ким А. С.

г. Хабаровск, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ вопросов формирования национального самосознания и идентичности россиян, отдельно уделяется внимание вопросам государственной политики в области исторической памяти. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного в Сибирском федеральном округе методом фокус группового интервью, где показываются противоречия и проблемы формирования национального самосознания, которое формируется через национальную гордость, патриотизм, язык и культуру; наличия и высокой значимости государственной и городской идентичности, но проблемного восприятия региональной идентичности – пространства «малой Родины», отсутствие которой ставит крест на формирование национального самосознания и патриотизма в будущем и разорванности единого восприятия исторической памяти о прошлом страны, утрате знаний о событиях прошлого и подмене ключевых моментов на информацию из масс-медиа и СМИ. Также обозначается проблема отсутствия идеологически выверенной, государственной политики памяти, которая смогла бы укрепить идентичность, усилить патриотизм и воспитать национальное самосознание россиян.

Ключевые слова: политика памяти, национальное самосознание, национально-государственная идентичность, территориальная идентичность, Малая Родина.

Историческое сознание, историческая память обновляется в обществе достаточно медленно. Представления о прошлом, разделяемые большой группой людей являются основой, во-первых, идентичности, а во вторых солидарности общества. Поэтому политика памяти выступает важным моментом в развитии любого государства. Поэтому, можно говорить о том, что политика памяти является основой национального самосознания россиян.

Говоря о российском пути, есть установки на то, что все что с нашей страной ни происходит – это предопределенность (культурная, социальная, историческая, но предопределенность). Причем это проявляется не в традиционности и следованиям устоям и нормам, а именно в атомизации нашего общества. И большинство инноваций маскируются под традиции, чтобы быть понятными, но суть их не становится при этом традиционной. Подобное явление заметил еще Э. Хобсбаум [4] (теоретик национализма), и назвал его изобретением традиций.

Историческая культура на сегодняшний момент характеризуется скорее отсутствием традиций и готовностью встраиваться в новые социально-политические или культурно-экономические реалии жизни [1]. Интересы политического истеблишмента становятся более приоритетными, чем идеологические устои российского общества.

Если изучить пространство интернета, то сегодня можно выделить определенный политико-идеологический портрет России: либеральный, левый, националистический и провластный. При всех отличиях, их объединяет несколько моментов: превалирование негативной консолидации по принципу «мы – не они»; неудовлетворенность текущим положением вещей; скепсис в отношении возможности изменения ситуации к лучшему.

Идентичность укоренена в социальной памяти. При этом, историческая политика современного российского государства носит защитный и реактивный характер, современная власть критически не оценивает и не переосмысливает прошлое, не признавая ошибки не переосмысливая неэффективные стратегии. К сожалению, прошлое в нашей стране используют ситуативно, так, как будет выгодно нынешним элитам, на сегодня нет целенаправленной исторической политики, конструирующей социальную память, а вместе с тем и идентичность россиян.

Консолидация общества происходит в основном на негативной основе, не формируются патриотических идеологически выверенных ориентиров из прошлого в будущее [3]. Политики, как и общество, живет настоящим, не думая ни о прошлом, ни о будущем. Философия временщиков – *после нас хоть потоп* – управляет решениями власти на всех уровнях, результатом чего и выступают те формы и условия, в которые мы помещены.

В нашей стране до сих пор нет концепции отечественной истории, отвечающей задачам новой коллективной идентичности. Это происходит в результате стратегии умолчания или нивелирования данной проблемы, не понимания сути российской нации и российской гражданственности. Решить этот вопрос возможно только через открытый диалог всех заинтересованных лиц, предполагающий сопоставление разных взглядов и подходов к вопросу национального самопознания и идентичности.

В нашем исследовании приняло участие 72 человека. Исследование проходило при помощи метода фокус-группового интервью (8 фокус-групп и в каждой по 9 человек). Все жители Дальневосточного федерального округа в возрасте от 18 до 75 лет, имеющие разный уровень образования и социально-экономического и семейного статуса. Фокус-группы проходили в 2019 г. в таких городах как Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Чита, Улан-Уде.

Целью исследования было выявление основных элементов национального самосознания, идентичности и различных форм исторической памяти населения.

В результате мы выяснили следующее, что единой нацией себя не воспринимают участники фокус-групп, но при этом понимание общего гражданства достаточно глубоко укоренено в сознание. Жители СФО готовы взаимодействовать с представителями других национальностей принадлежащих к одному государству или имеющих гражданство России, но более негативно относятся к тем, кто не имеет гражданства.

Да в нашей крови помешано много чего – и поляки, и татары, и немцы, и буряты ... главное, что сейчас мы один народ, граждане одной страны. А остальное не важно. Но, например, китайцам у нас не место. Они другие. Не нашей крови. Вот буряты или якуты – это наши. (М. М., экономист, 42 года).

Я в том году был на новый год на площади – так из всех русских – только якуты были, а остальное все представители Таджикистана, Узбекистана, да еще Китая понаехали... На наш новый год посягают, на нашу елку! Мне обидно было. (Д. Ю., ювелир, 49 лет).

Да мигранты портят всю картину. К тем, кто издавна живет с русскими бок о бок – татары там, чувашки, якуты или чукчи – они уже свои давно, мы мыслим одинаково. А вот те, кто

приезжает сюда – китайцы, корейцы, монголы ... они другие. Зачем они нам, всю воду баламутят (Л. А., школьный учитель, 32 года).

Отвечая на вопрос, что такое национальное самосознание мы получили несколько типов ответов национальная гордость, патриотизм, язык и культура.

Первый – это национальная гордость.

Я горжусь своим народом за то, что мы победили в стольких войнах и остались суверенным государством, народом с общей историей (Д. Н., стоматолог, 33 года).

Национальное самосознание формируется в борьбе. Мы пережили революции и войны и сохранили свою гражданственность. И пусть название нашей страны менялось, как народ – мы сохранились. Я этим горжусь. Основная задача сейчас сделать так, чтобы мы не растворились в других народах из-за миграции, глобализации и так далее (Д. А., телеведущий, 40 лет).

Второй – патриотизм.

Я патриот России. Не хочу никуда уезжать, только путешествовать. И где-то бывая я понимаю, что лучше всего дома – в России. Я горжусь нашими людьми, нашим языком, нашей культурой. Это честь – родиться и жить тут. (Е. К., системный администратор, 26 лет).

Каждый из нас что-то делает для страны. Важно понимать – гордиться ты этим или хочешь поскорее отсюда уехать. Я – горжусь. И мои друзья гордятся. Я не понимаю тех, кто тут живет и хаит страну. Не нравится что-то – так возьми и исправь! Не надо надеяться на кого то – надейся на себя и делай! И тогда все будет хорошо! У всех! (М. С., строитель, 48 лет).

Третье – язык и культура.

Мы – носители уникальной многотысячелетней культуры. Это прописано в нашей крови, наших генах. Поэтому мы уникальный и единый народ. (С. В., пенсионерка, 69 лет).

Русский язык объединяет представителей разных народов, так как он, как и любой другой язык, – задает особый тип мышления, восприятия мира, особое мировоззрение. Все русскоговорящие – носители одной ментальности, одной культуры. (О. О., переводчик, 29 лет).

Мы говорим на одном языке, верим в одного Бога, живем по одним законам – мы едины, даже если национальности наши от-

личаются. Мы едины потому что нас объединяет социокультурные связи определяющие нас в этом мире (Т. А., врач, 30 лет).

Все три типа, что перечислены выше – объединяются единым пространством истории. Все респонденты указывали на события в прошлом, которые нас сформировали: от войн и революций, до языка и культуры. Это не формируется в одночасье – это сложный многолетний, даже многовековой процесс. Поэтому, национальное самосознание – это синтез прошлого в настоящем. Какие условия и рамки для оценки, знания, интерпретации прошлого есть в настоящем – так мы и пользуемся ресурсом национального самосознания в настоящем и такое будущее готовим своим детям в будущем.

Историческая память как стрела – формирует основу, вокруг чего мы объединяемся, что нас связывает незримыми веревками навеки. Упустим этот момент сейчас – упустим свое прошлое и будущее.

Практически все респонденты (96 %) – указывают на то, что они – граждане России, т. е. идентичность на государственном уровне хорошо ими осознается. Также четко понимают свою городскую идентичность (гражданин Хабаровска, Владивостока, Улан-Удэ и т. д.) – 85 %. И очень мало тех, кто идентифицирует себя с тем, что он – житель Дальнего востока (33 %).

Эффект Малой Родины постепенно утрачивает свою актуальность из-за того, что мало в памяти людей остается исторических событий в которые они лично вовлечены, или помнят об этих событиях и передают своим детям. Региональная идентичность – это условие стабильности региона. Если население себя не ассоциирует с этим регионом – оно не может быть ему опорой и защитой и рано или поздно – они его покинут. Об этом говорят и опросы местного населения, более трети из которого хотели бы переехать в более западные или центральные районы страны.

Малая Родина – это символ самосознания и самоидентичности России. Если сегодня он утрачивается, то завтра может не быть идентичности и со страной. Будущее строится на Малой Родине, связью с ней, во имя ее свершаются многие прорывы. Если ее значимость уйдет из массового сознания, то ориентиров национального территориального будущего не будет.

В целом вопросы исторической памяти нашими респондентами воспринимаются достаточно сумбурно. Говоря о прошлом –

они вспоминают воны и революции, строительство БАМ и городов Сибири и Дальнего востока. Изредка называют полет в космос. А других событий, которыми стоило бы гордиться, помнить и рассказывать как-будто в жизни страны и не было.

Историческая память – ну это то, что в школе учат о прошлом страны. Войны там, революции или еще какие события, которые изменили ход истории, например, полет в космос Гагарина (С. В., продавец, 55 лет).

Нашим детям и внукам надо помнить о том, как мы осваивали целину, как строили города во льдах, как пробирались туда, где не было людей до нас (Л. Г., логопед, 33 года).

Нам надо помнить о том, что это мы победили во второй мировой войне, а не американцы, как это показывают во многих фильмах, изменяя сознание и восприятие в том числе и россиян. Пока не стало совсем поздно и наши дети не будут помнить заслуг своих отцов (Т. Т., студент, 22 года).

Таким образом, результаты исследования показывают достаточно проблемную картину формирования национального самосознания и идентичности жителей СФО. Особые тревоги вызывает вопрос государственной политики в области исторической памяти, так как без ее нет будущего в нашей стране.

Национальная политика государства должна быть эластичной и готовой вписываться в реалии общественного воспроизводства [2]. Сегодня существует широкий спектр альтернативных стратегий формирования идентичности и от выбора направления зависят перспективы развития общества и страны.

Только понимание прошлого может дать основу для формирования будущего. Люди без прошлого не могут построить великого государства. Нарратив о прошлом необходимо пересмотреть, чтобы национальное самосознание и идентичность стали результатом политики памяти всех граждан России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким А. С. Этнополитический консенсус в современной России // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 182–184.
2. Полюшкевич О. А. Коллективная память и социокультурная солидарность // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 5 (60). С. 4–9.
3. Полюшкевич О. А. Социокультурная преемственность и консолидация общества // Социология власти. 2011. № 4. С. 59–66.
4. The invention of tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge univ. press, 1983.

Abstract. The article analyzes the formation of national identity and the identity of Russians, separately focuses on issues of state policy in the field of historical memory. The results of an empirical study conducted in the Siberian Federal District by the method of focus group interviews, which show the contradictions and problems of the formation of national identity, which is formed through national pride, patriotism, language and culture; the presence and high significance of state and urban identity, but the problematic perception of regional identity – the “small homeland” space, the absence of which puts an end to the formation of national self-awareness and patriotism in the future and the disconnectedness of a single perception of historical memory of the past key points on information from the media and media. It also denotes the problem of the lack of ideologically verified, state policy of memory, which could strengthen identity, strengthen patriotism and foster the national self-consciousness of Russians.

Keywords: memory policy, national self-consciousness, national-state identity, territorial identity, Malaya Rodina.

Семейная история и идентичность

Полюшкевич О. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье анализируются вопросы занятия семейной историей, историей своего рода через любительскую генеалогию. Рассматриваются формы, условия и факты создания, укрепления и развития идентичности через создание нарративов о семейном прошлом, воссоздания реальных фактов из прошлого семьи и рода, их интерпретации и включения в общую историю города, региона или страны, а также в личную семейную историю рода, формирования идентичности предков и потомков. Наряду с этим, особое внимание уделяется методам сбора информации о прошлом своей семьи – предания, истории, фотографии, вырезки из газет, судебные выписки и иные документы, позволяющие воссоздавать и создавать прошлое под влиянием личности того, кто собирает, соединяет и интерпретирует данные факты, делает акценты в историях жизни предков. Повествователь, через создание нарративов о жизни своей семьи создает контекст формирования идентичности, контекст формирования и понимания своего Я, его ресурсов и перспектив развития.

Ключевые слова: идентичность, любительская генеалогия, семейная история, нарратив, социальная практика.

В современном обществе меняются условия жизни, а вместе с тем и формы создания, развития и эволюции семьи. Но при этом все чаще поднимается вопрос о родовых связях, так называемой любительской генеалогии – (вос)создание семейной истории (биографии семьи) с помощью интернетресурсов, традиционных и цифровых архивов, данных переписей населения, газетных и журнальных публикаций, судебных отчетов и т. п. Эти инструменты

воссоздания личной истории, воссоздания личной идентичности являются формами социальной практики (соединение определенных навыков, выстроенных в последовательность действий, приводящих к воссозданию семейной истории). Потребность в этом особенно остро подчеркивается в период многоликого Я, формирующегося виртуальным пространством сети Интернет, глобализацией, вестернизацией и прочими социальными процессами, отдвигающими традиции рода, традиции личной (семейной) памяти на задний план, этнические и национальные корни, растворяющиеся в процессах культурной глобализации. Семейная история – это точка опоры человека, его внутренний стержень.

Идентичность – это результат и последовательность реальных действий, воссоздание семейной истории выступает формой работы с идентичностью. Осмысление биографии семьи, рода, передача ключевых моментов ее развития определяет работу с идентичностью. Нарратив, формируемый в процессе этого действия (и тем, кто рассказывает, собирает, интерпретирует и тем, кто слушает, сохраняет и передает) формирует дискурсивное поле идентичности членов одного рода. Именно оно определяет семейную идентичность – *кто мы и откуда мы*.

Восстановление или возрождение собственной идентичности – это причина интереса к семейной истории. Собираение семейных биографий и преданий (от историй любви, до историй проклятий; от историй успеха до историй поражений). Через данные повествования участники их трансформируют вопросы собственной идентичности от того, *«кто я такой?»* к вопросу *«откуда я пришел?»*.

Более того, теми, кто собирает эти истории, сама семейная история дописывается, через их нарративы, через их интерпретацию и воссоздание утраченных событий из собственного понимания и видения ситуации, тем самым формируется определённый дискурс о роде, который не всегда может совпадать с реальными событиями, но через практики воссоздания социального действия в семейной истории начинает жить своей жизнью. Этот дискурс начинает влиять на тех, кто его создал и тем самым круг замыкается [5].

Семейная идентичность сама по себе не является социальной практикой, а выступает скорее тем инструментом, что расставляет приоритеты, акценты в семейной истории, позволяя интерпретировать те или иные действия или поступки предков [2; 3]. Способы поиска информации, ее интерпретация и толкование, расстановка

акцентов – рассказывает нам не столько о предках, сколько о тех, кто собирает эту информацию, кто сейчас является носителем рода, чем живет, о чем думает, о чем мечтает и чего боится.

В научной практике данное явление нашло название *нарративного творчества*, помогающего осмыслить прошлое и почувствовать ресурс и поддержку своих корней [4]. Тем самым семейная история становится ресурсом для тех, кто к ней приобщается. На фоне путешествия в прошлое своего рода происходит новое открытие Я.

Для анализа воссоздания семейных биографий нами применялся качественный метод анализа семейной истории – нормативное нарративное полуструктурированное биографическое интервью [1], в рамках которого, участники рассказывали о своей семье и своем роде и о том, как они узнали о своей семейной истории (длительность беседы – 3–5 часов). Последнее особенно важно, так как советское прошлое прервало многие семейные традиции, уничтожив носителей или заставив членов семей – не передавать память о роде своим потомкам. После 91-го г. XX в. ситуация изменилась, но многие родовые семейные истории утрачены. Основным фокусом интервью выступало генеалогическое древо участников. Особое внимание уделялось интерпретации и объяснениям тех или иных событий в прошлом рассказчиками. Респонденты показывали фотографии, газетные вырезки или копии архивных документов, свидетельствующие в пользу их рассказов, также передавали семейные предания и истории.

В исследовании приняло участие 18 человек, в возрасте от 35 до 65 лет, 10 женщин и 8 мужчин. Это представители среднего класса: три пенсионера, остальные работающие (педагог, экономист, врач, инженер, строитель, переводчик, спортивный тренер, музыкант, домохозяйка, два представителя среднего бизнеса и три представителя государственных и муниципальных служащих). У всех участников есть 2 или 3 ребенка в возрасте от 10 до 40 лет, у 11 человек есть внуки. Сбор интервью осуществлялся с 2014 по 2019 г.

Выборка формировалась методом снежного кома. Ее целью было набрать респондентов, использующих разные методы воссоздания семейной истории. Так как особый интерес представлял – способ поиска информации о прошлом рода. В большинстве своем – это рассказы предков – трех-четырех поколений или рассказы свидетелей жизни родственников в прошлом.

Достаточно редко респонденты опирались на письма и мемуары своих предков (только в одной семейной истории звучал данный метод), в трех случаях это были семейные предания, в остальном – это факты статистики и официальные данные о заключении брака, разводе, рождении детей, приписывания имущества и проч.

Семейная история и идентичность

Анализируя результаты интервью, можно выделить несколько типов идентичности респондентов и их нарративных историй жизни их семьи: *чья вы, откуда вы, и во что верите*. Это то, что заставляет людей находить ответ на вопрос – кто Я.

«*Чьи вы будете?*» или принадлежность к известной фамилии или выдающимся деятелям прошлого.

Моя бабушка принадлежала к роду Измайловых, тех самых...известных еще при Екатерине Великой, но в Сибири вышла замуж за деда, ссыльного казака, так как любила его всем сердцем и пошла на неравный брак, даже по советским меркам. Она была дочерью своего рода – даже в глуши, в Куйтуне – была носителем просвещения, учила, лечила, помогала всем, кому могла и как могла (Р. И., преподаватель, 40 лет).

Мои корни идут от Сурикова. Художники и поэты, актеры и музыканты были в каждом поколении нашего рода. На это ни притеснения евреев при царе, ни при советской власти не повлияли. Я и мои дети также принадлежат к миру искусства – это в нашей крови, это наш ген. И семья свои создаем – укрепляя творческий потенциал рода (Л. Л., художник, 49 лет).

«*Откуда вы приехали?*» или место формирования рода.

Наши предки – кубанские казаки, вольные, независимые, гордые, сильные и смелые люди. В середине XIX в. переехали в Сибирь для освоения и защиты этих границ Российской Империи. Добровольно. Это было по чести и совести. И всегда верно служили Царю, потом Советской власти. Все мужчины были военными, несколько я знаю 4–5 поколений. И я и мой сын – военные, внук также в школе МВД учится – и будет военным. Предания нашего рода говорят о чести и отваге и гибели от меча или ружья во время боя как – лучшее, что может ждать мужчину (Д. Ю., пенсионер, военный в отставке, 65 лет).

Мои предки с Казанского ханства известны – были купцами, с которыми даже Царь считался. Советская власть, конечно, многих уничтожила, разорвала связи, но наша татарская кровь до

сих пор бурлит в жилах. Мы чтим традиции своего народа – как в выборе невесты и жениха, обустройстве дома, так и в повседневном укладе жизни, поклонении покровителям (Г. Г., домохозяйка, 52 года).

«Во что вы верите?» или мировоззренческие или религиозные представления.

Моя семья выходит из семейских старообрядцев, что и поныне живут на территории Бурятии. Я сегодня не являюсь старообрядцем, как и мой отец и мать, но они еще захватили уклад той жизни. Но знаю ценность семьи и именно ее ставлю во главу угла, ценность детей, ценность и святость священных уз брака. Это внутреннее понимание стало мне понятно, тогда когда я приехал в свою родовую деревню – в Бурятии, познакомился с дальними родственниками, о которых даже мои родители забыли. Теперь общаемся более тесно – это ж моя семья... (Т. П., муниципальный служащий, 29 лет).

Мои корни выходят из сибирских староверов – я знаю их обычаи, мое детство прошло в строгости. И сегодня во-многом принимаю и поддерживаю те устои, по которым жили мои предки, хочу сохранить это для своих внуков, которые уже меня спрашивают – а кто были наши предки... Я верю в то, что мои предки жили по правде, по закону, по чести, по совести. Верили в Бога и сами не плошали... (Ч. В., экономист, 64 года).

Рассказывая свои семейные истории, респонденты испытывали волнение и трепет (потели ладони; шло покраснение лица; запинались; перебивали сами себя, перескакивая с одной мысли на другую, желая рассказать как можно больше и полнее все то, о чем они знают). Их рассказы были полны эмоциональной вовлеченности и увлеченности тем, что и как они рассказывают. Они искренне восхищались простой или героической жизнью своих предков, замечая в их жизни необычные, значимые и знаковые вещи, мысли, поступки, которые меняли все в их собственной жизни, а порой и в жизни страны.

Включенность в историю и повседневный героизм

Мой дед был один из тех, кто конструировал нашу ГЭС, да и Братскую, да и многие другие. Благодаря его идеям – многие процессы оптимизировались. Он по-настоящему смог создавать новые пространства вокруг себя и все те, кто живет в городах Иркутской области – пользуются результатами его труда. Он был

честным и отзывчивым человеком. Правда его посадили и казнили позже. Но моя бабушка сохраняла в его детях, а потом и в нас, своих внуках – светлую память о человеке, который сделал нашу жизнь лучше, сделал жизнь лучше у тысяч и даже миллионов людей (О. П., строитель, 54 года).

Мой дед был героем Советского Союза во Вторую мировую. Он спас свой взвод, сам пострадал – оторвало руку. Но свой долг выполнил. Я помню его. Помню его рассказы о войне, о послевоенной жизни. Он трудился до последних дней своей жизни. Никогда не унывал и помогал всем, чем мог – делом и словом, работая в школе учителем истории и географии. Он был Учитель с большой буквы. Я знаю, что он был всегда верен слову. И меня воспитал таким же. И я также воспитал своих детей. Война лишь подчеркнула то, что он впитал в себя у своих родителей, а те у своих – честь и отвагу. Наши предки были офицерами при Царской армии, потом при Красной армии, война поменяла жизнь моего деда – он вынужден был уйти в тыл, но мой отец стал военным и я пошел по его стопам (Е. К., военный, 35 лет).

Методы сбора информации и идентичность

Таким образом, сухие факты о смертях и рождениях, переездах и болезнях требуют от любителя семейной истории большего количества энтузиазма и сил для создания захватывающих нарративов жизни своих предков. Тем самым указывая на внутреннюю идентичность самого исследователя собственной истории. Все те, кто занимается собирав фактов о истории своего рода, делают особый акцент на том, какие интересные и увлекательные факты и формы приобретает их хобби, как оно влияет на их личность, их настоящую семью и позволяет быть лучше, чем они были вчера.

Фотографии о предках есть у всех респондентов, но лишь на 3–4 поколения назад. То, что относится к истории рода до революции в большинстве случаев – это истории о членах семьи. Фотографии дореволюционные хранятся лишь у четверых респондентов. У двоих – сохранились в личных архивах, еще у двоих были скопированы из городских хроник в рамках строительства или восстановления зданий после пожара.

Мемуары – воспоминания о жизни – имеются только у одного респондента, они повествуют о жизни прабабушки, которая вышла из дворянского рода и была вынуждена сменить имя и фамилию во время революции, но мемуары писала как на русском, так и на

французском, так как детство и юность провела во Франции. Данный документ входит в архив города Иркутска, и периодически выставляется в тематических экспозициях.

В одной семье имеются выписки из решений суда об осуждении членов семьи за измену Родине – во времена правления Сталина и в двух семьях документы о смерти родственников – заключенных в лагерях на Севере.

Большинство жизненных историй семей, описывается через предания, сопровождаются устными историями и тем самым, они могут *дописываться и додумываться* теми, кто их рассказывает, привнося свой контекст и колорит в повествование.

Данные нарративы, подкрепленные разнообразными материальными или устными свидетельствами выступают образами конструирования индивидуальной семейной истории, социальной памяти семьи, конструируя идентичность ее членов, формируя условия и формы репрезентации себя как человека, как носителя рода, как гражданина. Семейная история – это часть идентичности человека и отдельных социальных групп. Воссоздание семейной истории является полноценной социальной практикой создания новой повседневной реальности.

Выводы. Самоосмысление и идентификация с прошлым семьи – это главные продукты данного вида деятельности. В ходе воссоздания личной семейной истории участниками производилось обретение, укрепление и экспансия личностной идентичности через нормативное конструирование психологической, поведенческой, нормативной, аффективной, деятельностной и так далее преемственности и связи поколений.

Качественный анализ интервью дополнительно подчеркнул особый акцент в работе с идентичностью. Респонденты на практике иллюстрировали процесс создания биографических семейных нарративов, понимание самоосмысления (своего места в роду, своих поступков и мотивов, проведение параллелей с собственной жизнью или жизнью более известных людей (генералов, царей) формирует *понимание своего места в истории, понимание того, КТО Я*. Также имели место попытки понять и оправдать различные поступки предков (предательство, внебрачные дети, преступления).

В процессе повествования происходит расширение идентичности за счет новых знаний о семье, интерпретации этих знаний и включение их в общий контекст знаний о истории города, края или страны в целом.

Данные нарративы и объяснения укрепляют семейные связи и родственные узы, что способствует конструированию исторической, географической, социокультурной аутентичности своего Я. Включенность в значимые и знаковые события прошлого как на уровне локальном – формирование диаспор или миграции, так и более глобальных – участие в войнах, революциях, строительстве городов и прочее – позволяет связать себя и историю своего рода с более значимыми событиями в истории страны и мира.

Выбранные методы поиска или реальные возможные варианты поиска информации о своей семье – создают ореол у того, кто собирает, как и кому повествует историю своей семьи. Это также формирует его идентичность.

Можно сказать, любительская генеалогия – это вид социальной практики, где организация самих действий выступает побудительным мотивом определенных действий и вовлечением в эти действия людей (а не только форма социальной или когнитивной психологии, отвечающая интересам и склонностям участников). Любительская генеалогия как социальная практика позволяет избежать методологического индивидуализма и волюнтаризма в процессе понимания и осмысления идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панова А. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Методы распознавания кодирования эмоциональных состояний в прикладных исследованиях // Социология. 2018. № 4. С. 140–145.
2. Полошкевич О. А. Солидарность поколений в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XV Межрегион. науч. конф. мол. ученых. 2017. С. 157–159.
3. Полошкевич О. А. Солидарность поколений : монография. Иркутск, ИГУ. 2014. 164 с.
4. Bottero W. Practising family history: «Identity» as a category of social practice // British j. of sociology. L. ; Hoboken (NJ), 2015. Vol. 66, № 3. P. 534–556.
5. Erben M. Genealogy and sociology // Sociology. L., 1991. Vol. 25, N 2. P. 275–292

Family history and identity

Polyushkevich O. A.

Abstract. The article analyzes the issues of studying family history, a kind of history through amateur genealogy. We consider the forms, conditions and facts of creation, strengthening and development of identity through the creation of narratives about the family past, the recreation of real facts from the family's past and family, their interpretation and inclusion in the general history of a city, region or country, as well as identity of ancestors and descendants. Along with this, special attention is paid to the methods of collecting information about the past of his family – legends, history, photographs, newspaper clippings, court transcripts and other documents that allow to recreate and create the past under the influence of the personality of the person who collects, combines and interprets these facts. makes accents in ancestral life stories. The narrator, through the creation of narratives about the life of his family, creates a context for the formation of identity, a context for the formation and understanding of one's Self, its resources and development prospects.

Keywords: identity, amateur genealogy, family history, narrative, social practice.

Феномен связи религиозного опыта и этнического самосознания как технология актуализации самотрансценденции этнокультурной идентичности

Бобков А. И.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Связь этнического самосознания и религиозного опыта является одним из способов утверждения уникальности этнокультурной идентичности в сознании субъекта. Взаимодействие между этносом-субъектом и субъектом, осмысливающим свою этнокультурную идентичность, возможно лишь в результате самотрансценденции обоих. Данная самотрансценденция и есть религиозный опыт как симфонически-синергичное сочетание творческой уникальности человека и исторической уникальности этнокультурного развития. Объектное бытование в массе через тотальную биологизацию социального бытия ведет к тому, что подлинные идентичности, ведущие к человеку как мыслителю, смешиваются с лишаяющими энергии ложными идентичностями. Для их преодоления и необходимо философское преодоление отказа религиозному опыту в его фундаментальной роли репрезентации креативной энергии этнической субъектности.

Ключевые слова: этническое самосознание, этническая субъектность, самотрансценденция, религиозный опыт, квазирелигиозный опыт, масса, этнокультурная идентичность.

Связь религиозного опыта и этнического самосознания принадлежит к числу тех социально-философских проблем, которые с одной стороны носят явно дискуссионный характер, а с другой стороны в истории философии представлены латентно. Причина такой скрытности на наш взгляд заключается в том, что философское познание боится потерять человека-субъекта, как самотрансцендирующееся существо и получить некоего нового субъекта этнос с его ограничивающей волей и тоже способного к трансцендентированию или преодолению границ своего объектно-экзотического существования. Проблема стоит на стыке между социальным реализмом и номинализмом. С одной стороны общество и этнос есть результат действий конкретного человека, а с другой стороны сами действия человека по социотворению являются результатом подчинения действию социальных закономерностей. Если предположить, что человек сознает, что общество его окружающее есть результат его действий обусловленных стремлением к очеловечиванию социальных отношений, то понимание общества в данном контексте выступает как объект, нуждающийся в дефрагментации и переконструировании.

С другой стороны совершение данного действия натывается на некое сопротивление со стороны Другого (общества, этноса), что в итоге приводит к обнаружению сверхчеловеческих сил творящих социальное по иным законам и нормам деятельности, которые без самотрансцендентирования человека постигнуть невозможно. Это самотрансцендентирование приводит к тому, что постижение социальной реальности и путей ее развития осуществляется не столько на основе рассудочно-прагматического способа познания, сколько на основе интуитивного перевоплощения в «субъекта не поддающегося сиюминутным социальным изменениям». В такой позиции встречаются два мощных феномена не отчуждаемости и неуничтожимости это этнос и религия.

Наряду с этим возникает еще и понимание того, что в условиях неопределенности и динамичности социальных структур, только эти два феномена не жертвуют человеком как субъектом, путем вступления в диалог с ним с позиции социальной субъектности. Для них жизненно важно сохранение этой диспозиции, ибо в противном случае необходимо снять вопрос о социальном бытии вообще и заменить ее метафизикой своеволия, ведущей к исчезновению всякой субъектности вообще.

В связи между этническим самосознанием и религиозным опытом и ее отсутствию задается противопоставление устойчивого развития и новационного изменения, как многомерностью социокультурного бытия и одномерностью экономической выгоды. Объектно-субъектное восприятие общества привычно и отстаивает индивидуальность как результат воздействия субъекта (личности) на объект (общество). Результатом такого воздействия служит индивидуализированное общество, определяемое как лишенное иллюзий социальное бытие, обретшее конечный смысл в ликвидации различий. Наряду с этим тотальная объективация социальности и субъективация социальности уповает на то, что социальные закономерности только таким опытом и постигаются. Мы можем определить данный опыт как игнорирование возможности постижения социальных закономерностей иным опытом кроме профанного. Профанный опыт в данном случае это упование на то, что сверхъестественных сил (сил самотрансценденции) не существует. Такое не существование приводит к тому, что принудительной силы социального (неприродного) не существует, а все принудительные моменты социального бытия ни что иное, как природные

силы, неверно распознанные и категорированные в сакральных терминах. Неверное распознавание есть суть религиозного опыта, как глубокого долговременного заблуждения предполагающего полисубъектную социальность и поименование вечного идеального социального субъекта этноса (народа).

Иначе обстоит дело, когда в рамках тотально представленного индивидуализированного общества возникают практики постижения закономерностей социального бытия через отказ в существовании только индивидуализированного (эмансипированного) социального субъекта и утверждении наличия коллективных субъектов, не отвергающих наличие первого, но задающих предел его индивидуальных возможностей в постижении полноты социального и культурного бытия или социокультурного бытия.

При этом принуждение в данном случае идет не через подавление воли субъекта, а в обретении им желания интегрироваться с другими иным иррациональным путем. Соединиться не так, как диктует структура уже устоявшегося индивидуализированного общества, не для экзотизации этнической объектности, а для репрезентации того, что смысл этнической субъектности явлен в условиях контакта с нуминозным. Контакт с нуминозным может быть как плодом эгоцентричного обретения самости, как иллюзии, а может быть определен как уже постигнутое значение этнической субъектности и ее места в качестве основы динамического социального. Проще говоря, социальное может быть создано и создается не отдельной личностью противостоящей коллективу, а личностью осознающей свою эмансипацию как действие этнической субъектности, репрезентированное через социоцентрированный религиозный опыт.

Можно сказать, что отсутствие связи между религиозным опытом и этническим самосознанием как утверждением присутствия этнической субъектности ведет к тому, что утверждается только одна доминирующая цивилизация объект-субъектного свойства, имеющая только один тип религиозного опыта это иерархическое самоутверждение субъекта через подчинение, несоблюдающих сакральным знанием, придуманным им нормам. Отсюда следует вывод, что такое господствующее положение, сконструированной на основе субъект-объектной социальной реальности, действительно вызывает указание на связь религиозного опыта и этнического самосознания как деструктивную экзотику

тотального поглощения креативной личности и обреченность общества на объективацию.

В связи с этим необходимо понимать, что носитель религиозного опыта такую позицию не приемлет по двум причинам. Первой причиной выступает то, что его основной целью является достижения очевидного состояния максимальной святости конкретной социальной общностью-этносом. Второй причиной является то, что религиозный опыт является, по сути, едва ли не единственным опытом творения таких социальных отношений, где во главу угла ставятся социальные закономерности, а не властные амбиции субъектов. Более того демонстрация непривычных практик репрезентации присутствия последних составляет его сущность. Парадоксальность религиозного опыта заключается в том, что он обнаруживает волевое принуждение там, где до этого логикой индивидуальной обозначался безвольный объект или вообще небытие. Небытие или объект под воздействием практик самотрансцендирования субъекта религиозного опыта начинают обнаруживать иные способы достижения жизненных целей, нежели те, которые актуализируются через иерархическое подчинение. Воля этноса, как высшая форма социального бытия обнаруживается через тотальное присутствие духовной общины там, где эмансипация ксенократизированной элиты состоялась. Это можно определить как факт обретения этнического самосознания, тогда как безволие этноса выступает как факт его утраты.

В контексте связи религиозного опыта и этнического самосознания немаловажную роль играет его упование на то, что любая другая форма испытания социальной реальности таит расчленение последней в иерархически-структурированном порядке. Это состояние предполагает игнорирование естественных связей, снижающих социальную дистанцию между стратами, и актуализацию связей искусственных, основанных на увеличении данной дистанции до неприемлемых размеров. Результатом такой картины выступает не достижение состояния интегрированной индивидуальности, а приобретение состояния дезинтегрирующего субъекта, не предусматривающего воздействия со стороны объекта (этноса). Практика снисхождения к этносу (объекту) полагает только его изучение, через расчлененное описание, но никак не испытание его изучающего воздействия через демонстрацию более синергетических образцов социального взаимодействия. Следует заме-

тить, индивид, вступивший на путь такого познания этноса, постигает только массу, ибо у него изъята сама возможность наблюдения этноса через игнорирование религиозного опыта.

Можно говорить о том, что религиозный опыт это защитная реакция от массового состояния социального творения. Он начинается с констатации очевидного факта неспособности массы на творение устойчивого и развивающегося социума, основанного на полисубъектной социальности, а не монообъектной структуре. Изъятие привилегированного положения властвующего высказывающегося субъекта является одной из практик обозначения религиозного опыта. В нем преодолено состояние уничтожения массой того, что «не-масса» (Х. Ортега-и-Гассет). Преодоление достигается тем, что исчезает сама масса, как экзальтированный объект саморазрушения. Очевидной становится неспособность массы к уничтожению этноса в силу их нахождения в разных социокультурных измерениях. Их разность заключается в том, что факт социального самоубийства через утрату способности к социотворению для массы вполне очевиден, для этнической субъектности невозможен в силу ее понимания того, что религиозный опыт приносит в жертву как раз те виды ценностей, которые эту иллюзию способны вызвать.

Ведь способность к созерцанию высших неутилитарных ценностей, являясь неотъемлемой целью религиозного опыта, одновременно устанавливает необходимость присутствия последних в качестве фундирующего начала социального, в сравнении с коей любая утилитарная ценность бездуховного характера, искусственно поставленная на ее место, сразу сворачивает диалог субъекта с этнической субъектностью и вводит последнего в состояние утраты способности к поступку (М. М. Бахтин). Поступок восстанавливает социальную реальность как трансцендентную, а его отсутствие делает возможным утилитаризацию социальной реальности. Парение над социальной реальностью как выражение этнической субъектности через религиозный опыт дает иное представление о социальных процессах, нежели нахождение в ней на основании стремления к некоему идеалу, заключающемуся в обладании утилитарными ценностями. Более того, в связи религиозного опыта и этнической субъектности (этнического самосознания) таится установление очевидности факта изъятия духовной составляющей из любой ценности, как акта превращения последней в утилитарную

основу сознания масс. Отчуждение труда (К. Маркс) возможно только тогда, когда его оценка производится сейчас, а не в следующих поколениях. Можно сказать, что для массы последующие поколения уже не являются той ценностью, которую они представляют в случае самотрансцендентирования этнического субъекта.

Самотрансцендентирование этнического субъекта есть акт его самосознания и одновременно с этим есть акт религиозного опыта. В этом акте преодолевается состояние бессмысленности социальных изменений с одной стороны, и определяются причины их столь драматического переживания. Охваченность смертью социальной субъектности в религиозном опыте сопровождается утверждением ее присутствия, а бессмысленные социальные изменения обозначаются как акт квазирелигиозного опыта с его тотальным принуждением социума. Религиозный опыт как акт постижения социальных закономерностей вызывает к жизни синергичное сочетание «мужества быть собой» и «мужества быть частью» (П. Тиллих). В таком его определении субъект понимает, что только в этническом самосознании постигается интегрированная индивидуальность во всей полноте, а именно через желание нести социальную ответственность и следовать постигнутым в религиозном опыте социальным закономерностям.

Иное дело квазирелигиозный опыт, когда социальные закономерности установлены не социальным субъектом органического характера, а неким авторитетом, не обладающим этнической идентичностью и предлагающим модель общества без социальной ответственности на основании его объективации. Не видя сущности его опыта, как устремления к разрыву этнического самосознания и религиозного опыта, его виртуозной подмены этнического субъекта массой, человек начинает, стремится к снятию с себя социальной ответственности и к уничтожению всего того, что обозначается в квазирелигиозном социоцентризме как не-масса.

Следует заметить, что различие между квазирелигиозным опытом и религиозным опытом, заключается в том, что первый многие социальные закономерности стремится отменить, сделать их непрозрачными и тем самым снизить их актуальность в массовом сознании, более того вообще вызвать иллюзию их отмены. В связи религиозного опыта и этнического самосознания наоборот все закономерности, ведущие к объективации социального бытия, и закономерности социальной субъектности представлены в пол-

ном объеме и констатируются как непреодоленные. Смысл такой констатации заключается в том, что они и есть трудности, постоянно преодолеваемые религиозным опытом. Трудности социальной объективации, бессубъектного постижения этноса в квазирелигии меняют свою полярность. В квазирелигиозном опыте как раз социальная субъектность становится жертвой. Быть частью этноса провозглашается слабостью неумения быть собой.

Phenomenon of communication of religious experience and ethnic consciousness as technology of updating of a samotranssendention of ethnocultural identity

Bobkov A. I.

Abstract. Communication of ethnic consciousness and religious experience is one of ways of an approval of uniqueness of ethnocultural identity in consciousness of the subject. Interaction between ethnos – the subject and the subject comprehending the ethnocultural identity perhaps only as a result of a samotranssendention both. This samotranssendention is also religious experience as symphonic – a sinergyiny combination of creative uniqueness of the person and historical uniqueness of ethnocultural development. Object existing in weight through a total biologization of social life conducts to the fact that the original identities conducting to the person as the thinker mix up with the false identities depriving of energy. For their overcoming also religious experience in its fundamental role of representation of creative energy of ethnic subjectivity needs philosophical overcoming failure.

Keywords: ethnic consciousness, ethnic subjectivity, samotranssendention, religious experience, quasireligious experience, weight, ethnocultural identity.

Особенности рефлексии представителей русской и китайской национальностей

Езунов А. О.

Хэнаньский Университет, Китай

Аннотация. При рефлексии субъект способен оценить поступки себя самого. Произвести такую оценку возможно только при соотношении себя наблюдаемого с неким «образцом», субъекта-наблюдателя. Исходя из того, что этот образец остается с субъектом даже при выходе в рефлексивную позицию, можно сделать вывод, что он нерифлексируется субъектом-наблюдателем, он есть некое неотделимое ригидное образование. Наша гипотеза заключается в том, что характеристики такого образца коррелируют с особенностями рефлексии, а сам образец является порождением культуры, в которой формировался субъект. Другими словами, этот образец имеет те же особенности, что и другие представители национальности субъекта. Для подтверждения гипотезы проводится международное исследование, включающее себя представителей русской и китайской национальности.

Ключевые слова: рефлексия, этнопсихология, рефлексия национальностей, психология русских, психология китайцев.

Существует радикальное предположение, что люди, сформированные европейской цивилизацией, имеют специфическое представление о том, каким образом существует разумный человек. Это видение настолько вросло в сознание ментальных европеоидов, что зачастую им сложно даже представить, что человеческое существование может быть организовано иначе. Речь идет о целеполагании. Привычка пожелать нечто, представить желаемое в виде события на жизненном пути, и потом трансформировать собственную жизнь и жизнь окружающих ради осуществления желаемого, кажется совершенно естественной.^[1] Эту невидимую носителям схему, можно наблюдать в различных сферах жизнедеятельности: от религии, где Бог осуществил задуманную цель по созданию мира, до науки, где цель, является обязательным атрибутом любого стандартного исследования. Более того, собственное существование люди автоматически представляют в виде отрезков по достижению цели на линии жизни, и могут никогда так и не задаться проблематизирующими вопросами, по типу: «на основании чего я решил, что мир устроен именно так?», «каковы другие способы осознания бытия?». При понимании этой ситуации возникают вопросы: способны ли мы представить собственную жизнь не линией прочерченной слева-направо, и состоящей из набора достигаемых целей? И если окажемся способны, насколько это может изменить нашу жизнь?

Как упоминалось в самом начале, приведенный абзац в введении, это лишь «радикальное предположение». Внедрена ли схема целеполагания в европейцев или нет, какие есть альтернативные схемы у носителей других культур, для нас это открытые вопросы. Это лишь возможные поля изучения. Но если вопросы открыты, тогда зачем вообще использован именно этот «неудобный» пример, заставляющий усомниться в собственном «верном» понимании мироустройства? Это сделано, как минимум, по трем основным причинам: во-первых, пример вынуждает нас начать рефлексировать, – взглянуть на собственную организацию жизни со стороны; во-вторых, четко указывает границы источника организации, – европейская культура; и наконец, задает направление исследования: другие, неевропейские культуры. Пример, и причины его приведения можно оформить в виде тезиса: *Рефлексия исследователем самого себя, как представителя определенного этноса, есть необходимый элемент этнопсихологического исследования.*

Либо более широко в виде темы: Особенности рефлексии представителей европейской (русские) и неевропейской (китайцы) культур.

В рамках поставленных задач, под рефлексией мы будем понимать созерцание осуществляющегося бытия в виде актов самонаблюдения субъекта^[4], а именно:

- 1) Наблюдение субъектом за собой
- 2) Предположение субъекта о «внутреннем мире» своего окружения и возможных реакциях
- 3) Предположение об изменениях ситуации (субъект и окружение как единое целое)

Что мы понимаем под особенностями, присущими рефлексивной единице? При наблюдении субъектом за самим собой, т. е. выходом в рефлексивную позицию, субъект способен оценить поступки себя самого. Произвести такую оценку возможно только при соотношении себя наблюдаемого с неким «образцом», субъекта-наблюдателя. Исходя из того, что этот образец остается с субъектом даже при выходе в рефлексивную позицию, можно сделать вывод, что образец нерелексируется субъектом, он есть некое неотделимое ригидное образование, и чтобы опредметить образец, субъекту необходим выход в следующий рефлексивный слой, откуда образец становится «видим». ^[3, 5] Наша гипотеза заключается в том, что характеристики такого образца коррелируют с особенностями рефлексии, а сам образец является порождением культуры, в которой формировался субъект. Другими словами, этот образец имеет те же особенности, что и другие представители национальности субъекта. Под национальностью респондентов мы понимаем человеческую специфику, сочетающую в себе собственное самоопределение субъекта и его культурное окружение в период взросления.

В исследовании особенностей рефлексии планируется разобрать вопросы представления респондентов о времени, ценностях, организации жизненного пути, восприятию себя по отношению к соотечественникам и представителям других национальностей. Для выявления корреляций подготовлено четыре выборки: русские в России и в Китае, китайцы в Китае и в России. Исходя из заявленного тезиса, также открывается возможность проведения исследования в исследовании: системная рефлексия^[4] этнопсихологов, в виде рефлексивных отчетов, об этапах изучения особенностей рефлексии этносов. Отчеты могут послужить дополнитель-

ным материалом, помогающим точнее обозначить исследуемый объект, и скорректировать общие выводы научной работы. Среди прочих, интересующий вопрос здесь, в чем качественные отличия в работе исследователей, вышедших и удерживающихся в рефлексивной позиции, от исследователей не проделавших такую работу.

Результаты исследования рефлексивных особенностей этносов имеют широкий спектр практического применения в международных отношениях, включая политику, бизнес, науку и другие виды взаимодействия представителей различных национальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жульен Ф. Трактат об эффективности. М. : Моск. филос. фонд ; СПб. : Унив. кн., 1999
2. Леонтьев Д. А. Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. Психология журнал ВШЭ. 2014.
3. Лефевр В. А. Рефлексия. М. : Когито-центр, 2003. 496 с.
4. Семенов И. Н. Развитие проблематики рефлексии и ее изучение на факультете психологии ВШЭ. Психология журнал ВШЭ. 2007.
5. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : Наследие ММК, 2005. 800 с.

Features of reflection of representatives of Russian and Chinese nationalities

Egunov A. O.

Abstract. In reflection, the subject is able to evaluate the actions of himself. To make such an assessment is possible only when the ratio of the observed with a certain "sample", the subject-observer. Based on the fact that this pattern remains with the subject even when entering into a reflexive position, it can be concluded that it is not reflected by the subject-observer, it is an inseparable rigid formation. Our hypothesis is that the characteristics of such a sample correlate with the peculiarities of reflection, and the sample itself is a product of the culture in which the subject was formed. In other words, this pattern has the same characteristics as other representatives of the subject's nationality. To confirm the hypothesis, an international study is conducted, which includes representatives of Russian and Chinese nationality.

Keywords: reflection, ethnopsychology, reflection nationalities, Russian psychology, the psychology of the Chinese people.

РАЗДЕЛ 3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ И ЕЁ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Потребности в знаниях по психологии как фактор развития социальной компетентности молодежи

Китова Д. А., Апреликова Н. Р.

г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается феномен «потребности» и особенности его изучения. Представлен анализ функций потребностей, механизмов их развития и взаимодействия с внешней средой. Показано, что потребности молодежи в знаниях по психологии связаны в основном с ориентацией на осознание психологической сущности человека, особенностей социального взаимодействия и специфики профессиональной деятельности. Обращение к исследованию потребностей в знаниях по психологии может стать важным, хотя и малоизученным, элементом социализации молодежи.

Ключевые слова: потребности личности, психологический феномен, потребность в знаниях по психологии, структура потребностей, социализация.

Как известно, потребности выступают предметом исследования различных отраслей науки – философии, социологии, экономики, политологии, психологии, – которые по-разному определяют сущность, функции и механизмы их реализации. Потребности личности в психологической науке также принято рассматривать с различных точек зрения: как потребности осознаваемые человеком на уровне *ощущений* (биологические потребности) и на уровне *понимания* (социальные потребности); как стремление к пребыванию в зоне комфорта и избеганию перехода в зону дискомфорта; как стремление к достижению психосоциального благополучия; как деятельность, в которой личность находит свою реализацию и удовлетворение; через призму сопровождающих их эмоций и т. д. [2, 4, 6].

В целом можно отметить, что в современной психологии распространены различные классификации потребностей: по сфере деятельности (потребность в труде, в учебе, в предпринимательской деятельности и т. д.); социальные потребности (в общении, во взаимодействии, в причастности и т. д.); по объекту потребности (материальные и духовные, эстетические и этические и т. д.); по функциональной роли (доминирующие и второстепенные, центральные и периферические и т. д.); по степени устойчивости (базовые и ситуативные); по субъекту потребностей (индивидуальные, групповые, коллективные, общественные, глобальные) [1, 6, 9].

Для целей нашего исследования важно выделить теоретико-методологических несколько оснований для обращения к феномену потребностей.

Потребности личности могут быть ориентированы не только на удовлетворение «нужды» или достижение конкретного результата, а могут быть *иницированы* самой личностью, ради ощущения эмоциональных переживаний (В. А. Василенко 1983, Б. И. Додонов, 1984) или же активироваться *деструктивными посылками*, способными нанести вред здоровью или жизни человека (В. С. Магун, 1983). Так же, человек может стремиться не только к реализации конкретных и измеримых потребностей, его действия могут быть мотивированы *стремлением к недостижимому* в принципе благу, – стать лучше, например, (К. Левин, 1970).

Потребности рассматриваются как *несоответствие* реального и желаемого состояния человека, что вызывает стремление к преодолению этого дискомфорта. Так, К. МакКлелланд предложил рассматривать активацию потребностей как результат отклонения внешней (или внутренней) реальности от сложившихся ожиданий субъекта. Автором были выделены три вида такого рода потребностей, – потребности в достижении, причастности и власти (МакКлелланд, 2007).

Потребности рассматриваются как направленность личности на осознание и *преодоление негативных* с его точки зрения факторов, препятствующих его равновесному психологическому состоянию (концепция гомеостаза). Среди сторонников данной концепции можно представить У. Кеннона, который определил психологическую концепцию гомеостаза как «постоянство внутренней среды организма».

Механизмы реализации потребностей личности объясняются посредством фиксации внимания человека на тех или иных объектах, способных удовлетворить «насущную» потребность, что лежит в основе *избирательности восприятия* («у кого что болит, тот о том и говорит»). Один из сторонников данной позиции Е. П. Ильин указывал, что фиксация человеком внимания на различных объектах, способных удовлетворить его насущную потребность, определяются автономно, исходя из *индивидуально-личностных позиций* (Ильин, 1998).

В психологической теории *деятельности* потребности рассматриваются в качестве первого импульса актуализации деятельности, которые осознаются в виде *нужды* (еще не соотнесенной со средой, в которой она будет удовлетворяться). Нужда по своей сущности обнаруживает себя в форме психического состояния беспокойства, неудовлетворенности, дефицита, «сбоя» в жизнедеятельности, отвлекающего внимание от того, чем занят человек в этот период времени (Леонтьев, 1975). Она выполняет, прежде всего, *социальную* функцию: «подсказывает» человеку, что наступила очередь удовлетворить одну из многочисленных потребностей. Она выполняет тем самым еще и *пусковую* функцию в том смысле, что «включает» психическую активность, приводит в движение психические процессы социального наполнения актуализированной потребности, в результате которого «нужде» предстоит еще вобрать в себя нечто из внешней среды и субъективных потенций человека и превратиться в потребность. Нужда, таким образом, осуществляет и *энергетическую* функцию, «подпитывает» психической энергией начинающееся движение. Наконец, нужда выполняет *избирательную* функцию, поскольку как бы нацеливает развертывающийся психический процесс на определенные виды деятельности, которые могут ее удовлетворить, ибо это нужда в чем-либо конкретном, а не вообще беспредметное беспокойство. Есть и еще одна функция нужды: она «отслеживает» процесс удовлетворения потребности и по мере ее насыщения шаг за шагом угасает и «выключает» весь процесс деятельности. Функцию эту можно назвать *контрольной*.

Таким образом, в современной психологии существует разнообразие отечественных [5] и зарубежных теорий потребностей, отражающие сложную, развернутую и логически обоснованную цепь механизмов, которые оказывают непосредственное воздей-

ствие на поведение и деятельность человека, определяют направленность и перспективы его социального развития [1, 2, 8].

Эмпирический этап исследования. Целью эмпирического исследования выступает выявление структурных и содержательных элементов потребностей студентов в знаниях по психологии. Объектом исследования выступили студенты московских вузов в возрасте от 18 до 29 лет и студенты Сибирского федерального округа (в количестве 175 человек). В исследовании была задействована авторская методика анонимного анкетирования [см. 2]. В работе представлены ответы на шесть вопросов, которые приводятся в тексте.

Первый вопрос к студентам сформулирован следующим образом: «Оцените Ваш интерес к психологии по шкале от 1 до 10: нижнее значение (1) – не интересно вообще; верхнее значение (10) – чрезвычайно интересно (результаты представлены на рис.). Полученные ответы свидетельствуют о высоком интересе респондентов к знаниям по психологии. Для наглядности, десять позиций, представленных в шкале, объединены нами в две подгруппы. Если интерес к знаниям по психологии находился в области значений от 1 до 5, то мы их объединяли под условным названием «неинтересно». Если же интерес к знаниям по психологии находился в области значений от 6 до 10, то мы объединяли эти позиции под условным названием «интересно». Таким образом, низкий интерес к знаниям по психологии проявили 11,5 % (из них выбрали позиции: 1 – 0 %; 2 – 6,5 %; 3 – 0 %; 4 – 5 %; 5 – 0 %). Высокий интерес к знаниям по психологии продемонстрировали 88,5 % респондентов (из них выбрали позиции: 6 – 16,0 %; 7 – 53,0 %; 8 – 13,0 %; 9 – 0 %; 10 – 6,5 %).

Далее респондентам предлагалось перечислить, не ограничивая себя в количестве и характере ответов, все то, что им было бы интересно узнать из области психологии. Вопрос предлагался в открытой форме, в виде незавершенного предложения: «Я хотел бы узнать из области психологии информацию о...». Для анализа и группирования потребностей респондентов мы обратились к контент-анализу. Так, посредством частотного анализа, ответы, которые отражают основные позиции респондентов, были сгруппированы в семь подгрупп в рамках конкретных направлений психологии: психология личности (60,1 %), психологии общения (53,6 %), психология влияния (43,0 %), психология взаимодействия (43,0 %), психология семейной жизни (33,3 %), практическая психология (32,6 %), когнитивная психология (26,4 %).

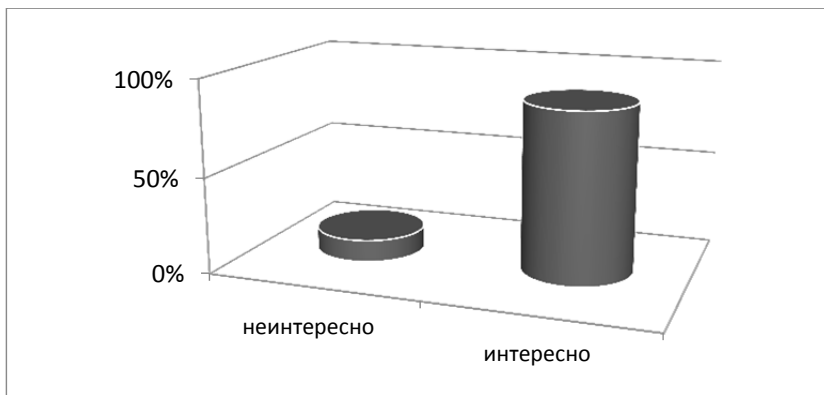

Рис. Уровень интереса к психологии

Также респондентам предлагалось отметить наиболее интересные для них сферы жизнедеятельности, в которых им были бы полезны знания по психологии. По процедуре, респонденты могли выбрать ответ из девяти основных сфер жизнедеятельности, которые предлагались нами или же они могли представить свои, – дополнительные сферы жизнедеятельности (анкета содержала пункт «иное»). В результате, все ответы респондентов были выдержаны в рамках предложенных нами девяти позиций¹.

Как оказалось, наиболее полезными знаниями по психологии были бы, по мнению респондентов, в таких сферах жизнедеятельности как: взаимоотношения с окружающими (86,2 %), саморазвитие (60,1 %), самопонимание (53,3 %), самосовершенствование (46,3), взаимоотношения в семье (40,8), реализация профессиональной карьеры (40,3), управление другими (33,8 %), взаимоотношения с друзьями (26,7 %).

Четвертый вопрос был сформулирован следующим образом: «Как и где Вы получаете ответы на вопросы психологического характера?». Респондентам предлагалось перечислить все используемые источники, будь то СМИ, электронные издания или устная форма получения информации. Респонденты предложили ответы следующего характера: «советуюсь с друзьями (или знакомыми)», «узнаю от родных и близких людей», «обращаюсь к своему жиз-

¹ При подсчетах учитывались мнения высказавшихся респондентов без ограничения количества высказываний, т. е. количество ответов может превышать общее количество респондентов

ненному опыту», «ищу в интернете», «чаще всего подобные ответы находятся сами собой, если много о них думать», «путем сравнения с аналогичными жизненными ситуациями у других людей», «исходя из какой-либо похожей ситуации», «обращаясь к энциклопедиям и словарям», «из специализированных журналов», «от преподавателей», «от персонального психолога». Результаты опроса показали, что наиболее популярными источниками приобретения знаний по психологии являются: интернет (66,7 %), друзья или знакомые (44,0 %), книги (43,2 %), семья (40,2 %), жизненный опыт (16,5 %), специалисты (13,6 %).

Пятый вопрос звучал следующим образом: «Что бы Вы стали делать, если бы обладали глубокими знаниями по психологии?». Респондентам предлагалось представить ответы в свободной форме. Приведем типичные для респондентов ответы. Так, 32,6 % респондентов стали бы заниматься научной деятельностью, что говорит об убежденности студентов в высоком престиже научной деятельности. Вторая треть респондентов (32,4 %), предпочли бы оказывать влияние на поведение других людей. Мотивы такого воздействия у респондентов самые разнообразные, начиная от негативной направленности, с акцентом на извлечение выгоды «для себя», до стремления достичь всеобщего мира на Планете (см. выше). Еще 28,6 % респондентов изменили бы направление своей трудовой деятельности (скорее всего, речь идет о смене избранной специальности обучения, так как все респонденты являются студентами). Четвертая подгруппа респондентов (17,2 %) полагает, что «глубокие» знания в области психологии значительно уменьшили бы интерес к общению и происходящим в их жизни событиям и, возможно даже, к самой жизни. Примечательно, что большая доля респондентов (41,2 %) затруднилась ответить на поставленный вопрос.

Обобщение результатов позволило сделать следующие **выводы**:

- у молодых людей отмечается высокая потребность в знаниях по психологии: наибольший интерес вызывают знания по психологии личности и психологии общения; знания, связанные с психологией влияния и взаимодействия, вызывают умеренный интерес; наименьший интерес вызывают знания по психологии семьи;
- по мнению студентов, знания по психологии могли бы помочь им в таких сферах жизнедеятельности, как личностное разви-

тие, социальные взаимоотношения, социальная компетентность, воздействие на окружающих, профессиональная деятельность;

- наиболее востребованными источниками знаний по психологии являются: Интернет, друзья, знакомые, книги, специализированные журналы, семья, собственный жизненный опыт и специалисты¹;

- несмотря на некоторое фантазирование и склонность к отрыву от реальности, у многих респондентов прослеживаются социально одобряемые мотивы получения знаний по психологии.

Заключение. Потребности выступают хорошо изученным психологическим фактором социальной активности и деятельности личности. Результаты эмпирического исследования показали высокий уровень потребностей студентов в знаниях по психологии, поиск прикладной информации по личностному и профессиональному развитию, созданию благоприятных взаимоотношений с окружающими. Таким образом, можно утверждать, что выявление потребностей молодежи в знаниях по психологии может быть полезно для разработки программ социализации молодежи [1; 3] и государственного управления и молодежной политики [7; 8; 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности: коллективная монография. СПб. : Изд-во НИЦ-РАТ, 2015.

2. Апреликова Н. Р., Китова Д. А. Структура потребностей студенческой молодежи в знаниях по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 2(10). С. 110–133.

3. Гараганов А. В., Китова Д. А. Методологические принципы исследования потребностей как основы социальной активности личности // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 104–107.

4. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017. № 4 (85). С. 4 – 9.

5. Китова Д. А. Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал 2019. Т. 40, № 2. С. 128–131

6. Китова Д. А. Экономическая психология субъекта жизнедеятельности: теория, методология, практика // Экономическая психология в современном мире. 2012. С. 148–161.

7. Китов М. А., Китова Д. А. Проблемы интеграции психологических критериев в структуру моделей государственного управления // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2018. № 1 (86). С. 73–80.

8. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.

9. Социальная психология знания / Ушаков Д. В., Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Подъяков А. Н., Юревич А. В. М. : Ин-т психологии РАН, 2016.

10. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества : коллектив. моногр. Карачаевск : Изд-во КЧГУ им. У. Д. Алиева, 2011.

¹ Позиции представлены по мере убывания значимости источника

The need for knowledge in psychology as a factor in the development of social competence of young people

Kitova D. A., Aprelikova N. R.

Abstract. The article analyzes the phenomenon of "needs" and the peculiarities of its study. The paper presents an analysis of the functions of needs, mechanisms of their development and interaction with the external environment. It is shown that the needs of young people in knowledge of psychology are mainly related to the orientation to the awareness of the psychological essence of the person, the features of social interaction and the specifics of professional activity. An appeal to the study of the needs for knowledge in psychology can be an important, though little-studied, element of socialization of young people.

Keywords: individual needs, psychological phenomenon, the need for knowledge in psychology, the structure of needs, socialization.

Структура «Я-образа» представителей различных ценностных типов

Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А.

г. Кемерово, Россия

Аннотация. В соответствии с методологией конструктивистского подхода, идентичность личности, выражающаяся в уникальном образе Я, рассматривается как динамическая иерархическая система. В рамках данного подхода на основе результатов применения теста М. Куна и Т. Макпартленда осуществлена разработка и апробация специального опросника, позволяющего установить ранг значимости 16 категорий, отражающих социально-ролевые компоненты образа Я в основных сферах жизнедеятельности. На выборке из 1236 студентов исследована взаимосвязь ценностных ориентаций личности с организацией компонентов Я-образа. Доказано, доминирование ценностей индивидуализации связано с большей выраженностью в структуре Я-образа личностных черт и характеристик, отражающих принадлежность к неформальным группам. Ценности социализации связаны с восприятием себя посредством потенциальных семейных и профессиональных ролей. В свою очередь для адаптирующегося ценностного типа характерна большая выраженность в структуре образа Я элементов, отражающих семейную, средовую, гражданскую и этническую идентичность.

Ключевые слова: идентичность, Я-концепция, Я-образ, тип ценностной системы.

Говоря о современном обществе, большинство культурологов, философов, социологов употребляют термины «разнородное», «изменчивое», «мобильное». У личности, развивающейся в таких условиях, оказывается меньше общепринятых ориентиров для формирования самооценки и саморегуляции. То, что считалось «хорошим» и «правильным» еще четверть века назад, становится анахронизмом, признаком неприспособленности к среде. В такой

ситуации особое внимание психологов необходимо уделять изучению самосознания, как сферы личности, отвечающей за регуляцию поведения и устойчивость внутреннего «Я» перед многочисленными внешними воздействиями.

В настоящее время существуют различные подходы к понятию и структуре самосознания личности. И если для зарубежной психологии доминирующим является феноменологический подход и понятие «Я-концепция», то в отечественных исследованиях преобладают структурные и уровневые теории самосознания (Ю. Б. Гиппенрейтор, И. И. Чеснокова, И. С. Кон, В. В. Столин, В. С. Мухина и др.). В рамках данной работы мы рассматриваем самосознание как процесс, а для обозначения возникающей в результате совокупности представлений личности о себе используем понятие «Я-концепция». Понимание «Я-концепции» как продукта самосознания является распространенным в отечественной психологии, хотя и не общепризнанным (В. В. Столин, А. М. Прихожан и др.). При это сама «Я-концепция» рассматривается как то, что человек считает своим, чем обладает (У. Джемс); как то, каким человека хотят видеть другие (Ч. Х. Кули, С. Р. Пантिलеев, Я Щепаньски и др); как система установок на себя (Г. Г. Овчинникова, В. А. Ядов, Р. Бернс), образов «Я» и образов человека (С. М. Петрова, Т. Шибутани); как система самовосприятий (К. Р. Роджерс) [1]. И. В. Барышникова выделяет следующие аспекты изучения категории «Я» в психологии: субъектно-объектный, психолого-дистанционный, смысловой, экзистенциальный, процессуальный, интеракционистский, социально-регулятивный, социально-ролевой, содержательный, структурный, дифференциальный, энергетический, временной, интеграционный, функциональный, оппозиционный, герменевтический, системно-персонализационный и т. д [2]. Все эти аспекты, с одной стороны, подчеркивают различные грани анализа феномена самосознания, с другой, демонстрируют его ведущие функции и связь с другими личностными характеристиками.

Несмотря на разнообразие подходов к пониманию Я-концепции, большинство исследователей, так или иначе, подчеркивают ее системность. Так, Р. Берн рассматривает Я-концепцию как совокупность установок, направленных на самого себя, выделяя в ее структуре образ-Я – представление индивида о самом себе (когнитивный компонент), самооценку – оценка этого представле-

ния (аффективный компонент) и потенциальную поведенческую реакцию (поведенческая составляющая) [3]. При этом установка понимается как эмоционально окрашенное убеждение, связанное с определенным объектом. Нам представляется, что в ситуации, когда таким объектом выступает сам человек, более оправданно говорить не просто об убеждении, а о некотором внутреннем принятии определенной характеристики, т. е. об идентичности. Идентичность мы понимаем как отражение представлений человека о себе или своем месте в определенной реальности (физической, духовной, социальной, профессиональной и т. д.). Таким образом, Я-концепция представляет собой систему идентичностей личности. Традиционно в структуре идентичности выделяются те же компоненты, что и в структуре установки: когнитивный, аффективный и поведенческий, что на наш взгляд, еще раз подчеркивает сходство этих феноменов. Совокупность когнитивных компонентов всех идентичностей, входящих в Я-концепцию, отражает содержание представлений человека о себе и образует Я-образ.

Как уже упоминалось, различные идентичности в структуре Я-концепции не равнозначны. Одни образуют ядро личности, определяя ее поступки и жизненный путь в целом, другие могут быть связаны с принятием определенной социальной роли и характеризуют восприятие себя в некоторой ситуации, системе отношений, социальном контексте. При этом включение идентичности в Я-концепцию, ее субъективная значимость и оценка определяется системой ценностных ориентаций личности.

Взаимосвязь идентичности и ценностных ориентаций личности широко признана в психологии, особенно это характерно для рассмотрения социальной и мировоззренческой идентичности. Восприятие себя через членство в определенной социальной группе автоматически подразумевает полное или частичное принятие ценностей этой группы. Собственно процесс сопоставления ценностных ориентаций личности и ценностей социальной группы зачастую является своего рода «пусковым механизмом» для формирования социальной идентичности и, во многом, определяет ее уровень. Связь ценностно-смысловой сферы личности с идентичностью особенно ярко проявляется в ситуации кризиса [5]. Все вышеизложенное позволяет вполне обоснованно утверждать, что структура Я-образа представителей различных ценностных типов будет различаться.

В настоящее время одной из широко используемых типологий ценностных систем является модель Р. Инглхарта, который противопоставляет «материалистические» и «постматериалистические» ценности. На основе этого подхода нами ранее было выделено три типа ценностных систем, имеющих различное происхождение: адаптирующийся, социализирующийся и индивидуализирующийся. Адаптирующийся ориентирован на сохранение безопасности, социализирующийся – на традиции, групповые нормы и ценности, индивидуализирующийся – на ценности самоактуализации и саморазвития [8]. Выделенные нами ценностные типы могут быть соотнесены с уровнями самосознания, предложенными В. В. Столиным, и отражающими активность человека как организма, социального индивида и личности [6]. Согласно этой концепции, активность человека на уровне организма вызывается потребностями в самосохранении, нормальном функционировании и физическом благополучии организма (что соответствует задачам адаптации, как процесса); ведущей потребностью следующего уровня является потребность в принадлежности к общности и признании (социализация); на уровне личности доминирует стремление к самореализации и ориентация на собственные стремления и мотивы (индивидуализация) [4]. Таким образом, ориентация на определенные типы ценностей проявляется в отношении к себе и окружающей реальности, что, в свою очередь, приводит к формированию соответствующего образа Я. Именно изучению особенностей Я-образа представителей различных ценностных типов и посвящено данное исследование.

Для изучения структуры образа Я использовался специальный опросник, разработанный нами на основе теста «Двадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда. Испытуемым предлагался список из 16 категорий, отражающих, в первую очередь, социально-ролевые компоненты образа Я в основных сферах жизнедеятельности, выделенных Т. В. Румянцевой (семья, работа, учеба, досуг, интимно-личностные отношения, отдых): «Я как профессионал (будущий профессионал)»; «Я как студент»; «Я как мужчина/женщина»; «Я как сын/дочь»; «Я как муж/жена (будущий муж/жена)»; «Я как уникальная личность»; «Я как представитель своего народа»; «Я как гражданин своей страны»; «Я как житель данного города»; «Я как отец/мать (будущий отец/мать)»; «Я как представитель молодежи»; «Я как член неформальной группы»; «Я как друг/подруга»; «Я как последователь своей рели-

гии»; «Я как представитель вида *Homo sapiens*»; «Другое». В соответствии с инструкцией все предложенные категории необходимо было проранжировать от 1 до 16 по степени важности для респондента в настоящий момент [7].

Для изучения типа ценностных ориентаций использовалась модифицированная нами методика Р. Инглхарта [8]. Опросник представляет собой список 9 ценностей, из которых испытуемого просят отобрать 3 наиболее значимые для него. Ценностный тип устанавливается на основе того, какие именно ценности доминируют среди отобранных: адаптации, социализации или индивидуализации. Если все 3 выбранных ценности относятся к разным системам, говорят о промежуточном типе ценностных ориентаций.

В исследовании принял участие 1235 студентов разных специальностей, направлений, из Сибири, Дальнего Востока, Центральной России и Украины. Возраст испытуемых от 17 до 40 лет.

Как показывают результаты нашего исследования, наиболее значимыми элементами образа Я для студентов являются семейно-ролевые, гендерные профессиональные и личностные характеристики. Однако, в зависимости от особенностей ценностных ориентаций, место, которое занимает тот или иной элемент в структуре Я-концепции, варьируется (табл. 1)

Как показывают результаты исследования, наибольшим своеобразием отличается Я-образ представителей индивидуализирующегося ценностного типа. Индивидуализирующиеся личности ориентированы на так называемые «высшие» ценности: интеллектуальную и творческую самореализацию, свободу личности, гуманистические ценности. На уровне представлений о себе это проявляется в субъективно большей значимости личностной уникальности, членства в неформальных группах, надгрупповой идентичности. Последнее, возможно, объясняется стремлением выйти за рамки традиционных социальных групп, ощущением целостности и общности со всем человечеством. Структура Я-образа представителей социализирующегося и адаптирующегося ценностного типа достаточно сходна. Что касается социализирующегося типа, то здесь относительно больше выражены элементы Я-образа, связанные с будущими семейными ролями (муж/жена; отец/мать) и большими социальными группами (статусными, профессиональными, возрастными, религиозными). Такое восприятие себя вполне согласуется с ориентацией на семейное благополучие, общественное признание, престижную работу.

Таблица 1

**Иерархия компонентов образа Я представителей разных ценностных типов
(средние ранги)**

Компоненты образа Я (значение критерия H; общая p)	Достоверность различий в груп- пах	Ценностный тип			
		А	С	И	П
		(n = 320)	(n = 406)	(n = 113)	(n = 396)
Я как сын/дочь (H = 24,74850; p < 0,0000)	1-3 (p < 0,000) 2-3 (p < 0,000) 4-3 (p < 0,000)	4,20	4,30	5,67	4,24
Я как мужчи- на/женщина (H = 9,652369; p = 0,0218)	1-3 (p = 0,026)	4,62	5,29	5,72	5,16
Я как уникальная личность (H = 24,05806; p < 0,0000)	1-3 (p = 0,002) 2-3 (p < 0,000) 4-2 (p = 0,010)	5,56	5,70	4,33	4,97
Я как муж/жена (H = 21,82625; p = 0,0001)	1-3 (p = 0,040) 2-3 (p < 0,000) 4-3 (p = 0,010)	6,99	6,32	8,05	6,87
Я как гражданин своей страны (H = 8,937157; p = ,0301)	1-3 (p = 0,020)	8,46	8,59	9,49	8,73
Я как житель дан- ного города (H = 10,20116; p = ,0169)	1-4 (p = 0,031)	9,92	10,13	10,50	10,53
Я как предстиви- тель вида Homo sapiens (H = 9,365685; p = ,0248)		10,21	10,73	9,31	10,19
Я как последова- тель своей рели- гии (H = 8,813767; p = ,0319)		11,64	11,47	11,90	11,83
Я как член не- формальной груп- пы (H = 21,76825; p = ,0001)	1-3 (p < 0,000) 2-3 (p = 0,003) 4-3 (p = 0,003)	13,08	12,68	11,28	12,97

Примечание: А – адаптирующийся, С – социализирующийся, И – индивидуализирующийся, П – промежуточный ценностные типы. В таблице приведены только статистически значимые отличия; степень достоверности различий подсчитана с помощью H-критерия Краскала-Уоллеса.

Свойственное адаптирующемуся типу стремление к личной безопасности на уровне Я-концепции проявилось в увеличении значения актуальных семейных ролей, средовой, гражданской и этнической идентичности. Вполне возможно, что членство в данных социальных группах воспринимаются как условие и гарантия собственной безопасности.

Подводя итоги, можно заключить, что Я-концепция личности представляет собой систему идентичностей, каждая из которых состоит из когнитивного (содержательного), аффективного (оценочного) и поведенческого (мотивационного) компонентов. В сумме содержательные компоненты всех видов идентичности дают Я-образ, отражающий целостное представление личности о себе, своих индивидуальных и личностных свойствах, своем положении в социальной системе. Я-концепция тесно взаимосвязана с системой ценностных ориентаций личности. С одной стороны, ценности, присвоенные в процессе идентификации, встраиваются в систему ценностных ориентаций личности. С другой стороны, сам процесс идентификации предполагает соотнесение личных ценностей и ценностей объекта идентификации, кроме того сами ценности могут выступать объектом идентификации, в случае если речь идет о мировоззренческой идентичности. Различные компоненты внутри Я-концепции и Я-образа не равнозначны, их место в иерархии представлений о себе во многом определяется именно ценностными ориентациями личности. Таким образом, в случае необходимости корректирующее воздействие на Я-концепцию должно вестись с учетом особенностей ценностных ориентаций личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов В. С. Становление Я-концепции в управленческой деятельности руководителя : автореф. ... д-ра психол. наук. М., 1999. 51 с.
2. Барышникова И. В. Интегративный подход к исследованиям Я-концепции личности в отечественной психологии : автореф. ... канд. психол. н. М., 1999. 27 с.
3. Берн Р. Развитие Я концепции и воспитание. М. : Прогресс, 1986. 422 с.
4. Касьяник Е. Л., Макеева Е. С. Психологическая диагностика самосознания личности. Мозырь : Содействие, 2007. 224 с.
5. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2015. Т. 8, № 43. С. 12. URL: <http://psysystudy.ru/index.php/num/2015v8n43.html> (дата обращения: 30.04.2019).
6. Столин В. В. Самосознание личности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.
7. ЯИдентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования / ницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю.

Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2 (74). С. 131–140.

8. Яницкий М. С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 7–27.

The “self-image” structure of representatives of various value types

Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A

Abstract. In accordance with the methodology of the constructivist approach, identity of an individual, expressed in a unique image of the self, is considered as a dynamic hierarchical system. In the framework of this approach, based on the results of applying the test of M. Kuhn and T. MacPartland, a special questionnaire was developed and tested to establish the significance level of 16 categories reflecting the social-role-playing components of the I image in the main areas of life. On a sample of 1236 students, the relationship between the value orientations of the individual and the hierarchy of the components of the I-image is proved. It is proved that the dominance of individualization values is associated with a greater degree of expression in the structure of the I-image of personal characteristics and membership in informal groups. The values of socialization are connected with the perception of oneself through potential family roles and belonging to professional and religious groups. In turn, the adaptive value type is characterized by a greater manifestation in the structure of the image of the I elements reflecting family, environmental, civic and ethnic identity.

Keywords: identity, self-concept, self-image, type of value system.

Идентичность как индикатор психологического благополучия молодежи в трудной жизненной ситуации

Ярославцева И. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Обсуждаются проявления идентичности, выступающей индикатором социально-психологического состояния молодежи, проживающей в трудных жизненных условиях (сиротство). Представленные научные материалы показывают, что развитие идентичности нарушается уже в фазе первичной идентификации «Я», характерные изменения наблюдаются в развитии личностной, гендерной, социальной, профессиональной идентичности. Отмечается, что в большинстве случаев недостаточность развития идентичности проявляется в психологическом неблагополучии и влечет социально-психологическую дезадаптацию молодежи в разных сферах жизни и деятельности в виде неопределенности жизненных позиций, восприимчивости к негативным влияниям среды и несоответствию поведения нормам и требованиям той системы общественных отношений, в которую молодежь включается; трудностей в семейно-бытовой и профессиональной сферах.

Ключевые слова. Идентичность, психологическое благополучие, трудная жизненная ситуация, социально-психологическая дезадаптация.

Одним из индикаторов качества и уровня жизни человека является его социально-психологическое состояние или, другими словами, психологическое благополучие, важной составляющей которого выступает идентичность.

Идентичность, как самоопределение в социально-групповом пространстве многообразных общностей, осознание и переживание принадлежности к ним, различным национальным, экономическим, профессиональным, религиозным, политическим и другим группам, является результатом воздействия на личность жизненных ситуаций и тех социальных институтов, в которые человек, по мере развития, включен. Это объясняет подвижность и изменчивость идентичности под воздействием жизненных условий.

Согласно концепции В. С. Мухиной: «...идентификация прежде всего обеспечивает усвоение конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе. Кроме того, идентификация содействует развитию таких позитивных качеств, как сопереживание, сорадость, толерантность. Идентификация, имея происхождение из глубин природно обусловленных форм, отождествления внутри вида (особенно у социальных животных), развивается затем как социально-исторический механизм присвоения, отождествления, подчинения и др. Идентификация развивается также и как способ сознательной регуляции развития и бытия конкретного человека как личности» [5, с. 408].

Активная фаза развития идентичности человека разворачивается в процессе социализации на подростковом и юношеском этапах онтогенеза. И если в качестве детерминанты идентичности рассматривать условия жизни человека, то можно сказать, что идентичность, как итог конструирования действительности и отношений в ней, в трудных жизненных условиях искажена. В условиях, где социальные институты (семья, образовательные учреждения и др.) транслируют социальный беспорядок, бездуховность, жестокость, неуверенность в будущем, или система ценностей некоторых членов общества находится в противоречии с общепринятыми в данной культуре традициями жизни, в социальных группах может возникать атмосфера неопределенности, двусмысленности, опасности, а у отдельных личностей – нарушение идентичности.

В Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» к трудным жизненным ситу-

ациям (условиям), объективно нарушающим жизнедеятельность человека, отнесены ситуации, обусловленные инвалидностью; неспособностью к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом и болезнью; сиротством, безнадзорностью, жестоким обращением, малообеспеченностью, безработицей, отсутствием определенного места жительства, одиночеством, потерей близкого человека (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации»).

В статье представлен анализ проявлений идентичности у молодежи, проживающей в условиях сиротства (депривации), являющихся не просто трудными, а скорее экстремальными для человека, поскольку отсутствие возможностей удовлетворять в полной мере врожденные жизненно значимые потребности в принадлежности семье, безопасности, любви, широкого взаимодействия с окружающим миром и др. детерминирует специфическое становление личности с характерным отношением к миру, деятельности, окружающим, себе и недостаточную готовность человека к полноценной жизни и деятельности, что повышает вероятность угрозы его безопасности. Сужение социального поля активности в таких условиях ведет к бедному репертуару социальных умений и навыков, что затрудняет социальное поведение человека на всех ступенях онтогенеза.

Вероятность роста в ближайшем будущем в молодежной популяции неблагоприятных социально-психологических состояний с проявлениями бродяжничества, асоциальности, делинквентности и других стертых проявлений неприспособленности, их сложность, патогенность и стойкость, определяют актуальность и злободневность исследований идентичности, выступающей индикатором психологического благополучия молодежи.

Вследствие нарушений объектных отношений в диаде «Мать-Дитя» и триаде «Отец-Мать-Дитя» в трудных условиях жизни проблемы идентичности обнажаются и обостряются уже в первый год жизни на уровне первичной идентификации «Я» – уровне развития доверия к миру, выступающим эмоционально-когнитивным компонентом идентичности. Доверие к миру, выполняя функцию автономии и самоконтроля, обеспечивает способность человека предвидеть опасность и дискомфорт, противостоять ситуации, угрожающей психологической и телесной целостности [10].

Следствием снижения доверия выступают слабо сформированная картина мира, а также недостаточные умения адекватно оценивать свои качества и возможности, действия и поступки; враждебность, подозрительность, агрессивность, насилие и унижение других (буллинг). А переживания личностью отторгнутости и одиночества в итоге приводят к тяжелым последствиям – неприятию мира и себя в нем, острой депрессии, паранойи и другим расстройствам психического здоровья [1].

В настоящее время широко обсуждается проблема механизмов развития гендерной (половой) идентичности, трактуемой в психологии как «переживание и осознание человеком своей половой принадлежности, физиологических, психологических и социальных особенностей своего пола» и выступающей стержнем психосексуальной сферы личности [4]. Так, М. Раттер одним из последствий воспитания ребенка в условиях проживания с одним родителем противоположного пола описал неполноценность процесса половой идентификации [8].

Нашими исследованиями (И. В. Ярославцева, Ю. В. Василькова) показано, что подросткам, воспитанным вне семьи или в ситуации семейного неблагополучия, свойственно недоразвитие эмоционально-оценочного отношения к своему телу и внешнему виду, доминирование маскулинных черт у девочек и фемининных у мальчиков, несформированность стереотипов мужского и женского поведения, неразвитость представлений о взаимоотношениях полов, в том числе о гендерных ролях в семейных отношениях и в профессиональной деятельности [11; 3]. Описанные выше проявления составляют портрет гендерной дезидентичности, представляющей собой актуальное состояние в виде снижения переживания «Я-целостности» на срезе жизненного пути, и, проявляющееся в противоречиях между самосознанием и поведением человека и требованиями, предъявляемыми к определенной гендерной роли [16].

Искаженный характер идентичности проявляется в системе ценностей молодежи, выступающей механизмом формирования мировоззрения и сознательной регуляции поведения человека. Наиболее важными для молодежи, воспитанной в условиях депривации, выступают материальные ценности. Лишь некоторые из них ориентированы на труд. Часто ими высказываются пожелания иметь хорошую семью и дружных родителей, что вскрывает значимость для этой категории молодежи не прожитого семейного

счастья. Менее предпочтительны такие ценности как творчество, самостоятельность, широта взглядов, совесть, порядочность, долг, ответственность [11; 13]. Искажение процесса становления системы ценностей и часто низкий уровень развития способности к осмыслению содержания нравственных категорий, выявленный у некоторых из молодых людей, во многом объясняют негативные проявления неосознанного ситуативного реагирования, которое при определенных условиях выступает переходным к асоциальному и делинквентному поведению.

Искаженная идентичность нарушает систему отношений молодежи с другими людьми. В наших исследованиях (М. П. Асламова, И. В. Ярославцева) показано снижение толерантности у подростков в виде несдержанности в отношениях с взрослыми, конфликтности со сверстниками, большинство подростков характеризуется выраженными враждебностью и агрессивностью по отношению к людям, обществу [1;13; 14].

А. Г. Рузская и И. В. Дубровина отмечают, что у депривированных младших подростков в основе отношений со взрослыми и товарищами лежит их практическая полезность и нужность [6; 7]. В наших исследованиях выявлено, что у подростков этого и более старшего возраста снижена значимость совместной деятельности (социальность) [1; 11; 13]. При этом социальность разновариантна у подростков: одни из них обособлены, критичны к другим, самостоятельны, другие – свободны в действиях, разделяют интересы группы и участвуют в совместных делах. Однако, сотрудничая с другими людьми, подростки часто проявляют неорганизованность, недобросовестность, непостоянство, что может свидетельствовать о недостаточной сформированности у них самостоятельности и самоконтроля в деятельности.

Важной составляющей идентичности является способность прогнозирования событий своего настоящего и будущего, что необходимо для выстраивания молодыми людьми оптимальной жизненной стратегии

В связи с признанием научной общественностью факта влияния на процесс принятия решений и поведение человека в настоящем его прошлого опыта и планов на будущее, сегодня возрастает актуальность проблемы временной перспективы личности, рассматриваемой исследователями в качестве динамического взгляда субъекта на его прошлое и будущее (К. Левин, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, К. А. Абульханова-Славская и др.).

Активное осознание своей настоящей жизни, усиление ориентации в будущее, определение типа направленности временной перспективы происходит в подростковом возрасте. У подростков, живущих в трудных условиях, временная перспектива, искажена.

Прошлое всегда присутствует в жизни человека в альбомах фотографий, интерьере квартиры, семейных традициях, разговорах с близкими. У депривированной молодежи скудные воспоминания о семье, при ее идеализации, прошлое представлено негативными переживаниями, отрицательной оценкой большинства событий [16].

Отсутствие четких представлений о своем прошлом препятствует становлению взглядов на будущее, они нереалистичны и мало осознаваемы. При сравнительном анализе проявлений временной перспективы подростков, воспитывающихся вне семьи и в полных (условно благополучных) семьях, было обнаружено, что временная перспектива у последних значительно глубже. Если для них характерно большое количество мотивов, реализация которых связана с отдаленным будущим (поступление в институт, создание семьи, достижение успехов в профессиональной деятельности), то у депривированных подростков преобладают мотивы сегодняшнего дня или ближайшего будущего (просмотр фильма, посещение спортивной секции, выполнение контрольной работы). Для подростков из семей характерно большое количество мотивов, реализация которых связана с конкретными планами и часто с четкими временными рамками, временная перспектива депривированных подростков недостаточно построена, представлена желаниями счастья, успеха и не отражается в конкретных целях. Менее выражена у депривированных подростков профессиональная перспектива, являющаяся важной частью целостной временной перспективы будущего. Исследованиями Н. Н. Толстых показано, что их профессиональная перспектива относится лишь к периоду актуальной жизнедеятельности и самого ближайшего будущего [6; 7]. Можно сказать, что мотивы отдаленной перспективы у депривированных подростков практически не выражены [16].

Депривированные подростки больше живут в настоящем. При этом у них слабо выражена осознанность, осмысленность настоящей жизни. Они не имеют чётких целей и намерений, придающих жизни направленность, их характеризует отсутствие стремлений к успеху, ориентированность на удовольствия и получение наслаждений

Таким образом, у молодежи, воспитанной в трудных условиях жизни, в большинстве случаев отсутствует ответственное отношение к времени собственной жизни. Молодые люди воспринимают свою жизнь, свое будущее как неизбежность, на которую у них нет возможности влиять, и перекладывают ответственность на других людей или на судьбу.

Говоря о профессиональной идентичности, нужно отметить, что в условиях сужения социального поля активности молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, наблюдается нарушение процессов как социального, так и профессионального самоопределения, что выражается в трудностях определения своего места в социальной и профессиональной группах. Профессиональный выбор депривированного подростка ограничен недостаточной свободой выбора и малыми возможностями самостоятельного принятия решения в отношении профессии, а также региональными и локальными условиями и отличается низким или очень низким уровнем профессиональной ориентированности [16].

Развитие социальной и профессиональной идентичности сопровождается становлением социально-психологической зрелости и готовности к самостоятельной жизни. Исследованиями И. В. Ярославцевой [1; 11–13; 15], Г. В. Семьи [9], В. С. Басюка [2] показан низкий уровень психологической готовности к самостоятельной жизни и деятельности депривированной молодежи, что проявляется в недостаточности сознательности, умений общаться в стандартных ситуациях, межличностной коммуникабельности и способностей организовывать досуговую деятельность, плохой ориентации в жизненных ситуациях и др.

Морально-волевая готовность к самостоятельной жизни как самостоятельное проявление активности личности в виде развитых самостоятельности при принятии решений и ответственности за них, саморегуляции поведения, эмпатии; адекватного уровня самооценки; устойчивого эмоционального фона и стрессоустойчивости, нормативности поведения у депривированной молодежи также недостаточно развита [16].

Подводя итог, подчеркнем, что идентичность, как механизм осознания себя субъектом, позволяющий намеренно регулировать процессы жизни и деятельности, у молодежи, воспитанной в трудной жизненной ситуации, недостаточно развита. В большинстве случаев недостаточность развития идентичности обнажается и

обостряется во взрослой жизни и проявляется в психологическом неблагополучии в виде социально-психологической дезадаптации в разных сферах жизни и деятельности. Дезадаптированность может состоять в снижении здоровья; неопределенности жизненных позиций, восприимчивости к негативным влияниям среды и несответствии поведения нормам и требованиям той системы общественных отношений, в которую молодежь включается; трудностях в семейно-бытовой и профессиональной сферах. Для снижения рисков возникновения неблагоприятных социально-психологических состояний специалисты должны владеть современным знанием и эффективными технологиями развития психического потенциала молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асламова М. П. Особенности базового доверия к миру подростков, воспитанных в условиях депривации / М. П. Асламова, И. В. Ярославцева // Проблемы теории и практики современной психологии : XI ежегод. всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар участием : тез. докл. / ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2012. С. 256–258.
2. Басюк В. С. Психолого-педагогическое сопровождение как условие компенсирования состояния психической депривации у детей-сирот : монография. М. : Прометей МГПУ, 2007. 240 с.
3. Василькова Ю. В. Гендерная идентичность и ее коррекция у депривированных подростков в образовательном пространстве детского дома : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2006. 20 с.
4. Исаев Д. Н. Психосоматическая медицина детского возраста. СПб. : Спец. лит., 1996. 454 с.
5. Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург: ИнтелФлай, 2007. 1072 с
6. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. 2-е изд. СПб. : Питер, 2005. 400 с.
7. Психическое развитие воспитанников детского дома / под ред. И. В. Дубровиной, А. Г. Рузской. М. : Педагогика, 1990. 264 с.
8. Раттер М. Помощь трудным детям: пер. с англ. М. : Прогресс, 1987. 420 с.
9. Семья Г. В. Основы психологической защищенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Развитие личности. 2004. № 1. С. 71–86.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 340 с.
11. Ярославцева И. В. Психология депривированного подростка. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000. 121 с.
12. Ярославцева И. В. Депривированный подросток: личностный и психофизиологический потенциал адаптации // Дефектология. 2002. № 5. С. 28–32.
13. Ярославцева И. В. Депривированный подросток: личностные и психофизиологические особенности развития : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 35 с.
14. Ярославцева И. В. Специфика иррегулярного развития депривированного подростка // Развитие личности. М., 2004. № 4. С. 137–140.
15. Ярославцева И. В. К вопросу о психологическом механизме депривированного развития // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. 2012. Т. 1, № 1. С. 93–100
16. Ярославцева И. В. Психическая депривация в детском и подростковом возрасте: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2014. 190 с.

Identity as an indicator of psychological well-being of young people in difficult life situations

Yaroslavtseva I. V.

Abstract. The manifestations of identity as an indicator of the socio-psychological state of young people living in difficult living conditions (orphanhood) are discussed. The presented scientific materials show that the development of identity is violated already in the phase of primary identification of "I", characteristic changes are observed in the development of personal, gender, social, professional identity. It is noted that in most cases, the lack of identity development manifests itself in psychological distress and entails socio-psychological maladjustment of young people in different spheres of life and activity in the form of uncertainty of life positions, susceptibility to negative environmental influences and behavior inconsistency with the norms and requirements of the system of social relations in which young people are involved; difficulties in the family, household and professional spheres.

Keyword: Identity, psychological well-being, difficult life situation, social and psychological maladjustment.

Экономическая социализация и отношение к деньгам у старшеклассников

Иванова Е. А., Вахромеев В. Ю.

г. Иркутск, Россия

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ

*«Экономический патриотизм как объект междисциплинарного исследования в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)»
(2018–2020 гг.)*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса экономической социализации и ее результаты. Анализируются некоторые характеристики экономического поведения старшеклассников г. Иркутска, сравниваются результаты исследования отношения к деньгам у старшеклассников в 2005 и в 2019 гг.

Ключевые слова: экономическая социализация, отношение к деньгам.

Формирование отношения человека к деньгам происходит в процессе экономической социализации, т. е. при освоении норм и образцов поведения, дающих человеку возможность эффективно действовать в экономических структурах, вступать в различные экономические отношения с другими людьми. При этом, экономическая социализация, как и любая другая, выступает для современного человека прежде всего как *процесс выбора* образа мышления и поведения, который будет наиболее адекватным сложившейся ситуации. Социализация сегодня – это не подражание или копирование, а поисковые действия по принятию наиболее разумного и выверенного решения.

Опираясь на исследования О. С. Дейнеко, Ж. А. Жилиной, можно выделить следующие составляющие экономической социализации:

- когнитивная: отражает сформированность экономических представлений (низкий уровень сформированности: отсутствие представлений об основных экономических явлениях или фрагментарные представления, основанные на выделении несущественных качеств; средний уровень: наличие представлений об отдельных экономических явлениях, основанные на конкретных проявлениях, а также на функциональных или содержательных особенностях данных явлений; низкий уровень: наличие экономических представлений, основанных на понимании сущности, содержательных и функциональных особенностей экономических явлений);

- аффективная: представляет собой эмоционально окрашенное отношение индивида к экономической действительности (отношение к бедности, частной собственности и т. д.);

- конативная: характеризуется наличием различных форм экономического поведения [4, с. 13–25].

Эффективная экономическая социализация предполагает по меньшей мере следующую совокупность знаний, умений и практических навыков:

- понимание, прежде всего в житейском плане, основных стратегических и тактических целей и ценностей, к которым стремится современная экономика;

- освоение психолого-экономического содержания понятий и терминов, которые наиболее часто встречаются в его повседневной практике, но которые он в силу субъективных и объективных причин не может усвоить в экономико-теоретическом плане (реклама, кредит, дебит и т. п.);

- понимание того, какие его личностные характеристики в наибольшей степени будут, с одной стороны, востребованы современной экономикой, а с другой, внесут успешность в его личную деятельность;

- диагностика своих лучших конкретных качеств, свойств, способностей, которые лягут в основу его профессионального самоопределения;

- осознание общих требований, которые современные производственные и коммерческие организации предъявляют к своим сотрудникам и которые обеспечат его быструю и эффективную адаптацию в данных организациях;

- знание тех особенностей и потенциалов личности, которые позволяют быть не просто исполнителем в экономических структурах, а занимать в них лидерские позиции;

- освоение основ делового общения, межличностной и межэтнической коммуникации, обеспечивающих успешность в контактах с другими людьми.

Экономическая социализация зачастую базируется на нормах, знаниях, традициях и предписаниях, принятых в данной стране, в данном сообществе, поэтому она органично включена в процесс общего формирования гражданской и патриотической идентичности человека. А. Д. Карнышев и др. в своих исследованиях показывают, что эффективная экономическая социализация, способствуя полной социальной адаптации человека к обществу, способствует укреплению его патриотической позиции, развития у него чувства сопричастности истории, культуре и экономике именно своей страны [5, 10].

О. С. Дейнека приводит интересные обобщения психолога Б. Стаси, который выделяет примерные этапы экономической социализации детей: в 4–6 лет – элементарные понятия о деньгах и покупках; в 6–8 лет – развитие понятия о денежной системе и осознание взаимосвязей между деньгами и работой как их источником; в 7–9 лет – понимание ценности денег, получение нерасчлененного представления о богатстве и бедности и социоэкономических различиях; в 10–12 лет – более дифференцированное экономическое понимание, способность строить экономические отношения, исходя из функциональных соображений; в 13–15 лет – приближение к взрослым в знании об экономических отношениях, осознание социально – экономического неравенства и положения собственной семьи в социальной структуре [см. 2, с. 50].

Ещё одну типологию стадий экономической социализации сформулировали американские исследователи, проводившие интервью с 720 детьми и подростками. Темой исследования было восприятие детьми богатых людей по сравнению с бедными, а также объяснение такого социального неравенства. Результаты показывают, что развитие экономических представлений проходит три

основные стадии: периферическую, психологическую и систематическую. В 6–11 лет дети имеют периферические представления о социальном неравенстве: они описывают людей, находящихся на разных уровнях социоэкономической иерархии, с точки зрения владения материальной собственностью (или недостатка таковой), их внешнего вида и поведения. В 11–14 лет наблюдается явный сдвиг к психологическим, индивидуалистическим представлениям о социальном неравенстве: члены различных социоэкономических классов описываются в плане их относительно стабильных психологических качеств. Неравенство объясняется различиями в работе, образовании, усилиях и интеллекте. Другими словами, «богатый» и «бедный» рассматриваются как различные классы людей. В возрасте 14–17 лет начинают появляться социоцентрические представления, такие, как различия в жизненной судьбе. Однако индивидуалистические объяснения продолжают доминировать в подростковом возрасте [см. 3, с. 29].

Можно выделить два очень значимых вопроса при рассмотрении отношения людей к деньгам: во-первых, деньги имеют значение для всех людей: во-вторых, наличие/отсутствие денег часто сказывается на социальном и психологическом самочувствии человека.

Если обратиться к первому вопросу, то в обыденном понимании деньги:

1. Все другие «объекты» собственности и потребности, что я на них могу купить, и что станет «моим».

2. Это возможные прибыли, которые я могу получить, вложив деньги в какие – то предприятия и объекты.

3. Это нужные мне люди, которые за деньги сделают для меня то, что хочется.

4. Это безгранично расширяющиеся для меня дали пространства и времени, в которых можно заявить о собственном «я».

5. Это – чувство свободы, которое я могу ощущать, даже будучи ограниченным и стесненным в своем собственном поведении. Ф. М. Достоевский в «Записках из мертвого дома» писал: «Деньги есть чеканная свобода, а потому для человека, лишенного совершенно свободы, они дороже вдесятеро».

6. И в связи с другими причинами – это чувство моего собственного достоинства, растущее вместе с умением «делать» деньги и увеличивать их массу.

7. Наконец, последнее, – наличие значительной суммы денег для окружающих меня людей будет мерилом моего успеха (т. е. способностей и дарований), моих достижений и соответственно показателем моего социального статуса.

Этот перечень, естественно, может быть дополнен и расширен различного рода частностями.

Отечественные психологи, работающие в области экономической психологии, вслед за коллегами из других стран приводят интересные примеры денежных типов личности. Опираясь на зарубежные исследования, О. С. Дейнека показывает следующие типы [2, с. 62]:

«Скряга» копит деньги, что само по себе является увлекательным для него. Он часто испытывает страх потери (денег, вещей, запасов, ресурсов, фондов) и страх недоверия к нему со стороны окружающих. Скряга испытывает удовольствие не от денег как блага, а от защищённости с помощью денег.

«Транжир» демонстрирует компульсивное (навязчивое) и бесконтрольное поведение в отношении своих расходов, особенно в момент депрессии, ощущения своей незначительности и чувства отверженности. Тратоголизм – его короткоживущая отдушина, которая в итоге приводит к чувству вины.

«Денежный мешок» полностью захвачен зарабатыванием денег, которые рассматриваются как лучший способ добиться могущественного статуса и одобрения окружающих. Он уверен, что чем больше денег он имеет, тем больше возможность управлять окружающим миром, и тем больше он будет счастлив.

«Торгаш» навязчиво охотится за дешёвкой, даже если она ему не нужна, потому что получение вещей за меньшие деньги обеспечивает ему чувство превосходства. Он чувствует себя раздражённым и подавленным, если ему приходится платить ту цену, которую спрашивают.

«Игрок» чувствует себя бодрым и оптимистичным, принимая вызов. Ощущения власти, которое приносит выигрыш, и его ожидание компенсирует риски проигрыша, а остановка в цепи поражений и побед воспринимается как жизненное затруднение».

Авторы монографии «Экономическая психология» дополняют и конкретизируют данную классификацию некоторыми другими типами личностей [9, с. 211–212].

«Коллекционер». Деньги представляют ценность как предмет искусства. Хорошо понимает их стоимость в этом смысле. По типу деятельности ближе всего к «торгашу». По профессии может быть кем угодно, нередко коллекционирование становится основным занятием.

«Абстракционист» безразличен к деньгам, накоплению, покупкам. Охотно поручает распоряжаться заработанными деньгами близким людям, высвобождая время для работы. Часто встречается среди работников творческого труда.

«Конкретик» – человек, для которого деньги представляют вполне осознанную и определённую ценность. Недостаток денег воспринимают трагически. Придерживается этики вещизма и накопительства.

«Завистник» завистлив и неприязнен к преуспевающим людям, не способен взять на себя ответственность за свои неудачи. В случае денежной удачи кичлив к тем, кто имеет меньше денег.

«Паразит» готов жить на подачки, не несёт ответственности ни за кого и ни за что. Представитель социальных низов.

«Фальшивомонетчик». Ярко выраженная склонность получения выгоды путём обмана. Не обязательно богатый человек».

Б. А. Райзберг, основываясь на отечественных и зарубежных концепциях, дополняет классификацию еще некоторыми типами личностей, характеризующихся их денежной психологией:

«Накопитель» – видит в деньгах источник богатства, символ устойчивости;

«Искатель выгоды» – считает главным мотивом получение выгоды, дохода, прибыли;

«Денежный флегматик» – относится к деньгам безучастно, безразлично, рассматривает их как средство платежа;

«Денежный паразит» – готов любыми путями получать деньги, не прибегая к их зарабатыванию и не ограничиваясь законными доходами [см. 7, с. 159–160].

Приведённые типологии показывают, что отношение к деньгам может быть самым разнообразным, раскрывая определённые психологические особенности людей. Но не трудно заметить, что любой из названных типов раскрывает лишь какую-то одну сторону личностного подхода к значению и использованию денег. Это происходит потому, что часто типологии в зарубежной науке строятся на основе клинического анализа неврозов, связанных с

такими формами поведения, как оплата налогов, составление завещания, накопление, использование кредитных карт и т. п. Реальное использование денег в качестве универсального вида собственности порой остаётся вне поля зрения исследователей.

Деньги, как мы уже отметили, связаны с повседневным «самочувствием» личности. При этом данная связь, по-видимому, ни в какой мере не может быть определена односторонне. Исследования, проведенные в последние годы в зарубежных странах, показывают обоснованность существующих утверждений о взаимосвязанности жизненных целей и уровня материальной обеспеченности. Так, в ответах американцев на 13 вопросов об их удовлетворенности жизнью, оказалось, что менее всего они довольствуются суммой денег, на которые приходится жить. На вопрос: «Что бы сделало вашу жизнь лучше?» самым частым в ходе национального вопроса Мичиганского университета были ответы «большее количество денег». Данные тенденции наблюдаются и у учащейся молодежи США. Число молодых людей, согласившихся с тем, что самой главной причиной поступления в колледж для них является «заработать в будущем побольше денег» возросло с половины числа опрошенных в 1971 году до трех четвертей в 1997 г. А доля юношей и девушек, считающих «очень важным или существенным» то, что они станут хорошо обеспеченными материально, возросло с 39 % в 1970 г. до 75 % в 1997-м. Из 19 перечисленных целей эта стала первоочередной, за ней следовали: «стать авторитетным специалистом в избранной области», «помогать другим» и «прокормить свою семью» [8, с. 476–477].

Думается, что материалы данных исследований для отечественной практики важны в двух аналогичных аспектах. Во-первых, тенденция роста значения денег и стремления к ним безусловно существует и в нашем обществе, особенно для молодежи. Мотивы денег и собственности становятся преобладающими как во всех формах экономического поведения, так и при подготовке к нему: выборе и получении профессии, повышении квалификации и т. п. Во-вторых, психологичное самочувствие, «чувство счастья» у наших граждан, как и за рубежом, достаточно часто предопределяется «весом кошелька» или размерами собственного дома и машины. Хотя, к счастью, важность денег для собственной жизни многие граждане понимают адекватно, не преувеличивая их значение.

Немаловажные моменты практики социализации – это выявление того, как дети «зарабатывают» деньги и как они их тратят. Возможными формами зарабатывания могут быть: заработки посредством труда, экономия средств, торговля (перепродажа продуктов и вещей, полученных от оптовиков); прямое и косвенное иждивенчество; получение денег в качестве подарков; «лояльные» формы рэкета; жульничество; участие в различного рода оплачиваемых и неоплачиваемых конкурсах; асоциальные формы (воровство, вымогательство, работа в теневых структурах и т. п.).

Мы провели 2 исследования: в 2005 и в 2019 гг. среди старшеклассников г. Иркутска [6]. Отвечая на вопрос: «Если Вам удастся накапливать средства, то каким образом, чаще всего, Вы это делаете?» респонденты показали следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос о способах получения денег у школьников в 2005 и в 2019 гг. (%)

	Ответы в 2005 г.	Ответы в 2019 г.
1. Дают деньги родители и близкие родственники	81,0	91,7
2. Зарабатываю, трудясь вне семьи	35,6	37,5
3. Экономлю на покупке вещей	32,2	50,0
4. Экономлю на питании	27,0	41,7
5. Зарабатываю, трудясь в семье	10,9	16,7

Таким образом, способы зарабатывания детьми и юношами денег самые разнообразные и практически «репрезентируют» все сферы экономической деятельности взрослых, только в более скромных масштабах.

На вопрос о том, какие качества родители старались развить у детей в вопросе отношения к деньгам, и какие результаты проявились к настоящему времени, мы получили следующие ответы от старшеклассников в 2019 г. (табл. 2).

Достаточно сложный экономический период, который длится в России и в мире уже несколько лет, привел к тому, что старшеклассники имеют свое представление о том, как им в дальнейшем добиться успешного материального положения (табл. 3). Печально, что, как и их взрослые родственники, прежде всего, молодежь думает об экономии.

Таблица 2

Ответы на вопрос о качествах, которые родители старались воспитывать у детей, и которые дети наблюдают в себе (исследование 2019 г.) (%)

Качества	Мои родители старались, чтобы я имел следующие качества в плане экономического поведения:	В свою очередь, я сегодня отличаюсь следующими качествами:
1. Умение копить деньги	66,7	66,7
2. Умение тратить деньги	66,7	62,5
3. Способность разбираться в технологиях получения денег	41,7	25,0
4. Умение добиваться достойной оплаты моего труда	70,8	20,8
5. Желание никогда не брать кредиты	50,0	41,7
6. Умение распределять деньги на очень долгое время	54,2	62,5
7. Готовность покупать только качественные вещи, чтобы потом не переплачивать	41,7	54,2
8. Умение щедро делиться деньгами и ценностями с членами моей семьи	29,2	20,8
9. Умение щедро делиться деньгами и ценностями с друзьями	12,5	16,7

Таблица 3

Ответы на вопрос о предпочитаемых способах улучшения материального положения, которые знают старшеклассники (исследование 2019 г.) (%)

Способы улучшить свое материальное положение	%
1) Только постоянно работая на одной работе, поднимаясь по служебной лестнице	33,3
2) Найдя, кроме работы, несколько подработок	33,3
3) Очень внимательным контролем своих расходов	66,7
4) Только имея щедрых родителей и других родственников	12,5
5) Имея широкие связи, влиятельных друзей	50,0
6) Научившись зарабатывать в Интернете	37,5
7) Найдя супругу (супруга) с высоким доходом или связями	33,3
8) Научившись играть на бирже	12,5
9) Верю в удачу, жду, когда выиграю в лотерею	4,2
10) Не верю во все способы, это непредсказуемо	4,2

Конечно, имеющиеся в распоряжении молодых людей деньги в основном тратятся на разного рода развлечения – удовольствия, подарки, покупку желанных вещей, необходимых гаджетов и т. п. (данные исследования 2019 г.):

- 1) На одежду и гаджеты – 50 %
- 2) На отдых и времяпрепровождение с друзьями – 54,2 %
- 3) На свои интересы (новые книги, музыку, игры) – 41,7 %
- 4) На интересные покупки в Интернете – 29,2 %
- 5) На свое образование – 37,5 %
- 6) На поддержание своей красоты – 33,3 %
- 7) На спорт – 33,3 %
- 8) Не трачу, так как откладываю деньги на будущее – 8,3 %
- 9) Не трачу, так как совершенно нечего тратить – 16,7 %.

Можно сказать, что потребительское поведение в детском и юношеском возрасте максимально эгоистично и направлено на реализацию прихотей своего «я» и близких для индивида людей. Социально значимые расходы и, особенно, сбережения практически незначительны.

Все это говорит о том, что проблема отношения к деньгам у российской молодежи нуждается в тщательном изучении, с целью более эффективного и скоординированного влияния на повышение роли материальных средств в социальном становлении молодежи. Зарботки молодых людей, их умения и навыки заставить деньги работать на себя точно так же, как и на западе, должны стать не эпизодами, а системой. Адекватно надо подходить к «тратам» подрастающего поколения, ненавязчиво подсказывая их разумность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина И. В. Поведение потребителей : учеб. пособие для вузов. М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. 384 с.
2. Дейнека О. С. Экономическая психология. Социально-политические проблемы. СПб. : СПбГУ, 1999. 240 с.
3. Диттмар Х. Экономические представления подростков // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 25–35.
4. Жилина, Ж. А. Психическая регуляция экономической социализации детей старшего дошкольного возраста. Владимир, 2003. 23 с.
5. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М. : Изд-во ИП РАН, 2017.
6. Карнышев, А. Д., Винокуров М. А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2010. 480 с.
7. Майерс Д. Социальная психология. СПб: Питер, 1999. 520 с.
8. Райзберг Б. А. Психологическая экономика. М. : ИНФРА-М, 2005. 432 с.
9. Экономическая психология: социокультурный подход / под ред. И. В. Андреевой. СПб. : Питер, 2000. 511 с.
10. . Karnyshev A., Karnysheva O., Ivanova E., Gritskikh N. Patriotic attitudes impact on interethnic contacts of national identity and self-assessment // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Tomsk : SibIzdatServis, 2019. P. 882–887.

Abstract. The article discusses the features of the process of economic socialization and its results. Some characteristics of economic behavior of senior pupils of Irkutsk are analyzed, results of research of the relation to money at senior pupils in 2005 and in 2019 are compared.

Keywords: economic socialization, attitude to money.

Компетенции цифрового будущего и нравственные ценности

Мурзина Ю. С.

г. Тюмень, Россия

Аннотация. Наше общество находится на пороге кардинальных изменений: трансформации не только социального, но и физического пространства в жизни. Развитие технологий и решение проблем внешнего мира приводит к тому, что вызовы и угрозы все больше исходят от самого человека. Значимое внимание на государственном уровне уделяется профессиональным навыкам человека Будущего («Атлас новых профессий»). Однако из рассмотрения теряется ценностно-смысловая сфера личности. Вместе с тем ценности являются способом проектирования реальной жизни людей и их устремлений. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года не дает ожидаемых результатов и ее показатели негласны. В статье обсуждается возможность консолидации усилий всех заинтересованных сторон, в том числе и вузов в рамках «Стратегии развития воспитания» с опорой на духовно-нравственных ценностях.

Ключевые слова: Навыки будущего, новые секторы занятости, Стратегия развития воспитания, базовые национальные ценности.

Сегодня наше общество переживает кардинальные изменения привычного уклада образа жизни – новые технологии пронизывают нашу повседневность, а экономика входит в эпоху новой индустриальной революции 4.0. Как прогнозируют эксперты, изменения коснутся не только внешних условий существования (инфраструктуры городов, технологий, материалов и т. д.), но и биологической природы самого человека (внутренних органов, генома человека). Поэтому в зоне столь высокой неопределенности и турбулентности, нам представляется принципиально важным поставить вопрос о нравственных основах Человека будущего. Какие должны быть ценностные основы поведения, чтобы грядущие изменения не стали фатальными для всего человечества.

В материалах доклада «Навыки будущего», который суммирует многолетнюю совместную работу компании «Global Education

Futures» и WorldSkills Russia описываются глобальные тренды будущих изменений: Цифровизация всех сфер жизни, Автоматизация и роботизация, Глобализация (экономическая, технологическая и культурная), Экологизация производства и образа жизни, Демографические изменения, Становление сетевого общества. Все перечисленные трансформации происходят под влиянием одного общего метатренда – возрастающей скорости изменений. Таким образом, новые технологические решения и социальные практики возникают все быстрее [5].

Вместе с тем развитие технологий всё больше направлено на вызовы, порожаемые самим человеком. На протяжении многих веков наше общество, прежде всего, решало внешние проблемы: защита от холода, обеспечение водой и пропитанием, завоевание пространства, поиск лекарств от смертельных болезней. Все это позволило уменьшить внешние угрозы и создать «искусственную среду». Однако каждое технологическое решение давало усложнение внутренних проблем. Эту положительную обратную взаимосвязь можно назвать «петлей самоусиления» (рис.) [5].

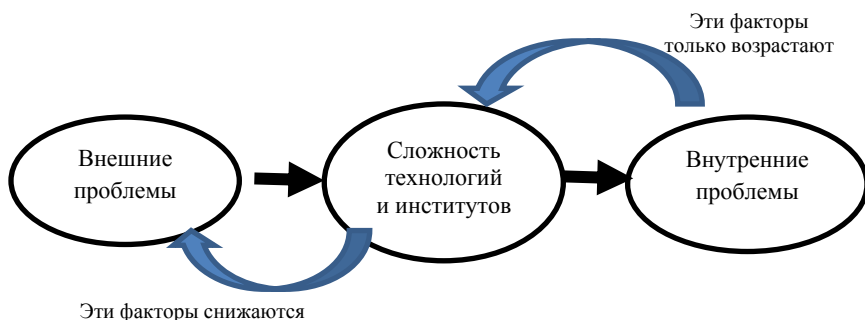

Рис. Логика эволюции систем человеческого общества

Поэтому в начале XXI в. главной угрозой человечеству и даже жизни на Земле стал сам человек. С каждым витком фактор внешней среды уменьшается, но фактор внутренних проблем возрастает. Чтобы справиться с растущими сложностями, системе необходимо совершить эволюционный переход.

По оценкам оксфордских исследователей из Martin School's Programme on the Impacts of Future Technology, в течение ближайших двадцати лет до 45 % существующих рабочих мест в развитых

странах будут заменены роботами и компьютерными программами [2]. Это достаточно тревожный прогноз, потому что он планирует изменение традиционных отраслей занятости населения (вплоть до полной ликвидации некоторых). Такие изменения предполагают, что на уровне государства придется решать вопрос о создании новых (искусственных) рабочих мест и новых отраслей. И такие прогнозы уже существуют...

Согласно прогнозам компании Global Education Futures новыми секторами занятости станут: креативная экономика, киберэкономика, человекоориентированные сервисы, новый технологический сектор, экологическая сфера [5]. В то же время, стратегическая программа развития РФ «Национальная технологическая инициатива» выделяет девять интернет-сегментов – будущих перспективных отраслей развития: «Аэронет», «Автонет», «Нейронет», «Маринет», «Энерджинет», «Хелснет», «Сейфнет», «Фуднет», «Финнет» [6]. Поэтому изменение структуры рынка занятости населения, не оставит совсем людей без работы, но они будут должны заниматься такой работой, которую искусственный интеллект или роботы выполнять будут не в состоянии.

Таким образом, понимание глобальных мировых трендов актуализирует тему «внутренних проблем» человека и задает вектор изменения системы образования в соответствии с стратегическими отраслями занятости будущего. Университеты должны стать драйверами такого изменения – инициаторами трансформации...

Чему нужно учить современных студентов, чтобы они соответствовали требованиям новой индустриальной революции? Какие компетенции будут востребованы в новом цифровом мире?

Как прогнозируют эксперты, творческой работы станет больше – как следствие, способность к художественному творчеству из удела одиночек-творцов будет становиться массовым явлением. И все больше профессий будет связано с совместной деятельностью в группах – люди меньше будут работать с механизмами и больше – с другими людьми. Поэтому одним из важных (и повсеместно распространенных) умений станет навык организации работы с отдельными людьми и коллективами [2].

Для организации обучения с учётом изменений, происходящих в XXI веке, специалисты Global Education Futures предлагают использовать четырехслойную модель навыков, которая будет включать в себя следующие уровни:

1) контекстные/узкоспециальные навыки – жесткие навыки, которые применяются в конкретном контексте: профессиональные навыки (программирование), физические навыки (вождение машины) или социальные навыки (видеоблогинг);

2) кроссконтекстные навыки – навыки, которые могут быть применимы в более широких сферах социальной или личной деятельности: навыки чтения, письма, тайм-менеджмента, навыки работы в команде;

3) метанавыки – различные режимы управления объектами в нашем разуме или в физическом мире, близкие к тому, что Говард Гарднер называл «множественными интеллектами» или «модальностями интеллекта», от логико-математического до телесно-кинестетического и межличностного;

4) экзистенциальные навыки – они могут быть универсально применимы на протяжении всей жизни и в различных жизненных контекстах личности: способность ставить цели и достигать их (сила воли), саморефлексия, способность учиться/разучиваться/переучиваться (саморазвитие).

Согласно авторской концепции «Матрешку навыков» нужно собирать в обратном порядке: в основе – экзистенциальные навыки и метанавыки, далее – кроссконтекстные и контекстные навыки [5, с. 144–145].

Другой интересный подход к формированию человека будущего предлагает «Атлас новых профессий». В результате многих форсайт-сессий были сформулированы «Надпрофессиональные навыки», которые отмечались работодателями как наиболее важные для работников будущего: мультиязычность и мультикультурность, навыки межотраслевой коммуникации, клиентоориентированность, умение управлять проектами и процессами, работа в режиме высокой неопределенности; способность к художественному творчеству; программирование ИТ-решений, работа с искусственным интеллектом; умение работать с коллективами, группами и отдельными людьми; системное мышление; бережливое производство; экологическое мышление [2, с. 15].

Обозначенные надпрофессиональные навыки уже сегодня должны включаться в систему обучения на всех уровнях, так как они будут востребованы в любой сфере труда. Особенно стоит обратить внимание на экзистенциальные навыки, поскольку они закладывают фундамент характера человека будущего. Вместе с тем

в рассмотренных моделях не представлено ценностно-смысловое измерение в образ Человека будущего. Согласно представленным концепциям, в итоге мы получаем «Человека-делателя», который обладает перечнем навыков... но не имеет своего отношения. Для каких целей он будет использовать полученные умения? Кем будут продиктованы эти цели? Что станет основой его системы оценки? В связи с этим мы считаем необходимым дополнить представленные выше модели Человека будущего системой духовно-нравственных ценностей. Этот вопрос представляется принципиальным, в силу представленного выше тезиса того, о том, что решение внешних проблем усиливает внутренние проблемы.

Остановимся поподробнее на вопросе нравственных ценностей Человека будущего. Ценности – это форма универсального проектирования реальной жизни людей и их устремлений в будущее. Каждое общество, так же как и отдельный его индивид, на всех этапах своего существования выбирает между этими ориентирами. Жизненный выбор тех или иных ценностей задает социальную реальность. Каким будет наш выбор на пороге вхождения в новую цифровую эпоху? Какова на сегодняшний день Государственная политика в этой области?

Как указано в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. » приоритетами государственной политики в области воспитания являются «формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России». Духовное и нравственное воспитание предполагается реализовывать на основе традиционных российских ценностей через развитие нравственных чувств (чести, долга, справедливости, милосердия); формирование нравственной позиции в поведении, развитие сопереживания и формирование позитивных жизненных ориентиров и планов [8]. С нашей точки зрения, «Стратегия развития воспитания» очень своевременный нормативный акт, так как дает «стартовую точку» профильным Министерствам и региональным властям для дальнейшей работы в сфере духовно-нравственного развития подрастающего поколения.

Для реализации «Стратегии развития воспитания» Министерство образования и науки было назначено как ответственный исполнитель по всем пунктам документа. Вместе с тем в отчете Правительства «Основные результаты работы Министерства образо-

вания и науки за 2012–2017 гг.» (от 11.04.2018) не содержится каких-либо показателей, дающих понимание о том, как движется работа в этом направлении [7]. Внутри Минобрнауки ответственной структурой за работу по «Стратегии развития воспитания» является Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи. Наше пристальное изучение сайта этого Департамента не дало никакой информации о реализации обсуждаемой Стратегии. Тем не менее это публичная открытая организации, которая должна освещать свою деятельность в Интернет пространстве. В связи с этим, мы можем констатировать либо информационный вакуум, либо отсутствие работ по реализации Стратегии.

В то же время педагогическое сообщество страны уже давно начало подобную работу на местах, чувствуя ее актуальность. Как указывает Гладко М. [3], в нашем обществе прослеживается духовная дезинтеграция, девальвация системы ценностей и отсутствие четких ориентиров в жизни у молодежи. Поэтому в 2009 г. (за 6 лет до «Стратегии развития воспитания») в свет вышла Концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников. В ней четко определяется, что базовые «национальные ценности – это основные моральные ценности, приоритетные нравственные установки, существующие в культурных, семейных, социально-исторических, религиозных традициях многонационального народа Российской Федерации, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях» [4].

В качестве базовых национальных ценностей в Концепции прописываются: патриотизм, социальная солидарность (свобода личная и национальная, доверие к людям, милосердие, честь, достоинство), гражданственность (служение Отечеству, закон и правопорядок), семья (любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям), труд и творчество, наука (ценность знания, стремление к истине), традиционные российские религии, формируемые на основе межконфессионального диалога; искусство и литература (красота, гармония, духовный мир человека), природа (родная земля, экологическое сознание), человечество (мир во всем мире, многообразие культур и народов, международное сотрудничество) [4].

Перечисленные в Концепции ценности содержательно очень близки к ценностям, обозначенным как основа российской идентичности председателем Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества протоиереем В. Чаплиным: Справедливость, Свобода. Солидарность Соборность, Самоограничение и жертвенность, Патриотизм, Благо человека, Семейные традиции [1]. Нам представляется совершенно закономерным, что светские ценности Концепции школьного воспитания содержательно близки религиозным ценностям основы российской идентичности.

Проведенный нами экспресс-опрос психологов СОШ г. Тюмени показал, что с Концепцией духовно-нравственного воспитания российских школьников они знакомы. Но целенаправленной работы по ее реализации в городе не проводится. Все зависит от инициативы директора конкретной школы, его личной позиции. В качестве положительного примера подобной работы по духовно-нравственному воспитанию школьников мы можем привести СОШ № 70 г. Тюмени, где на систематической основе проводятся воспитательные мероприятия (годовой цикл праздников, проектов, походов, клубных программ, ежеквартальные встречи директора школы с родителями и др.). Эта тема хорошо отражена в книге директора школы Л. Н. Русаковой «Сказки об умной, доброй и красивой школе» [9].

Таким образом, воспринимая ценности как форму универсального проектирования реальной жизни и будущих событий, мы не должны терять из вида духовно-нравственное воспитание молодежи. К сожалению, рассмотренная нами Концепция не распространяется на систему высшего образования, хотя вузы являются таким же важным институтом социализации. Как нами было показано, в настоящее время активно обсуждаются навыки и профессии будущего, перспективные отрасли развития экономики России и мира. Однако недостаточно внимания уделяется вопросу воспитания, ответственность за которое, как правило, возлагается на школу. Остальные институты социализации, и, прежде всего, семья остаются в тени. С нашей точки зрения, необходима консолидация усилий всех институтов социализации молодежи в рамках «Стратегии развития воспитания» с опорой на духовно-нравственном развитии Человека настоящего, иначе Человека будущего может просто не быть!

1. Амиантов С. Вечные ценности – основа российской идентичности. URL: <http://www.pravmir.ru/sistema-cennostej-infografika/> (дата обращения: 10.05.2019)
2. Атлас новых профессии. 2-е изд. М., 2015. 288 с.
3. Гладко М. Духовно-нравственное воспитание школьников в рамках ФГОС. URL: http://pedsovet.su/fgos/6401_duhovno_nravstvennoe_vospitanie_shkolnikov (дата обращения: 10.05.2019)
4. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М. : Просвещение. 2009. 26 с. (Стандарты второго поколения).
5. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. URL: https://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_rus.pdf (дата обращения: 14.05.2019)
6. Национальная технологическая инициатива. URL: <http://www.nti2035.ru/markets/> (дата обращения: 14.05.2019)
7. Основные результаты работы Министерства образования и науки за 2012–2017 годы. URL: http://government.ru/dep_news/32232/ (дата обращения: 20.05.2019)
8. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. N 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.». URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения 21.05.2019)
9. Русакова Л. Н. Сказки об умной, доброй и красивой школе: ...от школы моего детства – к школе моих учеников. Т. 2. Тюмень : ОЛМАРПРЕСС, 2017. 406 с.

Competence of digital future and moral values

Murzina J. S.

Abstract. Our society is on the threshold of important changes. There is a transformation of the social and physical way of life. At the same time, the development of technology and solving the problems of the outside world leads to the fact that the challenges and threats are increasingly coming from the man himself. The State pays attention to what a person of the Future should do – professional skills. But less attention is to the question of the value sphere of the individual. At the same time, values are a way of designing people's real life and aspirations for the future. "Strategy of Development of Education in the Russian Federation for the period up to 2025" is not discussed publicly. This article discusses the possibility of combining the efforts of all stakeholders, including Universities, in the framework of the "Strategy of Development of Education" based on moral values.

Keyword. Skills of the future, new sectors of employment, Strategy of Development of Education, basic national values.

Психологическая подготовка в китайских традиционных боевых искусствах как технология гармоничного развития личности

Ли Шаолун

Хэнаньский Университет, Китай

(Перевод с китайского языка А. О. Егунов)

Аннотация. Китайские традиционные методы обучения боевым искусствам имеют много важных аспектов психологической подготовки, суть которых – целенаправленное формирование не только спортивных умений и навыков, но и востребованных обществом личностных качеств. Психологическая подготовка наравне с технической, тактической и физической подготовкой, представляет собой целостную систему воспитания современных спортсменов. Методы тренировки традиционных практик являются не только эффективными приемами для быстрого повышения уровня боевых искусств, но также имеют определенную культурную ценность, и могут применяться в других видах спорта. Однако их теоретическая база с точки зрения психологии до сих пор недостаточно проработана современной наукой, оставаясь местом возможности для создания комплексной теоретической системы. Чтобы обогатить культуру боевых искусств и внести вклад в мировое спортивное сообщество, в этой сфере необходимо использовать наработанные методики современной науки.

Ключевые слова: традиционные боевые искусства, ушу, технологии обучения, психологический тренинг, развитие личности

В ходе изучения теоретической базы боевых искусств было обнаружено, что традиционные методы обучения боевым искусствам имеют много важных средств «психологической подготовки». По сравнению с психологическим тренингом, они имеют как общие черты, так и уникальные особенности. В современном обучении боевым искусствам, несмотря на то что методы были унаследованы и осуществлены в традиционном порядке, подобное клановое наследование не видится нам достаточно эффективным, по причине отсутствия психологических наработок как в теоретической, так и в практической частях. Описываемые ниже методы обучения служат целям практической подготовки боевым искусствам, а также могут быть использованы в различных других видах спорта.

Психологическая подготовка вместе с технической, тактической и физической представляет собой целостную систему современной спортивной подготовки. Психологический тренинг являет-

ся одним из важных элементов «спортивной психологии», теоретическая система которой активно формировалась в последние десятилетия, как и теория психологического тренинга. Тем не менее, психологическая подготовка в боевых искусствах имеет давнюю историю и развивалась вместе с развитием теории и технологии боевых искусств. Американский психолог Д. Шульц однажды сказал: «Ученые должны заботиться об истории своей области, чтобы не дублировать прошлое. Мы видим примеры в науке, когда некоторые открытия воспринимались как новые, но в результате позже были обнаружены точно такие же открытия совершенные много лет прежде. Это случается из-за незнания ранних исследований». Поэтому использование современной науки в традиционных приемах боевых искусств и усиление психологического содержания обучения, совершенствования его теоретической конструкции, позволяет улучшить метод, способствуя, таким образом, развитию культуры традиционных боевых искусств в целом.

В этой статье предпринята попытка показать, что традиционное обучение боевым искусствам уже давно обогащено психологическим содержанием и в этом его ценность. Мы надеемся, что эта статья привлечет внимание заинтересованных людей, укрепит результаты смежных исследований и позволит продвинуться вперед общему направлению традиционных боевых искусств. Причина, по которой психологическая подготовка формируется в традиционных боевых искусствах, многогранна. Основа в том, что теория боевых искусств подчеркивает важную роль внутренней психологической деятельности в совершенствовании навыков боевых искусств. Под руководством этой теории преподавание методов улучшения процесса подготовки постепенно стало важной частью обучения боевым искусствам.

В систему включены такие свойства человеческой психики, как мышление, воображение, внимание, эмоции, воля и др. Чтобы улучшить навыки боевых искусств, внешнее поведение (физическая активность) должно основываться на конкретных внутренних психологических состояниях. Все физические действия контролируются человеческим сознанием, поэтому теория боевых искусств подчеркивает: работа с сознанием есть основа традиционных боевых искусств. Такой подход позволяет установить комплексную методику обучения, которая проявляется в виде очевидных улучшений учеников в тренировочном процессе.

В традиционном обучении боевым искусствам, для установления требуемых движений, учителя часто используют психологические практики. Такие, благодаря которым учащиеся могут устранить отвлекающие мысли, представить процесс завершения определенного движения, вспомнить появление каждого движения в бытовой практике, восстановить ощущения собственного тела, чувство силы, размера, ритма и внешнего вида максимально приближая ученика к требуемому воспроизведению действия. Данный метод в обучении традиционным боевым искусствам называется «квалифицированным». Использование такой практики также помогает преодолевать неблагоприятные обстоятельства: природные условия на местах тренировок или другие помехи, глубокое утомление студентов, в таких случаях учитель рекомендует: «Подумай о моих действиях и подумай, как я это сделал». Учащиеся, благодаря такой проработке не только становятся способны произвести требуемые действия, но и ускоряют процесс всего обучения в целом.

Используя набор подсказок для действий, ученик с воспроизводит и усиливает каждое движение в уме. Регулярное продумывание собственных движений способствует требуемому выполнению движений. Для усиления эффекта желательно сопоставлять желаемые к воспроизведению действия, и их фактический результат. Зафиксировать результат проработки помогает использование вспомогательных источники наблюдения такие как видеозапись, зеркала и др. Прорабатывая движения, спортсмен должен представить идеальный вариант их воплощения, максимум, которая только может быть. Такой подход сопоставим с традиционными медитативными практиками, при изучении которых, могут быть использованы все новые и новые методики.

Практика концентрации внимания. Концентрация внимания есть важный принцип в технологии боевых искусств, который эффективно используется в реальных боевых конфронтациях между сторонами, когда необходимо понимать намерения противника, в тот или иной момент, оценивать их достоверность корректируя, таким образом, собственные варианты поведения. Это упражнение также помогает устранять вмешательство внешних факторов, когда направленность внимания смещается от требуемого объекта, что снижает качество и эффект действия. Известны случаи, когда в практике Тайцзи, при недостаточном внимании к дей-

ствиям, происходит так называемое «рассеивание направляющей силы», отчего происходят искажения в действиях и ошибки, при отсутствии корректировок такие практики в большинстве случаев прерываются. Поэтому в теории техники традиционных боевых искусств делается особый акцент на значимость сосредоточения, с напряжением всех «душевных сил», что подразумевает собой специфическую концентрацию внимания.

В традиционном обучении ушу выработан ряд методов, улучшающих концентрацию внимания:

1) Интенсивная практика в Тайцзицюань – сосредоточение центра внимания на определенной части тела или конкретном объекте, а также сосредоточение на дыхании без отвлекающих мыслей, длительная повторяющаяся практика с уровнем контроля внимания. При совершенствовании практики, происходит сокращение времени, необходимого для перехода в требуемое состояние и повышается способность противостояния помехам (шумной обстановка, погодные условия, температура помещения и других).

2) Наблюдение за медленно изменяемыми внешними объектами (например, воскуряемой благовонной палочкой), способствует увеличению времени медитативного состояния.

3) Наблюдение за повторяемыми действиями внешних объектов. Например, капающая из сосуда вода.

4) Внимательное рассмотрение мелких, неоднородных деталей на статичных объектах. Например, орнаменты в медитативных комнатах, или особенности лиц других участников процесса.

Концентрация внимания позволяет корректировать возбуждения коры головного мозга, гармонизирует согласованность действий исходя из поставленных тренировочных задач, повышает эффективность выполняемых упражнений.

Практика воображения. Эффективной также является практика воображаемого боя, в европейской традиции известного как «бой с тенью». Основной объем проработки атакующих и оборонительных приемов должен проводиться без партнера, необходимости режима реального боя нет, так как изначально отсутствует автоматизм действий ученика. Основным методом обучения таких упражнений в традиционных боевых искусствах является индивидуальная тренировка. Чтобы уменьшить разницу физического состояния в тренировочном процессе между индивидуальной трени-

ровкой и боевой практикой с соперником, спортсмены должны обладать богатым воображением, для имитации фактического боя. Богатое воображение помогает повышать уровень положительных эмоций от деятельности, стремление к победе, нивелирует рутинность процесса, помогает детально, в комфортном для спортсмена ритме, доводить технику приемов до требуемого качества и автоматизма.

Варианты практик с воображением:

1. Анализ атакующих и защитных движений. На тренировке учитель, детально объясняет смысл приема для спортсмена, раскрывает техническую структуру, ситуацию наступательного или оборонительного применения, в некоторых случаях, пользу при применении для здоровья. Выделяет принципы, которые при нарушении, способствуют утрате наступательного и оборонительного эффекта, ослаблению силы и четкости действий. При этом отработка приемов может визуально напоминать больше танец или театральные движения, нежели действия реального боя, что не мешает, а наоборот помогает ученикам запомнить упражнения в процессе обучения. Благодаря воображению, позволяющему даже в плавных танцевальных движениях имитировать реальный бой, приемы отрабатываются правильно, а воображение и технический уровень спортсмена со временем улучшается.

2. Использование образных, усиливающих эффект выражений. Старые техники ушу и связанные с ними современные боевые искусства унаследовали яркие названия, стимулирующие воображение учеников: «ласточка, разрезающая воду», «игра на лютне», «лев, качающий головой» и т. д. Кроме легкого запоминания, ускоряющего обучение, такие живые и лаконичные образы, помогают передать важные нюансы техники упражнений, благодаря разворачивающимся в воображении ученика ситуациям, соотносящимся в этими несложными и точными названиями.

3. Предположение реакций соперника. Представление позы тела, движений, защиты и контратаки противника, а также различные факторы, связанные с реальным боем, концентрируют координацию тела спортсмена, повышают уровень отработки приемов, максимально приближенных к ситуации реального боя. Также, такой вид упражнения помогает к переходу от спокойного состояния учащегося к реальному поединку.

Завершая статью, сформулируем некоторые выводы. Китайское традиционное обучение боевым искусствам имеет множество методов психологической подготовки, их полнота и разнообразие, благодаря поколениям практиков, достигли высокого уровня. Такие методы тренировки являются не только эффективными приемами для быстрого повышения уровня боевых искусств, но также имеют определенную культурную ценность и могут применяться в других видах спорта. Однако их теоретическая база до сих пор недостаточно проработана современной наукой, оставаясь местом возможности для создания комплексной теоретической системы. Чтобы обогатить культуру боевых искусств и внести вклад в мировое спортивное сообщество, необходимо использовать в этой сфере наработанные методики современной науки. Именно в таких случаях психологическая подготовка в боевых искусствах становится важной технологией личностного развития.

**Psychological training in Chinese traditional martial arts
as a technology of harmonious development of personality**

Li Shalun, Guo Chunyan

Translation from Chinese by A. O. Yegunov

Abstract. Chinese traditional methods of teaching martial arts have many important aspects of psychological training, the essence of which is the purposeful formation of not only sports skills, but also demanded by society personal qualities. Psychological preparation on an equal basis with technical, tactical and physical preparation, represents integral system of education of modern athletes. Methods of training traditional practices are not only effective methods for quickly improving the level of martial arts, but also have a certain cultural value, and can be used in other sports. However, their theoretical base from the point of view of psychology is still insufficiently developed by modern science, remaining a place of possibility for creation of a complex theoretical system. In order to enrich the culture of martial arts and contribute to the world sports community, it is necessary to use the best practices of modern science in this area.

Keywords: traditional martial arts, Wushu, training technologies, psychological training, personality development.

Личностная готовность к деятельности и культурные факторы социально-экономического развития вузовской молодежи

Перикова Е. И.

г. Санкт-Петербург, Россия

Атаманова И. В., Карпачева Е. В.

г. Томск, Россия

*Данное научное исследование выполнено при поддержке
Программы повышения конкурентоспособности ТГУ*

Аннотация. В эмпирическом исследовании личностной готовности к деятельности и культурных факторов социально-экономического развития приняла участие студенческая молодежь Томска и Санкт-Петербурга. Студенты Томска обнаружили способность к пониманию и управлению собственными эмоциями, нацеленность к реализации деятельности, а также высокий уровень удовлетворенности жизнью. Они были ориентированы на ценности безопасности и традиционные семейные связи. Студенты Санкт-Петербурга выбирали светские, рациональные ценности и ценности свободы, которые являются базисом для развития креативности и творчества. В данной выборке обнаружен высокий уровень креативности, способность к пониманию и управлению эмоциями других людей, при более низком уровне удовлетворенности жизнью в сравнении со студентами Томска.

Ключевые слова: личностная готовность к деятельности, ценности, самоорганизация деятельности, эмоциональный интеллект, инновативные качества, удовлетворенность.

Введение. Российское общество переживает период политических, культурных и экономических преобразований, которые привели к многочисленным изменениям в образе жизни и менталитете российского населения. Людям приходилось разрабатывать свои собственные поведенческие стандарты и находить пути в развивающейся ситуации. Современное молодое поколение является индикатором социальных и экономических изменений, которые произошли с начала века. Ценности российской молодежи, ее философия, готовность к деятельности и открытость к изменениям определяют потенциала развития страны.

Традиционно определение социального прогресса страны основывалось на экономических терминах (ориентированных на ВВП). В последние годы внимание зарубежных и отечественных ученых привлекают подходы более ориентированные на человеческие ресурсы: индекс социального прогресса (The Social Progress

Index – SPI), индексы социального развития (The Indices of Social Development – ISD), ориентация на социальный прогресс (Social progress orientation – SPO), социальный капитал [13; 14], постматериалистические и социальные ценности [15].

Данное исследование посвящено изучению системы личностной готовности к деятельности в связи с культурными факторами социально-экономического развития студентов Томска и Санкт-Петербурга. Работа продолжает серию исследований специфики личностно-средового взаимодействия студенческой молодежи [2].

Конструкт личностной готовности к деятельности оценивает ресурсы человека, как субъекта активного, целенаправленного взаимодействия с окружающей действительностью. Концепция основывается на философско-психологической теории деятельности [4], системном анализе [11], теории функциональных систем П. К. Анохина [1], концепции личностного потенциала Д. А. Леонтьева [7]. В структуру личностной готовности к деятельности входят целеполагание, планирование, удовлетворенность жизнью и рефлексия.

В качестве культурных факторов социально-экономического развития оценивались инновативные качества личности и экономические ценности.

В исследовании приняли участие 115 студентов Томского государственного университета – 52 девушек (45 %) и 63 юношей (55 %) и 139 студентов Санкт-Петербургского государственного университета – 103 девушки (74 %) и 36 юношей (25 %) в возрасте 19 – 22 лет. Процедура исследования предполагала заполнение бумажных версий опросников в условиях учебных аудиторий. Участие в исследовании было добровольным и не предполагало вознаграждения.

Методы. Для оценки системы личностной готовности к деятельности и факторов социально-экономического развития были использованы:

- опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой, включающий шкалы «Планирование», «Наличие целей», «Настойчивость», «Фиксация», «Самоорганизация», «Ориентация на настоящее», «Суммарный показатель ОСД» [9];
- опросник «Дифференциальный тест рефлексии» Д. А. Леонтьева, использована шкала «Системная рефлексия» [7];

- опросник эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, включающий шкалы межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ), понимание эмоций (ПЭ), управление эмоциями (УЭ), понимание чужих эмоций (МП), управление чужими эмоциями (МУ), понимание своих эмоций (ВП), управление своими эмоциями (ВУ), контроль экспрессии (ВЭ) и суммарный показатель [8];

- методика «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина, использован показатель «Удовлетворенность жизнью» [10];

- модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта в адаптации Р. К. Хабибулина, включающий шкалы «Традиционных ценностей» и «Ценностей выживания» [12];

- шкалы самооценки инновативных качеств личности Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко, включающие показатели «Креативность», «Риск ради успеха» и «Ориентация на будущее» [5].

Статистическая обработка проводилась с использованием Statistica 6.0. Применялись описательная статистика и дисперсионный анализ (t-критерий Стьюдента).

Результаты исследования. Проведенный статистический анализ позволил вычислить описательные статистики 24 показателей. Были получены средние значения и стандартные отклонения индексов шкал и проведено сравнение групп студентов из Томска и Санкт-Петербурга. Наиболее значимые результаты представлены в таблице.

Из данных таблицы видно, что студенты, обучающиеся в Санкт-Петербурге более креативны, чем студенты, обучающиеся в Томске ($3,45 \pm 0,85$ и $3,74 \pm 0,79$ баллов; $F = 7,45$ $p < 0,005$). Томские студенты более ориентированы на традиционность ценности ($4,47 \pm 0,91$ и $3,81 \pm 0,87$ баллов; $F = 35,37$ $p < 0,001$) и ценности выживания ($4,45 \pm 0,79$ и $3,96 \pm 0,86$ баллов; $F = 21,53$ $p < 0,001$). Томские студенты более ориентированы на деятельность ($3,72 \pm 0,42$ и $3,31 \pm 0,49$ баллов; $F = 48,68$ $p < 0,001$). Удовлетворенность жизнью у Томских студентов выше, чем у студентов Санкт-Петербурга ($3,49 \pm 0,70$ и $3,27 \pm 0,75$ баллов; $F = 5,68$ $p < 0,01$).

Таблица

Сравнительный анализ личностной готовности к деятельности и культурных факторов социально-экономического развития у студентов Томска и Санкт-Петербурга (в баллах)

Показатели	Студенты Томска (N = 115)				Студенты Санкт-Петербурга (N = 139)				Критерий Левина		Критерий Стьюдента	
	M	MS	Асиммет	Экцесс	M	MS	Асиммет	Экцесс	F	p	F	p
	Традиционные ценности	4,47	0,91	-0,36	-0,19	3,81	0,87	-0,27	0,08	0,00	0,30	35,37
Ценности выживания	4,45	0,79	-0,21	-0,37	3,96	0,86	-0,64	2,23	0,00	0,85	21,53	0,000
Креативность	3,45	0,85	-0,18	0,07	3,74	0,79	-0,57	0,53	0,00	0,34	7,48	0,006
Риск ради успеха	3,29	0,74	-0,19	-0,48	3,20	0,84	-0,04	-0,3	0,35	0,18	0,86	0,354
Ориентация на настоящее	3,45	0,72	0,10	0,01	3,43	0,67	-0,20	0,76	0,74	0,93	0,1	0,743
Инновативность	3,40	0,63	0,09	-0,37	3,41	0,61	0,09	0,25	0,91	0,71	0,01	0,919
МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект	41,0	8,32	0,04	1,10	43,1	10,7	-0,27	0,05	0,09	0,00	2,79	0,095
ВЭИ – внутрличностный эмоциональный интеллект	42,1	9,49	0,08	1,05	37,0	9,81	0,23	-0,4	0,00	0,24	17,26	0,000
Целеполагание	4,08	0,60	-1,14	3,26	3,66	0,81	-0,53	-0,2	0,00	0,00	20,82	0,000
Планирование	3,42	0,84	-0,06	-0,20	3,22	0,98	-0,23	-0,7	0,08	0,01	2,94	0,087
Рефлексия	3,88	0,51	0,12	-0,47	3,26	0,44	-0,69	0,33	0,00	0,03	108,5	0,000
Удовлетворенность жизнью	3,49	0,70	-0,08	-0,12	3,27	0,75	-0,22	-0,3	0,02	0,39	5,68	0,018
Индекс готовности к деятельности	3,72	0,42	0,09	-0,23	3,31	0,49	-0,28	-0,4	0,00	0,12	48,68	0,000

Обнаруживается тенденция, что Томские студенты имеют более выраженные показатели внутриличностного эмоционального интеллекта ($42,1 \pm 9,49$ и $37,0 \pm 9,81$; $F = 17,26$ $p < 0,001$). Студенты Санкт-Петербурга имеют более выраженный межличностный эмоциональный интеллект ($41,0 \pm 8,32$ и $43,1 \pm 10,7$; $F = 2,94$ $p < 0,001$).

Таким образом, студенты Томска более ориентированы на ценности безопасности и традиционных семейных связей. Их характеризует способность к пониманию и управлению собственными эмоциями, нацеленность к реализации деятельности, а также высокий уровень удовлетворенности жизнью. Студенты Санкт-Петербурга ориентированы на светские, рациональные ценности и ценности свободы, которые являются базисом для развития креативности и творчества [3]. Соответственно в данной выборке обнаруживается высокий уровень креативности, способность к пониманию и управлению эмоциями других людей, при более низком уровне удовлетворенности жизнью в сравнении со студентами Томска.

В будущих исследованиях необходимо дополнительное внимание уделить изучению эмоционального интеллекта, инновационности и модернизации как факторам современного профессионального развития студенческой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. М. : Наука, 1973. 64 с.
2. Специфика личностно-средового взаимодействия на примере студенческой молодежи трех российских городов / Атаманова И. В., Козлова Н. В., Богомаз С. А., Залевский В. Г., Неякина Ю. Ю. // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 90–105. DOI: 10.17223/1998863X/41/11.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
4. Каган М. С. Человеческая деятельность. М. : Политиздат, 1974. 328с.
5. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Методика исследования отношения личности к инновациям // Альманах современной науки и образования. 2009. № 4 (23), ч. 2. С. 89–96.
6. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.
7. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
8. Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. М. : Институт психологии РАН. 2009. С. 264–278.
9. Мандрикова Е. Ю. Разработка Опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
10. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического

конгресса. М. : Ин-т социологии РАН; Рос. общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (дата обращения: 27.02.2018).

11. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ. М. : Высшая школа, 1989. 76с.

12. Хабибулин П. К. Характеристики авторитета Российской государственной власти в сознании граждан : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015. 179 с.

13. Kwon M, Lee J-Y, Won W-Y, Park J-W, Min J-A, Hahn C, et al. (2013) Development and Validation of a Smartphone Addiction Scale (SAS). PLoS ONE 8(2): e56936. DOI: 10.1371/journal.pone.0056936_

14. Leyden, D. P., & Link, A. N. (2015). Toward a theory of the entrepreneurial process. Small Business Economics: An Entrepreneurship Journal, 44(3), pp. 475–484. DOI: 10.1007/s11187–014-9606–0.

15. Turro E, Scott WR, Tan S-T, et al. (2014) The South Asian Genome. PLoS ONE 9(8): e102645. DOI: 10.1371/journal.pone.0102645_

Personal readiness for activity and cultural factors of socio-economic development among university youth

Perikova E. I., Atamanova I. V., Karpacheva E. V.

Abstract. There are an empirical study about personal readiness for activity and cultural factors of socio-economic development, university students of Tomsk and St. Petersburg attended in research. Tomsk students have demonstrated the ability to understand and control their own emotions, purposefulness, as well as a high level of life satisfaction. They were focused on safety values and traditional family ties. Students of St. Petersburg chose secular, rational values and values of freedom, which are the basis for the development of creativity. This sample found a high level of creativity, the ability to understand and manage the emotions of other people, with a lower level of life satisfaction in comparison with students of Tomsk.

Keywords: personal readiness for activity, values, system of activity, emotional intelligence, innovativeness, life satisfaction.

Здоровье начинается со здорового отношения к здоровью: трансрегиональное исследование здоровья студенческой молодежи

Кузьмина Ю. В.

г. Калининград, Россия

Аннотация. Анализируется проблема здоровья, образа жизни и отношения студенческой молодежи к здоровью в трансрегиональном контексте. В качестве испытуемых были студенты вузов Дальнего Востока (Владивосток), Западной Сибири (Томск, Бийск), Урала (Екатеринбург) и Калининграда (Северо-Западный регион. Несомненно, справедливой остается мысль, что здоровье начинается со здорового отношения к здоровью, но только при том условии, что это отношение переходит в реальный здоровый образ (стиль) жизни. Один из ответов на вопрос «Что делать?», по мнению авторов статьи, это организация многофункционального вузовского «Центра культуры здоровья студенческой молодежи», проект которого разработан коллективом авторов, опираясь на проведенные трансрегиональные исследования.

Ключевые слова: здоровье, отношение к здоровью, здоровье как ценность, студенческая молодежь, образ жизни, центр культуры здоровья, трансрегиональные исследования.

Введение. Сегодня все еще на объектном поле клинической психологии находится такой объект как «психология здоровья». Но растущие проблемы здоровья, т. е. его нарушения у значительной части населения в мире и необходимость в усилении значительных профилактических усилий в движении профилактической медицины с участием психологии (психологов) стимулируют расширения влияния клинической психологии при решении проблем и укрепления здоровья «практически здоровых людей», к которым относятся и многочисленные группы риска. Еще в конце XIX – начале XX столетия на это указывал французский титан психологии и психотерапии Пьер Жане, говоря о «клинической психологии нормы» [цит. по: 1, с. 33]. И сегодня «клиническая психология нормы» в виде «психологии здоровья» выходит далеко за пределы «психологии у постели больного». Одним из ведущих принципов психологии здоровья сегодня является: «Здоровье начинается со здорового отношения к здоровью», реализующийся в здоровом образе жизни.

Сохранение здоровья особенно актуально и в студенческом возрасте, так как здоровье студентов определяется особенностями этого периода в их жизни. Именно в этот период формируется будущий профессионал и носитель интеллектуального потенциала нации, из чего следует, что его здоровье приобретает, несомненно, высокое общественное значение.

Таким образом, под здоровым образом жизни следует понимать типичные формы и способы повседневной жизнедеятельности человека, которые укрепляют и совершенствуют резервные возможности организма, обеспечивая тем самым успешное выполнение своих социальных и профессиональных функций независимо от политических, экономических и социально-психологических ситуаций и выражает ориентированность деятельности личности в направлении формирования, сохранения и укрепления, как и индивидуального, так и общественного здоровья. Обобщая можно определить здоровье следующим образом: *здоровье – это неограниченная в своей свободе жизнь.*

Методы и материал исследования. Исходя из этого принципа, мы провели довольно масштабное исследование состояния здоровья и отношения к здоровью студенческой молодежи в трансрегиональном контексте, опираясь на предложенную Г. В. Залевский [2, 3] биопсихосоциоэтическую модель здоровья и его наруше-

ния, а также на ценностную концепцию Рокича (Rokeach) [4] о месте здоровья в системе ценностей личности.

В нашем исследовании приняли участие студенты разных специальностей вузов Владивостока, Томска, Бийска, Екатеринбурга и Калининграда. Первые четыре вуза – это условно Восток России, а Калининград – Запад России. Группа «Востока» составила – 702 человек, а группа «Запада» – 272 человека, всего – 974 человека.

Для оценки состояния здоровья и образа (стиля) жизни студентов в их самооценке мы использовали адаптированный Г. В. Залевским [5] метод американского специалиста в области психологии здоровья Страуба (Straub) «Оценка уровня здоровья образа жизни» [7].

Методика состоит из 10 шкал, 5 шкал направлены на оценку здоровья: физического, психологического (психического), духовного, социального и экологического, и 5 шкал – на оценку образа (стиля) жизни: аддиктивное поведение, превентивная практика здоровья, дополнительные превентивные меры, питание и контроль веса, зарядка и фитнес. Максимальный балл за одну шкалу – 32 балла. В конце, при подсчёте данных, рассчитывается индекс шкал здоровья, как среднее арифметическое из всех 5 шкал видов здоровья и индекс стиля жизни (рассчитывается аналогично).

Квартильная оценка:

32–27 баллов – высокий уровень здоровья и образа жизни

26–21 баллов – умеренный (средний) уровень здоровья и образа жизни

20–14 баллов – низкий уровень здоровья и образа жизни

13–8 баллов – критически низкий уровень здоровья и образа жизни

Для выявления места здоровья (здоровье как ценность-цель) в системе ценностных ориентаций личности мы использовали методику Рокича «Rokeach Value Survey (RVS) – «Исследование ценностей» [4]. Она состоит из двух блоков, в каждом 18 утверждений, которые необходимо проранжировать. Мы несколько упростили обработку, разделив все ранги на 3 больших группы, где наиболее важные в I группе 1–5 ранги, 6–12 ранги во II группе и 13–18 ранги, соответственно, в III группе.

Результаты исследования. Обобщающие результаты исследования представлены в таблице.

Таблица 1

Результаты исследования места здоровья в системе ценностей, уровня здоровья и образа (стиля) жизни студентов вузов «Востока» и «Запада»

№	Показатели	«Восток»+ «Запад» (974)	«Восток» 702	«Запад» 272	Разница абс.	Значи- мость t- Стью- дента
1	Здоровье в иерархии ценностей 1–5 ранг	68,00 % высокий ранг	55,00 % высокий ранг	81,00 % высокий ранг	26,00 %	p 0,05
2	Уровень здоровья по пяти шкалам Средний показатель	22,63 балла: средний уровень	22,11 балла: средний уровень	23,15 балла: средний уровень	1,04 балла	н. з.
3	Уровень ЗОЖ по пяти шкалам Средний показатель	20,63 балла: почти низкий уровень	21,26 балла: средний уровень	20 балла: низкий уровень	1,26 балла	н. з.

Здоровье как ценность занимает в системе ценностей студентов «Востока» чуть ниже 6-го места (6,11) из 18-ти, т. е. выходит за пределы первой пятерки самых значимых ценностей; лишь 55 % студентов считают здоровье высоко значимой ценностью. У студентов «Запада» – 81 %. Но и у тех студентов, у которых здоровье заняло высокий ранг в системе их ценностей, как показывает уровень их здоровья и образа жизни в целом и по отдельным его видам, здоровье, тем не менее, не в полной мере стало практическим регулятором в этом отношении.

Исходя из средних показателей шкал теста «Оценка уровня здоровья и образа/стиля жизни» и квартильной оценки данных по каждой шкале, состояние здоровья и образ жизни студентов (в субъективной оценке) изученной выборки, можно предварительно характеризовать следующим образом:

1. «Физическое здоровье» (ФЗ), «психологическое (психическое) здоровье» (ПЗ), «духовное здоровье» (ДЗ), «социальное здоровье» (СЗ) – умеренный (средний) уровень; «экологические здоровье» (ЭЗ) – «низкий уровень»; хотя физическое, психологическое, духовное и социальное здоровье попадают все в разряд «умеренного (среднего) здоровья», в то же время уровень физического

здоровья заметно ниже, чем уровень остальных трёх видов здоровья; по суммарному (всех пяти шкал) среднему показателю шкал здоровья (студентов «Востока» – 22,11 балла, студентов «Запада» – 23,15 балла) уровень здоровья студентов является «умеренным (средним)», в этих пределах он остается, даже если вычесть показатель по шкале ЭЗ.

2. «Зарядка и фитнес», «превентивная практика здоровья», а также «питание и контроль веса» говорят о низком уровне образа жизни, при этом самые низкие показатели по шкале «питание и контроль веса» (16,44 балла). О среднем (умеренном) уровне образа жизни говорят данные по шкалам «аддиктивное поведение» (24,69 баллов – самый высокий показатель среди шкал образа жизни); по суммарному (всех пяти шкал) среднему показателю шкал образа жизни (студентов «Востока» – 21,26 балла, у студентов «Запада» – 20 баллов) уровень образа жизни оказался "умеренным (средним)" и фактически низким у студентов «Запада». Если же вычесть показатель по шкале Адд, то этот уровень опускается еще ниже у обеих групп студентов. Если учесть показатели уровня здоровья и образа (стиля) жизни вместе у студентов «Востока» и «Запада», то по уровню здоровья – этот показатель оказывается средним (умеренным), а по уровню образа (стиля) жизни – почти низким и даже низким, если вычесть показатели шкалы Адд.

Итак, по географическому признаку различия по уровню здоровья и образа (стиля) жизни значимых различий не выявлено, они значимы только по проценту студентов, у которых здоровье занимает высокий ранг в их системе ценностей. Но поражает тот факт, что даже у студентов с высоким рангом ценности здоровья, реализация этого отношения к здоровью – реальный уровень здоровья и уровень образа (стиля) жизни ему не соответствует, что отразилось на средних показателях групп в отдельности и в целом. Чем же это можно объяснить? На этот счет можно сослаться на выводы из подобных исследований.

Так, М. Б. Кунявский с соавторами [цит. по: 8] отмечают существование расхождения между декларируемыми ценностными конструктами сознания и реально побуждающими деятельность человека ценностями и называют четыре группы причин. Назовем две из них:

1. При адекватном осознании и вербальном выражении ценностей их включение в практическую регуляцию деятельности может не происходить из-за отсутствия возможностей реализации, наличия конкурирующих или противоречивых ценностей.

2. Реально действующие ценности не всегда адекватно осознаются и вербализуются субъектом; в силу ограниченности его интеллектуальных возможностей, действия защитных механизмов и др.

Н. П. Клушина и В. А. Соломонов [9], на основании исследования ценностных отношений к здоровью у студентов вузов с использованием теста Рокича, пришли к выводу, что студенты уверены в неисчерпаемости своих собственных физических и психических ресурсов, и хотя знают о ценности здоровья в студенческий период, не осознают необходимости обеспечивать мотивацию здорового поведения. В этом авторы исследования видят причину парадоксального характера отношения студентов к своему здоровью. Дело еще и в том, по их мнению, что студенческий возраст характеризуется многообразием эмоциональных переживаний, что отражается в стиле жизни, исключающем заботу о собственном здоровье, поскольку такая ориентация традиционно приписывается старшему поколению и оценивается молодыми людьми как «непривлекательная и скучная».

Общие выводы и предложения:

1. В целом у большинства студентов здоровье занимает довольно высокий ранг в системе их ценностей (1–5 ранг).

2. Но субъективная оценка состояния их здоровья оказывается в пределах средних показателей (умеренная).

3. Столь же среднего и даже почти низкого уровня и показатели по шкалам образа (стиля) жизни.

4. Самые низкие показатели уровня здоровья в обеих группах по шкалам «Физическое здоровье» и «Экологическое здоровье».

5. Показатели шкал уровня здоровья и образа жизни не обнаруживают значимых различий по географическому признаку – между «Востоком» и «Западом» при том, что различия по рангу ценности-цели значимы.

6. Несомненно справедливой остается мысль, что здоровье начинается со здорового отношения к здоровью, но только при том условии, что это отношение переходит в реальный здоровый образ (стиль) жизни.

7. Один из ответов на вопрос «Что делать?», по нашему мнению, это организация вузовского «Центра культуры здоровья студенческой молодежи», проект которого нами разработан [10; 11] и идет попытка его реализации.

1. Прево, Клод-М. Клиническая психология. М., 2005
2. Залевский Г. В. От «демонической» до биопсихосоциозитической модели психического расстройств // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31, С. 57–64
3. Залевский Г. В., Залевский В. Г. Кузьмина Ю. В. Антропологическая психология: биопсихосоциозитическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2010. № 33, С. 99–103
4. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco, 1968
5. Залевский Г. В., Кузьмина Ю. В. Психология здоровья студенческой молодежи : учеб. пособие. Томск : ТГУ, 2012
6. Kuzmina Y. V., Zalevsky G. V. Internal picture of actual state of person in the total score of his health state // International journal of Psychology. Berlin, 2008. P. 80
7. Straub R. Health Psychology. N. Y. : Worth Publishers, 2001.
8. Леонтьев Д. А., Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании // Психологическое обозрение. 1998 № 1, С. 34–39.
9. Клушина Н. П., Соломонов В. А. Исследование ценностного отношения к здоровью у студентов вузов // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 2. С. 75–79
10. Кузьмина Ю. В. Самооценка уровня здоровья и образа жизни студентов во взаимосвязи с биосоциальными и личностными ресурсами : дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2011
11. К вопросу о модели вузовского координационного центра «Культура здоровья студенческой молодежи» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352, С. 176–17

**Health begins with a healthy attitude to health:
transregional study of the health of students.**

Kuzmina Yu. V.

Abstract. The problem of health, lifestyle and attitude to health in trans-regional context is analyzed. The subjects were students from Far East (Vladivostok), Western Siberia (Tomsk, Bijsk), Ural (Ekaterinburg) and Kaliningrad (North-Western region). There is no doubt that the idea that health begins with healthy attitude to health, but only on the condition that this attitude becomes a real healthy way (style) of life. One possible answer to the question “What to do?” – this is the organization of a multifunctional “University-Center of health culture of students”, the project, which was developed by a team of authors, based on the results of the transregional research.

Keywords: health, attitude to health, health as a value, students, lifestyle, center of health culture, trans-regional research.

Личностно-средовое взаимодействие: сравнительный анализ ценностных ориентаций современной российской молодежи

Атаманова И. В., Богомаз С. А., Бойко Е. А.

г. Томск, Россия

Иванова Е. А.

г. Иркутск, Россия

Перикова Е. И.

г. Санкт-Петербург, Россия

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00781.

Аннотация. Проведен сравнительный анализ ценностных ориентаций и готовности к деятельности вузовской молодежи, проживающей с разными инновационными статусами в городах Санкт-Петербурге, Томске и Иркутске (N = 468). Использовались диагностические методики со статистической обработкой (Statistica 6.0). Применялись описательная статистика, факторный и дисперсионный анализ. Результаты показали, что у вузовской молодежи ведущим фактором были базисные ценности, важными факторами оказались экономические ценности и готовность к деятельности, а также инновативность. В трёх анализируемых городах выявлены значимые различия показателей: «Реализуемость базисных ценностей», экономические ценности «Долгосрочная/краткосрочная ориентация» и «Традиционные ценности», «Планирование» и «Потребность достижения». Каждый город своеобразен с точки зрения базисных и экономических ценностей, личностной готовности к деятельности и личностно-профессионального развития вузовской молодежи.

Ключевые слова: ценности, личностная готовность к деятельности, целеполагание, планирование, инновативность, достижения.

Введение. Актуальным и современным становится изучение взаимодействия ценностных ориентаций современной вузовской молодежи в контексте личностной готовности к деятельности как условия ее успешного личностно-профессионального становления. Ценностные ориентации и готовность к деятельности связаны с проблемой развития высококачественного человеческого капитала, что представляет собой первостепенную задачу для современного российского общества, поскольку дальнейшее социально-экономическое развитие страны требует вовлечения принципиально иных стратегий реализации модернизационных и инновационных процессов. Капитализация человеческого ресурса предполагает наличие его определенных социокультурных характеристик,

напрямую связанных с ценностями и поведенческими установками, что способствует увеличению ресурсов и возможностей человека и позволяет ему эффективно осуществлять деятельность на разных уровнях, а также играет важную роль в обеспечении его личностно-профессиональных достижений. Вузовская молодежь в этом смысле рассматриваются как особая стратификационная группа, которая служит своего рода индикатором происходящих в стране и в мире изменений и представляет наибольший исследовательский интерес в контексте потенциала дальнейшего развития общества.

Изучение ценностей в русле теории измерения культур Г. Хофстеде и теории модернизации Р. Инглхарта (психологами эти ценности обозначаются как «экономические», а экономисты трактуют их как «культурные») отвечает современным мировым тенденциям в исследовании культурно-специфических психологических составляющих социально-экономического развития общества [1]. В России такие исследования носят фрагментарный характер. Наш исследовательский интерес был связан не только с экономическими ценностями (и соответственно, с методикой Г. Хофстеде и методикой Р. Инглхарта), но и с базисными ценностями (и соответственно, с методикой Ш. Шварца и методикой С. Богомаза). Таким образом, в структуру исследования входит 3 основных фактора: 1) экономические ценности как фактор социально-экономического развития, 2) базисные ценности и 3) параметры личностной готовности к деятельности [5]. Исследование также включает сравнительный анализ ценностных ориентаций и готовности к деятельности молодежи разных городов, которые различаются в силу сложившихся к настоящему моменту экономических и социокультурных условий. Результаты исследования окажутся особенно востребованными для понимания современных тенденций развития общества, выявления возможных дефицитов и ключевых ресурсов личностно-профессионального развития вузовской молодежи.

Целью этой статьи был сравнительный анализ ценностных ориентаций и готовности к деятельности молодежи, проживающей с разными инновационными статусами в городах Санкт-Петербург, Томск и Иркутск. В исследование вошли студенты разных университетов (средний возраст $20,3 \pm 2,0$ лет; среди них девушек – 53,4 %, юношей – 46,6 %; $N = 468$). Исследование предполагало заполнение бумажных версий опросников. Участие в исследовании было добровольным и не предполагало вознаграждения.

Методики. Использовались методика исследования ценностей Г. Хофстеде с 6 показателями «Дистанция к власти», «Индивидуализм/коллективизм», «Маскулинность/феминность», «Избегание неопределенности», «Долгосрочная / краткосрочная ориентация» и «Удовлетворение потребностей / сдержанность» [9]; Модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта с 2 показателями «Традиционные ценности – ценности модернизма» и «Ценности выживания – ценности самовыражения» [8]; метаценности методики СОРБЦ (Богомаз С. А.) с 4 показателями: ценности личной жизни, индивидуальные ценности; ценности профессиональной самореализации и ценности самоутверждения [4; 5]. Также использовались 2 показателя «Целеполагание» и «Планирование» (методика Опросник самоорганизации деятельности, Е. Ю. Мандрикова); показатель «Системная рефлексия» методики «Дифференциальный тест рефлексивности» (Д. А. Леонтьев); показатель «Удовлетворенность жизнью» методики «Шкала удовлетворенности жизнью» (Э. Динер; в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина), итоговый индекс «Готовность к деятельности» [2; 3]. Применялись Шкала самооценки инновативных качеств личности (СИКЛ) с показателями «Креативность», «Риск ради успеха», «Ориентация на будущее» и «Индекс инновативности» [7]; шкалы «Потребность достижения» и «Потребность общительности» методики «Форма по изучению личности» (PRF) [6].

Статистическая обработка проводилась с использованием программы Statistica 6.0. Применялись описательная статистика (оценивались среднее значение, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс), факторный анализ и дисперсионный анализ (t-критерий Стьюдента, критерий Левена).

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил вычислить описательные статистики 21 показателей. Были получены средние значения, стандартные отклонения, асимметрия и эксцесс показателей и индексов, которые входят в возрастную психологическую норму.

Нами был проведен факторный анализ, включивший 468 наблюдений с применением метода главных компонент с ротацией факторов Varimax; число переменных: 18; критерий «каменистая осыпь» Р. Кеттелла; количество факторов: 6, объясняющих 62,4 % дисперсии исходной корреляционной матрицы. В качестве критерия значимости показателя была использована факторная нагрузка более 0,40. Получены следующие факторы:

Фактор 1: реализуемость базисных метаценностей: ценности личной жизни, индивидуальные ценности; ценности профессиональной самореализации и ценности самоутверждения (факторная нагрузка 0,876, 0,776, 0,897, 0,915, соответственно).

Фактор 2: экономические ценности «Маскулинность / феминность» и «Дистанция к власти», а также «Потребность общительности» (0,739, 0,579, 0,405, соответственно).

Фактор 3: экономические ценности «Долгосрочная / краткосрочная ориентация» и «Традиционные ценности», а также «Потребность достижения» и «Готовность к деятельности» (0,653, 0,768, 0,477, 0,557).

Фактор 4: экономические ценности на одном полюсе «Индивидуализм/коллективизм» и «Удовлетворение потребностей / сдержанность», на другом полюсе «Избегание неопределенности» (-0,674, -0,730, 0,482).

Фактор 5: инновативность («Креативность», «Риск ради успеха», «Ориентация на будущее») и «Готовность к деятельности» (0,771, 0,777, 0,811, 0,430).

Фактор 6: экономические «Ценности выживания – ценности самовыражения» (0,827).

Как мы можем заметить, у вузовской молодежи ведущим фактором являются базисные ценности, важными факторами оказываются экономические ценности и готовность к деятельности, а также инновативность. При этом мы видим, что у современной молодежи, с одной стороны, готовность к деятельности связана с традиционными ценностями и с долгосрочной ориентацией, а с другой стороны, готовность к деятельности связана с инновационной активностью.

Результаты дисперсионного анализа реализуемости базисных метаценностей показали, что средние значения метаценностей значительно отличались студентов в городе Иркутске (N = 125) от студентов Санкт-Петербурга (N = 164) и Томска (N = 177, рис. 1).

Значимых различия обнаружены по всем четырём метаценностям в указанных группах. Можно предположить, что вузовская молодежь в Иркутске чувствует себя не комфортно. Ценностное измерение этой городской среды положительно отличается от городов Санкт-Петербурга и Томска. По-другому можно сказать, что не отличаются столичный город и периферийный город (Санкт-Петербург и Томск). Получив эти количественные результаты, можно выявлять ценностные различия городской среды.

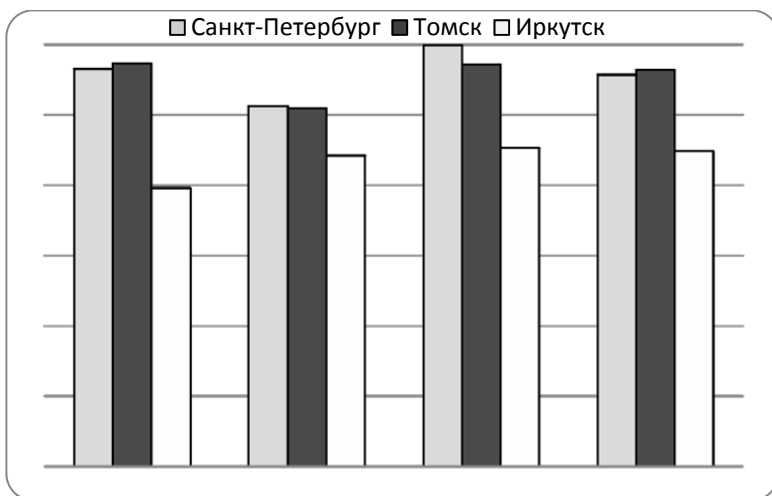

Рис. 1. Реализуемость базисных метаценностей: ценности личной жизни, индивидуальные ценности; ценности профессиональной самореализации и ценности самоутверждения у студентов в городах Санкт-Петербург (N = 164), Томск (N = 177), Иркутск (N = 125)

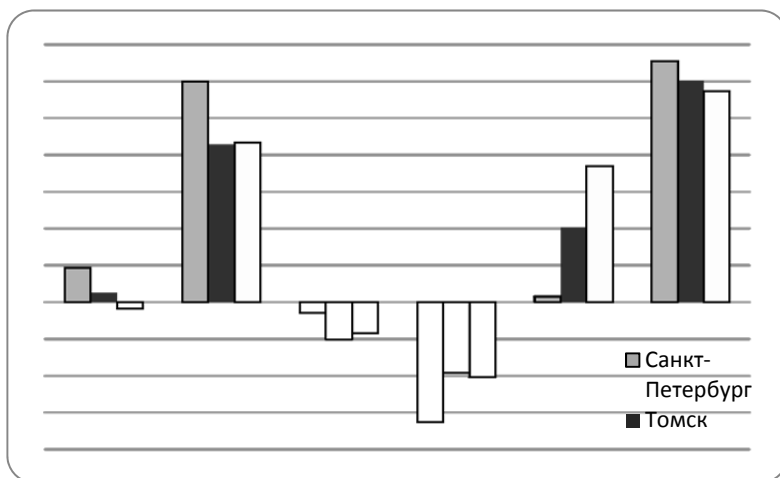

Рис. 2. Ценности «Дистанция к власти», «Индивидуализм / коллективизм», «Маскулинность / феминность», «Избегание неопределенности», «Долгосрочная / краткосрочная ориентация» и «Удовлетворение потребностей / сдержанность» методики Г. Хофстеде у студентов в городах Санкт-Петербург (N = 164), Томск (N = 177), Иркутск (N = 125)

Экономические ценности, которые оценивались с помощью методики ценностей Г. Хофстеде, у вузовской молодежи не различались, за исключением показателя «Долгосрочная / краткосрочная ориентация». При этом, на рисунке 2 видна чёткая закономерность ($p = 0,00001$ t-критерий Стьюдента и $p = 0,292$ критерий Левена): минимальный показатель наблюдается у студентов в городе Санкт-Петербург ($1,59 \pm 62,7$ баллов), промежуточные значения имеются у студентов в Томске ($20,3 \pm 63,4$ баллов), максимальные значения наблюдаются у студентов в Иркутске ($37,0 \pm 57,9$ баллов). Как мы видим, молодежь Санкт-Петербурга ориентирована на краткосрочность, а молодежь Иркутска более ориентирована на долгосрочность. Можно заметить, что у современной российской молодёжи на уровне ценностей, чем ближе к Западу, тем сильнее выражена краткосрочная ориентация.

Статистически различались традиционные ценности (методика Инглхарта): высокие значения отличались у студентов в городах Томска и Иркутска ($4,34 \pm 0,93$ и $4,36 \pm 0,82$ баллов, соответственно), минимальные значения фиксировались у студентов в Санкт-Петербурге ($3,97 \pm 0,78$ баллов, $p = 0,000$ и $p = 0,038$). Это, скорее всего, связано с тем, что столичный город более ориентирован на ценности модернизма и современность.

В Томске студенты отличались низкими значениями показателей «Планирования» ($3,11 \pm 1,04$ баллов) и «Потребность достижения» ($3,88 \pm 0,71$ баллов), в сравнении со студентами в Санкт-Петербурге и в Иркутске (планирование: $3,38 \pm 0,90$ и $3,45 \pm 0,93$ баллов, $p = 0,004$, $p = 0,137$; достижения: $4,05 \pm 0,68$ и $4,12 \pm 0,67$ баллов, $p = 0,007$, $p = 0,759$). Можно предположить, что городская среда в Томске способствует «безпланированной» студенческой жизни и минимальной потребности достижения. При этом в анализируемых городах не отличаются показатели «Целеполагание», «Рефлексия», «Удовлетворенность жизнью» и «Готовность к деятельности».

Не различались у студентов в анализируемых городах показатели «Креативность», «Риск ради успеха», «Ориентация на будущее» и «Индекс инновативности».

Итак, у современной российской молодежи ведущим фактором являются «реализуемость базисных ценностей» в городской среде. На втором месте фактор «готовность к деятельности», которая связан с экономическими традиционными ценностями и с дол-

госрочной ориентацией. На третьем месте фактор «готовность к деятельности», которая связана с инновативностью. Выявлены в трёх анализируемых городах значимые различия показателей: «Реализуемость базисных ценностей», экономические ценности «Долгосрочная / краткосрочная ориентация» и «Традиционные ценности», «Планирование» и «Потребность достижения». Каждый город своеобразен с точки зрения базисных и экономических ценностей, личностной готовности к деятельности и личностно-профессионального развития вузовской молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А. А. О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 243–248.
2. Атаманова И. В., Богомаз С. А. Личностная готовность современной вузовской молодежи к деятельности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Ч. 1 : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. 19–20 ноября 2018 г. / под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 134–137.
3. Богомаз С. А. Инновационный потенциал личности и его оценка // Социальный мир человека. Сер. *LinguaSocialis* : сб. ст. ; под ред. Н. И. Леонова. 2014. С. 275–279.
4. Богомаз С. А., Мацута В. В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.
5. Богомаз С. А., Атаманова И. В. Анализ ценностей современной молодежи в контексте психологической системы деятельности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. М. : Ин-т психологии РАН», 2018. С. 431–438.
6. Кондаков И. М. Методика для изучения мотивационных особенностей школьников // Журнал прикладной психологии 1998. № 24. С. 99–113.
7. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии / отв. ред. И. М. Савельева. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011, С. 98–116.
8. Хабибулин Р. К. Характеристики авторитета Российской государственной власти в сознании граждан: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015. 179 с.
9. Hofstede G., Minkov M. Values Survey Module 2013: Manual. Geert Hofstede BV, 2013. 17 p.

Specificity of personality-environment interaction: comparative analysis of value orientations of modern Russian youth

*Atamanova I. V., Bogomaz S. A.,
Boyko E. A., Ivanova E. A., Perikova E. I.*

Abstract. The article presents a comparative analysis of values and personal readiness for activity of university students who are living in cities with different innovation statuses: St. Petersburg, Tomsk and Irkutsk (N = 468). We used diagnostic methods with statistical processing (program Statistica 6. 0). There are descriptive statistics, factor analysis and analysis of variance. The results showed that basic values are a leading factor in university students, as well as an economic values, personal readiness for activity, and innovation. Significant differences of indicators were revealed in the three analyzed cities: “Realizability of basic values”, economic values “Long-term / short-term orientation” and “Traditional values”, “Planning” and “Need for achievement”. Each city is unique in terms of personal potential and personal and professional development of university students.

Keywords: values, personal readiness for activity, goal setting, planning, innovation, achievements.

Представления о коррупции как фактор первичной социализации молодежи: теоретико-методологические аспекты

Шаков А. М., Салпагарова А. У.

г. Москва, Россия

Аннотация. Высока роль психологии в исследовании проблем первичной социализации молодежи, связанных с формированием личности подрастающего поколения, выявлением психологических механизмов, факторов и условий ее протекания. Тем не менее, проявления коррупции в молодежном сознании, в частности в рамках представлений личности, пока еще не стали традиционным объектом психологических исследований. Теоретико-методологические проблемы, их обоснование и выбор конкретных методик анализа представлений молодежи о коррупции связаны с необходимостью решения многочисленных проблем. Среди таких проблем можно отметить, такие как, отсутствие научных традиций, общепринятых методологических подходов и конкретных методик исследования данного феномена. Все эти проблемы стали предметом представленного в работе анализа.

Ключевые слова: представления личности, правовое поведение, коррупция, противодействие коррупции, экономическая социализация.

Постановка проблемы. Роль психологии в исследовании проблем неправомерного поведения, связанных с формированием личности правонарушителя, выявлением психологических механизмов, детерминант и условий такого поведения и т. д. давно уже стала общепризнанной. Тем не менее психологические исследования проявлений коррупции пока еще не стали традиционным объектом в отечественной психологии [7; 11; 15]. Это связано со многими причинами, среди которых можно отметить, наряду с высокой латентностью коррупционных правонарушений, такие факторы как отсутствие научных традиций, общепринятых методологических подходов и конкретных методик психологического исследования данного феномена [14; 18].

Вместе с тем в современной психологии уже наметился целый ряд тенденций в исследовании коррупции, которые можно классифицировать по различным основаниям: уровню (макро-мезо- и микроуровни), объекту (личность, группа, общество), направленности (на психические процессы, состояния или свойства личности). В целом, результаты, полученные в ходе таких исследований и представленные в научной литературе, согласуются с позицией, что исследование коррупции все-таки поддается психологическому анализу [5; 10; 12].

В частности, анализ материалов психологических исследований коррупции и коррупционных правонарушений, обнаруживает некоторые личностные характеристики, способствующие криминальному поведению человека. Так, исследования А. А. Agbo продемонстрировали, что внешняя мотивация вызывает коррупционные тенденции, в то время как внутренняя мотивация обратно связана с коррупционными склонностями. Автором выявлено, что экстраверсия оказывает положительное влияние на коррупционное поведение и надежнее предсказывает коррупционные правонарушения, в отличие от добросовестности и ответственности, которые демонстрируют обратную связь. Анализ демографических переменных показал, что мужчины более склонны к коррупции, чем их коллеги-женщины [13].

Д. Саймон и Д. Эйтцен, исследуя коррупционное поведение «белых воротничков», пришли к мнению, что преступления высокопоставленных лиц являются самыми тяжелыми и безнравственными [18].

Среди отечественных специалистов можно выделить О. В. Ванновскую, многолетние исследования которой позволили представить своеобразный *психологический портрет коррупционера*, в которых ведущими психологическими факторами выступают стремление к роскоши, негативное самоотношение, импульсивный тип реагирования и недифференцированная иерархия нравственных установок [8]. Исследования В. В. Киселева показали, что коррупционное поведение обусловлено низкой способностью индивида противостоять давлению, нестойкостью к коррупционным воздействиям, слабым чувством ответственности и низким уровнем самоконтроля [9].

Директор Центра судебных бухгалтерских исследований при исламском университете Индонезии Х. Прабово отмечает, что коррупционные навыки не являются врожденными характеристиками личности, они формируются в рамках общества, организаций и групп. Автор отмечает, что у каждой культуры есть свой специфический набор проблем, связанных с коррупцией. В качестве примера она замечает, что в коллективистском обществе более распространен *феномен групповой коррупции*, и приобретение коррупционных навыков, как правило, происходит быстрее, чем в индивидуалистическом обществе. Такое поведение вызвано желанием людей сохранить свою групповую идентичность, «делая все то, что делают другие члены группы, будь это хорошо или плохо» [15].

Общие методологические подходы к исследованию коррупции.

В международной практике исследование проблем коррупции имеет широкое распространение. Ведущим подходом к анализу коррупции является создание банка данных, который формируется через систему постоянного отслеживания коррупционного состояния общества. Международные программы мониторинга коррупции включают в себя комплекс структурных блоков, которые ориентированы на выявление целого ряда факторов: *проявление* коррупции (международные рейтинги измерения уровня коррупции), организационно-методологические основы *измерения* уровня коррупции (чаще всего это числовые оценки – индексы репрезентативности, межстрасовых оценок, правопорядка, коррупционной устойчивости и т. д.), *оценку* проявлений коррупции в различных регионах, региональных образованиях и на муниципальном уровне (сюда же можно включить методики оценки проявлений коррупции на микроуровне – в корпорациях и учреждениях), мониторинг регулярных *воздействий* на условия возникновения коррупции со стороны властных структур. Наиболее динамичная часть мониторинга коррупции сопряжена с мониторингом *условий* возникновения коррупции. Здесь наиболее часто обращаются к разработке *базовой модели* выявления детерминант и условий распространения коррупции, связывая их с эффективностью мер по противодействию коррупции. Такие модели отличаются индивидуальной структурой, содержанием, характером используемого научного инструментария, но неизменно направлены на поиск возможностей для выявления и устранения причин коррупции [12; 15; 18].

Методики мониторинга проявлений коррупции являются достаточно объемными, сложными и дорогостоящими. Так, индикаторы развития антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики включает в себя 6 разделов: индикаторы исполнения международных стандартов; экономические и макроэкономические показатели свободы предпринимательства; показатели опросов населения; показатели опросов профессионального юридического и правозащитного сообществ; показатели опросов предпринимательского сообщества; международные оценки. Более того, каждый из этих разделов имеет свои подразделы, в которых представлено более 200 индикаторов. Несмотря на сложность и высокую себестоимость, эти методики носят лишь информативный характер и не обладают антикоррупционной эффективностью [11].

Наиболее эффективным влиянием на регулирование коррупционных ситуации обладают правовые и психологические механизмы воздействия. Но разработка и внедрение соответствующих методов также сопряжена с рядом объективных и субъективных трудностей [4, 17]. К объективно-правовым препятствиям можно отнести отсутствие консенсуса в определении самого феномена, сложность получения объективных и (или) стандартизированных первичных данных. К субъективно-психологическим факторам (и культурно-историческим) можно отнести неявное противодействие субъектов коррупционного поведения, которое связано с распространенностью мифов об исторической обусловленности коррупции, невозможности противодействия ей, романтизацией криминального поведения [16; 18]. Сюда же следует отнести сложное сплетение индивидуально-психологических характеристик личности, определяющих коррупционное поведение, которые сложно поддаются внешнему воздействию (например, алчность).

Так, Х. Прабово отмечает, что одна из самых больших ошибок в профилактике коррупции – это отношение к людям, как «к машинам, которые имеют одну и ту же архитектуру» [15, с. 39]. Автор предостерегает от самой большой ошибки, – надежды на то, что поведение людей изменится вслед за изменениями «существующих систем и структур». Он правомерно отмечает, что современные тенденции противодействия коррупции подводят к мысли, что наиболее важными и, одновременно, наиболее игнорируемыми факторами коррупционного поведения являются *гуманитарные факторы*. В профилактике коррупции разные люди (так же, как и разные социальные группы) требуют различных подходов, заключает автор (там же).

Теоретические подходы к изучению представлений о коррупции. Представления являются объектом исследования разных научных отраслей знания (философии, права, педагогики, психологии), каждая из которых вносит в определение данного феномена свою специфику. Мы рассматриваем представления как форму индивидуального познания, имеющего своим результатом целостный образ определенного объекта [1, 2]. Общие теоретико-методологические позиции в исследовании представлений можно выделить в следующих положениях [3, 17].

- Представление конституируется как на основе памяти, чувственно связывая настоящее с прошлым, так и в контексте продуктивного воображения, связывая прошлое и настоящее с будущим.

- Представления можно рассматривать и как процесс формирования образа, и как результат этого процесса.

- Исходным пунктом и результатом представлений личности является образ мира, который опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие.

- Представления, допуская возможность обобщения, выступают исходным инструментарием мыслительных операций, что позволяет оценивать представления по степени соответствия реальности (реалистическое, идеалистическое) и степени новизны и оригинальности (репродуктивное и творческое).

- Представления, выступая креативным механизмом психики, осуществляют «отрыв» от прошлого опыта, преломляют наличный опыт и на этой основе порождают новые образы.

- Процесс формирования нового образа выражается в построении самого *образа*, *средств* его трансформации и *ожидаемых* ее результатов; в создании *программы* поведения в ситуации неопределенности; в продуцировании образов, отражающих специфику *предстоящей деятельности*; в создании *воображаемых* образов, соответствующих описаниям ожидаемых (прогнозируемых) объектов, явлений и состояний.

Таким образом, представления относятся к числу высших психических процессов, которые позволяют не только познавать, но и преобразовывать мир. В одном из своих значений, представления выступают своеобразной формой обыденного сознания, посредством представлений личность воссоздает и как бы заново созидает объекты, людей, события и явления окружающего мира. Подобная трактовка феномена позволяет рассматривать представления личности как *универсальный механизм* социального познания и поведения. Как таковые, представления наделяются разнообразными функциональными характеристиками: воспроизводства образов, регуляции поведения и деятельности, оценки происходящего, прогнозирования и мотивации жизнедеятельности. Адекватность представлений способствует повышению эффективности жизнедеятельности личности [4, 17].

В рамках нашего исследования *представления о коррупции* рассматриваются как свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального окружения, которые находят свое отражение в поведении человека. В таком ключе исследования представлений молодежи о коррупции

и коррупционных правонарушениях приобретают важные психолого-педагогические аспекты, которые могут оказывать воздействие на развитие многих социальных процессов [1; 6]. Данное направление приобретает особую актуальность в рамках проблем экономической социализации молодежи [3; 10; 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности. СПб. : Изд-во НИЦ-РАТ, 2015.
2. Балова Д. Ю., Китова Д. А. Психологические особенности представлений студентов о создании семьи // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 1. С. 9.
3. Гармаев Ю. П., Китова Д. А. Экономико-правовая компетентность личности: проблемы формирования в условиях рыночных преобразований // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 9. С. 56.
4. Дышеков Б. Н., Китова Д. А. Формирование психологической готовности личности к легитимной предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 29–35.
5. Егизов У. С., Китова Д. А. Психологические особенности коррупционных представлений молодежи // Вестник УРАО. 2015. № 4. С. 50–54.
6. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017а. № 4 (85). С. 4–9.
7. Китова Д. А. Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016в. Т. 1. № 4. С. 145–167.
8. Китова Д. А. Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. 2016а. № 6. С. 131–140.
9. Китова Д. А. Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник УРАО. 2016. № 5. С. 91–97.
10. Найманова Б. А., Китова Д. А., Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 87–91.
11. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований / Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Юревич А. В. М. : Ин-т психологии РАН, 2017.
12. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.
13. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.
14. Коррупция в предметном поле психологических исследований / Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В. // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития М. : Ин-т психологии РАН, 2017.
15. Социально-психологические исследования коррупции. М. : Ин-т психологии РАН, 2017.
16. Узденов Т. М., Китова Д. А. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.
17. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества : коллекцию моногр. Карачаевск : Изд-во КЧГУ им. У. Д. Алиева, 2011.
18. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы / Юревич А. В., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А. // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3. С. 6–38.

Perceptions of corruption as a factor of primary socialization of youth: theoretical and methodological aspects

Shakov A. M., Salpagarova A. U.

Abstract. The role of psychology in the study of problems of primary socialization of young people associated with the formation of the personality of the younger generation, the identification of psychological mechanisms, factors and conditions of its course. However, the manifestations of corruption in the youth consciousness, in particular within the framework of personal representations, have not yet become a traditional object of psychological research. Theoretical and methodological problems, their justification and the choice of specific methods of analysis of youth perceptions of corruption are associated with the need to solve many problems. Among such problems can be noted, such as the lack of scientific traditions, generally accepted methodological approaches and specific methods of research of this phenomenon. All these problems were the subject of the analysis presented in the work.

Keywords: personal views, legal behavior, corruption, anti-corruption, economic socialization.

Психологические затруднения в становлении нравственно-экономического самоопределения современного юношества и направления их преодоления

Шибеева Л. В.

г. Сургут, Россия

Аннотация. Анализируется проблема исследования нравственно-экономического самоопределения как интегративного новообразования юношеского возраста. Направления ее решение предполагает объединение достижений в области изучения особенностей личностного и социального самоопределения современного поколения юношества. В тексте представлено описание результатов исследований, позволяющих подчеркнуть затруднения в реализации нравственно-этических ориентиров как средств разрешения дилемм, затрагивающих финансово-экономические проблемные ситуации повседневности и направления достижения экономического благополучия при планировании жизненных замыслов. Подчеркивается значение генетико-моделирующей методологии при описании этапов становления осознанного нравственно-экономического самоопределения. Акцентируются психологические затруднения в процессе становления осознанного устойчивого нравственно-экономического самоопределения юношества при формировании жизненных замыслов. Подчеркивается значение вариативного сопровождения контингента юношества в процессе первичной экономической социализации с учетом социальной ситуации развития.

Ключевые слова: экономическая социализация нравственно-экономическое самоопределение, многозначные проблемные ситуации, интерактивные психические новообразования, социальная ситуация развития.

Проблему изучения экономического и нравственно-этического самоопределения юношества в их взаимной связи целесообразно рассматривать в контексте изучения психологических условий и механизмов системного самоопределения подрастающего поколения в процессе достижения социальной и личностной зрелости.

Личностное самоопределение выступает прямым предметом изучения в работах известных авторов, таких как Б. С. Братусь (1988, 1994 гг.), М. Р. Гинзбург (1991, 1994 гг.), А. В. Толстых (1988 г.). В известных работах Б. С. Братуся развитие личности неразрывно связано с развитием нравственных, духовных ценностей человека [1]. Правомерно предположить, что процесс нравственно-этического и экономического самоопределения, выступая в качестве оснований личностного и социального самоопределения, взаимосвязаны, затруднения в развитии одного из них найдут свое проявление в сложностях достижения высоких уровней в другом. Эта связь все в большей мере выступает прямым предметом изучения в современных исследованиях экономического самоопределения [3; 5; 6; 14]. Анализ работ позволяет обосновать такое направление, в рамках которого нравственно-экономическое самоопределение (НЭС) рассматривалось бы как интегративное новообразование юношеского возраста [2; 12; 13; 15].

Цель исследований, выполняемых нами в этом направлении, состояла в выявлении уровневых градаций в процессе возрастнорегулируемых достижений этого интегративного новообразования, отвечающего социально-психологической зрелости. С этой целью под нашим руководством была проведена серия генетико-моделирующих исследований, в форме развивающих факультативов, в которых приняли участие старшеклассники из семей и детского дома, старшеклассники из сельской и городской школы, учащиеся профессионального колледжа.

В исследованиях осуществлялся подход к самоопределению как интерактивному новообразованию. Опираясь на положение об интерактивной природе всех психических функций, приобретаемых в онтогенезе, правомерно предположить, что такое сложное интегративное новообразование как нравственно-экономическое самоопределение и оформляется в контексте общения и взаимодействия с референтным кругом, и находит свое выражение в этом контексте.

Метод контент-анализ высказываний при решении респондентами неоднозначных моральных дилемм, как известно, выступает ведущим методом в классических исследованиях уровней морального сознания Л. Колберга [8].

Опираясь на методологию и методы задачного подхода к исследованию своеобразия психических функций, правомерно подойти к изучению самоопределения как своеобразной ориентировке в неоднозначных условиях малоопределенных жизненных задач, в которых важно учитывать и нравственно-этические и финансово-экономические аспекты в их неразрывном единстве.

В одном из первых исследований, выполненных в 2009–2010 гг., была выявлена значительная рассогласованность моральных суждений старшеклассников между социально-желательными ответами, которые были выявлены на основе дилемм Л. Колберга и суждениями подростков городских и сельских школ, выражаемыми в свободной проблемной дискуссии [12]. При проведении доверительных дискуссий выяснилось, что в спонтанных высказываниях раскрываются иные тенденции, нежели выявленные на основе опросных и анкетных методов. Так, у старшеклассников могли доминировать то крайне прагматические и эгоистические высказывания в отношении путей достижения экономического благополучия, то альтруистические, просоциальные. Последующие исследования, выполненные в 2016–2018 гг. позволили подтвердить наличие выразительного рассогласования между тем, какое обоснование получают намечаемые направления решений проблемных ситуаций, не имеющие отношения к финансово-экономической действительности и те, которые имеют отношения к ней [2; 12]. В ситуациях разрешения моральных дилемм Л. Колберга, которые относились к последним, уровни моральных суждений снижались у 70 % участников в выборке учащихся колледжа [2]. Полученные результаты свидетельствовали о том, что относительно тех ситуаций, которые содержат противоречия между финансово-экономической выгодностью решения и этической справедливостью распределения доходов, обнаруживается крайняя неустойчивость респондентов в тех жизненных ориентирах, которые они хотели бы придерживаться при оформлении жизненных замыслов. Еще большая противоречивость позиций участников проблемных обсуждений выступила в специализированном исследовании, которое позволяло выявить оценку респондентами юноше-

ского возраста возможностей достижения финансового благополучия при выборе асоциальных видов занятий в качестве профессий [2]. В этом исследовании было показано наличие крайне противоположных оценок по шкале приемлемости этих занятий, средств и способов их реализации [2].

Выявленные противоречия в обосновании путей достижения экономического благополучия в юношеских выборках свидетельствуют о наличии такого этапа развития экономического самоопределения, которой соответствует крайне неустойчивая этическая позиция. Этот период сопровождается апробированием различных вариантов жизненных замыслов, которые представляют собой своеобразное примеривание жизненных сценариев и их этического оправдания, прежде чем человек обретет уверенность выбранного им жизненного замысла [2,12,13].

К объяснению феномена неустойчивости нравственно-этических оснований финансово-экономических решений, возможно подойти на основе категорий, представленных в русле классического деятельностного подхода и современных интерпретаций сложности становления ценностно-смысловой сферы личности.

Как известно, в классическом подходе А. Н. Леонтьева, намечено разделение мотивов на «реально действующие», «смыслообразующие» и «знаемые» [9; 11]. Существование такого рода двойственности, демонстрирующей отсутствие устойчивости смыслообразующих мотивов у подростков и юношей, затрудняет адекватное вхождение молодых людей в экономическую практику жизни.

Результаты исследований позволили подтвердить необходимость оказания своевременной поддержки подросткам и старшеклассникам в оформлении у них осознанных способов и средств самоопределения в экономических проблемах как на уровне нравственно-этического мировоззрения, так и на уровне практико-бытового осознания своей финансовой стратегии и тактики в жизненных ситуациях проблемного типа. Последующий цикл исследований, ориентированных на сопровождение НЭС как осознанного жизненного сценария позволил наметить градации перехода к таким уровням, на которых оно не только выражалось в развернутом, продуктивном обсуждении аспектов многозначных ситуаций, но и проявлялось в намерениях участников деятельно реализовать этические и экономические принципы в их единстве в планируемых ими жизненных сценариях [13]. Результаты исследований

позволили подчеркнуть, что на становление столь сложного интегративного новообразования как НЭС, влияет совокупность факторов на уровне микро-, мезо- и макро-ситуации социального развития юношества, воспитывающегося в разных условиях.

Исследование позволило дать характеристику психологических условий, которые необходимо акцентировать при сопровождении контингента юношества, воспитывающегося в таких различных социальных ситуациях как городские и сельские семьи, старшеклассники из детского дома, учащиеся профессионального колледжа. Методология генетико-моделирующего исследования позволила выявить и специфические затруднения превращения «знаемых» ценностно-смысловых ориентиров при оценке сложных финансово-экономических ситуаций в средства обоснования и принятия решений, которые могли бы выступать как выражение устойчивой жизненной позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б. С. Психология нравственного сознания в контексте культуры. М. : Металджер, Роспедагенство, 1994. 60 с.
2. Бричковская О. О., Шибаева Л. В. Интеграция экономического и нравственно-этического самоопределения как вектор развития позиции субъекта жизнедеятельности в ранней юности // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Психология развития в образовательной, организационной и клинической практике. Сургут, 2017. С. 6–13.
3. Бурменко Т. Д., Карнышев А. Д. Собственность: психолого-экономический анализ. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. 316с.
4. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопр. психологии. 1994. № 3. С. 43–52
5. Дейнека О. С. Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании // Психол. журн. 2002, Т. 23, № 2, С. 36 – 46.
6. Дробышева Т. В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. М. : Ин-т психологии РАН, 2013. 312с.
7. Кричевец А. Н. Томаселло, Витгенштейн, Выготский: проблема интерпсихического // Культурно-историческая психология. 2012. № 3. С. 95–104.
8. Методика оценки уровня развития морального сознания (Дилеммы Л. Колберга) / Диагностика эмоционально-нравственного развития / ред. и сост. И. Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 103–112.
9. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
10. Леонтьев Д. А., Мандриков Е. Ю. Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 2005. № 4. С. 37–42.
11. Неймарк М. С. О соотношении осознаваемых и неосознаваемых мотивов в поведении, характеризующих направленность личности подростка // Психология личности / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Вопросы психологии, 2003. С. 60–66
12. Сандлер Т. С. Противоречивость экономического самоопределения городских и сельских старших подростков северного региона // Сборник тез. Междунар. конф. «Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы». Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. С. 404–410.

13. Солодовникова О. П. Шibaева Л. В. Нравственно-экономического самоопределения старшеклассников из семей и детского дома как основание программ преодоления дигногенеза // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2(33). С. 70–75.

14. Фенько А. Б. Дети и деньги: особенности экономической социализации // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 28–42.

15. Шibaева Л. В., Меренкова Л. Ю. Психологические условия развития экономического самоопределения будущих коммерсантов. Орел : Издательство ОРАГС 2007. 192 с.

**Psychological difficulties in moral and economic self-determination
of modern adolescents and ways to overcome them**

Shibaeva L. V.

Abstract. The work is an investigation on the study of moral and economic self-determination as an integrating psychological formation in adolescence. The methodology of resolving these difficulties is described in terms of consolidated application of achievements in the study of peculiarities of personal and social self-determination in modern youth. The study also presents a detailed exposition of research results, emphasizing the key difficulties in acquiring moral and ethical qualities (ideals) that would help resolve many dilemmas with regard to daily problem situations and achieve success and prosperity. The paper stresses the importance of genetic-modelling methodology in defining the stages in the emergence of moral and economic self-determination in adolescence, focusing on difficulties in acquiring informed and stable self-determination regarding life's most important choices and aspirations. The importance of differentiated support in the process of initial economic socialization of different groups of adolescents, taking into account crucial circumstances of their development, is emphasized throughout.

Keywords and phrases: economic socialization, moral and economic self-determination, multiple-choice problem situations, interactive psychic formations, social situation of development.

**Социокультурные ценности и символический
капитал как взаимосвязанные факторы
формирования групповой идентичности с малой
родиной у молодежи**

Грицких Н. В., Загородный В. Д.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье представлено исследование влияния символического капитала на социокультурные ценности современной молодежи Иркутской области. Изучение влияния данных взаимосвязанных факторов в перспективном развитии и при должном внедрении в работу органов государственной власти может стать фундаментом для групповой идентичности с малой родиной у молодежи.

Ключевые слова: символический капитал, групповая идентичность, социокультурные ценности.

XXI век характеризуется как период социальных, культурных и экономических трансформаций, которые имеют свое отражение во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Особую роль данные трансформации оказывают на ценности, нормы и принципы

современной молодежи, которая является самой активной социальной группой. Стоит отметить, что молодое поколение с одной стороны является крайне нестабильной социальной группой, а с другой стороны пытается преодолеть барьер нестабильности путем формирования мировоззрения, поиска своего места в социуме, планированием свое собственной жизни, выбора профессии, хобби и своего окружения и т. д. Г. Д. Зимулина отмечает, что молодежь – «это та часть современного общества, которая еще формирует свою собственную систему ценностей, и эта система во многом зависит от того, что происходит вокруг – в обществе, в семье и в вузе в частности» [1].

После распада СССР актуальность исследования динамики социокультурных ценностей российского населения, в частности молодежи, приобрели особую актуальность, ведь началась интеграция западным ценностей (индивидуализм, свобода в широком смысле, материальный достаток) в традиционную ценностную матрицу населения России. В условиях отсутствия единой государственной идеологии и основных механизмов ее формирования, при исследовании социокультурных ценностей на предмет их наличия / отсутствия и динамики, необходимо обращать особое внимание на факторы формирования данных ценностей и на роль системного влияния факторов на них.

Также стоит отметить, что в современных российских реалиях ценностный разрыв между молодежью и более старшим поколением носит более существенный характер, ведь внешние условия формирования ценностных ориентаций значительно отличаются, а, как следствие, представления органов государственной власти о современной молодежи в вопросе ценностных ориентаций может отличаться от действительной ситуации. Система корректировки ценностных ориентаций и стимуляции молодежи к реализации своего внутреннего потенциала в рамках государства, а не за его пределами, особенно в регионах, носит нечеткий характер и требует нового подхода к осмыслению данного вопроса.

По данным территориального органа федеральной службы государственной статистики по Иркутской области на конец 2018 г. в регионе насчитывается 407 777 человек в возрасте от 18 до 30 лет, что составляет 16,96 % от общего числа населения Иркутской области. Соответственно, исследование социокультурных ценностей и символического капитала современной молодежи Ир-

кутской области как факторов групповой идентичности с малой родиной является одним из приоритетных [3].

А. Ш. Назарова, раскрывая сущность социокультурных ценностей молодежи, говорила, что «на формирование у молодого поколения социокультурных ценностей оказывают влияние следующие факторы: современное состояние общества, характер развития его социальной, экономической, политической, культурно-нравственной сферы; место и роль личности в общественной жизни, ее принадлежность к классу, социальной группе, профессиональному коллективу, а также идеи и образ жизни, которые она принимает; уровень общей культуры личности, как результат приобретения социального опыта, усвоения моральных принципов и норм, определяющий степень ее самосознания; умение оценивать объективные закономерности, интересы и потребности общественного и индивидуального развития; возрастные и психофизиологические особенности личности» [2]. Исходя из некоторых положений, описанных выше, можно сказать, что на формирование социокультурных ценностей индивида влияют следующие категории: образование, престиж, честь, признание, власть, экспертное влияние, принадлежность к той или иной статусной группе, выгодные связи, репутация, внешность, кредит доверия, навыки речи, знаки высокого социального статуса. Эти понятия являются статусными характеристиками человека, а количество и качество совокупности этих характеристик, приобретённых индивидов при постоянной их демонстрации, является его символическим капиталом. То есть, можно сказать, что символический капитал – это совокупность неэкономических категорий, которые могут служить неким эквивалентом при взаимодействии или обмене между индивидами.

Значимость символического капитала была подтверждена в комплексном социологическом исследовании, разработанном лично автором, проведенного в период с апрель по май 2019 г. На базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», целью которого является выявление и анализ системы влияния символического капитала на формирование социокультурных ценностей современной российской молодежи на примере Иркутской области (табл. 1).

Распределение ответов на вопрос «Совокупность статусных характеристик образует символический капитал человека. На Ваш взгляд, в какой степени символический капитал оказывает влияние на жизнедеятельность молодежи?»

№ п/п	Варианты ответов	Мнение населения		Мнение экспертов	
		Кол-во ответов	Доля, в %	Кол-во ответов	Доля, в %
1	В значительной степени	87	28,5	3	20,0
2	В определенной степени	145	47,5	8	53,3
3	В некоторой степени	51	16,7	2	13,3
4	Не оказывает влияния	5	1,6	0	0
5	Затрудняюсь ответить	17	5,6	2	13,3
Всего		917	100,0	15	100,0

На формирование символического капитала человека влияет множество различных факторов, которые можно разделить на следующие категории: внутренние и внешние. Внутренние факторы – это те, которые исходят от самого человека и на которые в той или иной степени сам человек может повлиять. Если говорить об основных факторах формирования символического капитала молодежи, то к внутренним факторам можно отнести психические, физические, этнические в узком смысле (национальность человека), религиозные (принадлежность к какой-нибудь конфессии) и др. Внешние факторы подразумевают влияние окружающего мира на самого человека, на его способность и возможность формирования данного капитала. К ним можно отнести социальные, культурно-этнические, экономические, политические и семейные факторы. Условно, без учета талантности и девиации, можно вывести формулу формирования символического капитала человека:

$$\Delta f * \Delta F = S$$

где f – внутренние факторы; F – внешние факторы; S – символический капитал.

Для исследования динамики социокультурных ценностей в зависимости от динамики количества и качества символического капитала молодежи был разработан инновационный инструментарий на базе методики Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций индивида.

Таблица 2
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените степень схожести описанной личности с Вами?» – анализ по группам ценностей

№ п/п	Вариант ответов		Очень похож на меня		Довольно похож на меня		Немного похож на меня		Не похож на меня		Всего	
			Кол-во отв.	Доля в %	Кол-во отв.	Доля в %	Кол-во отв.	Доля в %	Кол-во отв.	Доля в %	Кол-во отв.	Доля в %
1	Самоутверждение	Власть/богатство	34	11,1	111	36,4	96	31,5	64	21,0	305	100
2		Достижения	82	26,9	111	36,4	78	25,6	34	11,1	305	100
3		Выход за пределы собственного «Я»	Универсализм	68	22,3	94	30,8	113	37,0	30	9,8	305
4	Сохранение	Благожелательность	122	40,0	125	41,0	45	14,8	13	4,3	305	100
5		Традиции	40	13,1	79	25,9	103	33,8	83	27,2	305	100
6	Открытость изменениям	Конформность	93	30,5	103	33,8	75	24,6	34	11,1	305	100
7		Безопасность	96	31,5	110	36,1	69	22,6	30	9,8 %	305	100
8		Гедонизм	90	29,5	113	37,0	78	25,6	24	7,9 %	305	100
9	10	Риск-новизна	68	22,3	104	34,1	93	30,5	40	13,1	305	100
		Самостоятельность	134	43,9	110	36,1	48	15,7	13	4,3	305	100

За основу были взяты 10 основных укрупнённых человеческих социокультурных ценности, а именно: власть/богатство; достижения; универсализм; благожелательность; традиции; конформность; безопасность; гедонизм; риск–новизна; самостоятельность. Данные социокультурные ценности были объединены в более крупные группы: самоутверждение; выход за пределы собственного «Я»; сохранение; открытость изменениям.

Анализ данных табл. 2 показал, что самая главная ценность для молодежи Иркутской области является «самостоятельность» («очень похож на меня» – 43,9 %, «довольно похож на меня» – 36,1 %). Это можно охарактеризовать именно спецификой данной социальной группы, ведь молодежь осваивает новые социальные роли и старается освободиться от влияния родителей, а также современные условия, а именно мода на «демократию», усиливают значимость свободы и самостоятельность как основной социокультурной ценности. Интересно обратить внимание на тот факт, что значимость власть, богатства («очень похож на меня» – 11,1 %, «довольно похож на меня» – 36,4 %) и достижения («очень похож на меня» – 26,9 %, «довольно похож на меня» – 36,4 %) находятся ниже, чем благожелательность («очень похож на меня» – 40,0 %, «довольно похож на меня» – 41,0 %), но имеют все-таки высокие показатели.

На основе матрицы социокультурных ценностей современной молодежи Иркутской области и ее динамики, а также степени важности символического капитала, можно утверждать о том, что для групповой идентичности молодежи с малой родиной необходима корреляция значимых социокультурных кодов молодежи и приоритетных сегментов символического капитала с социокультурным пространством региона. То есть можно сказать, что для качественной групповой идентичности молодежи со своим регионом необходимо отталкиваться от запроса самой молодежи и при помощи проектной деятельности и мультикультурного подхода давать молодежи необходимое, преломляя деятельность молодого поколения в конструктивное русло, которое может принести пользу региону и государству в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимулина Г. Д. Проблема формирования ценностных ориентаций современной студенческой молодежи // Психология, социология и педагогика. 2015. № 4.

2. Назарова А. Ш. Роль социокультурных ценностей в формировании личности. Казань : Школа, 2004. 163 с.

3. Численность населения по полу и возрасту на начало года 2018 года в Иркутской области [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики по Иркут. обл. : сайт. URL: http://195.46.100.221/questbook/files/official_stat/nasel_pol/01.01.2018/pol_otvoz_2018.xls (дата обращения: 01.05.2019).

Socio-cultural values and symbolic capital as interrelated factors in the formation of group identity with a small homeland of young people

Grizkich N. V., Zagorodniy V. D.

Abstract. This paper presents a study of the influence of symbolic capital on the socio-cultural values of modern youth of the Irkutsk region. The study of the impact of these interrelated factors in the long-term development and with proper implementation in the work of public authorities can become the Foundation for group identity with a small homeland among young people.

Keywords: symbolic capital, group identity, sociocultural values.

Представления о коррупции как психологический ресурс социализации молодежи

Гочияева П. И., Шаков А. М.

г. Москва, Россия

*Исследование проводится в рамках
проекта РФФИ № 18-013-01143.*

Аннотация. Несмотря на общепризнанную значимость психологии в противодействии протиправному поведению, психология коррупции еще не стала традиционным объектом исследований. Это связано со многими причинами, среди которых отсутствие научных традиций, общепризнанных методологических подходов и конкретных методик психологического исследования данного феномена. В работе представлены эмпирические результаты исследования представлений молодежи о коррупции. Результаты получены в ходе использования авторских методик коллектива и будут полезны для разработки программ экономической социализации молодежи.

Ключевые слова: коррупция, методологические подходы, представления молодежи, условия распространения коррупции, отношение к коррупции.

Современные психологи активно проводят как теоретические, так и эмпирические исследования коррупции [5–7; 9]. Авторы склонны утверждать, что разнородность методологических подходов и приемов в исследовании коррупции не позволяет выделить единые основания для системного анализа проблемы в целом. В частности, отмечается, что объективно коррупция объединяет несколько субъектов (участников) этого процесса. На *макросоциальном* уровне эти субъекты представлены институтами государства,

бизнеса и общества. На *микроуровне* (уровне участников коррупции) субъектами выступают госчиновники, предприниматели, руководители и «незримый Другой» (референтная группа или общественное мнение) [12; 14]. *Макропсихологические подходы* в современных исследованиях коррупции находят свое отражение самые разнообразные проблемы: переживание греха; специфика индивидуалистических и коллективистических культур; трансформация цивилизационных парадигм; сложность разграничения коррупции и других видов правонарушений; экономической «целесообразности» коррупции для развития государства и рыночных отношений и др. [4; 11; 13]. Это имеет свое объяснение, которое связано с тем, что «коррупционные цели, мотивы, ожидания людей тесно переплетаются с множеством личностных характеристик и непрогнозируемым стечением жизненных обстоятельств» [15, с. 9]. Дополнительную нагрузку накладывает на методологические подходы к исследованию коррупции и разнообразие целей конкретного эмпирического анализа. Приведем некоторые примеры: Моррис и коллеги исследовали коррупцию, опираясь на «бизнес-принцип: как можно больше прибыли для себя»; Рабл исследовал влияние на коррупцию размера «общины» и «продолжительности существования организации»; Лассус и Томешу-Хатто в основу эмпирического изучения типологии коррупционного поведения заложили механизм «оправдания»; в основу исследования Климовичского и Кареповой была положена авторская *модель* коррупционного поведения: коррупционная среда – мотивация – коррупционное поведение и коррупционная саморегуляция [подробнее см.: 8; 10; 15].

Самостоятельной методологической проблемой выступают исследования *коррупционного поведения* людей, которые так же проводятся по различным схемам. Все это позволяет утверждать, что в психологии пока не существует сколь-нибудь универсального метода измерения коррупции или принимаемой большинством методологии ее анализа. Такая ситуация, в свою очередь, создает дополнительные трудности при разработке эмпирических методов исследования коррупции. Конкретные исследования чаще всего проводятся посредством шкальных авторских методик в самых разнообразных сферах деятельности: импорт и экспорт; уплата налогов; использование займов и инвестиций; вознаграждение за выполнение общественных контрактов; принятие законов, политических и юридических решений, нормативных актов [8].

Для сбора первичных данных западные и отечественные исследователи обращаются к разнообразным индексам (Индекс восприятия коррупции – Corruption perception index, Индекс восприятия взятки – Bribery perception index) и данным опросов. При этом важно обратить внимание на практическое отсутствие социально-психологических методов измерения коррупции, как в отечественной, так и зарубежной литературе. С психологической точки зрения, существует ряд дополнительных трудностей при разработке конкретных исследовательских методик. В этом направлении уместно сказать, например, о необходимости создания специальных методик для исследования разных уровней коррупции (бытовой, корпоративной, межведомственной, государственной, международной и т. п.). Исследователи единодушно признают, что непосредственно измерить коррупцию практически невозможно. Поэтому большинство эмпирических данных о проявлениях коррупции в научной литературе «представлены на основе анализа частных событий, полевых исследований и интервью» [15, с. 117]. Наиболее рациональный путь для социально-психологического анализа феномена коррупции заключается в разработке индивидуальных опросных методик и иных социально-психологических методов, позволяющих использовать гибкий инструментарий для оценки конкретного проявления изучаемого феномена [4, 14].

Программы эмпирического исследования представлений молодежи о коррупции. С теоретических и методических позиций, первичное обращение к представлениям молодежи целесообразно организовать посредством опроса. Такой подход позволяет осуществлять непосредственное взаимодействие между исследователем и респондентами и получить ответы не только на заранее сформулированные вопросы, но и задавать уточняющие вопросы в устной форме, фиксировать и корректировать вопросы, вызывающие неоднозначное восприятие или сомнения респондентов [16; 17].

Нами были определены требования к формулировке вопросов эмпирического исследования, которые можно свести к следующим пунктам: вопросы должны быть логичными, конкретными, краткими, не содержать подсказок, исключать получение шаблонных ответов, не быть загруженными специальными или специфическими терминами. В опросы носили открытый характер, а цель исследователя заключалась в получении наиболее развернутых ответов респондентов. По завершению опроса респондентам пред-

лагалось указать некоторые социально-демографические сведения (Руководитель исследовательской группы Д. А. Китова).

Представим некоторые вопросы, включенные в опросный лист: «Почему люди дают взятки?», «Любой ли подарок является взяткой?», «Приходилось ли Вам давать взятку?», «Если приходилось давать взятку, что Вы при этом чувствовали?», «Как лучше бороться с взятками?», «Попробуйте объяснить, что такое взятка с психологической точки зрения?», «Какие преимущества дает взятка тому, кто ее предлагает?», «Как вы думаете, что чувствует человек, который берет взятку?» и т. д. [Подробнее см.: 8; 9].

Далее представлены обобщенные выводы, полученные в ходе эмпирического исследования.

Молодые люди считают коррупцию сложным, многоуровневым и опасным явлением в жизнедеятельности общества, которое представляет серьезную угрозу социально-экономическому развитию государства.

В структуре представлений молодежи о коррупции отражено более десяти видов экономических преступлений, таких как: взятничество, воровство, вымогательство, отмывание денег, мошенничество и т. д.

Использование в ходе исследований контент-анализа позволило классифицировать представления респондентов о причинах коррупции в шесть основных подгрупп: социальные, экономические, культурно-исторические, психологические, правовые и политические. При этом все представленные сферы жизнедеятельности, детерминирующие распространение коррупции, респондентами корректно выделены и описаны.

Молодые люди по-разному объясняют социальные причины коррупции и причины коррупционного поведения личности. В частности, респонденты называют шесть групп факторов распространения коррупции и лишь четыре – коррупционного поведения.

Респонденты склонны считать, что коррупционное поведение выступает проявлением личностных характеристик конкретного человека и не может быть оправданно сложившимися жизненными ситуациями, общеполитическая обстановкой или спецификой законодательной базы. Таким образом, при оценке коррупционных правонарушений объектом осуждения становится не социально-политическая ситуация в стране, а личность коррупционера.

Исторически сложившуюся традицию благодарить за оказанную услугу (помощь) молодые люди считают наиболее важным фактором, вызывающим коррупционное поведение. Респонденты склонны считать, что пренебрежение этими нормами может вызывать социальное порицание и осуждение.

К ведущим социальным факторам коррупционного поведения респонденты относят наличие устоявшейся коррумпированной среды в организациях, которая вынуждает принять устоявшиеся варианты коррупционного поведения. Сопrotивление укоренившимся стереотипам поведения, по мнению респондентов, будет провоцировать враждебное отношение со стороны коллег.

При оценке коррупционной ситуации в стране респонденты отмечают низкий уровень жизни государственных служащих и отсутствие социальных гарантий, которые вынуждают их относиться к коррупционерам с некоторой долей сочувствия и сострадания.

При оценке своего отношения к коррупционеру молодые люди приводят более 50 позиций, характеризующих коррупционера. Коррупционеры оцениваются с моральных и нравственных позиций. Более 80 % морально-нравственных оценок носят негативный характер, но с позиции организационных и профессиональных качеств коррупционеры оцениваются положительно. Оценка коммуникативных характеристик коррупционера носит противоречивый характер: встречаются как позитивные оценки, отмечающие его коммуникабельность, общительность, обаяние, так и негативные, указывающие на его грубость, наглость, лживость, жесткость.

В ответах респондентов представлены более 30 социальных сфер распространения коррупции. К наиболее коррумпированным сферам общества молодые люди относят судебные и правоохранительные органы, образование, медицину, военные комиссариаты. В меньшей степени отмечают банковскую сферу.

Респонденты, называя конкретные сферы распространения коррупции, приводят более сотни «коррупционных услуг». Характер этих ответов позволяет утверждать, что их представления о коррупции, формируются с учетом бытовых ситуаций, с которыми им реально приходится сталкиваться, – лично или опосредованно (через рассказы родителей и знакомых).

Небольшая часть молодых людей связывает коррупцию с экономическим ущербом государству, называя такие негативные последствия как нерациональное расходование бюджетных средств,

разрушение эффективности конкурентной среды, рост теневой экономики, снижение инвестиций и налогов, отток квалифицированных кадров за рубеж и т. д.

Лишь незначительная часть респондентов (1,2 %) осознает социальные последствия коррупции, связанные с ростом социального неравенства, усилением напряженности, снижением имиджа власти.

Полученные эмпирические результаты показали оценочную ориентацию молодежи на бытовой уровень коррупции, позволяющую узнать мнение молодых людей о психологических особенностях дачи и получения взятки. Полученные ответы помогут лучше понять происходящие в современном обществе процессы и совершенствовать социально-психологические технологии противодействия коррупции в молодежной среде [1–3; 17]. Понимание этих процессов может оказать существенное значение для разработки психологических технологий экономической социализации молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности. СПб. : Изд-во НИЦ-РАТ, 2015.
2. Апреликова Н. Р., Китова Д. А. Структура потребностей студенческой молодежи в знаниях по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 2 (10). С. 110–133.
3. Дышеков Б. Н., Китова Д. А. Формирование психологической готовности личности к легитимной предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 29–35.
4. Егизов У. С., Китова Д. А. Психологические особенности коррупционных представлений молодежи // Вестник Университета российской академии образования. 2015. № 4. С. 50–54.
5. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований / Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В. М. : Ин-т психологии РАН, 2017.
6. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.
7. Китова Д. А. Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. 2016. № 6. С. 131–140.
8. Китова Д. А. Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 5. С. 91–97.
9. Китова Д. А. Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 4. С. 145–167.
10. Найманова Б. А., Китова Д. А., Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 87–91.
11. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Соснин В. А., Д. А. Китова. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.
12. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.

13. Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в предметном поле психологических исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития М. : Ин-т психологии РАН, 2017.

14. Соснин В. А., Китова Д. А. Макропсихологические аспекты исследования коррупции // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1. С. 129–141.

15. Социально-психологические исследования коррупции / отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М. : Ин-т психологии РАН, 2017.

16. Узденов Т. М., Китова Д. А. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.

17. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества. Карачаевск : Изд-во Карачаево-Черкес. гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2011.

Perceptions of corruption as a psychological resource of youth socialization

Gochiyeva P. I. Shakov A. M.

Abstract. Despite the generally recognized importance of psychology in combating illegal behavior, the psychology of corruption has not yet become a traditional object of research. This is due to many reasons, including the lack of scientific traditions, generally recognized methodological approaches and specific methods of psychological research of this phenomenon. The paper presents the empirical results of the study of youth perceptions of corruption. The results obtained in the course of using the author's methods of the team and will be useful for the development of programs of economic socialization of young people.

Keywords: corruption, methodological approaches, representations of youth, conditions of corruption spread, attitude to corruption.

Кросскультурные особенности ценностных ориентаций молодежи Республики Бурятия

Ревина Е. В., Гунзунова Б. А.

г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Рассматривается вопрос кросскультурных особенностей ценностных ориентаций современной молодежи. Дана характеристика ценностных ориентаций личности в кросскультурной психологии. Формирование ценностных ориентаций личности в кросскультурной психологии и в отечественной этнопсихологии рассматривается как динамический процесс, обладающий некоторыми функциями, основной из которых является регулятивная функция, а именно – регулирование поведения личности в определенных социальных условиях. Описаны вопросы межнационального общения и межэтнических контактов. Представлены результаты сравнительного анализа ценностных ориентаций молодежи Республики Бурятия. Проводится сравнение иерархии ценностей бурятской и русской молодежи. Выявлена структура ценностных ориентаций современной молодежи. Определены различия ценностных ориентаций, обусловленные этническими и культурными факторами. Изучены типы ценностных детерминант представителей бурятской и русской молодежи. В основу ценностных ориентаций представителей русской культуры лежат ценности социализации и самостоятельности. Молодежь бурятской национальности важнейшими считают ценности адаптации и безопасности общества.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, молодежь, кросскультурные особенности, межнациональное общение.

Ценностные ориентации личности, связывающие ее внутренний мир с окружающей действительностью, образуют сложную многоуровневую иерархическую систему. Такая система является одним из основных слагающих структуры личности и занимает пограничное состояние между ее мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов. Соответственно ценностные ориентации личности выполняют двойственные функции. Во-первых, система ценностных ориентаций выступает в качестве важного контрольного органа регуляции всех побудителей активности человека, определяя приемлемые формы их регуляции; а во-вторых – выступает в качестве внутреннего источника жизненных целей человека, выражая соответственно то, что является важнейшим психологическим органом саморазвития и личностного роста [4].

В современном мультикультурном обществе у каждого народа существуют модели культуры со своей специфической самобытностью и вероисповеданием. В свою очередь в культурных моделях объективированы образцы социотипического поведения этнических групп, имеющие противоречия и не совпадающие друг с другом, что может привести к непониманию представителей различных культур. Однако, психология человека, функционирующая по универсальным механизмам, имеет те сферы проявления, где социотипическое поведение той и другой этнической группы найдет психологическую зону совпадения. Эта зона совпадения моделей поведения, ценностей и смыслов будет основой понимания сходств культур в многообразии межкультурных различий, единства общечеловеческих ценностей в межэтническом взаимодействии.

Современная социально-экономическая ситуация в России характеризуется формированием поликультурной среды, обусловленной миграцией и интенсификацией межэтнических контактов, что ведет к трансформации ценностно-нормативной системы социокультурной среды, влияющей на развитие ценностных ориентаций современной молодежи [2].

Формирование ценностных ориентаций личности в кросскультурной психологии и в отечественной этнопсихологии рассматривается как динамический процесс, обладающий некоторыми функциями, основной из которых является регулятивная функция, а

именно – регулирование поведения личности в определенных социальных условиях. Личность, чтобы чувствовать себя полноправным членом общества, должна оценивать себя, свою деятельность, свое поведение с позиций соответствия их ценностям и нормам культуры, общества, в котором она существует [1].

В современном мире происходят глобальные процессы, ускоряется темп активности, появляются новые формы коммуникаций, претерпевают изменения личностные и социальные ценности. Эти процессы характерны и для российского общества, переживающего острый «кризис ценностей».

Изучение ценностных ориентаций современной молодежи, особенно в переходные, нестабильные периоды развития общества, имеет особое значение, поскольку молодежь наиболее динамична и чутко реагирует на социальные перемены. Чтобы понять, в какую сторону молодежь будет продвигать общество и его развитие, необходимо знать, на что она ориентирована, что представляет для нее ценность, что является ее ценностными ориентациями.

Проблема межнационального общения всегда была и будет актуальной, ею всегда интересовались ученые многих стран. Вопрос межнационального общения является сложным и многогранным. В обществоведческой науке рассматриваются различные аспекты этой проблемы: социально-психологический, социально-политический, социологический, лингвистический и др. Межнациональное общение – это вид социального общения, обусловленный основными сферами взаимодействия народов – экономикой, политикой, наукой, культурой, языком. Этика межнациональных отношений есть «не что иное, как высокая степень совершенства и развития этих отношений, которые проявляются в межнациональных и духовных связях разных народов, в соблюдении определенного нравственного такта и взаимной уважительности людей различных национальностей друг к другу, в их общении и недопустимости какого-либо пренебрежения к языку, национальным обычаям и традициям других народов» [3, с. 59].

В данных условиях наше исследование направлено на сравнительный анализ кросскультурных особенностей ценностных ориентаций современной молодежи Республики Бурятия.

В исследовании мы ставили перед собой следующие задачи:

1. Выявить структуру ценностных ориентаций современной молодежи Республики Бурятия.

2. Проанализировать кросскультурные аспекты иерархии ценностных ориентаций русской и бурятской молодежи.

В нашем исследовании приняло участие 162 человека, из них 81 респондент русской национальности и 81 респондент бурятской национальности в возрасте от 19 до 30 лет. Нами использованы методы: методика Р. Инглхарта для изучения ценностей структуры массового сознания (в модификации М. С. Яницкого) [1] и «Ценностный опросник» Ш. Шварца [5].

Анализ данных, полученных с помощью методики Р. Инглхарта (табл. 1.), показал, что в выборке русских респондентов 54,8 % и в выборке бурят 48,4 % составляют люди, относящиеся к социализирующемуся типу, т. е. для них значимо социальное одобрение, они ориентированы на других людей, на интеграцию в обществе, на достижение определенного статуса в обществе, о чем свидетельствует выбор ими следующих позиций теста – хорошая, престижная работа, уважение окружающих и семейное благополучие.

Таблица 1

Типы ценностных детерминант молодежи, %

Ценностный тип	Русские	Буряты
Адаптирующийся	45,2	51,6
Социализирующийся	54,8	48,4
Индивидуализирующийся	0	0

Молодежь, ориентирующаяся на адаптирующиеся ценности, составила 45,2 % респондентов русских и 51,6 % респондентов бурят. Люди, относящиеся к этой категории, склонны к выживанию и беспокоятся о своей безопасности, для них важен материальный достаток, хорошее самочувствие и стабильность в обществе.

Результаты, полученные по методике исследования ценностных ориентаций Ш. Шварца, позволили нам выявить следующие результаты, которые отражены на рисунке. Из данного рисунка видно, что системы ценностных ориентаций представителей русской и бурятской современной молодежи Республики Бурятия имеют как общие черты, так и различия. На первые места русские ставят «доброту», «самостоятельность», «достижения» и «безопасность». А буряты – «универсализм», «безопасность» и «достижения». Таким образом, для русских более важно самостоятельное достижение успеха и статуса в обществе. Для них очень ценна дружба и честность по отношению к другим, социальный

порядок и безопасность родных. Для людей бурятской национальности важна умеренность, здоровье и взаимопомощь. Для них свойственна терпимость и понимание к другим людям.

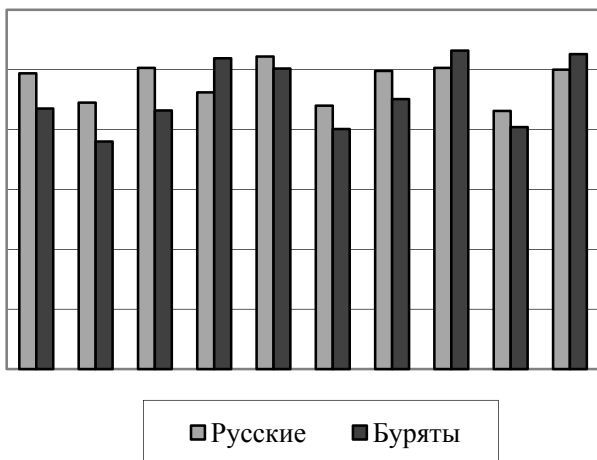

Рис. 1 Средние показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов среди русских и бурят

Для сравнительного анализа ценностных ориентаций молодежи Республики Бурятия, выявленных по методике Ш. Шварца, мы применили непараметрический U-критерий Манна – Уитни, результаты которого представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели результатов сравнительного анализа ценностных ориентаций представителей русской и бурятской национальности

Шкалы	Буряты	Русские	Mann-Whitney U	Sig. *
Конформность	26,37	36,63	639,500	0,24
Традиции	25,71	37,29	660,000	0,11
Доброта	24,18	38,82	707,500	0,001
Универсализм	25,16	37,84	677,000	0,005

Данные свидетельствуют о статистически значимых различиях по шкале «Конформность» (выборка бурят: средний ранг – 26,37; русские: средний ранг – 36,63; U-критерий Манна – Уитни – 639,500, ($p < 0,05$)). Различия указывают на то, что представителям русской национальности свойственна сдержанность в действиях и

побуждениях, которые могли бы навредить другим или не соответствуют нормам социума. Они более сдержаны и самодисциплинированы.

Шкала «Традиции» (выборка бурят: средний ранг – 25,71; русские: средний ранг – 37,29; U-критерий Манна – Уитни – 660,000, ($p < 0,05$)), свидетельствует об уважении и поддержании идей своей культуры и религии у представителей русской выборки.

По шкале «Доброта» было выявлено, что русская молодежь сфокусирована на сохранении и преумножении благополучия людей, которые их окружают, они более снисходительны и дружелюбны (выборка бурят: средний ранг – 24,18; русские: средний ранг – 38,82; U-критерий Манна – Уитни – 707,500, ($p < 0,05$)).

Шкала «Универсализм» (выборка бурят: средний ранг – 25,16; русские: средний ранг – 37,84; U-критерий Манна – Уитни – 677,000, ($p < 0,05$)), указывает на то, что для русской молодежи характерна терпимость и понимание.

Таким образом, установленные достоверно значимые различия между ценностными ориентациями в группах русской и бурятской молодежи позволили прийти к выводу, что в иерархии ценностей представителей данных национальностей имеются как общие элементы, так и расхождения, обусловленные этническими и культурными факторами. В основу ценностных ориентаций представителей русской культуры лежат ценности социализации и самостоятельности. Такие данные можно объяснить стремлением данного народа к построению карьеры и к общественному признанию. Молодежь бурятской национальности важнейшими считают ценности адаптации и безопасности общества. Они ориентированы на порядок в обществе, здоровье и материальное благополучие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова Д. Р. Исследование ценностного компонента образа мира молодежи: модифицированный тест Р. Инглхарта-М. Яницкого // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 5. С. 3–7.
2. Герасимова И. А. Формирование ценностных ориентаций молодежи в условиях современной социально-культурной деятельности // Вестник МГУКИ. 2013. № 4(54). С. 92–98.
3. Гунзунова Б. А. Особенности этнической толерантности у студентов // Этнопсихология: Актуальные проблемы современного мира. 2015. С. 59–65.
4. Янко Е. В., Аршинова Е. В. Особенности смысложизненных ориентаций и иерархий ценностей у студентов вузов различных ценностных типов // Психология. Историко-критический обзор и современные исследования. 2014. № 6. С. 82–97.
5. Яницкий М. С., Серый А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности: учебное пособие. Новокузнецк, 2010. 102 с.

Cross-cultural features of value orientations of young people

Revina E., Gunzunova B.

Abstract. The question of cross-cultural features of value orientations of modern youth is considered. The characteristic of the value orientations of the individual in cross-cultural psychology is given. Formation of value orientations of the individual in cross-cultural psychology and in national ethnopsychology is considered as a dynamic process with some functions, the main of which is the regulatory function, namely, the regulation of personality behavior in certain social conditions. The issues of inter-ethnic communication and inter-ethnic contacts are described. The results of a comparative analysis of the value orientations of the youth of the Republic of Buryatia are presented. A comparison of the hierarchy of values of the Buryat and Russian youth. The structure of value orientations of modern youth is revealed. Differences in value orientations due to ethnic and cultural factors are identified. The types of value determinants of representatives of the Buryat and Russian youth are studied. The values of socialization and independence underpin the value orientations of representatives of Russian culture. The youth of the Buryat nationality consider the values of adaptation and the safety of society to be the most important.

Keywords: values, value orientations, youth, cross-cultural features, inter-ethnic communication.

Психологические подходы к проблеме формирования этнической идентичности в процессе психологического консультирования

Лутошлива Е. С.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье этническая идентичность рассматривается в русле нескольких психологических подходов: концепции персонализации А. В. Петровского, теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, теория межэтнической напряженности Г. У. Солдатовой. Отмечается возможность формирования этнической идентичности в процессе психологического консультирования с опорой на феноменологическую модель развития личности на основе персонального экзистенциального анализа, разработанного А. Лэнгле, гештальт-подход, а также когнитивно-поведенческий подход. Делается вывод о необходимости формирования в процессе психологического консультирования сознательного отношения к выбору этнической идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, самополагание, концепция самодетерминации, психологическое консультирование

Согласно американскому ученому Л. Фоллерсу, центральный вопрос для любого этноса на протяжении всей истории человечества заключался в выражении своих представлений о себе как таковых на индивидуальном и коллективном уровнях [6; 15].

Вслед за Т. Г. Стефаненко мы рассматриваем этническую идентичность как результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов, как осознание, восприятие, понимание, оценивание и переживание своей принадлежности к этносу [12].

Этническая идентичность является составляющей частью субъектности, самополагания и личностной автономии. В рамках концепции персонализации Петровского А. В., Петровский В. А. характеризует автономную личность, как обладающую способностью подниматься над уровнем требований ситуации через принцип «активной неадаптивности», согласно которому «осуществляя ситуативно-избыточное преодоление внешних и внутренних ограничений, личность раскрывает себя как субъект, бросающий вызов ситуации, оспаривающий непредрежденность ее исходов [4; 9].

Этническая идентичность позволяет удовлетворять как потребность в независимости от других людей, так и потребность в принадлежности.

При этом Фихте указывает, что самополагание «я» неотделимо от его самопознания [8], а в рамках проблемы этнической самоидентичности – от самопознания себя как части определенного этноса, так как этническая идентичность – это результат самокатегоризации, достигаемой индивидом в итоге конструирования образа окружаемого мира и своего места в нем [12]. Поэтому этническая идентичность человека может не совпадать с официальной или приписываемой. В связи с тем, что этническая идентичность не возникает автоматически, а формируется в процессе социализации, в ходе развития личности с учетом особенностей культурной среды, по мере усвоения человеком стереотипов поведения, принятых в данной этнической группе и культуре [10], то могут возникать проблемы этнического самоопределения и самополагания.

Наиболее предпочтительным подходом к изучению проблемы этнической идентичности мы считаем подход в русле теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [16]. Авторы указывают на необходимость опираться на внутренне постулируемые (самодетерминированные) мотивы, критерии и смыслы и, следовательно, иметь выбор в отношении своих действий в противоположность подчинению внешним детерминантам. Это касается и вопросов этнической идентичности, так как не все этнические традиции, и связанные с ними культурные и религиозные правила, могут одобряться социальным окружением.

По мнению Э. Дейси концепция самодетерминации снимает противоречие между идеей абсолютной свободы воли человека и идеей жесткого внешнего детерминизма [1]. Возможность существования внутреннего механизма предопределения поведения, с

одной стороны, позволяет выстраивать определенные ожидания относительно русла и качества этого поведения, и делать прогнозы, с другой – оставляет за человеком право выбора, обуславливая свободу действий. Автономная личность, в рамках теории самодетерминации, действует, исходя из глубинного ощущения себя, что характеризует личность как «самоиницируемую и саморегулируемую, в отличие от ситуаций принуждения и соблазна, когда действия не вытекают из глубинного Я» [7]. Э. Дейси считает, что повышение уровня самодетерминации приводит к росту мотивации и повышению уровня сложности выполняемой задачи, а также к понижению уровня стресса [16]. Таким образом, можно говорить о том, что человек, опирающийся на этническую идентичность в процессе самоосуществления, обладает не только удовлетворительным уровнем субъективного психологического благополучия, но также обеспечивает себе комплексное развитие в мотивационной и когнитивно-познавательной сферах. Одним из важнейших последствий обретения этнической идентичности является заряженность личности энергией и мотивация поиска собственного курса поведения [17]. Позитивное представление о своей этнической группе, о своей культуре, удовлетворенность членством в этнической общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения своего народа дают человеку ощущение психологической безопасности и стабильности [2].

А потеря этнической идентичности может приводить к снижению уровня субъективного благополучия, возможным проявлениям соматических реакций, депрессивным состояниям [16].

Г. У. Солдатова, опираясь на идею Э. Эриксона, о том, что кризисы общества есть особый поворотный пункт в развитии личности, при котором создаются элементы новой идентичности, отмечает, что это также поворот к поискам новой идентичности и для целых этнических групп. Трансформации этнического самосознания начинаются с его ядра – этнической идентичности. Предлагается рассматривать три вида ее трансформации:

а) этническая идентичность может «размываться», что выражается в неопределенности этнической принадлежности;

б) возможен отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию;

в) этническая идентичность может гиперболизироваться и в контексте межэтнических отношений принимать дискриминационные формы [5].

Психологическое консультирование может способствовать обретению и отстаиванию собственной ценности в рамках определенного этноса, развитию способности совершать самостоятельные выборы и поступки, что позволит создать фундамент для долгосрочных и самоподдерживающихся изменений.

В процессе психологического консультирования Е. Б. Станковская предлагает использовать феноменологическую модель развития личности с опорой на персональный экзистенциальный анализ, разработанный А. Лэнгле. К основным способам работы она относит критическое осмысление современного образа субъекта в рамках существующей культуры, в сочетании с «контркультурными» приемами, беседы, способствующие восстановлению самоопределения, прояснение собственных мотивов и возможностей в контексте реализации потенциала, помощь в построении отношения к себе [11].

Мы считаем, что этническая идентичность не является неизменной психологической характеристикой, а нарушения, возникшие в данной сфере, могут быть устранены. Для этого можно использовать гештальт-подход, как «процесс фокусированного внимания и восприятия своих чувств, мыслей, телесных ощущений в отношениях с людьми или во взаимосвязи с окружающим миром, переживаемых в данный конкретный момент. Результатом процесса осознания становятся изменения восприятия нового опыта и детерминации поведения» [13].

Согласно наблюдениям М. Сильвы и Д. Марклэнда жесткие внешние предписания социума при оценке определенной этнической принадлежности могут подрывать стремление к самоопределению и провоцировать смещение локуса каузальности с внутреннего на внешний. Понятие локуса каузальности отражает, на что ориентируется человек, когда ведет себя определенным образом. Если человек основывается на собственном автономном выборе – это внутренний локус контроля, на внешних требованиях или ожидаемой награде – это внешний локус, на невозможности достижения желаемого результата никаким путем – это безличный локус [16].

Сформированная этническая идентичность позволяет не только осознавать свою этническую принадлежность, но и переживать

данную принадлежность как одну из составляющих в системе представлений личности о себе [8], что предполагает именно внешний локус каузальности.

Формирование позитивной этнической идентичности, по мнению Ю. А. Идрисовой [3], обеспечивает комплекс психолого-педагогических условий: развитие мотивации к изучению этнопсихологических проблем; осознание значимости этнопсихологических знаний и личностного смысла в их приобретении; формирование этнической толерантности как положительного отношения к своей и иным этническим группам; формирование поведенческих стратегий личности в качестве представителя этнической группы; усвоение системы этнокультурных знаний. С нашей точки зрения, достаточно эффективным для этого может быть когнитивный или когнитивно-поведенческий подход, основанный на попытке изменить ассоциации и ложные парадигмы у людей с несформированной этнической идентичностью по отношению к определенному этносу, включающий такие техники терапии, как рационально-эмоциональную (рационально-эмотивную) и десенсибилизацию, чтобы конструктивно воздействовать на эмоции и поведение людей, имеющих проблемы с этнической идентичностью [14].

Можно говорить о том, что возможности влияния на состояние этнической идентичности в процессе психологического консультирования существуют, хотя еще недостаточно изучены.

Поскольку процесс психологического консультирования предполагает осознание клиентом ответственности за происходящее с ним, а также готовность самостоятельно предпринимать определенные действия для достижения желаемого результата, связанного с решением заявленной проблемы, само по себе взаимодействие с психологом-консультантом уже является событием, оказывающим влияние на этническую идентичность.

В ходе психологического консультирования клиент «поднимается на надситуативный уровень и с высоты нового видения своей проблемы изменяет свое отношение к ней. Реализация надситуативного подхода позволяет клиенту посмотреть на беспокоящую его ситуацию со стороны и определить степень своей причастности к причинам ее возникновения». Принятие клиентом ответственности задействует личностный ресурс, необходимый для активизации изменений.

Работа психолога-консультанта по формированию этнической идентичности должна быть направлена на формирование осознанного личного выбора этнической принадлежности, адекватной степени личной ответственности за этот выбор, внутренней согласованности мотивов, решений, поступков с опорой на собственные детерминанты, связанные с этносом, представленные системой ценностей и мнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 4(12). URL: <http://psystudy.ru/num/2010n4-12/343-gordeeva12>
2. Гриценко В. В. Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // Изв. Саратов. ун-та. Т. 6. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1/2. С. 62–70.
3. Идрисова Ю. А. Формирование позитивной этнической идентичности старших подростков : дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2007. 200 с.
4. Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. 240 с.
5. Лебедева Н. М. Этнопсихология : учеб. и практикум для акад. бакалавриата. М. : Юрайт, 2014. 647 с.
6. Лебон Г. Психология толпы. Социальные и политические механизмы воздействия на массы : сборник. М. : Эксмо; СПб. : TERRA FANTASTICA, 2003. 794 с.
7. Леонтьев Д. А. Психология личности. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1. С. 15–25.
8. Науменко Л. И. Этническая идентичность [Электронный ресурс] // Социология: энциклопедия. URL: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/372 (дата обращения: 08.05.2019)
9. Петровский В. А. Человек над ситуацией. М. : Смысл, 2010. 559 с.
10. Приписнова В. В. Этническое самосознание современных студентов [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/64471> (дата обращения: 08.05.2019)
11. Станковская Е. Б. Переживание «я могу»: опыт реконструкции субъекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 125–132.
12. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
13. Федоренко Е. Ю., Островская Е. В. Личностная автономия и возможности ее развития средствами групповой гештальт-терапии // International Journal of Experimental Education. 2017. № 5. P. 84–85.
14. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. 400 с.
15. Fallers L. The Anthropology of the Nation-State. Chicago, 1968. P. 23–27.
16. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55. P. 68 – 78.
17. Zimmer-Gembeck M. J., Collins W. A. Autonomy development during adolescence. In: G. R. Adams, M. Berzonsky (Eds.), Blackwell Handbook of adolescence. Oxford : Blackwell Publishers, 2003. P. 175–204.

Psychological approaches to a problem of formation of ethnic identity in the course of psychological consultation

Lutoshliva E. S.

Abstract. In article the ethnic identity is considered in line with several psychological approaches: concepts of personalisation of A. V. Petrovsky, theory of self-determination E. Desya and R. Ryan, theory of interethnic tension of G. U. Soldatova. The possibility of formation of ethnic identity in the course of psychological consultation with a support on phenomenological model of personal development on the basis of the personal existential analysis developed by A. Lengle, gestalt approach and also cognitive and behavioural approach is noted. The conclusion about need of formation in the course of psychological consultation of conscientious attitude to the choice of ethnic identity is drawn.

Keywords: ethnic identity, samopolaganiye, concept of a sa-modetermination, psychological consultation.

Психологические особенности формирования временной перспективы подростков

Канавина С. С.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено понятие «временная перспектива» в контексте жизненного пространства личности. Были описаны ее основные характеристики, компоненты и дана отсылка к наиболее распространенной классификации видов временной перспективы. Подчеркнута роль двух наиболее личностно-формирующих видов времени – будущего и гедонистического настоящего. Показана важная роль темпоральных знаков для разграничения событий, включенных в осознаваемый опыт. Внимание также было акцентировано на понятиях супер-темпоральности и транстемпоральности, определяющих временные рамки развития социума. Выделена возрастная категория подростков как лиц, обладающих наименее устойчивой временной перспективой и нуждающихся в ее экологичной коррекции. Поставлен вопрос о необходимости работы с трансцендентным будущим, в частности, среди подростков и роль этого будущего в процессе становления личности.

Ключевые слова: временная перспектива, будущее, темпоральные знаки, трансцендентное будущее, подростковый возраст

В настоящее время феномен временной перспективы, отражающий особенности личностного развития, казалось бы, изучен в полной мере. Прошедший долгий путь от неопределенности интерпретаций в рамках аристотелевского времени до самостоятельного понятия, наиболее полно раскрытого в работах К. Левина, К. Леннинга, Дж. Нюттена и Ф. Зимбардо [4; 5; 8; 10], он наконец получил признание со стороны психологических школ и стал рассматриваться в контексте многих категорий. Наиболее многообещающими нам кажутся исследования, направленные на изменение временной перспективы среди подростков.

Понятие временной перспективы само по себе является динамическим образованием личности, отражающим существующую в момент «здесь-и-сейчас» целостность видения индивидом своего психологического будущего, настоящего и прошлого. Временная перспектива позволяет единовременно оперировать событиями, принадлежащих любому временному отрезку, для выбора наиболее оптимальных поведенческих паттернов. Все события маркируются при помощи темпоральных знаков – особых меток сознания, позволяющих разграничивать объекты между собой [8]. Наличие знаков подтверждает необходимость включения во временную перспективу когнитивных операций, позволяющих разграничивать понятия настоящего, прошлого и будущего [10].

Жизненное пространство личности [5] охватывает собой все множество событий реального и ирреального уровней, определяющих поведение человека и задающих определенный, зачастую неосознаваемый вектор движения. В случае работы с подростками это усложняется отсутствием жизненного опыта, несформированностью мышления и социальными трудностями.

Сензитивность временной перспективы подростка по отношению к будущему неоспорима; она обладает крайне неустойчивым и динамичным характером. Данный возраст является крайне важным для построения адекватной временной перспективы: подростку необходимо задумываться о вопросах самоопределения, личного места в жизни, принятии определенных социальных ролей и овладении необходимыми жизненными навыками. Для подавляющего большинства подростков жизнь состоит пока что из одного, ни к чему не обязывающего предисловия. Многие подростки нуждаются в осознании того, что бездеятельное настоящее не сможет им гарантировать желаемого будущего. Насыщение настоящего реальными задачами, целями, установками и ценностями преодолевает блок острой сензитивности и укрепляет временную перспективу, направляя ее в сторону будущего.

Ориентация на будущее [4] по праву считается одной из самых стабильных и гармоничных. Почти вровень с ней стоят ориентации на позитивное прошлое (обеспечение необходимым опытом и ЗУН) и гедонистическое настоящее (принятие жизни во всех ее лучших проявлениях и получение положительных эмоций).

Саму жизнь можно рассматривать как некий цикл, включающий неизменные стадии, каждая из которых активизируется по зара-

нее прописанному сценарию. Будущее начинает разворачиваться в настоящем через принятие ряда решений и осуществления прогнозирования успешности своих действий; прошлое повторно открывается в воспоминаниях за счет взаимодействия эффективного и когнитивного компонентов, вызывающих в сознании наиболее важные образы. Настоящее аккумулирует в себе все и сразу, на фоне развертывающихся внешних событий, и помогает осуществлять переход на определенную фазу жизненного цикла.

Таким образом, временная перспектива приобретает холистический характер и, как и любая другая структура, обладает рядом особенностей [8]: протяженность в прошлое или будущее; глубина и насыщенность переживаний, степень структурированности событий в жизни человека и их плотность; степень структурированности всех событий – наличие или отсутствие связей между объектами или группами объектов; уровень их реалистичности, вне зависимости от их временной протяженности.

Задачей выделенных характеристик является формирование личностного отношения ко всем имеющимся в перспективе точкам и выделение каждой за счет проявляемых эмоциональных реакций, сопутствующих когниций, антиципаций или реально совершаемых действий. Такие связи, между темпоральными объектами и сопровождаемыми их психологическими явлениями, являются единицами для анализа психологического времени [1]. Каждая из внутривременных связей существует одновременно на субъективном и реальном уровнях, что подразумевает неравномерность течения времени: оно становится способно растягиваться, сжиматься, замедляться, прерываться или пульсировать по кругу, в зависимости от личностных переживаний.

Особую роль этому процессу придает феномен личностного смысла, который позволяет приватизировать жизненные события, пропустив их сквозь ряд внутренних реакций и пометив каждое темпорально-аффективными знаками. Любой объект в жизненном пространстве проходит сквозь оба форпоста: получая временную отметку, он закрепляется в памяти, а, пройдя сквозь переживания, – обретает особый глубинный смысл, способный раскрыться даже в весьма отдаленном будущем.

Конечно, подростковый возраст накладывает огромное количество ограничений на саму временную перспективу в принципе: большинство подростков застревают в гедонистическом или фата-

листичном настоящем, предпочитая плыть по течению жизни безо всяких усилий. Преодоление данного барьера и разрушение механизма дереализации требует больших усилий.

Таким образом, осознанное восприятие времени не является врожденным навыком, и каждый индивид способен выстроить его самостоятельно, с опорой на приемлемое для него будущее [3]. На сегодняшний день доказано, что становление позитивной временной перспективы является результатом успешной социализации. Поскольку становление временной перспективы начинается в подростковом возрасте, необходимо обращать внимание на ведущую деятельность того периода – интимно-личностное общение, через которое подросток интегрирует себя и свое еще не полностью сформированное «Я» в социум.

Социум подразумевает, что всегда нужно помнить о существовании супертемпоральности, лишаящей человека неспешного развития на собственных условиях: двигаться в ногу со временем становится все сложнее даже для молодежи и подростков, бесконечно обновляется не только арсенал всевозможных гаджетов, упрощающих процесс адаптации к обновленным реалиям, но и сугубо социальные позиции. В связи с этим представляется возможным ввести еще одно понятие – транстемпоральность [7], представляющее «соединение длительностей и переходов различных времен жизни целостностью себя в мире», т. е., существование человека происходит на гораздо большем числе уровней: в соответствии с естественным и индивидуальным ходом времени, на фоне бытия человека во времени и среди множества темпоральностей. Данная мысль интересна своим новаторским подходом к пониманию временной перспективы и уклоном в сторону трансцендентного будущего [4].

Осознание трансцендентности времени – его части за пределом психологического и реального пространств – подросткам недоступно ввиду их общей неготовности к восприятию столь сложных конструктов. Однако парциальное и вдумчивое внедрение в их жизнь трансцендентных элементов действительно поможет сформировать более глубокую личность. Предполагается, что это также скажется и на проявляемых качествах: развитая эмпатия, толерантное отношение к окружающим, склонность к рефлексии и вдумчивому анализу возможных перспектив. Наличие столь сильной и непобедимой ролевой модели детей более младшего возраста

та зачаровывает, подростков – ведет за собой и учит размышлять, а взрослым помогает поддерживать жизнь в состоянии гармонии. Речь не идет о том, чтобы примкнуть к какой-либо религиозной конфессии, скорее, о расширении границ сознания: ведь если на Земле всегда можно найти того, кто окажется лучше, то разве не стоит предположить, что нечто большее является тоже вполне реальным?

Конечно, в рамках человеческого существования превзойти некую трансцендентную сущность невозможно, однако одно допущение ее существования обеспечивает большую фиксацию на временной перспективе будущего, а, следовательно, и расширение пространства для взращивания целостной системы мотивов.

Мотивация задает цели, расположенные в определенных темпоральных отрезках, и более детально проявляется в форме конкретных объектов-целей, т. е., мотивация отражается во временной перспективе и формирует ее, исходя из имеющихся в сознании образов [8]. Система мотивов также способствует расширению границ временной перспективы за счет необходимости осознания и размещения пресловутых мотивов на соответствующих им временных отрезках. Трансцендентный мотив отражает бесконечный поиск новых объектов, способных уложиться в жизненное пространство личности. Трансцендентное будущее открывается сразу же за границей будущего реального, земного, а, следовательно, требует особого внимания к своему предшественнику. Проявление временной перспективы будущего на уровнях формирования мотивов и поведения способствует человеческому прогрессу в общем.

Подростки боятся осознавать важность подобных изменений, поскольку на данном этапе они осваивают разделение психологического и реального времени. Динамические представления в их разумах меняются за счет чувствительности к реакциям ближайшего окружения, которое в большинстве своем состоит из таких же подростков, стремящихся к нахождению собственной идентичности, так и за счет развитости клипового мышления, которое существенно снижает когнитивные возможности человека, а также оказывает деструктивное влияние на временную перспективу, которая в рассматриваемом подростковом возрасте находится на стадии формирования.

С учетом сказанного будет уместно упомянуть американский эксперимент с маршмеллоу, в котором оценивали развитость понятия отсроченной выгоды среди детей [11]. Подростки, остающи-

еся детьми на многих уровнях, также склонны к получению мгновенной выгоды. Они не осознают смысл отсроченной выгоды; тот самый смысл, который, преломляясь сквозь личные переживания и горький опыт [6], становится личным и подтвержденным.

Достаточное количество смыслов существенно обогащает временную перспективу: дает большую глубину и насыщенность, наполняет эмоционально и увеличивает уровень индивидуальной активности. Такое будущее, основанное на репрезентации пережитого опыта, не всегда формируется устойчивым и перманентным. Его сохранение требует большого количества усилий, к которым подростки в силу возраста не способны.

Целью работающего с подростками психолога должно становиться формирование стабильной перспективы будущего, основанной на простых и понятных их ценностях: привлечение внимания противоположного пола, гармония в отношениях с родителями, сохранение здоровья, получение удовольствия от приобретения знаний, расширение круга интересов и, разумеется, закрепления в выбранной социальной группе.

Психологическое будущее оказывает неоспоримое влияние на прошлое и настоящее [9]: потенциально существующий в отдалении времени отрезок легко может быть обесценен за счет отсутствия жизнеутверждающих перспектив, либо наоборот направлен на повышение личностной ценности.

Таким образом, временная перспектива становится регулятором самосознания подростка и принимает участие в его развитии как личности. Процесс целеполагания играет главную роль в формировании подростковой личности [2], которая, из-за невозможности долго концентрировать силы на определенном объекте или же задействовать гибкость мышления для его трансформации, на практике оказывается неподготовленной к соединению воедино ряда имеющихся экспектаций с достижениями реальными. Генезис процесса целеполагания у подростков предполагает существенное насыщение настоящего соответствующей практикой для того, чтобы растянутая во времени цель сумела актуализировать скрытые потребности и устремления, детерминирующие выбор определенной жизненной стратегии.

Немаловажным, но в то же время малоизученным аспектом при формировании должествующей временной перспективы подростков является трансцендентное будущее, необходимости в

принятии которого напрямую отмечено так и не возникло. Однако в общей перспективе она необходима – ради внутренней эксплозии, целительным образом разрушающей сопротивление переменам. Принятие существования чего-то, превосходящего человечество, среди подростков уже запущено, благодаря развитию современного искусства, в произведениях которого встреча со сверхъестественным существом является вполне обыденным фактом, однако за пределы этого принятия выйти намного сложнее, а, значит, гораздо труднее научиться антиципировать множественные варианты возможного будущего, которое должно занимать главенствующую позицию в профиле временной перспективы современного подростка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль. 1991. 299 с.
2. Выготский С. Л. История развития высших психических функций. М. : Юрайт, 2016. 359 с.
3. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев : Наукова думка. 1984. 209 с.
4. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология, которая существенно улучшит вашу жизнь. СПб. : Речь. 2010. 352 с.
5. Левин К. Теория поля в социальных науках : пер. с англ. СПб. : Сенсор. 2000. 368 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат. 1975. 304 с.
7. Лукьянов О. В. Готовность быть: Введение в транстемпоральную психологию. М. : Смысл. 2009. 231 с.
8. Нюттен Дж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл. 2004. 608 с.
9. Яничев П. И. Психология отражения и переживания времени: актуальные проблемы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. N 9(42): Психолого-педагогические науки (психология, педагогика, теория и методика обучения). С. 7–20.
10. Lennings C. J. Self-efficacy and temporal orientation as predictors of treatment outcome in severely dependent alcoholics // Alcoholism Treatment Quarterly. 1996. N 14. P. 71–79.
11. Sivers D. Episode 86: Are You Future-Focused or Present-Focused? The Marshmallow Experiment, posted on <https://sivers.org/time>

Psychological features of forming teenager's time perspective

Kanavina S. S.

Abstract. Term “time perspective” in the context of person life space was considered in the article. Its basic characteristics, components was described, and also the reference to the most popular classification of time perspective was given. The role of two most important for personality forming species times, which is the future and hedonistic present, was emphasized. The important role of temporal signs for delimitation events, included in conscious experience, was showed. Attention was focused on terms of supertemporality and transtemporality. The category of age of adolescents as person, having least sustainable time perspective and needing to its ecologic correction, was pick out. The question of need to work with transcendental future in particular in adolescents was raised, and important role of this future type in the process of becoming a person also was raised.

Keywords: time perspective, future, temporal signs, transcendental future, adolescence.

Актуальные смыслы личности с разным уровнем инновационного потенциала в контексте временной перспективы

Прусакова М. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье на основе статистического анализа представлена интерпретация и описание результатов эмпирического исследования актуальных смыслов личности с разным уровнем инновационного потенциала. Доминирующими характеристиками ИПЛ являются: возможность к обнаружению новой информации, возможность личности эффективно действовать в новой ситуации. Высокому значению инновационного потенциала личности соответствует высокий уровень значения средних в таких показателях, как осмысленность, удовлетворенность жизнью, эмоциональный интерес ней. Таким показателям, как негативное отношение к прошлому и рискованное отношение к будущему, соответствует низкое значение инновационного потенциала личности. Личность с высоким уровнем ИПЛ четко ориентируется во времени, осмысленно-интенсивно ведет поиск нового, способна наслаждаться жизнью, направлена в будущее, не боится рисковать, не концентрируется на фатальности настоящего и негативности прошлого, видит позитивное в будущем.

Ключевые слова: эмпирическое исследование, инновационный потенциал личности, актуальные смыслы, статистический анализ, положительно коррелируют, отрицательно коррелируют.

Инновационный потенциал личности в данной статье определяется нами как психологическое образование, которое формируется в течение жизни и проявляется на разных уровнях взаимодействия человека с миром. В инновационном потенциале личности достаточно традиционно, как и в других свойствах личности, выделяются гносеологический (когнитивный), аксеологический (эмоциональный) и праксеологический (поведенческий) аспекты, соотношение которых (преобладание того или другого компонента) влияет на реализацию инновационного потенциала личности в конкретной инновационной ситуации [1]. Актуальные смыслы личности в данном исследовании обозначены нами как смысло-жизненные ориентации субъекта исследования. Смысло-жизненные ориентации можно рассмотреть в двух аспектах. Во-первых, это те сферы жизни, в которых человек с наибольшей вероятностью может найти смысл своей жизни. Во-вторых, это связь смысла жизни с будущим, настоящим и прошлым человека. Смысло-жизненные ориентации отражают то, насколько в жизни человека присутству-

ет значимая цель, в какой степени он считает процесс своей жизни насыщенным и интересным, и в какой степени он удовлетворен теми результатами, которых уже достиг [2].

Основным методом исследования являлся социально-психологический опрос, в ходе которого были использованы **3 диагностических методики**:

1. «Методика изучения особенностей проявления инновационного потенциала личности» Ю. А. Власенко, В. К. Калина.

2. Диагностика актуальных смыслов проводилась с помощью «теста смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева

3. Методика изучения временной перспективы Ф. Зимбардо
Исследование проводилось среди мужчин и женщин различных уровней образования и рода занятий. Объем выборки составил 202 респондента в возрасте от 23 до 50 лет. Направления деятельности респондентов различны: финансы, инженерная деятельность, журналистика, пиар, сфера образования, медицины, сфера услуг и пр. Среди респондентов встречались руководители высшего и среднего звена, а также матери в декретном отпуске.

Гипотезы исследования. Разный уровень инновационного потенциала личности обусловлен характером актуальных личностных смыслов у участников исследования в контексте временной перспективы.

Результаты эмпирического исследования представлены нами в виде статистических данных значимых различий и результатов факторного анализа, а также интерпретации этих данных.

Обсуждение результатов статистического анализа

Рассмотрим значимые различия у респондентов с низким уровнем ИПЛ и высоким уровнем ИПЛ. Уровень ИПЛ был определен нами по такой диагностической единице как Интегральный показатель инновационного потенциала личности.

На рис. 1 видно, что исследуемая группа испытуемых с высоким уровнем ИПЛ имеет характерные значимые различия представленности смысложизненных ориентаций в сравнении с группой испытуемых с низким уровнем ИПЛ. Можно предположить, что респонденты с высоким уровнем ИПЛ ($M = 35,4$; $p = 0,001$) ставят осмысленные, направленные цели в жизни, имеющие временную перспективу, а респонденты с низким уровнем ИПЛ ($M = 28,6$; $p = 0,001$) составляют жизненные планы, не имеющие реальной опоры в настоящем и не подкрепляющиеся личной ответ-

ственно за их реализацию. Также следует отметить, что, вероятно, именно высокий уровень ИПЛ предопределяет интерес к процессу жизни и ее эмоциональную насыщенность ($M = 34,8$; $p = 0,001$). Низкий же уровень ИПЛ ($M = 25,6$; $p = 0,001$) наоборот, является признаком неудовлетворенности своей жизнью в настоящем. Кроме того, исходя из статистических данных, можно полагать, что у группы с высоким уровнем ИПЛ ($M = 29,09$; $p = 0,001$) присутствует удовлетворенность личной самореализацией, продуктивностью и осмысленностью прожитой жизни; в отличие от группы с низким уровнем ИПЛ ($M = 22,4$; $p = 0,001$), у которой можно отметить некоторую неудовлетворенность результатами настоящего.

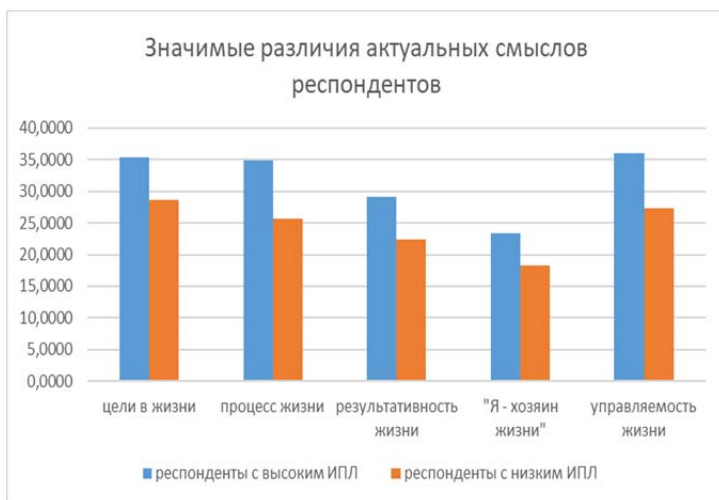

Рис. 1. Значимые различия актуальных смыслов респондентов с высоким и низким уровнем ИПЛ

Представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, можно отметить у людей с высокими показателями ИПЛ ($M = 23,3$; $p = 0,001$), а вот у людей с низкими показателями ($M = 18,3$; $p = 0,001$) мы предположительно отмечаем внутреннее несоответствие жизненным желаниям и смыслам. При этом высокие значения ИПЛ ($M = 35,9$; $p = 0,001$) в данной выборке имеют характерные значимые различия с низкими значениями ИПЛ ($M = 27,3$; $p = 0,001$) по шкале «управляемость

жизни». Следовательно, *убеждение* в необходимости контроля жизни, свободе решений, воплощении их в жизнь; или же *фатальное следование* обстоятельствам, уверенность в иллюзии свободы выбора, бессмысленности загадывать будущее, *сопряжены* с объемом инновационного ресурса внутри личности. [3].

Статистический анализ полученных данных по разным выборкам согласно уровню значения ИПЛ демонстрирует следующую специфику в функционировании актуальных смыслов в контексте временной перспективы. Рассмотрим особенности проявления смысловых ориентаций во взаимосвязи с ориентацией на прошлое, настоящее и будущее у респондентов с низким уровнем ИПЛ и высоким уровнем ИПЛ. Уровень ИПЛ был определен нами по такой диагностической единице как Интегральный показатель инновационного потенциала личности.

На рисунке 2 обозначены положительные и отрицательные корреляционные связи в зависимости от уровня значимости, – более тонкими или более жирными связями. В группе с низким значением ИПЛ прослеживается значимая корреляционная связь между интересом, эмоциональной насыщенностью жизни и позитивным прошлым ($r = 0,535$; $p = 0,001$). Вероятно, респонденты придают полноценный смысл процессу своей жизни именно воспоминаниями о прошлом, их субъективное чувство радости основано на добрых событиях прошлого. Перечисленные характеристики респондентов логично дополняет отрицательная корреляция между интересом, эмоциональной насыщенностью жизни и негативным прошлым ($r = -0,505$; $p = 0,001$). Следует отметить, что результативность жизни, удовлетворенность самореализацией у данной группы также положительно коррелирует с позитивным прошлым ($r = 0,432$; $p = 0,001$), что говорит об особенности позитивно оценить все события прошлого. У таких людей многое в прошлом, но прошлое способно придать смысл остатку жизни. При этом мы отмечаем отрицательную корреляцию между результативностью жизни и негативным прошлым ($r = -0,455$; $p = 0,001$), результативностью жизни и настоящим фаталистическим ($r = -0,307$; $p = 0,001$). Этот факт подтверждает наши предположения, – есть некоторая неудовлетворенность настоящим, но все же удовлетворенность реализацией собственной индивидуальности опирается на глубокий смысл прошлого опыта, событий и эмоций. Тесную положительную корреляцию мы видим по результатам данного

У респондентов исследования с высоким значением ИПЛ можно проследить значимую двустороннюю корреляционную связь целей в жизни и будущего ($r = 0,559; p = 0,001$), но при этом отрицательную корреляционную связь с настоящим фаталистическим ($r = -0,471; p = 0,002$). Можно предположить, что эти взаимосвязи могут свидетельствовать о высокой организованности, амбициозности, ориентированности личности на достижение поставленных целей. Испытуемые данной группы, возможно, ощущают субъективную нехватку времени, но готовы принести в жертву сегодняшние удовольствия ради успеха в будущем. Участники исследования, предположительно отличаются прекрасными навыками организационного планирования и высокой личной эффективностью, обладают четкими целями на будущее, а их повседневная жизнь упорядочена и структурирована. О чем свидетельствует положительная корреляция между результативностью жизни и будущим ($r = 0,575; p = 0,001$), а также отрицательная корреляция между результативностью жизни и негативным прошлым ($r = -0,595; p = 0,001$) и настоящим фаталистическим ($r = 0,367; p = 0,017$). Мы предполагаем, что эти данные обусловлены склонностью респондентов испытывать средний и высокий уровни стресса, на субъективном уровне связанный с нехваткой времени в связи с высоким стремлением достижения результата по заданному плану. Стоит отметить, что шкала «Лocus контроля-Я» положительно коррелирует у участников исследования с высоким уровнем ИПЛ с будущим ($r = 0,473; p = 0,043$) и отрицательно коррелирует с негативным прошлым ($r = 0,314; p = 0,002$) и настоящим фаталистическим ($r = -0,340; p = 0,027$). Эти факты помогают нам вероятностно сформулировать личностные убеждения испытуемых данной группы, такие как «Я – хозяин жизни и обладаю достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле в будущем», «Я не оглядываюсь на негативное прошлое», «Я стараюсь не концентрироваться на фатальности, а стремиться к успеху».

Также приведенные в корреляционной плеяде результаты показывают, что управляемость жизни в нашем эмпирическом исследовании положительно коррелирует с будущим ($r = 0,499; p = 0,001$) у группы с высоким ИПЛ и отрицательно коррелирует с прошлым негативным ($r = -0,367; p = 0,006$), с настоящим фаталистическим ($r = -0,393; p = 0,003$), положительно коррелирует с

прошлым позитивным у группы с низким ИПЛ ($r = 0,423$; $p = 0,001$). Участникам исследования с высоким значением ИПЛ предположительно дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь в будущем. Респонденты с низким ИПЛ, возможно, не всегда убеждены, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, но все же верят, что свобода выбора иллюзорна, если опираться на смыслы своего позитивного прошлого. Таким образом, самая статистически значимая положительная двухсторонняя корреляция у группы с низким ИПЛ выявлена между смысложизненными ориентациями и ориентацией личности в прошлом позитивного характера. Это, с одной стороны, свидетельствует о теплом, сентиментальном отношении к прошлому, о базовой опоре на него. С другой стороны, с будущим в данной группе респондентов почти не выявлено связей. Можно предположить, что низкий уровень ИПЛ респондентов обусловил их повышенную осторожность, страх пойти на риск. У группы же с высоким уровнем ИПЛ положительная корреляция смысложизненных ориентаций присутствует в основном с будущим личностные убеждения «Я – хозяин жизни и обладаю достаточной свободой выбора для построения своей жизни в соответствии со своими целями и представлениями о смысле в будущем».

Выводы: проведенное эмпирическое исследование, показало, что высокий уровень инновационного потенциала личности встречается у респондентов с осмысленными целями, с представлением о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора в самоконтроле и самоуправлении, а также в стремлении к новизне. Доминирующими характеристиками ИПЛ являются возможность к обнаружению новой информации, возможность личности эффективно действовать в новой ситуации. Личность с высоким уровнем ИПЛ четко ориентируется во времени, нацелена на будущее, обладает личной эффективностью и амбициозностью, старается, не оглядываясь на негативное прошлое и фатальность, стремиться к достижению осмысленных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власенко Ю. А. Методологические основы построения психологической теории инновационных процессов // Сборник научных работ Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова. Киев, 2001.
2. Гончар С. Н. Особенности развития смысложизненных ориентаций современных студентов-первокурсников // Современная психология : материалы Междунар. науч. конф. г. Пермь, июнь 2012 г. Пермь : Меркурий, 2012.

3. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб. : Речь, 2004.

4. Терехова Т. А. Феномен границы в детерминации инновационного потенциала // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета Baikal Research Journal. 2018. № 2/

5. Терехова Т. А. Эмпирическое исследование проявления инновационного потенциала личности в зависимости от исполнения социальной роли // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета Baikal Research Journal. 2013. № 2.

Actual meanings of personality with different level of innovative potential in the context of the time perspective

Prusakova M. A.

Abstract. The article presents an interpretation and description of the results of empirical research of the actual meanings of a person with different levels of innovation potential based on statistical analysis. High value of the innovation potential of the individual corresponds to high level of average values in indicators such as meaningfulness, satisfaction with life, interest in it. Such indicators as a negative attitude towards the past and a risky attitude toward the future correspond to the low value of the innovative potential of the individual. The dominant characteristics of the innovation potential of the individual are: the ability to discover new information, the ability of the individual to act effectively in a new situation. A person with a high level of innovation potential of an individual clearly orientates himself in time, meaningfully and intensively searches for a new one, is able to enjoy life, is sent to the future, is not afraid to take risks.

Keywords: empirical research, innovation potential of a person, actual meanings, statistical analysis, positively correlate, negatively correlate.

РАЗДЕЛ 4

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И КОРПОРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ

Ценностные ориентации российских предпринимателей с разным психологическим типом экономического самоопределения

Позняков В. П.

г. Москва, Россия

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
грант № 19-013-00230*

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования ценностных ориентаций предпринимателей с разным психологическим типом экономического самоопределения. С помощью кластерного анализа были выделены 5 групп предпринимателей, различающихся сочетаниями экономико-психологических характеристик, которые мы обозначили как психологические типы экономического самоопределения. Сравнительный анализ результатов ранжирования значимости ценностей по методике М. Рокича показал, что у предпринимателей всех 5-ти типов имеются как сходства, так и различия в структуре терминальных и инструментальных ценностей. Результаты проведённого исследования подтверждают идею о ценностном основании психологических отношений субъектов экономической деятельности как характеристик их экономического самоопределения.

Ключевые слова: психология предпринимательства, экономическое самоопределение, ценностные ориентации личности, деловая активность, психологический тип.

Введение. В докладе представлены результаты вторичного анализа данных, полученных в эмпирических исследованиях, выполненных автором и представленных в электронной базе данных «Социальная психология российского предпринимательства» [2]. Теоретическим основанием данного исследования явилось положение о том, что социально-психологические характеристики деловой активности, представленные в показателях, характеризующих психологические отношения субъектов экономической дея-

тельности (в данном случае – российских предпринимателей), могут выступать эмпирическими индикаторами их экономического самоопределения. Будучи определённым образом взаимосвязанными, они объединяются в эмпирические типы, которые можно интерпретировать как типы экономического самоопределения. Представители данных типов будут различаться социально-психологическими особенностями, в частности, особенностями структуры ценностных ориентаций личности. В случае подтверждения данного предположения ценностные ориентации личности (как и другие особенности ценностно-смысловой сферы личности) могут рассматриваться как социально-психологические факторы, детерминанты экономического самоопределения.

Методика исследования. Эмпирическое исследование проводилось в 2015 г. с участием предпринимателей сферы малого и среднего бизнеса на территории Москвы и Московской области. В общей сложности в исследовании приняли участие 86 предпринимателей: в возрасте от 23 до 58 лет. Из них 52 – мужчины, 34 – женщины. Основным методом исследования выступало стандартизированное интервью по программе А. Л. Журавлева и В. П. Познякова [1]. Для выявления структуры ценностных ориентаций личности использовался адаптированный В. А. Ядовым вариант методики М. Рокича. В качестве характеристик экономического самоопределения предпринимателей в данном исследовании использовались следующие показатели: оценка уровня своей деловой активности в настоящее время, оценка изменения уровня своей деловой активности, оценка благоприятности экономических условий для осуществления предпринимательской деятельности, оценка собственных возможностей в повышении успешности бизнеса, удовлетворенность экономическими результатами предпринимательской деятельности, оценка успешности своей предпринимательской деятельности. Выбор именно этих показателей был обусловлен тем, что на предыдущих этапах исследования они определились как наиболее существенные социально-психологические характеристики деловой активности предпринимателей, которые, в свою очередь, выступают показателями их экономического самоопределения. Для выявления психологических типов экономического самоопределения и выявления экономико-психологических особенностей этих типов использовался кластерный анализ.

Психологические типы экономического самоопределения предпринимателей. В результате кластерного анализа были выделены 5 групп респондентов, различающихся сочетаниями перечисленных выше экономико-психологических характеристик, которые мы обозначили как психологические типы экономического самоопределения предпринимателей.

Тип экономического самоопределения 1 (10 респондентов) – деловая активность высокая с прогнозом её повышения в будущем. Благоприятность экономических условий оценивается намного выше среднего уровня. При этом оценки собственных возможностей имеют средние значения. Оценка удовлетворенности экономическими результатами и оценка успешности своей предпринимательской деятельности находятся на высоком уровне. **Это высоко активный тип с позитивным прогнозом своей деловой активности.** Представители этого типа высоко оценивают собственные возможности в повышении успешности бизнеса и успешность своей предпринимательской деятельности, удовлетворены экономическими условиями и результатами своей предпринимательской деятельности.

Тип экономического самоопределения 2 (22 респондента) – деловая активность высокая, с позитивным прогнозом её изменения в будущем. Оценки благоприятности экономических условий находятся на среднем уровне. Собственные возможности в повышении успешности своего бизнеса, удовлетворенность экономическими результатами и успешность своей предпринимательской деятельности оцениваются чуть выше среднего уровня. Такой тип по сравнению с другими может быть охарактеризован как **высоко активный, но не проявляющий высокой удовлетворенности сложившимися экономическими условиями и экономическими результатами своей предпринимательской деятельности.** Однако собственные возможности в повышении успешности бизнеса и результаты своей предпринимательской деятельности представители этого типа оценивают выше среднего уровня.

Тип экономического самоопределения 3 (14 респондентов) – средняя оценка своей деловой активности, с прогнозом её повышения в будущем. Оценки успешности своей предпринимательской деятельности и удовлетворенность результатами предпринимательской деятельности находятся значительно ниже средних значений. Вместе с тем оценки благоприятности экономических

условий и собственных возможностей в повышении успешности своего бизнеса близки к средним значениям в выборке. Это **предприниматели со средним уровнем деловой активности в настоящее время и негативным прогнозом её изменения.**

Тип экономического самоопределения 4 (23 респондента) – средняя оценка своей деловой активности, с отрицательным прогнозом её изменения в будущем. Оценки собственных возможностей и успешности своей предпринимательской деятельности несколько выше средних значений. Оценки удовлетворенности экономическими результатами предпринимательской деятельности высокие. Такой тип предпринимателей может быть охарактеризован как **средне активный тип с негативным прогнозом изменения своей деловой активности.**

Тип деловой активности 5 (17 респондентов) – самые низкие оценки уровня своей деловой активности, с отрицательным прогнозом её изменения в будущем. Предприниматели этого типа не удовлетворены экономическими условиями и результатами предпринимательской деятельности. Собственные возможности и успешность своей предпринимательской деятельности оцениваются ими значительно ниже среднего уровня. Это **пассивный тип, без выраженных ожиданий, с низкими оценками своей деловой активности и успешности предпринимательской деятельности.**

Ценностные ориентации предпринимателей с разным типом экономического самоопределения. Сравнительный анализ результатов ранжирования значимости ценностей по методике М. Рокича показал, что для представителей всех эмпирически выделенных типов характерны как общие черты, так и различия в структуре терминальных и инструментальных ценностей. Основными терминальными ценностями, характеризующими убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться, стали ценности: здоровье (ср. балл 2,8), семья (ср. балл 3,58) и материальная обеспеченность (ср. балл 7,11). Основными инструментальными ценностями, характеризующими убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации, оказались ценности: честности (4,012), ответственности (7,48) и образованности (7,616).

В структуре терминальных ценностей выявились некоторые различия. На первом и втором месте у большинства респондентов

расположены «здоровье» и «семья». Третье место у предпринимателей 1 и 3 типов занимает такая ценность как «свобода». Скорее всего, это может быть связано с любовью к свободе действий, со стремлением к отсутствию зависимостей от чего-либо, или от кого-либо. У предпринимателей 2, 4, и 5 типов на третьем месте оказалась ценность «материальная обеспеченность», а у предпринимателей 1 типа она на 9 месте. Скорее всего, это может быть связано с тем, что для представителей 2, 4 и 5 типов стремление к материальному комфорту и улучшению качества личной жизни является более приоритетной ценностью. Также достаточно высокие ранги у представителей всех групп имеет ценность «друзья».

Распределение значимых ценностей, занявших в иерархии с 4 по 5 место, скорее всего, зависит от типа активности. Так для представителей 1 типа (высоко активный) важны такие ценности как: «уверенность» и «любовь», которые могут служить опорой в сложных жизненных ситуациях; для представителей 2 типа (также высоко активный) важны такие ценности как: «любовь» и «друзья», что может свидетельствовать о необходимости в покое, когда человек может расслабиться и найти душевный покой после насыщенной деловой жизни; для представителей 3 типа активности (средне активный) важны такие ценности как: «материальная обеспеченность» и «любовь»; для представителей 4 типа активности (средне активный) важны такие ценности как: «свобода» и «друзья»; существенно отличаются оценки представителей 5 типа активности (пассивный). Отличительными особенностями низко активных предпринимателей (5 тип) являются более высокие, чем в большинстве других групп, ранги ценностей «работа» и «материальная обеспеченность». Можно предположить, что люди данного типа являются «вынужденными предпринимателями», где работа является средством достижения материальных благ и только.

Также были выявлены некоторые различия в структуре инструментальных ценностей. На первом месте у всех предпринимателей расположена «честность». На втором месте у средне активных типов (3 и 4) стоит «образованность», это может быть связано с тем, что в качестве средств для достижения своих целей в предпринимательской деятельности, средне активные предприниматели больше полагаются на определенные знания в данной области деятельности. У представителей 1 типа на втором месте «жизнерадостность», что может свидетельствовать о наличии вы-

сокого уровня оптимизма и позитивного настроения; у представителей 2 типа на втором месте «независимость», скорее всего, это связано с тем, что данный тип активности средне удовлетворен условиями экономической деятельности, ему больше требуется свободы, а средством для достижения данной цели является такая ценность как «независимость» в предпринимательской среде. У представителей 5 типа на втором месте стоит «ответственность», что может свидетельствовать о контроле себя и своих подчиненных (наёмных работников). На третьем месте у представителей 1 типа стоит «твёрдая воля», у представителей 2 типа «образованность», у 3 типа «эффективность в делах», у 4 типа «ответственность», а у 5 типа «воспитанность», что может свидетельствовать о большей значимости высоких моральных принципов для представителей менее активных типов. Отличительными особенностями высоко активных предпринимателей являются более высокие, чем в большинстве других групп, ранги ценностей «терпимости», «чуткости», с одной стороны, и «твёрдой воли» и «смелости в отстаивании взглядов», с другой. Отличительными особенностями низко активных предпринимателей являются более высокие, чем в большинстве других групп, ранги ценностей «ответственность» и «воспитанность». Таким образом, мы можем говорить о том, что представителям разных психологических типов экономического самоопределения присущи свои определенные особенности в структуре ценностных ориентаций.

На основе проведенного анализа экономико-психологических особенностей представителей разных типов экономического самоопределения были выявлены существенные различия между двумя типами предпринимателей – 1 и 5 типами. 1 тип – высоко активный, удовлетворенный, с тенденцией к повышению своей деловой активности, высоко оценивающий свои возможности. Этот тип испытывает высокую степень доверия к своим партнерам, к государственным структурам и предприятиям и к предпринимательским структурам и предприятиям, открыт в партнерстве и не против рисковать, в отличие от 5 типа, который является пассивным, удовлетворенным на уровне ниже среднего, без выраженных ожиданий, снижающий экономическую активность. Такой тип подозрителен и закрыт для взаимодействия с государственными и предпринимательскими структурами. У 1 и 5 типов диаметрально разные оценки уровня своего благосостояния. Данные типы существенно различаются структурой ценностных ориентаций.

Заключение. В результате проведенного исследования эмпирически выделены группы предпринимателей, различающихся сочетаниями экономико-психологических характеристик, которые мы обозначили как психологические типы экономического самоопределения. Для представителей всех типов предпринимателей характерны как общие черты, так и различия в структуре терминальных и инструментальных ценностей. Результаты проведенного исследования подтверждают идею о ценностном основании психологических отношений субъектов экономической деятельности как характеристик их экономического самоопределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей // Современная психология: состояние и перспективы исследований : в 5 ч. / отв. ред. А. Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2002. Ч. 5. С. 90–110.

2. Позняков В. П., Тихомирова С. В. Интерактивная информационно-исследовательская база данных «Социальная психология российского предпринимательства» // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 206–212.

Value orientations of Russian entrepreneurs with different psychological types of economic self-determination

Poznyakov V. P.

Abstract. The article presents the results of the study of value orientations of entrepreneurs with different psychological types of economic self-determination. With the help of cluster analysis were identified 5 groups of entrepreneurs, different combinations of economic and psychological characteristics, which we have identified as psychological types of economic self-determination. Comparative analysis of the results of ranking the importance of values by the method of M. Rokich showed that entrepreneurs of all 5 types have both similarities and differences in the structure of terminal and instrumental values. The results of the study confirm the idea of the value basis of the psychological relations of the subjects of economic activity as characteristics of their economic self-determination.

Keywords: psychology of entrepreneurship, economic self-determination, value orientations of personality, business activity, psychological type.

Структурно-уровневая организация экономического самоопределения предпринимателя

*Терехова Т. А., Трофимова Е. Л.,
Терехова Н. В., Попов С. А.*

г. Иркутск, Россия

*Статья выполнена на основе исследований по гранту РФФИ
«Этно-психологические характеристики экономического самоопределе-
ния российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса»
проект № 19-013-00430 А*

Аннотация. В статье дается обоснование структурно-уровневой организации экономического самоопределения предпринимателей в сфере малого бизнеса с учетом их культурно-нравственных и социально-психологических установок. При разработке теоретико-методологических оснований и диагностического инструментария для оценки этнопсихологических характеристик экономического самоопределения предпринимателей в сфере малого бизнеса учитывалась взаимопосредованность процессов её профессионального, этнического и экономического самоопределения. Авторами описано структурно-уровневое строение ЭСП с помощью метасистемного подхода. Выявлена качественная специфика экономического самоопределения предпринимателя на примере субсистемного уровня. Структурное строение субсистемного уровня определено с помощью факторного анализа и верифицировано с использованием индексов структурной организации системы. Полученные эмпирические результаты согласуются с теоретическими предположениями относительно структурных особенностей субсистемного уровня ЭСП.

Ключевые слова: экономическое самоопределение предпринимателя (ЭСП), структурно-уровневая организация ЭСП, метасистемный подход.

В рамках изучения экономической психологии актуальность настоящей статьи определена необходимостью системного описания характеристик экономического самоопределения и новой структурно-уровневой организации экономического самоопределения предпринимателя в сфере малого бизнеса, с опорой на новейшие научные достижения в экономической и математической психологии.

Современные исследования экономического самоопределения обращаются к теоретическим основам общего самоопределения личности (Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, А. И. Китов, В. В. Новиков, Б. Д. Парыгин, А. Л. Свенцицкий, Р. М. Шамионов).

Отдельным направлением исследований является изучение особенностей экономического сознания представителей различных

социально-экономических групп: предпринимателей (А. Л. Журавлев, В. П. Позняков, Е. Б. Филинкова) [6, 7], нравственно-психологической регуляции экономической активности и экономического самоопределения (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко) [4; 5], а также субъективного экономического благополучия (Хашченко В. А.) [12].

Региональные аспекты экономической этнопсихологии разрабатывались А. Д. Карнышевым, А. П. Вяткиным, Т. А. Тереховой, Е. Л. Трофимовой [1–3].

Целью настоящей статьи является обоснование структурно-уровневой организации экономического самоопределения предпринимателей в сфере малого бизнеса с учетом их культурно-нравственных и социально-психологических установок.

Теоретической основой авторской структурно-уровневой организации экономического самоопределения является «уровневая модель самоопределения субъекта», разработанная профессорами Института психологии РАН А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко. Данная работа будет способствовать преемственности и развитию научно-исследовательской школы отечественной экономической психологии.

Для выявления универсальных и специфических характеристик экономического самоопределения российских и китайских предпринимателей мы используем исследовательские ресурсы сравнительной этнопсихологии. В отечественной психологии отсутствуют системные академические научно-практические авторские исследования по этнической психологии китайцев и, в частности, по экономической этнопсихологии китайцев.

В материковом Китае психологические исследования до 90-х гг. практически не проводились. После 2000 г. стали развиваться разные направления психологической мысли Китая, посвященные этнической психологии китайцев (Ван Фэнтань, 2008), традиционной и современной китайской психологии управления (Лао Дуншуй. 苏东水, 2002), экономической психологии (Ма Шэн'ян 马胜祥, Чжоу Цзинхуй 周景辉, Ли Цзяцзян 李佳健, 2008). Наибольший научный интерес представляют исследования ученых Тайваня и Гонконга: Fanny M. C. Cheung, David Y. F. Ho, In-mao Liu, Rumjahn Husain, Gilbert Y. Y. Wong, Kwang-kuo Hwang, Kuoshu Yang, их работы посвящены этнопсихологии китайцев, соци-

альной психологии, отдельным аспектам экономической психологии и психологии управления.

При разработке теоретико-методологических оснований и диагностического инструментария для оценки этно-психологических характеристик экономического самоопределения российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса, учитывающей взаимоопосредованность процессов её профессионального, этнического и экономического самоопределения, возникают трудности, связанные с отсутствием единого понимания соотношения ключевых понятий «экономическое самоопределение», «этнического самоопределение» «профессиональное самоопределение». Длительная разработка проблемы профессионального самоопределения личности в отрыве от процессов ее экономического и этнического самоопределения привела к фрагментарности, связанной, в основном, с описанием корреляций между уже состоявшимся профессиональным выбором и некоторыми «срезовыми» результатами этнического и экономического самоопределения личности.

Обобщение накопленных к настоящему времени данных говорит о том, что если содержанием профессионального самоопределения личности выступает поиск собственного места, способа функционирования и смыслов в мире профессий, то экономическое самоопределение – это поиск оптимальной для личности позиции в системе экономических отношений и способа существования в экономическом пространстве жизни (сообразно значимым для нее принципам и смыслам, ценностям и идеалам, целям и притязаниям), а этническое самоопределение придает человеку не только ощущение внутренней стабильности и причастности, но и налагает определенную ответственность за собственную жизнь и судьбу своего народа.

При исследовании этно-психологических характеристик экономического самоопределения российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса обратимся к метасистемному подходу, разработанному А. В. Карповым, как специфической системы – со встроенным метауровнем.

Метасистемы имеют онтологический статус. В силу сложности строения, экономической, профессиональной и этнической обусловленности система экономического самоопределения предпринимателя (ЭСП) находится под влиянием не одной, а нескольких метасистем. Основные из них (онтологически представлен-

ные) – *личностная, социально-экономическая, предметно-деятельностная*. Это влияние совместное и согласованное. Соответственно, все эти три метасистемы будут входить в метасистемный уровень системы ЭСП.

Согласно методологии метасистемного подхода, важно исследовать как механизмы вхождения, встраивания системы в метасистему, так и механизмы включения самой метасистемы в систему – необходим принципиальный учет этой двойственности.

Необходимо отметить, что механизмом встраивания метасистемного уровня в системный является не отражение (психикой объективной реальности), а «порождение» [10, с. 222].

На первом этапе мы определили компонентный состав системы. При этом каждый компонент должен так или иначе содействовать достижению цели системы и функционально способствовать ей.

Системы со встроенным метасистемным уровнем способны создавать собственные цели в зависимости от особенностей ситуации, т. е. они имеют способность к целеобразованию. Обеспечить способность к ситуативному целеобразованию можно благодаря очень большому (избыточному) количеству компонентов системы. Соответственно, определяя компонентный состав такой системы, необходимо опираться на принцип «потенциальной неограниченности» [10, с. 227].

Несмотря на принципиально иной характер метасистемы, на ее способность генерировать цели, можно говорить о наличии инвариантной структуры систем со встроенным метасистемным уровнем, который включает иерархию пяти основных макроуровней: метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного [9].

Если обычная система просто развивается по принципам системогенеза, то система, получившая встроенный метауровень, приобретает способность сама управлять своим развитием. В этом аспекте А. В. Карпов вводит понятие метасистемогенеза: «...формирование способности системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции, развитие системности как механизма этой регуляции» [10, с. 255].

Предварительные эмпирические исследования позволили конкретизировать структурно-уровневое строение ЭСП (табл. 1).

Структурно-уровневое строение ЭСП

Критерий дифференциации уровней	Уровни организации системы ЭС	Содержание
Метасистемный	Метасистемный	Личностная, социально-экономическая, предметно-деятельностная метасистемы, онтологически представленные в системе ЭС П
Системный	Системный (уровень организации сферы экономического самоопределения «как системы»)	Системные качества и свойства ЭСП как отдельного феномена, цель существования системы в контексте предпринимательской деятельности
Субсистемный	Уровень субсистем ЭС	Субсистемы ЭСП, в контексте предпринимательской деятельности
Компонентный	Уровень «отдельных компонентов»	Компоненты – шкалы методик
Элементный	Уровень «составляющих» компонентов	Содержательный состав шкал методик

Субсистемный уровень в силу своего положения в структуре ЭСП позволяет выявить качественную специфику экономического самоопределения предпринимателя. Исследуя субсистемный уровень возможно определить влияние глобальных факторов (социально-экономического, предметно-деятельностного, личностного), которые выступают в данной концепции как метасистемы. Исследуя субсистемный уровень ЭСП можно установить как ее качественную определенность, так и качественную специфичность. Диагностика представленности субсистем, их силы будет являться одной из основных практически и теоретически важных задач. Субсистемный уровень, концентрируя в себе все возможные диагностические методики в части ЭСП и объединяя их в несколько групп (субсистем), с одной стороны, является «обозримым». С другой стороны, диагностика субсистемного уровня позволяет вскрыть его структуру, а соответственно, и структуру системы ЭСП.

В соответствии с теоретическими предположениями субсистемный уровень ЭСП обладает довольно сложной внутриуровневой структурной иерархией, которая дает представление о структуре системы ЭСП в целом. Для выявления структурного строения субсистемного уровня в качестве одного из методов был использован факторный анализ (табл. 2).

Результаты факторного анализа

№ фактора	Субсистемы ЭСП	% дисперсии
1	Основные субъектные характеристики предпринимателя	6,619
2	Экономический оптимизм	5,140
3	Привлекательность предпринимательской деятельности в условиях нравственно-нормативных и социально-экономических установок	4,416
4	Жизненные ценности в контексте саморазвития	4,311
5	Стратегии экономического сознания и поведения	4,261
6	Этническая гиперидентичность и интолерантность	4,195
7	Экономическая рациональность	4,184
8	Собственность как базовая ценность предпринимателя	4,022
9	Конкурентноспособность	3,453
10	Управленческие умения при условии профессиональной активности во временной перспективе	3,264
11	Здоровье	3,197
12	Достижение прибыли	3,153

В целом уровень покрытия объясняемой дисперсией составил более 50 %, что вполне допустимо. В выделенных субсистемах нет значительных отрицательных факторных нагрузок. Это говорит о том, что выделенные факторы не ортогональны, хотя и достаточно самостоятельны. Следовательно, все 12 субсистем ЭСП, так или иначе действуют согласованно, в одном направлении и принадлежат к одной системе – системе ЭСП.

Другими важными параметрами при исследовании систем являются характеристики их структурного строения: интегрированность, дифференцированность, организованность. Оценка данных показателей открывает возможность исследования двух основополагающих системогенетических принципов – прогрессирующей интеграции компонентов системы и их нарастающей дифференциации. Для определения структурных характеристик системы были использованы индексы структурной организации системы: индекс когеренции системы (ИКС), индекс дивергенции системы (ИДС), индекс организованности системы (ИОС) [8, с. 297].

В таблице 3 приведены значения указанных индексов для системы ЭСП на общей выборке.

Таблица 3

Индексы структурной организации системы			Количество внутри системных связей разной силы		
ИКС	ИДС	ИОС	Сильные $P < 0,01$	Средние $0,05 > p > 0,01$	Слабые $0,10 > p > 0,05$
96	18	78	23	8	3

В статье А. В. Карпова «Системогенетические закономерности в развитии метакогнитивных образований личности» показано, что практически в любых устойчивых системах с однозначно оцениваемыми параметрами ИКС соотносится с ИДС как 3 к 1 [11]. В исследуемой нами выборке предпринимателей ИКС системы ЭСП больше ИДС в 5 раз. В стабильных системах ИДС стремится к нулю. Соотношение ИКС и ИДС отражает качественную определенность системы ЭСП. В ситуации серьезной перестройки предпринимательской деятельности под воздействием социально-экономической метасистемы на мезо- или на макроуровне силы дивергенции могут проявляться. В нашем случае полученные данные означают, что силы, работающие на интеграцию системы ЭСП, в разы превышают силы дифференциации и это говорит об относительной стабильности системы ЭСП. С одной стороны, это может быть связано с большим количеством функциональных возможностей ЭСП. С другой стороны, это ставит под вопрос возможности системы к гибкой адаптации к изменяющимся условиям среды.

В результате процедуры линеаризации «сырые» баллы субсистем ЭСП были проранжированы. Все субсистемы ЭСП сосредоточились вокруг субсистемы «Основные субъектные характеристики предпринимателя». Такую субсистему можно назвать ядерной, ее компоненты одновременно принадлежать всем трем метасистемам системы ЭСП. С незначительным отрывом от них расположена субсистема «Достижение прибыли» и со значительным отрывом – субсистема «Здоровье». Таким образом, одиннадцать субсистем ЭСП объединились в один блок, что наглядно видно на коррелограмме (рис. 1). Это подтверждает гипотезу о том, что субсистемы ЭСП действуют как единое целое. Что касается субсистемы «Здоровье», то она имеет значимые положительные связи с субсистемами «Основные субъектные характеристики предпринимателя», «Жизненные ценности в контексте саморазвития» и «Конкурентоспособность», которые связаны, в свою очередь, с

другими подсистемами системы ЭСП. Поэтому подсистема «Здоровье» также является важной составляющей системы ЭСП и может быть в нее включена.

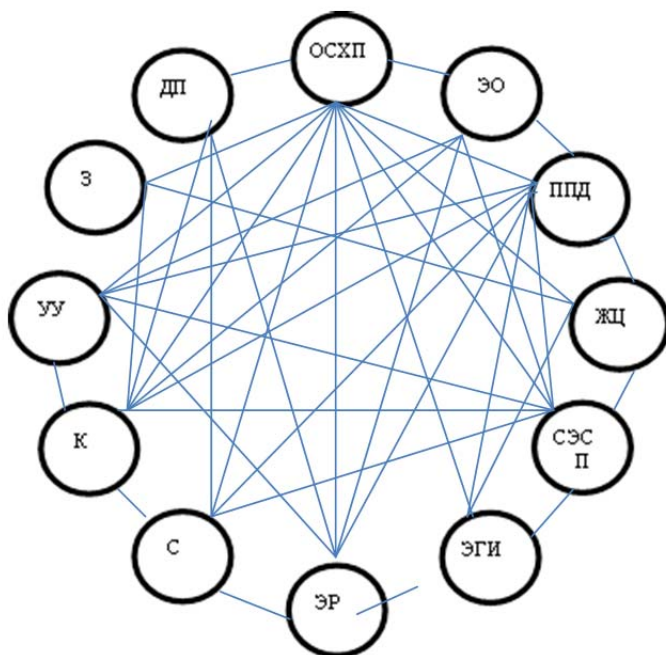

Рис. 1.

Коррелограмма подсистем в системе ЭСП

Обозначения: Основные субъектные характеристики предпринимателя (ОСХП); Экономический оптимизм (ЭО); Привлекательность предпринимательской деятельности в условиях нравственно-нормативных и социально-экономических установок (ППД); Жизненные ценности в контексте саморазвития (ЖЦ); Стратегии экономического сознания и поведения (СЭС П); Этническая гиперидентичность и интолерантность (ЭГИ); Экономическая рациональность (ЭР); Собственность как базовая ценность предпринимателя (С); Конкурентноспособность (К); Управленческие умения при условии профессиональной активности во временной перспективе (УУ); Здоровье (З); Достижение прибыли (ДП)

В данной статье были описаны основные закономерности структуры и организации системы ЭСП, которые удалось выявить. Полученные эмпирические результаты согласуются с теоретическими предположениями относительно структурных особенностей подсистемного уровня ЭСП.

Однако необходимо конкретизировать особенности подсистемного уровня и определить насколько они вариативны или инвариантны. Это можно сделать, исследуя специфику подсистемно-

го уровня не только российских, но и китайских предпринимателей, а также при построении и верификации структурно-уровневой модели ЭСП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокуров М. А., Карнышев А. Д. Экономическая этнопсихология в Восточной Сибири. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999. 152 с.
2. Вяткин А. П. Психологические механизмы экономической социализации в условиях трансформации общества. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013 – 414 с.
3. Психология межкультурной компетентности: сущность, региональная специфика, технологии формирования / Карнышев А. Д., Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Скорова Л. В., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Иркутск : Репроцентр А1, 2012. 438 с.
4. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М. : Ин-т психологии РАН, 2003. 436 с.
5. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М. : Ин-т психологии РАН, 2007. 480 с.
6. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российских предпринимателей: Концепция психологических отношений. М. : Ин-т психологии РАН, 2012.
7. Позняков В. П., Филинкова Е. Б. Динамика удовлетворенности предпринимательской деятельностью // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М. : Ин-т психологии РАН, 1999. С. 110–126
8. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. М. : Юристъ, 1998. 440 с.
9. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М. : ИП РАН, 2004. 423 с.
10. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. М. : РАО, 2011. 1088 с.
11. Карпов А. В. Системогенетические закономерности в развитии метакогнитивных образований личности [Электронный ресурс] // Системогенез учебной и профессиональной деятельности : сб. науч. тр. V Всерос. науч.-практ. конф., 23–24 ноября 2011 г., г. Ярославль / под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль : Изд-во ЯЯПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 15–23. URL: http://yspu.org/images/0/0a/Карпов_А.В..pdf.
12. Хашченко В. А. Психология экономического благополучия. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. 432 с.

Structural-level organization of economic self-determination of the entrepreneur

*Terekhova T. A., Trofimova E. L.,
Terekhova N. V., Popov S. A.*

Abstract. This article provides the justification for the structural-level organization of the economic self-determination of the entrepreneurs in the small business; their cultural, moral and socio-psychological attitudes are taken into consideration. In developing the theoretical and methodological foundations and diagnostic tools for assessing the ethno-psychological characteristics of the economic self-determination of the entrepreneurs in the small business, the inter-mediation of the processes of their professional, ethnic and economic self-determination was taken into account. The authors described the structural-level organization of the economic self-determination of the entrepreneurs with the help of the metasystem approach. The qualitative particularity of the economic self-determination of an entrepreneur is revealed through the example of the subsystem level. The structural organization of the subsystem level is determined with the help of the factor analysis and verified using the indexes of the structural organization of the system. The obtained empirical results are consistent with the theoretical assumptions regarding the structural features of the subsystem-level of the economic self-determination of the entrepreneurs.

Keywords: economic self-determination of an entrepreneur, structural-level organization of the economic self-determination of an entrepreneur, metasystem approach.

Психологические аспекты социального маркетинга

Овруцкий А. В.

г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятия «социальный маркетинг», определяется его специфика, основные методологические принципы, тематика. Выделены и описаны пять психологических моделей, призванных объяснить механизмы социальных изменений в рамках кампаний социального маркетинга: 1) модель социальных аттитюдов; 2) теория планируемого поведения; 3) социально-когнитивная теория (SCT); 4) теория мотивации защиты (PMT); 5) модель «Вера в здоровье». Сделан вывод о том, что социальный маркетинг предстает интересным междисциплинарным феноменом, в котором интегрируется маркетинговая и психологическая методология, накоплен определенный опыт его использования, а его технологии оказались релевантными для решения широкого круга социальных проблем.

Ключевые слова: социальный маркетинг, социальные аттитюды, теория планируемого поведения, социально-когнитивная теория, теория мотивации защиты, модель «Вера в здоровье».

В предметном поле экономической психологии относительно недавно появился интересный и специфический феномен – социальный маркетинг. Практики социального маркетинга насчитывают всего несколько десятилетий и опережают теоретические построения в этой области. Специфика социального маркетинга связана с тем, что он вбирает в себя и интегрирует экономическое и психологическое содержание и методологические принципы этих научных направлений. Можно зафиксировать высокий уровень ожидания как специалистов, так и общества в целом относительно эффектов социального маркетинга в решении широкого круга социальных проблем. Более того, в случае подтверждения таких ожиданий социальный маркетинг претендует на статус новой концепции социального управления.

Во второй половине XX в. представители социальных наук обратили внимание на успехи коммерческого маркетинга, поставив вопрос о том, возможно ли "продавать" социально приемлемые формы поведения и общественно полезные ценности по аналогии с любым коммерческим товаром [10, р. 679]. В 1951 г. американский социальный психолог Г. Вайбе представил свою революционную идею о том, что технологии коммерческого маркетинга могут быть успешно использованы некоммерческими организа-

циями для своих социальных кампаний. За 100 лет существования маркетинга как социального института современного общества потребления выросло целое поколение, чье потребительское поведение формировалось и управлялось исключительно маркетинговыми коммуникациями, эти технологии показали свою эффективность, а процессы коммодификации обеспечили распространение последних на ранее некомерческие сферы (политика, спорт, искусство, семья, образование, медицина и т. д.). Иными словами, маркетинговые коммуникации стали самым частотным и эффективным с точки зрения управления поведением феноменом обыденности, показав хороший потенциал для выхода на новые социальные области.

Термин "социальный маркетинг" был впервые предложен Ф. Котлером и Д. Залтманом в 1971 году [6]. Анализ специальной литературы свидетельствует, что до сих пор сохраняются терминологическая неопределенность и путаница в трактовках. В качестве обобщенного определения можно предложить следующее: социальный маркетинг – это социально-маркетинговые обращения и кампании, разработанные с использованием методов коммерческого маркетинга для добровольного изменения поведения представителей целевых групп, в целях повышения собственного благополучия и благополучия общества [2, р. 272]. Иными словами, целью социального маркетинга является благополучие общества, в отличие, например, от коммерческого маркетинга, целью которого выступает благосостояние его субъекта [3, р. 50].

Методологией социального маркетинга стала базовая маркетинговая методология – бихевиоризм, в частности, акцент делается на внешненаблюдаемом поведении. Поведение здесь рассматривается как следствие воздействия системы поощрений и наказаний, а также социального научения, хотя в последнее время можно зафиксировать определенное методологическое расширение в описательных и объяснительных схемах социального маркетинга за счет включения в них когнитивных факторов и личностных диспозиций.

Экстраполируются и другие маркетинговые принципы, в частности, маркетинг-микс (товар, цена, место, продвижение). По мнению D. Sumelius, товаром в социальном маркетинге является конкретное поведенческое предложение, включающее преимущества (блага), которые целевая аудитория может приобрести в обмен на свое поведенческое изменение [9, р. 20].

Цена в социальном маркетинге выступает как социальные издержки, которые целевая аудитория вынуждена нести для принятия желаемого поведения. Такие издержки могут быть психологическими, культурными, социальными, временными, практически, физическими или финансовыми [4].

Место в социальном маркетинге предполагает обозначение того, где и когда может реализовываться новая поведенческая стратегия или место выработки новой модели поведения [9, р. 21–22]. Продвижение включает все средства маркетинговой коммуникации: социальную рекламу, сейлс-промоушн, директ-маркетинг, связи с общественностью, брендинг.

Кроме того, экстраполируется такой феномен как "перекрестные продажи" – в случае с социальным маркетингом, например, в кампании по коррекции табакокурения курильщик поощряется не только бросить курить (главная цель), но и перейти на здоровое питание [5, р. 6–7].

По мнению Jing Huey Chin и Shaheen Mansori, социальный маркетинг зародился в США в недрах медицинских пропагандистских программ, большинство из которых были направлены на профилактику и коррекцию табачной зависимости, профилактику сердечно-сосудистых заболеваний, а позднее профилактику ВИЧ/СПИДа, наркотической зависимости и других проблем [3, р. 51–52]. Сегодня его тематический ассортимент существенно расширился, однако сфера общественного здравоохранения остается одной из приоритетных. К перспективным темам социального маркетинга здесь относят проблематику: здорового образа жизни, ожирение, грудное вскармливание, здоровое питание, профилактику травм, раннюю диагностику заболеваний, антивакциаторство, ВИЧ-диссидентство и др. К другим немедицинским темам социального маркетинга стоит отнести профилактику и коррекцию различных зависимостей (профилактика, коррекция и др.), формирование настроенного поведения в отношении различных потенциальных угроз (интернет, улица и т. д.), толерантность в межнациональных отношениях, волонтерство, международные дни (например, день отказа от курения и т. д.).

В специальной литературе приводятся данные об успешно проведенных социально маркетинговых кампаниях по темам снижения уровня табачной зависимости в США, программы "Одна семья – один ребенок" в КНР [7], продвижение донорства [1],

формирования установки по использованию ремней безопасности в США [9, p. 14] и др.

Кампания по использованию ремней безопасности началась в 1993 г. в Северной Каролине и носила название "Click It или Ticket" ("Пристегнись или штраф"). Целью кампании стало формирование поведенческой привычки пристегиваться ремнем безопасности в автомобиле, а в качестве ядерной целевой аудитории были выбраны подростки и молодежь. Власти ввели в это время штрафы за отказ использовать ремень безопасности, а статистика показывала крайне низкий уровень использования этой меры предосторожности (ремнями безопасности пользовалось примерно 15 % автомобилистов).

Кроме того, сама идея законодательного регулирования использования ремней безопасности, в частности введение штрафов за неиспользование последних, вызвала серьезное сопротивление определенной части американского общества. Такой проект назывался "нарушением прав человека", "черным пятном на Америке", "вторжением в частную жизнь", были образованы группы активистов, в СМИ появились критические тексты и т. д. Иными словами, простого и легкого пути по формированию социально желательного вида поведения у инициаторов проекта просто не было, необходимо было проводить длительную коммуникативную кампанию, согласовывать интересы различных групп населения, снимать опасения и негативные установки. Кампания проводится в США до сих, включает телевизионную социальную рекламу (ролики), печатно-полиграфическую социальную рекламу, тематические интернет-сайты и страницы в социальных сетях, работу волонтеров. По некоторым данным, на ее осуществление уже потрачены свыше 30 миллионов долларов, 83 % американцев знают содержание этой кампании и видели ее рекламные обращения, а процент использования ремней безопасности в целевой аудитории вырос до 80 % [8].

Особенностями социально маркетинговых технологий являются: сегментация аудитории (выделение конкретной целевой группы), исходная ситуация предполагает отрицательный спрос (например, нежелание целевой аудитории использовать ремни безопасности), кампания основана на методологии обмена благами (в рекламных обращениях говорится о том, что небольшое неудобство в виде ремня безопасности можно «обменять» на безопасность,

отсутствие риска штрафа, возможности уверенной быстрой езды, сопричастности «прогрессивной» части американского общества, например, посредством использования референтных лидеров и др.), имеет место измеримость эффектов (поведенческие эффекты).

Психологическое содержание социального маркетинга определяется механизмами социальных изменений, которые задействованы в процессе проведения кампаний. Рассмотрим пять основных психологических моделей таких социальных изменений. Две последние модели разработаны специально для анализа механизма формирования поведения в области здоровья (профилактика, диагностика и терапия), остальные могут использоваться для широкого круга социальных проблем.

1. Изменение социальных аттитюдов. Современный социальный маркетинг ориентирован на целостные коммуникативные кампании, которые могут длиться десятилетиями и, как правило, включает в себя просвещение и информирование (когнитивный компонент аттитюда); формирование, коррекцию или изменение эмоционального отношения к объекту аттитюда и непосредственно поведенческие изменения. Поведенческие изменения могут принимать форму принятия, изменения (коррекции) или отказа от определенной поведенческой стратегии [1, p. 109]. Иными словами, социальный маркетинг фокусируется как на усилении желательных социальных изменений, так и на противодействии нежелательным социальным изменениям [3, p. 51].

2. Теория планируемого поведения (Theory of Planned Behaviour, TPB) [3, p. 53].

В ее рамках выделяются три основных психологических когнитивных фактора, влияющих на поведение человека: 1. исходные (сформированные) поведенческие убеждения, 2. субъективные нормы и 3. поведенческий контроль [3, p. 54]. Первый фактор определяет, например, готовность/неготовность человека потратить свое время, а иногда и средства на раннюю диагностику заболевания. В связи с чем, кампании социального маркетинга в этом направлении призваны сформировать благоприятное отношение целевой аудитории к формируемому типу поведения.

Второй фактор (субъективные нормы) определяют внешнее влияние на поведение – то, как принято поступать в аналогичных случаях в этой социальной группе. Это влияние членов семьи, друзей и социума. Их одобрение, согласие или поддержка определен-

ной поведенческой стратегии повышают вероятность ее использования. Соответственно, чем больше людей будут использовать формируемую в рамках кампании по социальному маркетингу стратегию поведения, тем больше других людей будут подражать им [3, p. 55].

Третий фактор связан с субъективным восприятием человека своей способности осуществлять формируемую поведенческую стратегию. Здесь определяющую роль играет прошлый опыт человека.

3. Социально-когнитивная теория (SCT) – является расширенной версией теории социального научения А. Бандуры. В ней постулируется наличие трех взаимных детерминант любых изменений: когнитивные, поведенческие и средовые [3, p. 55].

В рамках социального маркетинга для запуска механизма научения используются способы социального моделирование, апелляции к опыту замещения (одного типа поведения другим), вербальное убеждение и др. Что касается поведенческих факторов, то человек будет мотивирован ожиданиями результата, если он будет знать, что другие люди в аналогичной ситуации использовали предлагаемую модель поведения и она была выигрышной (подражание). К средовым факторам здесь относят поддержку членов семьи и окружения в целом. Социально-когнитивная теория учитывает социальное влияние как внутренних, так и внешних факторов [3, p. 55].

4. Теория мотивации защиты (PMT). Ее автор Р. Роджерс предположил, что физические, психологические и социальные угрозы будут стимулировать реакцию людей на защиту [3, p. 56]. Иными словами, люди сравнивают потенциальные угрозы, например, в ситуации с табакокурением и оценивают приобретения и возможные потери преодоления зависимости (оздоровление, возможные трудности первоначального этапа отказа и т. д.). Оценка угрозы включает субъективную оценку риска продолжать использовать негативную поведенческую стратегию и воспринимаемую уязвимость (субъективная оценка серьезности проблемы). Оценка преодоления включает в себя эффективность реагирования (субъективные представления о пользе новой поведенческой стратегии) и самоэффективность (способность к преодолению собственных негативных установок и привычек).

5. Модель "Веры в здоровье" (HBM). Разработана министерством здравоохранения США в 1950-х гг. для изучения причин,

определяющих поведение человека в направлении профилактики заболеваний и широко используется и по сей день [3, p. 58].

Основными конструктами этой модели являются: воспринимаемая серьезность (субъективная оценка потенциальной тяжести заболевания), воспринимаемая уязвимость (субъективная оценка риск развития заболевания у человека), воспринимаемые выгоды (оценка того, что получит человек от профилактических действий), воспринимаемые барьеры (установки и другие факторы, мешающие осуществить профилактические действия), сигналы к действию (начальный стимул триггерного характера запускающий новую модель поведения) и самоэффективность (субъективная оценка собственной ответственности и ресурсов для поведенческих изменений).

Подводя предварительные итоги можно сделать вывод, что социальный маркетинг предстает интересным междисциплинарным феноменом, в котором интегрируется маркетинговая и психологическая методология. На сегодняшний день разработаны и показали свою эффективность бихевиоральные и когнитивные описательные и объяснительные модели социальных изменений, релевантные применительно к социальному маркетингу. Область определения социального маркетинга включает широкий круг социальных проблем, а его технологии становятся неотъемлемой частью социальной политики на всех уровнях ее реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andreasen, A. R. Social Marketing: Its Definition and Domain // *Journal of Public Policy & Marketing*. 1994. N 13 (1). P. 108–114
2. Ayvaz İ., & Torlak Ö. Social marketing and its moral dimensions // *Turkish Journal of Business Ethics*. 2016. N 9. P. 271–281. <http://dx.doi.org/10.12711/tjbe.2016.9.0009>.
3. Chin J. H., Mansori S. Social Marketing and Public Health: A Literature Review // *Journal of Marketing Management and Consumer Behavior*. 2018. Vol. 2, Issue 2. P. 48–66.
4. Gordon R. Re-thinking and re-tooling the social marketing mix // *Australasian Marketing Journal (AMJ)*. 2011. N 20(2), P. 122–126
5. Hastings G. Relational Paradigms in Social Marketing // *Journal of Macromarketing*. 2003. N 1 (23). P. 6–15.
6. Kotler P., Zaltman, V. Social marketing: an approach to planned social change// *Journal of Marketing*. 1971. N 35 (3). P. 3–12.
7. Polska P. Future Research in Social Marketing: Can the People's Republic of China benefit? // *Journal of Chinese Marketing*. 2009. N 2 (2). P. 85–89.
8. PSA Bibliography// *Social Marketing Success Stories*. URL: <http://www.psaresearch.com/success3.html> (retrieved: 21.10.2017).
9. Sumelius D. Encouraging Young Students to Volunteer Through Social Marketing// *Hanken School of Economics*. Helsinki, 2018. URL: http://www.kansalaisareena.fi/ka2016/wp-content/uploads/2018/04/Sumelius-Daniela-Thesis_Final-version-.pdf (12.04.2019).

Psychological aspects of social marketing

Ovrutskiy A. V.

Abstract. The aim of this study was to investigate the meaning of social marketing, its specificities, basic methodological principles and issues. Material described 5 psychological models which explain mechanisms of social transformations within the framework of social marketing campaign: 1. Theory of Social Attitudes, 2. Theory of Planned Behaviour, 3. Social Cognitive Theory, 4. Protection Motivation Theory, 5. Health Belief Model. Results of the assessment presented social marketing as a complex phenomenon that integrated marketing and psychological methodology, that accumulated certain experience of use, and its technologies appeared to be relevant for solving wide range of social problems.

Keywords: social marketing, social attitudes, theory of planned behavior, socio-cognitive theory, theory of motivation of protection, model of "Faith in health".

Роль делового партнерства в предпринимательской деятельности

Вавакина Т. С.

г. Москва, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-013-00735*

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования, посвященного анализу отношения российских предпринимателей к ключевым аспектам предпринимательской деятельности и к деловому партнерству. Анализируются взаимосвязи показателей эффективности деловых людей в их предпринимательской деятельности с отношением к деловому партнерству. Рассматриваются разные аспекты эффективности в предпринимательской деятельности: субъективная оценка успешности предпринимательской деятельности, оценки удовлетворенности экономическими результатами и результатами своей работы, субъективные оценки реализованности целей в предпринимательской деятельности, а также – способностей, знаний, умений. Показана взаимосвязь показателей эффективности с оценкой надежности партнеров по бизнесу, которая в свою очередь коррелирует с оценкой важности партнерства в бизнесе; ориентацией в деловом партнерстве на прагматичность и нравственность. Предприниматели, высоко оценивающие важность партнерства в бизнесе, выше оценивают вклад успешного делового партнерства в конечный результат бизнеса, в большей степени ориентируются на взаимность, справедливость и равенство.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, психологические отношения, деловое партнерство, отношения партнерства, предпринимательская деятельность.

В данном исследовании приняло участие 114 предпринимателей: мужчины и женщины, представители малого и среднего бизнеса. Для оценки влияния на развитие бизнеса внешних социально-экономических и социально-психологических факторов, самооценки эффективности деятельности предпринимателей и оценки надежности партнеров по бизнесу использовались соответствующие шкалы программы исследования социально-психологических особенностей российских предпринимателей [4]. Для выявления отношения респондентов к деловому партнерству использовался модифицированный вариант разработанного ранее авторского опросника [5].

Сразу отметим, что в нашем исследовании мы не затрагивали вопросы объективных экономических показателей эффективности предпринимательской деятельности, так как объем бизнеса, вложенные средства и другие вопросы, касающиеся финансовой стороны, крайне неохотно озвучиваются деловыми людьми, да и сферы их деятельности весьма разнообразны. Нам важнее было выяснить, как сами предприниматели оценивают свою удовлетворенность от предпринимательской деятельности и ее успешность. В программе исследования характеристик, связанных с отношением к предпринимательской деятельности, эффективность делового человека может анализироваться по совокупности самооценок: удовлетворенность экономическими результатами; удовлетворенность результатами своей работы; в какой мере удастся реализовать свои способности, знания, умения; в какой степени удастся реализовать цели; оценка успешности предпринимательской деятельности. Оценки давались по 7-бал. шкале: например, в какой степени Вы удовлетворены... (1 – совершенно не удовлетворен, 7 – полностью удовлетворен); насколько полно вам удастся реализовать... (1 – в очень малой степени, 7 – в очень большой степени); как Вы оцениваете успешность Вашей предпринимательской деятельности (1 – очень низкая, 7 – очень высокая).

Все эти характеристики могут быть рассмотрены как показатели эффективности предпринимателя. Мы полагаем, что если деловой человек высоко оценивает успешность своей предпринимательской деятельности, ему в достаточно большой степени удастся реализовать свои цели, способности, знания и умения, он удовлетворен и результатами своей работы, и экономическими результатами, то можно говорить о высокой степени удовлетворенности и

субъективной успешности его предпринимательской деятельности. Соответственно, такой предприниматель может рассматриваться как эффективный деловой человек. Собственно, коэффициент Cronbach's Alpha = 0,879, т. е. внутренняя согласованность шкал очень хорошая. Это свидетельствует о том, что все эти вопросы работают на оценку единой характеристики: эффективности делового человека в его предпринимательской деятельности. Далее проанализируем взаимосвязи интересующих нас показателей со всеми этими характеристиками.

Перейдем к рассмотрению вопроса о том, какова роль делового партнерства в предпринимательской деятельности. С одной стороны, наши исследования показали, что партнерство является важной частью предпринимательской деятельности, все предприниматели соглашались с тем, что у них есть деловые партнеры [5]. С другой стороны, предпринимательская деятельность весьма вариативна и в разной мере требует включения в нее партнерских взаимоотношений. В данном исследовании нас интересовал вопрос, как взаимосвязано отношение к партнерству с эффективностью делового человека в его предпринимательской деятельности.

В использованной нами программе рассматривались такие характеристики, как степень доверия к государственным структурам и предприятиям, степень доверия к предпринимательским структурам и предприятиям, оценка надежности большинства партнеров по бизнесу, которые тесно взаимосвязаны с рассматриваемыми нами показателями эффективности предпринимателя (табл. 1). Так, показатели эффективности делового человека наиболее тесно взаимосвязаны с двумя характеристиками: доверием предпринимательским структурам и оценкой надежности партнеров по бизнесу. Причем, эти характеристики коррелируют между собой ($k = 0,483$; $p = 0,000$). Возможно, именно представители других предпринимательских структур наиболее часто являются партнерами по бизнесу.

Взаимосвязь оценки надежности партнеров по бизнесу с доверием государственным структурам не столь выражена, но также довольно явно проявляется ($k = 0,199$; $p = 0,035$). Видимо, сотрудничество с государственными структурами и предприятиями в ряде ситуаций определенным образом влияет на то, в какой мере удастся реализовать свои цели, на успешность и экономический результат предпринимательской деятельности.

Таблица 1

Взаимосвязь характеристик: степени доверия к государственным структурам, к предпринимательским структурам и оценки надежности большинства партнеров по бизнесу с показателями эффективности предпринимателя

	Степень доверия к предпринимательским структурам	Степень доверия к гос. структурам	Оценка надежности большинства партнеров по бизнесу
Оценка успешности предпринимательской деятельности	$k = 0,521^{***}$	$k = 0,219^*$	$k = 0,445^{***}$
Удовлетворенность экономическими результатами	$k = 0,376^{***}$	$k = 0,220^*$	$k = 0,308^{**}$
Удовлетворенность результатами своей работы	$k = 0,455^{***}$		$k = 0,289^{**}$
В какой мере удастся реализовать свои способности, знания, умения	$k = 0,415^{***}$		$k = 0,312^{**}$
В какой степени Вам удастся реализовать цели	$k = 0,435^{***}$	$k = 0,231^*$	$k = 0,425^{***}$

*Примечание: k – коэф. корр., p – ур. знач. : * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p = 0,000$.*

С точки зрения развития бизнеса, показатели эффективности наиболее сильно взаимосвязаны с оценкой влияния собственных усилий делового человека и оценкой влияния местных органов власти. Кроме того – с оценкой влияния взаимоотношений с партнерами (табл. 2). В целом, эти результаты свидетельствуют о том, что эффективность предпринимателя зависит как от самого делового человека, так и от внешних условий, в которых он ведет свой бизнес. Какое место в ряду этих факторов занимает деловое партнерство? Мы не выявили взаимосвязи показателей эффективности делового человека в предпринимательской деятельности с его оценкой важности партнерства в бизнесе. То есть, с одной стороны, деловое партнерство является важным моментом для предпринимателей, с другой стороны – в разной мере может быть задействовано для достижения целей предпринимательской деятельности. Видимо, это означает, что не всегда требуется постоянное взаимодействие с партнерами. Возможно, это зависит от специфики бизнеса и сферы деятельности.

Таблица 2

Взаимосвязь характеристик: оценки влияния на развитие бизнеса собственных усилий, местных органов власти и взаимоотношений с партнерами с показателями эффективности предпринимателя

	Оценка влияния на развитие бизнеса собственных усилий	Оценка влияния на развитие бизнеса местных органов власти	Оценка влияния на развитие бизнеса взаимоотношений с партнерами
Оценка успешности предпринимательской деятельности	$k = 0,331^{**}$	$k = 0,223^*$	$k = 0,234^*$
Удовлетворенность экономическими результатами	$k = 0,224^*$	$k = 0,309^{**}$	$k = 0,229^*$
Удовлетворенность результатами своей работы	$k = 0,262^*$	$k = 0,259^*$	$k = 0,184^*$
В какой мере удастся реализовать свои способности, знания, умения	$k = 0,396^{***}$	$k = 0,229^*$	
В какой степени Вам удастся реализовать цели	$k = 0,307^{**}$	$k = 0,314^{**}$	

*Примечание: k – коэф. корр., p – ур. знач. : * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p = 0,000$.*

Однако, если деловые взаимосвязи устанавливаются, то к партнерам предъявляются серьезные требования. Например, надежность партнеров по бизнесу (см. табл. 1). С чем же связана оценка надежности партнеров по бизнесу? С уверенностью в своем партнере ($k = 0,445$, $p = 0,000$); с доверием – чувствуете, что партнер Вам полностью доверяет ($k = 0,373$, $p = 0,000$), полностью доверяете своему партнеру ($k = 0,317$, $p = 0,001$); с ответственностью – можете допустить безответственность по отношению к партнеру ($k = -0,389$, $p = 0,000$), можете отметить, что партнер поступает ответственно ($k = 0,295$, $p = 0,002$); с честностью – встречаетесь с честностью, искренностью, открытостью партнера ($k = 0,287$, $p = 0,003$), ведете себя честно, искренне и открыто ($k = 0,196$, $p = 0,041$); с тем, что встречаете содействие и поддержку партнеров ($k = 0,271$, $p = 0,004$), встречаете взаимопонимание ($k = 0,244$, $p = 0,011$). И конечно же – с тем, что можете сказать, что Ваш партнер – надежный человек ($k = 0,296$, $p = 0,002$) и что Вы – надежный деловой партнер ($k = 0,269$, $p = 0,005$).

Надежность большинства деловых партнеров важна еще и потому, что эта оценка связана с показателями эффективности в деловом партнерстве [1–3], прежде всего – с удовлетворенностью

отношениями с деловыми партнерами ($k = 0,392$, $p = 0,000$). Кроме того, необходимо отметить следующие корреляции оценки надежности большинства партнеров по бизнесу с оценками важности партнерства в жизни ($k = 0,240$, $p = 0,011$) и важности партнерства в бизнесе ($k = 0,207$, $p = 0,028$); ориентацией в деловом партнерстве на прагматичность ($k = 0,202$, $p = 0,033$) и ориентацией на нравственность ($k = 0,220$, $p = 0,021$).

Результаты, представленные в табл. 2 позволяют судить о том, что предприниматели вполне могут реализовывать свои цели, способности, знания, умения и самостоятельно, без опоры на взаимоотношения с партнерами. Во всяком случае, каких-либо взаимосвязей в данном случае мы не обнаружили. Однако оценка успешности предпринимательской деятельности, удовлетворенность и экономическими результатами, и результатами своей работы коррелирует с оценкой влияния на развитие бизнеса взаимоотношений с партнерами.

Таблица 3

Взаимосвязь характеристик: удовлетворенности отношениями с деловыми партнерами и оценки успешности партнерского взаимодействия с показателями эффективности предпринимателя

	Вы вполне удовлетворены отношениями с деловыми партнерами	И Вы, и ваш деловой партнер отмечаете, что взаимодействие оказалось успешным
Оценка успешности предпринимательской деятельности	$k = 0,431^{***}$	
Удовлетворенность экономическими результатами	$k = 0,282^{**}$	$k = 0,204^*$
Удовлетворенность результатами своей работы	$k = 0,280^{**}$	
В какой мере удастся реализовать свои способности, знания, умения		$k = 0,213^*$
В какой степени Вам удастся реализовать цели	$k = 0,340^{***}$	$k = 0,224^*$

*Примечание: k – коэф. корр., p – ур. знач. : * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p = 0,000$.*

Можно отметить, что выявляется много взаимосвязей показателей успешности предпринимателя в его предпринимательской деятельности с показателями его эффективности в деловом партнерстве (табл. 3). Кроме того, оценка успешности предпринима-

тельской деятельности коррелирует с показателями, непосредственно связанными с партнерским взаимодействием. Чем чаще предприниматель непосредственно включен во взаимодействие: встречает содействие и поддержку партнеров ($k = 0,229$, $p = 0,016$) и оказывает содействие и поддержку партнеру ($k = 0,217$, $p = 0,024$), тем выше он оценивает успешность своей предпринимательской деятельности. Это является дополнительным свидетельством важности взаимодействия с деловыми партнерами, взаимосодействия и поддержки друг друга.

В завершение отметим, что мы не выявили корреляций показателей эффективности делового человека и его оценки важности партнерства в бизнесе. Однако, если сравнить две группы предпринимателей: высоко оценивающих важность партнерства в бизнесе (83 чел.; ср. зн. = 88 по шкале от 0 до 100) и низко оценивающих важность партнерства в бизнесе (31 чел.; ср. зн. = 43 по шкале от 0 до 100), то можно отметить некоторые значимые различия в оценках представителей этих групп. Так, низко оценивающие важность партнерства в бизнесе предприниматели большее значение придают влиянию на развитие бизнеса экономической политики государства и полагают, что работать у них других людей привлекает материальная обеспеченность.

Деловые люди, высоко оценивающие важность партнерства в бизнесе, выше оценивают вклад успешного взаимодействия с деловыми партнерами в конечный результат своего бизнеса (работы), выше оценивают надежность большинства своих партнеров и влияние на развитие бизнеса взаимоотношений с партнерами, чаще сами оказывают и встречают содействие и поддержку партнеров, комфортнее чувствуют себя во взаимодействии с партнерами. В деловом партнерстве в большей степени ориентируются на взаимность, справедливость и равенство как инструментальные принципы социального взаимодействия. У высоко оценивающих важность партнерства в бизнесе в большей мере выражено стремление использовать деньги как средство достижения значимых целей в жизни и как возможность сделать жизнь такой, какой она должна быть. В случае серьезной неудачи или провала эти предприниматели скорее всего заново организуют свой бизнес.

Опираясь на полученные в данном исследовании результаты, можно уверенно говорить о том, что деловое партнерство играет существенную роль в деятельности предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавакина Т. С. Проблема оценки эффективности социального взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 223–230.
2. Вавакина Т. С., Позняков В. П. Психологические факторы эффективности делового партнерства // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 113–124.
3. Вавакина Т. С., Позняков В. П. Отношение предпринимателей к принципам и нормам социального взаимодействия и оценка эффективности делового партнерства // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 158–168.
4. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 5. Программы и методики психологического исследования личности и группы : материалы Юбил. науч. конф. ИП РАН / отв. ред. А. Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2002. С. 90–110.
5. Позняков В. П., Вавакина Т. С. Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. 320 с.

Role of business partnership in entrepreneur activity

Vavakina T. S.

Abstract. The results of an empirical study devoted to the analysis of the attitude of Russian entrepreneurs to key aspects of entrepreneurial activity and to business partnership are presented. Analyzed the relationship of indicators of the efficiency of business people in their business activities with the attitude to the business partnership. Different aspects of efficiency in entrepreneurial activity are considered: a subjective assessment of the success of entrepreneurial activity, an assessment of satisfaction with economic results and the results of their work, a subjective assessment of the realization of goals in entrepreneurial activity, and also abilities, knowledge, and skills. The relationship between performance indicators and the assessment of the reliability of business partners is shown, which in turn correlates with the assessment of the importance of business partnerships; orientation in business partnership on pragmatism and morality. Entrepreneurs, who highly appreciate the importance of partnership in business, appreciate the contribution of a successful business partnership to the final result of a business, and are more oriented towards reciprocity, justice and equality.

Keywords: social interaction, psychological relationships, business partnership, partnership relationship, entrepreneur activity.

Взаимосвязь этнической идентичности и жизненных ценностей российских предпринимателей в сфере малого бизнеса

Свитюк С. Ю.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Целью данного исследования является выявление возможных взаимосвязей между этнической идентичностью и жизненными ценностями российских предпринимателей в сфере малого бизнеса. В исследовании приняли участие 80 предпринимателей сферы малого бизнеса Иркутской области, из них 25 мужчин и 55 женщин, средний возраст респондентов 35 лет, 97 % респондентов – русской национальности. С целью диагностики ценностей и типов этнической идентичности были использованы «Морфологический тест жизненных цен-

ностей» (Сопов В. Ф., Карпушина Л. В.) и опросник «Типы этнической идентичности» (Солдатова Г. У., Рыжова С. В.). Для установления взаимосвязи между этнической идентичностью и жизненными ценностями российских предпринимателей был использован коэффициент корреляции *r*-Спирмена. В результате проведенного исследования была установлена значимая обратная корреляция ценностей «развитие себя», «духовное удовлетворение», «активные социальные контакты», «достижения», «высокое материальное положение» с этноигиизмом, и прямая корреляция ценностей «собственный престиж», «высокое материальное положение» с этнонигилизмом.

Ключевые слова: этническая идентичность, жизненные ценности, российские предприниматели, сфера малого бизнеса, этнонигилизм.

Введение. Проблема взаимосвязи этнической идентичности и ценностей российских предпринимателей является особенно актуальной в современных условиях социокультурных изменений. Система ценностей российских предпринимателей в сфере малого бизнеса и их поведение оказывают огромное влияние, как на экономическую эффективность, так и на благосостояние всего общества в целом.

Исследование российского предпринимательства началось с 1990-х гг., именно в то время предпринимательство стало новым видом деятельности в нашей стране. Труды по исследованию предпринимательства до середины 20 в. имели теоретический характер, изучалась в основном экономическая сущность предпринимательской деятельности (А. Смит, И. Кирцнер, Р. Кантильон, Ф. А. Хайек, Ж. -Б. Сэй, У. Баумоль, Й. Шумпетер, Ф. Найт). Позже стали исследоваться управленческие характеристики предпринимателей и психологические (П. Дракер, Д. Макклелланд) [1].

Сущность ценностей и их роль в жизни общества рассматривались в трудах таких ученых, как М. Вебер, Ф. Знанецкий, Р. Мертон, Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, У. Томас, П. Сорокин. Среди современных зарубежных и отечественных ученых исследованием ценностей занимаются Р. Инглхарт, А. Инкельс, Г. Хофстеде, Н. И. Лапин, В. С. Магун, В. А. Ядов. Большое значение имеют труды психологов, занимающихся исследованием ценностей (М. Рокич, Ш. Шварц, Д. Макклелланд). Проблеме ценностей предпринимательства посвящены труды А. А. Возьмителя, Н. Н. Зарубиной, Г. Б. Кошарной, А. Л. Кузевановой, В. С. Магуна. Многочисленные исследования, раскрывающие социально-психологические, индивидуально-типологические особенности предпринимателей провели такие ученые, как Л. И. Абалкин,

Е. П. Ермолаева, А. Л. Журавлев, В. П. Позняков, А. Е. Чирикова и др. [1; 6].

Многие ученые полагают, что успех предпринимательской деятельности связан с экономическими, политическими, психологическими и социальными факторами. К психологическим факторам можно отнести способности, интересы предпринимателя, этническую идентичность, его личностные качества и ценности [3, 4].

Ценности являются механизмом личностного роста и саморазвития и могут быть подразделены на жизненные ценности и ситуативные. Жизненные ценности, в отличие от ситуативных, включают в себя все самое важное, касающееся в целом жизни человека. Все жизненные ценности личности могут быть сгруппированы в три основных круга ценностей: личная жизнь и отношения; дело, бизнес, работа; саморазвитие. Жизненные ценности человека – это основной фундамент личности, они формируются в результате приобретенного опыта с момента рождения человека и корректируются в процессе всей жизни, непосредственно влияя на становление мировоззрения человека. Формирование индивидуальных ценностей является основным процессом интериоризации личностью социальных ценностей [2]. Система жизненных ценностей предпринимателей является важнейшей характеристикой личности и показателем ее сформированности.

Этнический фактор имел большое значение на протяжении всей истории становления и развития предпринимательства, как в России, так и в мире в целом. Для России проблема исследования влияния этнических факторов на предпринимательство становится все более актуальной в условиях многонационального состава населения страны и прибытия все большего количества мигрантов и переселенцев из стран ближнего и дальнего зарубежья, а также из-за распространения в обществе националистических и ксенофобских настроений. Как известно, сфера предпринимательства той или иной страны – одно из ключевых оснований ее этнической идентичности. Статистически предприниматели составляют достаточно небольшую социальную группу. Однако данное меньшинство создает значимое количество рабочих мест для большинства в странах с рыночной экономикой. Их достижения, успехи, деловая мораль, жизненные ценности, этническая идентичность, провалы и неудачи являются лицом экономической идентичности нации [6].

Этническая идентичность – это часть социальной идентичности личности, и может быть рассмотрена в качестве когнитивно-эмоционального осознания своей принадлежности к определенному этносу. Содержанием этнической идентичности являются разного рода этносоциальные представления, разделяемые членами этой этнической группы. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения и государственности. Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. Эти знания связывают членов этой этнической группы и служат основой её отличия от других [7, 8].

Целью данного исследования является выявление возможных взаимосвязей между этнической идентичностью и жизненными ценностями российских предпринимателей в сфере малого бизнеса.

Методы и выборка исследования. В исследовании приняли участие 80 предпринимателей сферы малого бизнеса Иркутской области, из них 25 мужчин и 55 женщин, средний возраст респондентов 35 лет, 97 % респондентов – русской национальности.

Для изучения жизненных ценностей и этнической идентичности предпринимателей использовались:

1. Морфологический тест жизненных ценностей (Сопов В. Ф., Карпушина Л. В.). Опросник направлен на изучение индивидуальной системы ценностей человека с целью лучшего понимания смысла его действий или поступков. Основным диагностическим конструктом МТЖЦ являются терминальные ценности: 1) развитие себя; 2) духовное удовлетворение; 3) креативность; 4) активные социальные контакты; 5) собственный престиж; 6) достижения; 7) высокое материальное положение; 8) сохранение собственной индивидуальности [5].

2. Опросник «Типы этнической идентичности» (Солдатова Г. У., Рыжова С. В.). Опросник содержит шесть шкал, которые соответствуют следующим типам этнической идентичности: этнонигилизм, этническая индифферентность, норма, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм [5].

Для установления взаимосвязи между этнической идентичностью и жизненными ценностями российских предпринимателей был использован коэффициент корреляции r -Спирмена.

Результаты исследования. По результатам опросника «Типы этнической идентичности» были получены следующие данные: этнонигилизм = 20,6, этническая индифферентность = 15, норма = 10,7, этноэгоизм = 10,8, этноизоляция = 9, этнофантазм = 11. Полученные результаты представлены на рис. 1.

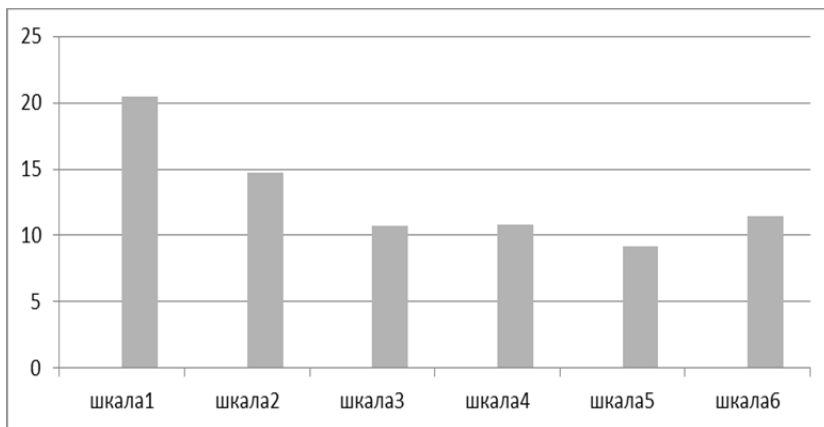

Рис. 1. Типы этнической идентичности российских предпринимателей в сфере малого бизнеса

По результатам морфологического теста жизненных ценностей в сфере профессиональной жизни были получены следующие данные: развитие себя = 8,4; духовное удовлетворение = 8,1; креативность = 7,9; активные социальные контакты = 7; собственный престиж = 7,8; достижения = 8,5; материальное положение = 9; сохранение индивидуальности = 8. Полученные результаты представлены на рис. 2.

В результате корреляционного анализа типов этнической идентичности и жизненных ценностей российских предпринимателей была обнаружена значимая обратная корреляция ценности «развитие себя» с этноэгоизмом ($r = -0,446$, $p = 0,000$); обратная корреляция ценности «духовное удовлетворение» с таким типом этнической идентичности, как «норма» ($r = -0,282$, $p = 0,03$) и с этноэгоизмом ($r = -0,538$, $p = 0,000$); ценность «креативность» имеет значимую обратную корреляцию с этноэгоизмом ($r = -0,461$, $p = 0,000$); ценность «активные социальные контакты» обратно коррелирует с этноэгоизмом ($r = -0,298$, $p = 0,02$); ценность

«собственный престиж» имеет прямую корреляцию с этнонигилизмом ($r = 0,307$, $p = 0,01$); ценность «достижения» имеет обратную корреляцию с этнической индифферентностью ($r = -0,285$, $p = 0,03$), с нормой ($r = -0,296$, $p = 0,02$), с этноэгоизмом ($r = -0,406$, $p = 0,002$) и с этноизоляционизмом ($r = -0,347$, $p = 0,008$); ценность «высокое материальное положение» имеет прямую корреляцию с этнонигилизмом ($r = 0,372$, $p = 0,004$) и обратную корреляцию с этнической индифферентностью ($r = -0,274$, $p = 0,03$) и этноэгоизмом ($r = -0,268$, $p = 0,04$); ценность «сохранение индивидуальности» имеет обратную корреляцию с этноэгоизмом ($r = -0,298$, $p = 0,02$).

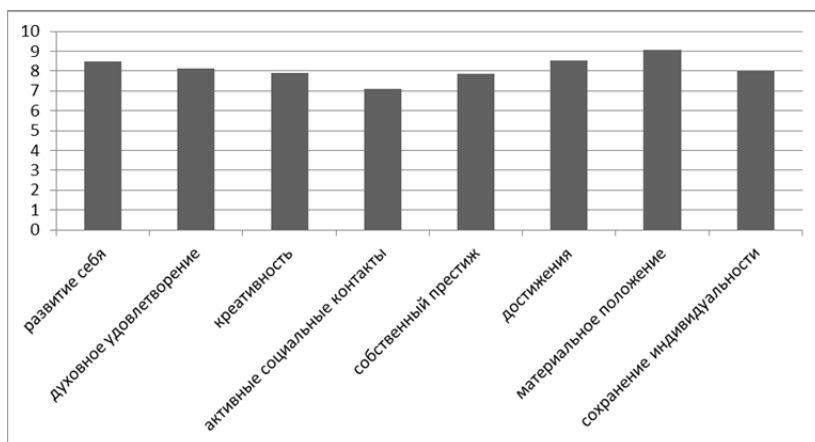

Рис. 2. Жизненные ценности предпринимателей в сфере профессиональной жизни

Обсуждение результатов исследования. Доминирующими типами этнической идентичности среди российских предпринимателей являются этнонигилизм и этническая индифферентность. Таким образом, мы можем наблюдать среди наших респондентов одну из форм гиподентичности, представляющую собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию, в результате чего может произойти размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности.

Наиболее значимыми для российских предпринимателей являются такие ценности, как высокое материальное положение, достижения и развитие себя. Таким образом, наши респонденты обладают стремлением к наиболее полной реализации своих способностей в сфере профессиональной жизни и к повышению своей квалификации, требовательностью к себе и своим профессиональным обязанностям, стремлением достигать конкурентных и ощутимых результатов в своем бизнесе, для них характерно тщательное планирование всей работы и получение удовлетворения не от процесса, а от результата деятельности. В связи с чем, для них также характерно стремление иметь работу, гарантирующую высокий доход и другие виды материального благополучия. Наименее важными жизненными ценностями являются собственный престиж и активные социальные контакты. Для опрошенных нами предпринимателей завоевание своего признания в обществе путем следования определенным социальным требованиям не является их главной целью. Для них характерно стремление к индивидуализации деятельности и к поддержанию отношений в чисто корпоративных рамках.

В результате корреляционного анализа типов этнической идентичности и жизненных ценностей российских предпринимателей можно сказать, что чем меньше напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп, тем более выражено стремление к реализации своих способностей в сфере профессиональной жизни, стремление к высокому материальному положению, стремление достигать конкурентных и ощутимых результатов в своей профессиональной деятельности, стремление к установлению благоприятных взаимоотношений с коллегами по работе.

Выводы. Итак, нами были определены ведущие типы этнической идентичности и рассмотрены жизненные ценности российских предпринимателей в сфере малого бизнеса, выявлена взаимосвязь между типами этнической идентичности и жизненными ценностями.

Доминирующими типами этнической идентичности среди российских предпринимателей являются этнонигилизм и этническая индифферентность. Наиболее значимыми для российских предпринимателей являются такие жизненные ценности, как высокое материальное положение, достижения и развитие себя,

наименее важными – собственный престиж и активные социальные контакты.

В результате корреляционного анализа типов этнической идентичности и жизненных ценностей российских предпринимателей была обнаружена значимая обратная корреляция ценностей «развитие себя», «духовное удовлетворение», «активные социальные контакты», «достижения», «высокое материальное положение» с этнонигилизмом, и прямая корреляция ценностей «собственный престиж», «высокое материальное положение» с этнонигилизмом.

Таким образом, жизненные ценности, с одной стороны, отражают этническую принадлежность, культуру, традиции, мораль и законы, которые характерны для данного общества, в котором субъект интериоризирует эти ценности; с другой стороны, непотворимое сочетание ценностей отражает индивидуальность каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социально-психологические трудности развития малого бизнеса в России // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23–34.
2. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе: монография. М. : ИП РАН, 2006. 334 с.
3. Носкова О. Г. Психология труда: учебное пособие. М. : Академия, 2009. 384 с.
4. Петрова Н. И. Ценностно-смысловая сфера личности руководителей государственной службы и предпринимателей // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 34–44.
5. Терехова Т. А. Психодиагностика: учебное пособие. Иркутск : БГУЭП, 2010. 403 с.
6. Чирикова А. Е. Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 62–74.
7. Mayton D. M., Loges W. E., Ball-Rokeach S. J. & Grube J. W. Human values and social issues: Current understanding and implications for the future // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50. N 4. P. 1–9.
8. Smith P. B. & Schwartz S. H. Values: Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston: Allyn & Bacon, 1997. 611 p.

Interrelation of ethnic identity and life values of Russian businessmen in the field of small business

Svitlana Yu.

Abstract. The purpose of this study is to identify possible relationships between ethnic identity and life values of the Russian entrepreneurs in the field of small business. The study involved 80 entrepreneurs from small business of the Irkutsk region, 25 of them are men and 55 are women, the average age of respondents is 35 years old, 97 % of respondents are of Russian nationality. In order to diagnose values and types of ethnic identity the Morphological Test of Life Values (Sopov V. F., Karpushina L. V.) and the questionnaire “Types of Ethnic Identity” (Soldatova G. U., Ryzhova S. V.) were used. To establish the relationship between ethnic identity and the life values of the Russian entrepreneurs the Spearman rank correlation coefficient was used. As a result of the study a significant inverse correlation of the values “development of oneself”, “spiritual satisfaction”, “active social contacts”, “achievements”, “high financial level” with ethnoism, and direct correlation of values “own prestige” and “high financial level” with ethnonigilism was established.

Keywords: ethnic identity, life values, Russian entrepreneurs, small business, ethnonigilism.

Смыслообразующая активность предпринимателя в контексте временной перспективы

Гаевская Л. Г.

г. Иркутск, Россия

*Статья выполнена на основе исследований по гранту РФФИ
«Этно-психологические характеристики экономического самоопределе-
ния российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса»
проект № 19-013-00430 А*

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь особенностей смыслообразующей активности личности предпринимателя в контексте его отношения ко времени, его временной перспективы. Смыслообразующая активность личности в значительной степени придают жизни осмысленность и нацеленность. И хотя понятия жизненных смыслов для каждого свое, его наличие открывает перспективу для жизни. Жизненная перспектива человека во многом зависит от временной установки, его временной ориентации, т. е. от отношения к прошлому, настоящему и будущему. Без направленности на будущее сложно ставить цели, планировать проекты. Настоящее должно радовать, давать ресурс для развития. Нацеленность на прошлое оттягивает силы и снижает осмысленность жизни.

Ключевые слова: временная перспектива, осмысленность жизни, смысло-жизненная ориентация, смыслообразование, смыслообразующая активность, предприниматель.

Человек сам постоянно генерирует свои смыслы, уходя от «экзистенциального вакуума», обесценивания, «экзистенциального эскапизма». Однако постоянно возникающие в окружающей действительности социальные, экономические, политические кризисные состояния, заставляют человека активнее «изобретать» смыслы. В результате чего они теряют свою глубину и соответственно ценность и силу. Человек дезориентируется. Процессу смыслообразования и смыслообразующей активности нужны поддерживающие ресурсы. Таким ресурсом может стать временная перспектива, временная направленность, временная компетентность человека.

У каждого человека есть собственная временная перспектива. Под «перспективой» понимается «точка видения», из которой человек смотрит на всю свою жизнь как через фильтр и тем или иным образом воспринимает свое прошлое, настоящее и будущее. Временная перспектива – фундаментальный и неосознаваемый процесс, с помощью которого общественный и индивидуальный опыт соотносятся с временными категориями, что позволяет при-

дать смысл и связанность прожитому опыту. Согласно теории временной перспективы, в детстве под влиянием семьи, общества, образования, религии, культуры (т. е. в процессе социализации) мы учимся переводить поток личного опыта в категории прошлого, настоящего и будущего. Временная перспектива динамически влияет на многие суждения, решения и действия, так как связана с такими процессами, как стремление к достижению, постановка целей, склонность к риску, поиск новых ощущений и т. д. Временная перспектива человека в каждый момент определяется характеристиками ситуации и индивидуальными предпочтениями, при этом последние относительно стабильны [5, 20].

Как пишет Кузнецова О. В., время – одна из важнейших составляющих человеческого бытия, и жизненная стратегия человека во многом зависит от особенностей восприятия личностью своего времени, от временной установки субъекта, от умения строить свою временную перспективу. Временная компетентность человека – это память о своём прошлом, осознание своего настоящего и построение своего будущего [2].

По мнению Г. М. Андреевой, необходимость соотнесения времени своей жизни с переживаемой эпохой означает для каждого индивида необходимость достичь адекватности собственных возможностей и возможности их реализации, даваемой данным отрезком исторического времени [1].

И. М. Палей и В. С. Магун считают, что именно понимание времени позволяет индивиду оторваться от сиюминутного, увидеть мир шире. Это означает временную децентрацию человека. Отмечается, что механизм временной децентрации позволяет индивиду взглянуть не только на свою жизнь с любой точки отсчёта, но и с точки зрения момента, выходящего за пределы собственной жизни [2].

Смысловая центрированность личности на том или ином временном отрезке с неизбежностью накладывает отпечаток на специфику восприятия ею всех элементов своего жизненного пути и своего «Я» в различных временных плоскостях [4].

Смыслообразующая активность по Шрейбер Т. В. это динамическое условие становления деятельности, состояние готовности к поиску смыслов, сопровождающееся переживанием осмысленности жизни, личностной интерпретацией человеком своей позиции относительно формирования линии жизни, своего места в обще-

стве и способа жизни [7, с. 24]. При высокой смыслообразующей активности личность свободна в своем выборе, ответственна за него, нацелена на будущие достижения, наслаждается настоящим моментом и опирается на прошлый опыт. Такая личность нацелена на успешное решение возникающих проблем.

Цель исследования. В данной статье нам было интересно посмотреть зависимость смысложизненных ориентиров, смыслообразующей активности предпринимателей и восприятие ими времени при конструировании представлений о реальности.

Для этой цели нами были выбраны 20 респондентов, занимающихся предпринимательской деятельностью в городе Иркутске. Из которых 13 респондентов женского пола и 7 респондентов мужского пола.

Процедура исследования. Респондентам предлагалось заполнить тест «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева, Ценностный опросник Ш. Шварца и Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо.

Тест «Смысложизненных ориентации» является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика. Методика была разработана на основе теории стремления к смыслу и логотерапии Виктора Франкла. Тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни. В тесте СЖО жизнь считается осмысленной при наличии целей, удовлетворении, получаемом при их достижении и уверенности в собственной способности ставить перед собой цели, выбирать задачи из наличных, и добиваться результатов. Важным является ясное соотнесение целей – с будущим, эмоциональной насыщенности – с настоящим, удовлетворения – с достигнутым результатом, прошлым.

Ситуация предоставляет каждому человеку возможность сделать в настоящем определенный выбор в виде поступка, действия или бездействия. Основой такого выбора является сформированное представление о смысле жизни или его отсутствии. Совокупность осуществленных, актуализированных выборов формирует «прошлое», которое неизменно, вариациям подвержены лишь его интерпретации. «Будущее» есть совокупность потенциальных,

ожидаемых результатов усилий, предпринимаемых в настоящем, в этой связи будущее принципиально открыто, а различные варианты ожидаемого будущего имеют разную мотивирующую притягательность [3,6].

Опросник временной перспективы Зимбардо разработан Ф. Зимбардо в соавторстве с А. Гонзалесом в 1997 году. Авторами было выделено 7 временных факторов, количество которых при дальнейшем статистическом анализе было сокращено до 5. Данная пятифакторная структура является устойчивой и воспроизводимой. Временные факторы: 1) восприятие негативного прошлого (выражает степень неприятия собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований); 2) восприятие позитивного прошлого (выражает степень принятия собственного прошлого, при котором любой опыт является опытом, способствующим развитию и приведшим к сегодняшнему состоянию); 3) восприятие гедонистического настоящего (настоящее видится оторванным от прошлого и будущего, единственная цель – наслаждение); 4) восприятие фаталистического настоящего (оно видится независимым от воли личности, изначально predetermined, а личность – подчинённым судьбе); 5) степень ориентации на будущее (выражает наличие у личности целей и планов на будущее).

Ценностный опросник Шварца применяется для исследования динамики изменения ценностей как в группах (культурах) в связи с изменениями в обществе, так и для личности в связи с ее жизненными проблемами. Под ценностями Шалом Шварц подразумевал «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества. В основе опросника Шварца лежит теория, согласно которой все ценности делятся на социальные и индивидуальные. Опросник разработан в 1992 году, при использовании методики М. Рокича. Опросник выявляет 10 типов ценностей: власть, доброта, конформность, традиции, универсализм, самостоятельность, стимуляция гедонизм, достижения, безопасность.

Результаты. Интересно, что Ценностный опросник Шварца не показал никакой корреляции с другими методиками ни по одной шкале.

Шкала временной перспективы «Будущее» имеет высокую положительную корреляционную связь со шкалами СЖО «Цель в жизни» ($r = 0,76$; $p \leq 0,01$), «Процесс жизни» ($r = 0,75$; $p \leq 0,01$), «Лю-

кус контроля – Я» ($r = 0,73$; $p \leq 0,01$), «Локус контроля – жизнь» ($r = 0,80$; $p \leq 0,01$), «Осмысленность жизни» ($r = 0,86$; $p \leq 0,01$). Это говорит о том, что чем выше степень ориентации предпринимателя на будущее, тем целеустремленнее становятся его действия в отношении планов и смыслов, тем гедонистичнее становятся ежедневные потребности. Такой человек свободно принимает решения и воплощает их в жизнь, его жизнь обладает осмысленностью и смыслообразующей активностью.

Шкала временной перспективы «Гедонистическое настоящее» имеет высокую положительную корреляционную связь со шкалой СЖО «Локус контроля – жизнь» ($r = 0,58$; $p \leq 0,05$). Это также подтверждает то, что наслаждение настоящим моментом является свободным выбором предпринимателя, это придает вкус жизни здесь и сейчас, это является стимулом в достижении еще больших благ.

Шкала временной перспективы «Фаталистическое настоящее» имеет высокую отрицательную корреляционную связь со шкалами СЖО «Цель в жизни» ($r = -0,89$; $p \leq 0,01$), «Локус контроля – Я» ($r = -0,76$; $p \leq 0,01$), «Локус контроля – жизнь» ($r = -0,70$; $p \leq 0,05$), «Осмысленность жизни» ($r = -0,77$; $p \leq 0,01$). Эти данные свидетельствуют о том, что для личности предпринимателя при высокой осмысленности жизни, уверенности в управляемости собственной жизнью, уверенности в достаточной свободе выбора, характерен также низкий показатель фатализма, чувства зависимости и бессилия перед обстоятельствами.

Шкала временной перспективы «Негативное прошлое» имеет высокую отрицательную корреляционную связь со шкалами СЖО «Процесс жизни» ($r = -0,62$; $p \leq 0,05$), «Локус контроля – жизнь» ($r = -0,69$; $p \leq 0,05$), «Осмысленность жизни» ($r = -0,63$; $p \leq 0,05$). Получается, что в восприятии своего прошлого у обследованных предпринимателей практически нет неприятия и разочарований. Зато есть цели и задачи, есть смысл в каждодневном процессе жизни.

Выводы. Таким образом, личность предпринимателя характеризуется нацеленностью на будущие достижения, наслаждением настоящим моментом, с использованием возможных благ, а также вполне спокойным отношением к прошлому. Эти люди обладают свободным выбором, свободной волей, положительным самооцениванием. Они устремлены на будущие блага и одновременно жаждут впечатлений сейчас. Это придает им сил и целеустремлен-

ности. Высокая смыслообразующая активность предпринимателей отражается на их способности быстро реагировать на возникающие препятствия и разрешать их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2011. № 6(20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru.0421100116/0060>.
2. Кузнецова О. В. Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 5–15.
3. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
4. Лукьянов О. В., Неяскина Ю. Ю. Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Психология и педагогика. 2012. 23 апреля. С. 152–157.
5. Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ЗТРИ) / А. Сырцова [и др.] // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 19–31.
6. Терехова Т. А., Трофимова Е. Л. Связь жизнестойкости с профессиональным поведением студентов русской и бурятской национальностей // Психология в экономике и управлении. 2015. Т. 7, № 1. С. 65–72.
7. Шрейбер Т. В. Детерминанты смыслообразующей активности личности (на материале исследования старших школьников): дис. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2006. 165 с.

Sense-forming activity of an entrepreneur in the context of a temporary perspective

Gaevskaya L. G.

Abstract. The article deals with the relationship of the meaning-forming activity features of the entrepreneur's personality in the context of his relationship to time and his time perspective. To a large extent the meaning-forming activity of a person gives life meaning and focus. Although the concept of life meanings is different for everyone, its presence offers a perspective of life. The life perspective of a person largely depends on the time setting and his temporal orientation, that is, the way people orient toward the past, present and future. It is difficult to set goals and plan projects without the focus on the future. The present should please and give a resource for development. The focus on the past weakens and reduces the meaning of life.

Keywords: temporal perspective, the meaning of life, the meaning-life orientations, meaning formation, meaning-forming activity, the entrepreneur.

Экономическая субъектность предпринимателя в сфере малого бизнеса

Орловская О. В.

г. Иркутск, Россия

*Статья выполнена на основе исследований по гранту РФФИ
«Этно-психологические характеристики экономического самоопределе-
ния российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса»
проект № 19-013-00430 А*

Аннотация. В статье показано как экономическая субъектность определяет необходимые внешние (материальные) обстоятельства жизни человека и материальные возможности (источники, средства) достижения жизненных целей и самореализации. Эмпирическое исследование особенностей экономической субъектности личности предпринимателя в сфере малого бизнеса проводилось с помощью авторского диагностического опросника Хащенко Т. Г. В результате исследования выявлено позитивное отношение к деньгам и собственному достатку выше у респондентов в возрасте старше 30 лет, семейных, имеющих высшее образование, определенный опыт работы в данной сфере, а также у которых в подчинении больше 100 человек. Предприниматели до 30 лет находятся на этапе организации своего бизнеса, поэтому в большей степени ориентированы на материальное самообеспечение и преобразующую активность в экономическом пространстве жизнедеятельности.

Ключевые слова: экономическая субъектность, интернальный локус контроля, рефлексивность, ориентация на материальное самообеспечение, позитивное отношение к собственности, преобразующая активность.

В широком спектре отечественных работ, посвященных субъектности, это явление раскрывается как интегральное личностное качество (свойство), как способ человеческого бытия, как ключевой фактор развития личности и профессии. Активно изучаются условия и средства развития субъектности, включая образовательное пространство, специфика её проявления в различных сферах деятельности человека (творческой, профессиональной, учебной и т. д.). Субъектность связывается авторами «... с явлением «самопричинности», обеспечивающей сохранение достигнутого уровня целостности и подлинности личности, с её преобразующей активностью, рефлексивностью и самосозиданием, разрешением противоречий внешними вызовами и личностью как сложной организацией, со способностью с целью преодоления рассогласования состояний исходного и конечного Я выходить за пределы «настоя-

щего», со сформированностью компонентов субъективного опыта личности (рефлексии, ценностного опыта, сотрудничества и т. п.) и умений саморегуляции, с обращением личности к собственным внутренним ресурсам, с возможностью выбора средств реализации собственной деятельности, с высшим уровнем ответственности личности как автора и хозяина собственного жизненного пути» [4, с. 77–78].

Наиболее точным аналогом в зарубежной психологии является слово «agency». Этот феномен трактуется как «осуществленная возможность» человека познавать и преобразовывать мир в обстоятельства, в которых этот человек считает возможными (и/или желательными) те или иные направления деятельности [1]. Оно обозначает способность человека быть агентом (субъектом), т. е. активно действующим лицом, движущей силой действия.

Одно из определений agency, пользующееся признанием, определяет это явление как «осуществленная возможность людей воздействовать на их мир, а не только познавать его и приписывать ему личную или интерсубъективную значимость. Эта способность представляет собой присущую людям силу действовать целенаправленно и рефлексивно, находясь между собой в более или менее сложных взаимоотношениях, корректируя и переделывая мир, в котором они живут, в обстоятельствах, в которых они могут считать желательными и возможными разные направления действий, хотя не обязательно под одним и тем же углом зрения» [6].

В обобщенный список обнаруженных в российских и зарубежных исследованиях проявлений субъектности личности включаются: самодетерминация, сознательность, ответственность (осознанная, добровольная, личная) за результаты конкретной деятельности и собственной жизнедеятельности в целом, самостоятельность и осознанная саморегуляция, признание у себя свободы выбора и ответственности за этот выбор.

Высшее выражение экономической субъектности личности находит в стремлении предпринимателя к самодостаточному независимому и ответственному распоряжению самостоятельно созданными источниками материальных благ и материальными средствами, необходимыми для удовлетворения актуальных потребностей (включая потребность в самореализации) [4, с. 86–87].

Эмпирическое исследование экономической субъектности предпринимателей в сфере малого бизнеса проводилось в г. Иркутске. В исследовании приняли участие 58 человек (предпринимателей) в возрасте от 18 до 40 лет.

В качестве диагностического инструментария использовалась методика Хашенко Т. Г. «Уровень экономической субъектности личности», шкалы которого соответствуют основным измерениям этого феномена: «интернальный локус контроля в экономическом пространстве жизнедеятельности» (ЛК); «рефлексивность: актуальная и прогностическая (Р)»; «ориентация на материальное самообеспечение» (МС); «позитивное отношение к собственности» (ОС) и «преобразующая активность в экономическом пространстве жизнедеятельности (ПА).

Нами был проведен сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента по четырем позициям: возраст, семейное положение, уровень образования и количество человек в бизнесе.

1. Возраст

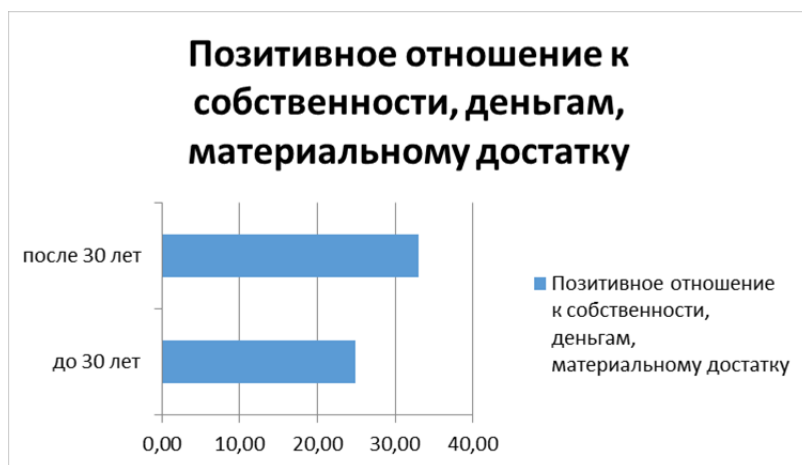

Рис. 1. Значимые различия позитивного отношения к собственности, деньгам и материальному достатку в зависимости от возраста.

Из рисунка 1 видно, что предприниматели старше 30 лет более позитивно относятся к собственности, деньгам и материальному достатку, чем предприниматели младше 30 лет. Вероятно, это связано с тем, что возраст до 30 лет приходится на «кризис рождения профессионала», сюда можно включить: неуверенность в своих возможностях, необходимость доучиваться или переучиваться, адаптация к отношениям в профессиональной среде, разочарования в профессиональной деятельности и др. В этот возрастной период происходит борьба за самоутверждение, преуспевание. Глав-

ная цель- увеличение количества денег и материального достатка. Предприниматели старше 30 лет находятся или завершили этап переоценки ценностей. В своей работе люди оказываются более дисциплинированными и организованными. Идёт укрепление ценностей и качества жизни на более философском уровне. В этом возрасте предприниматель достигает или приближается к генеративности – к способности увековечить себя путем внесения долговременного и значимого вклада в окружающий мир.

2. Семейное положение.

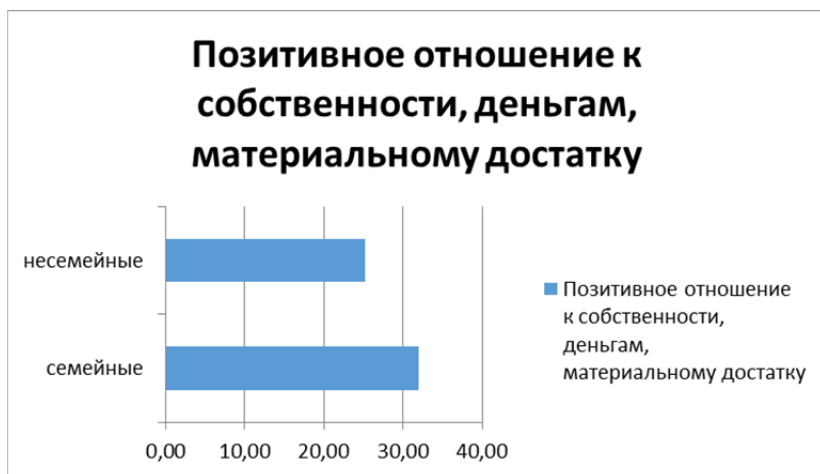

Рис. 2. Значимые различия позитивного отношения к собственности, деньгам и материальному достатку в зависимости от семейного положения

Сравнительный анализ показал, что семейные предприниматели позитивнее относятся к собственности, деньгам и материальному достатку нежели несемейные. Среди предпринимательских ценностей можно различать ценности-цели (терминальные ценности) и ценности-средства (инструментальные ценности). Мы можем предположить, что несемейные предприниматели основной акцент делают на терминальных ценностях, которые носят стратегический характер: устойчивое развитие дела, его совершенствование, стабильность поставок сырья, стабильность сбыта готовой продукции и т. п. Семейные предпринимателей в большей степени опираются на инструментальные ценности, которые представляют собой средства достижения целей: это, прежде всего, собственные

качества предпринимателя (компетентность, сила воли, способность к оправданному деловому риску, умение держать слово и т. д.). Семейное положение накладывает достаточно существенный отпечаток на предпринимателя, его восприятие себя, своего дела. Отсутствие нормальных семейных отношений снижает общую удовлетворенность предпринимателя своей жизнедеятельностью. Семейная система состоит из «семейной поддержки», которая включает не только физическую заботу, но и психологическую, а также финансовую стабильность и большую защищенность.

3. Уровень образования

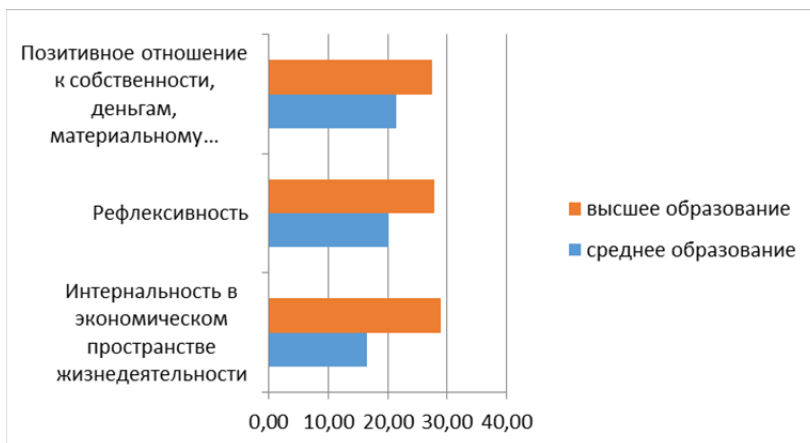

Рис. 3. Значимые различия экономической субъектности в зависимости от уровня образования

Значимые различия просматриваются по трем шкалам: «позитивное отношение к собственности, деньгам, материальному достатку», «рефлексивность», «интернальность в экономическом пространстве жизнедеятельности» в зависимости от уровня образования. Мы предполагаем, что предприниматели с высшим образованием находятся на стадии сформированного мировоззрения, можно сказать, более философского, в отличие от предпринимателей со средним образованием. Их рефлексивность выражается в способности личности осознавать собственную уникальность, умении формулировать и понимать цели, в предназначение человека, а также осознавать последствия своих действий.

Интернальность выступает неким локус-контролем, предприниматели с высшим образованием объясняют свои результаты через внутренние факторы (свои умения, усилия, наличие или отсутствие необходимых знаний, личностные свойства др.). Предприниматели с высшим образованием менее суеверны. Они считают именно себя источником причины происходящего с ними.

4. Количество человек в бизнесе

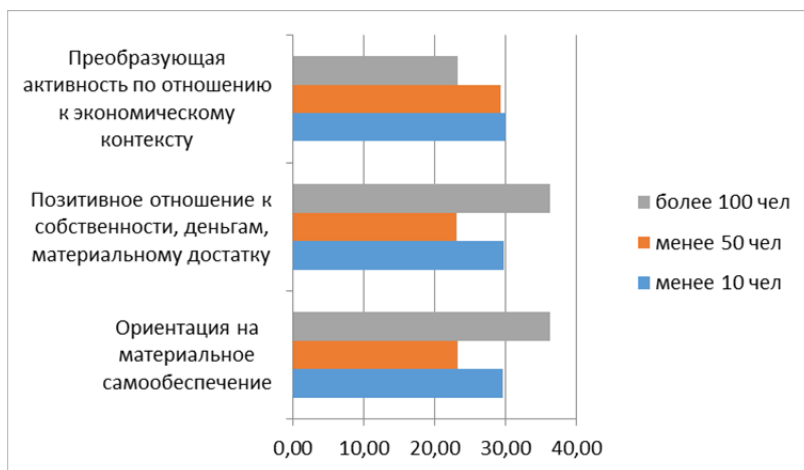

Рис. 4 Значимые различия экономической субъектности в зависимости от количества человек в бизнесе

На рисунке 4 отображены значимые различия по трем шкалам: «преобразующая активность по отношению к экономическому контексту», «позитивное отношение к собственности, деньгам, материальному достатку» и «ориентация на материальное самообеспечение» в зависимости от количества человек в бизнесе. Сравнительный анализ показал, что предприниматели, имеющие более 100 человек в бизнесе более позитивны по отношению к деньгам, собственности и материальному достатку, а также высоко ориентированы на материальное обеспечение, но имеют самый низкий показатель преобразующей активности. Мы склонны считать, что данная группа предпринимателей умеет качественно делегировать, что позволяет полностью сконцентрироваться на управлении компании и анализе её эффективности.

Предприниматели, имеющие менее 10 человек в бизнесе, показывают самую высокую преобразующую активность по отноше-

нию к экономическому контексту, но стоит отметить, что у данной группы предпринимателей все три шкалы имеют практически равную значимость. Можем предположить, что это связано с тем, что, в данном случае, на предпринимателя возлагается выполнение большого количества функций и обязанностей, требующих максимальной активности. А также прослеживается не только высокий риск соперничества, но и сложность конкурирования с более крупными фирмами.

Предприниматели, имеющие менее 50 человек в бизнесе, показывают следующий результат: высокая преобразующая активность по отношению к экономическому субъекту, но самые низкие результаты по двум другим шкалам в сравнении с другими группами. Мы наблюдаем, в каком-то смысле, состояние фрустрации, которое характеризуется двумя составляющими, первое – желание достичь цели, что вызывает высокую преобразующую активность, второе – возможные препятствия в виде отсутствия опыта, дополнительных знаний, сложности в делегировании и др.

Таким образом, на выявленной выборке предпринимателей просматриваются следующие закономерности – позитивное отношение к деньгам и собственному достатку выше у респондентов в возрасте старше 30 лет, семейных, имеющих высшее образование, определенный опыт работы в данной сфере, а также у которых в подчинении больше 100 человек. Респонденты с высшим образованием показывают высокий уровень интернальности и рефлексивности (как актуальной, так и прогностической), более позитивное отношение к собственности, деньгам, материальному достатку. Предприниматели до 30 лет находятся на этапе организации своего бизнеса, поэтому в большей степени ориентированы на материальное самообеспечение и преобразующую активность в экономическом пространстве жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дергачева О. Е., Леонтьев Д. А. Личностная автономия как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: Структура и диагностика. М. : Смысл, 2011. 680 с.
2. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М. : Ин-т психологии РАН, 2007. 480 с.
3. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 21. № 2. С. 5–15.
4. Хащенко Т. Г. Психолого-педагогическая концепция формирования предпринимательской направленности личности в процессе профессионализации : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. 2016. 45 с.

5. Хашченко Т. Г. Экономическая субъектность личности агрария как предиктор его экономической активности // СИСП. 2015. № 7 (51).

6. Inden R. B. *Imagining India*. C. Hurst & Co. Publishers, 2000. 316 p

Economic subjectivity of the entrepreneur in the field of small business

Orlovskaya O. V.

Abstract. The article shows how an economic subjectivity determines the necessary external (material) circumstances of a person's life and the material capabilities (sources, means) of achieving life goals and self-realization. An empirical study of the characteristics of the economic subjectivity of an entrepreneur's personality in a small business was carried out using the author's diagnostic questionnaire Khashchenko T. As a result of the study, a positive attitude towards money and personal wealth is higher among respondents over the age of 30, family members with a higher education, certain experience in this field, and also with over 100 people subordinate to them. Entrepreneurs up to 30 years old are at the stage of organizing their business; therefore, they are more focused on material self-sufficiency and transformative activity in the economic space of life activity.

Keywords: economic subjectivity, internal locus of control, reflexivity, orientation to material self-sufficiency, positive attitude towards property, transforming activity.

Экономическое самоопределение студентов, ориентированных на предпринимательскую деятельность

Трофимова Е. Л., Щербакова А.

г. Иркутск, Россия

*Статья выполнена на основе исследований по гранту РФФИ
«Этно-психологические характеристики экономического самоопределе-
ния российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса»
проект № 19-013-00430 А*

Аннотация. Экономическое самоопределение, в контексте данного исследования, рассматривается как показатель готовности к экономической деятельности. Сензитивным периодом экономического самоопределения является юношеский возраст, а именно период профессионального обучения. В статье представлены результаты сравнительного исследования особенностей экономического самоопределения студентов, профессионально готовящихся к предпринимательской деятельности и успешных предпринимателей. Выборку исследования составили 17 предпринимателей и 43 студента. В качестве индикаторов экономического самоопределения рассматривались: индекс экономического оптимизма, индекс субъективной адекватности дохода запросам и потребностям личности, индекс финансовой депривированности, привлекательность предпринимательской деятельности, отношения к деньгам, установки в отношении профессиональной деятельности, отношение к конкуренции, эко-сберегающая ориентация.

Ключевые слова: самоопределение, экономическое самоопределение, привлекательность предпринимательской деятельности, предприниматели, студенты.

В психологической литературе представлены теоретические и прикладные исследования, посвященные изучению, как общих методологических основ самоопределения личности, так и его отдельных видов, наиболее часто внимание исследователей обращается к вопросам профессионального самоопределения (Б. Г. Аняньев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, Л. И. Божович, Н. Ф. Голованова, А. Л. Журавлев, Э. Ф. Зеер, И. С. Кон, А. Б. Купрейченко, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, А. К. Маркова, В. В. Новиков, Б. Д. Парыгин, Н. С. Пряжников, А. А. Реан, А. Л. Свенцицкий, В. Д. Шадриков, Р. М. Шамионов, В. А. Ядов).

Относительно новым направлением исследований является экономическое самоопределение. Под экономическим самоопределением понимается нахождение самобытного «образа я», в концепции личностного самоопределения, постоянное развитие этого образа и утверждение его среди окружающих людей в экономической сфере, это определение себя относительно выработанных в обществе (и принятых данным человеком) критериев становления личности и дальнейшая действенная реализация себя на основе этих критериев. Наиболее полно концепция экономического самоопределения изложена в модели А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко.

Существенный вклад в разработку проблемы экономического самоопределения человека внесли исследования экономического сознания, факторов субъективного экономического благополучия личности, его структурно-уровневой организации, экономических ценностей, экономической идентичности, различных видов экономической активности. Изучались представления о бедном и богатом человеке в различных социально-экономических группах, монетарные установки и др. (О. С. Дейнека, Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев, Д. Канеман, А. Д. Карнышев, А. Б. Купрейченко, В. П. Позняков, А. Б. Фенько, В. А. Хащенко, G. Katona, A. Furnham, P. Webley и др.).

В ответ на новые запросы реальности проводятся исследования в области экономической этнопсихологии: связь патриотизма и национализма с экономическими установками (Л. К. Григорян, З. Х. Лепшокова); исследования экономического патриотизма (М. С. Кобьянская, Е. А. Матушевская, И. В. Березина, А. Д. Карнышев, Л. В. Оринина), связь этнической идентичности и потребительского этноцентризма (Alia El Banna, Nicolas Papadopoulos, Steven A. Murphy, Michel Rod, José I. Rojas-Méndez) и др. [9].

Например, М. Rosario González-Rodríguez, М. Carmen Díaz-Fernández, Biagio Simonetti разработали исследовательскую модель для изучения факторов, влияющих на восприятие потребителями и предпринимателями корпоративной социальной ответственности (КСО). Были рассмотрены три аспекта КСО: финансовый, социальный и экологический. Результаты показывали, что ценности влияют на восприятие КСО, потребительское восприятие КСО опосредует связь между ценностями и восприятием КСО предпринимателями, и существенные различия можно обнаружить в восприятии КСО потребителями и предпринимателями, обусловленные влиянием культурной среды [9].

В нашем исследовании был проведен сравнительный анализ экономического самоопределения предпринимателей в сфере малого бизнеса и студентов. Респонденты: предприниматели (17 человек в возрасте от 30 до 45 лет), которые рассматривались нами как эталонная группа, и студенты, обучающиеся по направлению «Экономика» по программе «Экономика предприятий и предпринимательская деятельность» – 43 человека в возрасте 18–20 лет.

В качестве диагностического инструментария использовались следующие методики: Опросник субъективного экономического благополучия В. А. Хащенко, опросник «Привлекательность предпринимательской деятельности (ППД)» Т. Г. Хащенко, опросник «Отношение к конкуренции» О. С. Дейнеко, опросник монетарных отношений М. Ю. Семенова, для определения особенностей поведения и переживания, связанных с работой был использован опросник «АVЕМ», разработанный У. Шааршмидтом и А. Фишером в Институте психологии Потсдамского университета и адаптированный под руководством Т. И. Ронгинской, Опросник Э-СО (Эко-сберегающая ориентация субъекта экономического самоопределения) Т. Г. Хащенко.

На рис. 1 представлены результаты 3-х показателей субъективного экономического благополучия: ИЭО – индекс экономического оптимизма и уверенности, отражающий оптимистическую или пессимистическую оценку внешних и внутренних условий роста материального благополучия; ИАД – индекс субъективной адекватности дохода запросам и потребностям личности; ИНД – индекс финансовой депривированности, отражающий степень достатка или недостатка финансовых средств.

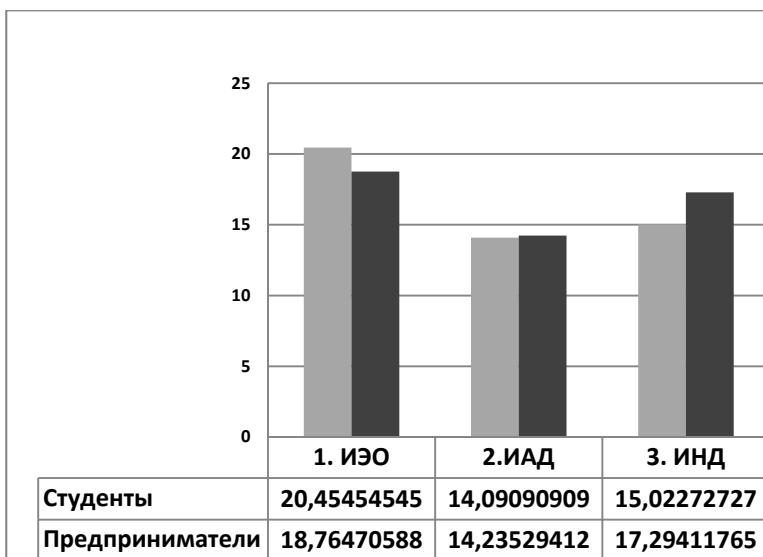

Рис 1. Средние значения по методике субъективное экономическое благополучие

Достоверные различия между группами респондентов выявлены по индексам ИЭО (при $p = 0,07$) и ИНД (при $p = 0,007$): студенты демонстрируют более высокий уровень экономического оптимизма, скорее веря в улучшение личного и семейного материального состояния, позитивные экономические изменения на уровне страны; предприниматели более реалистичны в своих экономических прогнозах. Удовлетворенность своим текущим материальным состоянием, наоборот, отмечают опрошенные предприниматели, значения по данному индексу приближены к высоким; студенты, указывая в качестве основного источника доходов поддержку близких людей, финансовых затруднений не испытывают, хотя иногда ощущают недостаток средств.

Рассмотрим оценку привлекательности предпринимательской деятельности в табл. 1.

Предприниматели имеют более высокий показатель готовности к предпринимательской деятельности и более значимыми для них являются такие возможности в рамках бизнеса как: возможность общения с различными людьми (ценность социальных связей), самостоятельность и независимость. Наименее привлекательными характеристиками предпринимательской деятельности ре-

спонденты обеих групп считают напряженный, нерегламентированный режим работы, риск, необходимость разрешать трудные ситуации.

Таблица 1

Привлекательность предпринимательской деятельности

	Студен- ты	Предпри- ниматели	p =
Желание заниматься предпринимательством	5,795	6,352	0,072096
Самооценка готовности к предпринимательской деятельности	5,454	6,352	0,002971
Прогностическая оценка эффективности предпринимательской деятельности	4,795	5,441	0,083925
Суммарный показатель готовности к предпринимательской деятельности	16,022	18,147	0,007019
Позитивный имидж предпринимателя	5,906	5,941	0,902478
Необходимость/возможность интенсивного общения с различными людьми	5,761	6,764	0,008281
Ответственность за себя, других и свое дело	6,227	6,647	0,187232
Напряженный, нерегламентированный режим работы	4,780	5,562	0,166563
Необходимость/возможность разрешать конфликтные ситуации, отстаивать свои интересы и принимать совместные решения в условиях противоречий	5,853	6,066	0,569264
Самостоятельность и независимость	6,333	6,823	0,035678
Риск	5,534	5,866	0,490698
Необходимость/ возможность разрешать трудные ситуации	5,523	5,812	0,557021
Необходимость / возможность проявлять творческий подход, принимать нестандартные решения	6,325	6,333333	0,981736
Необходимость / возможность получения прибыли	6,690	6,705	0,941856
Соответствие предпринимательской деятельности характеру респондента	6,024	6,562	0,058042
Интерес к содержанию предпринимательской деятельности	6,333	6,687	0,15296
Интегральный показатель ППД	68,363	72,176	0,3043132

По отношению к конкуренции значимых различий между группами опрошенных не обнаружено, оценки располагаются в диапазоне выше среднего, тем не менее, на уровне тенденции самооценка конкурентоспособности у предпринимателей несколько выше.

С монетарными установками респондентов можно ознакомиться на рис. 2.

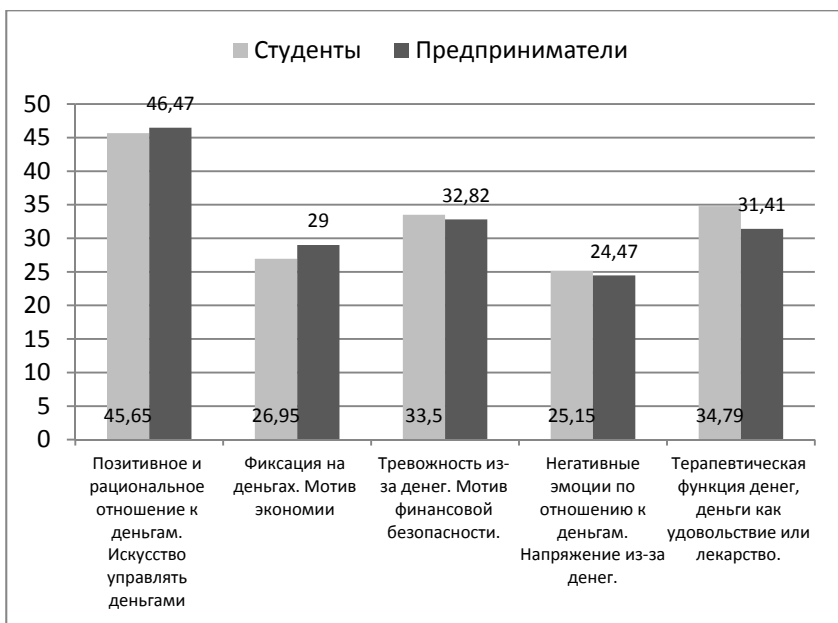

Рис 2. Средние значения по методике отношения к деньгам

Доминирующими монетарными установками респондентов является стремление рационально распоряжаться деньгами, в то же время предприниматели чаще ориентированы на мотив экономии (различия достоверны при $p=0,02$), а для студентов деньги скорее становятся источником удовольствия (различия достоверны при $p=0,07$).

Анализ преобладающих профессиональных установок показывает, что предприниматели демонстрируют более высокий уровень профессиональной активности, они готовы к энергетическим затратам, стремятся добиваться высоких результатов.

Таблица 2

Установки в отношении профессиональной деятельности

	Студенты	Предприниматели	p =
Профессиональная активность	19,38	20,35	0,072096
Стратегии преодоления проблемных ситуаций	11,09	10,82	0,068153
Эмоциональный настрой на профессиональную деятельность	11,61	12,41	0,331430

Студентами значимость предпринимательской деятельности оценивается ниже, они менее ориентированы на активные стратегии решения проблем и даже готовы к отказу от деятельности в случае неудачи.

Опросник Э-СО позволяет диагностировать проявления эко-сберегающих ориентаций личности в процессе экономического самоопределения. В соответствии с авторской трактовкой предпринимательской направленности личности, установка на эко-сбережение при принятии решений экономического содержания выступает характеристикой высокого уровня её сформированности, т. е. является одним из основных показателей экономического самоопределения.

Средние значения по всем шкалам на выборке и предпринимателей и студентов находятся в интервале среднего уровня, однако, показатели предпринимателей чуть выше, что можно интерпретировать как готовность на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях реализовывать сберегающие технологии, ответственно и бережно относиться к себе, близким, обществу и окружающей среде в целом.

Таблица 3

Средние значения по методике Э – СО

	По шкалам направленности			По шкалам уровневым			По шкалам компонентным		
	самосбережение	природо-сбережение	социо-сбережение	МИКРОУ:	МЕЗОУ:	МАКРОУ:	Когнитивный	Аффективный	Конативный:
Студенты	26,886	25,704	26,522	27,204	25,477	25,568	25,795	28,181	24,613
Предприниматели	27,705	26,529	26,588	28,764	25,176	26,941	26,294	28,823	25,294

По направленности эко-сберегающих ориентаций, у предпринимателей наиболее высокие значения по шкале самосбережения, (ответы 24 % из них попадают в диапазон высокого уровня, низких показателей нет; у студентов – 30 % испытуемых дали ответы на уровне высоких значений, 11 % – на уровне низких), следовательно, они больше озабочены своим физическим состоянием, здоровьем.

Наиболее сильные связи у студентов ориентаций на самосбережение с мезоуровнем ($r = 0,6160$), макроуровнем ($r = 0,610$), аф-

фактивным компонентом ($r=0,591$); ориентаций на социосбережение с микроуровнем ($r=0,7226$), мезоуровнем ($r=0,748$), аффективным компонентом ($r=0,712$); природо-сберегающих установок с микроуровнем ($r=0,818$), мезоуровнем ($r=0,834$), аффективным компонентом ($r=0,771$).

У предпринимателей выявлены наиболее сильные связи ориентаций на самосбережение с мезоуровнем ($r=0,820$), когнитивным компонентом ($r=0,852$); ориентаций на социосбережение с мезоуровнем ($r=0,892$), макроуровнем ($r=0,869$), и всеми компонентами ($r=0,808$); природо-сберегающих установок с микроуровнем ($r=0,898$), макроуровнем ($r=0,806$), аффективным компонентом ($r=0,806$) и поведенческим компонентом ($r=0,843$).

Результаты проведенного исследования позволили выявить такие особенности экономического самоопределения студентов профессионально готовящихся в будущем к предпринимательской деятельности, как: оптимистичный прогноз в отношении будущего материального благополучия, в целом умение управлять деньгами, но и желание использовать деньги сиюминутно для получения удовольствия; достаточно высокая привлекательность предпринимательской деятельности, но при относительно более низких показателях готовности к ней, ожидание профессиональных успехов, однако не столько за счет собственных усилий, сколько надеясь на поддержку со стороны близких людей/родителей, сформированность системы представлений, убеждений, аффективных отношений, регулирующих экономическую активность личности в соответствии с принципом эко-сообразности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбарова А. А. Оценка денег и экономического статуса как фактор экономического самоопределения современной молодежи // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 45–49.
2. Вяткин А. П. Самоопределение личности в экономических ролях // Известия ИГЭА. 2006. № 4 (49). С. 102–106.
3. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М. : Ин-т психологии РАН, 2007. 480 с.
4. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М. : Ин-т психологии РАН, 2017. 480 с.
5. Терехова Т. А. Региональная специфика экономического сознания и поведения личности // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Инновационное развитие современной науки». Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. С. 227–230.
6. Трофимова Е. Л. Формирование в процессе профессионального обучения личностных особенностей необходимых для предпринимательской деятельности // Материалы

Международной научно-практической конференции. СПб. : СПб. гос. ун-т экономики и финансов, 2010. С. 215–222.

7. Davis J. S. IQA: Qualitative research to discover how and why students learn from economic games // *International Review of Economics Education*. 2019. Vol. 3.

8. González-Rodríguez M. Rosario, Díaz-Fernández M. Carmen, Simonetti Biagio The social, economic and environmental dimensions of corporate social responsibility: The role played by consumers and potential entrepreneurs // *International Business Review*. 2015. Vol. 24. P. 836–848.

Economic self-determination for students focused on entrepreneurship

Trofimova E., Shcherbakova A.

Abstract. Economic self-determination, in the context of this study, is considered as an indicator of readiness for economic activity. The sensitive period of economic self-determination is adolescence, namely the period of vocational training. The article presents the results of a comparative study of the features of economic self-determination of students professionally preparing for entrepreneurial activity and successful entrepreneurs. The study sample consisted of 17 entrepreneurs and 43 students. As indicators of economic self-determination were considered: the index of economic optimism, the index of subjective adequacy of income to the needs and demands of the individual, the index of financial deprivation, the attractiveness of business, attitude to money, attitudes towards professional activities, attitude to competition, eco-saving orientation.

Keywords: self-determination, economic self-determination, attractiveness of entrepreneurial activity, entrepreneurs, students.

РАЗДЕЛ 5

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ИХ СВЯЗИ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ

Особенности отношения к денежному долгу у лиц с различным уровнем финансовой и юридической грамотности

Гагарина М. А.

г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношения к денежному долгу у лиц с различным уровнем финансовой и юридической грамотности. Обобщаются взгляды отечественных и зарубежных авторов на проблему долга. Приведены результаты эмпирического исследования с участием 471 респондента, согласно которым более финансово-грамотные респонденты реже берут потребительские кредиты и чаще автокредиты, имеют более низкие значения по аффективному и конативному компонентам отношения к долгу. Более юридические грамотные почти не отличаются от менее юридически-грамотных по предпочитаемому займам, но отличаются более высокими значениями по конативному компоненту отношения к долгу. Аффективный компонент отношения к долгу положительно связан с готовностью к риску и с тенденцией к бегству в случае возникновения чувства стыда; отрицательно со стремления к исправлению положения, в случае возникновения чувства вины. Конативный компонент отношения к долгу отрицательно связан с готовностью к риску и избегающим поведением.

Ключевые слова. Чувство долга, долг, долговое поведение, финансовая грамотность, юридическая грамотность.

Категория «отношение» разрабатывается в отечественной психологии достаточно давно и, согласно теории В. Н. Мясищева [12], включает три компонента (когнитивный, эмоциональный и поведенческий), в работах В. П. Познякава предлагается дополнить структуру отношения четвертым компонентом – ценностным [15]. Соответственно, отношение к долгу будет включать в себя когнитивную оценку (знания, представления) о долге, эмоциональное переживание, готовность к определенным действиям и

ценностное отношение. В отечественной психологии уже есть работы по изучению отношения к с позиции теории отношений. Авторы [7] определяют эмпирическим путем три компонента отношения: «Осведомленность» – знание различных аспектов кредитования, «Мотивация» взятия кредита и «Поведение в ситуации персонального дефолта» – действия в ситуации финансовой несостоятельности. На основании отношения к кредитам построена эмпирическая классификация: рационально-мыслящие должники, сосредоточенные на проблемно-ориентированном способе решения затруднений; заложники изменившихся жизненных обстоятельств; осторожные должники с ограниченными возможностями для преодоления кредитной задолженности; гедонисты с противоречивым набором действий по преодолению задолженности [7, с. 91]. Типы кредитного поведения исследуются и другими авторами [8].

Есть ли разница в отношении к «кредиту» и отношению к «денежному долгу»? Существуют разные взгляды на соотношение понятий «долг» и «кредит», например, эти понятия могут отождествляться [8, 18, 20], либо рассматриваться как имеющие причинно-следственные связи и обусловленные низкой финансовой грамотностью [19]. Сложность сопоставления результатов отечественных и зарубежных исследований заключается в том, что слово «долг» является лигвоспецифичным и в русском языке может пониматься двояко как «взятое взаймы и подлежащее возврату» и как «обязанность» [3, 9]. При этом словосочетание «чувство долга», применимое, по мнению некоторых авторов [3], только к «долгу как обязанности», в настоящее время активно используется экономистами по отношению к просроченной задолженности [13; 14].

Рассматривая в данной работе исключительно вопросы денежного долга, мы намерено уходим от слова «кредит» и используем слово «долг», чтобы подчеркнуть «психологическую», а не «экономическую» сторону процесса заимствования. Здесь мы скорее разделяем взгляды Г. Б. Юдина, который пишет о невозможности отделения экономического содержания долга от морально-нравственного [17]; а также мнение А. Н. Лебедева, что чувство долга в равной степени регулирует отношения разного рода, как патриотические, так и экономические [10].

Целью нашего исследования было определение особенностей отношения к долгу у лиц с различным уровнем финансовой и юридической грамотности. Под финансовой грамотностью мы по-

нимали сочетание осведомленности, знаний, умений, отношения и поведенческих моделей, необходимых для принятия успешных финансовых решений. Юридическая грамотность – знание законов (в нашем случае ФЗ, защищающих интересы заемщиков).

Всего нами было опрошено 471 респондент, в возрасте от 18 до 67, средний возраст 34,2, из них 58 % женщин, 42 % мужчин. Имеют высшее образование 45 %, два высших 22 %, среднее 33 %. Состоят в браке 50 %, не женаты/ не замужем 33 %, разведены / вдовы 17 %. Работают в организации 40 %, работают на себя 30 %, не работают 20 %, учатся 10 %. Для определения уровня финансовой и юридической грамотности мы использовали методики оценки финансовой и юридической грамотности, описанные в наших предыдущих исследованиях [4; 5], по их результатам все респонденты были поделены на лиц с высокой (более половины правильных ответов по каждой из методик) «финансово-грамотные» и «юридически-грамотные» соответственно, и низкой грамотностью («финансово-неграмотные» и «юридически-неграмотные»).

Затем было проведено сравнение респондентов с разным уровнем финансовой и юридической грамотностью по наличию и типам займов, просроченных платежей и отношению к долгу. Отношение к долгу понималось нами как включающее 4 компонента: когнитивный (представления), аффективный (эмоциональное отношение), конативный (готовность к действию) и ценностный (субъективное значение долга, приемлемость жизни в долг). Для оценки отношения к долгу использовался наш опросник долгового поведения 2014 г. [16], который был модифицирован и адаптирован под цель исследования.

Результаты исследования. Должники примерно в равной степени встречаются как среди финансово-грамотных (11 %), так и среди финансово-неграмотных (15 %). Эти две подгруппы различаются по соотношению тех, кто не прибегает к займам – больше среди финансово-неграмотных (58 % vs 44 %) и заемщиков – больше среди финансово-грамотных (45 % vs 27 %).

В группах юридически-грамотных и юридически-неграмотных соотношение респондентов, не прибегающих к займам (52 % vs 58 %), заемщиков (35 % vs 31 %) и должников (13 % vs 11 %) практически не различается.

По типам займов получено следующее соотношение: потребительский кредит 40 %, заем у друзей и знакомых 28 %, автокредит 17 %, ипотека 14 % и займы в микрофинансовых организациях 1 %.

Соотношение указанных видов займов у финансово-грамотных 42 %:21 %:20 %:16 %:1 %, а у финансово-неграмотных 53 %:26 %:10 %:8 %:3 %.

Соотношение указанных видов займов у юридически-грамотных 47 %:19 %:16 %:18 %:1 %, среди юридически неграмотных 48 %:17 %:10 %:23 %:2 %.

Можно видеть, что финансово-грамотные респонденты реже прибегают к потребительскому кредиту и чаще берут автокредит, чем финансово-неграмотные. Различий между юридически-грамотными и неграмотными менее выражены.

При сравнении отношения к долгу у лиц с различным уровнем финансовой грамотности было проведено сравнение средних по критерию Стьюдента и получены достоверные различия только по *аффективному* (20,9 vs 18,6; $p < 0,05$) и *конативному* (25,9 vs 23,0) компонентам (в обоих случаях выше у неграмотных), а с разным уровнем юридической грамотности – только по *конативному* (26,6 vs 25,4; $p < 0,05$) – выше у грамотных. Достоверных различий по когнитивному и ценностному компонентам – получено не было. Финансово-грамотные, в меньшей степени, чем финансово-неграмотные считают долг неприятным, вызывающим сильный дискомфорт и в меньшей степени готовы сами предпринимать действия по его возврату. Юридические грамотные в большей степени готовы принимать действия по возврату долга.

Для понимания полученных различий нами был проведен корреляционный анализ компонентов отношения к долгу с личностными чертами, личностными факторами принятия решений – рациональностью, готовностью к риску и склонностью к чувствам вины и стыда. Выбор методик был обусловлен следующими рассуждениями. Опросник «Большая пятерка» включает шкалу «сознательность», которая может интерпретироваться как надежность, *ответственность*, скрупулезность в работе, дисциплинированность, самоконтроль. Чувство долга и ответственность это два самостоятельных понятия – долг – это моральная норма, существующая для всех и независящая от воли носителя чувства долга, а ответственность и ее мера применимы к различным людям и ситуациям в разной степени [6]. Ответственность как долженствование есть проявление, прежде всего, персонального в человеке, есть следствие, результат интерперсональных влияний [2]. Однако эти понятия относятся к категориям морального сознания и связаны

между собой. По этой же причине мы включили «Опросник переживания чувства вины и стыда» [11], как уже было написано выше, долг (денежный) актуализирует в человеке переживание моральных чувств. Опросник позволяет выявить различия в возникающих моральных чувствах *вины* и *стыда* (негативная оценка себя или своего поведения) и поведенческие реакции (применение действий по исправлению ситуации или избегание). Опросник «Личностные черты принятия решений» (ЛФР-25) представляет интерес в связи с тем, что долговое поведение – это вариант нормативного поведения, которое «всегда разворачивается в проблемной социальной ситуации.... В нормативной ситуации человек всегда оказывается в ситуации выбора и необходимости проявления отношения к тем или иным вариантам поведения и социальным релевантным нормам» [1]. Поскольку речь идет о принятии решения, представляет интерес определить *готовность к риску*, которая в концепции Т. В. Корниловой понимается как личностное свойство саморегуляции, позволяющее человеку принимать решения и действовать в ситуациях неопределенности и *рациональность*, которая показывает готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации.

Рассмотрим полученные достоверные корреляции (коэф. Корреляции Пирсона).

Все компоненты отношения к долгу (когнитивный, аффективный, конативный и ценностный) дают положительный достоверные корреляции со всеми шкалами опросника «Большая пятерка»: «экстраверсия», «нейротизм», «открытость новому опыту», «сознательность» и «доброжелательность». То есть, чем выше негативное отношение к долгу, готовность искать информацию по займам, просчитывать стоимость и вникать в суть долга, принимать на себя ответственность за действия по возврату, а также неприятие жизни в долг, тем больше выражены общительность, эмоциональная неустойчивость, готовность узнавать новое, честность, ответственность и готовность ставить интересы других людей выше своих собственных.

Когнитивный компонент отношения к долгу положительно коррелирует с рациональностью (0,2; $p < 0,05$), стремлением к исправлению положения, в случае возникновения чувства вины (0,4; $p < 0,001$) и негативным самооцениванием при чувстве стыда (0,2; $p < 0,01$) и отрицательная с готовностью к риску (0,2; $p < 0,05$) ме-

тодики ЛФР-25 и с тенденцией к бегству при возникновении чувства стыда (-0,4; $p < 0,001$). То есть, высокая готовность размышлять о денежном долге, просчитывать его стоимость связана с высокой готовностью обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации, желанием компенсировать ущерб, причиненный человеком в результате какого-либо неправильного действия, негативным оцениванием себя в случае неправильных действий и низким уровнем готовности действовать в ситуациях неопределенности и низким уровнем стремления сбежать и скрыться от окружающих. Можно определить, что когнитивный компонент отношения к долгу отвечает за «правильное» и «рациональное» поведение в отношении долгов, принятие взвешенного решения и переживании морального давления при совершении неверных поступков.

Аффективный компонент отношения к долгу положительно связан с готовностью к риску (0,2; $p < 0,05$) опросника ЛФР-25 и с тенденцией к бегству в случае возникновения чувства стыда (0,2; $p < 0,05$); отрицательно со стремления к исправлению положения, в случае возникновения чувства вины (-0,2; $p < 0,05$). То есть, чем больше человек испытывает неприязнь по отношению к денежному долгу, тем более импульсивно он действует: не пытается исправить ситуацию, а избегает действий, готов рисковать и действовать в условиях неопределенности.

Конативный компонент отношения к долгу отрицательно связан с готовностью к риску (-0,2; $p < 0,05$) и избеганием (-0,2; $p < 0,05$). То есть, чем выше готовность человека предпринимать действия по исполнению ответственности по долгам, тем меньше он готов действовать в ситуации неопределенности и избегающему поведению в неприятных ситуациях.

Ценностный компонент отношения отрицательно связан с готовностью к риску (-0,2; $p < 0,01$), отрицательно с негативной оценкой поведения в ситуации вины (-0,3; $p < 0,001$) и избеганием (-0,4; $p < 0,001$) и положительно со стремления к исправлению положения, в случае возникновения чувства вины (0,3; $p < 0,001$). Этот компонент отношения отвечает за смысл, значение, которое респонденты придают денежному долгу, а именно насколько они считают жизнь в долг приемлемой. Речь идет о глобальной жизненной позиции по отношению к явлению, которую не следует путать с аффективным компонентом, который отражает ситуатив-

ную эмоциональную реакцию. На различие компонентов указывают и различия в корреляциях. Так, чем выше принятие жизни в долг, тем больше человек готов прилагать усилия для исправления ситуации и меньше склонен к избеганию и риску.

Теперь вернемся к различиям, полученным при сравнении респондентов с различным уровнем финансовой и юридической грамотности. Полученное, на первый взгляд, противоречие, что финансово-грамотные имеют более низкие значения по конативному компоненту, а юридически-грамотные – наоборот может быть объяснено следующим образом. Более высокие значения по конативному компоненту отношения к долгу сочетаются у финансово-неграмотных с высокими значениями по аффективному компоненту и указывают на страх перед долгами и стремлением быстрее от них избавиться и исправить ситуацию связано с эмоциональным дискомфортом. Данная группа, вероятно, осознает свою некомпетентность и потому склонна к избеганию. Более высокие значения по готовности принимать в первую очередь на себя ответственность за действия по выплате долгов у юридически-грамотных могут быть связаны со знанием последствий.

Вопреки нашим ожиданиям, различий по когнитивному компоненту, описывающему размышления, рациональность и готовность изучать вопрос (что, казалось бы, должно быть выше у более грамотных), а также ценностному – отражающему общую жизненную позицию получено не было. В качестве перспектив исследования можно отметить изучение различий по отношению к денежному долгу у других категорий граждан, например, разных типов проблемных должников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук 1980. 36 с.
2. Барсукова С. А. Концептуальное поле феномена «совесть» в психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 1. С. 36–44.
3. Бочкарев А. Е. О чувстве долга как лингвоспецифичном концепте русского языка (в фокусе Национального корпуса русского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (1). С. 20–32.
4. Гагарина М. А. Ответственность и юридическая грамотность заемщиков как факторы отсутствия долгов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. № 7. С. 79–88.
5. Гагарина М. А., Сулейманова С. С. Финансовая грамотность и экономическое поведение лиц с различным соотношением мотивов сбережения и потребления // Мир науки. 2017. Т. 5, № 3. С. 47.

6. Дементий Л. И., Ремизова А. В. Социальные представления о мере ответственности // Вестник Омского университета. Сер. Психология. 2007. № 1. С. 4–11.
7. Дёмин А. Н., Педанова Е. Ю., Киреева О. В. Отношение должников к кредитам // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 85–94.
8. Дикий А. Жизнь в кредит: установки и поведенческие стратегии россиян // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 134–140.
9. Кошелев А. Д. О языковом концепте «долг». В Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.
10. Лебедев А. Н. Проблемы патриотического воспитания студентов российского вуза // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2014. № 2 (14). С. 60–69.
11. Макогон И. К., Ениколопов С. Н. Апробация методики измерения склонности к переживанию чувств вины и стыда (GASP) // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 1–8.
12. Мясичев В. Н. Психология отношений. М.: Ин-т практ. психологии, 1998. 368 с.
13. Наумова Т., Шкляр Т. Услуга Сбербанка: обостренное чувство долга // Прямые инвестиции. 2011. № 1 (105). С. 80–83.
14. О чувстве долга // Банковское дело. 2012. № 9. С. 96.
15. Позняков В. П. Психологические отношения человека: современное состояние исследований и перспективы развития концепции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 6–30.
16. Психологические барьеры модернизации российской экономики в сфере финансов: Монография / Лебедев А. Н., Буянова С. М., Гагарина М. А., Камнева Е. В., Коробанова Ж. В., Крылов А. Ю., Мужичкова Ю. Е., Орлова Е. А., Чижикова Е. С. М.: Спутник+, 2014.
17. Юдин Г. Б. Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 28–45.
18. Achtziger A., Hubert M., Kenning P., Raab G., Reisch L. Debt out of control: The links between self-control, compulsive buying, and real debts // Journal of Economic Psychology, 2015. N 49. P. 141–149.
19. Gathergood J. Self-control, financial literacy and consumer overindebtedness // Journal of Economic Psychology, 2012. N 33. P. 590–602.
20. Harrison N., Agnew S., Serido J. Attitudes to debt among indebted undergraduates: A cross-national exploratory factor analysis // Journal of Economic Psychology, 2015. N 46. P. 62–73.

Peculiarities of attitude to monetary debt in persons with different levels of financial and legal literacy

Gagarina M. A.

Abstract. This paper addresses the problem of the attitude to money debt in individuals with different levels of financial and legal literacy. It summarizes the views of domestic and foreign authors on the problem of debt. The results of the empirical research with the participation of 471 respondents are presented. Respondents with higher level of financial literacy take consumer loans less often and auto loans more often. According to results of research, they have lower results for the affective and conative components of the debt attitude. Respondents with higher level of legal literacy hardly differs from those with lower legal literacy in preferred loans, but they have significantly higher score in conative component of the attitude to debt. The affective component of the attitude towards debt is positively associated with a willingness to take risks and with a tendency to escape in the event of a feeling of shame; negatively with the desire to improve the situation, in case of a feeling of guilt. The conative component of attitude to debt is negatively associated with willingness to take risks and avoidant behavior.

Keywords: Sense of duty, debt, debt behavior, financial literacy, legal literacy.

Психологические критерии в структуре моделей качества жизни: проблемы и перспективы исследований

Балова Д. Ю., Китов А. А.

г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен комплексный хронологический анализ различных подходов к измерению качества жизни, которые позволяют современной науке приблизиться к созданию достаточно строгой интегративной модели благополучия общества, на которую можно было бы опираться при построении политического курса государства. Разработка такой модели пока еще далека от завершения, требуется уточнить психологические факторы, влияющие на качество жизни общества, разработать способы ее валидации и оптимизации. Тем не менее, без наличия гуманитарно-психологической модели полноценная оценка качества жизни в обществе невозможна, а, следовательно, проблематична и оценка социального самочувствия населения, и коррекция векторов интегративного развития современного российского общества.

Ключевые слова: качество жизни, индекс миролюбия, индекс благотворительности, система ценностей, психологические критерии

В современных исследованиях качества жизни учитываются многочисленные критерии, отражающие достижение различных отраслей науки, – экономики, социологии, психологии, которые внесли значительный вклад в развитие методологии и методов изучения качества и уровня жизни [1; 2; 6; 8; 16]. В отечественной науке можно отметить, например, соответствующие разработки сотрудников ВЦИОМ, Всероссийского центра уровня жизни, Института макроэкономических исследований при Минэкономразвития РФ, ведущих отраслевых институтов РАН, региональных исследовательских и образовательных учреждений. Среди представленных работ можно выделить, такие проблемы как: теоретические и методологические основы развития уровня жизни; дифференциация социальных слоев по уровню и качеству жизни; потребительские бюджеты и характеристика уровня и качества жизни социальных групп; финансовые условия обеспечения качества и уровня жизни; исследование средних классов, бедности и неравенства и ряд других направлений. Анализ психологической литературы позволяет составить положительное мнение о многообразии и глубине психологического анализа проблемы [9; 12; 13 и др.].

В современной литературе рассмотрены основные индексы, цель которых – непосредственно оценить качество жизни. Однако для построения модели качества жизни необходимо использовать и другие, опосредованные индексы качества жизни и их психологические составляющие. Отметим некоторые более частные из них.

Глобальный индекс миролюбия оценивает уровень конфликтности стран. Учитывает количество войн, количество погибших, уровень организованной преступности, количество беженцев, количество заключенных, количество тяжких преступлений, количество офицеров полиции, военные расходы, доступность оружия, импорт и экспорт оружия и другие показатели. Основной вывод: безопасность коррелирует с годовым доходом, уровнем школьного образования, прозрачностью государственных структур, отсутствием коррупции. Уровень коррупции оценивается аналитиками и предпринимателями по шкале в 100 баллов [подробнее см. 17]. Индекс критикуется за учет большого количества качественных показателей (используется шкала рангов), оценка которых может подвергаться сомнению. Самый высокий глобальный индекс миролюбия, по результатам 2016 г., имеют Исландия, Дания, Австрия, Новая Зеландия, Португалия. Россия, к примеру, находится на 151 месте из 163 возможных.

Годы жизни, скорректированные по нетрудоспособности (Disability Adjusted Life Years). Этот индекс дополняет традиционную оценку ожидаемой продолжительностью жизни здорового человека, оценивая «бремя болезни» в общем коэффициенте потерянных по нетрудоспособности годами. Годы жизни, скорректированные по нетрудоспособности, считаются как сумма двух показателей: среднее количество потерянных лет жизни (Years of Life Lost) и среднее количество потерянных трудоспособных лет жизни (Years of Life Lost due to Disability): $DALY = YLL + YLD$. Многие болезни не приводят к полной потере трудоспособности, но ограничивают ее. Для многих болезней составлена таблица весовых коэффициентов (например, шизофрения – 0,576, потеря пальца – 0,030), и потерянные годы считаются с учетом коэффициентов. Один из неожиданных выводов данного исследования связан с тем, что с психическими болезнями связаны 28 % потерянных по нетрудоспособности лет жизни. Из-за небольшого уровня смертности (не более 2 %) влияние этого фактора недооценивалось. Самыми здоровыми являются страны Европы и Северной Америки, а

некоторые страны Африки теряют более половины (вплоть до 80 %) трудоспособных лет из-за болезней.

Всемирный индекс благотворительности основывается на тех же исследованиях Gallup, что и Индекс социального прогресса, но, в отличие от него, рассматривает не только материальную помощь. Подсчитываются результаты ответов на вопросы «Жертвовали ли вы деньги в ближайшие месяцы?», «Работали ли вы в качестве волонтера в последние месяцы?» и «Оказывали ли вы помощь незнакомцам в последние месяцы?». Высокие показатели обнаруживают как богатые, так и бедные страны (в 2016 г. первые места заняли Мьянма, США, Австралия, Новая Зеландия, Шри-Ланка, Канада, Индонезия, Великобритания, Ирландия, ОАЭ).

Качество жизни и система ценностей. Еще одна важная модель, касающаяся качества жизни – это *Всемирный отчет о ценностях*, который ставит своей целью провести глобальное исследование ценностей людей и их изменений с течением времени. Исследования по этому проекту осуществляются Организацией экономического сотрудничества и развития с 1981 г. и на текущий момент охватывают около сотни стран мира.

Регулярно многочисленными международными организациями оцениваются поддержка демократии, терпимость к этническим меньшинствам, поддержка гендерного равенства, отношение к религии и уровень религиозности, отношение к окружающей среде, работе, среде, политике, национальной идентичности и культуре, а также уровень удовлетворенности жизнью. Отметим некоторые важные результаты этих исследований:

Основная часть дифференциации ценностей сводится к двум полярным измерениям: «традиционные ценности – светско-рациональные ценности» и «ценности выживания – ценности самовыражения».

Измерение традиционных и светских ценностей. Традиционные ценности подчеркивают важность религии, особых отношений между родителями и детьми, уважение к авторитетам и традиционные семейные ценности. В обществах с ориентацией на традиционные ценности более распространен национализм.

В странах с преобладанием светско-рациональных ценностей менее акцентируется внимание на религии и традиционной семье. Такие общества терпимее относятся к разводам, абортам и эвтаназии.

Измерение ценностей выживания и ценностей самовыражения. В странах с преобладанием ценностей выживания много внимания обращают на обеспечение экономической и физической безопасности человека. Во многих таких обществах широко распространен этноцентризм.

В странах с преобладанием ценностей самореализации высокий приоритет отдают таким ценностям, как терпимость к иностранцам, к гомосексуализму, наличие гендерного равенства и возможность каждого члена общества участвовать в принятии политических и экономических решений.

Расположение конкретного общества в системе координат, отражающих уровень качества жизни, коррелирует со сложившимися в нем философскими, политическими и религиозными традициями. Так, исследования установили сильную созависимость качества жизни общества и чувства экзистенциальной безопасности его членов. Чем выше качество жизни в конкретном обществе, тем сильнее чувство экзистенциальной безопасности – вера в то, что жизнь достаточно безопасна, чтобы считать выживание само собой разумеющимся. Наибольший прирост такой уверенности наблюдается в период, когда общество переходит от доиндустриального периода развития к индустриальному периоду. Одновременно с этим в таких обществах резко возрастает роль светско-рациональных ценностей.

Сдвиг от ценностей выживания к ценностям самореализации происходит при нарастании *sense of individual agency* (чувство уверенности, чувство смысла, чувство единства), заключающегося в вере в возможность влиять на мир. Максимальный прирост в этой уверенности наблюдается при переходе общества от индустриальной ступени к постиндустриальному развитию.

В качестве примера исследования ценностей можно привести следующие факты [подробнее см. 15]. По данным ВЦИОМ, большинство россиян относят к самыми важными ценностями здоровье (99 %), семью (98 %) и безопасность (96 %). Эта тройка остается неизменной многие годы. Главными же ценностями американцев за последние десятилетия оказались: карьерный успех, высокооплачиваемая должность, политическая жизнь страны и безопасность.

Можно так же обратиться к анализу динамики ценностных ориентаций [3; 4; 10; 16]. К примеру, четверо из десяти опрошенных американцев (39 %) считают карьеру одной из важнейших

ценностей (хоть и не самой главной). А у россиян карьерный рост за последнее десятилетие потерял привлекательность и стал наименее значимой ценностью (минус 15 пунктов). Или же, среди американцев в 2017 г. стало меньше людей, состоящих в браке: 51 % вместо предыдущих 69 % за 2014 г. [15].

Ценности могут значительно различаться и внутри конкретного общества у разных социальных и этнических групп, а также между мужчинами и женщинами. К примеру, среди молодежной выборки в возрасте от 15 до 29 лет большинство респондентов выбирают такие ценности как семья, любовь, образование, свобода и дружба. Очевидно, что эти выборы мало соотносятся с ценностными ориентациями взрослого населения, ценности которых представлены выше.

Все это позволяет говорить о том, что общества можно разделить на так называемые культурные зоны, отражающие сходства и особенности исторического развития разных народов. Примером может служить культурная карта мира Инглхарта–Вельцеля [подробнее см.: 8; 9]. По результатам исследования Р. Инглхарта и К. Вельцеля, странами, демонстрирующими высокие результаты субъективной удовлетворенности жизнью, выступают Норвегия, Дания, Швеция, Исландия, Финляндия. Эти страны одновременно выделяются и высоким уровнем качества жизни. Таким образом, «культурная карта мира» может претендовать на роль хоть и схематичной, но вполне адекватной формальной модели качества жизни.

Психологические критерии диагностики, оценки и проектирования качества жизни общества и государства. В мире постепенно утверждается понимание того, что приоритеты человечества выше приоритетов отдельного государства и что государство должно считаться с благополучием человека. Цель существования и развития государства, общества или цивилизации – в развитии человека, в раскрытии его потенциала, в обеспечении условий для развития и поддержания здорового образа жизни. На эти установки опирается использование индекса качества жизни как критерия эффективности государственного управления.

Конечно, одной только оценки качества жизни недостаточно для полного понимания состояния общества и перспектив его развития. Тем не менее, предложенный здесь комплекс характеристик может быть использован для составления весьма разностороннего «портрета общества», достаточного не только для общей оценки

его состояния и выделения «симптомов» нерешенных проблем, но и для использования на уровне государственного управления.

К примеру, показатели качества и эффективности государственного управления (Governance Indicators) направлены на оценку совокупного рейтинга стран по шести индексам: подотчетность государственных органов управления перед населением; политическую стабильность и отсутствие насилия; эффективность работы правительства; качество законодательства; верховенство закона и сдерживание коррупции¹ [8; 9]. Такая оценка эффективности общества претендует на объективность и достаточную независимость от характера культуры и традиций, но не выдерживает критики со стороны психологических позиций. Конечно, с помощью социально-экономических критериев можно строить ориентиры политического курса государства, но для качественного достижения этой цели необходимо выделить универсальные критерии, отражающие структуру общечеловеческих ценностей, т. е. на гуманитарные ценности, которые могут претендовать на независимость от идеологии конкретного общества. Необходимо прийти к общепринятой методологии таких измерений в рамках психологической науки, разработке соответствующих критериев, пригодных для математико-статистического анализа. В этом направлении существуют и другие сложности. Для построения общей модели необходимо оценить влияние того или иного критерия на общую успешность жизнедеятельности общества. Для построения математической модели необходимо придать весовые коэффициенты каждому из критериев, что видится весьма проблематичным в связи со сложностью выработки различных критериев оценки психологического благополучия человека и общества. Отсутствие такой модели полноценная оценка качества жизни в обществе невозможна, а, следовательно, проблематична и оценка социального самочувствия населения, что необходимо для интегративного развития современного российского общества [5; 7; 10; 11; 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности. СПб. : Изд-во НИЦ-РАТ, 2015.
2. Гараганов А. В., Китова Д. А. Методологические принципы исследования потребностей как основы социальной активности личности // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 104–107.

¹ Исследование проводится с 1996 г., последняя версия рейтинга была обновлена в 2013 г.

3. Гармаев Ю. П., Китова Д. А. Экономико-правовая компетентность личности: проблемы формирования в условиях рыночных преобразований // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 9. С. 56.
4. Гочияев А. И., Китова Д. А. Психологические особенности формирования экономического сознания студентов // Гуманизация образования. 2011. № 3. С. 107–113.
5. Дышеков Б. Н., Китова Д. А. Формирование психологической готовности личности к легитимной предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 29–35.
6. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017а. № 4 (85). С. 4 – 9.
7. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017б. № 3–4. С. 10–21.
8. Китов М. А., Китова Д. А. Проблемы интеграции психологических критериев в структуру моделей государственного управления // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2018. № 1 (86). С. 73–80.
9. Китов М. А., Китова Д. А. Психологические критерии в структуре моделей государственного управления // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы М. : Ин-т психологии РАН, 2018. С. 333–350.
10. Китова Д. А. Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России: Психологическое исследование. Ставрополь : Изд-во СевКавГТУ, 2003.
11. Китова Д. А., Шаков А. М. Отношение к собственности как предмет психологического исследования // Гуманизация образования. 2017. № 1. С. 74–80.
12. Найманова Б. А., Китова Д. А., Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 87–91.
13. Плаксина И. В., Кононова Е. В. Психологические составляющие качества жизни // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер. Педагогические и психологические науки. 2013. № 13 (32). С. 118–122.
14. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.
15. Фактор А. М., Камолов С. Г., Никандрова А. А. Моделирование, оптимизация и информационные технологии // Человеческие ценности в цифровую эпоху. 2018. Т. 6, № 2 (21). С. 86–103.
16. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества: коллективная монография. Карачаевск: Изд-во КЧГУ им. У. Д. Алиева, 2011.
17. Юревич А. В., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 3. С. 6–38.

Psychological criteria in the structure of quality of life models: problems and prospects of research

Balova D. Y., Kitov A. A.

Abstract. The paper presents a comprehensive chronological analysis of different approaches to measuring the quality of life, which allow modern science to approach the creation of a fairly strict integrative model of the welfare of society, which could be relied on in the construction of the political course of the state. The development of such a model is still far from complete, it is necessary to clarify the psychological factors affecting the quality of life of society, to develop ways of its validation and optimization. Nevertheless, without a humanitarian and psychological

model, a full-fledged assessment of the quality of life in society is impossible, and, consequently, problematic is the assessment of the social well-being of the population, and the correction of the vectors of integrative development of modern Russian society.

Keywords: quality of life, peace index, charity index, value system, psychological criteria.

Успешные экономические стратегии этнических меньшинств как показатель интеграции в казахстанское общество

Курганская В. Д., Дунаев В. Ю.

г. Алматы, Казахстан

Аннотация. Основой успешной интеграции этнических групп в казахстанское общество является их экономическая состоятельность. Наиболее успешными в Казахстане оказались предприниматели тех этнических меньшинств, которые смогли в новых исторических условиях использовать в ведении бизнеса такие личностные качества как трудолюбие, инициативность, ответственность и др. Это позволяет говорить о появлении в стране особой корпоративной этики – этоса предпринимательства. При этом предприниматели проявляют социальную ответственность по отношению как к казахстанскому обществу в целом, так и к «малой родине» и к своей этнической общине.

Ключевые слова: этнос, конфликты, личные качества, предпринимательство, интеграция.

Экономическая конкуренция как основа возникновения конфликтных ситуаций. Новые исторические условия, ознаменовавшиеся сменой экономического уклада, основанного на принципах частной собственности, индивидуальной свободы и конкуренции, обусловили появление в Казахстане иных политических, социальных, правовых, культурных и иных отношений. Этноты страны, находившиеся в 90-е годы прошлого века примерно на одинаковых стартовых позициях, в условиях многоэтнического окружения показали за годы независимости различный уровень конкурентоспособности и адаптации на рынках труда, при этом не вступая в конфликты с другими этносами.

Разумеется, за годы независимости имели место конфликтные ситуации. В основном они происходили в сельских локальных общинах и были обусловлены несправедливым, с точки зрения местного населения, распределением ресурсов со стороны властей, которые, по циркулирующим в массовом сознании слухам, «вступали в сговор» с некоренным этносом. Конфликтные ситуации в

сельской местности на юге страны в 2015–2016 гг. между казахами и другими этническими группами эксперты оценили таким образом¹: «...в Южно-Казахстанской области причиной конфликта между таджиками и казахами стало то, что, якобы, местные власти (по крайней мере, местные казахи так считали) продают таджикам льготные земли за взятки. Причина конфликта здесь связана с коррупцией, которая в большой степени усиливает напряженность в обществе, т. е. сначала нарушаются права, дискриминируются люди, потом уже конфликт принимает этнический характер»; «...Если брать конфликты локального характера, которые происходили в Жамбылской и Южно-Казахстанской областях, то, на мой взгляд, там есть конкуренция за земельные участки. Когда звучат требования от представителей казахского этноса о том, что надо представителей другого этноса выселить из этих сел, то понятно, что речь идет о том, чтобы занять их земельные участки, дома и т. д. ...здесь не просто конфликт личного или межэтнического плана, а здесь есть экономические интересы, связанные с землей».

Социологические исследования показывают, что именно материально-экономические проблемы являются наиболее актуальными для большинства населения страны. Согласно результатам социологических опросов последних лет, граждане страны связывают решение своих материальных проблем с тремя основными факторами: с улучшением экономической ситуации в стране (в 2015 г. 43,8 % респондентов, в 2017 г. 56 %); с реализацией своих собственных сил и возможностей (в 2015 г. 29,6 % респондентов, в 2017 г. 48,7 %); с возможностью найти хорошую работу (в 2015 г. 29,8 % респондентов, в 2017 г. 45,3 %). Из вышеприведенных данных видно, что за два года чуть ли не вдвое увеличилось количество тех граждан, кто намерен выстраивать стратегию решения материальных проблем за счет собственных сил и ресурсов, и вдвое уменьшилось количество тех, кто связывает решение своих проблем с социальной политикой государства (в 2015 г. 40,8 %, в 2017 г. 22,7 %). Снижение социальных ожиданий говорит о том, что в общественном сознании граждан страны патерналистские установки постепенно вытесняются индивидуалистическими, каж-

¹ В статье используются результаты социологических исследований, проведенных Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК в 2010–2018 гг. в ходе реализации научно-исследовательских проектов.

дый человек начинает осознавать, что его экономическое благополучие зависит в первую очередь от него самого.

Социально-психологические особенности личности отечественного предпринимателя. Инфраструктурному обеспечению предпринимательства в последние годы придано государственное значение: интересы предпринимателей представляют различные общественные организации и движения; обучающие программы по предпринимательской деятельности, по ведению малого и среднего бизнеса стали доступны желающим; существуют специальные программы и фонды для финансирования малого и среднего бизнеса и т. д. Но при всех внешних благоприятных/неблагоприятных условиях чрезвычайно важным является проявление самими предпринимателями тех социально-психологических качеств, которые в своей совокупности образуют специфический «предпринимательский дух», или этос предпринимателя.

Так, например, классик немецкой социологии В. Зомбарт различал внутри буржуа «предпринимательский дух» (готовность к риску, духовную свободу, богатство идей, волю и настойчивость, умение соединять людей для совместной работы, убеждать клиентов, завоевывать их доверие) и «бюргерский» («гражданский») дух (прилежание, умеренность, расчетливость и другие традиционные буржуазные добродетели).

Другой немецкий ученый М. Вебер показал, что для становления производственных отношений буржуазного типа необходимо было возникновение достаточно широкого слоя людей, обладающих способностью и предрасположенностью к определенным видам практически-рационального жизненного поведения. «Дух капитализма» рождается своеобразной этикой («этосом»), нормы которой регулируют весь жизненный уклад, выступают как долг и призвание. «Идеальному типу» предпринимателя, по Веберу, чужда показная роскошь, расточительство. Наоборот, его образ жизни характеризует известная аскетическая направленность, сдержанность и скромность.

Если исходить из таких критериев формирования этоса предпринимательства, то в Казахстане можно уже наблюдать его ростки (например, помощь бизнесменов малой родине в разных формах, поддержка ими культуры своего этноса, выделение предпринимателями грантов на обучение малоимущей молодежи и пр.). Все эти шаги приветствуются этнической общиной, изменяя тра-

диционно негативное отношение к предпринимательству в целом. Особенно позитивно люди воспринимают создание предприятий, когда появляются новые рабочие места, и у них появляется возможность трудоустроиться.

Роль личностных качеств в успешной экономической деятельности бизнес-сообщества этнических меньшинств. Рассмотрим экономические стратегии некоторых этнических меньшинств Казахстана – ведь именно они, согласно нашему исследованию 2010 г., оказываются наиболее успешными в предпринимательской деятельности.

Наиболее удачно смогли интегрироваться в казахстанское общество корейцы, которые стали частью казахстанского истеблишмента. «В целом по республике, 8,3 % из числа всех занятых составили руководители. У лиц корейской национальности этот показатель составил 17,3 %, казахов – 7,9 %, русских – 9,3 %, лидирующее положение занимают евреи – 27,5 %. Высока среди корейцев доля специалистов высшего уровня квалификации, составившая 18,4 %, в то время как в целом по Казахстану -12,9 %, среди казахов – 14,5 %, русских – 12,1 % и у евреев – 33,8 %. За годы независимости в Казахстане стал складываться социальный слой бизнесменов, который приобрел за короткий срок опыт ведения своего дела от так называемых коммерческих киосков и мелкой розничной торговли до крупных компаний и корпораций» [4].

Свои успехи корейцы объясняют трудолюбием и неконфликтным характером. «Наши соплеменники представлены практически во всех сферах жизнедеятельности и всюду добиваются успехов, заслуженного признания. Еще наши отцы и деды начали создавать имидж корейского народа как трудолюбивого, порядочного и верного своей стране»; «...Корейцы по природе своей очень трудолюбивы, ориентированы на личный успех, но в то же время очень лояльны по отношению к государству, в котором живут, и добросовестно относятся к своим обязанностям. В какой бы сфере ни работали, они достигают успехов и продвигаются по служебной лестнице. Корейцы продвинулись в частном бизнесе, причем не только в малом и среднем, но и в крупном. К примеру, строительные компании “Куат” и “Век”, Банк “Каспийский”, торговые сети бытовой и электронной техники – “Планета электроники”, “Сулпак”, “Технодом”, в их штате нескольких сотен и даже тысяч человек» [3].

Одним из факторов успешной экономической интеграции корейского этноса являются инициативы казахстанских корейцев-предпринимателей, стремящихся установить взаимовыгодное сотрудничество с материнским государством. По словам исследователей, их личностные качества (трудолюбие, исполнительность, высокий образовательный уровень) играют в установлении экономических контактов едва ли не основную роль. «Бизнесмены из числа казахстанских корейцев не только сами создавали с соотечественниками совместные предприятия, разрабатывали бизнес-проекты, но и выполняли посреднические функции между ними и местными предпринимателями. Многие южнокорейские бизнесмены развернули свою деятельность именно благодаря первоначальной поддержке со стороны корейской диаспоры». На народные и спонсорские средства казахстанских бизнесменов в РК построен Корейский дом [1].

Достаточно успешно с помощью материнского государства и личной активности происходит интеграция в казахстанское общество немцев. Деятельность общественных структур самоорганизации немцев давно уже вышла за рамки только лишь поддержки немецкого этнического меньшинства. Эта деятельность все в большей степени развивается как партнерство, которое содействует достижению общенациональных интересов во всем регионе. В экономическом направлении большая работа проводится Казахстанско-Германской Ассоциацией предпринимателей (КГАП), которая совместно с казахстанским правительством стремится устранить барьеры, мешающие немецким предпринимателям работать на рынке Казахстана или входить на рынок Казахстана.

В стратегиях или моделях экономического поведения немцев Казахстана в настоящее время можно выделить три основных типа ответа на экономические и организационные изменения в ходе рыночных преобразований: стратегии выживания, адаптации, преуспеяния. Как показали результаты социологического опроса немцев Казахстана 2012 г., большая часть респондентов избирают *стратегию адаптации* – они стараются жить по средствам; пятая часть снижает уровень своих запросов и потребностей, что соответствует *стратегии выживания*, и менее третьей части респондентов стремятся повысить свой доход всеми возможными способами – т. е. следует *стратегии преуспеяния* [5, с. 28]. «Объяснить появление такой группы успешных немцев-бизнесменов можно

активной, успешной хозяйственной деятельностью в недавнем советском прошлом немцев Казахстана, а также отношением к труду и трудовой этикой в ментальности немцев. В таких регионах Казахстана как Акмолинская, Алматинская, Карагандинская, Павлодарская области немецкие предприниматели оказывают поддержку не только немецким общественным объединениям, но и берут на себя социальную ответственность в проекции за всех жителей региона» [6, с. 180–181]. Личностные качества немцев играют, по мнению некоторых исследователей, едва ли не главную роль в их успехах. А. У. Аупенюва пишет: «Казахстанские немцы органично вписались в многонациональный состав населения республики, и с их вкладом связано развитие многих отраслей народного хозяйства. Прекрасные качества этого народа снискали им уважение не только за трудолюбие, педантичность, аккуратность и умение вести хозяйство» [2, с. 221].

Заключение. Разумеется, не все представители корейцев или особенно немцев успешны в экономическом плане и являются предпринимателями, ведь предпринимательство – это не столько род занятий, сколько склад ума и свойство натуры. Чтобы укрепился этос предпринимательства в стране (отношение к труду как самоцели, а не исключительно обогащению, к профессии как призванию, долгу и смыслу жизни), необходимо время.

Для каждого общества должен быть определен собственный, адаптированный к его социокультурным особенностям набор методов повышения эффективности предпринимательской деятельности на основе оптимизации отдельных подсистем общества и их взаимодействия. Поэтому при анализе экономических, политико-правовых и социокультурных детерминаций предпринимательской деятельности в современном Казахстане необходимо учитывать и применять как общеметодологическую парадигму единство универсально-значимых закономерностей развития бизнеса и уникальных особенностей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альмуханова А. Роль казахстанских корейцев в установлении связей между странами [Электронный ресурс] URL: <https://el.kz/en/news/archive/роль-казахстанских-корейцев-в-установлении-связей-между-странами> (дата обращения: 15.05.2019).

2. Аупенюва А. У. ... Звучит казахская струна // Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином : материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Астана, 5–7 окт. 2015 г. Алматы : АООНК «Возрождение», 2015. 560 с.

3. Исабаева С. Как корейцам живется в Казахстане? Братья с короткими фамилиями – САМ [Электронный ресурс] URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1423197120> (дата обращения: 15.05.2019).

4. Ким Г. Корейцы независимого Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <https://koryo-saram.ru/korejtsy-nezavisimogo-kazahstana-3/> (дата обращения: 15.05.2019).

5. Курганская В. Д., Дунаев В. Ю. Общественное самоуправление немецкой диаспоры Казахстана: состояние и тенденции развития. Научно-аналитический отчет по итогам социологического исследования. Алматы : АООНК «Возрождение», 2013. 197 с.

6. Подопригора Ю. И. Вопросы современного этносоциального развития немцев Казахстана // Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином : материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Астана, 5–7 окт. 2015 г. Алматы : АООНК «Возрождение», 2015. 560 с.

Successful economic strategies of ethnic minorities as an indicator of their integration into Kazakhstan society

Kurganskaya V. D., Dunaev V. Yu.

Abstract. The basis for the successful integration of ethnic groups in Kazakhstan society is their economic viability. The most successful in Kazakhstan were entrepreneurs of those ethnic minorities who were able to use such personal qualities as diligence, initiative, responsibility, etc., in the new historical conditions. This suggests the emergence of a special corporate ethics in the country – the ethos of entrepreneurship. At the same time, entrepreneurs show social responsibility towards both Kazakhstan’s society as a whole, and the “small homeland” and their ethnic community.

Keywords: ethnoses, conflicts, personal qualities, entrepreneurship, integration.

Экономико-психологические критерии в структуре моделей государственного управления

Гочияева П. И., Китов М. А.

г. Москва, Россия

Аннотация. Разработка критериев эффективного государственного управления требует обращения к единой интегральной модели качества жизни. Современное использование психологических факторов в качестве маркеров государственного управления, таких как качество жизни, субъективное экономическое благополучие, индекс социального прогресса, индекс счастья, позволяет глубже анализировать удовлетворенность населения условиями жизни. Тем не менее, выделение психологических факторов общественного благополучия пока еще находится на поисковой стадии.

Ключевые слова: качество жизни, индекс социального прогресса, индекс счастья, ожидаемая продолжительность жизни, субъективное экономическое благополучие, психологические факторы государственного управления

При организации государственного управления необходимы научно обоснованные и надежные критерии оценки условий и характеристик жизни населения, значимые для принятия управленческих решений. В современных условиях развития эти критерии связаны с такими факторами, как предоставление гарантий безопасности, достойных экономических условий жизни, поддержкой здорового

образа жизни, формированием социальных условий и предпосылок для самореализации граждан [5; 9; 12; 13]. Такой подход к управлению государством требует обращения к некой единой интегральной модели качества жизни, которая включала бы в себя экономические, социальные и психологические критерии оценки [2; 7; 8].

Феномен качества жизни как психологическая проблема. Понятие качества жизни используется в различных отраслях науки (здравоохранении, политологии, экономике и др.) и оценивает общее благополучие индивида и общества (включая как положительные, так и отрицательные характеристики жизни). С психологической точки зрения, качество жизни оценивает удовлетворенность жизнью, включая ведущие факторы обеспечения жизнедеятельности человека, а также особенности его самочувствия в рамках конкретного общества. Качество жизни, в отличие от уровня жизни, определяется не только исходя из экономических показателей, но и включает ряд разнообразных факторов неэкономического происхождения, таких как физическое здоровье, семья, образование, работа, благосостояние, религиозные убеждения, окружающая среда и т. д. [7–9]. В частности, Всемирная организация здоровья трактует качество жизни как особенности «восприятия индивидом своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых он живет и к которым стремится» [7]. Таким образом, в феномен качества жизни интегрирует в себе два подхода – объективный (наличие определенных условий уровня жизни, доходов, качества жилища и т. д.) и субъективный, которая рассматривается как психологическая (субъективная) удовлетворенность сложившимися условиями жизни.

В отличие от объективных условий жизни, которые можно измерить в статистических показателях, диагностировать уровень субъективного благополучия и его динамику очень сложно, тем более в масштабах общества или страны [9; 11]. Например, при измерении субъективной удовлетворенности жизнью необходимо выделить рефлексивную оценку жизни и отделить ее от текущего эмоционального состояния респондента и лишь потом анализировать предполагаемые результаты.

Предметом нашего исследования стала проблема оценки качества жизни как психологического феномена и выделение в ее структуре психологических факторов. *Цель* исследования – выделить основные подходы к оценке качества жизни населения, про-

анализировать результаты их использования в России, выявить психологические критерии качества жизни пригодные для использования в государственном управлении. В связи с этим определены теоретические задачи:

1) проанализировать используемый арсенал показателей и математических моделей по оценке качества жизни, сравнить их эффективность;

2) рассмотреть интегрированные модели качества жизни и выделить в их структуре психологические факторы.

Состояние исследований качества жизни. Качество жизни выступает комплексным оценочным инструментом, характеризующим различные сферы жизнедеятельности и самочувствия человека. Оценка качества жизни как психологического феномена зарождалась в русле поиска ответов на вопрос, почему человек подвержен деструктивным психическим состояниям (таким как депрессия, тревога, стресс и агрессия) и склонен проявлять негативные формы поведения. Позже исследования качества жизни личности стали расширять границы анализа. Исследователи начали активно анализировать влияние на качество жизни совокупности различных аспектов жизнедеятельности человека, таких как семья, досуг и окружающая среда.

Среди теоретических и методологических проблем качества жизни, исследуемых отечественными учеными, можно выделить как социологические и экономические, так и психологические, которые отражают субъективные оценки качества жизни, культурологические характеристики, социальное положение трудоспособного населения, детей и старших возрастных групп, политику занятости, планирование и прогнозирование роста народного благосостояния. Отдельно можно отметить вспомогательные: математико-статистические методы оценки уровня жизни, математические методы моделирования социально-экономической безопасности и др. [2; 8]. С психологической точки зрения понятие качества жизни находит свое отражение в концепции «ощущаемого качества жизни», или «субъективного благополучия».

Социальные и социально-экономические модели качества жизни. В свое время, оценка качества жизни как показателя объема внутреннего валового продукта (ВВП) стало предметом резкой критики, так как объем производства не дает гарантий достойной жизни населения. Среди множества предложенных методов оцен-

ки качества жизни с учетом как экономических, так и социальных показателей общепринятым стал «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП). Он был предложен в 1990 г. и модифицирован в 2010 г. Новая версия основывается на трех показателях: 1) ожидаемая продолжительность жизни, 2) продолжительность образования и 3) валовой национальный доход по паритету покупательной способности на душу населения.

Ожидаемая продолжительность жизни отражает вероятностную продолжительность жизни (термин введен Э. Галлеем в XVII в.). Для расчета показателя используются специальные таблицы ожидаемых смертей, которые рассчитываются на основе прогнозов. Прогнозируется период до которого могут дожить люди среднего возраста, родившиеся в определенном календарном году, если характерные для года их рождения возрастные коэффициенты смертности будут сохраняться неизменными.

Продолжительность образования делится на среднюю (среднее количество лет учебы среди населения старше 25 лет) и ожидаемую среднюю (высчитывается по образовательным стандартам, коэффициентам поступления и отчисления в школах и университетах и т. д.).

Валовой национальный продукт (ВНП) – это совокупная ценность всех товаров и услуг, произведенных в течение года на территории государства (т. е. ВВП), плюс доходы, полученные гражданами страны из-за рубежа, минус доходы, вывезенные из страны иностранцами. Таким образом, ИРЧП подсчитывается как среднее геометрическое из этих трех показателей $HDI = \sqrt[3]{(LEI*EI*PI)}$ [подробнее см. 7].

В том же 2010 г. был представлен ИРЧП с поправкой на неравенство. Уровень неравенства подсчитывался с помощью коэффициента Джини для оценки неравенства доходов домохозяйств. При перерасчете уровня качества жизни с поправкой на неравенства одни страны потеряли не больше 6 % рейтинга (Чехия, Словения, Финляндия), тогда как другие – более 40 % (Ангола, Намибия, Нигерия, Чад и др.).

На сегодняшний день ИРЧП является самым распространенным показателем качества жизни. Тем не менее, критики этого индекса отмечают, что ИРЧП оценивает качество жизни без учета психологических показателей, ориентируясь лишь на объективные

показатели, и индекс измеряет лишь условия организации высоко-го качества жизни, но не само качество жизни.

«Индекс социального прогресса» – один из альтернативных показателей оценки уровня жизни. Создатели этого индекса попытались оценить не сам уровень инвестиции в жизнь населения (ВВП, затраты на образование и т. д.), а итоговые результаты этих инвестиций, которые действительно оказывают воздействие на качества жизни людей.

Индекс составляется по следующим категориям: основные человеческие потребности (питание и медицинские услуги, водоснабжение и санитария, дом, персональная безопасность); основы благополучия (доступ к базовым знаниям, доступ к информации и коммуникации, здоровье и благополучие, качество окружающей среды); права и возможности (личные права, личные свободы и право выбора, толерантность, доступ к высшему образованию). Вес каждого компонента определяется с помощью анализа главных компонент [подробнее см. 8]. На вершине рейтинга по данному индексу в 2016 г. оказались Финляндия, Канада, Дания, Австралия и Швейцария. Следующие позиции удерживают Швеция, Норвегия, Нидерланды и Великобритания.

Поскольку индекс принципиально не учитывает экономические показатели, появляется возможность сравнить между собой результаты стран со схожими ВВП на душу населения с Индексом социального прогресса. Так, странами с близким к России по уровню ВВП на душу населения, по результатам 2016 г., являются: Чили, Хорватия, Эстония, Греция, Венгрия, Казахстан, Латвия, Литва, Малайзия, Панама, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Уругвай. По полученным результатам, Россия, имея одинаковый с этими странами уровень ВВП, опережает их по коэффициенту доступа к высшему образованию (77,39), сохраняет с ними баланс по уровню доступа к базовым знаниям (97,63). Тем не менее, она отстает по остальным десяти показателям, и, следовательно, уступает всем этим государствам по общему уровню социального прогресса.

Модели, учитывающие психологические факторы. Психологические индексы наиболее сложны для формализации и количество разработанных математических моделей с психологическими критериями пока невелико. При оценке психологических факторов качества жизни в качестве основного подхода используется прове-

дение опросов. Опросные листы включают как косвенные, так и прямые вопросы («Вы счастливы?»), на основе обработки полученных ответов высчитываются показатели. Хотя добиться объективных результатов в такой методике непросто, она позволяет, в отличие от вышеперечисленных подходов, напрямую подойти к проблеме исследования счастья (психологического благополучия) и его детерминант.

Начиная с 2012 г. подразделение ООН по поиску решений стабильного развития публикует «Всемирный доклад о счастье». Это первая попытка дать оценку глобальному уровню счастья, его детерминантам и последствиям.

В 2013 г. ОЭСР разработала рекомендации к оценке субъективного благополучия, в которых принято учитывать три фактора: оценку жизни (рефлексивную оценку человеком своей жизни в целом или интересующего аспекта); аффекты (оценку человеком своих чувств и общего эмоционального состояния, как правило, в заданной временной рамке) и эвдемонию (чувство смысла в жизни, хорошее психологическое состояние).

Индекс счастья рассчитывается с учетом этих рекомендаций. Он состоит из следующих показателей: ВВП по ППС на душу населения с поправкой на инфляцию с 2011 г.; ожидаемая продолжительность жизни здорового человека (источник: World Health Organization); социальная поддержка; свобода жизненного выбора; щедрость (анализируется через вопрос «Жертвовали ли вы в ближайшие месяцы деньги на благотворительность?»); восприятие коррупции [подробнее см.: 4; 10; 14 и др.].

Впервые «Индекс счастья» был рассчитан в 2006 г. для 178 стран мира, опросы проводились среди резидентов стран независимо от национальности и гражданства. Это сделано для того, чтобы можно было говорить об уровне счастья всего населения мира, а не только граждан, проживающих в своих странах. Особенности уровня жизненной удовлетворенности мигрантов не рассматривались отдельно.

По результатам данных 2017 г., самый высокий показатель уровня счастья (7,0 и более) наблюдается в следующих странах (с 1-го по 13-е место): Норвегия, Дания, Исландия, Швейцария, Финляндия, Нидерланды, Канада, Новая Зеландия, Швеция, Австралия, Израиль, Коста-Рика, Австрия. Из 155 стран, в которых проводилась оценка, Россия находится на 49-м месте с общим показателем

телем 5,963; показатель ВВП по ППС на душу населения – 1,282 (47-е место из 155), по социальной поддержке – 1,469 (22-е из 155), по ожидаемой продолжительности жизни – 0,547 (92-е из 155), по свободе жизненного выбора – 0,374 (102-е из 155), по щедрости – 0,052 (147 из 155), по восприятию коррупции – 0,033 (138-е из 155).

Ранее (до 2006 г.) для оценки счастья использовался Международный индекс счастья, который часто критиковали за переоценку экологических факторов и продолжительности жизни, в результате чего на первых местах оказывались страны с не очень высоким уровнем жизни, но отличной экологией (например, Вьетнам).

Использование психологических факторов в качестве маркеров государственного управления позволит полноценно оценивать качество жизни, понимать факторы, влияющие на него в текущей ситуации; глубже понимать причины социальных проблем, прогнозировать характер восприятия населением условий своей жизни; выделять управляемые факторы [1; 3; 6 и др.]. Тем не менее, разработка психологических индексов общественного благополучия пока еще находятся на поисковой стадии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гармаев Ю. П., Китова Д. А. Экономико-правовая компетентность личности: проблемы формирования в условиях рыночных преобразований // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 9. С. 56.
2. Гочияева П. И., Китова Д. А. Качество жизни как предмет междисциплинарного исследования // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 107–110.
3. Дышеков Б. Н., Китова Д. А. Формирование психологической готовности личности к легитимной предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 29–35.
4. Егизов У. С., Китова Д. А. Психологические особенности коррупционных представлений молодежи // Вестник УРАО. 2015. № 4. С. 50–54.
5. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017. № 4(85). С. 4–9.
6. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3–4. С. 10–21.
7. Китов М. А., Китова Д. А. Проблемы интеграции психологических критериев в структуру моделей государственного управления // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2018. № 1 (86). С. 73–80.
8. Китов М. А., Китова Д. А. Психологические критерии в структуре моделей государственного управления // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы М. : Ин-т психологии РАН, 2018. С. 333–350.
9. Китова Д. А. Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России: Психологическое исследование : дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2003.
10. Китова Д. А. Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник УРАО. 2016. № 5. С. 91–97.

11. Китова Д. А. Экономическая психология субъекта жизнедеятельности: теория, методология, практика // Экономическая психология в современном мире: Сб. науч. статей / отв. ред. А. Н. Лебедев. М.: Экон-информ, 2012. С. 148–161.

12. Ковалева Ю. В., Китова Д. А., Соснин В. А. Духовная идентичность больших социальных групп как фактор развития геополитических процессов // Вестник Университета Российской академии образования. 2018. № 1. С. 14–19.

13. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Ин-т психологии РАН, 2018.

14. Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в предметном поле психологических исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития М.: Ин-т психологии РАН, 2017.

Economic and psychological criteria in the structure of public administration models

Gochiyeva P. I., Kitov M. A.

Abstract. The development of criteria for effective public administration requires a single integrated model of quality of life. Modern use of psychological factors as markers of public administration, such as quality of life, subjective economic well-being, social progress index, happiness index, allows deeper analysis of the population's satisfaction with living conditions. Nevertheless, the selection of psychological factors of social well-being is still at the search stage.

Keywords: quality of life, social progress index, happiness index, life expectancy, subjective economic well-being, psychological factors of public administration.

Публичные корпорации как средство стабилизации экономики региона

Дружинин Г. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматривается роль публичных корпораций в экономической стабилизации регионов. Отмечается, что регион, являясь территориальной частью государства, выступает одним из элементов экономики страны. Указывается, что развитие в регионе финансовых, инвестиционных и иных средств, направленных на поддержку малого и среднего предпринимательства, благоприятно сказывается на развитии экономики страны. В рамках правового регулирования могут быть задействованы различные правовые средства, начиная от создания ведомственных структур, заканчивая изданием специализированных законов. Приводится в качестве примера развития экономики страны и регионов инфраструктура поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Делается вывод, что организации, входящие в инфраструктуру поддержки бизнеса, являются публичными корпорациями, которые создаются в целях управления экономикой региона, путем мотивирования малого и среднего предпринимательства. Отмечается, что публичные корпорации вступают эффективным средством воздействия и управления на экономические правоотношения.

Ключевые слова: корпорация, корпоративная организация, публичные корпорации, корпорации развития, экономика региона.

Регион представляет собой территориальную часть государства, поэтому экономическая составляющая региона выступает одним из элементов экономики всего государства. Развитие в регионе финансовых, инвестиционных и иных средств, направленных на поддержку малого и среднего предпринимательства, благоприятно сказывается на развитии экономики страны. Стабильность регионов означает стабильность всего государства, поэтому очень важно наращивать региональный капитал: социальный, интеллектуальный, экономический, производственно-технологический и др.

Согласно ст. 1 Конституции РФ, Российская Федерация является демократическим, федеративным и правовым государством. Правовой характер государства предполагает правовое обеспечение государственного управления или другими словами государственное администрирование общественными (социальными) институтами с помощью правовых средств.

Понимая место и роль малого и среднего предпринимательства в экономическом развитии государства, на федеральном уровне власть использует разные правовые средства от издания специальных законов, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства, до создания специализированных государственных структур.

Пунктом 1 Раздела I Общие положения Постановления Правительства РФ № 437 от 05.06.2008 «О Министерстве экономического развития РФ» [2] определено, что Министерство экономического развития РФ (далее – Минэкономразвития) является федеральным органом власти, который осуществляет функции по выработке государственной политики и правовому регулированию, в том числе в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, развития предпринимательской деятельности, в том числе среднего и малого бизнес и других сферах.

Минэкономразвития осуществляет совершенствование нормативно-правового регулирования по приватизации недвижимости малыми и средними предприятиями, проведение мониторинга практик применения различных налоговых режимов, подготовку предложений по совершенствованию налогового законодательства. Кроме этого, к полномочиям Министерства относятся участие в разработке и принятии нормативно-правовых актов, регламентирующих требования к организациям, образующим инфра-

структуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства при реализации федеральных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства.

Инфраструктура поддержки субъектов малого и среднего бизнеса представляет собой комплекс (совокупность) структур, осуществляющих поддержку бизнеса, которая может заключаться в помощи при создании бизнеса, помощь при его функционировании (выдача на льготных условиях кредитных и заемных средств, лизинг на льготных условиях), консультирование по правовым, организационным и финансовым вопросам.

Структуры, которые могут быть включены в инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего определены ст. 15 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», среди которых можно выделить агентства по развитию предпринимательства, государственные и муниципальные фонды поддержки предпринимательства, фонды содействия кредитованию (гарантийные фонды, фонды поручительства), технопарки, научные парки, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, палаты и центры ремесел, центры поддержки субподряда, инжиниринговые центры, центры кластерного развития.

Следует указать, что указанные региональные структуры осуществляют различную поддержку малому и среднему бизнесу, к которой возможно отнести налоговые преференции (например, установление дифференцированных налоговых ставок по налогу на имущество организаций для отдельных категорий налогоплательщиков), финансовые меры поддержки (государственные гарантии, субсидии на возмещение затрат на уплату процентов по кредитным обязательствам, лизинговым платежам, предоставление поручительств по кредитным договорам, договорам лизинга, микрофинансирование).

На территории Иркутской области одной из таких структур можно выделить Фонд поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Иркутской области («Иркутский областной гарантийный фонд»), выступающий одним из институтов инфраструктуры поддержки бизнеса в Иркутской области. Данный финансовый институт осуществляет обеспечение сделок по кредиту, лизингу, банковской гарантии, которым при необходимости могут

воспользоваться предприниматели региона, планирующие дальнейшее развитие бизнеса.

Учредителем указанного Фонда является министерство экономического развития Иркутской области, что указывает на публичный характер данной структуры. Публичный характер проявляется и в механизме формирования органов управления, так правление фонда, являющееся высшим руководящим органом, формируется учредителем фонда.

Данную структуру, на наш взгляд, можно отнести к публичным корпорациям в социологическом смысле этого слова. Притом, что в российской правовой материи практически невозможно найти данную категорию, однако, в зарубежной правовой доктрине такое явление существует.

Публичные корпорации (public) создаются государственными органами власти для реализации правительственных функций. В основном финансируются за счет бюджетов федерального или муниципального уровней. Могут вести деятельность на принципах самокупаемости, быть прибыльными или заведомо убыточными [4, с. 64].

На сегодняшний день корпоративные структуры можно разделить по территориальному признаку на следующие виды: региональные корпоративные структуры; межрегиональные корпоративные структуры; транснациональные корпоративные структуры [3, с. 87].

Публичные корпорация выступают эффективным средством управления экономическими отношениями, поскольку являются способом объединения капиталов. Рациональное использование капитала (его распределение), позволяет через публичные корпорации стабилизировать экономическую сферу региона, что оказывает позитивное влияние на экономическое поведение и психологическое здоровье граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
2. Постановления Правительства РФ № 437 от 05.06.2008 «О Министерстве экономического развития РФ» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2867.
3. Рязанцев Л. С. Роль корпорации в мировой экономике // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 2. С. 86–87.
4. Шеина И. В. Формирование и функционирование государственных корпораций: зарубежная практика // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 1. С. 63–68.

Abstract. This article discusses the role of public corporations in the economic stabilization of regions. It is noted that the region, being a territorial part of the state, is one of the elements of the country's economy. It is indicated that the development in the region of financial, investment and other funds aimed at supporting small and medium-sized businesses favorably affects the development of the country's economy. Within the framework of legal regulation, various legal means may be involved, ranging from the creation of departmental structures to the publication of specialized laws. The infrastructure of supporting small and medium-sized businesses is cited as an example of the development of the economy of the country and regions. It is concluded that the organizations included in the business support infrastructure are public corporations that are created to manage the region's economy by motivating small and medium-sized businesses. It is noted that public corporations are entering into an effective means of influencing and managing economic relations.

Keywords: corporation, corporate organization, public corporations, development corporations, region's economy.

Роль университета в формировании образов героев в менталитете россиян

Журавлева И. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются процессы конструирования образов героев, прослеживается роль университетской среды в этом процессе. Анализируются исторические и социальные, личные и общественные образы героев, актуальные для современников, а также выявляются формы и инструменты изменения этих образов с целью конструирования государственно актуального, идеологически выверенного имиджа героя нашего времени. Опора на образы героев формирует идентичность и менталитет жителей того или иного региона Российской Федерации, определяет его ценности и мотивы, мировоззрение и установки, формы и приоритеты развития. В статье предлагается типология героев и антигероев по возрастам и условия их трансформации при изменении государственной политики в области исторической памяти и патриотизма. А также рассматриваются ресурсы и стратегии изменения данных образов в университетской среде, обозначаются кризисные моменты и стратегически сильные нюансы, которые опираются на образы сказочных героев и исторических персонажей прошлого.

Ключевые слова: образы героев, патриотизм, менталитет, университетская среда, патриотизм, историческая память, государственная политика

Сегодня в России появились новые герои и антигерои. Они несут в себе не только образ «добра и зла», а являются своеобразным показателем социального самочувствия населения. Какие качества героев наиболее ценятся, те качества и будут воспитывать родители у своих детей и таковым станет наше общество в будущем. Так как ценности, заложенные в детстве, определяют ход

развития всей жизни, нормы, предписанные обществом лишь подкрепляют эти ценности, коллективные организации и выполняемые роли также нацелены на эту общую цель. То же касается и форм и инструментов патриотизма и любви к отечеству [1; 2]. О. А. Полюшкевич, назвала этот процесс изменения социальной символики в России «бархатной революцией сознания» [5; 6]. Университетское пространство всегда создавало среду для формирования героев, для создания идеалов того к чему стоит стремиться и тех, кто это может сделать. В этом его основная задача.

Мы пытались выявить особенности аффективного (эмоционального), когнитивного (познавательного) и побудительного (мотивационного) компонента образа героя и простого обывателя. Обыватель нами специально рассматривался как антиномичная фигура, стоящая на противоположном углу и представляющая собой оборотную сторону героя. То есть герои – это идеализированный образ (те, к кому стоит стремиться), а обыватели – это та реальность, которая есть (кто реально окружает).

Исследование в виде анкетирования через интернет-опрос (internet-opros.ru) проходило в 2018 году. В нем приняло участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, все они принадлежат к разным социальным и профессиональным группам, проживают в различных регионах РФ, 60 % женщины и 40 % мужчины.

Герои или наличие событий и поступков, которыми стоило бы гордиться – это явления психологические [4]. Они редко зависят от объективных условий, они скорее результат внутреннего личностного восприятия внешнего мира. Герои для каждого поколения различны.

Младшее поколение называет сказочных героев (Иван-дурак, Емеля, Илья Муромец, Алеша Попович) или более драматичные литературные персонажи – Раскольников и Евгений Онегин. Старшее поколение – приводит в пример реальных персонажей – политических деятелей, писателей, полководцев (Жуков, Толстой, Достоевский, Пушкин). Это можно объяснить двумя факторами. Первый – это мифологическое сознание молодежи, которое противостоит рациональному и реальному восприятию мира и второй – это свидетельствует о потере уровня образования (молодежь говорит о том, что знает).

Мифологическое сознание в современном мире развивается тогда, когда рациональная, реальная оценка происходящих вокруг

событий не устраивает людей. Проще окунуться в придуманный мир компьютерных игр, выдуманных персонажей и чужих жизней, чем решать свои простые и обыденные задачи. Это требует ответственности, а мифологическое сознание предлагает готовые схемы поведения.

Закрепляющим моментом в данной ситуации выступает все большее укоренение и развитие общества потребителей, а не создателей. Этому способствуют различные социальные институты (семья, образование, СМИ и т. д.). Механизмами выступает ценностная, коммуникационная, культурная и проч. системы социальной среды человека. В советском обществе было важно *кто ты*, какой у тебя профессиональный статус, карьерные перспективы. Сегодня – критерий успеха, *сколько ты имеешь денег и на что ты их тратишь* (какой образ себе создаешь). Становится все более укорененным лозунг американского общества – «деньги любой ценой» или «деньги не пахнут». Симулякры, в терминологии Ж. Бодрийяра, укореняются во все большее количество повседневных практик¹.

Симулякры распространяются и на символическое пространство. Люди «думают» что они «знают» о государственных символах (т. к. эти знаки присутствуют в их повседневных практиках, в виде флажков в машинах, спортивных аксессуарах, брелков и т. д.), заменяя под термином «знание» – «узнавание» символа, но далеко не все могут воспроизвести его значение, понять символическую роль и значение. Симулякры создают новое пространство значений – удаляя человека от истинных смыслов и форм [7].

Герой и героизм – это явления актуальные для любого времени, они способствуют социализации и культурной памяти, преемственности поколений и воспроизводства идей и идеологии. Что касается исторических образов, то старшее поколение приводит более широкий спектр фигур, изменивших судьбу России. Младшее поколение говорит в целом о тех же людях, но конкретных личностей значительно меньше. Это говорит о трансформации информированности, образованности молодежи о прошлом. Героев

¹ Под симулякром Бодрийяр понимает образ или символ, который «скрывает» свое искусственное происхождение. В симулякре не только отрицается связь с прообразом реальности, или референтом, но и стирается свидетельство отсутствия такой связи. Таким образом, симулякр подменяет источник имитацией, которая в ряде случаев выглядит более убедительной и «реальной», чем сама реальность.

помнят и чтят тогда, когда их показывает государство. Государственная образовательная политика направлена больше на современные навыки и умения, а не на фундаментальные представления о прошлом и настоящем. Результатом этого выступает более ограниченный круг исторических личностей, кого молодое поколение считает – образом, олицетворяющим Россию (см. табл. 1).

Таблица 1

**Исторические и литературные образы, олицетворяющие Россию
(в %)**

Возраст	Исторические образы	Литературные образы
18–25 лет	Сталин (44) Суворов (37) Кутузов (35) Александр Невский (25)	Колобок (34) Золотая рыбка (30) Евгений Онегин (28) Емеля (26) Ванька-дурак (25) Илья Муромец (20) Раскольников (17)
26–45 лет	Екатерина II (62) Сталин (60) Петр I (46) Иван Грозный (45) Медведев и Путин (42) Ломоносов (37) Александр II (36) Суворов (34) Кузузов (33) Александр I (15)	Обломов (52) Пушкин (47) Толстой (44) Достоевский (41) Князь Болконский (37) Иван Царевич (35) Чичиков (32) Иван-дурак (30) Баба Яга (27) Анна Каренина (14)
46 и старше	Иван Грозный (44) Петр I (42) Жуков (37) Кутузов (35) Суворов (31) Сталин (30)	Пушкин (45) Некрасов (40) Толстой (36) Достоевский (35) Обломов (32)

Исторические и литературные образы, олицетворяющие страну, несут в себе и двойной подтекст. Они иллюстрируют, с кем и какими качествами ассоциируется страна у своих граждан. Кого они замечают вокруг, как стараются вести себя сами и чему учат своих детей. Образное сознание – более точно ставит «диагноз» времени.

Образное сознание формируется благодаря неосозанному социальному дискурсу – песням, фильмам, картинам – присутствующих в ту или иную эпоху. В советском обществе существовал социальный заказ – на продукцию масс-медиа. Снимаемые фильмы, выпускаемые песни поднимали дух народа, подвигали их на преодоление не только тяжелых внешних условий, но и на преодоление себя во благо высшей цели.

Среди исторических образов у молодого поколения доминируют военачальники и диктаторы, нет ученых, среди литературных персонажей не указаны писатели, присутствуют только некоторые герои – Раскольников и Евгений Онегин, герои, потерявшие часть своей души, не верящие в ни в себя, ни в других. Сказочные персонажи также олицетворяют нереальный мир, желание уйти от повседневных проблем. И сказочные герои обладают либо силой, которая может защитить (Илья Муромец), или мудростью, которая может оградить (Баба Яга) или же может решить все проблемы (Золотая рыбка), не желание ничего делать самому (Емеля, Ванька-дурак), уход от всех обязательств и отношений (Колобок) и т. д. Формирующийся образ – это образ инфантильного поколения, безразличного ко всему и ко всем, надеющегося на удачу и на других (кто-то придет и решит все вопросы) [6].

Среди литературных образов – указаны в основном писатели (Пушкин, Некрасов, Толстой, Достоевский) и только один литературный образ – образ Обломова, апатичного человека, потерявшего всякое желание взаимодействовать с внешним миром. Представители старшего поколения также устали или не хотят, так как понимают всю бесполезность этого процесса.

В массовом сознании идет протест на жесткие формы внедрения идеологии, а так называемые «мягкие» или «бархатные» формы влияния действуют незаметно и более глубоко проникают в сознание, и, тем самым меняются представления о власти, о людях, о ценностях и т. д. Художественные произведения являются наиболее простым способом внедрения идеологических установок (фильмы Н. С. Михалкова, картины И. С. Глазунова, монументы З. К. Церители, песни А. Н. Пахмутовой и т. д.). И если в советское время власть целенаправленно занималась данным вопросом, то сегодня все пущено на самотек и отдельные работы единичных авторов не могут изменить в одночасье массовые установки.

Фильмы сильно формируют наше сознание, определяют, кого мы отнесем к героям, а кого к неудачникам. Зрительный ряд проще воспринимать и перенимать на себя поведение героев – отождествлять себя с ними. В повседневной жизни, поведение героев из фильмов накладывает отпечаток на поведение простых людей. И кто был этим «героем» в таком контексте человек и будет видеть окружающий мир и себя в нем. «Павка Корчагин» или персонажи «Форсажа» – герои будут обладать разными качествами и мироощущением [3].

Фильмы или передачи, которые высмеивают социализм, порицают тоталитарные формы управления, упрощенность жизни и быт советского человека, но и взамен ничего не предлагают. Например, фильм Ф. Бондарчука «Обитаемый остров» или А. Кавуна «Кандагар» – предлагают ситуации вне жизни народа, не дают представления как жить в нормальной жизни, где был бы показан обывательский героизм. Современных фильмов про простой героизм российского народа нет. В советское время – каждый второй фильм затрагивал тематику геройства в повседневной жизни (начиная от культовых «Семнадцать мгновений весны», «Ивановым детством», «Вечным зовом», «А зори здесь тихие», «Я иду, шагаю по Москве» и заканчивая еще доброй половиной фильмов проката Советского Союза). Это входило в одну из главных государственных задач, сегодня этого нет, и это место занимает китч¹, (например, «Любовь-морковь», сериал «Маргоша» и т. д.). Культивируемые герои сегодня представлены в таких фильмах как «Глухарь», где сам главный персонаж-милиционер вынужден нарушать закон или «Киллер», «Антикиллер», где возвеличиваются ценности отнюдь не положительных героев. Фильмы Михалкова, безусловно, показывают героев, но он является единичным автором, фильмы которого не находят поддержки у массового зрителя так как нет общего фона ценности и необходимости таких персонажей. На фоне общего китча, фильмы патриотического содержания Михалкова смотрятся таким же китчем.

Для понимания приоритетов и ценностей советского времени могут служить песни Л. Лещенко, И. Кобзон: «Главное ребята сердцем не стареть» (муз. А. Пахмутова, сл. С. Гребенников и

¹ Китч (нем. *Kitsch*), кич – термин, обозначающий одно из явлений массовой культуры, синоним псевдоискусства, в котором основное внимание уделяется экстравагантности внешнего облика, крикливости его элементов

Н. Добронравов), М. Магомаев «Голубая тайга» (сл. Эль-Регистана, муз. А. Бабаджаняна), из кинофильма «Земля Санникова» «Есть только миг» (Сл. Л. Дербенёва, муз. А. Зацепина), М. Магомаев «Лучший город Земли» (муз. А. Бабаджанян, сл. Л. Дербенёв), Л. Лещенко «Богатырская наша сила» (Муз. А. Пахмутовой, ст. Н. Добронравова), Л. Лещенко «День победы» (муз. Д. Тухманов, сл. В. Харитонов) и т. д.

Современная эстрада формирует совсем иное ценностно-смысловое содержание и представлена такими песнями как: П. Нарцис «Шоколадный заяц» (муз. М. Фадеев сл. И. Секачева), М. Хлебникова «Чашка кофею» (муз. и сл. Владимира Кузьмина), Пикник «Королевство кривых» (сл. и муз. В. Кириллова), ВИА Гра «Убей мою подругу», Г. Лепс «Рюмка водки на столе» (муз. и сл. Е. Григорьев), Л. Гурченко и Б. Моисеев «Петербург-Ленинград» (муз. К. Бретбург, сл. Е. Муравьев) и проч.

Помимо эстрады, различные телевизионные ток-шоу определяют идеалы и ценности людей: *строим любовь* в «Доме 2», а заодно приобретаем известность и славу, «Камеди Клуб», «Наша Раша», «Даешь молодежь» создает представление о том, *как живут другие люди, чем живут, что ценят и почему*. Данные программы являются китчем, но население воспринимает их зачастую за чистую монету и в той или иной степени несет это в свою жизнь – желая приблизиться к героям этих передач. Формируя совсем иные идеалы и образы, которым бы стоило подражать.

Поговорка – «*хлеба и зрелищ*» ярко иллюстрирует современную ситуацию в ценностно-идеологическом пространстве российского общества. Власть, при помощи СМИ не просто уводит население от недовольства, она притупляет способность к рефлексии и пониманию того, что что-то не так. Потребление как явление – это лишь ширма более глубинного кризиса современного человека – кризиса внутренней опустошенности.

Прайм-тайм занимают такие передачи как «Танцы со звездами» или «Бои гладиаторов» формируют общество потребителей дешевой и пустой (в интеллектуальном и духовном плане) продукции (зрелища, не требующие напряжения мысли, чувств, эмоций и т. д.). В передаче «Минута славы», подменяются настоящие герои (те, кто своим трудом, преодолением обстоятельств чего-то добивается, что-то изменяет) на ложных (тех, кто выше прыгнет, закинет ногу или руку, вытащит язык и т. д.). Также подменяется

само понятие славы – его изначальный смысл нивелируется. В советское время, граждане нашей страны были известны (и культивируемы на государственном уровне) как «народ созидатель», «народ-победитель» и именно это входило в понятие славы. Сегодня – слава отождествляется с личной известностью (не важно, в положительном или отрицательном контексте) – светская хроника, повествующая о жизни известных лиц, также заменяет смысл этого понятия.

Другие передачи также продолжают и развивают эту тенденцию. Например, «Большая разница» – интеллектуальный китч, «Шоу уральских пельменей» – бытовой китч, «Инферно» – профессиональный китч, «Счастливы вместе» – семейный китч, «Камеди клуб» – социальный китч, «Дом 2» – китч личностных отношений и ценностей и проч.

Данные явления иллюстрируют представления о том, кто является настоящим героем – человеком, достойным подражания и уважения, и кто является антигероем – человеком, достойным порицания и осуждения. Для того, чтобы существовал герой как герой (с соответствующим ореолом, ценностями и т. д.) нужен культ (культ героя), нужна государственная поддержка и одобрение этого культа. Павка Корчагин силен не сам по себе, а цитированием и присутствием в других художественных и музыкальных произведениях, где персонажам ставят его в пример – *«быть как он»* (например, «Подвиг Матросова», «Повесть о настоящем человеке»). Сегодня на государственном уровне не предлагается быть *как кто-то*. Предлагается несколько возможных путей: гламур, китч, спортивное соревнование, ток-шоу (но это профанация, а не реальные истории). Быть самим собой перестает быть нормой. Фильмы, которые это показывают не идут в широком прокате и не имеют государственной и социальной поддержки.

Одним из результатов этих процессов является нивелирование ценности и социальной значимости некоторых профессий (учителя и врачи, токари и слесари они оставили первые ряды приоритетных профессий, уступив место менеджерам и юристам, экономистам и аналитикам). Это глобальный переворот в мировоззренческих установках.

Сознание современного человека качественно изменилось – оно настроено потреблять, а не создавать, использовать, а не развивать. Телевидение – самый большой проводник культуры.

Большинство предлагаемых развлекательных и семейных передач имеют зарубежное происхождение (наши передачи делаются по кальке тех, что прошли в странах запада в 70–80 гг. XX в.). Это иллюстрирует процессы нивелирования национального сознания [8]. Те, кто смотрит эти передачи – соглашаются с авторами, и в итоге остаются наедине с пустотой и разочарованием – не все ценности западной культуры прижились и одобряются. И тогда *все плохо было и сейчас не лучше*. Это приводит к социальной апатии и отчуждению, так как старые ценности разрушились, а новые не сформировались.

Наше исследование показывает, что герои были далеко в прошлом (все указывают фигуры прошлого или далекого прошлого), о настоящем вспоминают только тогда, когда говорят об антигероях. Либо, герой нашего времени не имеет ни лица, не имени «*я не помню имена*». Это абстрактный образ, он никак не персонифицирован: «*Да много героев, на самом деле, и мне кажется, в России герой тот, кого не знают, а он герой. Он не на виду, он всегда борется, он в обыденных ситуациях герой, его вот знают люди, думают, что он герой, и он герой, а он об этом не говорит, а те, кого мы видим, не факт, что герои*», «*герой – советский народ, который выжил*», «*Герой для меня – собирательный образ, и антигерой – тоже*», «*Ребята, которые самолет посадили в тайге, спасли людей. Но Я не помню имена пилотов*», «*настоящие герои остаются в тени*», «*это наш русский простой народ*», «*работники бюджетной сферы, работающие за копейки*», «*учителя, ученые, врачи, которые работают за мизерную плату*», «*пенсионеры*» и т. д. Он герой уже потому, что живет здесь и сейчас. Это показывает то, что массовое сознание запугано, находится в рамках множества социальных страхов. И желая убежать от этого, ищет защитников-героев в прошлом, так как в настоящем их не находит (табл. 2.).

Интересен тот факт, что Сталина все больше и больше людей причисляют к героям России, чем младше возраст респондентов, тем больше процент тех, кто разделяет эту точку зрения. Отношение к Сталину поменялось на государственном уровне – теперь он не только тиран, но и один из лучших управленцев XX века – он вывел страну на передовые позиции по очень многим показателям, он изменил социальный порядок. Эта установка входит в новые стандарты образования и школьники совсем иначе оценивают роль

Сталина в истории России, нежели чем их отцы. Сталин не больше пролил крови, чем Петр I, Иван Грозный или кто-то еще. Они равнозначны между собой как в положительной, так и в отрицательной оценке. Отдаленность по времени делает эти фигуры более положительными. Пройдут века, и Сталин будет также оцениваться, как и они.

Таблица 2

Персонифицированный образ настоящего героя и антигероя России (в %)

Возраст	Настоящий герой	Антигерой
18–25 лет	Колчак (32) Петр I (42) Сталин (48)	Гитлер (36) Николай II (35) ГКЧП, КГБ, ОГПУ, НКВД (26)
26–45 лет	Александр Невский (62) Петр I (47) Колчак (36) Сталин (35) Суворов (32) Кутузов (30) Ломоносов (30)	Ельцин (67) Горбачев (62) Николай II (55) Гитлер (45)
46 и старше	Александр Невский (56) Иван Грозный (51) Владимир Красно солнышко (46) Петр I (41) Екатерина II (38) Суворов (33) Кутузов (30)	Ельцин (72) Чубайс (55) Горбачев (50)

Молодежь причисляет к антигероям Николая II и весьма эмоционально и активно это доказывают, тогда как старшее поколение его не упоминает вовсе. Тут сказывается опять же изменение установок власти, изменение оценки советского прошлого, революции 1917 г. и т. д. Для людей старшего поколения все еще сильны установки коммунизма, нацеленные против империи и царя, потому фигуру последнего императора России они предпочитают не обсуждать.

Молодые люди к антигероям причисляют целые организации и всех людей, входивших в них – ГКЧП, КГБ, ОГПУ, НКВД. Не называя имен – они порицают структуру, по сути обвиняя ее. Без людей она становится не такой страшной и обвинения можно предъявлять любые так как «социальные структуры» не наказыва-

ют. Возможно, в этом кроется внутренний страх этого поколения – взять на себя ответственность обвинить кого-то, что он не прав. Персон, которые они называют, только ленивый не укорил (Гитлер и Николай II). Лично их ответственности, мнения, решения за этими обвинениями нет.

Личностно-персонифицированный (34 %) – респонденты указывали на отдельных личностей (*Некрасов, Тютчев, Солженицын*), которые своим жизненным примером показали, что значит быть патриотом своей Родины, как служить своему государству.

Формально-бюрократический (23 %). *«Истинный гражданин это тот, кто родился в этой стране, а не получил гражданство. Создал свою семью. Вот он – настоящий гражданин России», «Гражданин – тот, кто, прежде всего, имеет гражданство, живет-работает во благо государства российского».* Эта группа основывается на правовых нормах, формальных и юридических основаниях проживания на территории России, лишая все культурно-религиозные и ментально-психологические основания, личностные убеждения и позиции, права на формирование представлений об истинном гражданине. Во многом, данная позиция объясняется глобализационными тенденциями, охватившими весь мир.

Национально-патриотический (16 %). *«Я себя чувствую гражданином России, когда фильмы показывают про Отечественную войну, я чувствую себя гражданином России. Это лучше, чем футбол однозначно, вообще 100 %», «Я себя чувствую гражданином России, когда идет парад».* Данная группа респондентов четко показывает роль государства, идеологии в организации знаково-символического пространства в общественном сознании населения страны, через фильмы, песни, парады и прочие символы, показывающие величие государства. Истинный гражданин это тот, кто приобщен к этим знакам и символам, чувствует трепет, боль, гордость за то, что он является частью более великого.

Личностно-ответственный (15 %). *«Истинный гражданин – это тот, кто, например, заходит в подъезд, видит, что там грязно, он берет веник и подметает мусор, и не только потому, что это его подъезд», «Истинный гражданин должен быть сознателен, он должен любить свою страну, понимать, что мы живем в этой стране. Принимать те порядки и условия, которые тут есть. А уж потом он должен следовать законам этой страны, не нарушать их».* Данная группа респондентов считает, что

власть такова, какой ее выбрал сам народ и все перемены начинаются снизу. Если ждать, что кто-то придет и изменит жизнь к лучшему, то ничего не изменится. Перемены возможны только при личном участии и при ежедневной работе с собой каждого жителя страны. Мы сами создаем тот мир, в котором живем.

Негативно-пессимистический (12 %). *«Гражданин тот, кто живет в этих условиях», «Граждане – это мы, потому что, несмотря ни на что – мы тут живем», «Памятник надо ставить нам, потому что мы все еще живем в этой стране».* Данная группа не смотрит в будущее, она подчеркивает свои проблемы и то, что они все еще тут живут повышает их собственную значимость. Герои – это они сами, потому что все еще тут, те, кто уехал из страны – они антигерои. Это своеобразная психологическая защита, возникающая у части населения в связи с беспомощностью и беззащитностью перед социальными, экономическими, политическими переменами.

Особо остро чувствуют себя гражданином респонденты или при победе спортивных команд (62 %) или при прослушивании гимна (23 %). *«Победы наших спортивных команд на любых уровнях, т. е. Олимпийские игры. Да, вот в эти моменты чувствуешь себя гражданином России», «При просмотре футбола в барах», «В основном чувство гордости возникает от спортивных побед». «Да, были такие моменты, когда ты представляешь свой регион, свою страну на каких-то мероприятиях, выездах».* Иные сферы гордости: *«Мне очень понравилось, когда я заходил в музей в Москве, и я, как гражданин России, мне надо было меньше платить, чем иностранцу, я очень был горд, что вот так построено именно для россиян. Дешевле порядка в два раза», «Когда я слышу какие-то нововведения, да, в социальной сфере. Трансформация, модернизация, все эти проекты национальные... И я понимаю, что большие эти преобразования меня как гражданина касаются, и я себя особо остро ощущаю».*

Таким образом, обобщив все вышеизложенное, мы можем констатировать трансформацию сознания россиян. Она отражается в двух аспектах. Первый – уход от созидательного восприятия мира к потребительскому поведению (приоритетной установкой становится «брать», а не «давать», «использовать», а не «создавать»). Второй – отрицание знаний и опыта предшествующих поколений, что приводит к разрыву социальной преемственности и социокультурной стагнации.

Государство не предлагает опор и ориентаций для населения, это приводит к оттоку населения в другие страны, уменьшению рождаемости, увеличению преступности и коррупции и т. д. Героям не место в повседневной жизни, но их нет и на экране. Поэтому, нет образа сегодняшнего героя нашего времени. Он размыт и определяем по косвенным критериям, не всегда выработанных коллективным опытом предшествующих поколений.

Не ставятся во главу угла достижения на государственном уровне, ценны и показательны достижения только личного характера. Университетская среда также теряет приоритет в данном направлении. Но, не опираясь на предшествующий опыт, невозможно идти вперед. Современное общество не хочет опираться на прошлое, возможно, поэтому и в будущее так тяжело идет. Это результат трансформации государства и вследствие этого, изменение внутренних ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Р. В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108–112.
2. Иванов Р. В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
3. Иванов Р. В., Полошкоевич О. А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
4. Полошкоевич О. А., Степаненко А. С. Трансформация ценностей россиян: герои и обыватели // Политика и общество. 2012. № 9. С. 4–13.
5. Полошкоевич О. А. Идентичность и государственные символы: трансформация социальной эмпатии // Социология. 2014. № 1. С. 138–147.
6. Полошкоевич О. А. Ритуалы как социальные конъюнктуры // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 338–341.
7. Скуденков В. А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84.
8. Скуденков В. А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск. 2018. С. 48–53.

The role of the university in the formation of images of heroes in the mentality of Russians

Zhuravleva I. A.

Abstract. The article analyzes the processes of constructing images of heroes, traces the role of the university environment in this process. Historical and social, personal and social images of heroes that are relevant to contemporaries are analyzed, and the forms and tools for changing these images are revealed in order to construct a state-relevant, ideologically balanced image of the hero of our time. Reliance on the images of heroes forms the identity and mentality of the inhabitants of a particular region of the Russian Federation, determines its values and motives, worldview and

attitudes, forms and development priorities. The article proposes a typology of heroes and anti-heroes by age and the conditions for their transformation when the state policy in the field of historical memory and patriotism changes. It also discusses the resources and strategies for changing these images in a university environment, identifies crisis moments and strategically strong nuances that rely on images of fairy-tale characters and historical characters of the past.

Keywords: characters, patriotism, mentality, university environment, patriotism, historical memory, state policy.

Ресурсность и «магия» городской точки кипения

Калужнова Н. Я., Кошурникова Ю. Е.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Идентичность региона определяется, в том числе, пространствами и форматами, которые позволяют ощутить единство с городом, регионом, его целями, позволяют реализовать потенциал личности, включая его в общественно-полезный контекст. Среди совсем новых форматов событийно-пространственных элементов территории заметно выделяется новый, названный Точкой кипения. Это институционально определенное помещение проведения различных общественных мероприятий. В статье рассмотрены отличия Точки кипения от обычного коворкинга. Проведен теоретический анализ, позволяющий понять значение и возможности точки кипения. Излагается концепция Иркутской Точки кипения. Проведен анализ результативности первой точки кипения в г. Иркутске. Показано ее значение как ресурса развития и идентичности жителей.

Ключевые слова: точка кипения, сообщество, близость, социальный капитал, идентичность

Эффект объединения, взаимодействия описан в разных теоретических подходах. Теория систем делает акцент на эффекте синергии – несводимости свойств системы к свойствам ее элементов и аддитивности – получению дополнительного результата от объединения. В марксистской теории развития промышленности рассмотрены стадии объединения – простая кооперация, мануфактура, фабрика, которые различаются наличием разделения труда и ролью человека. Теория социального капитала акцентирует внимание на социальном взаимодействии и его влиянии на экономическое развитие общества [1]. Теория близости говорит о том, что близкое местоположение позволят получить дополнительные экономические выгоды участникам за счет перелива знаний и объединения фирм в кластеры [2].

Важным фактором обеспечения конкурентоспособности стран и территорий развитие инфраструктур – промышленной, транс-

портной, рыночной, информационной. С развитием знаниевого общества необходимостью становится создание инфраструктур, обеспечивающих обмен и перелив знаний, создание «обучающегося региона» [3]. Для этого необходимым условием является не только физическая инфраструктура, но создание условий для доверительного взаимного диалога людей, что обеспечивает условия для развития инноваций.

Целенаправленное воздействие на социальные объекты, к которым относятся люди и группы, для получения заданного результата относят к социальным технологиям. Научный подход к социальным технологиям направлен на изучение процессов целенаправленного воздействия на социальные объекты. Соответственно социальные технологии включают цель, средство и результат, при допущении определенной вариативности, как самих действий, так и результатов.

Важной социальной, психологической и экономической задачей сегодня является развитие творчества, креативности, инновационности, от которых зависит движение экономики. Знаковой работой по изучению условий и факторов для развития мысли и инновационности в обществе и группах является исследование Л. Граттон [4]. Места, где имеются такие условия, названы ею Точками кипения. Такие места могут возникать в организациях или общественных пространствах при наличии следующих условий: готовность к сотрудничеству, стирание границ, зажигательная цель, результативный потенциал. Акцент на сотрудничество нужен, чтобы высокий потенциал участников не приводил к набору суперзвезд. Стирание границ сотрудничества ведет к появлению новой ценности. Зажигательная цель привлекает и заинтересовывает в сотрудничестве. Результативный потенциал зависит от умения перестраиваться, использовать продуктивные методы работы, находить уникальные приемы. Вместе эти элементы создают контекст, в котором создается и выпускается скрытая энергия сообщества.

Важным теоретическим подходом является обоснование необходимости взаимодействия власти, бизнеса и вузов в концепции инновационного развития Г. Ицковица «тройная спираль» [5]. «Тройная спираль» – это модель развития на основе взаимодействия власти, бизнеса и науки, в которой утверждается, что в результате генерации знаний вузами благодаря сотрудничеству с властью, и последующего трансфера технологий при сотрудниче-

стве вузов с бизнесом, появляются и выводятся на рынок принципиально новые продукты.

Точки кипения как институциональный формат

Новый формат, обеспечивающий взаимодействие людей по модели «тройной спирали», названный «Точкой кипения», появился в России примерно в 2014 г. Это проект Агентства стратегических инициатив (АСИ), который состоит в создании федеральной сети коворкинг-центров для коллективной работы различных сообществ и индивидов, разного возраста и интересов.

Точка кипения – институционально и физически определенное пространство для проведения различных общественных мероприятий представителями сферы образования, науки, бизнеса, госслужащими, членами общественных организаций и профессиональных сообществ, студентами, теоретиками и практиками. Это площадка, на которой люди могут делиться своим опытом, результатами деятельности, обсуждать проблемы и создавать модели регионального развития, как по своим направлениям, так и во взаимодействии разных групп.

Процесс создания Точек кипения имеет формальные требования соответствия, которые предъявляются инициатором этого федерального проекта – АСИ. Данный институт развития предъявляет модель организации технологических процессов, предоставляет доступ к единой всероссийской электронной информационной площадке Leader-ID2; делится методологией работы и оказывает консультационную поддержку. Для тех, кто хочет организовать Точку кипения необходимо соблюсти определенные требования к набору помещений, дизайну, ремонту и техническому оснащению. Все остальное является делом творчества местного сообщества.

Цель создания Точек кипения – способствовать увеличению социальной и деловой активности, выявлять перспективные идеи, способствовать их реализации. В ряде регионов создание Точек поддерживается властями, цель которых – создать условия для развития профессиональных кадров, роста инвестиционной привлекательности региона, для чего можно использовать возможности Точек кипения.

Для выполнения названных функций Точка должна иметь хорошую инфраструктуру, на которой могут развиваться социальные и деловые активности, проекты, инициативы, полезные для города и региона. Но этого недостаточно. Она должна способствовать

увеличению количества и качества таких активностей, создавать условия для обмена информацией, поддерживать инициативы. Можно сказать, что такого формата взаимодействия еще не было в истории страны.

С 2014 по 2018 г. в России открыто 16 Точек кипения, и ведется работа по их дальнейшему распространению. Все Точки кипения работают по сетевому принципу, объединяющей платформой служит информационная платформа Лидер-ID, где каждый может зарегистрировать свое мероприятие в Точке, зарегистрироваться на участие в любом мероприятии, дается информация по мероприятиям в разных Точках, и много другой информации. Фиксируется активность каждого участника и ее виды. Таким образом, сеть Точек виртуально объединяет активных людей и активных лидеров, способных принимать решения.

В 2018 г. была введена в действие Иркутска общегородская Точка кипения. После полутора лет работы можно подвести провести анализ Иркутской Точки, поставив две задачи, вынесенные в заголовок: 1. Дает ли Точка кипения новый ресурс для регионального развития. 2. Почему «магия»?

Кейс Иркутской точки кипения.

Проект иркутской Точки кипения инициирован в 2017 г. и реализован общественной организацией клуб «Байкальские стратегии» как организационно, так и путем финансирования за счет пожертвований членов клуба и его спонсоров. За полгода найдено помещение, сделан ремонт, оснащение техникой и мебелью, оформление, проведены выборы программного директора. 9 октября 2017 г. иркутская Точка кипения начала свою работу в тестовом режиме, в апреле 2018 г. состоялось официальное открытие.

Что происходит в Точке кипения? Здесь идет коллективная или индивидуальная работа, проходят встречи, переговоры, лекции, тренинги, общественные слушания, круглые столы, обучающие семинары, обсуждения проектов, заседания общественных организаций и даже научных лабораторий. В мероприятиях может принять участие каждый желающий, пространства разгорожены прозрачными стенами или шторами. Приходящие в Точку получают возможность обмена опытом, доступ к знаниям, профессиональным сообществам и авторитетным экспертам, новым идеям и технологиям. Они могут создать группу, объявить себя лидером группы, разработать программу работы группы или проект.

В Иркутской точке выделены определенные приоритеты на основе деятельности ядерной группы и активных сообществ. Приоритеты выстраиваются с учетом приоритетов программы НТИ, которую тоже курирует АСИ. К приоритетам иркутской точки отнесены: Биотех, Городская среда, Образование, Цифровая экономика, Туризм, Промышленные технологии.

4. «Магия» Точки кипения.

Опыт работы Точки кипения показывает, что люди, которые приходят в точку случайно, не будучи замотивированы на решение общественно полезных задач или чуждые духу Точки, постепенно из нее исчезают. Происходит и другое явление – каким-то «случайным» образом появляются нужные люди, с нужными компетенциями, с нужными идеями и проектами. Это можно расценить как магию (чудеса, волшебство). Однако один из трех законов, сформулированных писателем-фантастом Артуром Кларком, гласит: Любая достаточно развитая технология неотличима от магии.

Имеется ли технология, которая обеспечивает достижение целей Точки? Одно из возможных определений технологии – это то, что можно описать, и воспроизвести по описанию, получив на выходе запланированный продукт. Продукт с определенными параметрами и описание действий по его производству и последовательности действий составляют технологию. Особенности социальных технологий – вариативность.

Рассмотрим технологию работы Точки кипения с учетом вариативности социальной технологии, ее основные элементы: цель, результат, который можно трактовать как достижение цели, механизм действия и этапы.

Цель создания Точек кипения, запланированная АСИ – способствовать увеличению социальной и деловой активности, выявлять перспективные идеи и способствовать появлению и осуществлению инновационных проектов. Эта цель не противоречит цели региональных органов власти – создать условия для развития профессиональных кадров, роста инвестиционной привлекательности региона.

Результатом Точки следует считать: число активных лидеров, активность, которую можно измерить числом мероприятий и вовлеченных в них людей, число начатых и реализованных проектов. За год работы иркутской Точки было проведено 1100 мероприятий, в которых приняло участие 20 000 участников, в том числе

8000 уникальных участников (пришедших впервые). На период начала июня 2019 г. число мероприятий насчитывает уже 1300, около 25 000 участников за все прошедшее время, из них – 10 800 уникальных. То есть происходит нарастание числа мероприятий и участников [6].

При этом имеет значение и качественный аспект указанных результатов. Мероприятия проходили с участием известных и зарубежных экспертов, членов законодательного собрания и правительства региона, руководителей крупных промышленных и общественных организаций. Обсуждались вопросы федерального законодательства по озеру Байкал, по результатам которого направлено письмо в Совет Федерации; вопросы «мусорной реформы» с выработкой рекомендаций; результаты и проблемы проекта «Великое озеро великой страны», Стратегия пространственного развития страны и региона; создания федерального Агропромышленного кластера на территории Иркутской области. Проходят заседания и мозговые штурмы разных групп: Клуба «Байкальские стратегии», Клуба «ТРИЗ – дело Иркутск», «Байкальские Размышления», выпускников Президентской программы, «Лекарственное растениеводство», «Личностный рост», «Умная школа», НКО и т. д.

Много проходит разных обучающих занятий: «Математика и Python», «Искусственный интеллект», «Блокчейн», ораторское искусство, личная эффективность, нетворкинг, личные финансы, эмоциональный интеллект. Здесь же проходят обучающие курсы Фонда поддержки предпринимательства. Следует особо отметить, что все занятия должны проходить строго бесплатно. Возможна, также такая ситуация, что здесь проводятся информационные занятия по платным курсам, которые идут в других местах.

Механизм действия. Суть механизма действия Точки состоит в сгущении активных событий, лиц, идей, которые переплетаются в ходе общения. Предполагается, что это общение постепенно становится более доверительным, рождаются новые идеи или подтверждается полезность неявных идей, бродивших в умах. В ходе доверительного общения происходит выявление «неявного личностного знания» [7], рождение инноваций как диалогового процесса доверительного взаимодействия [8], реализуется эффект «близости» [9], нарабатывается способность эффективного социального взаимодействия с положительным результатом – социальный капитал Путнама [10]. Важно то, что в этот процесс втягива-

ются властные органы, молодежь. Здоровая конкуренция возникает за получение лучших результатов при информировании общественности о результатах.

Следует отметить, что результат снижает образование т. н. групп Олсона, т. е. групп, нацеленных на получение групповой (клановой) выгоды [11]. Такие группы тоже могут иметь место. В этом случае не происходит свободный обмен знаниями. Кроме того, возможна недобросовестная конкуренция, присвоение идей, разрабатываемых одной группой (индивидом) другими. Эти отрицательные эффекты следует также фиксировать для дальнейшего изучения.

Элементы технологии: команда, ядерная группа, регистрация, поддержка. В команду входит Лидер и Программный директор, которые являются ключевыми фигурами Точки кипения. Важным элементом является ядерная группа. Лидер – авторитетный человек в регионе, который должен понимать ценность Точки кипения и готов собирать сообщество для решения практических задач, связывать команду с ключевыми игроками внутри города и региона. Программный директор разворачивает концепцию Точки в практической реализации, обеспечивает коммуникацию с организаторами мероприятий, новые форматы, выполнение требований Точек Кипения, поддержание высокого качества мероприятий и позитивное отношение постоянных посетителей. К технологии относится «ядерная группа», в которую входят представители активных региональных сообществ, партнеры, руководители проектов и другие участники экосистемы НТИ.

Выводы. Точка кипения служит инструментом поиска, вовлечения, развития и продвижения лидеров, команд, проектов и инициатив, оказывающих значимое влияние на социально-экономическое развитие России в области образования, государственного и муниципального управления, цифровой экономики и технологического развития. Она служит акселератором развития лидеров. Лидерский потенциал является важным ресурсом современного развития. Ресурсом современного развития также является взаимодействие разных кругов. Точка кипения реализует функцию коммуникационной площадки, на которой может осуществляться это взаимодействие. Таким образом, лидерский потенциал и взаимодействие обеспечивают ресурсность Точки кипения. Вопрос оценки качественных результатов Точки требует дальнейшего изучения.

Традиционно Иркутский регион рассматривается как ресурсный регион, богатый прежде всего природными ресурсами. С точки зрения человеческого капитала, то этот ресурс был накачан советскими стройками БАМа, гидроэлектростанций и других крупных промышленных объектов. По завершении периода «великихстроек» человеческий капитал стал «утекать из региона» не находя себе здесь прибыльного применения в сравнении с другими регионами. Прибыльное применение означает возможность использовать ресурс человеческого капитала (здоровье, образование, и прочие способности) для получения желаемого образа и качества жизни.

За сто лет XX века люди достигли Плутона (2015), с помощью автоматической межпланетной станции, научились не только говорить с людьми с других континентов в реальном времени, но и видеть их на мобильных устройствах, научились производить и передавать ценность через интернет с помощью криптовалюты, в ближайшее время роботы научатся выполнять большинство человеческих функций. Будет освоен синхронный перевод с любого языка, и даже гаджеты будут вмонтированы в тело. Но проблемы мирного и плодотворного человеческого взаимодействия будут оставаться одними из самых важных даже в это высокотехнологичное время вследствие разницы людей и коммуникационных барьеров. Точка кипения – это социальный формат, который положительно решает некоторые из этих проблем взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Woolcock, M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // *Theory and Society*. 1998. Vol. 27. P. 151–208.
2. Englmann F., Qalz U. Industrial Clusters and Regional Growth in the Presence of Local Inputs // *Journal of Regional Science*. 1995. Vol. 35. P. 3–27.
3. Florida R. Toward the Learning Region // *Futures*. 1995. Vol. 27, N 5. P. 527–536.
4. Граттон, Л. Точки кипения. Как организации, группы и команды создают энергию для развития инноваций : пер. с англ. Берреетт-Kothler Publishers, 2008. 288 с.
5. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии : пер. с англ. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
6. Отчет о работе Точки кипения за 2018 г. Иркутск, 2019.
7. Hayek, F. A. The Use of Knowledge in Society // *American Economic Review*. 1945. Vol. 35. Sept. 4. P. 519–530.
8. Калужнова Н. Я. Конкурентоспособность в новой экономике: Иркутск : ИГУ. 165 с. https://elibrary.ru/download/elibrary_20392402_34290444.pdf
9. Cairncross, F. The Death of Distance. Boston Mass. : Harvard Business School Press, 1997.
10. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996.
11. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М. : Новое издательство, 2013.

Resource and “magic” city boiling point

Kalyuzhnova N. Ya., Koshurnikova Yu. E.

Abstract. The identity of a region is determined, inter alia, by spaces and formats that allow one to feel unity with a city, a region, its goals, allow one to realize the potential of an individual, including it in a socially useful context. Among the entirely new formats of event-spatial elements of the territory, a new one, called the Boiling Point, stands out. This is an institutionally defined venue for various social events. The article discusses the differences between boiling points and regular coworking. A theoretical analysis has been done to understand the value and possibilities of the boiling point. The concept of the Irkutsk Boiling Point is described. The analysis of the effectiveness of the first boiling point in the city of Irkutsk has been done. Its value as a resource of development and identity of the inhabitants is shown.

Keywords. Boiling Point, community, proximity, social capital, identity.

Современное содержание социальной справедливости на основе взаимодействия государства и общества

Иванов Р. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье приводится анализ содержания понятия социальной справедливости на современном этапе развития общества. В рамках исследования, следует отметить, что в современном обществе набирают силу национальные элементы общественного сознания в процессе поиска основ справедливости в отношении роста количества и качества культурного состава русского народа. В итоге, в процессе общественного развития категория справедливости обращает на себя внимание благодаря наличию связи с формированием нормативных, правовых, а также неформальных составляющих конкретного социума.

Ключевые слова: социальная справедливость, правосудие, общество, уравнение, распределение

В последние годы в нашей стране возрастает интерес к пониманию и изменению смысла значения справедливости. Содержание идеи государственной справедливости, основанной на правосудии, входит в различные противоречия с идеей социальной справедливости и справедливости народной. В обществе развивается национальная дискуссия на тему справедливости; среди участников представители различных социальных слоев: эксперты, религиозные деятели, предприниматели, политики, научные сотрудники. Доминирует дискурс на консервативной основе как результат социальной потребности конца XX – начала XXI в. «В отличие от моральной философии, сводящейся к утверждению «категорических» принципов и выводов, проистекающих из этиче-

ских представлений о добре и зле, в социологии и политической науке социальная природа справедливости носит более конкретный характер и всегда открыта для научной критики и корректировки. Отечественные авторы обращают внимание на то, что социальную справедливость нельзя свести лишь к определенной юридической формуле, философской дефиниции, моральной максиме или политико-идеологической доктрине. Данное понятие носит многогранный полифонический характер, отражающий интересы и потребности самых разнообразных групп» [4, с. 26].

В современном обществе ситуация в большей мере зависит от экономических достижений, классические формы и периоды апробирования идеологий прошли. Современный мировой рынок определяет доходность и прибыльность, экономическую эффективность государства с определенной идеологией; в условиях поиска путей эффективного развития национальной экономики идеология становится совершенно излишним элементом.

В рамках перспективного развития особого внимания заслуживают экономические и хозяйственные формы объединений, способные создавать национальный продукт для поддержания жизнеспособности и обеспечения развития общества. Сложность структуры таких объединений и организаций препятствует созданию рационального взаимодействия и достижению доверия. Стремление к обеспечению высокого уровня доверия в обществе способно в результате привести к положительному экономическому эффекту.

От общественного доверия зависят процессы перераспределения, производства, накопления и потребления национального и общественного продукта. Кроме того, общественное доверие приобретает политическое значение в отношении управления собственностью. В процессе централизации система государственного управления способствует разрушению социальных связей и общественного доверия. В основе доверия лежит благоприятный настрой и ожидание со стороны отдельных лиц или организаций высокой вероятности положительного результата. В современной отечественной оценке доверие понимается как некий универсальный социальный институт, существующий в течение всей истории человеческого общества. Стремление к общественной деятельности обеспечивается доверием при малой затрате времени и сил в процессе согласования. Среди функций доверия важной общественной функцией является функция уравнивания социаль-

ного и культурного разнообразия. Доверие функционально формирует солидарность и идентичность между членами общественных групп и способствует социальной интеграции.

В результате государство посредством мягкой силы, пропагандистскими методами формирует в сознании представителей общества положительное отношение к представителям системы государственного управления и власти в целом. Демонстрация политической воли в выборе путей решения конкретных политических проблем, подобных крымскому вопросу, приводит к отсутствию критической реакции у населения и росту доверия к власти, снижает уровень социальной напряженности.

В XX в. теории социальной справедливости развивались и реализовались на практике в рамках действия идеологических учений на территории государств Восточной и Западной Европы. Основы социальной справедливости воплотились в законодательстве идеологизированных коммунистических, фашистских и нацистских правительств: стремление к достижению социальной справедливости ориентировано на все слои населения без серьезных протестов со стороны влиятельных представителей общества. «В свою очередь, обращение к социальной справедливости позволяет легитимизировать изменения в социальной политике на основании сформулированных представлений о справедливом обществе и соответствующих им норм и правил. Изменения в российской социальной политике на протяжении двух с лишним десятилетий после распада СССР привели к переориентации модели и тому, что сейчас мы имеем дело с другим государством и другой социальной политикой и институтами, её обеспечивающими» [2, с. 19].

На современном уровне рыночных отношений возникает ситуация, при которой многообразие нравственных, правовых и экономических составляющих приводит к противоречиям в различных формах. К примеру, современная направленность на получение прибыли далеко не всегда на практике воплощается в соответствии с моралью и правом. Представители современного бизнеса в реализации своего взгляда на справедливость вступают в противоречие с нормами общественной морали. Следует обратить внимание, что подобные ситуации характерны для бизнеса в развитых странах мира, где реальные события говорят о серьезных нерешенных проблемах в области соотношения морали, законности и прибыли.

«Понятию справедливости близко понятие равенства, поскольку неравенство или равенство социальных групп может оцениваться как справедливое и как несправедливое. И все же в отличие от понятия справедливости понятие равенства акцентирует внимание на совпадении, одинаковости, сходимости, взаимозаменяемости целей, ценностей, позиций, престижа, доступности благ различных социальных групп» [1, с. 273]. Каждый уровень такой пирамиды содержит свои меры и нормы уравнивания, каждая более высокая ступень представляет собой образ привилегий перед предыдущей ступенью. Вся система привилегий, таким образом, является целостным комплексом преимуществ для всех индивидов, находящихся вне её влияния.

Наличие привилегий у одних перед другими членами общества является принципиальной, зачастую необъяснимой проблемой уравнительной справедливости, напрямую связанной с насильственным характером уравнительных норм и самого режима. «...Можно предположить, что утрата человеком справедливости ведет к разочарованию, отчуждению и от других добродетелей. Как замечает выдающийся историк, искусствовед А. И. Некрасов, Справедливость – дитя неудовлетворенности человека жизнью. Довольный человек в справедливости не нуждается и не говорит о ней, даже будучи членом развитого общества» [2, с. 819]

Неофициальное принуждение формирует принцип формального равенства и другие объективные свойства права, а, напротив, они требуют их признания, реализации и защиты в общеобязательных формах. Таким образом, закон может, как соответствовать праву, так и расходиться с ним в случае возможных ошибок законодателя, а также различных злоупотреблений формой закона. Проблема соотношения права и закона имеет фундаментальное значение для всех направлений теории и философии права прошлого и современности.

В результате суть распределения состоит не только во внедрении в сознание индивидуумов принципа необходимости распределения экономических благ, также параллельно происходит процесс постоянного противостояния и распределения власти через делегирование части властных полномочий общественным структурам.

«Говоря о современных российских реалиях, стоит констатировать возрастание социальной неудовлетворенности, напряженности, дезинтеграции. Люди все больше не уверены в себе, в своем

будущем и тем более в будущем своих детей» [5, с. 44]. Справедливость на одном уровне с безопасностью и частично со свободой может рассматриваться как одна из базовых ценностей процесса развития общества.

Цивилизационная тенденция в развитии общества, связанная со снижением уровня опасности в жизнеобеспечении, функционально входит в состав организации обществ и различных по уровню развития групп. В связи с этим среди основных ценностных категорий общественного развития можно выделить безопасность как всеобщее стремление к улучшению качества жизни и снижению уровня угроз для физического существования в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладышева А. С., Стоянов И. А. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 2. С. 273–279.
2. Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 18–50.
3. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Отношение студентов России к социальной справедливости: региональные различия // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты : материалы V Тюмен. междунар. социол. форума. Тюмень, 2017. С. 819–827.
4. Зимин А. В. Проблема социальной справедливости в современной России: теоретические и прикладные аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9. С. 26–37.
5. Иванов Р. В., Полошкевич О. А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.

Modern content of social justice on the basis of interaction between the state and society

Ivanov R. V.

Abstract. The article analyzes the content of the concept of social justice at the present stage of development of society. In the framework of the study, it should be noted that in modern society, national elements of public consciousness are gaining strength in the search for the foundations of justice in relation to the growth of the number and quality of the cultural composition of the Russian people. As a result, in the process of social development, the category of justice attracts attention due to the connection with the formation of normative, legal, and informal components of a particular society.

Keywords: social justice, justice, society, equalization, distribution

Культура патриотизма в университетской среде

Малых С. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье приводятся результаты интернет-опроса студентов среди разных вузов России в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся на различных ступенях образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура). В ходе исследования выявили несколько приоритетов в развитии и освоении социальных ролей студентов через формирование культуры патриотизма в университетской среде: быть свободно ответственным студентом; быть эмоционально чутким и открытым студентом, проявлять эмпатию в реальных поступках и действиях; знать прошлое своей страны, знать ее историю. Также выявились основные социальные идентичности студентов: социально-статусные, социально-семейные, гражданско-государственные и национальные роли. Выделены особенности территориальной идентичности студентов: особенно выражены государственная (принадлежность к России) и городская (принадлежность к городу), менее выражена и значима региональная идентичность (принадлежность к Малой Родине). Обозначены выводы о культуре патриотизма и на что стоит опираться органам власти при формировании государственной патриотической политики.

Ключевые слова: культура патриотизма, университетская среда, социализация студентов, герои, историческая память, Родина, малая Родина

Социализация студентов связана с усвоением различных социальных ролей, когда помимо знаний и навыков, студенты получают опыт и связи, осваиваются нормы и функции, которые могут дать возможность в будущем реализовать себя с новых сторон, в новых пространствах и сферах.

Восприятие патриотизма также становится приоритетом в формировании личности студентов, так как благодаря любви к Родине, оценке ее исторической значимости, роли личности в истории и много другого, формируется культура толерантности, многофакторности развития личности и общества.

Стало уже общим местом в социально-гуманитарных науках то, что патриотизм и социальная и территориальная идентичность являются основами развития национального самосознания. Поэтому, опираясь на данное положение, в 2019 году мы провели интернет-опрос (InternetOpros.ru), в котором приняло участие 1230 человек в возрасте от 18 до 25 лет, все они являются студентами бакалавриата или магистратуры или аспирантами вузов, 60 % женщины и 40 % мужчины, проживающие в разных регионах России.

Результаты нашего исследования показывают то, что есть несколько приоритетов в развитии и освоении социальных ролей

студентов через формирование культуры патриотизма в университетской среде.

Первое – это быть свободно ответственным студентом. Ответственность достаточно сложное и емкое понятие. Оно может по-разному трактоваться. Ответственным за себя, свои мысли, поступки и действия (50 %). Ответственным за семью, друзей, соседей (32 %). Ответственным за граждан твоей страны и всех людей (18 %). Отвечать за себя, а тем более за других – большая ответственность. Но только тот, кто знает, что и как делает – может по-настоящему служить своей Родине.

Второе – это быть эмоционально чутким и открытым студентом, проявлять эмпатию в реальных поступках и действиях. Социальная эмпатия достаточно сложно воспитуемое явление, это результат скорее личностной реализации. Среди студентов чувствуют сострадание и эмпатию – 67 %, но готовы ее проявить в реальных поступках – лишь 33 %. Следовательно, студенты могут быть сопричастны тем или иным процессам или действиям, но не готовы лично помогать, решать и как-то действовать в решении данных вопросов.

Третье – это знать прошлое своей страны, знать ее историю. Тут включается политика исторической памяти, политика государства в отношении прошлого – что запоминают о значимых и знаковых событиях прошлого современные студенты, кто транслирует эту информацию? Западные СМИ могут кардинально исказить данные о тех фактах, где участвовала наша страна, изменив оценку и значимость тех или иных событий (начиная от победы во второй мировой войне, заканчивая освоением космоса или изобретением оружия или чего-то еще). Среди опрошенных студентов могут назвать данные о прошлом нашей страны в деталях, с историческими уточнениями и т. д. 24 %, отдельные эпизоды в общих чертах могут назвать – 40 %, затрудняются в описании событий недавнего и далекого прошлого более трети студентов – 36 %. Это результат отсутствия идеологической политики в области исторической памяти молодежи. Если ситуация не изменится, то дети современных студентов будут верить в совсем иные факты о прошлом своей страны, сформированные не нашим государством, не соответствующие реальной политике, а необходимые внешним силам.

В студенчестве закрепляется представление о социальной и территориальной идентичности. Патриотизм опирается именно на эти формы идентичности, развивая и укрепляя их через образы и символы.

В рамках социальной идентичности студенты чаще говорят о биолого-антропологических ролях (мужчина и женщина, человек) – 21 %, о социально-статусных ролях (студент(ка), работник, специалист, профессионал и проч.) – 28 %, о социально-семейных ролях (дочь, сын, муж, жена, сестра, брат, племянник(ца) и т. д.) – 35 %, о гражданско-государственных или национальных ролях (гражданин, россиянин(ка), русский(ая), россиянин(ка) и проч.) – 16 %. Гражданско-государственные роли занимают наименьшее количество ответов – это сигнал к органам власти, что они теряют контроль над национальным самосознанием, над идентичностью и патриотизмом молодежи, которая все меньше себя ассоциирует как часть данной страны.

Территориальная идентичность еще более четко это подчеркнула. Со страной на уровне государства себя идентифицируют только 48 % респондентов (мы россияне, мы граждане Российской Федерации и т. д.). С регионом уровень идентификации еще ниже – 22 %. А это критерий принадлежности к Малой Родине. Если он становится ниже, то говорить об укреплении регионального социума практически невозможно. Есть только формальные показатели – принадлежности к региону (место проживания или обучения), но нет внутренних связывающих нитей. Городская идентичность – связанная с принадлежностью к жителям того или иного города (Иркутска, Ангарска, Шелехова, Черемхово и т. д.) – составляет 30 %, что также не высоко, но при этом студенты чаще себя идентифицируют с тем, городом, где они живут. Это вполне соотносится с данными Р. В. Иванова [1; 2] и О. А. Полюшкевич [3–5].

Патриотизм студенты воспринимают как ресурсное восприятие своей Родины, когда можно гордиться ей, за какие-то события, людей, процессы. Экономические условия и ограничивающие формы развития и социализации молодых людей уменьшают уровень доверия и удовлетворенности жизнью, но при этом развивают разнообразные формы экономического патриотизма (В. А. Скуденков [6; 7]).

«Патриотизм – это готовность быть тем, кто ты есть и не стыдиться этого». Это фраза одного из участников опроса стала

основой для понимания патриотического развития современных студентов. Но далеко не все гордятся собой, многие стыдятся.

Я горжусь тем, что я гражданин России – 38 %.

Я горжусь тем, что я гражданин своего города – 44 %.

Я горжусь тем, что я человек – 26 %.

Я горжусь тем, что я мужчина / женщина – 30 %.

Современным студентам стыдно, прежде всего, за «низкий социальный и экономический уровень жизни» – 29 %, за «отсутствие перспектив личного, экономического и социального развития» – 36 %, за «угнетение советских граждан» – 24 %, за «слабость в отстаивании интересов России на международной арене» – 11 %. Иными словами, современным студентам стыдно не за прошлое, а за настоящее той страны, в которой они живут.

И чтобы сформировать культуру патриотизма, необходимо менять настоящие сценарии развития страны как внутри, так и за своими пределами. Необходимо показывать кем по-настоящему можно гордиться, кто является живым примером патриотизма. Тогда и культура патриотизма в университетской среде будет формировать более цельных личностей, которые смогут развивать страну во всех сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Р. В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108–112.
2. Иванов Р. В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
3. Иванов Р. В., Полошкевич О. А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
4. Полошкевич О. А., Степаненко А. С. Трансформация ценностей россиян: герои и обыватели // Политика и общество. 2012. № 9. С. 4–13.
5. Полошкевич О. А. Идентичность и государственные символы: трансформация социальной эмпатии // Социология. 2014. № 1. С. 138–147.
6. Скуденков В. А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84.
7. Скуденков В. А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. 2018. С. 48–53.

The culture of patriotism in the university environment

Malykh S. V.

Abstract. The article presents the results of an online survey of students from different universities of Russia aged from 18 to 25 years old, studying at various levels of education (bachelor, master, postgraduate). The study revealed several priorities in the development and development of the social roles of students through the formation of a culture of patriotism in the university

environment: to be a freely responsible student; to be emotionally sensitive and open student, to show empathy in real actions and actions; know the past of your country, know its history. The main social identities of students were also revealed: social status, social family, civil-state and national roles. The features of the students' territorial identity are highlighted: the state (belonging to Russia) and the city (belonging to the city) are especially pronounced, the regional identity (belonging to the Small Motherland) is less pronounced and significant. The conclusions about the culture of patriotism are indicated and what should be relied upon by the authorities in the formation of the state patriotic policy.

Keywords: patriotism culture, university environment, student socialization, heroes, historical memory, Motherland, small Motherland

Девиантное поведение мигрантов как эффект турбулизации информационного потока

Лидин К. Л., Калюжнов Н. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Процессы этнокультурной стабилизации во многих случаях испытывают значительные трудности в результате интенсивной миграции населения. Кризисные явления наблюдаются в основном в регионах, в которых иммиграция трудовых ресурсов носит вынужденный характер в результате демографического спада. По отношению к «новой малой родине» иммигранты зачастую проявляют агрессивное и девиантное поведение, что отрицательно сказывается на психологическом и экономическом благополучии региона в целом. В статье рассмотрены процессы массовой миграции как интенсивного информационного потока. Показано, что сама интенсивность такого потока провоцирует его турбулизацию, которая и проявляется в виде агрессии и девиантного поведения мигрантов. На историческом примере массового переселения людей в города (урбанизации) в период конца 1920–1930-х гг. показано, что причиной негативных явлений является не социально-психологические механизмы, а объективные законы, управляющие свойствами потоков.

Ключевые слова: этнокультурная стабилизация, миграция, информационные потоки, девиантное поведение.

Введение. Глобальная урбанизация продолжает оставаться основным трендом, определяющим процессы изменения образа жизни в большинстве регионов мира. Наиболее урбанизированные регионы – Северная Америка (82 % городского населения), Латинская Америка (80 %), Европа (73 %) и некоторые страны Азии (Япония, Гонконг, Сингапур, Макао (свыше 90 %) – служат образцом для подражания и примером для менее урбанизированных стран [2].

Одновременно можно отметить еще одну тенденцию: страны и регионы с максимальным уровнем урбанизированности одно-

временно демонстрируют и минимальный естественный прирост населения. Фертильность населения в этих регионах настолько мала, что приводит к демографической стагнации и депопуляции. В результате развиваются своеобразные тенденции к урбанизации, соединенной с межстрановой и межнациональной миграцией – сельские жители регионов с минимальным процентом городских жителей, но с максимальным уровнем прироста населения мигрируют не в ближние к ним города, а за границу, в регионы с высоким уровнем урбанизированности. Зачастую такая миграция поддерживается на правительственном уровне, так как позволяет компенсировать демографическую стагнацию и старение населения высокоурбанизированных стран.

1. Теоретический подход. Основное положение теории информационных потоков утверждает, что движущей силой любой миграции служит разница информационных потенциалов мест. В свою очередь, информационный потенциал места равен разнице между интенсивностями производства и потребления информации в данном месте. Однако, кроме объективных движущих сил, урбанизация также управляется и субъективными факторами. Рассмотрим их в рамках общей модели.

Привлекательность (аттрактивность) жизни в сельском поселении A_R , как и привлекательность жизни в городе A_S формируются в большей степени под действием пропаганды и мнения авторитетных (референтных) личностей, чем под действием собственных пристрастий и мнений среднего члена общества.

Итак, вероятность X_N того, что N -ый житель сельского поселения переедет в город, складывается из четырех факторов:

- вероятность X_{N-1} того, что предыдущий житель того же сельского поселения уже переехал в город и этим подал пример;
- вероятность $(1 - X_{N-1})$ того, что этот предыдущий мигрант не занял последнее свободное место в городе, т. е., что в городе еще осталось место для N -ого мигранта после того, как туда переехал $(N-1)$ -ый мигрант;
- соотношение $r = A_S / A_R$, показывающее, во сколько раз жизнь в городе выглядит привлекательнее, чем жизнь в селе с точки зрения общественного мнения и массовой пропаганды;
- соотношение реальных потенциалов сельского и городского мест:

$$X_N = r * (\Delta U / U_{\min}) * X_{N-1} * (1 - X_{N-1}) = \lambda * X_{N-1} * (1 - X_{N-1}), \quad (1)$$

где $\Delta U = U_{\max} - U_{\min}$ – разница потенциалов городского и сельского мест; U_{\max} – потенциал одного из конкурирующих мест, имеющий большее значение; U_{\min} – меньший потенциал одного из двух конкурирующих мест.

В первом приближении примем $\lambda = \text{const}$.

Полученное уравнение называется квадратичным отображением (или отображением Ферхюльста, оно же отображение Фейгенбаума) и обладает весьма необычными свойствами.

В случае, когда параметр λ находится в промежутке значений от 0 до 1, величина X_N стремится к нулю. Если общественное мнение полагает, что жизнь в деревне предпочтительнее, чем миграция в город, и/или разница информационных потенциалов исчезающе мала – в этом случае урбанизация, как и следовало ожидать, прекращается.

При значениях $2 < \lambda < 3$ величина X_N стремится к постоянному значению

$$X_N = (\lambda - 1) / \lambda = \text{const}, \quad (2)$$

что соответствует стабильному миграционному потоку и постоянным темпам урбанизации.

Однако при значениях параметра $\lambda \geq 3$ решение уравнения перестает быть единственным. Так, при значении $\lambda = 3$ уравнение получает два решения, между которыми произвольно перемещаются значения X_N . В реальности это соответствует такой ситуации, когда каждый конкретный сельский житель реагирует на социальное давление двояко – либо подчиняется ему и переезжает в город, либо начинает активно сопротивляться.

По мере увеличения величины λ , величина X_N колеблется между растущим числом значений (на практике это выглядит как расслоение массы сельских жителей на группировки, которые по-разному относятся к идее переезда в город).

При $\lambda > 3,57$ рассматриваемая система переходит к состоянию полного хаоса – т. е., желание сельских жителей стать горожанами становится непредсказуемым и неуправляемым. Давление пропаганды и реальные выгоды переезда в город вызывают у крестьян хаотическую реакцию – от восторга до раздражения, страха и отворачивания. Урбанизация переходит из ламинарного режима в турбулентный.

Итак, если величина социально-психологического давления, вызывающего урбанизацию, превышает некоторую критическую величину, урбанизация как информационный поток теряет упорядоченность (ламинарность) и становится хаотической (турбулентной). На психологическом плане это выглядит как рост агрессивности и тенденции к девиантному поведению.

2. Урбанизация и сталинская индустриализация. Ярким примером урбанизации, происходившей при огромном социальном давлении является «сталинская индустриализация» Советского Союза в период первых пятилеток (1928–1940 гг). Особенно показательным то сочетание естественных и принудительных процессов, которое сложилось в результате столкновения неотложных задач быстрого развития военно-промышленного комплекса (на фоне приближающейся Второй мировой войны) с инерцией огромной, многонациональной и многоукладной страны.

Необходимо отметить, что в конце двадцатых годов XX века производительность труда среднего горожанина вряд ли намного превышала таковую для сельского жителя. Разрушенный войнами промышленный потенциал и высокий уровень безработицы не позволяли производству информации вырасти так, как в развитых странах Европы и Северной Америки аналогичного периода. Однако уровень потребления информации в городах, разумеется, был гораздо выше, чем в сельских поселениях [3]. Кроме того, на соотношение потенциалов большое влияние оказали демографические процессы этого периода. Весь период бурной урбанизации (1926 – 1939 гг.) прирост населения СССР и рост городов обеспечивался в основном за счет положительного демографического баланса сельских поселений. Как пишет С. Сулькевич, «городское население за 12 лет увеличилось на 29,6 млн. человек, а сельское население за тот же срок уменьшилось на 6,1 млн. Это уменьшение произошло, несмотря на естественный прирост, который составил в сельских местностях 18,2 млн. человек. Легко установить, что весь свой естественный прирост – 18,2 млн. и еще 6,1 млн. человек деревня отдала городу» [7].

Таким образом, информационный потенциал сельских мест в СССР периода индустриализации был гораздо выше, чем потенциал городов – в основном за счет послевоенного бума рождаемости.

Аттрактивность городской жизни по сравнению с сельской также нагнеталась и стимулировалась всей мощной машиной гос-

ударственной пропаганды. Жители городов устойчиво ассоциировались с пролетариатом, носителем передовой идеологии. Урбанизация изображалась как признак прогресса и победа социалистического образа жизни.

В результате социальное давление, вызывающее миграцию сельского населения в города, приняло беспрецедентные размеры. Миграционный поток, обеспечивающий урбанизацию, неизбежно перешел в хаотический режим.

3. Хулиганство. При изучении документов эпохи индустриализации возникает впечатление, что наиболее загадочным и неожиданным явлением для советской власти стало массовое распространение хулиганства в новых и растущих поселениях городского типа.

Нельзя сказать, что феномен хулиганства возник именно в период сталинской индустриализации. Соответствующая статья была в уголовном кодексе Российской империи и до 1917 г. . Однако в конце 1920-х гг. этот феномен получил поистине катастрофическое распространение. Молодежь, переехавшая из деревень в города, вместо быстрого и мирного превращения в пролетариев, демонстрировала множество форм девиантного поведения. В перечне хулиганских действий, которые можно встретить в юридической литературе этого периода, такие, как оскорбления, толкания и хлестания прутьями прохожих на улицах, драки на кулаках, стрельба, бросание взрывчатых аппаратов, заливание водой дымовых труб, приставание к женщинам вплоть до изнасилования и многое, многое подобное [1].

Особенно сбивала с толку бессмысленность разрушительных действий «новых горожан». Праздно слоняющиеся по улицам молодые люди устраивали массовые драки с поножовщиной, били окна, подпиливали фонарные столбы, забрасывали камнями и палками проезжавший транспорт, приставали к женщинам и т. д. В Казани во время Первомайского парада они умудрились забросать камнями самолет Осоавиахима, а в тихой Пензе разбирали железнодорожные пути, что вызвало несколько катастроф [4].

С 1928 по 1934 г. количество судебных дел о хулиганстве по материалам судебной практики растет быстро, но неравномерно. В сельских поселениях уровень хулиганства снижается (с 63 % в 1928 г. до 51 % в 1-м полугодии 1934 г.). Напротив, доля хулиган-

ских преступлений, совершаемых горожанами, растет (с 34 % в 1928 г. до 43 % в 1-м полугодии 1934 г.) [5; 8].

Типичный хулиган конца двадцатых – начала тридцатых годов – это молодой рабочий мужского пола, недавно переехавший из деревни в город. «Женского хулиганства почти не существует, мы имеем дело чаще всего или с психической болезнью, или действиями, являющимися защитной истерической реакцией. Основная масса осужденных за хулиганство женщин – проститутки, воровки, и осуждены они за поступки, которые являются постоянными и неизбежными спутниками их... жизни, пропитанной водкой, кокаином, руганью, скандалами и драками» [6].

К сожалению, точные статистические данные о вспышке хулиганства в период индустриализации отсутствуют. Как и во многих других аспектах этого периода российской истории, здесь приходится опираться больше на мнение отдельных свидетелей и отрывочные публикации той эпохи. Тем не менее можно уверенно утверждать, что столь мощное стимулирование высоких темпов урбанизации сопровождалось резкой вспышкой хаотического, девиантного поведения «новых горожан». Особенно подвержены «турбулизации» оказались молодые мужчины, как более лабильные и восприимчивые к соблазнам бессмысленной агрессивности.

Заключение. Выводы. Во многих регионах мира сегодня наблюдается быстрая урбанизация и связанная с ней миграция значительных масс населения. В ряде случаев такие процессы воспринимаются как положительные, способствующие экономическому и демографическому росту и, в качестве таковых, стимулируются бизнесом и правительствами. Однако интенсивные миграционные потоки зачастую сопровождаются крайне негативными явлениями агрессии по отношению к «новой малой родине».

Характер закономерностей, связывающих интенсивность урбанизации с ростом хаотичности (девиантности) поведения «новых горожан» не привязан к какой-либо конкретной эпохе или социальному строю. Нарастание урбанизационных потоков и их стимулирование на государственном уровне может приводить к вспышкам немотивированной агрессии при любом строе, в том числе в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chalidze V. Criminal Russia. NY : Khronika Press, 1977. 390 p.

2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision, Highlights.

3. Витухновская М. «Старые» и «новые» горожане: мигранты в Ленинграде 1930-х гг. // Нормы и ценности повседневной жизни. СПб., 2000. С. 99–150.

4. Левина Н. Б. Повседневность 1920–1930-х гг.: «борьба с пережитками прошлого» // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 244–291.

5. Алкоголь в социальном пространстве советского общества / ред. Н. В. Комардина. Курск : ЮЗГУ, 2011. 215 с.

6. Рапопорт А. М., Харламов А. Г. О женском хулиганстве // Хулиганство и поножовщина / под ред. Г. М. Сегала, У. М. Файнберга. М. : Мосздравотдел, 1927. с. 149

7. Сулькевич, С. И. Территория и население СССР. [Москва] : Политиздат, 1940. 71 с.

8. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы.: 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.

Deviant behavior of migrants as an effect of information flow turbulizing

Lidin K. L., Kalugnov N. V.

Abstract. The processes of ethnocultural stabilization in many cases experience considerable difficulties as a result of intensive population migration. Crisis phenomena are observed mainly in the regions in which the immigration of labor resources is forced as a result of the demographic decline. In relation to the “new small motherland”, immigrants often exhibit aggressive and deviant behavior, which adversely affects the psychological and economic well-being of the region as a whole. The article describes the processes of mass migration as an intensive information flow. It is shown that the very intensity of such a flow provokes its turbulization, which manifests itself in the form of aggression and deviant behavior of migrants. On the historical example of mass relocation of people to cities (urbanization) in the period of the late 1920s and 1930s, it was shown that the cause of negative phenomena is not socio-psychological mechanisms, but objective laws governing the properties of flows.

Keywords: ethnocultural stabilization, migration, information flows, deviant behavior.

РАЗДЕЛ 6

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И МНОГОПЛАНОВОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ценности, готовность к деятельности и учебная мотивация студентов технических специальностей в контексте инновативности

Буравлева Н. А., Богомаз С. А.

г. Томск, Россия

*Исследование выполнено при поддержке
Программы повышения конкурентоспособности НИ ТГУ*

Аннотация. Современная ситуация развития меняет представления человека о мире и своем месте в нем. Совершенствование личности, формирование профессиональных компетенций будущих специалистов выступает необходимым условием успешной модернизации современного российского общества, развития регионов. В настоящее время актуальными становятся вопросы идентичности личности и идентичности места как социального пространства, необходимого для ее самоосуществления. Основой воспроизводства человеческих ресурсов для страны, региона является, как правило, «малая родина». В связи с этим возникают вопросы о том, как «малая родина» отвечает на запросы молодежи в интересной, престижной работе, пространстве ее жизни, а также о готовности завтрашних специалистов отвечать на вызовы современной реальности в соответствии с потребностями региона, решать задачи, связанные с модернизацией, инновационными процессами.

На примере студентов технических специальностей Томских университетов показано, что такие личностные характеристики как учебная мотивация, готовность к деятельности, ценности неоднозначны, иногда противоречивы, а также свидетельствуют о том, что молодые люди не в полной мере готовы отвечать на запросы времени и общества.

Ключевые слова: ценности, готовность к деятельности, учебная мотивация, инновационные процессы, идентичность личности, идентичность места.

В современной действительности социокультурное пространство характеризуется нестабильностью, неустойчивостью и высокой динамикой социальных процессов. Развитие сетевых взаимосвязей, мобильность людей, рост открытого информационного пространства меняют представления человека о мире и своем месте в нем. Процессы трансформации современного общества актуализируют проблемы социокультурной идентичности как самих городов, так и людей, их населяющих.

Сегодня мы можем говорить о том, что происходит формирование новых видов идентичностей, а также акцентуация на ее отдельных видах. Учет факторов и механизмов становления идентичности человека в региональном аспекте выступает необходимым условием успешной модернизации современного российского общества, сохранения его социальной стабильности, приобретает ключевую роль в функционировании территорий. Для научного сообщества становится значимым обсуждение таких проблем как идентичность личности, идентичность места, а также, насколько они соответствуют друг другу [1; 2].

Под «идентичностью места» мы понимаем самоотождествление индивида со своей «малой родиной», с местом его проживания. Часто понятие «идентичность места» трансформируется в понятие «идентичность места работы», организует и меняет социальное пространство, поддерживает необходимые для комфортного существования человека ценностные, эмоциональные, деловые, рациональные и иные символические опоры.

Именно «малая родина» является основой воспроизводства человеческих ресурсов для страны, региона. В связи с этим возникает вопрос: как «малая родина» отвечает на запросы молодежи в интересной, престижной работе, пространстве ее жизни, самоосуществлении. Но вслед за этим встает не менее важный вопрос о том, насколько молодежь готова отвечать на потребности региона в соответствии с вызовами современной реальности, решать задачи, связанные с модернизацией, инновационными процессами.

Если говорить о Томске, то его социокультурный портрет определяют прежде всего студенты, которые составляют 1/5 жителей города. По такому показателю, как количество студентов на 10 тысяч населения, Томск уступает только Москве и Санкт-Петербургу. Это старейший в Сибири, крупный образовательный, научный и инновационный центр, где 8 вузов, среди которых два

национальных исследовательских, 15 НИИ, особая экономическая зона технико-внедренческого типа и 6 бизнес-инкубаторов.

В городе существует большое количество наукоёмких бизнесов, развита ИТ-индустрия, приоритетными являются такие направления деятельности как новые материалы, нанотехнологии, промышленная электроника, приборостроение. Позиционирование Томском себя как важного научного центра происходит во многом благодаря образовательному комплексу, поставляющему кадры.

Определяющим фактором в создании социального пространства является деятельность субъекта, в то же время очевидным является осознание того факта, что само социальное пространство – это необходимое условие индивидуальной траектории развития [3]. В связи с этим представляется важным выявить, насколько личностные, инновативные характеристики будущих специалистов соответствуют запросам общества и городу Томску.

Целью нашего исследования было оценить мотивацию к деятельности, ценности, инновативные качества обучающихся в вузах. Выборку исследования составили студенты инженерной школы неразрушающего контроля и безопасности Национального исследовательского Томского политехнического университета и факультета систем управления Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (средний возраст $19,0 \pm 0,7$ лет; среди них девушек – 32 %, юношей – 68 %; N = 148). Процедура исследования предполагала заполнение бумажных версий опросников. Участие в исследовании было добровольным и не предполагало вознаграждения.

Для этого нами были использованы следующие методики: шкала самооценки инновативных качеств личности (СИКЛ, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко), «Шкала академической мотивации» Р. Валлеранда (в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина), модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта (адаптированный Р. К. Хабибулиным). При изучении параметров функциональной системы деятельности использовались Шкалы «Планирование» и «Целеполагание» Опросника самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова), Шкала «Системная рефлексия» Опросника «Дифференциальный тест рефлексивности» (Д. А. Леонтьев) и Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер; в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина) с Индексом «Готовность к деятельности» [4; 5].

В ходе исследования проводилась статистическая обработка данных с использованием лицензионного пакета Statistica 6.0, применялись описательная статистика (оценивались среднее значение, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс), корреляционный (коэффициент корреляции Пирсона), дисперсионный анализ и прямой пошаговый регрессионный анализ.

При изучении личностных особенностей молодых людей мы считали важной информацию о качестве их мотивационных процессов, побуждающих и регулирующих выполнение учебной деятельности. Нами было выявлено, что самый высокий показатель имеет мотивация познания ($13,89 \pm 3,16$ балла), что свидетельствует о стремлении студентов узнавать новое, понимать изучаемый предмет, интересе к процессу познания. На втором месте по значимости оказалась мотивация саморазвития ($13,58 \pm 3,55$ балла), которая говорит о выраженности у обучающихся стремления к развитию своих способностей, потенциала в рамках учебной деятельности, достижению ощущения мастерства и компетентности. На третьем месте – мотивация достижения ($12,95 \pm 3,49$ балла). Шкала мотивации достижения диагностирует стремление добиваться максимально высоких результатов в учебе, испытывать удовольствие в процессе решения трудных задач. Немаловажное значение для молодых людей имеет мотивация самоуважения ($12,44 \pm 4,08$ балла). Хотя, как показывает исследование, мотивация самоуважения является не самой главной для студентов, но она достаточно существенна для них, так как успешность в учебе помогает им ощутить собственную значимость и повышает самооценку.

Кроме этого нами были продиагностированы такие виды мотивации как экстернальная ($11,11 \pm 3,85$ балла) и интроецированная ($11,85 \pm 3,64$ балла), которые свидетельствуют о низком уровне заинтересованности в познании. Эти виды мотивации у студентов находятся на последнем месте и показывают, что в учебной деятельности они меньше всего руководствуются стремлением выполнять ее ради избегания проблем и в связи с переживанием чувства стыда.

Исследование качества мотивационных процессов демонстрирует, что для молодых людей самой главной является мотивация познания, достижения, саморазвития, т. е. преобладает внутренняя мотивация, которая является основой развития и саморазвития личности.

С помощью модифицированного опросника ценностей Р. Инглхарта (адаптированного Р. К. Хабибулиным) мы изучали, какие ценности наиболее ярко выражены у студентов. По шкале «Традиционные – рационально/светские ценности (ценности модернизма)» у молодых людей преобладают традиционные ценности ($4,15 \pm 0,91$ балла), т. е. почтительное отношение к родине, семье, а также лояльное отношение к официальной власти, равнодушие к вопросам религии. По шкале «Ценности выживания – ценности самовыражения» у испытуемых в большей степени выражены ценности выживания ($4,45 \pm 0,76$ балла), которые показывают, что для человека более важны такие факторы как финансовое благополучие, накопление ресурсов, неприятие маргинальности и чужеродности, традиционное распределение гендерных ролей, некоторая авторитарность, стремление к безопасности, нетерпимость к инакомыслию. Мы видим, что в мировоззрении студентов преобладают все-таки в большей степени материалистические, традиционные ценности, нежели ценности самовыражения.

Кроме этого нами были проанализированы результаты по методике «Шкала самооценки инновативных качеств личности» (СИКЛ, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко), которая исследует такие особенности личности как креативность, риск ради успеха, ориентация на будущее, индекс инновативности. Авторы этой методики связывают инновационный потенциал с такими характеристиками как личностная самодиагностика и самоконтроль, самоуправление и самодисциплина, чувствительность к проблемным ситуациям; поиск, выделение и формулирование проблемы; генерирование гипотез, нахождение решений, популяризация результатов, способность действовать в нестабильной среде, активный поиск новых возможностей.

Среди показателей, которые оценивает данная методика, максимальный балл у испытуемых имеет креативность ($3,58 \pm 0,71$ балла), т. е. готовность к принятию и созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления, а также способность решать проблемы, возникающие внутри статичных систем. На втором месте по значимости в самооценке инновативных качеств личности у студентов ориентация на будущее ($3,35 \pm 0,65$ балла). Показатель «риск ради успеха», т. е. готовность вкладывать психологические и материальные ресурсы в инновации, способность чувствовать себя комфортно в нестабиль-

ной среде, у обучающихся – $3,25 \pm 0,71$ балла. Общий индекс инновативности личности – $3,40 \pm 0,55$ балла. Мы можем утверждать, что внутренняя готовность к восприятию нового, позволяющая преодолеть естественное сопротивление нововведениям, у студентов выше среднего показателя.

Корреляционный анализ выявил значимые корреляции показателей «креативность», «риск ради успеха», «ориентация на будущее» и «индекс инновативности» с показателем «целеполагание» ($r = 0,363$, $r = 0,340$, $r = 0,317$ и $r = 0,424$, $r = 0,000$) и с «индексом готовности к деятельности» ($r = 0,374$, $r = 0,344$, $r = 0,372$ и $r = 0,460$, $r = 0,000$).

При этом показатели «креативность», «ориентация на будущее» и «индекс инновативности» связаны с «рефлексией» ($r = 0,350$, $r = 0,369$, $r = 0,385$ и $r = 0,424$, $r = 0,000$), но мало коррелируют с показателем «риск ради успеха» ($r = 0,189$, $r = 0,021$). Этот факт обращает на себя внимание, так как инновационная деятельность предполагает активность человека в ситуации неопределенности, ответственность и смелость при принятии решений различных задач.

Проведенный регрессионный анализ результатов диагностики с включением в качестве зависимой переменной «индекса инновативности» и независимых 12 переменных свидетельствует о прогностическом влиянии параметра «индекс инновативности» с положительным значением параметра «готовность к деятельности» ($\beta = 1,095$; $p = 0,000$), и негативно зависит от показателя «планирование» ($\beta = -0,481$; $p = 0,001$), «удовлетворенность жизнью» ($\beta = -0,243$; $p = 0,036$), «традиционные ценности» ($\beta = -0,180$; $p = 0,031$).

Регрессионный анализ показал, что индекс инновативности является не настолько значимым критерием у студентов (поскольку среднее значение дисперсии $27,3\%$), но вместе с тем инновативность у студентов технических специальностей связана с готовностью к деятельности. Этот факт свидетельствует о положительном прогнозе для их личностно-профессионального развития.

Мы видим, что у будущих специалистов инновативность негативно коррелирует с таким важным критерием в деятельности как планирование, что вызывает вопрос по поводу успешности их предстоящей самостоятельной профессиональной активности.

Кроме этого молодые люди не связывают инновативность с удовлетворенностью жизнью и традиционными ценностями.

Как видим, результаты исследования ценностей, готовности к деятельности, учебной мотивации в контексте инновативности студентов технических специальностей университетов г. Томска неоднозначны, иногда противоречивы, вызывают много вопросов, говорят о том, что не в полной мере молодые люди готовы отвечать на запросы времени и общества. Это в очередной раз актуализирует проблему социокультурного развития молодежи, которая является основой прогрессивного изменения общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманова И. В., Богомаз С. А. Инновативность современной молодежи и культурные факторы социально-экономического развития // Социальная и экономическая психология: Состояние и перспективы исследований / под ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева. Ч. 1. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. с. 281–288.

2. Атаманова И. В., Богомаз С. А. Личностная готовность современной вузовской молодежи к деятельности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Ч. 1: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. 19–20 нояб. 2018 г. / под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. С. 134–137.

3. Богомаз С. А. Инновационный потенциал личности и его оценка // Социальный мир человека. Вып. 5: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта, неопределенности и риска инноваций». Ижевск: ERGO, 2014. С. 275–279.

4. Гордеева Т. О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 38–53.

5. Sheldon K. M., Titova L., Gordeeva T. O., Osin E. N., Lyubomirsky S., Bogomaz S. Russians inhibit the expression of happiness to strangers: Testing a display rule model // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2017. N 48 (5). P. 718–733.

Values, readiness for activities and educational motivation within students of technical fields in the context of innovativeness

Buravleva N. A., Bogomaz S. A.

Abstract. The current situation in terms of development changes people's ideas about the world and their place in it. Personal development, formation of professional competences for future practitioners – these are necessary conditions for successful modernization of contemporary Russian society and development of regions. Currently, the issues of personal identity and the identity of the place as a social space, which is necessary for self-realization of a person, are becoming especially relevant. Typically, the basis for the reproduction of human resources for a country or region is a "small motherland". There are questions about how the "small motherland" responds to the needs of young people in an interesting, prestigious job and space for living. The readiness of tomorrow's specialists to meet the challenges of current reality and needs of their region; their readiness to solve problems associated with modernization or innovation processes – all this is also in question.

On the example of technical field's students from Tomsk universities it is shown that such personal characteristics as educational motivation, readiness for activities and values are ambiguous, sometimes contradictory, and also represent that young people are not fully prepared to respond to the demands of time and society.

Keywords: values, readiness for activity, educational motivation, innovation processes, identity of an individual, identity of a place.

Исследование взаимосвязи уровня инновационной активности и адаптации первокурсников к обучению в университете

Шишкина А. О., Коробцова Н. В.

г. Иркутск, Россия

Статья выполнена на основе исследований по гранту РФФИ «Этно-психологические характеристики экономического самоопределения российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса» проект № 19-013-00430 А

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы адаптации первокурсников к обучению в университете. В период обучения в университете закладываются основы профессионализма, формируются потребность и подготовленность к непрерывному самообразованию в изменяющихся условиях что, несомненно, будет влиять на конкурентоспособность будущих специалистов. В ходе рассмотрения основных факторов, влияющих на адаптированности студента, авторы выдвинули предположение о взаимосвязи уровня инновационности личности с адаптированностью студентов. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи психологической адаптации первокурсников и их инновационным потенциалом и инновационной активностью.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, инновационная личность, инновационный потенциал личности, инновационная активность личности.

Проблема адаптации первокурсников к обучению в университете является актуальной в наше время. Адаптация происходит на протяжении всех лет обучения. Но наиболее важным временем, своеобразным фундаментом является период обучения на первом курсе. Информационная насыщенность учебного процесса, больший процент аудиторных занятий, наличие особых форм организации учебной деятельности – все это повышает тревожность у первокурсников и существенно влияет на процесс адаптации. Для многих высокие требования учебного процесса нередко приобретают характер травмирующих факторов.

Успешность адаптации студентов первого курса к обучению в университете обусловлена адаптационными способностями молодых людей – возрастными и индивидуально-психологическими особенностями. Возрастные особенности 17–18-летних юношей и девушек позволяют успешно адаптироваться к университету. Индивидуально-психологические характеристики (стиль мышления и деятельности, темперамент, уровень развития мыслительных спо-

собностей и др.) и различные их сочетания могут определять успешность адаптации. И одной из таких характеристик может, является инновационность – как ресурсное составляющее личности, которое характеризуется не только инновационные способности, но и возможности их реализации вне зависимости от требований культуры и социума.

Так студенты, имеющие инновационный потенциал будут быстрее включаться в новые социальные связи, пробовать себя в новой роли, проявлять большую активность в среде, охотнее включаться в новые процессы деятельности.

Таким образом, было выдвинуто предположение, что успешность процесса адаптации студентов может быть обусловлена инновационным потенциалом, а именно способностью к инновационной активности, а также взаимосвязана с уровнем выраженности их инновационной личности. Мы предполагаем, что студенты, обладающие инновационным потенциалом и активностью будут более успешны в процессе адаптации в вузе.

Термин «адаптация» пришел в общественные науки из биологии и медицины. В самом широком смысле он рассматривается как приспособление живого организма к условиям своего существования, как свойство всех живых организмов. Признанным среди исследователей является и использование понятия «социальная адаптация». Анализируя в целом социальный адаптационный механизм, можно сказать, что он проявляется при взаимодействии определенной социальной системы с новой средой жизнедеятельности.

В психологии под термином «адаптация» понимается перестройка психики индивида под воздействием объективных факторов окружающей среды, а также способность человека приспосабливаться к различным требованиям среды без ощущения внутреннего дискомфорта и без конфликта со средой [4]. При этом подразумевается процессуальная сторона собственно явления адаптации в отличие от приспособления животных [7], преодоления трудностей [3] или формирования определенных свойств личности, например, профессиональных качеств [5].

Многие авторы различают адаптацию (adaptation, adjustment) как процесс, и как результат, но иногда для последнего используются производные термины типа «адаптированность» или «приспособленность» [3; 4; 7].

Результатом процесса адаптации является адаптированность. Некоторые авторы понятия «адаптация» и «адаптированность» рассматривают в качестве синонимов. Например, А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов определяют адаптацию как «процесс и результат внутренних изменений, внешнего активного приспособления и самоизменения индивида к новым условиям существования» [4, с. 17]. В нашем исследовании понятие «адаптированность» отражает результативную сторону процесса адаптации.

Соответственно, адаптированность студентов к обучению в вузе предполагает наличие следующих особенностей в поведении и деятельности студентов: 1) удовлетворительное психологическое и физическое состояние студента в учебных и внеучебных ситуациях в вузе; 2) принятие студентом социальных ожиданий и предъявляемых к нему требований, а также соответствие его поведения этим ожиданиям и требованиям; 3) способность придавать происходящему в вузе желательное для себя направление и пользоваться имеющимися условиями для успешного осуществления своих учебных и личностных стремлений и целей.

Специфика процесса адаптации личности состоит в том, что в ходе своей жизнедеятельности она сталкивается с необходимостью активного приспособления к разным элементам социальной среды, а именно: ее социально-психологическим, культурным, профессиональным, бытовым и другим характеристикам.

Наиболее ярко механизм адаптации проявляется при переходе системы из одной социальной среды в другую, чем-то для нее новую; при ситуации изменения внешней среды и относительного постоянства системы; в условиях изменения системы и относительного постоянства среды; при включении новых элементов в структуру данной системы. Важная сторона современного процесса адаптации – это *инновации*.

Как известно, термин и понятие «инновации» как новой экономической категории ввел в научный оборот Й. Шумпетер в 20-е годы XX века.

Он впервые рассмотрел роль новых комбинаций изменений в развитии и дал полное описание инновационного процесса, подразумевая под ним изменение с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности. Инновационный процесс – непрерывный процесс развития, который обеспечивает выживание.

Термин «инновационная личность» впервые был обозначен экономистом Эвереттом Хагеном (1963), еще в середине двадцатого века предположившим, что главной движущей силой экономики является личность особого типа, которую он назвал новаторской. Он же впервые предложил рассматривать как важнейшие характеристики инноватора следующие: отношение к действительности; понимание роли индивида в мире; стиль лидерства; степень склонности к созиданию и новациям [1].

Для успешного вхождения в новую среду и реализации в ней, инновационная личность стремится к удовлетворению своих потребностей и обрести психологического и физического состояние в тех условиях, в которых находится в данный момент. Такая личность открыта изменениям, любознательна и способна придавать происходящему желательное для себя направление и пользоваться имеющимися условиями для успешного осуществления своих личностных стремлений и целей. Такая личность так же ответственна за плохие стороны жизни, и пытается внести изменения, ищет лучшие решения. И в этом плане инновации связаны с адаптационным механизмом.

Активность понимается как саморазвитие, как способность системы иметь источник изменений внутри себя. Приспособление – другая сторона процесса адаптации, обеспечивающая координацию с условиями в системе и среде. Эти две стороны проявляются в процессе адаптации в единстве, в результате чего обеспечивается предел изменения, проникновения новых элементов [2].

Ранее в работах Тереховой Т. А. и Шишкиной А. О. [6; 9] были рассмотрены и введены основные компоненты инновационной личности – инновационный потенциал личности и инновационная активность личности. Так же авторами были разработаны и верифицированы авторские семантические дифференциалы, направленные на изучение инновационности личности.

На процесс адаптации студентов-первокурсников в университете и других учреждениях высшего образования влияют множество различных факторов. Вес и значение действия совокупных факторов на личность студентов в процессе адаптации различны. К числу таких факторов относят мотивацию, уровень их самоопределения, социальная смелость и уверенность в себе, общий уровень адаптивных способностей.

Таким образом, мы сделали попытку изучить инновационности и адаптированности студентов первого курса нашего университета. В исследовании приняли участие студенты факультетов психологии, факультета иностранных языков, факультета журналистики в количестве 221 человек. Половозрастные особенности: возраст выборки колеблется от 17 до 22 лет; по полу выборка не однородна – из 221 человек 31 молодых людей и 190 девушек. Обработку проводили с помощью методов математической статистики.

В качестве диагностического инструментария мы использовали методики:

1. Авторский специализированный семантический дифференциал для инновационного потенциала личности (Тереховой Т. А., Шишкиной А. О);

2. Авторский семантический дифференциал инновационной активности личности (Тереховой Т. А., Шишкиной А. О);

3. Модификация теста социально психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда;

4. Методика Т. Д. Дубовицкой и А. В. Крыловой «Адаптированность студентов в вузе».

Также со студентами была проведена беседа в ходе, которой было выявлено в группах преобладание хорошего настроения, позитивного настроения на учебную деятельность. Студенты отзывчивы и внимательны, успеваемость хорошая. Психологический климат в коллективе теплый.

Все результаты тестирования выборки были разделены на три группы: в 1 группе с высоким уровнем адаптированности вошло 51 % респондентов (значения адаптированности выше 60 %); во 2й группе со средним уровнем адаптированности – 45 % респондентов (значения адаптированности от 40 % до 60 %); и 3я группа с низким уровнем адаптивности, представлена 4 % респондентов (значения адаптированности ниже 40 %).

Результаты исследования адаптивности представлены на рис. 1.

На рисунке 1 представлено соотношение результатов диагностики испытуемых по двум методикам на определение адаптации к учебному процессу. Теста социально психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда позволяет определить общий уровень адаптированности, а методика Т. Д. Дубовицкой и А. В. Крыловой «Адаптированность студентов в вузе» демонстрирует уровень

адаптированности студента в учебной группе и в учебной деятельности. Высокие показатели по шкале адаптированности к учебной группе свидетельствуют о том, что студент чувствует себя в группе комфортно, легко находит общий язык с однокурсниками, следует принятым в группе нормам и правилам. При необходимости может обратиться к однокурсникам за помощью, способен проявить активность и взять инициативу в группе на себя. Однокурсники также принимают и поддерживают его взгляды и интересы. Низкие показатели по шкале адаптированности к учебной группе свидетельствуют об испытываемых студентом трудностях в общении с однокурсниками. Студент держится в стороне, проявляет сдержанность в отношениях. Ему трудно найти общий язык с однокурсниками, он не разделяет принятые в группе нормы и правила, не встречает понимания и принятия своих взглядов со стороны однокурсников, не может обратиться к ним за помощью.

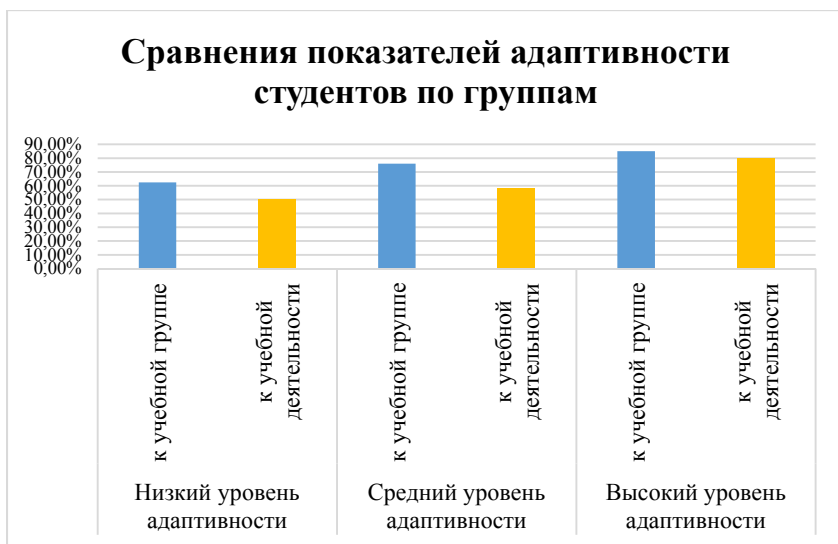

Рис. 1. Результаты тестирования студентов на адаптированность к учебной деятельности

Высокие показатели по шкале адаптированности к учебной деятельности свидетельствуют о том, что студент легко осваивает учебные предметы, успешно и в срок выполняет учебные задания; при необходимости может обратиться за помощью к преподавателе-

лю, свободно выражает свои мысли, может проявить свою индивидуальность и способности на занятиях. Низкие показатели по шкале адаптированности к учебной деятельности говорят о том, что студент с трудом осваивает учебные предметы и выполняет учебные задания; ему трудно выступать на занятиях, выражать свои мысли. При необходимости он не может задать вопрос преподавателю. По многим изучаемым предметам он нуждается в дополнительных консультациях, не может проявить свою индивидуальность и способности на учебных занятиях.

В первом приближении можно заметить разницу в адаптационном процессе среди студентов. Общий уровень адаптированности будет зависеть от одинаково высоких показателей адаптации в учебной группе и учебной деятельности. Так в группе с низким уровнем адаптированности мы можем увидеть и столь же не высокий показатель в адаптации к учебной деятельности, при этом уровень адаптированности к учебной группе находится уже в зоне нормы. По мере увеличения общего уровня адаптированности растет и уровень адаптированности к учебной деятельности. В группе с высоким показателем адаптированности к учебной деятельности и группе фактически находятся на одинаковом уровне и находятся в зоне выше средних оценок.

На рисунке 2 представлены средние значения по методикам, направленным на изучение «инновационного потенциала личности» (ИПЛ) и «инновационной активности личности» (ИАЛ) разделенные также по 3м группам адаптированности.

На рисунке 2 прослеживается тенденция динамики увеличения уровня инновационного проявления личности в зависимости от группы адаптации. В группе с низким показателем адаптации значения инновационного потенциала и активности личности находятся чуть выше среднего, но с ростом адаптивности и увеличивается коэффициенты показателей инновационности личности. Уже предварительно можно говорить о предположительной взаимосвязи этих двух показателей.

Далее проведем корреляционный анализ с применением пакета статистических программ SPSS 22.0. Результаты приведены в таблице.

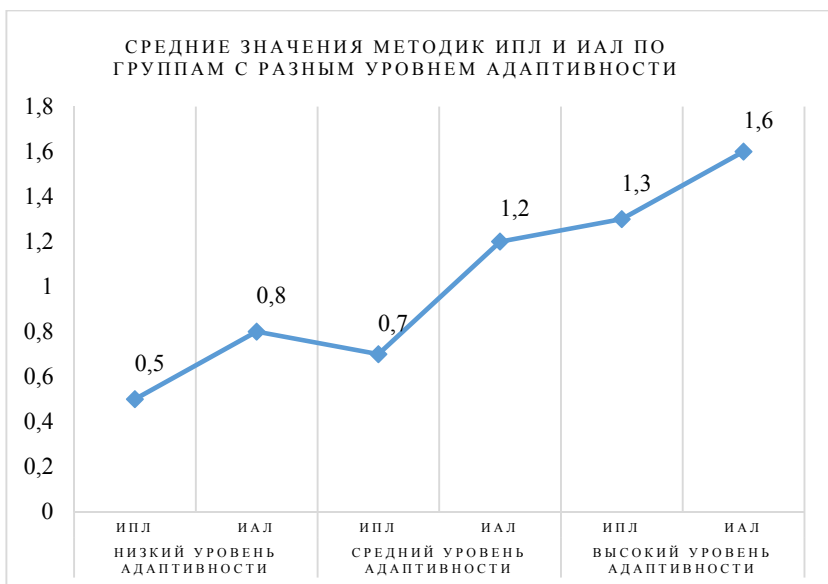

Рис. 2. Результаты исследования по методикам ИПЛ и ИАЛ

Таблица 1

Корреляционная взаимосвязь показателей методик социально-психологической адаптации и инновационности личности

Корреляции Спирмена			
Шкалы методик		ИПЛ	ИАЛ
Адаптация	Коэффициент корреляции	,501**	,490**
Самопринятие	Коэффициент корреляции	,364**	,449**
Принятие других	Коэффициент корреляции	-,024	,066
Эмоциональный комфорт	Коэффициент корреляции	,407**	,481**
Интернальность	Коэффициент корреляции	,362**	,353**
Стремление к доминированию	Коэффициент корреляции	,406**	,386**
Эскапизм	Коэффициент корреляции	-,314**	-,260**
Адаптированность к учебной группе	Коэффициент корреляции	,409**	,402**
Адаптированность к учебной деятельности	Коэффициент корреляции	,351**	,293**
** . Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон)			
* . Корреляция значима на уровне 0,05 level (2-сторон)			

Корреляционный анализ показал наличие значимых взаимосвязей практически по всем шкалам методик направленных на изучение социально-психологической адаптации и инновационности личности студента.

Нетрудно заметить из таблицы, что за исключением шкалы «Принятие других» шкалы теста социально психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда и шкалы методики Т. Д. Дубовицкой и А. В. Крыловой «Адаптированность студентов в вузе» имеют устойчивые значимые положительные корреляционные связи.

Так, шкалы методики Т. Д. Дубовицкой и А. В. Крыловой «Адаптированность студентов в вузе» напрямую взаимосвязаны с уровнем инновационности личности. Те студенты, которые продемонстрировали средний и выше среднего уровень инновационности имеют и успешность в адаптированности к учебной деятельности и группе.

Шкалы теста социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда так же продемонстрировали высокую взаимосвязь с инновационностью личности. Такие показатели как «стремление к доминированию», «интернальность», «самопринятие» могут характеризовать одну из сторон активности инноватора в среде. Показатель же «эмоционального комфорта» будет выступать индикатором удовлетворенности от собственной деятельности.

Шкала «Принятие других» не показала значимых корреляционных связей потому, что описывает лишь степень (уровень) потребности личности в общении, взаимодействии, совместной деятельности. Для инноватора данная потребность также необходима. Но она не является основополагающей. В процессе вхождения в новую среду, инноватор будет движим реализации себя и в полноте собственной активности, а лишь после, по мере необходимости, будет подключать других участников среды в социальную деятельность и взаимодействие. Студенты также, после вхождения в академическую среду пытаются самостоятельно сориентироваться, осваиваться, полагаются на собственные ресурсы и способности. В какой-то мере они даже конкурируют между собой. Это особенно ощущается на больших потоках.

Другая шкала «Эскапизм» (уход от проблем) имеет отрицательную корреляцию, что говорит об обратной взаимосвязи между инновационностью и уровнем избегания проблемных ситуаций,

уход от них у респондентов. Чем большим уровнем инновационного потенциала и активности личности обладает студента, тем более несвойственной будет стратегия избегания для него. Такие студенты будут активно входить в новую среду, пытаться усвоить новый опыт, будут пытаться проявлять себя в этих новых условиях без страха неудач. Они будут движимы интересом, любопытством, желанием освоить что-то новое.

Таким образом, результаты корреляционного анализа подтверждают наличие положительных корреляционных взаимосвязей между инновационным потенциалом, инновационной активностью личности и методиками на выявления адаптированности студентов – тем самым подтвердив гипотезу. Но для более достоверного результата необходимо включить в анализ выборки с разными показателями адаптированности, и среди групп провести сравнительный анализ различий.

Выводы. Можно резюмировать, что адаптация – это один из важнейших процессов в жизни индивида. Большинство психологов сходятся во мнении, что адаптация влияет на развитие индивидуальных характерных особенностях личности, а также на развитии общества в целом.

С помощью методик «Семантический дифференциал инновационного потенциала личности», «Семантический дифференциал инновационной активности личности», модификация теста социально психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, и методики «Адаптированность студентов в вузе» были получены эмпирические результаты, подтверждающие теоретическое предположение о взаимосвязи уровня инновационности и адаптированности студента.

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем в практике психологического сопровождения учебной деятельности студентов и помочь снизить переживаемые трудности с наиболее важными изменениями и психологическими новообразованиями данного периода студента.

Дальнейшей линией развития темы может являться изучение неадаптивности студентов как результат развития психических расстройств и влияние неадаптивности одного из студентов на психологический климат всей группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карнышев А. Д. Экономическая психология и содержательный анализ инноваций // Экономическая психология: актуальные исследования и инновационные тенденции десятой юбилейной междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. Д. Карнышева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009.
2. Кириякова Н. И. Некоторые аспекты теории адаптации и ее использование в экономической теории // Зональная научная конференция : межвуз. сб. печ. тр. Екатеринбург : УрСХА, 1997.
3. Овдей С. В. Проблемы социально-психологической и профессиональной адаптации молодых учителей : дис. ... канд. психол. наук. Л., 1978. 184 с.
4. Постовалова Г. И. О факторах, определяющих адаптационную способность человека // Психологические и социально-психологические особенности адаптации студентов. Ереван, 1973. С. 18–19.
5. Сластенин В. А. Профессиональная адаптация молодого учителя // Советская педагогика. 1976. № 3. С. 88–95.
6. Терехова Т. А. Концепция структуры инновационной активности личности // Психология в экономике и управлении. 2015. Т. 7, № 1. С. 5–15.
7. Шафажинская Н. Е. Психологический анализ саморегуляции личности в процессе социально-психологической адаптации студентов педвуза : дис. ... канд. психол. наук. М., 1982. 191 с.
8. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов н/Д, 1998.
9. Шишкина А. О. Исследование инновационной активности личности с помощью метода субъективной семантики // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. 2019. Т. 27. С. 101–115. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.27.101>
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. Директмедиа Пабблишинг. 2008.

A study of the relationship of the level of innovative activity and the adaptation of freshmen to study at the University

Shishkina A. O., Korobtsova N. V.

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of adaptation of first-year students to study at the University. During the period of study at the University laid the foundations of professionalism, formed the need and readiness for continuous self-education in a changing environment that will undoubtedly affect the competitiveness of future professionals. In the course of consideration of the main factors affecting the adaptability of the student, the authors suggested the relationship between the level of innovation of the individual with the adaptability of students. The article presents the results of an empirical study of the relationship of psychological adaptation of freshmen and their innovative potential and innovative activity.

Keywords: social and psychological adaptation, innovative personality, innovative potential of personality, innovative activity of personality.

Этнопсихологические особенности эмоционального выгорания медицинских работников (на примере русских и бурят)

Доржиева М. О., Неврина О. Н.

г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. В статье проанализированы теоретические аспекты эмоционального выгорания. Представлены результаты эмпирического исследования направленного на выявление этнопсихологических особенностей эмоционального выгорания медицинских работников на примере русских и бурят. Выделены особенности эмоционального выгорания в русской и бурятской выборках. Рассмотрены уровни сформированности отдельных симптомов на разных фазах СЭВ в обеих выборках. Выделены этнопсихологические особенности русской и бурятской национальностей. Выявлено, что представители русской выборки имеют большую предрасположенность к эмоциональному выгоранию, где доминирующими симптомами являются «Переживание психотравмирующих обстоятельств», «Симптом эмоциональной отстраненности», «Симптом эмоционального дефицита». Удалось установить, что в бурятской выборке выражен симптом «Загнанность в клетку», «Симптом редукции профессиональных обязанностей», «Симптом эмоциональной отстраненности».

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, этнопсихологические особенности, русские, буряты, медицинские работники, симптомы эмоционального выгорания.

В настоящее время существует большое количество профессий, которые подвержены нервно-психическим нагрузкам. Люди часто находятся в стрессовых ситуациях, им все чаще становится тяжело управлять собой, собственными эмоциями, вследствие чего у них появляется злость и агрессия по отношению к обслуживаемым клиентам. Это может свидетельствовать о проявлении эмоционального выгорания специалиста. Синдром эмоционального выгорания формируется у представителей тех профессий, которые вынуждены постоянно контактировать с людьми, выслушивать их просьбы, требования и жалобы, т. е. тех профессионалов, чья работа осуществляется путем взаимодействия «человек – человек». Доказано, что наибольшему риску развития синдрома профессионального выгорания подвержены представители сферы медицинских услуг [9]. Выгорание влияет не только на конкретного профессионала, но и на получателей его услуг. Так, исследователями выявлено, что выгорание медицинских работников взаимосвязано с недостаточно качественным уходом за пациентами, снижением субъективных оценок качества медицинской помощи пациентам и снижением производительности [8].

Профессиональное выгорание – синдром, развивающийся на фоне хронического стресса и ведущий к истощению эмоционально – энергетических и личностных ресурсов работающего человека [5]. Впервые синдром эмоционального выгорания описал американский психиатр Х. Фрейденберг в 1974 году. Термин был введен для того чтобы характеризовать психологическое здоровье людей, у которых профессия тесно связана с интенсивным общением с другими людьми [3].

С тех пор проведено немало исследований по данной проблеме, определяющих исследуемое понятие и его составляющие (К. Маслач, В. В. Бойко, Н. Е. Водопьянова и др.); направленных на выявление факторов, влияющих на формирование и развитие эмоционального выгорания специалистов (стаж, возраст, пол); специфику проявления выгорания у работников разных профессий (педагоги, адвокаты, медики, социальные работники); разные аспекты проявления выгорания (гендерный и др.). Однако этнопсихологический аспект проявления практически не рассматривался.

Так, «синдром выгорания» определяют как состояние физического, духовного и когнитивного истощения, который вызван длительным пребыванием в эмоционально перегруженных ситуациях [5]; выработанный личностью механизм защиты, в форме полного или частичного исключения эмоций на психотравмирующие воздействия [2]; физическое и эмоциональное истощение организма, которое характеризуется нарушением продуктивности в работе, усталостью, бессонницей, повышенной подверженностью соматических заболеваний и т. д. [7].

С целью выявления этнопсихологических особенностей эмоционального выгорания медицинских работников (на примере русских и бурят) нами было проведено исследование на базе ГБУЗ «Городская больница № 5» г. Улан-Удэ. Выборку составили врачи и медицинские сестры, в количестве 53 человека, в возрасте от 23–60 лет. Из них 28 человек бурятской национальности и 25 человек русской.

При выявлении уровня эмоционального выгорания нами была использована методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» (автор В. В. Бойко). Данная методика позволяет диагностировать симптомы эмоционального выгорания и определить, к какой фазе развития стресса они относятся: «напряжения», «резистенции», «истощения» [2].

По результатам проведенного исследования общего уровня сформированности фаз психоэмоционального выгорания (СЭВ) было выявлено, что у русской выборки более выражено эмоциональное выгорание на фазе «резистенции», чем в бурятской выборке, что свидетельствует об их большем эмоциональном выгорании. Результаты отражены на рисунке.

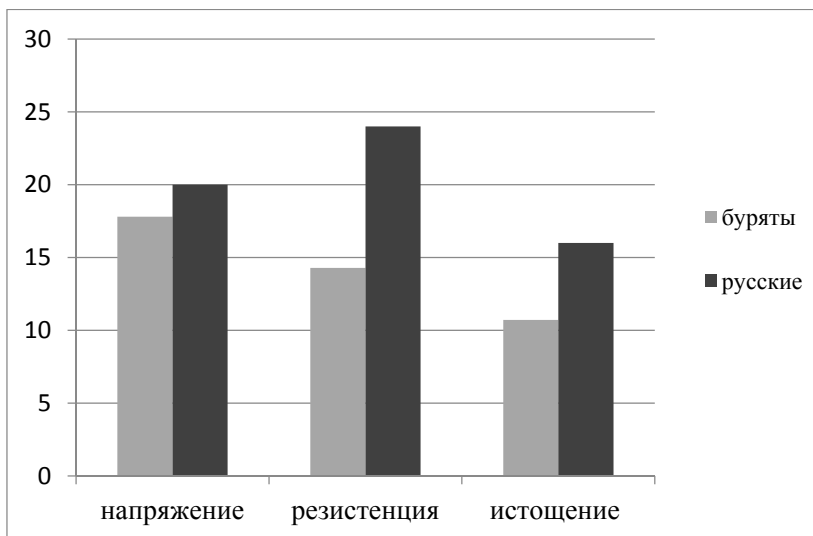

Рис. Общий уровень выраженности фаз синдрома эмоционального выгорания

Далее мы рассмотрели сформированность отдельных симптомов на разных фазах СЭВ на исследуемых выборках. Результаты отражены в таблице.

Как видим, в фазе «Напряжение» у 44 % русской выборки, против 25 % бурятской выборки сформирован симптом «Переживание психотравмирующих обстоятельств». Как мы знаем, в современном обществе происходят непрерывные изменения, как на макро, так и на мезоуровнях в различных сферах жизнедеятельности. В том числе и реформы в профессиональной сфере, что воспринимается представителями данной этногруппы в силу их этнических особенностей чрезмерно эмоционально. Так как мышление русских характеризуется эмоционально-чувственным восприятием, образностью, сосредоточенностью на масштабных проблемах, они острее чувствуют изменения в жизни. При этом они испыты-

вают затруднения при необходимости перевести результат предчувствия в рациональную форму, конкретные решения [6]. В то время как буряты отличаются практическим складом ума, рациональным образом мышления, осмотрительностью, уравновешенностью и рассудительностью [12].

Таблица 1

Сформированность симптомов в фазах у работников здравоохранения бурятской и русской выборках (в %)

Фа- зы	Симптомы	Сформирован	
		буряты (%)	русские (%)
Напря- жение	Переживание психотравмирующих обстоятельств	25	44
	Неудовлетворенность собой	28,6	32
	Загнанность в клетку	17,9	8
	Тревога и депрессия	12	8
Резистенция	Симптом неадекватного избирательного эмоционального реагирования	32,1	32
	Симптом эмоционально-нравственной дезориентации	17,9	24
	Симптом расширения сферы экономии эмоций	17,9	24
	Симптом редукции профессиональных обязанностей	39,3	24
Истошение	Симптом эмоционального дефицита	28,6	48
	Симптом эмоциональной отстраненности	21,4	12
	Симптом личностной отстраненности, или деперсонализации	10,7	12
	Симптом психосоматических и психовегетативных нарушений	17,8	12

В бурятской выборке выражен симптом «загнанность в клетку», который можно объяснить такими этнопсихологическими особенностями, как рациональный склад ума. Таким образом, люди бурятской национальности не ищут дополнительные пути решения проблемы, если привычные решения в ситуации не помогают. Имеют так же предрасположенность к детальному поиску проблемы в себе лично, а не во внешнем окружении.

В фазе «Резистенция» выявлены различия в симптомах «Симптом эмоционально-нравственной дезориентации» и «Симптом расширения сферы экономии эмоций», который выше у представителей русской национальности. При этом «Симптом редукции профессиональных обязанностей» более выражен у бурятской вы-

борки. Это можно объяснить тем, что люди бурятской национальности имеют такие национальные черты характера, как высокая ответственность перед предками и высокая нравственная требовательность. Так же важно отметить, в современном обществе буряты через соблюдение социально – нормативного поведения осуществляют признание в различных видах деятельности. Важным аспектом в жизнедеятельности бурятской национальности является соблюдение традиционных форм культуры, общения и знание о них. А мышление русских проживающих в современном обществе характеризуется эмоционально – чувственным восприятием. Они более эмоциональны и чувствительны, нежели представители бурятского этноса. Для бурят свойственна сдержанность в поведении и эмоциях, молчаливость при коммуникации с другими людьми. Они обладают рациональным складом ума, как например, для русских больше свойственно сострадание и милосердие, они больше идут на контакт с малознакомыми людьми.

В Фазе истощения «Симптом эмоционального дефицита» больше выражен у русских. Это можно объяснить тем, что при общении с другими у них отсутствуют формальности, они легко идут на контакт с малознакомыми людьми, кроме того они обладают тягой к душевным, сокровенным разговорам. Так же мы можем у них наблюдать чрезмерное любопытство.

У бурят «Симптом эмоциональной отстраненности» выше, чем у русских. Это можно объяснить тем, что для людей бурятской национальности при общении важным фактором является социальный статус собеседника, его возраст и вид профессиональной деятельности, которым он занимается.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что этноспсихологическими особенностями эмоционального выгорания является то, что СЭВ больше подвержены люди русской национальности, чем бурятской. Выявлено, что представители русской выборки больше имеют предрасположенность к эмоциональному выгоранию, доминирующими симптомами являются «Переживание психотравмирующих обстоятельств», «Симптом эмоциональной отстраненности», «Симптом эмоционального дефицита». В бурятской выборке выражен симптом «Загнанность в клетку», «Симптом редукции профессиональных обязанностей», «Симптом эмоциональной отстраненности». Это можно объяснить тем, что мышление русских характеризуется эмоционально-чувственным восприятием, сосредоточенностью на масштабных проблемах, они острее

чувствуют изменения в жизни. Буряты отличаются практическим складом ума, рациональным образом мышления, осмотрительностью, уравновешенностью и рассудительностью. Также фактом является то, что русские более коммуникативны, а буряты, наоборот сдержаны и скрыты при общении с другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова Т. С. Синдром «эмоционального сгорания» как фактор профессионального риска в социальной работе // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 5 : Психология, социальная работа. С. 114–117.
2. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб. : Сударья, 2010. 28 с.
3. Гавриченко А. И. Научные основы профессиональных рисков. Орел : Орлов. гос. аграр. ун-т, 2013. 107 с.
4. Дугарова Т. Ц. Особенности этнического самосознания бурят // Развитие личности. 2010. № 1. С. 225–239.
5. Профилактика синдрома эмоционального выгорания : учеб. пособие [Электронный ресурс]. Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2013.
6. Ламажаа Ч. К. Национальный характер монголоязычных народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. М. : Информ. агентство Integrum, 2013. URL: http://national-mentalities.ru/east/narody_centralnoj.
7. Психологические особенности представителей разных наций и народов в России [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/61893/psihologiya/psihologicheskie_osobennosti_predstaviteley_raznyh_natsiy_narodov_rossii ;
8. Санжаева Р. Д. Этнопсихология бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 5 : Психология, социальная работа. С. 54–61.
9. Эмоциональное выгорание у медицинских работников / Семенова Н. В., Вяльцин А. С., Авдеев Д. Б., Кузюкова А. В., Мартынова Т. С. // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2.
10. Серебрякова, З. А. Национальное и общечеловеческое в характерах бурятского романа // Интеллигенция и взаимодействие культур : материалы VI Междунар. науч. конф. (Байкальская встреча) (26–29 июня 2007 г.) : в 2 т. Улан-Удэ, 2007. Т. 2. С. 202–206.
11. Хайрушева Д. А., Белтенова А. Г. / Проблема профессионального выгорания в деятельности медицинских работников (обзор) // Вестник Алматинского гос. института усовершенствованных врачей. 2017. Вып. 3 : Управление здравоохранением. С. 77–85.
12. Чимитова С. Ч. Этнопсихологические особенности воспитания бурятской модели : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04. М., 1993. 20 с.

Ethnopsychological features of emotional burnout of medical workers (on the example of Russians and Buryats)

Dorzhieva M. O., Nevrina O. N.

Abstract. This article analyzes the theoretical aspects of emotional burnout. The article presents the results of an empirical study to identify the ethnopsychological features of emotional burnout of medical workers on the example of Russian and Buryats. The features of emotional burnout in the Russian and Buryat samples are highlighted. The levels of formation of individual symptoms at different phases of CMEA are considered. Ethnopsychological features of the Russian and Buryat nationalities are allocated. It is revealed that the representatives of the Russian sample have more predisposition to emotional burnout, the dominant symptoms are: "Experience of psychotraumatic circumstances", "Symptom of emotional detachment", "Symptom of emotional deficiency". It was found that in the Buryat sample expressed a symptom of "caged", "a Symptom of reduction of professional duties", "a Symptom of emotional detachment."

Keywords: emotional burnout syndrome, ethno-psychological characteristics, Russian, Buryat, medical professionals, symptoms of emotional burnout.

Этнопсихологические факторы развития саморегуляции состояний педагогов

Гунзунова Б. А.

г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Рассматривается вопрос этнопсихологических факторов саморегуляции состояний педагогических работников. Дана характеристика саморегуляции в связи с изучением факторов, имеющих культурную обусловленность – традициями, нормами и ценностями конкретной культурной общности. Рассматривается саморегуляция в контексте западной психологии и восточной традиции. Представлены результаты исследования этнопсихологических факторов как развития саморегуляции состояний педагогических работников в условиях образования. Изучены вопросы связи стилей саморегуляции с этническим фактором как фактором выбора механизма саморегуляции у педагогических работников г. Улан-Удэ и Республики Бурятия. Установлены различия в регуляторных функциях и отдельных звеньях саморегуляции у респондентов, занятых педагогической деятельностью, обусловленные этнодифференцирующими признаками. Представители бурятской этногруппы ориентируются планирование и оценку профессиональной деятельности при сформированности общей саморегуляции. В группе педагогов-русских наблюдается гибкость регуляторики и способность моделировать ситуации в перспективном будущем.

Ключевые слова: саморегуляция, звенья саморегуляции, этнопсихологические факторы, механизмы саморегуляции, педагогические работники.

Межнациональные отношения и этносоциальные процессы, причины возникновения конфликтов и механизмы их прогнозирования, предупреждения и регулирования отнесены к ключевым проблемам научного приоритета. Однако процесс аккультурации связан со сложностями конкретного выбора личностных ориентиров регуляции своего поведения и своего самосознания, поскольку связан с разнонаправленными способами жизнедеятельности других людей. Действительно, как отмечает Е. Е. Бочарова (2015), в этом контексте изучение особенностей саморегуляции состояний должно быть тесно связано с изучением факторов, имеющих культурную обусловленность – традициями, нормами и ценностями конкретной культурной общности [1].

В работе Прохорова А. О. и Ларионовой И. Г. (2007) отмечается, что изучение этнопсихологической проблематики, в том числе и применительно к проблемам саморегуляции психических состояний, становится весьма значимым, поскольку в «процессе саморегуляции раскрываются внутренние резервы человека, дающие

ему относительную свободу от обстоятельств, обеспечивающие даже в самых трудных условиях возможность актуализации» [5]. Кросскультурные влияния, признание целостной, неделимой, взаимосвязанной и динамичной модели мира, обусловили создание трансперсональной психологии, которую А. Маслоу (1969) называл четвертой силой психологии, выходящей за пределы человеческих качеств, самоопределения, самоактуализации, саморегуляции [3].

Как указывают в своих исследованиях Эрдынеева К. Г. и Батоцыренов В. Б. (2009), в рамках западной психологии понимание саморегуляции опирается на рациональный и объективный подход. В связи с чем, саморегуляция осмысливается в контексте адаптации либо рассматривается в экзистенциальной парадигме. При этом саморегуляция ассоциируется с бодрствующим сознанием субъекта. Запад стремится к поиску научного, безличного и объективного знания, отдавая предпочтение аналитическому и логическому мышлению, используя чувственно-эмпирический и абстрактно-теоретический методы познания [6].

Далее авторы отмечают, что для восточной традиции свойственен сотериологический подход к саморегуляции, основанный на просветлении (нирвана), трансценденции проблем. Согласно восточному мировоззрению, для которого характерны динамизм и органическая целостность, обычное состояние сознания представляет иллюзорное искажение восприятия как следствие дуалистического разграничения субъекта и объекта, Я и другого, организма и среды. Поэтому саморегуляция связана с состоянием освобождения от иллюзий, с достижением просветления (нирваны). В соответствии с этим механизмами саморегуляции выступают осмысление опыта коллективного бессознательного, трансценденция эго-конфликтов, отстраненный взгляд на эго-запросы. Восточная психология предпочитает личный, эмпирический путь к знанию. Созерцательно-медитативный способ познания мира и самого себя ценится как источник истинного знания. Одним из механизмов саморегуляции признана медитация как практика перехода от активного, линейного способа познания к рецептивному, процессуально-ориентированному способу. В процессе медитации осуществляется избавление от стереотипности, автоматизма и избирательности обыденного сознания [6].

Однако в условиях глобализации, по мнению исследователей, изменяется качество взаимосвязей и взаимозависимостей стран и

народов, их культур, усиливается тенденция к «единству многообразия». Являясь многомерным процессом, глобализация приводит к унификации многих ценностей, культурных норм, образцов поведения. В то же время каждая культура и каждый этнос, пытаясь сохранить собственную уникальность и этнокультурное своеобразие, разрабатывают свои механизмы вхождения в глобальные процессы, что не может не отразиться на регулятивных процессах представителей общества [6].

Актуальность исследования этнопсихологических факторов как развития саморегуляции состояний педагогических работников в условиях образования определяется их включением в поликультурную образовательную среду, развитием академической мобильности и сформированностью механизмов личностной и профессиональной саморегуляции, которая лежит в основе успешной педагогической деятельности [2]. В связи с чем правомерно выделение механизмов саморегуляции личности. Вслед за многими авторами считаем, что механизмы саморегуляции связаны с кросскультурными, возрастными, гендерными, профессиональными факторами.

В данном исследовании нас интересовал вопрос о связи стилей саморегуляции педагогических работников с этническим фактором как фактором выбора механизма саморегуляции. В исследовании принимали участие испытуемые – педагогические работники в количестве 186 человек из различных образовательных учреждений г. Улан-Удэ и Республики Бурятия.

В исследуемой группе национальный состав выборочной совокупности включал: 43 % русских, 57 % – бурят. Особенности саморегуляции состояний педагогов исследованы с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой [4], статистический анализ осуществлялся посредством непараметрического U-критерия Манна – Уитни.

Основная гипотеза строилась на предположении об опосредованности стилей саморегуляции состояний педагогов культурным контекстом жизнедеятельности субъекта, задаваемым принадлежностью к этнической группе. В результате исследования нами эмпирически установлен факт наличия этнодифференцирующих факторов саморегуляции состояний педагогов.

В таблице 1 приведены средние значения по шкалам саморегуляции, полученные в результате обследования испытуемых пе-

дагогов-бурят и педагогов-русских. Из представленных данных очевидно, что процессы саморегуляции статистически достоверно реагируют на различия испытуемых по этническому признаку.

Таблица 1

Этнические особенности саморегуляции педагогических работников

Шкалы саморегуляции	Буряты (средний ранг)	Русские (средний ранг)	Mann-Whitney U	Wilcoxon W	Z	Sig.
Общий уровень саморегуляции	55,87	31,45	439,00	692,00	-3,494	0,001*
Планирование	54,64	35,82	535,00	788,00	-2,738	0,006*
Моделирование	39,80	53,52	622,50	875,50	-2,006	0,045*
Программирование	52,13	44,73	731,00	984,00	-1,083	0,279
Гибкость	37,23	54,24	566,00	819,00	-2,481	0,013*
Оценивание результатов	59,41	43,78	842,50	2495,50	-2,716	0,007*
Самостоятельность	51,99	45,23	742,00	995,00	-0,996	0,319

*Примечание: Sig – уровень значимости

По результатам исследования наибольшие расхождения дают такие шкалы саморегуляции, как «Общий уровень саморегуляции» ($p < 0,001$), «Планирование» ($p < 0,006$), «Моделирование» ($p < 0,045$), «Гибкость» ($p < 0,013$) и «Оценивание результатов» ($p < 0,007$). Доминирующие у педагогов представленные шкалы выступают механизмом, обеспечивающим различные регуляторные функции. В наших исследованиях различия в стилях регуляции педагогических работников в большей степени касаются специфических особенностей реализации отдельных регуляторных звеньев [2].

Полученные эмпирические материалы выполненного нами исследования показали, что в русской выборке педагогов в большей степени обнаруживаются гибкость регуляторики («Гибкость» – средний ранг – 54,24), $p < 0,013$) и способность моделировать ситуации в перспективном будущем в соответствии с планами и программами педагогической деятельности («Моделирование» – средний ранг – 53,52), $p < 0,045$).

В отличие от русских, в оценке своего регуляторного стиля представители бурятской этногруппы ориентируются на развитость и адекватность самооценки, сформированность потребности в осознанном планировании деятельности и оценки успешности достижения результатов, а также высокую сформированность общего показателя саморегуляции («Общий уровень саморегуляции»

($p < 0,001$), «Планирование» ($p < 0,006$), «Оценивание результатов» ($p < 0,007$)).

Резюмируя вышесказанное, отметим, что доминирование регуляторных функций и отдельных звеньев саморегуляции у респондентов, занятых педагогической деятельностью во многом обусловлены этнодифференцирующими признаками. Эти данные можно интерпретировать как свидетельство рациональной согласованности этнических различий и фактора профессиональной принадлежности, оказывающих совместное влияние на ресурсы саморегуляции личности педагогического работника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова Е. Е. Структурно-содержательные характеристики саморегуляции социального поведения личности представителей разных этногрупп // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 84–88.
2. Гунзунова Б. А. Этнические различия в саморегуляции педагогов // Психологическая наука и практика: инновации в образовании. 2018. С. 271–274.
3. Гунзунова Б. А. Нравственная саморегуляция личности // Наука и образование в жизни современного общества. 2015. С. 55–56.
4. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998. 184 с.
5. Прохоров А. О., Ларионова И. Г. Этнокультуральная идентичность и саморегуляция психических состояний (на примере русских и татар) // Психол. журн. 2007. Т. 28, № 6. С. 59–60.
6. Эрдынеева К. Г., Батоцыренов В. Б. Универсальные и культурно-специфические механизмы саморегуляции личности // Успехи современного естествознания. 2009. № 1. С. 57–59; URL: <http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=9760> (дата обращения: 20.05.2019)

Ethnopsychological factors of development of self-regulation of status of teachers

Gunzunova B.

Abstract. The question of ethnopsychological factors of self-regulation of states of pedagogical workers is considered. The characteristic of self-regulation is given in connection with the study of factors that are culturally dependent – the traditions, norms and values of a particular cultural community. Self-regulation is considered in the context of Western psychology and Eastern tradition. The results of the study of ethnopsychological factors as the development of self-regulation of the states of teachers in education are presented. The questions of the relationship of styles of self-regulation with the ethnic factor as a factor in the choice of the mechanism of self-regulation among teachers of the city of Ulan-Ude and the Republic of Buryatia are studied. Differences in regulatory functions and individual links of self-regulation among respondents engaged in teaching activities due to ethno-differentiating signs are established. Representatives of the Buryat ethnic group are oriented to the planning and evaluation of professional activity in the formation of general self-regulation. In the group of Russian teachers, one can observe the flexibility of the regulator and the ability to model situations in a promising future.

Keywords: self-regulation, self-regulation links, ethnopsychological factors, self-regulation mechanisms, pedagogical workers.

Социально-психологические особенности участников клубных формирований культурно-досуговых учреждений Иркутской области

*Бажина У. Н.
г. Иркутск, Россия*

Аннотация. Исследование, «Портрет участника культурно-досугового формирования», проведенное специалистами Иркутского областного Дома народного творчества, было направлено на анализ взаимосвязи личностных особенностей и социально-демографических характеристик участников культурно-досуговых формирований и их профессиональной и творческой мотивацией. В ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что участники культурно-досуговых формирований разных жанров обладают разными социально-демографическими и психологическими особенностями и руководствуются разными мотивами посещения культурно-досуговых формирований. Выделился ряд психотипов, наиболее типичных персонажей литературных и кинематографических произведений, с которыми себя ассоциируют участники культурно-досуговых формирований.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, творческая мотивация, самодетельное народное творчество, культурно-досуговое формирование.

С целью повышения доступности и качества услуг культурно-досуговых учреждений Иркутской области ГБУК «Иркутский областной Дом народного творчества» проводит аналитические и социально-психологические исследования, посвященные изучению жанровых особенностей, специфики работы культурно-досуговых формирований (далее – КДФ) культурно-досуговых учреждений (далее – КДУ).

По итогам отчетов отделов культуры муниципальных образований Иркутской области в 2018 году в регионе работали 809 КДУ: дворцы и дома культуры, сельские клубы, культурно-спортивные центры и пр. В них функционирует 6365 культурно-досуговых формирований (кружки, студии, коллективы самодетельного народного творчества, любительские объединения и клубы по интересам), в которых занимается 99791 участник.

Данное исследование связано с анализом взаимосвязей личностных особенностей и социально-демографических характеристик участников культурно-досуговых формирований с их профессиональной и творческой мотивацией. Опрос участников проводился в январе – марте 2018 г. в муниципальных образованиях Иркутской области.

Выборка – 1026 участников формирований самодеятельного народного творчества и любительских объединений и клубов по интересам разного пола и возраста. Опрос проходил в культурно-досуговых учреждениях 27 муниципальных образований Иркутской области с использованием метода стандартизированного опроса (анкетирование), квотного по месту жительства респондентов и жанру народного творчества.

Интересным, на наш взгляд, являются распределение стажа занятий среди участников коллективов разных жанров. Стаж занятий участников хоровых коллективов в целом больше, чем у других и в целом по выборке: 79,5 % тех, кто занимается в коллективах КДУ более 10 лет – вокалисты, их же больше и в группе респондентов, которые занимаются творчеством от 5 до 10 лет (64,4 %). Большая доля участников хореографических коллективов занимается менее 3 лет (37,8 %). Большинство участвовавших в исследовании представителей инструментального жанра – либо 1–3 года, либо 5–10 лет. Также можно выдвинуть предположение о стабильности составов театральных коллективов: большая доля их участников ответили, что занимаются творчеством более 3 лет (81,1 %). Почти пятая часть участников формирований ДПИ – ответили, что занимаются прикладным искусством менее года: эта доля значительно больше, чем в среднем по выборке, следовательно, в формированиях ДПИ – более динамично меняется состав участников.

В районных муниципальных образованиях участники КДФ больше, чем городские жители склонны посещать 2–3 культурно-досуговых формирования. Молодежь до 25 лет также несколько чаще посещает занятия нескольких коллективов. Мужчины чаще, чем женщины, являются участниками только одного КДФ. Посещение нескольких КДФ связано также с уровнем образования респондентов: участники с начальным и неполным средним образованием больше других отмечали в анкетах, что занимаются несколькими жанрами народного творчества. В то же время посещение одного или нескольких формирований не связано с семейным положением респондентов и уровнем дохода.

Большая часть респондентов (57,5 % в целом по выборке) являются участниками вокальных коллективов: хоры, вокальные ансамбли, фольклорные коллективы и др. В театральных коллективах занимается 23 % опрошенных, пятая часть участников иссле-

дования – члены клубов общения (любительские объединения и клубы по интересам), 14,3 % – участники хореографических коллективов, 12,5 % занимаются декоративно-прикладным искусством. Участников культурно-досуговых формирований других жанров в выборке опроса было менее 10 %.

В хоровых коллективах средние социально-демографические характеристики участников не отличаются от средних по выборке. В хореографических – доля участников с высшим и незаконченным высшим образованием больше, чем в среднем по выборке, на 14 % меньше семейных участников. Те, кто занимается в хореографических коллективах, значительно чаще, чем в среднем по выборке, живут в семьях из трех человек. Все это, безусловно, связано со спецификой хореографического искусства. В театральных коллективах также преобладают молодые участники (моложе 35 лет).

В коллективах оркестрового жанра доля мужчин значительно выше, чем в среднем по опросу. Здесь мужчин и женщин практически равное количество (45,5 % и 54,5 % соответственно). В инструментальных КДФ наблюдается смещение по уровню образования – он в целом выше, чем в среднем по выборке: на 11 % больше доля участников с высшим образованием и ниже доли участников со средним и незаконченным средним образованием.

Интересно, что по результатам опроса, декоративно-прикладным искусством в КДУ Иркутской области занимаются в основном девочки, девушки и женщины. Их в группе ДПИ 96,1 %. Даже если принимать во внимание погрешность результатов опроса, в любом случае можно смело делать вывод о значительном преобладании женщин в данном жанре КДФ.

Первым мотивом в рейтинге посещения кружков, клубов по интересам и творческих коллективов являются встречи с друзьями (37,2 %). Немного меньше респондентов ходят на занятия культурно-досуговых формирований ради возможности узнать что-то новое, чему-то научиться (33 %). Ради возможности проявить себя культурно-досуговые учреждения посещают 26,3 %. На возможность саморазвития, роста ориентируются 18,5 % опрошенных. Практически столько же (18,2 %) говорят о том, что творчество – самое главное в их жизни. Около 15 % респондентов занимаются в культурно-досуговых формированиях в ожидании новых ярких впечатлений.

Жители районных муниципальных образований чаще, чем горожане, говорят о том, что посещают занятия культурно-

досугового формирования в ожидании новых ярких впечатлений (16 % и 9 %). Респонденты же из городских КДУ больше ожидают возможности развития, роста (22,8 %) и утверждают, что «творчество – самое главное в их жизни» (23,4 %).

Имеет место взаимосвязь мотивов и стажа занятий в культурно-досуговых формированиях КДУ Иркутской области. Так, участники исследования, занимающиеся в формированиях более 10 лет, значительно чаще других подгрупп стажа отмечают в качестве основных мотивов посещения занятий КДФ значимость встреч с друзьями, возможность саморазвития, роста, желание поделиться знаниями и опытом. Те же, кто занимается в коллективах меньше других (менее 3 лет), больше отмечали в анкетах такие ответы, как «возможность проявить себя», «возможность узнать что-то новое, чему-то научиться», «возможность чем-то занять себя, средство от скуки». Ради встреч с друзьями чаще в культурно-досуговые учреждения ходят женщины, а мужчины несколько больше сориентированы на творческий процесс. Для участников опроса старше 66 лет встречи с друзьями становятся, пожалуй, основным мотивом участия в работе КДФ: почти 70 % респондентов этой возрастной группы отметили данный мотив, как основной.

В опросе принимали участие жители муниципальных образований с разным составом семьи. При формировании анкеты исследователям было интересно, связан ли каким-либо образом возраст младшего ребенка в семье с особенностями выбора творческого коллектива и регулярностью посещения занятий. Большая доля опрошенных (около 40 %) живет в семьях, где младшему члену семьи больше 18 лет: как правило, это либо сами молодые участники формирований, либо их родители, бабушки и дедушки, которые вырастили детей и приобрели возможность силы и время направить на участие в работе творческих коллективов.

Наиболее остро потребность проявить себя обозначилась в ходе опроса у респондентов с детьми-школьниками 7–18 лет. Ради встреч с друзьями в КДУ на занятия коллективов ходят участники, в семьях которых уже нет детей, где самый младший член семьи уже достиг возраста 18 лет. Они же меньше других стремятся к саморазвитию, росту. Респонденты, воспитывающие маленьких детей, так же, как и те, в чьих семьях нет детей, чаще других говорят, что творчество – это самое главное в их жизни.

Две самые большие социальные группы участников КДФ – это работники бюджетной сферы и пенсионеры (35,1 % и 23 % соответственно). 8,7 % тех, кто относит себя к категории «рабочие», 6,1 % – студенты, 5,1 % – руководители или заместители руководителя в различных организациях. Другие социальные категории представлены в структуре выборки меньше – в каждой из них менее 5 % опрошенных.

Большая часть участников исследования утверждают, что очень любят свою работу (46,8 %). 18,9 % работают ради зарплаты, около 12 % опрошенных не работают. Другие варианты ответов, предложенных в анкете, отмечают менее 4 % опрошенных.

Среди вокалистов больше, чем в других жанрах, доля тех, кто любит свою работу. В выборке хореографического жанра разные варианты отношения к работе распределены практически равномерно, различия в пределах статистической погрешности. Среди театралов ярко выделяется ответ «без удовольствия хожу на работу, но сменить ее не решаюсь» – это может быть косвенным свидетельством о стремлении человека к лицедейству, желании примерить на себя жизнь и судьбу других людей в рамках творческого проекта, уйти от неудовлетворяющих респондента обстоятельств реальной жизни. Такой же ответ характерен и для большого числа участников коллективов ИЗО и ДПИ.

Одним из вопросов анкеты было предложение респондентам написать имя литературного или кинематографического персонажа, с которым участник исследования себя ассоциирует. Причем пол и возраст персонажа в данном случае не имели значения, организаторы исследования просили участников обращать внимание на личностные особенности и характер. Чаще других респонденты называли Золушку, Бабу Ягу (Старуху Шапокляк), Анну Каренину, Скарлетт О'Хара. Другие персонажи литературных и кинематографических произведений встречаются в ответах респондентов значительно реже. Примечательно, что типичных персонажей (названных в ходе исследования несколько раз) вспоминают, как правило, участники со средним и средним специальным образованием. Респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием более склонны называть оригинальные имена.

В целом по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

Хоровые, театральные и инструментальные коллективы имеют более стабильный состав: их участники в среднем имеют больший стаж занятий, чем участники творческих коллективов других жанров.

Более молодые и не связанные семейными узами участники культурно-досуговых формирований чаще других являются участниками нескольких кружков или студий. Количество формирований не связано с размером семьи, однако сопряжено с возрастом младших детей в семье. Число культурно-досуговых формирований, которые посещают участники исследования, не связано с частотой смены работы. Скорее, участие в работе нескольких формирований обусловлено неудовлетворенностью в профессиональной деятельности.

Ведущими мотивами посещения культурно-досуговых формирований являются встречи с друзьями, познавательные возможности и возможность проявить себя. Мотивация участия в работе клубных формирований связана с типом учреждения, возрастом, полом и стажем занятий в клубных формированиях.

Две наиболее активные в деятельности клубных формирований социальные категории – работники бюджетной сферы и пенсионеры.

Степень профессиональной удовлетворенности (выраженная в отношении к основной работе) различна в зависимости от жанра народного творчества, который выбирает участник клубного формирования. Более профессионально удовлетворены участники вокальных формирований, менее – хореографических коллективов, театральных и ИЗО и ДПИ.

В исследовании выделилось несколько наиболее ярких психологических типов участников творческих коллективов, которые связаны с типами личности известных литературных и кинематографических персонажей: Золушка, Баба Яга (Старуха Шапокляк), Анна Каренина, Скарлетт О'Хара и некоторые другие. Перспективой развития темы является описание личностного профиля представителей наиболее часто встречающихся типов, составление диагностического пакета для выявления типа творческой личности и подготовка рекомендаций для руководителей КДФ по взаимодействию с разными типами. Каждый руководитель клубного формирования – педагог. Понимание личностных особенностей участников коллективов: индивидуальный подход в работе, выбор адекватных методов воздействия, формирование группы творческого

коллектива, грамотное формирование малых групп, выбор стратегии развития коллектива

Некоторые итоги исследования опровергают стереотипные суждения о природе самодеятельного народного творчества («творчеством занимаются профессионально неудовлетворенные», «о возрасте детей и занятости в кружках»), однако эти выводы требуют более детальной проработки и могут выступать гипотезами в последующих опросах.

**Socio-psychological characteristics of participants in club groups
cultural institutions of Irkutsk region**

Bazhina U. N.

Abstract. The research, «Portrait of the participant of cultural and leisure formation», conducted by specialists of the Irkutsk regional House of folk art, was aimed at analyzing the relationship of personal characteristics and socio-demographic characteristics of participants of cultural and leisure formations and their professional and creative motivation. The study confirmed the hypothesis that the participants of cultural and leisure groups of different genres have different socio-demographic and psychological characteristics and are guided by different motives of visiting cultural and leisure groups. There were a number of psychotypes, the most typical characters of literary and cinematic works, with which the participants of cultural and leisure formations associate themselves.

Keywords: professional motivation, creative, motivating, Amateur national creativity, the cultural society.

РАЗДЕЛ 7

МОЛОДЕЖЬ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ВЛАСТЕЙ И О СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К РОДИНЕ

Оценка PR-акции по созданию имиджа родного края (на примере Иркутской области)

Анохина А. А., Павлюк М. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье отображаются результаты контент-анализа, темой которого является оценка PR-акций по созданию имиджа Иркутской области. Изложена краткая история о городе Иркутске. Дано определение, что такое имидж. Отображены результаты по каждому критерию оценки. Проведен анализ попытки создания бренда и визуального стиля г. Иркутска.

Ключевые слова: имидж города, бренд, иркутский стиль, контент-анализ, оценка, Иркутская область.

Иркутск – старинный город, основанный в 1661 г. Яковым Похабовым. Расположился город на востоке Сибири, в долине реки Ангары. Город является административным центром Иркутской области. Он один из наиболее развитых городов Восточно-Сибирского региона в таких сферах, как экономическая, культурная, а также научная. В Иркутске удалось сохранить старинную застройку, именно поэтому здесь находится множество памятников истории и культуры, из них – церкви, монастыри, купеческие дома, каменные и деревянные усадьбы. Именно поэтому исторический центр внесен в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Иркутск славится своими театрами, филармонией с превосходным симфоническим оркестром и органным залом. Художественный музей и Краеведческий являются старейшими в Сибирском округе. Они известны на всю Россию, благодаря своим богатейшим и уникальным коллекциям, которые хранят историю Иркутской области с самого зарождения города.

Об Иркутске написано множество разных очерков и статей, самых искренних стихов, песен и рассказов, которые показывают многоликий Иркутск. К примеру, Марк Сергеев, который является автором песен об Иркутске, одна из которых стала не просто музыкальной визитной карточкой города, а официальным гимном – это песня "Любимый Иркутск – середина Земли": *«Из всех городов – их немало на свете, взгляни на восток и на запад взгляни, сквозь тысячи вёрст мы свой город заметим, и сердцем его мы увидим огни»*. Марк Давидович также писал уникальные стихи об Иркутской области: *«Над быстрой Ангарой, вблизи Байкала – утреннего чуда, твоих домов узорная причуда, твоих дымов благословенный рой. Тебе к лицу и лето, и зима, и яблочность снегов, и яблонь свежест, и Ангары прозрачная мятежность, К тебе добра История сама...»*. О Марке Сергееве говорили, что он всю свою жизнь «формировал культурную среду Иркутска». Он любил этот город, воспел его в своих стихах и очень гордился званием почетного гражданина Иркутска.

По-другому можно взглянуть на образ Иркутска в книге Жюль Верна «Михаил Строгов». Он пишет: *«В Иркутске, столице Восточной Сибири, в настоящее время насчитывается до 30 тысяч жителей. Город со своим величественным собором и массой других церквей, разбросанных в живописном беспорядке, стоит на правом высоком берегу Ангары. Если смотреть на него со стороны, с высоты горы, возвышающейся в верстах 20 на большой сибирской дороге, то этот город со своими церквями и колокольнями, с высокими шпицами, как на минаретах, с пузатыми куполами, похожими на японские пагоды, носит характер чисто восточный. Но стоит въехать в самый город, как первое впечатление тотчас же изменяется. Город наполовину византийский, наполовину китайский становится сразу европейским, как только вы увидите его мощные улицы с широкими тротуарами, искусственные каналы, обсаженные по берегам гигантскими березами, его каменные и деревянные дома, между которых есть даже и многоэтажные здания. »*. С этой позиции Иркутск открывается нам как восточный город. Таким образом, образ Иркутска начал складываться много лет назад, его формируют многие писатели.

Все вышеописанное составляет имидж города – его образ, который должен формироваться в сознании как местных жителей, так и туристов, что в свою очередь влияет на развитие региона в

целом. Имидж города формируется на основе представляемой о нем информации. С имиджем города тесно связываются вопросы изучения культуры общества, в современном обществе образ города помогают измерять степень развития общества. Имидж может быть, как положительным, так и отрицательным. Положительный имидж стимулирует привлечение туристов в город, финансовых инвестиций и, самое главное, улучшает социальное самочувствие его постоянных жителей. Образ города играет очень важную роль, так как он влияет на все сферы общественной жизни. Как писала в своей статье «Имидж города как основа его продвижения» Морозова Т. А., «его можно определить, как относительно устойчивую и воспроизводящуюся в массовом и индивидуальном сознании совокупность эмоциональных и рациональных представлений о городе, складывающуюся на основе всей информации, полученной о нем из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений» [11]. Самым известным социологом, изучавшим город, является Роберт Парк. Изучением конкретно городского образа занимался советский и российский психолог Бодалев Алексей Александрович, который в 2003 году написал статью «Имиджелогия – это серьезно», в которой даже выделил несколько функций, присущих имиджу города.

Нами был проведён контент-анализ, в ходе которого было проанализировано 16 интернет-сайтов, посвященных тематике брендовости г. Иркутска и 157 конкретных мнений людей об имидже города по средствам изучения различных источников, выдержек из СМИ, авторских статей, интервью и сайтов, где расположены отзывы о городе. Критерии оценки мнений варьировались от «-2» до «+2», где «-2» – резко негативное отношение, а «+2», – напротив, очень положительное мнение по теме.

Если проанализировать отзывы, которые имеют оценку «очень хорошо», то можно понять, что Иркутск – чистый город, с добрыми людьми, красивыми местами отдыха и огромным количеством достопримечательностей. К образу Иркутской области многие местные жители относятся довольно положительно и выделяют позитивные тенденции развития города. Так, например, в работе под названием «PR-политика Иркутской области, направленная на формирование положительного имиджа региона для привлечения инвестиций» [4], автор пишет о том, что интерес к Иркутской области растет как в России, так и за рубежом, многим иностранцам

нравится Сибирь именно из-за посещения Иркутска. Автор пишет, что у Иркутской области есть все шансы приобрести статус преуспевающего региона быстро развивающейся страны, культурной столицей Азиатской цивилизации и достойным местом для жизни молодого поколения

Наиболее часто встречаются отзывы о великолепной природе: *«А что туристов притягивает в Иркутске? Сам Иркутск. Город <...> вообще такой один единственный»* [1] – такой отзыв оставил иностранец, который путешествует по миру. Или вот, другой отзыв: *«А природа! Это же просто фантастика! Можно найти пейзаж на любой, даже самый притязательный вкус...»* [2]. У многих Иркутск ассоциируется именно с Байкалом: *«Байкал притягивает. Кажется, характер иркутянина складывается под влиянием энергетики Байкала. Он такой большой, добрый и чистый»* [2].

Респонденты, чьи отзывы имеют оценку «в большей степени хорошо, но есть некоторые проблемы», отмечают то, что Иркутск – это, в первую очередь, люди, которые здесь живут. Они добродушные, отзывчивые: *«Это однозначно люди. Я люблю русский народ. В Иркутске я встретил много восхитительных людей»* [3]. Также туристы отмечают красоту сибирских девушек: *«Дружба с сибирской девушкой – это очень сильная штука. Слава богу, что вы (девушки) ещё не успели заразиться материализмом западных женщин»* [2]. Также, обобщенно, стоит отметить, что из плюсов выделяют огромное количество достопримечательностей: *«Я действительно просто наслаждался видами Иркутска, особенно с моста, который недалеко от железнодорожной станции. Статуи и здания очень интересные. Заворожили деревянные дома, они уникальны!»* [3]. Из минусов иностранцы, допустим, отмечают то, что город не совсем приспособлен к туристам. Порой им тяжело ориентироваться, особенно, когда они не знают местный язык или иностранный язык не знают иркутяне [3]. Также туристы отмечают, что Иркутск совсем не приспособлен для тех, кто ездит на велосипедах, а иностранцы это очень любят: *«Водители не очень дружелюбны к велосипедистам. Вообще, у вас это опасно достаточно, так как ничего не предусмотрено»* [3]. Главный минус, который, отметили туристы из других регионов России – это то, что старинный уклад города разрушается, нет должного ухода за достопримечательностями: *«Через 50 лет видящие на фото-*

графиях нынешний Иркутск будут в шоке от того, чем думали люди, которые жгут то, что является лицом города» [2].

Далее были рассмотрены опубликованные материалы на тему «Как спасти иркутские памятники старины?», которые имеют резко негативную оценку. Вот некоторые отзывы жителей Иркутска, которые наиболее ярко иллюстрируют состояние иркутских достопримечательностей: *«У нас в городе явно не всё в порядке. Старинные здания, которые могли придать городу шарм, находятся в ужасном состоянии, что видно невооруженным глазом»*, а также отмечают *«полуразрушенные обветшавшие памятники в самом центре города» [5].* В этом же разделе помимо вышеперечисленного представлено еще несколько мнений иркутян, которые говорят о том, что памятники Иркутска находятся в плачевном состоянии и их нужно срочно спасать. Также многие негативные отзывы заключаются в том, что жители Иркутска, России, и даже некоторые иностранцы видят в городе только грязь, экологию, которая всё больше ухудшается, высокий рост зависимых от наркотиков и алкоголя, особенно среди молодых людей, ВИЧ – эпидемию, высокую преступность, высокие цены, невозможность устройства на работу, бесперспективность и многое другое [6].

Далее в ходе работы делался упор на анализ попытки создания бренда и визуального стиля г. Иркутска. Можно сказать, что компания INSTID в результате своей работы вывела иркутский стиль и иркутские смыслы. Все эти качества в совокупности авторы бренда описали словом «иркутскость» и выразили это в видеоролике, в котором фигурировала фраза «Включайся!», означающая, что в Иркутск приезжают, чтобы совершить свой энергетический скачок, выйти на новый уровень развития, так сказать «включиться» в жизнь города. Иркутский стиль, по мнению авторов проекта, заключается в минимуме правил и максимуме свободы [7].

По отношению к данной попытке создания бренда Иркутска высказалось большое количество иркутян, и их отзывы нельзя назвать положительными. Так, пользователь развлекательного сообщества Picasu [8] отнюдь не лестно высказался о новом бренде Иркутска, используя в своем тексте нецензурную лексику. Вся речь автора эмоционально- и негативно-окрашенная: *«Ничего нет связанного с городом. Ни искусства, ни стиля»*. Пользователь говорит, что никогда бы не обратился к этой компании и не готов принять такое радикальное изменение. Также своё мнение выска-

зывает автор другой статьи: «Дух Иркутска – это трехцветный пиксель-арт, нарисованный в программе Microsoft Paint, где Paint не от слова «красить», а от слова «rain» – боль» [9]. Отрицательно, но не резко высказалось на этот счет издание «Ирксиб»: «Нам показалось, что эта надпись, цвет и шрифт – это не концепция бренда и визуального стиля города. Мы пока не понимаем, что происходит» [9]. Однако есть и одно очень положительное мнение – «Дизайнер Артемий Лебедев назвал новый бренд Иркутска крутым» [10], но вся работа компании по созданию брендовости Иркутска в целом, по мнению иркутян, осталась безуспешной.

В ходе проведенного контент-анализа были получены результаты, которые отображают в целом положительно мнение людей о бренде и имидже г. Иркутска (табл.).

Более наглядная ситуация представлена на следующем рисунке.

Таблица

-2	«очень плохо»	6
-1	«в большей степени плохо, но есть хорошие моменты»	27
0	«нейтрально»	4
+1	«в большей степени хорошо, но есть некоторые проблемы»	49
+2	«очень хорошо»	71

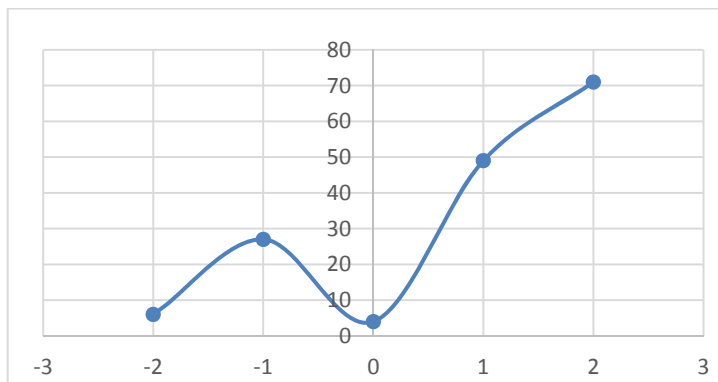

Рис.

На основании проведенного анализа, было выяснено, что имидж Иркутска складывается положительно. В глазах людей – это город, с богатой историей, которая до сих пор отражается в архитектуре, памятниках, музеях. Туристы любят город за его доброжелательность и приветливость, за красоту и уникальность

природы, за большой выбор мест отдыха. У многих город ассоциируется с Байкалом, который с первого взгляда пленяет каждого, заряжая мощной энергией «Святого озера», именно поэтому сюда хочется возвращаться снова и снова. Почти единогласно все твердят о том, что визитной карточкой Иркутска являются именно его жители, иностранцы отмечают красоту, не просто русских, а именно сибирских девушек, во многом ссылаясь на то, что это связано с той самой энергией Байкала. Напрямую с имиджем Иркутска связан его бренд, который может целиком символизировать наш город, а не отдельные его части. Создание брендовости помогло бы придать образу нашего города более целостный характер, все отличительные черты Иркутска соединились бы воедино, что впоследствии популяризовалось бы по всей стране и даже за рубежом. Однако работа над брендом специалистами на данный момент вызывает у жителей города противоречивые эмоции. Привлечение британской компании для создания иркутского образа не увенчалась успехом, что может говорить о том необходимости предпринять инновационные методы PR-акции по созданию имиджа города.

ЛИТЕРАТУРА

1. «От Европы до Сибири: околдовавший иностранцев Иркутск» [Электронный ресурс]. URL: <https://tauga.info/141857> (дата обращения: 20.03.2019).
2. «Извините, это действительно Иркутск?» [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutsk.aldana.ru/new/view/id/14859> (дата обращения: 20.03.2019).
3. «Отзывы иностранцев об Иркутске» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.ru/tourism/blog/20121123/comment/> (дата обращения: 30.03.2019).
4. Платформа материалов Pandia.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/28/96030.php> (дата обращения: 24.03.2019).
5. Общественный проект «В поле зрения» [Электронный ресурс]. URL: <https://irkutsk.vpolezreniya.ru/news/detail/63-kak-spasti-irkutskie-pamyatniki-stariy/> (дата обращения: 24.03.2019).
6. «Иркутск – отзывы переехавших» [Электронный ресурс]. URL: <http://otzov-mf.ru/irkutsk-otzyvyu-pereexavshix/> (дата обращения: 30.03.2019).
7. «Новый бренд Иркутска – какой он?» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20180425/brand/> (дата обращения: 24.03.2019).
8. Развлекательное сообщество Picabu [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/novyyiy_brend_irkutska_5868302 (дата обращения: 27.03.2019).
9. Онлайн-издание о технологиях и трендах TJournal.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://tjournal.ru/art/69787-dlya-irkutska-razrabotali-brend-s-irkutskostyu-v-ktorom-mestnye-zhiteli-ne-nashli-svyazi-s-gorodom> (дата обращения: 24.03.2019).
10. Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL: http://www.irk.aif.ru/society/dizayner_artemiy_lebedev_nazval_novuyu_brend_irkutska_krutym (дата обращения: 27.03.2019).
11. Морозова Т. А. Имидж города как основа его продвижения [Электронный ресурс] / Т. А. Морозова // Вестник Адлгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-goroda-kak-osnova-ego-prodvizheniya> (дата обращения: 28.05.2019).

**Evaluation of PR-campaign to create the image of the native land
(on the example of the Irkutsk region)**

Anokhina A. A., Pavlyuk M. A.

Abstract. This article displays the results of content analysis, the theme of which is the evaluation of PR-actions to create the image of the Irkutsk region. A brief history of the city of Irkutsk is presented. The definition of image is given. The results for each evaluation criterion are displayed. The analysis of attempts to create a brand and visual style of Irkutsk.

Keywords: city image, brand, Irkutsk style, content analysis, assessment, Irkutsk region.

**Социально-политические особенности
дифференциации мнений политиков и населения
Байкальского региона о влиянии перехода
Республики Бурятия и Забайкальского края в
Дальневосточный федеральный округ на реальную
жизнь и перспективы молодёжи**

Зыкова А. А., Савилова К. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье на основе контент-анализа на тему перехода Республики Бурятия и Забайкальского края в Дальневосточный федеральный округ, было проанализировано 58 статей с конца 2018 г. по настоящее время, включающих в себя мнения политиков и населения Республики Бурятия и Забайкальского края, авторы провели сравнительный анализ с мнениями политиков центральной части России. Были выявлены возможные позитивные и негативные последствия этого перехода, а также влияние на жизнь населения, в особенности такой её категории как молодёжь. В том числе было рассмотрено два официальных документа: Указ Президента РФ «О внесении изменений в перечень федеральных округов» от 03.11.2018 № 632; Распоряжение Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» от 17.11.2008 № 1662-р.

Ключевые слова: Республика Бурятия, Забайкальский край, Дальневосточный федеральный округ, переход, молодёжь.

Наша тема носит актуальный характер, так как Указ Президента РФ «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента РФ от 13 мая 2000 года № 849» от 03.11.2018 № 632 [3], конкретнее о переходе Республики Бурятия и Забайкальского края в Дальневосточный федеральный округ, вступил в силу в ноябре 2018 г. до сих пор обсуждается в СМИ и носит острый социально-экономический характер. Это связано с тем, что данный переход должен оказать значительное вли-

яние на население Дальневосточного федерального округа, Республики Бурятия и Забайкальского края.

В статье от 05.11.2018 приводится мнение главы Республики Бурятия Алексея Цыденова: «Это стимулирование инвестиционных проектов, поддержка Фонда развития Дальнего Востока, выплаты при рождении третьего ребенка, возможности введения электронных виз и развитие туризма, а также предоставление «дальневосточного гектара». Все это дает дополнительные стимулы для развития территории нашей республики» [1]; а также сенатора Вячеслава Наговицына, который отметил, что «республике дан шанс из глубоко дотационного региона стать экономически развитым, самодостаточным субъектом с развитой социальной инфраструктурой с обеспеченностью выше средних показателей по стране и школами, и детскими садами, спортивными, медицинскими учреждениями и учреждениями культуры» [1]. В статье от 06.11.2018 приводится мнение гендиректора ФРДВ Алексея Чекункова, который считает, что ««вхождение» в ДФО позволит реализовать в Бурятии и Забайкальском крае масштабные проекты и улучшить качество жизни населения благодаря инструментам господдержки, которые «доказали свою эффективность на Дальнем Востоке» [2].

При написании статьи с целью проанализировать существующее положение и попытаться выделить тенденции развития, мы воспользовались методом контент-анализа и провели анализ содержания таких интернет-ресурсов как:

- По РБ: «Ариг-Ус», «Тивиком», «Infpol», «baikal-daily.ru».
- По Забкраю: «Chita.ru».
- По Иркутску: «irk.ru», «babr24.com».
- По России: «Tass», «eastrussia.ru», «bellona.ru», «minvr.ru», «takiedela.ru», «www.svoboda.org», «ulan.mk.ru».
- По ДФО: «vostokmedia.com».

На этих интернет-ресурсах мы искали материалы, которые так или иначе связаны с переходом Республики Бурятия и Забайкальского края в ДФО. Было проанализировано 58 статей с конца 2018 г. по настоящее время, включающих в себя 79 мнений политиков, политологов и населения. Обработав данную информацию, мы разделили её по критериям оценки данной ситуации в настоящем времени и перспективе на будущее и эмоционального окраса (табл.).

**Корреляция обработанной информации по эмоциональному окрасу
и временной оценке**

	Крайне негатив- но (-2)	Негатив- но (-1)	Нейтраль- но (0)	Позитив- но (+1)	Крайне позитив- но (+2)	Итого
Оценка будущего	4	4	5	15	14	42
Оценка настоящего	3	4	5	3	1	16
Оценка будущего и настоящего	4	7	4	3	3	21
Итого	11	15	14	21	18	79

Подсчитаем общее количество негативных и позитивных оценок по каждой строке:

- *Оценка будущего*: негатив = $4*(-2) + 4*(-1) = -12$; позитив = $15*1 + 14*2 = 43$.

- *Оценка настоящего*: негатив = $3*(-2) + 4*(-1) = -10$; позитив = $3*1 + 1*2 = 5$.

- *Оценка будущего и настоящего*: негатив = $4*(-2) + 7*(-1) = -10$; позитив = $3*1 + 3*2 = 9$.

- *Итого*: негатив = $11*(-2) + 15*(-1) = -37$; позитив = $21*1 + 18*2 = 57$.

По результатам видно, что в мнениях о будущем позитивные оценки (43) преобладают над негативными (12), в мнениях о настоящем негативные оценки (10) в два раза превышают позитивные (5), в мнениях о существующей ситуации и прогнозах на будущее количество негативных оценок (15) превышает количество позитивных (9).

Множество негативных оценок было обнаружено во мнениях населения. В качестве примера приведем комментарий директора Бурятского регионального объединения по Байкалу Натальи Турмуревоной: «Больше всего возмущает то, что опять всё сделано без участия жителей, нет пояснения про перспективы и возможности, зачем все это нужно» [5].

Также в ходе контент-анализа мы смогли выделить возможные позитивные и негативные последствия данного перехода.

Позитивные последствия:

- земля в собственность
- субсидия на строительство и ремонт объектов
- льготные авиабилеты

- особая система налогообложения
- новые рабочие места
- перспективы развития сырьевых объектов
- федеральное финансирование на инфраструктуру
- развитие сельского хозяйства
- развитие экспорта
- повышение уровня жизни, увеличение рождаемости

Негативные последствия:

- угроза суверенитета и территориальной целостности
- субъекты ДФО являются полигоном для взаимодействия с

Китаем

- аренда предприятий китайским бизнесом
- вырубка лесов Китаем
- угроза реализации экологических и социально-опасных

проектов

- возможность выдачи земель в рамках программы «дальневосточный гектар» на территории Байкала

- использование Китаем горнорудных и атомных предприятий для обеспечения своей промышленности ресурсами

- недовольство людей тем, что их мнение не было учтено

Часть выявленных нами положительных последствий совпадают с целями, задачами государственной молодёжной политики, а точнее «развитие эффективных моделей и форм вовлечения молодежи в трудовую и экономическую деятельность, включая деятельность трудовых объединений, студенческих отрядов, развития молодежных бирж труда и других форм занятости молодежи, совершенствования нормативно-правовой базы для максимально гибкого привлечения молодежи к трудовой деятельности и обеспечения ее законных прав и интересов» [4].

Резюмируя вышесказанное, мы делаем вывод о том, что решение присоединить Республику Бурятия и Забайкальский край к ДФО в большей степени было принято не с расчетом на коренные изменения в настоящем, а с перспективой на будущее, соответственно, в большей степени направлено на молодёжь, на сохранение у неё позитивного образа «малой родины» и на то, чтобы при-вить молодёжи желание остаться в своём родном крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соболева А. «Новые возможности и перспективы»: Алексей Цыденов прокомментировал присоединение Бурятии к ДФО // Новостной порталю URL: <https://www.infpol.ru/179494-novye-vozmozhnosti-i-perspektivy-aleksey-tsydenov-prokommentiroval-prisoedinenie-buryatii-k-dfo/>

2. Иванов А. Бессмысленная мера или светлое будущее: что думают эксперты о «присоединении» Бурятии и Забайкалья к Дальнему Востоку // Новостной портал. URL: <https://www.infpol.ru/179535-bessmyslennaya-mera-ili-svetloe-budushchee-chto-dumayut-eksperty-o-prisoedinenii-buryatii-i-zabaykal>

3. О внесении изменений в перечень федеральных округов, утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. N 849 [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 03.11.2018 № 632. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310322/

4. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/8c06531ad22712c2c23ff6f27e6fa335c490c621c/

5. Иващенко Т. Бурятию передали в ДФО, «а Байкал – китайцам»? // Информационное агентство: ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2513877.html>

Socio-political features of differentiation of opinions of politicians and the population of the Baikal region on the impact of the transition of the Republic of Buryatia and Zabaykalsky Krai in the far Eastern Federal district on the real life and prospects of young people

Zykova A. A., Savilova K. A

Abstract. In this article, based on the content analysis on the transition of the Republic of Buryatia and the Zabaykalsky Krai to the far Eastern Federal district, 58 articles were analyzed from the end of 2018 to the present time, including the opinions of politicians and the population of the Republic of Buryatia and the Zabaykalsky Krai, the authors conducted a comparative analysis with the views of politicians of Central Russia. Possible positive and negative consequences of this transition were identified, as well as the impact on the life of the population, in particular its category as young people. Including two official documents were considered: the Decree of the President of the Russian Federation "About modification of the list of Federal districts" of 03.11.2018 N 632; the Order of the Government of the Russian Federation "About the Concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020" of 17.11.2008 N 1662-p.

Keywords: Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, far Eastern Federal district, transition, youth.

Исторический и социологический аспекты отношения населения к освоению Дальнего Востока

Осинов Т. А., Сафонов С. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье описана демографическая и миграционная ситуация на Дальнем Востоке. Выявлены основные причины оттока населения из Дальневосточного региона, заключающиеся в общем социально-экономическом развитии региона. Описывается сущность федеральной программы «Дальневосточный гектар». Методом контент-анализа выявлено ярко выраженное отрицательное отношение общественности к этому проекту. Определены дальнейшие перспективы проекта и его возможное влияние на социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: Дальний Восток, Дальневосточный гектар, миграция, отток населения, демография.

Российская Федерация является самой большой страной в мире и включает в себя обширные территории площадью более 17 миллионов квадратных километров. Значимая часть этих территорий относится к Сибири и Дальнему Востоку. Так как они довольно далеки от центральной части страны, многие районы этих регионов освоены и благоустроены не лучшим образом. Обусловлено это разными факторами, включая низкую среднегодовую температуру, распространенную вечную мерзлоту, контрастность климата и другие природные особенности, отдаленность от центра и другое. Это ведет к отсталости этих регионов от центральных в некоторых аспектах, что приводит к такой серьезной проблеме как отток населения из данных регионов. Согласно исследованию, проведенного Высшей школой экономики, за промежуток времени между 1990 и 2009 годами миграционные потери Сибирского и Дальневосточного автономных округов составили количество свыше двух миллионов человек [2]. После экономического и политического кризиса 90-х годов, притягивающая роль Москвы не только восстановилась, но и многократно усилилась. Многие эксперты утверждают, что такая перспектива в ближайшее время только наберет оборот. Следовательно, встает вопрос о том, каким образом государство может обеспечить естественную внутреннюю миграцию в таких проблемных частях страны, которая будет способствовать развитию регионов?

История переселенческой политики Дальнего Востока берет свое начало в первой четверти XX в. В те годы проводилась так называемая столыпинская аграрная реформа. Её автор, П. А. Столыпин был государственным деятелем и председателем Совета министров Российской Империи. Глобальной целью его реформы являлось устойчивое процветание и развитие сельского хозяйства в Российской империи. Миграционный приток конкретно на Дальнем Востоке был обусловлен нехваткой трудовых ресурсов, которые были необходимы для освоения богатого различными ресурсами региона. Так как в контексте нашей работы важен демографический аспект, стоит описать фактические результаты именно в этом направлении. В годы столыпинской аграрной реформы в 1906 – 1913 гг. в регион переселилось 153 684 человека, в том числе крестьян – 137 333 (89,4 %), ими было основано 246 селений. В годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) в Приморье переселилось 16 674 чел., в том числе 14 566 крестьян (87,4 %), которыми было основано 14 селений. Таким образом, в Приморье с 1901 по 1917 гг. переселилось 179 627 крестьян-новоселов, которыми было основано 312 селений. Всего с 1861 по 1917 г. в Приморье прибыло 239 880 крестьян, которыми было основано 477 селений. То есть, российское крестьянство сыграло главную роль в начальном этапе заселения Дальнего Востока. Основав первые поселения, крестьяне создавали внутреннюю инфраструктуру, привлекая к себе новых поселенцев. Реформа втягивала Дальневосточный регион в общероссийский процесс роста капиталистических отношений и давала стране возможность создания стратегических баз в данном регионе [7].

Регион в виду своей огромной площади постоянно требовал освоения, так как нехватка собственных трудовых ресурсов имела место быть и после реформ Столыпина. Также со временем возрастала и геополитическая значимость этих территорий. То есть у российского государства всегда была необходимость освоения Дальнего Востока, что обеспечивалось различными факторами. Например, Русско-Японская война 1904–1905 гг. обусловила приток воинского контингента, многие из солдат впоследствии стали переселенцами. Освоение продолжалось и во времена Советского Союза, в пример можно привести ударные комсомольские стройки Комсомольска-на Амуре, Зейской ГЭС и других проектов или же освоение целины при Никите Хрущеве.

Однако были ли все эти меры по-настоящему эффективны? Как это отразилось на дальнейшем развитии регионе, как повлияло на его современную демографию? На данный момент динамика в этом плане неутешительная, население Дальнего Востока начало сокращаться еще в 1990-ых годах и продолжает сокращаться по сей день. Если в начале 1995 года постоянное население региона составляло около 7518 тыс. человек, то в начале 2013 года – 6252 тыс. человек. Таким образом, за 18 лет регион потерял около 1266 тысяч человек, составляющих постоянное население [3]. Подтверждают такую негативную динамику и результаты переписей населения 2002 и 2010 годов. Разница в количестве населения между этими двумя годами составила почти 400 тысяч человек [4; 5]. Причинами сокращения населения можно назвать снижение рождаемости, повышение смертности и как основной фактор – миграционный отток. В таблице 1 показана динамика оттока населения из ДФО с 2002 по 2010 г. [3]. За все это время не было ни одного года с положительным показателем притока населения и по прогнозу экспертов ситуация будет изменяться лишь в худшую сторону. Стоит также отметить, что большую часть (примерно 35–40 %) от количества покидающих регион составляет молодежь, которая является основной движущей силой развития региона и государства в целом. Еще одним важным нюансом является то, что из региона в основном уезжают хорошо капитализированные, обученные кадры (как правило уезжают навсегда), а приезжают – плохо знающие русский язык, необученные кадры с недостаточной базой трудовых навыков (в этом случае обычно приезжают на заработки, т. е. речь идет о временном жительстве в регионе).

Таблица 1

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Кол-во чел.	27 810	24 946	22 609	24 890	22 369	15 915	19 199	17 919	27 444

По нашему мнению, основной причиной оттока населения является общий уровень социально-экономического развития региона, а не какие-то точечные проблемы. По результатам исследования 2016 года об образе Дальнего Востока, проведенного ВЦИОМом, только 14 % россиян считают, что данный регион обладает высоким потенциалом в социальном и экономическом плане. Среди преимуществ Дальнего Востока выделяются в основном: воз-

возможность хорошо зарабатывать, обеспечивать свою семью (40 %), возможность для карьерного и профессионального роста (23 %) и возможность работы по специальности (22 %). В то время как такие показатели как развитая инфраструктура, возможность спортивного и культурного досуга, возможность для образования и развития детей выделяются куда реже (6, 7 и 13 процентов соответственно). То есть Дальний Восток в глазах многих людей воспринимается исключительно как место для заработка. Также можно отметить, что жители других регионов страны выделяют некоторые пункты, которые, по их мнению, в ДФО развиты хуже, чем в их собственных. К ним относятся «насыщенность, разнообразие культурной жизни», «качество образовательных услуг» и «общий уровень жизни». При вопросе о перспективах большая часть людей, что регион сможет стать процветающим только через некоторое время: через 15–20 лет (42 % и 44 % среди россиян и жителей региона соответственно); через 40–50 лет (23 % среди россиян и жителей региона) [13].

Отставание региона в некоторых моментах отмечают жители Дальнего Востока, других регионов, а также влиятельные российские политики. Например, президент России, Владимир Путин выделил основные проблемы в регионе: «...низкая обеспеченность жильем, качественными услугами здравоохранения, образования, связи, нехватка современных объектов культуры и спорта, неудовлетворительная транспортная доступность, отставание в благоустройстве городов и поселков» [6]. Таким образом, нами были выявлены проблемы, которые являются основной причиной оттока населения из ДФО.

В наше время проблему внутренней миграции было предложено решить инновационным методом. В рамках дальневосточного направления внутренняя политика государства в этом вопросе реализовалась в виде специфического федерального проекта. Закрепляющий его закон вступил в силу в 2016 году, и проект стал известен людям как федеральная программа под названием «Дальневосточный гектар». Её суть состоит в том, что граждане Российской Федерации и участники программы по добровольному переселению соотечественников получают право подать заявку на получение на территории одного из субъектов Дальнего Востока земельного участка размером до одного гектара на пять лет в безвозмездное пользование. По истечению пятилетнего срока землю

можно оформить в собственность или долгосрочную аренду. Выбрать интересующий участок можно с помощью кадастровой карты на официальном сайте программы и далее пройти несколько этапов оформления его в пользование [12].

На земельных участках разрешено строительство индивидуального жилого дома, развитие сельского и охотничьего хозяйства, организация любых видов бизнеса, а также любая иная не запрещенная законодательством деятельность. При этом участники программы могут рассчитывать на различные виды государственной поддержки. Это выражено в возможности получения различных грантов, микрозаймов, льготных кредитов на особых условиях и субсидиях [12].

Данный проект предполагает глобальное развитие региона в долгосрочной перспективе путем привлечения внимания и ресурсов граждан к освоению территорий. Необходимость подобного развития обусловлена самыми различными факторами. Наша страна очень богата природными ресурсами, как и Дальневосточный регион в частности. Речь идет о полезных ископаемых, энергетических ресурсах и различных видах сырья, освоение которых крайне положительно скажется на развитии промышленности. Также немаловажным элементом являются рекреационные природные ресурсы, которыми богат Дальний восток. Они влияют на культурно-историческое достояние страны, а также на её экономический потенциал, в частности в сфере туризма. Кроме того, не стоит забывать о ситуации на мировой арене. На данный момент повышается влияние азиатских стран (в пример можно привести Китай, Японию и др.). Сотрудничество с этими странами крайне благоприятно скажется как на международных, так и внутригосударственных процессах. В связи с этим повышается значимость Сибирского и Дальневосточного округов. Немаловажным является и кросс-культурный аспект. Коренные народы Дальнего Востока (например, эвенки, нанайцы и др.) являются носителями древней специфической культуры. Расширение коммуникационных связей и контактов в этой области позволит стране получить бесценный культурный опыт, а также привнести в эти районы некоторые инновационные моменты, которые недостаточно в них освещены.

Мы считаем, что для оценки эффективности программы и её дальнейших перспектив в первую очередь необходимо прислушаться к мнению непосредственных участников программы, а так-

же лиц, которые участвуют в её организации и реализации. Для выполнения этих целей нами был проведен контент-анализ, в ходе которого были рассмотрены 117 конкретных мнений людей о программе «Дальневосточный гектар». Объектом анализа стали одни из крупнейших интернет-СМИ России, а именно ТАСС, РБК, а также интернет-издание телеканала RT. Среди рассмотренных материалов были интервью, комментарии экспертов и крупные репортажи непосредственно с места событий. Для выявления общественного мнения по данному вопросу нами были выделены материалы с оценочным эмоциональным окрасом. При оценке мнений мы делили их на группы с различными типами отношения к проблеме: сугубо положительное (+2), скорее положительное (+1), скорее отрицательное (-1), сугубо отрицательное (-2).

В категории «сугубо положительное» мнения людей сформированы однозначно положительно, они видят в программе лишь хорошие стороны и не сталкивались ни с какими проблемами. Приведем в пример некоторые высказывания: *«Я подавал четыре заявки на получение «дальневосточного гектара» в октябре. Все они были одобрены. Никаких проблем и проволочек с получением и оформлением “гектаров” не возникло»* [10]. Еще один отзыв: *«Заявку на получение “дальневосточного гектара” подали в первую очередь. Проблем с получением земли не возникло – в ноябре 2016 года нам выдали документы на 5 га»* [9]. Большинство людей, которые не отметили никаких проблем в организации, рассказывают о своих планах: *«Эти земли я планирую использовать под расширение своего хозяйства, молочного производства. Еще два «гектара» находятся в 36 км от Южно-Курильска, здесь земля пригодна для растениеводства. Планирую уже этим летом посадить на ней картошку, морковь, лук и другие овощи, которые сейчас завозятся с материка»* [10]. Еще один перспективный проект: *«...планирую построить пункт обслуживания грузового автотранспорта. Удачно совпала моя идея и возможность получить участок в этом месте»* [11]. Подобных мнений оказалось совсем немного.

Что касается категории «скорее положительное», здесь мнения людей в целом относятся к программе так же положительно, но все же отмечают, что столкнулись с некоторыми проблемами: *«...закон о «дальневосточном гектаре» накладывает ограничение на выделение земель, находящихся на территории охотничьих хо-*

зьяйств. В итоге получается, что интересных участков, по крайней мере в радиусе 100 км от города, просто нет» [10]. Отмечались и другие проблемы: «Проблем с одобрением не было, но они возникли на стадии оформления документов на землю. Один из моих участков попал на межу. Пришлось корректировать границы этого участка и согласовывать изменения с администрациями двух районов. На это ушло время» [11].

Что касается мнений, которые мы отнесли к категории «скорее отрицательно», в них отмечались более серьезные проблемы, которые сильно влияли на общее отношение к проекту: «...выяснилось, что эта земля относится к зоне “Р-2”. То есть по генплану города – это рекреационная зона. Теперь, для того чтобы я смог там что-то построить, мне потребуется потратить на получение проектной и разрешительной документации два года. ...Кроме того, это еще и дополнительные расходы – примерно 500 тыс. руб. сверх того, что я планировал потратить изначально» [10]. Еще один отзыв: «К 1 февраля к оформлению для бесплатной передачи на Камчатке остались только верхушки гор и сопки. Все остальные земли или заняты нашим любимым Агентством лесного хозяйства Камчатского края. ... И как хочешь, так и осваивай в течение 5 лет» [9]. Мнения из этой категории составляют большую часть всего проанализированного материала.

И наконец, что говорили люди, мнения которых находятся в категории «Сугубо отрицательное». Ими отмечались проблемы почти на всех этапах участия в программе. Это проблемы самого различного плана, например, технические: «То есть нам сразу честно говорят: система не работает. Через сайт заявку подать не получится, приходите ногами и подавайте заявку на бумаге» [9]. Также проблемы, касающиеся выбора участка: «Дальше выясняется, что карту можно запросить в местном росреестре или в МФЦ, но на ней не будут размечены зоны, в которых мы не имеем право выбирать участок. То есть выбор будет абсолютно непредсказуемым. Вероятность отказа возрастает в этом случае раз в 100». Или жалобы на признаки коррупционных схем: «...первые дни “система не работает”, а потом, когда она работает для всех, выяснится, что лучшие гектары разобрали ребята, стоящие у руля процесса. Как это мы видели на примере озера Ханка» [11].

Кроме того, мы считаем важным отметить мнения экспертов, участвовавших в организации программы. Губернатор Камчатского края Владимир Илюхин считает, что программа работает как надо: «*“Дальневосточный гектар” на Камчатке удался, он развивается и очень востребован*» [11]. Председатель Ассоциации Фермеров Республики Бурятия, председатель Общественной палаты Бурятии Баир Бальжиров отмечает некоторые положительные моменты, которые могут реализоваться в будущем: «*Благодаря реализации этого закона может быть дан мощный толчок развитию малых сел в Бурятии... в первую очередь, это возможность для наших местных жителей – программа должна работать для них*» [10]. Однако нужно понимать, что их мнения могут быть необъективны, так как эти люди в первую очередь заинтересованы в положительных оценках как самого проекта, так и своей деятельности в его рамках.

Выдвигались и различные предложения, например, от властей Сахалина: «*...предлагают уникальный продукт – многодетные семьи могут строиться на “гектаре” под 0 %. Такого предложения нет нигде на Дальнем Востоке*» [11]. Также предлагались некоторые поправки в законодательстве «*...закон о samozанятости и гектар – как площадку для разворачивания такого закона. Мы считаем, что для тех, кто занимается выращиванием своей продукции не должно быть налогов*» [10]. Были и совершенно инновационные идеи, например, замена воинской службы молодым на освоение «дальневосточного гектара».

Итоговое распределение мнений показано на таблице 2.

Таблица 2

+2	Сугубо положительно	9
+1	Скорее положительно	23
-1	Скорее отрицательно	61
-2	Сугубо отрицательно	24

По итогам проведенного анализа наглядно видно, что большинство людей склоняются к отрицательной оценке данного проекта. В первую очередь это обусловлено организационными проблемами, с которыми столкнулись участники программы. Людями были отмечены разнообразные проблемы на всех этапах участия в проекте, от оформления участка до непосредственной деятельности на своем «гектаре». Можно также привести результаты выше-

упомянутого исследования ВЦИОМа, по результатам которого только 6 % россиян и 11 % жителей Дальневосточного региона считают перспективу получения «гектара» однозначно привлекательной для них [13].

В первую очередь нами было изучено мнение самих участников программы, а также тех, кто участвовал в её организации. Это те люди, которые имеют непосредственное отношение к данному проекту и поэтому могут сформировать компетентное мнение о его положительных и отрицательных сторонах, о существующих тенденциях и возможных путях оптимизации работы данной программы. Выявив ярко выраженное негативное отношение большинства людей к проекту, можно уточнить, что в основном недовольство основано на организационных проблемах, с которыми столкнулись участники. Это позволяет нам сделать вывод о том, что при правильной организации, с учетом опыта всех участников программы и их пожеланий по улучшению ее работы, этот проект сможет сделать хороший вклад в развитие региона. Однако мы считаем, что коснется это только некоторых аспектов. В пример можно привести развитие малого и среднего бизнеса и поддержание молодых семей. По нашему мнению, даже при успешной реализации проект не сможет стать основной для полноценного развития региона в социально-экономическом плане, а также решить проблему оттока населения, как предполагалось при его разработке. Для решения подобных задач нужно использовать более глобальные стратегические подходы с упором на общее социально-экономическое развитие региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виценец Т. Н., Бережнова Е. И. Особенности развития миграционных процессов на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-migratsionnyh-protsessov-na-dalnem-vostoke> (дата обращения: 24.04.2019).
2. Денисенко М. Б., Мкртчян Н. В., Тюрюканова Е. В. Миграция в развитии России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2011/03/09/1211375082/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE_%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 25.04.2019).
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. : в 14 т. / Федер. служба гос. статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2005. Т. 14. (дата обращения: 25.04.2019).
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. : в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013 (дата обращения: 25.04.2019).
6. Как вернуть население на Дальний Восток // Деловая газета Взгляд. 10.09.2018. URL: <https://vz.ru/economy/2018/9/10/941161.html> (дата обращения: 25.04.2019).

7. Осипов Ю. Н. История переселения. Этапы / ПКПБ им А. М. Горького 2013–2019. [Электронный ресурс] // URL: <http://relocation.pgpb.ru/history/index.html> (дата обращения: 25.04.2019).
8. Отток населения из ДФО в 2018 году увеличится в два раза – прогноз Росстата // Информационное агентство REGNUM, 1999–2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2377902.html> (дата обращения: 25.04.2019).
9. Сайт автономной некоммерческой организации «ТВ-Новости», 2005–2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 25.04.2019).
10. Сайт газеты «РБК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 25.04.2019).
11. Сайт информационного агентства «ТАСС» [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 25.04.2019).
12. Сайт Федеральной программы «Дальневосточный гектар: жить и работать на своей земле» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aagvgieoea2bo7l.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.04.2019).
13. Социологический мониторинг миграционной ситуации на Дальнем Востоке / ВЦИОМ. URL: https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-05-29_dfo.pdf (дата обращения: 25.04.2019).
14. Шувалова И. К. Миграционные процессы на Дальнем Востоке России: опыт, проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-na-dalnem-vostoke-rossii-opyt-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 25.04.2019)

Historical and sociological aspects of the population's attitude to the development of the Far East

Osipov T. A., Safonov S. A.

Abstract. The article describes the demographic and migration situation in the Far East. The main reasons of outflow of the population from the Far East region, consisting in the General social and economic development of the region, are revealed. The essence of the Federal program "Far Eastern hectare" is described. The method of content analysis revealed a pronounced negative attitude of the public to this project. The future prospects of the project and its possible impact on the socio-economic development of the region are determined.

Keywords: Far East, Far Eastern hectare, migration, outflow of the population, demography.

Оценка межнациональных отношений в городе Иркутске среди коренного населения и лиц кавказской национальности

Ахмадышина Н. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье автор акцентирует внимание на анализе взаимоотношений между жителями города Иркутска и лицами кавказской национальности. Рассматриваются особенности поведения обеих групп в отношении друг друга, характеристики конфликтов национальностей и выделяются тенденции взаимодействия.

Ключевые слова: межнациональные отношения, оценка отношений, конфликт, национальность.

Иркутск уже с начала прошлого столетия являлся центром пересечения дорог, временным домом или постоянным местом жительства не только для коренных жителей, но и для людей других национальностей, приезжающих сюда для нахождения работы, лучшей жизни или по другим причинам. Естественно, такое положение дел отразилось и на отношениях между «принимающими» и «принятыми», что не могло не привлечь к себе внимание исследователей, интересующихся данной темой.

Я также проявила интерес к этой проблеме и постаралась проанализировать наблюдаемые тенденции во взаимоотношениях коренного населения (русские, буряты) и мигрантов в г. Иркутске, выявить настроения обеих групп и, возможно, наметить некоторые пути решения существующих конфликтов и взаимных претензий.

Для исследования был выбран метод контент-анализа, с помощью которого было проанализировано семь интернет-источников, включающих в себя 154 конкретных мнения, на предмет упоминания в них каких-либо отношений между коренными жителями Иркутска и лицами кавказской национальности, на мой взгляд, наиболее полно отражающих состояние рассматриваемого вопроса.

В качестве смысловых единиц использовались оценки от «-2» – крайне негативное отношение, полное неприятие, до «+2» – очень положительное отношение, полное принятие.

Основными задачами на момент проведения анализа выступали:

1. Выявить оценку состояния межнациональных отношений в г. Иркутске.

2. Определить, какие факторы и причины влияют как на положительное, так и на отрицательное развитие межнациональных отношений.

Согласно данным переписи 2010 года, в Иркутской области проживают представители 156 национальностей, жители стран Кавказа и Средней Азии среди них занимают треть по счету место после русских (93,2 %) и бурят (2,3 %), соответственно, а именно 2,2 %. Такая большая концентрация людей, отличной от коренных жителей, другой национальности создает некоторую напряженную атмосферу между представителями данных народов.

Для проведения исследования были выбраны статьи, в целом охватывающие рассматриваемую проблему с начала прошлого столетия по настоящее время. Ярко выраженное негативное отношение к лицам кавказской национальности прежде всего заключается в неуважении к традициям других народов, «краже» у коренного населения рабочих мест, «хулиганские действия на межнациональной почве» последних. При анализе отзывов, в глаза бросаются следующие характеристики: это «центральные силы преступников и грабителей», «активные работники шаек», «их нахождение (в иркутском сообществе) нарушает спокойствие местных жителей и создает угрозу жизни других людей» [6]. Также среди крайне негативных отзывов выделяются: «кавказская диаспора», «торговая мафия» [7]; «чужаки», «торгаши», «черные», говорится, что вокруг выходцев с Кавказа существует мощное «поле напряженности» [1], выражающееся в бескультурии, неуважении и грубости по отношению к «принимающему» народу. Общее число крайне негативных отзывов составило 33 единицы.

Менее отрицательная оценка связана с тем, что данная группа «для защиты своих экономических интересов создает и финансирует соответствующую криминальную группировку, призванную оградить её от посягательств на свою сферу деятельности и усилить свое социально-экономическое влияние... через включение в нее криминального бизнеса», «...эти процессы происходят на глазах общества, рождая этническую нетерпимость и этнические конфликты» [4]. Как видно из данного описания, мигранты пытаются сформировать собственный бизнес и обеспечить его наилучшей защитой, но и это может привести к угрозе безопасности мирного населения. Подобные отзывы прослеживаются в числе 18 мнений со стороны людей русской национальности.

В отношении к мигрантам у жителей города Иркутска наблюдается и нейтральное отношение и выражается оно в необходимости принятия всех национальностей, без разделения на хороших и плохих, а именно: «у кавказцев просто другой менталитет», «они же не лучше и не хуже нас» [5]. В общей сложности данную оценку дали 15 человек, что не оказывает большого влияния на само исследование.

В защиту мигрантов выступает небольшое число людей, но те, кто это делает описывают их как нормальных, адекватных людей, приветливых и неагрессивных. Высказывается мнение о том, что «нельзя отрицательное отношение некультурных проецировать на всех остальных» [5], а также, что «большая часть населения положительно относится к проживающим в Иркутске иностранным гражданам» [4]. Положительное отношение выразили 30 человек, почти такое же количество дало крайне негативную оценку.

Существуют и очень положительные отзывы, в которых говорится о постоянной готовности помочь в случае необходимости, о хорошей трудовой силе, необходимой региону и преданной дружбе кавказских народов. Данные отзывы не пользуются популярностью: всего 9 человек выразило полную готовность сотрудничать и взаимодействовать с лицами кавказской национальности.

Со стороны других коренных жителей Иркутска, а именно, бурят, к «кавказцам» наблюдается в основном резко отрицательное отношение: «город пережил нашествие... и до сих пор переживает», «русские и буряты – больше не полноправные хозяева этой земли», «все идет к межнациональным столкновениям», «они здесь не нужны, их и так слишком много» [3]. Всего же 25 мнений с крайне негативной оценкой.

В отношении же самих кавказцев к жителям Иркутска прослеживается следующее: «... иностранные граждане испытывают радость и любопытство при общении с местным населением» [4], зачастую, они говорят о наличии русских друзей, которыми дорожат и непонимании предрассудков к своему народу, не исключая, конечно, неподобающего поведения со стороны некоторых его представителей. Всего такой точки зрения придерживались 6 человек, что составляет меньшую часть от результатов анализа мнений лиц кавказской национальности.

В числе главных факторов, характеризующих негативное отношение со стороны мигрантов, выступает их обывательское от-

ношение к русским, с помощью которого они пытаются показать «свое над ними превосходство», «наказать за кабалу, длящуюся два или более столетия», такое несерьезное отношение, которое «питается отрицательными чертами русской национальности» [5] чаще всего порождает вражду. Общее число мнений с такой оценкой – 18.

В ходе проведенного контент-анализа были получены результаты, которые отображают в целом негативное отношение коренного населения к лицам кавказской национальности и такое же отношение со стороны «кавказцев» (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка межнациональных отношений в городе Иркутске

	Крайне негативное отношение (-2)	Негативное отношение (-1)	Нейтральное отношение (0)	Положительное отношение (+1)	Крайне положительное отношение (+2)
Русские к «кавказцам»	33 (-66)	18 (-18)	15 (0)	30 (+30)	9 (+18)
Буряты к «кавказцам»	25 (-50)	0	0	0	0
«Кавказцы» к русским и бурятам	18 (-36)	0	0	0	6 (+12)

Исходя из данных, представленных в таблице 1, мы видим, что негативное отношение со стороны русских людей к мигрантам в 1,75 раз превышает позитивное, если брать в расчет бурят, то данная тенденция увеличивается до 2,8 раз. Со стороны кавказцев фактор негативного отношения в три раза превышает фактор позитивного. При общем анализе таблицы, не выявляя показатели по отдельным категориям, крайне негативное и негативное отношение превышает положительное и крайне положительное в 2,8 раза.

Таким образом, общую оценку всех представленных выше материалов можно охарактеризовать как в крайней степени негативную со стороны обеих рассматриваемых групп, что в связи с принятыми смысловыми единицами характеризуется как очень напряженные отношения, недоверие и подавляющее неприятие.

Анализируя полученные результаты, я пришла к выводу, что чаще всего в Иркутске наблюдается негативное отношение к лицам кавказской национальности с точки зрения криминогенности данной группы, а также фактора социально-политической напряженности. Кроме того, со стороны мигрантов часто наблюдается

неуважение к культуре и народу, рядом с которым они проживают, раздражающие манеры, неподобающее отношение к женщинам, вызывающее поведение и национальное высокомерие. Но не будем забывать о том, что люди других национальностей, приезжающие в наш город, очень часто ведут себя уважительно по отношению к коренным жителям, показывают вежливое, дружеское и внимательное отношение, кроме того, они улучшают экономическое положение региона и являются хорошей трудовой силой.

Не умаляя особенностей поведения, часто влекущих за собой отрицательные последствия, не стоит забывать и то, что отрицательное отношение местных жителей обычно провоцирует аналогичную ответную реакцию. Плохое отношение только увеличивает социальное напряжение, ведь для комфортного сосуществования в одном сообществе необходимы серьезные усилия с обеих сторон и без этих усилий конфликт останется на том уровне, на котором мы наблюдаем его сейчас. Предрассудки имеют свойство передаваться из поколения в поколение, усваиваясь в процессе социализации, и только мы сами способны улучшить ситуацию и стать добрыми друзьями с нашими соседями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дятлов В. И. Анти-иммигрантские настроения в общественно-политической жизни современного сибирского города (на примере Иркутска) // Рустрана. 2007. № 10. URL: [http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/23439/Anti-immigrantskie-nastroeniya-v-obshchestvenno-politicheskoy-zhizni-sovremennogo-sibirskogo-goroda-\(na-primere-Irkutska\)](http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/23439/Anti-immigrantskie-nastroeniya-v-obshchestvenno-politicheskoy-zhizni-sovremennogo-sibirskogo-goroda-(na-primere-Irkutska)) (дата обращения: 28.03.2019).
2. Евгений Пушкарев, Василий Выборлев Кавказская война в Иркутске [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.flb.ru/info/14076.html> (дата обращения 27.03.2019).
3. Новые жители нашего региона (выходцы с Кавказа) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=13439&start=330&postdays=0&postorder=asc> (дата обращения: 15.05.2019).
4. Нтакийича Н., Бархатова А. Современные отношения между мигрантами и местным населением Иркутской области // Научное сообщество студентов XXI столетия. 2012. № 6. URL: sibac.info/archive/social/6.pdf (дата обращения: 02.04.2019).
5. Отношение кавказцев к русским: обывательщина и безосновательность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83772/posts/24060>, свободный (дата обращения: 28.03.2019).
6. Шободоев Е. Б. Кавказцы в Иркутске. Начало мафии? // Иркутская губерния. 2001. № 1. URL: http://irkipedia.ru/content/kavkazcy_v_irkutske_nachalo_maffii (дата обращения: 27.03.2019).
7. Янченков Владимир «Чеченские волки» в Иркутске // Общественно-политическая газета Труд. 2000. № 093. URL: http://www.trud.ru/article/24-05-2000/6517_chechenskie_volki_v_irkutske.html (дата обращения: 28.03.2019).

Assessment of interethnic relations in the city of Irkutsk among the indigenous population and persons of Caucasian nationality

Akhmadyshina N. V.

Abstract. In this article, the author focuses on the analysis of the relationship between the residents of the city of Irkutsk and people of Caucasian nationality. The features of the behavior of both groups in relation to each other, the characteristics of conflicts of nationalities are considered, and interaction trends are highlighted.

Keywords: ethnic relations, evaluation of relations, conflict, nationality.

Отношение к мигрантам в Якутии: события в Якутске и их оценка со стороны населения

Гантимуров В. Р.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье поднимается вопрос отношения к мигрантам в Республике Саха (Якутия) в контексте освещения событий марта 2019 г., а именно произошедшее изнасилование женщины якутской национальности в городе Якутск, действия местных в виде собрания на митинг, нападения на мигрантов из Центральной Азии, погромы магазинов и пр. Для изучения взаимоотношения мигрантов и принимающей группы автор обращается к теории Георга Зиммеля, к феноменологической теории Альфреда Шюца. В рамках статьи проводится эмпирическое исследование методом контент-анализа, целью которого было выявление отношения к мигрантам с помощью анализа комментариев пользователей на веб-сайтах интернет-СМИ RT и Московский Комсомолец. Результаты исследования показывают крайне негативное отношение населения к мигрантам. Делается вывод о влиянии последних событий на обстановку в республике, мнение граждан, а также вывод о зависимости мнения жителей Якутии от их этнической принадлежности.

Ключевые слова: мигранты, Якутия, этнос, культурный образец, контент-анализ.

В ночь с 16 на 17 марта 2019 г. в Якутске произошло похищение местной жительницы с последующим изнасилованием. Женщине с трудом удалось сбежать от державших её в автомастерской друзей похитителя и обратиться за помощью в Следственный комитет. На следующий день сотрудники правоохранительных органов задержали подозреваемого, оказавшегося гражданином Киргизии, который признал свою вину в преступлениях и дал показания. Местные жители 17 марта организовали митинг, узнав о случившемся ещё до публикаций в СМИ. Несмотря на призывы правительства и местных интернет-СМИ не развивать национальные конфликты, в республике начались нападения на мигрантов из

Центральной Азии, погромы магазинов, в которых работали трудовые мигранты. Эти события обострили вопрос межэтнических конфликтов и отношения якутов к людям других национальностей, приезжающих в Якутию на заработки.

Согласно данным всероссийской переписи населения за 2010 г. [6] якутов в Республике Саха – 49,9 %, русских – 37,8 %. Таким образом, на лиц других национальностей приходится всего 12,3 %. Эти данные обосновывают административное положение региона – республики, т. е. национально-государственного образования, титульной нацией которого являются якуты. Прошло чуть более ста лет с момента издания сочинения-письма «Якутской Интеллигенции» [4], написанного одним из основоположников якутской литературы Алексеем Елисеевичем Кулаковским. В нём содержалось, с одной стороны, беспокойство за судьбу родного народа, его культуру, а с другой – конкретные рекомендации по сохранению наследия предыдущих поколений. Анализируя социально-экономическое и демографическое положение современной ему Якутии, а также историческую судьбу других малых народов Российской Империи и СССР, А. Е. Кулаковский говорит о культурной политике в контексте «борьбы за существование». Рассуждения об эффективности конкретных административных и политических решений и о влиянии А. Е. Кулаковского и других якутских писателей в вопросе сохранении якутского народа и культуры верифицировать практически невозможно. Для нас здесь важно видеть «симптомы» и соотносить их с социальной действительностью в разные исторические периоды: с уверенностью можно сказать, что якуты сохранили интенцию, отражённую в письме «Якутской Интеллигенции» и, в отличие от многих других малых народов России, о которых писал А. Е. Кулаковский, не прекратили своё существование как этнос.

События, произошедшие в Якутии в марте 2019 г., поднимают два типа научных вопросов: 1) вопросы, относящиеся к индивидам, преступившим закон; 2) вопросы, относящиеся к реакции индивидов и социальных групп на эти преступления. Исследования вопросов первой категории в данном имеет низкую научную ценность, поскольку их результаты сообщат нам лишь о нескольких индивидах, не позволяя сделать вывод о криминальном поведении, о поведении мигрантов и т. д. в целом. Выборочная совокупность такого исследования равнялась бы генеральной совокупности.

Научный интерес представляет категория вопросов второго типа: общественность относительно неизменна и разнообразна, её мнение социологически обозримо и доступно для изучения. Именно поэтому объектом исследования выбрано население Республики Саха, а предметом – отношения населения к мигрантам. Для изучения этого вопроса использован метод контент-анализа.

Взаимоотношения мигрантов и принимающих их групп достаточно подробно изучено в социологии. Существуют разные теоретические подходы для анализа этой проблемы. В данной статье автор придерживается теорий Георга Зиммеля и Альфреда Шюца. В своей статье «Чужак» [7] А. Шюц исследовал проблемы взаимодействия мигрантов и членов группы, в которую они интегрируются. В рамках своей феноменологической теории он объяснял их конфликты разностью культурных образцов разных групп. Мигрант ориентируется по культурному образцу своей родной группы и соотносит с ним своё поведение. В то же время члены группы, в которую прибывает мигрант, имеют свой внутренний культурный образец, который руководит их поведением и в соответствии с которым происходит интерпретация поведения мигранта. По мнению А. Шюца, принимающая мигранта группа обесценивает его историю, поскольку его прошлое полностью проходило вне этой группы.

Несколько другой подход для анализа отношения к мигрантам имел немецкий социолог Георг Зиммель. В «Экскурсе о Чужаке» [3] Г. Зиммель объясняет негативное отношение к мигрантам тем, что они планируют полностью интегрироваться в общество, принимающее их. «Чужаки», находясь в нём временно, планируя в будущем вернуться на свою родину. Это влияет и на поведение самих «чужаков» в обществе. «Но в случаях, когда речь идет о чуждости для данной страны, города, расы и т. д., чужаков выделяет опять-таки не нечто индивидуальное, но их чуждое происхождение, которое обще или может быть общим для многих из них. Поэтому чужаки воспринимаются также, собственно, не как индивиды, но как чужаки некоторого определенного типа вообще, отдаленность по отношению к ним имеет не менее генерализованный характер, чем близость» [3, с. 232]. Г. Зиммель в данном случае анализировал странствующих торговцев, что в наших современных условиях сопоставимо с трудовыми мигрантами, к которым относятся мигранты из стран Центральной Азии, приезжающие на заработки в Россию.

В статье 2016 г. Щюкиной Кюной Егоровной «Исследование социальной дистанции и межэтнической толерантности к мигрантам у представителей различных этнических групп» [8] представлены результаты исследования жителей города Якутска и, согласно полученным данным, отношение к трудовым мигрантам находится на крайне низком уровне их принятия, причём разница между результатами русских и саха оказалась незначительной. Мы предполагаем, что, мнение жителей изменилось после событий марта 2019 года, и, что применяемый в этой статье метод контент-анализа интернет ресурсов позволит получить более достоверные данные, чем тест, проведённый вживую в исследовании К. Е. Щюкиной, поскольку исключается фактор влияния исследователя на ответы респондента, который, несомненно, присутствует при вопросах на тему этнической неприязни и ненависти, заданных «живым человеком», способным (в глазах опрашиваемого) на осуждение его мнения.

В данной статье было проведено исследование с применением метода контент-анализа для выявления отношения к мигрантам в Республике Саха. Были проанализированы 100 комментариев посетителей таких веб-сайтов интернет-СМИ как Московский Комсомолец и интернет издания телеканала RT на новости, связанные с событиями марта 2019 года, произошедшими в Якутске. Так как анализ мнений в интернет-СМИ проходил после вышеописанных событий, ожидаемо, что большинство людей выражали в своих отзывах крайне негативное отношение к произошедшему и к признанным виновными в этом преступлении лицам. Однако, применённый метод позволяет разделить комментарии, отражающие неприязнь автора к преступным действиям и комментарии, показывающие неприязнь оставившего их человека к мигрантам. К примеру, в комментарии пользователя troll537: «А тем временем Путин к киргизам полетел за новыми мигрантами. Джамшутов с Ровшанами много не бывает» [2] явно присутствует неприкрытая неприязнь к мигрантам, а не к преступлению. Поэтому проанализированные комментарии были дифференцированы на две категории: 1) те, в которых не выражена неприязнь к мигрантам (включая негативные комментарии, отражающие недовольство ситуацией) – код «0»; 2) те, в которых выражена неприязнь к мигрантам – код «1».

Итоговое распределение данных показано на таблице.

Отношение к мигрантам	
Не выражена неприязнь к мигрантам	22 %
Выражена неприязнь к мигрантам	78 %

Проанализировав полученные данные, можно с уверенностью сказать, что отношения населения к мигрантам, и к трудовым мигрантам в частности, крайне отрицательное. 78 % комментариев пользователей содержали призывы к трудовым мигрантам покинуть Россию, запросы на запрет въезда в Россию людям из стран Центральной Азии, одобрение насилия против этих людей и негативное мнение о работающих в России уроженцев этих стран. Важно заметить, что большинство людей, выражающий недовольство присутствием мигрантов в Якутии и Российской Федерации в целом, оказались якутами (60 %); недовольных мигрантами русских – 31 % и 9 % людей других национальностей. Это «этническое» распределение данных объясняется тем, что якуты считают себя хозяевами в своей республике, имеют высокий уровень этнического самосознания, и коррелирует с активной реакцией жителей Республики Саха на освященное в СМИ преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Russia Today: интернет издание URL: [https://russian. rt. com/](https://russian.rt.com/) (дата обращения: 01.06.2019)
2. Глава Якутии ввёл запрет на работу мигрантов в ряде сфер деятельности URL: <https://russian.rt.com/russia/news/616135-yakutiya-inostrannie-rabochie> (дата обращения: 01.06.2019)
3. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / сост. С. Я. Левит. М. ; СПб. : Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
4. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. М. : Арт-Флекс, 2002. 77 с.
5. Московский комсомолец URL: [https://baikal. mk.ru/?noredirect=1](https://baikal.mk.ru/?noredirect=1) (дата обращения: 01.06.2019)
6. Территориальный орган государственной статистики по Республике Саха (Якутия) [электронный ресурс] URL: [http://sakha. gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default](http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default) (дата обращения: 02.06.2019)
7. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. И англ. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
8. Щюкина К. Е. Исследование социальной дистанции и межэтнической толерантности к мигрантам у представителей различных этнических групп [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-sotsialnoy-distantsii-i-mezhetnicheskoy-tolerantnosti-k-migrantam-u-predstaviteley-razlichnyh-etnicheskih-grupp> (дата обращения: 01.06.2019)

Attitude to migrants in Yakutia: events in Yakutsk and their assessment by the population

Gantimurov V. R.

Abstract. The article raises the issue of attitude to migrants in the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of coverage of the events of March 2019, namely the rape of a woman of Yakut nationality in the city of Yakutsk, local actions in the form of a meeting, attacks on migrants from Central Asia, the pogroms of shops, etc. To study the relationship of migrants and the host group, the author refers to the theory of George Simmel, to the phenomenological theory of Alfred Schutz. The article presents an empirical study by the method of content analysis, the purpose of which was to identify attitudes towards migrants by analyzing user comments on the websites of Internet media RT and Moskovsky Komsomolets. The results of the study show a very negative attitude of the population to migrants. The conclusion about the impact of recent events on the situation in the Republic, the opinion of citizens, as well as the conclusion about the dependence of the opinion of the inhabitants of Yakutia on their ethnicity.

Keywords: migrants, Yakutia, ethnos, cultural sample, content analysis.

Влияние процессов цифровизации на уровень мобильности населения Иркутской области

Большедворская И. Г.,

Гильдебрандт А. И.,

Орлова Я. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния процессов цифровизации на уровень мобильности населения Иркутской области. Авторы обращаются к проводимому исследованию, делают выводы на основе него. Для более полного восприятия информации приводятся таблицы с ответами респондентов.

Ключевые слова: цифровизация, мобильность, миграция, цифровое общество, социальная жизнь.

XXI век является эпохой информационных технологий, которые в свою очередь стали неотъемлемой частью цифрового общества. Процесс цифровизации проникает во все сферы социальной жизни, происходит внедрение новых технологий в область экономики, образования и в сферы жизни человека, способствующие его личностному росту. Рассматривая подробнее понятие цифровизации, можно сказать, что это процесс перехода с аналоговой формы передачи информации на цифровую, а общество в данную эпоху становится сверхразвитой формой осуществления социальных отношений.

Необходимо определить, что общество понимает под словосочетанием «цифровое общество». Для этого обратимся к результатам исследования, проводимого авторами в 2019 г., респондентами которого явились 100 жителей Иркутской области разных возрастов и социальных статусов.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что вы вкладываете в понятие «цифровое общество»?»

Варианты ответа	Кол-во человек	Доля в %
Эпоха информационных технологий	56	56 %
Формирование управляемого информационно-коммуникационными технологиями общества	24	24
Период повышения уровня мобильности	11	11
Эра суверенности (свобода слова и мыслей)	5	5
Затрудняюсь ответить	3	3
Другое (общества, использующее технику повседневно)	1	1
Всего	100	100

Из таблицы 1 следует, что большая часть респондентов (56 %) считает цифровое общество эпохой информационных технологий, формирование управляемого информационно-коммуникационными технологиями общества – такой ответ выбрали 24 %, 11 % выбрали вариант «период повышения уровня мобильности».

Процессы цифровизации могут способствовать раскрытию потенциала человека на территории родного региона, так как основными причинами миграции населения из Иркутской области являются низкий уровень жизни, высокие цены на жильё, неразвитость инфраструктуры, недостаточное количество вакантных мест, отсутствие сверхновых технологий, а также ситуация в сельской местности, т. е. недоступность современных структур, осуществляющих упрощение жизни населения, и именно цифровое общество призвано упростить повседневную жизнь человека путём внедрения новых технологий в привычный образ жизни.

По данным из таблицы 2 можно сделать вывод, что большинство людей (67 %) считает в разной степени положительным влияние цифрового общества на уровень жизни населения области. 2 % дали свои варианты ответов: «положительно, при условии целесообразного использования информационных ресурсов» и «зависит от человека».

Примером положительного влияния цифровизации является создание портала государственных услуг, предоставляющего возможность оформить необходимые документы дистанционно; внедрение электронных очередей в различные государственные структуры, как то банки, больницы и почтовые отделения.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как современное цифровое общество влияет на уровень жизни населения области?»»

Варианты ответа	Кол-во человек	Доля в %
Положительно	28	28
Скорее положительно, чем отрицательно	39	39
Скорее отрицательно, чем положительно	21	21
Отрицательно	2	2
Затрудняюсь ответить	8	8
Другое (положительно, при условии целесообразного использования информационных ресурсов; зависит от человека)	2	2
Всего	100	100

По данным Иркутскстата на 2013 год убыль населения составляла 8553 человека, в 2018 году число людей, покинувших Иркутскую область, сократилось до 5910 человек. Такие показатели говорят о том, что на данном этапе большая часть населения удовлетворена условиями жизни в регионе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровизация сфер социальной жизни позволяет повысить уровень комфортности для населения в родном регионе. Жители области перестают прибегать к крайним мерам, а именно миграции из региона, а это значит, что Иркутская область будет продолжать развиваться и модернизироваться.

The impact of digitalization processes on the level of mobility of the population of the Irkutsk region

Bolshedvorskaya I. G., Gildebrandt A. I., Orlova Ya. V.

Abstract. This paper discusses the impact of digitalization processes on the level of mobility of the population of the Irkutsk region. The authors refer to the study, draw conclusions based on it. For a more complete perception of information, tables with answers of respondents are given.

Keywords: digitalization, mobility, migration, digital society, social life.

Жизненные ценности, характерные для школьников, ощущающих и не ощущающих себя патриотами России

Давыдова А. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Сегодня ученые наблюдают «кризис идентичности», который проявляется в том, что человек в условиях глобализации теряет способность самоотождествления с какой-то определенной группой людей, одновременно утрачивая и возможность ощутить себя внутри конкретной культуры, окруженным другими различными культурами. В статье поднимается вопрос сохранения культурной самоидентичности человека и ее связь с патриотизмом. Авторы понимают под понятием «патриотизм» субъективное чувство тождественности человека с конкретным народом, сопричастности его истории, принятие его ценностей, норм и традиций. В статье приводятся результаты исследования, проведенного среди школьников Иркутска в 2018 г. В качестве метода исследования использовалось анкетирование и психодиагностическое тестирование. Исследование показало высокую значимость для школьников понятия «патриотизм» и многие испытуемые ощущают себя патриотами России. Учащиеся с яркой патриотической позицией, по сравнению с не-патриотами, имеют более высокий индекс удовлетворенности своей жизнью, больше ценят свое здоровье, семью. В свою очередь, школьники – не патриоты более стремятся к самостоятельности и поиску себя.

Ключевые слова: патриотизм, ценности, социологическое исследование, закономерности.

Концепция модернизации российского образования определяет приоритетные задачи, решение которых требует построения адекватной системы психолого-педагогического сопровождения. Одной из таких задач является патриотическое воспитание подрастающего поколения. В содержании ФГОС РФ отмечается острая необходимость активизации процесса воспитания патриотизма у школьников. Целью нашего исследования было изучить понимание подростками феномена патриотизма, выявление у них уровня патриотизма, а также исследование особенностей ценностных ориентаций у школьников, которые считают себя патриотами страны и тех, кто не считает себя патриотом.

В исследовании участвовали школьники 10-х классов МБОУ г. Иркутска Лицей № N в количестве 40 человек. Возраст испытуемых составлял 16 лет. В качестве методов исследования использовались: анкета Д. В. Григорьева «Отечество моё Россия»; психодиагностические методики: «Незаконченный тезис», «Смыслоложиз-

ненные ориентации личности» Д. А. Леонтьева и «Исследование ценностных ориентаций» М. Рокича.

Понимание понятия «патриотизм» в России во многом отражено в уважаемых россиянами источниках – энциклопедических словарях. В. И. Даль поясняет слово «патриот», как «любитель отечества, ревнитель о благе его», а термин «патриотизм» автор словаря представляет через содержание любви к отчизне. С. И. Ожегов, наряду с названными, приводит расширительную версию слова «патриот» – это человек, преданный интересам какого-нибудь дела, горячо любящий что-нибудь. Таким образом, в России уже на формальном уровне понятие патриотизм понимается как однозначно позитивное, желаемое для страны явление, *это – любовь к своей Родине и своему народу, сочетающаяся с преданностью общим идеям и стремлениям* [1; 2].

Как выяснилось, старшеклассники так же хорошо понимают сложность явления патриотизма. Мы приводим их мнение о том, кто такой «патриот». Чаще всего школьники использовали следующие формулировки: «Человек, готовый отстаивать интересы своей страны и встать на её защиту»; «Человек, который любит и уважает свою страну, Родину»; «Гражданин, который гордится своей страной»; «Кто предан и верен своей стране, народу».

В то же время, на вопрос, считают ли они себя патриотом, 85 % ответили, что в большей степени ощущают себя патриотами, а 15 % – что не считают себя патриотами. В дальнейшем мы анализировали ответы ребят именно по этим двум выявленным группам.

По результатам методики «Незаконченные тезисы» мы получили следующие данные.

Незаконченное предложение 1 «Каждый из нас верит...»

Группа «патриоты» – 24 % верят в лучшее, светлое будущее.

Группа «не патриоты» – 33 % разделили между собой такие ответы: верят в чудо и в свои возможности.

Незаконченное предложение 2 «Каждый из нас имеет...»

Группа «патриоты» – 24 % опрошенных ребят ответили, что каждый из нас имеет право на жизнь.

Ответы 50 % испытуемых из второй группы: каждый из нас имеет свою точку зрения, мысли и чувства, возможности.

Незаконченное предложение 3 «Каждый из нас готов...»

Часто встречаемый ответ в первой группе, а именно такой точки зрения придерживается 29 % опрошенных школьников: каждый из нас готов прийти на помощь в трудную минуту.

Группа, которая имеет противоположную позицию по отношению к патриотическим чувствам, отвечали так: каждый из нас готов становиться лучше; на поступки, ради чего-то; заботиться только о своём благосостоянии; выиграть в лотерее; помощь.

Незаконченное предложение 4 «Подвиги героев заставили нас задуматься...»

Группа «патриоты» – 18 % «о героизме, смелости людей и их благородстве».

Совпали ответы обеих групп в данном вопросе, также о героизме и храбрости заставили задуматься подвиги героев вторую группу опрошенных школьников.

Незаконченное предложение 5 «Защищать свою Родину можно не только с автоматом в руках, но и...»

У 15 % учащихся, у которых присутствуют патриотические склонности, дали следующие ответы: с умом; с головой на плечах. Так же 15 % из первой группы ответили: словами. И 15 % поставили прочерк и затруднились отразить свои мысли по поводу данного вопроса.

Группа «не патриоты» – большинство (33 %) затруднились с ответом, остальные ответили совершенно по-разному, что не дает нам возможности выбрать наиболее частый ответ.

Незаконченное предложение 6 «Когда я задумываюсь о будущем своей страны, то...»

Группа «патриоты» – 21 % затруднились с ответом.

Группа «не патриоты» – 33 % опрошенных затруднились с ответом, и другие 33 % испытуемых из этой группы дали такой ответ: становится печально; всё плохо.

Незаконченное предложение 7 «Быть достойным гражданином своей страны – значит быть...»

Группа «патриоты» – 59 % ответили: патриот.

Группа «не патриоты» – 33 % ответили: либерал.

Далее мы рассмотрели результаты исследования у двух групп по методике Рокича. Ученый М. Рокич различает два класса ценностей: терминальные – это убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства.

Анализ результатов, полученных по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича в группе «патриотов» позволил выявить следующее: первое место в списке значимых *терминальных ценностей* занимает здоровье, как физическое, так и психическое. На втором месте – счастливая семейная жизнь. На третьем – наличие хороших и верных друзей. Менее значимыми (им поставили самые низкие оценки) оказались такие ценности, как: творчество, счастье других, благосостояние и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом; общественное признание, уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе.

Из иерархии *инструментальных ценностей*, школьники-патриоты предпочли поставить на лидирующие позиции: воспитанность (хорошие манеры), образованность (широта знаний, высокая общая культура) и ответственность (чувство долга, умение держать свое слово). Не значимыми оказались такие ценности, как: непримиримость к недостаткам в себе и других, высокие запросы, чуткость.

У ребят, которые не считают себя патриотами, ведущее место в иерархии терминальных ценностей занимают – свобода, самостоятельность, независимость в суждениях и поступках. Второе место разделили такие ценности, как саморазвитие, духовное совершенствование и любовь, под которой следует понимать духовную и физическую близость с любимым человеком. На третьем месте – материальная обеспеченность, отсутствие материальных затруднений.

Список предпочитаемых инструментальных ценностей в данной группе составили следующие: самоконтроль, сдержанность и самодисциплина, а также рационализм, иными словами умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманное, рациональные решения. Второе место респонденты присвоили широте взглядов, умению понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки. На третьем месте находится ценность исполнительность (дисциплинированность).

Результаты теста «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева показали, что группа исследуемых, которые считают себя патриотами, имеют высокий показатель по шкале: «Результат жизни», что составило 62 % опрошенных. Иными словами, содержание данного понятия для данной группы – это удовлетворенность самореализацией, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть.

По показателям исследуемых, которые не считают себя патриотами, шкалы «Результат жизни» и «Осмысленность жизни» имеют низкий уровень развития на сегодняшний день.

Методика «Незаконченный тезис» содержит в себе 6 открытых вопросов со следующими формулировками:

1. В моём понимании Родина...
2. Я горжусь своей страной за то, ...
3. Я не уеду из страны, потому что ...
4. Мне нравится в своей стране...
5. Для меня быть достойным гражданином страны, значит быть...
6. Я могу сделать для своей страны ...

1 группа испытуемых показали следующие результаты: на первый вопрос число положительных ответов составило 97 %, часто встречающиеся ответы примерно звучали так: «это мой дом»; «это место, в котором я родился и вырос»; нейтральные ответы – у 3 % испытуемых.

На второй вопрос 94 % опрошенных ответили положительно, примерно в такой формулировке «страна обладает великой историей»; «я здесь расту и живу в ней»; «она есть»; «мы находимся под защитой, в безопасной стране и у нас мирное небо под головой»; «страна сильнее всех и является лидером»; «самая большая в мире, независимая, готова отстаивать свои интересы и не перестает развиваться»; число нейтральных ответов составило 6 %.

На третий вопрос положительно ответили 74 % школьников, чаще всего звучали фразы: «Я люблю ее»; «Мне тут нравится, комфортно, хорошо»; «Я патриот»; «Это моя Родина». Нейтральную позицию заняли 9 % опрошенных. Отрицательно ответили 18 % испытуемых трактуя свой ответ уверенной фразой «Я уеду».

На четвертый вопрос в положительной, позитивной форме дали ответ 85 % школьников, которым в своей стране нравится «всё», часто отвечали: «богатство и неотъемлемая красота природа нашей страны»; «люди и общество в целом». Нейтрально ответили 12 % опрошенных. Отрицательных ответов – 3 %, в контексте «нравится далеко не всё».

На пятый вопрос положительно и в большинстве одинаково ответили 85 % учащихся, «быть «патриотом», значит быть достойным гражданином страны»; так же часто встречались ответы «Достойным, хорошим, правопорядочным, справедливым человеком»;

«Преданным ей»; «Готовым помочь». Нейтральную позицию в данном вопросе заняли 12 % испытуемых.

Шестой вопрос вызвал положительные мысли у 71 % опрошенных, часто встречаемые ответы: «Всё что потребуется, всё что в моих силах»; «Многое»; «Родить патриота; сына». Нейтрально ответили 26 % учащихся. Отрицательная нотка в ответах прозвучала у 3 % испытуемых.

Вторая группа испытуемых, которые не считают себя патриотами, ответила следующим образом.

На первый вопрос 100 % ответили положительно, ответ «Там, где я родился» занял лидирующую позицию; так же позитивным содержанием наполнены ответы «Место, где я нужен, где уважают права человека»; «Родное и любимое место».

На второй вопрос 50 % испытуемых ответили нейтрально. 33 % написали положительные мысли «великая держава». Отрицательный ответ дали 17 % опрошенных.

На третий вопрос 50 % учащихся дали положительный ответ «Мне тут нравится»; «У меня здесь близкие»; «Русский язык только в нашей стране». Отрицательно, в утвердительной форме «Я уеду» ответили 33 % опрошенных. 17 % выразили нейтральную позицию.

Четвертый вопрос оценили нейтрально 50 % учащихся. Положительные ответы у 33 % испытуемых, которые восхищаются «природой»; «родным языком». Отрицательно, что ничего не устраивает в своей стране ответили 17 % исследуемых.

Пятый вопрос содержит 67 % положительных ответов испытуемых, среди которых встретились: «Патриотом»; «Человеком, который делает всё для светлого будущего нашей страны»; «Толерантным к другим нациям»; «За Путина и Единую Россию». Нейтрально отнеслись к вопросу 33 % опрошенных ребят.

Шестой вопрос вызвал нейтральную позицию у большинства испытуемых, 50 % воздержались от ответа. Отрицательно высказали свое мнение 33 % опрошенных, в контексте «Уехать из неё»; «Ничего». Положительно ответили 17 % школьников «Что-то хорошее».

В заключение мы хотели бы отметить, что в целом учащиеся 10-х классов, принявшие участие в нашем исследовании, прекрасно понимают феномен патриотизма и ощущает в себе патриотические качества и характеристики. Небольшое число тех, кто не считает себя патриотом, показывают немного большее стремление к индивидуализации, поиску себя, а также у них накопилось больше претензий к сегодняшней российской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Е. А. К вопросу о личностных характеристиках современной молодежи Сибири с гражданско-патриотической позицией // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. 2017. Т. 19. С. 19–29.
2. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М. : Ин-т психологии РАН, 2017. 480 с.

Life values, characteristic for students, who feel unable to feel themselves patriots of Russia

Davydova A. A.

Abstract. Today, scientists are witnessing a “crisis of identity”, which is manifested in the fact that a person in the context of globalization loses the ability to identify with a certain group of people, while losing the opportunity to feel within a particular culture, surrounded by other different cultures. The article raises the question of preserving the cultural identity of a person and its connection with patriotism. The authors understand the concept of “patriotism” subjective sense of identity with a particular people, involvement of its history, the adoption of its values, norms and traditions. The article presents the results of a study conducted among students of Irkutsk in 2018 as a research method we used questionnaires and psychometric testing. The study showed a high importance for students of the concept of “patriotism” and many subjects feel patriots of Russia. Students with a bright Patriotic position, compared with non-patriots, have a higher index of satisfaction with their lives, more value their health, family. In turn, schoolchildren – not patriots are more eager for independence and search for themselves.

Keywords: patriotism, values, sociological research, regularities.

Роль семьи в формировании патриотической идентичности

Сергеева Л. А., Саватди А. Т., Качан М. К.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению механизмов, посредством которых семья участвует в патриотическом воспитании молодого поколения. Приведен краткий обзор компонентов патриотического воспитания, которые ранее выявил И. А. Ильин, а также анализ современного положения дел в данной сфере.

Ключевые слова: семья, патриотизм, малая родина, семейное воспитание, патриотическое воспитание.

Как всем известно, семья издавна является первым и самым важным агентом социализации личности, через который проходит формирование и передача культуры молодому поколению. Следовательно, семья имеет огромное значение в формировании первого духовного опыта ребёнка, который в дальнейшем станет фундаментом его мировоззрения, его отношения к окружающему миру, к своей большой и малой Родине.

Каким же образом семья может формировать в ребёнке любовь к своей малой родине? И. А. Ильин в своём анализе выделил следующие компоненты патриотического воспитания ребёнка: язык, сказка, песня, жития святых и героев, молитва, поэзия, история, армия, территория и хозяйство.

Язык. Язык является «лицом» культуры и «душой» народа. Немаловажно, какой культурой речи обладают члены семьи: чистой или наполненным жаргонами и бранью. Ведь именно речь формирует как отношение человека к окружающим, так и окружающих к человеку. *Сказка.* Народные сказки оказывают на детей наибольшее влияние, чем любые другие произведения литературы, они оставляют глубокий след в душе ребенка, который может сопровождать человека даже в течение всей его жизни.

Песня. Через песню транслируется вся полнота эмоций, она пробуждает определённые чувства, в том числе и чувства гордости за свою Родину. Знание текстов народных песен создаёт глубокое чувство сопричастности и единства. *Жития святых и героев.* Реальные жизненные примеры героизма, патриотизма людей способны заложить в человека ценности, принципы, которыми он будет руководствоваться в своей жизни. К данной категории можно также отнести истории своих предков и родственников, передающиеся из поколения в поколение. Слыша их, ребенок отождествляет себя с героями и зачастую оказывают воздействие еще более сильное, чем сказки.

Молитва. Молитвы и искренняя вера также создают чувство единства с верующими людьми, спокойствия за свою жизнь и за своё будущее, делают человека смиренным. За период всей необъятной истории нашего государства наиболее «патриотичными» кажутся люди, имевшие глубокую веру и совершавшие постоянные молитвы и служение Богу. *Поэзия,* как и музыка, пробуждает в человеке чувство духовного восторга, прививает любовь к созерцанию окружающего мира. Ребёнок проникается душой своего народа, подвигами, искренностью, внутренней чистотой, а также красотой родных краёв.

История. Изучая историю самостоятельно с родителями, а не просто проходя мимо неё по школьной программе, узнавая какие-либо интересные моменты и события, в том числе и о родном крае, пробуждает гордость и интерес к дальнейшему изучению своей малой родины. *Армия.* Успехи и поражения армии государства, к

которому принадлежит человек, должны коррелировать с его сердцем, он должен быть соучастным хотя бы душой с защитниками чести своей Родины.

Территория. Она воспринимается как уникальное социальное пространство и как географическое пространство. Осознание этих вещей пробуждает восхищение и чувство ответственности за сохранение окружающей нас действительности. *Хозяйство.* Участие детей в семейном хозяйстве позволяет им постепенно приучаться к труду, пробуждает чувство ответственности. Как известно, труд облагораживает человека, заставляет ум, руки, тело, душу трудиться.

Воспитание личности должно осуществляться, прежде всего, именно в семье. В период взросления у детей происходит формирование ценностей различной направленности, в том числе и патриотических. И те компоненты, которые выделил И. Ильин для формирования патриотической идентичности, в идеале должны присутствовать в каждой семье. Но, к сожалению, реальность такова, что большинство семей не имеют ни времени, ни сил, ни желания, ни возможностей для хорошего воспитания и успешной социализации детей.

Так, президент Владимир Путин назвал чувство патриотизма «стержнем генетической памяти» русского народа и самой важной частью общенациональной культуры. Об этом он сказал на приеме по случаю Дня народного единства 04 ноября 2018 г., сообщается на сайте Кремля [4].

Президент подчеркнул, что «для России высокие идеалы патриотизма имеют особую ценность. На них основана непобедимая сила духа нашего народа, которая не раз удивляла и восхищала весь мир. Чувство патриотизма – важнейшая часть общенациональной культуры, стержень нашей генетической памяти» [5].

Правительство хорошо понимает, что стабильность в государстве зависит от стабильности в семье, поэтому необходимы меры для того, чтобы семья лучше функционировала, а, следовательно, и осуществляла свою воспитательную, а также культурную и историческую функцию.

На сегодняшний момент изучению состояния современной семьи посвящены многие работы и научные труды. Так, в одном из исследований, проведенных одним из авторов на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций (СЛРПИ) Института социальных наук ИГУ, посвященному изучению спе-

цифики развития института семьи и брака, респондентам был задан вопрос: «Считаете ли вы, что институт семьи в современное время переживает кризис?». В таблице 1 приведены результаты ответов на данный вопрос.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что в настоящее время институт семьи переживает кризис?» (%)

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да	66	79,5
2	Нет	17	20,5
	Всего	83	100,0

По результатам анализа данных таблицы видно, что большинство (а именно 79,5 %) опрошенных респондентов считают, что институт семьи переживает кризис в настоящее время. И только 20,5 % считают, что кризиса семьи нет.

Когда семья переживает кризис, она не может в полной мере выполнять те функции и задачи, которые стоят перед ней. К сожалению, серьезное патриотическое воспитание и глубокое осознание необходимости его осуществления в семье присущи не всем родителям. Поколение, подрастающее в условиях глобализации, а также родители, делающие акцент на образовании, материальной обеспеченности детей, досуге и отдыхе, склонны относиться к патриотизму, включающему активную гражданскую позицию, заботу об экологическом благополучии в стране, изучение собственной истории, участие в благотворительности, как к второстепенному вопросу.

Однако стоит помнить, что патриотическое воспитание играет одну из важнейших ролей в формировании и становлении личности ребенка, духовности, несет в себе высокие ценности и добрые качества характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джамалудинова З. Г. Патриотическое воспитание детей в семье // Педагогический опыт: теория, методика, практика, Чебоксары: ООО Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». 2015. № 4(5). С. 26–29.
2. Потапенко Т. В., Ильина И. А. Роль семьи в патриотическом воспитании в философии // Вестник МГОУ. Сер. Философские науки. 2018. № 2. С. 95–101.
3. Фусс А. А., Ёлкин С. М. Семья как фактор патриотического воспитания // Педагогическое образование: история, современность, перспективы. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. С. 199–204.

4. О патриотизме русского народа 04.11.2018 Путин назвал патриотизм «стержнем генетической памяти» русского народа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bdf0e2c9a7947b1fc86c735> (дата обращения: 03.06.2019).

5. Прием по случаю дня народного единства 04.11.2018 // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59043> (дата обращения: 03.06.2019).

The role of the family in the formation of Patriotic identity

Sergeeva L. A., Savadi A. T., Kachan M. K.

Abstract. The article is devoted to the study of the mechanisms by which the family participates in the patriotic education of the young generation. A brief review of 10 components of patriotic education, which were previously revealed by Ivan Ilyin, as well as an analysis of the current state of affairs in this field, is given.

Keywords: family, patriotism, small homeland, family education, patriotic education.

Ценности семейных отношений в контексте стабильного развития региона

Прокопьева К. Л., Маторина Е. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В последние годы произошел резкий рост положительного отношения к гражданскому браку в сознании молодежи. В статье представлены результаты исследования представлений молодежи Иркутской области о семейно-брачных отношениях. Показаны последствия для общества такой формы организации добрачных отношений как гражданский брак и даны практические рекомендации профильным специалистам.

Ключевые слова: семья, гражданский брак, молодежь.

Изменения в экономических отношениях, произошедшие за последние годы повлекли за собой существенные деформации семейно-брачных отношений. Это отражается на состоянии такого социального института как семья.

В настоящее время наблюдаются значительные изменения в российских семьях, характеризующиеся ухудшением материального положения, ростом числа неполных семей, проблемой малодетности, увеличением поздних браков, переменами в морально-нравственных отношениях и др. Также изменилось состояние брачности: уровень юридически оформленных союзов начал снижаться, число незарегистрированных браков – увеличиваться. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 13 % (4,4 млн.) супружеских пар состояли в незарегистрированном браке, что на 3,3 % больше, чем в 2002 г. (3,3 млн) [4]. Что касается Ир-

кутска, то в 2002 г. 14,3 % населения находились в незарегистрированном браке, в 2010 г. 17,8 %. По области процент незарегистрированных браков значительно выше – 21,4 % [2].

Особой популярностью незарегистрированный брак пользуется в молодежной среде. Актуальность исследования сложившегося в настоящее время отношения молодежи к незарегистрированному браку обуславливается рядом причин. Во-первых, брачность во многом определяет наличие и реализацию репродуктивных установок молодежи, что, безусловно, оказывает влияние на демографическую динамику в стране. Во-вторых, изменения брачно-семейных норм влияют на социализацию последующих поколений. В-третьих, данная проблема обсуждается на государственном уровне и факт того, что в 2018 г. в Госдуму внесен законопроект, приравнивающий незарегистрированные браки к официальным, свидетельствует об острой необходимости решения вопроса брачности в России. Интересным является то, что среди молодежи 37,5 % поддерживают данную инициативу и 49,5 % не поддерживают [3].

С точки зрения теории институционализации, сожительство воспринимается как моральная испорченность и полное невежество, являющееся социальной маргинальностью и следствием крушения институциональных порядков, ведущим к деинституционализации семьи. [1, с. 49]. Согласно положениям данной теории, сожительство – это в определенной мере следствие неуспешной социализации молодого поколения и неудачной передачи им социального опыта. В условиях дезинтеграции социальных институтов молодежь стремится освободиться от социального контроля и построить новую неформальную семью. Увеличение числа таких семей имеет причинно-следственную зависимость, как от экономических факторов, так и от ценностных ориентаций субъектов.

Принимая во внимание, что скорость и масштабы распространности незарегистрированных браков приводят к формированию позитивных взглядов и к растущей популярности нелегитимной концепции семейных отношений среди молодежи, важно всесторонне изучить данный феномен и выявить какие факторы способны изменить тенденции роста числа незарегистрированных браков.

Исследование по выявлению особенностей представлений молодежи о «незарегистрированном» браке было проведено в ноябре 2018 года. Нами было опрошено 41 человек в возрасте от 18 до 34

лет, проживающих в Иркутской области. Опрашиваемых мы рассматривали по полу, возрасту, уровню образования, семейному и материальному положениям и наличию детей. По полу респонденты распределились следующим образом – 53,7 % женщины и 46,3 % мужчины. Наибольшее количество респондентов в возрасте до 21 года (82,9 %), 14,6 % респондентов до 30 лет, 2,4 % старше 30 лет. По уровню образования преобладают респонденты с неоконченным высшим образованием (65,9 %). По уровню материального положения большинство респондентов (59,0 %) выбрали вариант ответа «Хватает денег на текущие нужды, и можем откладывать деньги на приобретение дорогих вещей». Что касается семейного положения, то 73,2 % респондентов не женаты/не замужем, 14,6 % состоят в незарегистрированном браке, по 4,9 % женаты/замужем и вдовцы/вдовы и 2,4 % разведены. Детей имеют всего 7,7 % опрошенных, причем в количестве от двух до трех человек. Также мы распределили респондентов по опыту проживания в незарегистрированном браке – 31,7 % проживали вместе без регистрации и 68,3 % не имели такого опыта. В большинстве случаев это респонденты в возрасте от 22 до 30 лет и старше 30 (66,7 % и 100,0 % соответственно). При этом время проживания в незарегистрированном браке варьируется от 1 месяца до 6 лет.

«Незарегистрированным» брак большинство респондентов (68,3 %) понимают, как семейный союз, который не признан церковью и государством и 26,8 % как свободные семейные отношения. Два респондента (4,9 %) предложили свои определения. Это говорит о том, что понимание респондентов совпадает с общепринятым пониманием.

Среди основных причин вступления в незарегистрированный брак большинство респондентов (39,1 %) выбрали вариант ответа «проверить свои чувства». На втором месте (32,8 %) причина – репетиция семейных отношений. И свободу как причину вступления в «незарегистрированный» брак выбрали 21,9 % респондентов.

Респондентам нами было предложено определить основные плюсы и минусы «незарегистрированного» брака. Так, среди основных плюсов большинство респондентов (26,8 %) выделяют развод, т. е. то, что не будет проблем при расставании. 14,6 % назвали в качестве плюса отсутствие ответственности и по 12,2 % респондентов считают свободу и отсутствие проблем с разделом имущества плюсом «незарегистрированного» брака. В качестве

минусов большинство респондентов (по 14,6 %) назвали несерьезность таких отношений и наличие трудностей с разделом имущества. 12,2 % выделили отсутствие ответственности у сторон в качестве минуса «незарегистрированного» брака. По 7,3 % опрошенных считают, что юридическая незащищенность, проблемы с осуществлением развода и осуждение окружающих – это минусы «незарегистрированного» брака. Интересным является то, что отсутствие ответственности респонденты рассматривают как плюс, так и минус «незарегистрированного» брака. Причем женщины чаще называли отсутствие ответственности в качестве плюса, чем мужчины (17,9 % и 4,0 %).

Неоднозначным является отношение респондентов к «незарегистрированному» браку, так как положительно относятся к такому виду отношений 41,5 % и такой же процент опрошенных затрудняются дать оценку данному явлению (рис.). При этом отрицательно к данному явлению относятся 27,3 % женщин и 5,3 % мужчин. Данные могут свидетельствовать о невыработанности четкой позиции молодежи по отношению к «незарегистрированному» браку.

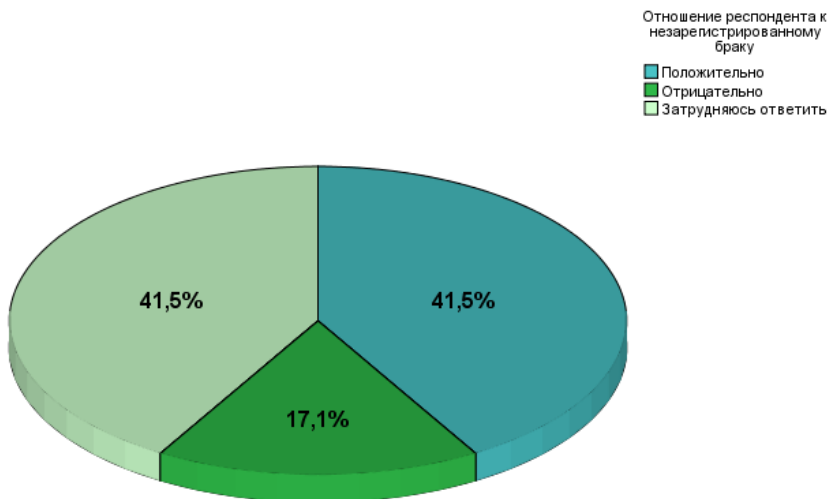

Рис. Распределение ответов на вопрос «Отношение респондента к незарегистрированному браку»

На вопрос «Может ли незарегистрированное сожительство мужчины и женщины, называться семьей» большинство опрошенных (70,7 %) дали утвердительные ответы и 29,3 % не считают сожительство семьей. Это может говорить о том, что у молодежи понятие семья не связана с официальной регистрацией отношений.

Для выявления причин увеличения количества «незарегистрированных» браков, нами было предложено респондентам их назвать. Так, большинство опрошенных (31,9 %) считают отсутствие полной уверенности в правильном выборе партнера, наличие скрытых конфликтов и несогласованных ценностей и убеждений причиной увеличения количества «незарегистрированных» браков. Отсутствие финансово-экономической и социальной независимости партнеров в качестве причины назвали 26,4 % респондентов и чуть меньше 25,0 % видят снижение ценности семьи в качестве причины. Увеличение количества «незарегистрированных» браков считают социально-значимой проблемой в современном российском обществе всего 31,7 % опрошенных и не считают это проблемой 61,0 %. Это может говорить о том, что сожительство при наличии всех минусов не является проблемой в настоящем обществе. Сожительство расценивается как положительная форма построения личных отношений.

Нами был задан вопрос «Много ли пар среди Ваших знакомых живут в незарегистрированном браке». Большинство респондентов (29,3 %) ответили совсем не много, в то время как 24,4 % опрошенных ответили больше половины. И лишь у 9,8 % респондентов среди знакомых таких пар нет. Данные позволяют сделать вывод, что достаточно большое количество пар живут в незарегистрированном браке.

Анкетирование, проведенное с целью выявления представлений молодежи о «незарегистрированном» браке, дало неоднозначные результаты. Респонденты не считают увеличение количества «незарегистрированных» браков социально-значимой проблемой, но при этом выражая свое отношение к данному виду брака затрудняются ответить. Это может говорить о том, что отношение еще не сформировалось и во многом на это оказывают влияние традиционные ценности семьи, общественное мнение.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод, что феномен «незарегистрированного» брака является социальной нормой. Он имеет как плюсы, так и минусы, и при этом

респонденты не смогли дать однозначную оценку данному явлению, вероятно, из-за отсутствия опыта проживания в таком браке.

По результатам проведенного исследования было определено современное состояние института брака – снижение уровня юридически оформленных браков и рост числа нелегитимных союзов свидетельствует о том, что в молодежной среде незарегистрированные брачные отношения пользуются все большей популярностью.

Резюмируя, мы приходим к выводу, что «незарегистрированные» браки являются социальной нормой среди молодежи и приравниваются к обычным бракам и даже семье.

В связи с этим, хотелось бы дать следующие рекомендации специалистам в области сферы культуры и образования, в сфере законодательства:

1. Создать социальную рекламу, направленную на пропаганду регистрации отношений.

2. Разрабатывать государственные и региональные программы по поддержке молодых семей, которые могут являться дополнительной мотивацией для заключения брака.

3. Продолжить политику по приравниванию незарегистрированного брака к зарегистрированному в имущественном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

2. Переписи и обследования // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области: офиц. портал. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/information_for_media_2010/5a7cb2804e64c8ba92a4f721f378d622 (дата обращения: 08.12.2018).

3. Данные опросов // Всероссийский центр изучения общественного мнения: офиц. портал. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923> (дата обращения: 08.12.2018).

4. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php. (дата обращения: 08.12.2018)

5. Библиотека пси-фактора [Электронный ресурс]. URL: <https://psyfactor.org/lib/k-a.htm> (дата обращения: 08.12.2018)

Values of family relations to the context of the stable development of the region

Prokopyeva K. L., Matorina E. A.

Abstract. Last years there has been a sharp increase in the positive attitude towards civil marriage in the minds of students. The article presents the results of a student's conception ideas about family-marriage relationships. The consequences for society of such a form of organization of premarital relations as a civil marriage are shown and practical recommendations are given to specialized specialists.

Keywords: family, civil marriage, youth.

Укрепление межэтнической коммуникации через развитие туризма в Иркутской области

Лоскутов Д. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена разработке направлений укрепления межэтнической коммуникации через развитие туристического комплекса на примере Иркутской области. Рассмотрены наиболее популярные туристические объекты, такие как: ледокол Ангара, парк деревянных скульптур «Лукоморье», Усть-Орда и этнопарк «Золотая Орда», которые в полной мере демонстрируют реализацию креативных пространств Байкальского региона. В статье говорится о развитии данного направления для обеспечения культурного и социально-экономического роста региона и укрепления Иркутской области на туристической платформе всей страны.

Ключевые слова: межэтническая коммуникация, традиционный туризм, арт-проекты, бренд региона.

Что в настоящее время представляет современный турист XXI века? Что он хочет видеть, посещая другую страну? Ведь традиционный туризм уже давно отошел на второй план. Изучение достопримечательностей того или иного места в полной мере не удовлетворяют запросы иностранных туристов. Как следствие, в международной туристической сфере зародилось такое новое веяние как креативный туризм. В связи с тем, что на сегодняшний день Иркутская область входит в десятку регионов – лидеров по приему иностранных туристов в России, данное направление не обошло стороной и ее. За последние пять лет во многих уголках области начали создаваться либо реконструироваться креативные пространства. Что же из себя представляет креативное пространство? Прежде всего, это совмещенная площадка для развития как культурной, так и творческой инфраструктуры, т. е. это какой-либо туристический продукт, посетив который можно не только пополнить свои знания в области истории, культуры, но и параллельно принять участие в каких-нибудь развлекательных мероприятиях. Любое креативное пространство – это, в первую очередь, шанс для реализации множества проектов, которые способствуют формированию новых туристических продуктов области: событийных и выставочных площадок, галерей, развивающих центров. Благодаря развитию данного направления в туризме появляется возможность создания новых брендов, которые будут являться ресурсами для

формирования позитивного имиджа региона, а также обеспечивать культурное и социально-экономическое развитие региона.

На территории Иркутской области зарегистрировано множество интересных объектов, которые были реализованы в рамках креативного туризма. Рассмотрим самые часто посещаемые из них.

В туристическом маршруте иностранного туриста, который отправляется на остров Ольхон, обязательно будет присутствовать остановка в поселке Усть-Орда. Поселок расположен в 70 километрах от города Иркутска. Он примечателен тем, что, посетив эту локацию, можно узнать не только о культуре и обычаях одного из древнейших народов Сибири – бурят, но и пройти обряд очищения, принять участие в одном из ритуалов, проводимых настоящими бурятскими шаманами. Имеется возможность познакомиться с бурятским народным фольклором и национальными играми. За последние три года посещение этого объекта пользуется особой популярностью среди туристов-граждан КНР, особенно тех, кто приезжает из Тайваня и Гонконга [3].

По дороге на остров Ольхон на 72 километре Качугского тракта расположен еще один туристический комплекс, который невозможно не посетить, это этнопарк Золотая Орда. Этнопарк открылся в декабре 2016 г., но уже на данный момент входит в десятку лучших этнографических комплексов России. Он привлекает не только тем, что, посетив его можно познакомиться с этнокультурной, самобытностью коренного населения и национальной кухней, но и возможностью для всех гостей увидеть самую красивую резную юрту России. Кроме того, на территории комплекса представлены юрты, в которых можно погрузиться в традиционный быт и уклад. Действуют постоянные и сменные тематические выставки художников, ремесленников. Все гости имеют возможность принять участие в национальных обрядах, играх и забавах, спортивных состязаниях, исторических квестах и реконструкциях битв. Предусмотрены гастрономические, танцевальные и прикладные мастер-классы [2].

К креативным площадкам на территории г. Иркутска можно смело отнести туристический объект ледокол Ангара. При посещении этого туристического объекта, можно ознакомиться не только с историей создания ледокола, но и полностью погрузиться в атмосферу начала XX в. На сегодняшний день на ледоколе развернуты экспозиции краеведческого музея и Музея сибирской фо-

тографии, создана интерактивная экскурсия Angara Mystery (по машинному и котельному отделениям), в кают-компании проводятся концерты, творческие встречи, беседы, показы тематических видеофильмов. Ледокол Ангара пользуется огромным спросом среди российских и иностранных туристов.

Очень необычной и притягательной креативной площадкой Иркутской области является парк деревянных скульптур «Лукоморье», расположенный в деревни Савватеевка Ангарского района. Дополнительно, на 49-м километре Байкальского тракта в июне 2018 г. открылся его филиал. Парк – замечательное место для прогулок на чистом воздухе и у р. Ода, на берегу которой можно устроиться на пикник. Но главная особенность парка – это проведение ежегодных международных фестивалей деревянных скульптур. Во время фестиваля его участники вырезают из дерева красивые фигуры, которые затем остаются в парке навсегда, живописно вписываясь в естественную природу [1].

За последнее время взаимосвязь между культурой и туризмом стала нерушима. В первую очередь, любого туриста привлекает именно культура той страны или того места, куда он отправляется. Взаимоотношение между культурой и туризмом является одним из основных источников роста потока туристов. Различного рода креативные веяния в туристической сфере дополняют собой традиционный туризм. В последнее время все арт-проекты и творческие индустрии играют важную роль в развитии туризма, благодаря им регион получает все больше ресурсов для своего непосредственного развития. А это в свою очередь приводит к созданию новых рабочих мест, вложению отечественных и зарубежных инвестиций в различные проекты, развивает государственно-частное партнерство. У региона появляется больше возможностей для устойчивого социально-экономического роста, повышается имидж области [4, с. 98].

Создание и реализация различных творческих проектов в регионе дает шанс прочно закрепить позицию Иркутской области как ведущего региона по развитию видов туризма, таких как: гастрономического, событийного, научного, лечебно-оздоровительного, делового и культурно-познавательного. На данном этапе регион обладает всеми необходимыми ресурсами для улучшения уже сложившейся базы, расширения межэтнической коммуникации и укрепления конкурентоспособности Иркутской области на туристической платформе всей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянное «Лукоморье» на Байкале [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.ru/afisha/photo/20180702/lukomorie/> (дата обращения: 14.04.2019)
2. Золотая орда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goldenhordepark.ru/> (дата обращения: 14.04.2019)
3. Экскурсия в поселок Усть-Орда. [Электронный ресурс]. URL: <http://baikal-irkutsk.com/ru/excursions/ust-orda/> (дата обращения: 14.04.2019)
4. Борисова Ю. В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 163 с.

Strengthening of interethnic communication through the development of tourism in the Irkutsk region

Loskutov D. V.

Abstract. This article is devoted to the development of ways to strengthen interethnic communication through the development of the tourist complex on the example of the Irkutsk region. The most popular tourist sites such as the Angara icebreaker, wooden sculpture Park "Lukomorje", Ust-Orda and ethnopark "Golden Horde", which fully demonstrate the implementation of the creative spaces of the Baikal region, are considered. The article deals with the development of this direction to ensure the cultural and socio-economic growth of the region and strengthen the Irkutsk region on the tourist platform of the whole country.

Keywords: interethnic communication, traditional tourism, art projects, brand of the region.

Бренд территории как инструмент создания положительного образа малой родины

Пружинин А. Н.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается российский опыт создания бренда территории на примере российских городов, согласно проведенным исследованиям существует ряд пробелов в подготовке и создании концепции бренда, определения его вспомогательной роли в развитии своей местности. Также предлагаются варианты решения проблем разработки брендов, первый путь основан на историческом опыте Советского Союза, переосмысление управленческих практик СССР позволяет увидеть нам не только необходимые механизмы управления человеческим восприятием образа территории, но и увидеть долгосрочные последствия. Вместе с этим этот вариант требует большого количества времени. Альтернативный путь российских теоретиков ещё не получил должного практического подтверждения, но уже обозначил приоритетные направления исследований. Несмотря на существующую сложность практика брендинга продолжает развиваться.

Ключевые слова: имидж, региональный брендинг, бренд-мессендж, инвестиции.

Рассматривать бренд, под таким углом зрения достаточно не тривиальная задача: способно ли брендование территории существенно изменить отношение местных жителей своей малой родины, и если возможно, то как? В существующей практике присвоения бреда территорий традиционна такая схема: сначала разрабатывается долгосрочная стратегия развития территории, а под её особенности создается бренд, проводится большая работа с населением, изучением истории территории и выявление её положительных особенностей в целом. Но как показывает практика Ангарска – такая практика не всегда воспринимается населением положительно и это связано с фактическим состоянием городской инфраструктуры и состоянием промышленности, развитием бизнеса, при этом, можно справедливо предположить иначе, что даже качественному, подходящему бренду порой тяжело изменить негативное «закоренелое», устоявшееся и поэтому такое «любимое» и привычное восприятие города. Этот вопрос, безусловно, нужно изучать более подробно.

Если мы посмотрим в историческом ключе так называемое «бредирование территории», то самым ярким примером будет стройка «БАМа», но, стройка БАМа и его бредирование – привлечение людей к этому проекту началось как минимум в одно и тоже время, либо, брендование чуть запаздывало, иными словами мы бредировали то что уже есть в наличии или то к чему мы готовы, и это противоречит современному подходу, брендом мы даем некое обещание, что будет сделано и подобного рода подход может рождать неоднозначную реакцию у населения. На наш взгляд очень важно задуматься ещё над тем, а бренд должен в большей степени привлекать новых людей или максимально соответствовать пожеланиям местного населения, ведь если мы преследуем второй вариант – мы ближе находимся к пониманию: «как местные жители видеть качество своей жизни в городе», и если местное население довольно этим качеством, то туристы непременно увидят, и именно этот путь скорее всего оставит большее количество туристов, чем ориентация на привлечение новых жителей, мало кто здесь закрепится, если не увидит благополучия местных жителей [1]. Хорошим примером служат современные туристические города, имеющие свой бренд, где местное население живет туризмом, инфраструктура территории обустроена для туристов и власти реализуют соответствующую политику. Иными словами, бренд в дан-

ном случае уже только соответствует имеющимся культурным, социальным и экономическим процессам. Рассмотреть эти два момента в развитии бренда необходимо было необходимо в данной работе, поскольку если мы не хотим объединять людей против бренда, то должны учитывать ошибки прошлого. Если у нас сформирован бренд уже под имеющиеся социально-экономические процессы, он может являться и рычагом консолидации местного населения, представьте если в курортном городе власть решит открыть большой промышленный завод, или наоборот в промышленном городе перестанет спонсировать это производство, каков будет общественный резонанс? Очевидно достаточно сильный. Люди будут защищать свои деньги и статусы.

На наш взгляд чтобы брендинг территории и реализация её имиджа были удачными, бренд должен основываться на «свежих» реализованных государственных проектах. Пример может быть любым, если мы делаем ставку на промышленную силу территории или бизнес-структуры, то один – два года внимание общественности и властей должно быть сосредоточено на развитии и успехах этой области, более того люди должны на себе ощущать положительные эффекты этого развития, и потом уже возможна работа над брендом, потому что в ином случае, если мы не проводим подобную подготовку, то рискуем наткнуться на отсутствие сильных общепринятых символов у населения, и как итог: отрицание такого бренда в дальнейшем – он не понятен, для людей эта картинка пустая, а когда она привязана к реальному результату, который у всех был на слуху и принес реально ощутимую пользу людям, то бренд будет иметь под собой основу и сможет привлекать к себе людей [2; 3]. Иными словами, без фактического социально-экономического подтверждения, даже качественно сформированные современные мифологемы будут действовать короткое время.

Бренд должен отражать уникальность и неповторимость территории, но каковы критерии этих параметров, ведь не могут же все территории быть уникальными и неповторимыми. До тех пор, пока не выработаны критерии уникальности и неповторимости мы остаемся на уровне показа лучших качеств и свойств – на этом без должной подготовки тоже далеко не уйдешь, особенно если «бренда» не создано в головах, о чем говорили выше. Хорошим примером служит Иркутская область, имеющая действительно уникальный Байкал, но это до сих пор не смогло сослужить свою

службу в бренде территории. Существует подход, при котором уникальность территории преподносится через его лидерство на экономическом, социальном или культурном рынке, но, если опять же оно есть. Единственное что здесь осталось сказать – это то что необходимо перестать «создавать мыльные пузыри», если за брендом ничего не стоит, то он ничего и не принесет.

Вместе с этим качественный бренд, под которым есть существенное материальное, социальное, культурное подтверждение может стать хорошим инструментом консолидации, но консолидация не существует сама по себе и просто так – она есть только когда необходима, например, в целях защиты или достижения результатов. И тут встает вопрос, а вокруг чего возможно консолидировать население, что оно хочет достичь или от чего уберечься? Какую ценность оно готово защищать или какие культурные модели внедрить? На данный момент очень тяжело однозначно ответить, это требует полномасштабных исследований, и возможно, в будущем, бренд сможет стать реальным рычагом консолидации общества. Но на данный момент таких перспектив нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полюшкевич О. А. Борисова Ю. В. Попова М. В. Технология разработки бренда города (на примере Ангарского городского округа) [Электронный ресурс]. URL: <https://elck.ru/G6fX3> (дата обращения: 10.05.2019)
2. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества // Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб. : СПбГУ, 2013.
3. Тульчинский Г. Л. Брендинг как социальное партнерство и консолидация городского социума // Экономика и управление. 2013. № 6. С. 76–80.

Territory brand as a tool for creating a positive image of a small homeland

Pruzhinin A. N.

Abstract. The paper examines the Russian experience of creating a territory brand using the example of Russian cities; according to the research, there are a number of gaps in the preparation and creation of the brand concept, defining its supporting role in the development of its territory. The paper proposes solutions to the problems of developing brands, the first path is based on the historical experience of the Soviet Union, rethinking the management practices of the USSR allows us to see not only the necessary mechanisms for managing human perception of the image of the territory, but also to see long-term consequences. At the same time, this option requires a lot of time. The alternative path of Russian theorists has not yet received due practical confirmation, but has already identified priority areas for research. Despite the existing difficulties, the practice of branding continues to evolve.

Keywords: image, regional branding, brand message, investments.

Социальный образ малой родины на примере г. Усть-Кута

Абдрашитова О. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена особенностям формирования образа «малой Родины» у жителей экономически неблагополучных городов. Автором представлены основные итоги социологического исследования по проблеме восприятия облика родного края жителями города Усть-Кут в 2019 году.

Ключевые слова: малая родина, Усть-Кут, качество жизни, история.

Чувство любви к родине формируется во внутреннем духовном пространстве человека в зависимости от тех или иных обстоятельств и событий, происходящих на территории проживания индивидуума в определенный исторический момент, от образов и людей, которые его окружают. Для большей части населения современной России город является основным местом жительства, поэтому именно его образ ассоциируется у жителей с «малой Родиной». К сожалению, в настоящее время не все города Российской Федерации обладают высоким уровнем качества жизни, многие из них не могут похвастаться стремительными темпами развития социальной и экономической сфер. Предметом «гордости» становятся высокие показатели уровня бедности, массовый отток населения, неразвитая инфраструктура, ужасные условия труда и некачественное здравоохранение. Несомненно, это накладывает отпечаток на образ «малой Родины» у населения, способствует формированию негативного отношения к своей земле. С данной проблемой столкнулся некогда экономически значимый и процветающий город Усть-Кут.

История старейшего города Восточной Сибири – Усть-Кута начинает свой отсчет еще в далеких 1620-х, когда российские первопроходцы появились в устье реки Куты и поставили зимовье, годом основания поселения принято считать 1631 год, в это время атаман Иван Галкин с отрядом возвели основание Усть-Кутского острога. Позже Усть-Кут стал важным транспортным узлом в освоении Сибири, через него проходили экспедиции Беринга, Лаптевых и Шелихова, Усть-Кутская волость была местом проведения крупнейших ярмарок, в 1630-х Ерофеем Хабаровым была основана первая в Сибири солеварня и заведена пашня, здесь развивались

охотничий и рыбный промыслы, в Ленском бассейне разработаны золотые прииски. С 1934 г. осуществляются поставки нефти крупнейшей на востоке страны нефтебазой. В 1951 г. сдана первая очередь некогда знаменитого Осетровского речного порта, ставшего крупнейшим в Советском Союзе. До 1990-х порт обеспечивал перевалку и отправление речным транспортом до 80 % грузов северного завоза, на сегодняшний день порт остается единственным местом на Лене, где возможна перевалка грузов с железной дороги на речные суда. 1974 год ознаменован строительством Байкало-Амурской магистрали – отправной точки «всесоюзной комсомольской стройки», которая обеспечила сообщение с дальневосточными регионами страны. В период строительства железной дороги в городе был развит строительный комплекс, например, в 1980 г. был создан крупный всесоюзный трест «Лена-БАМстрой». Все эти события послужили большому притоку населения из близлежащих поселений и других регионов СССР, в 1996 г. численность населения Усть-Кута достигла исторического пика – 62,4 тысячи человек [2].

Начиная с 1996 г. население города начало существенно сокращаться, основной причиной явился кризис, повлиявший на отток населения в районы с более стабильной социально-экономической ситуацией (табл. 1) [1].

Таблица 1

Среднегодовая численность постоянного населения г. Усть-Кут

Год	1996	2010	2012	2014	2016	2017	2018	2018 в % к 1996
Тыс. чел.	62,4	53,6	52,6	51,0	49,9	49,3	49,0	78,52

В настоящее время ситуация не изменилась, более того, последние годы наблюдается не только миграционная, но и естественная убыль населения (табл. 2). В 2017 г. в расчёте на 1000 человек населения в Усть-Кутском муниципальном образовании умерло на 2,1 человека больше, чем родилось [1].

Таблица 2

Миграция населения г. Усть-Кут (чел.)

Показатель	2010	2012	2014	2016	2017
Число прибывших	487	960	889	993	798
Число выбывших	1073	1685	1476	1290	1429
Миграционный прирост (убыль)	-586	-725	-587	-297	-631

В первую очередь, это связано с низким уровнем качества жизни населения, люди вынуждены жить в условиях, ограничивающих простор для творчества, образования и самореализации, в обстановке с неудовлетворительным комфортом городской среды, плохим медицинским и бытовым обслуживанием. Наиболее ярко выражена проблема организации отдыха, развлечений и досуга, поскольку численность спортивных и культурных организаций явно недостаточна для нормального удовлетворения духовных потребностей населения. По состоянию на 2017 г. в городе действуют одна библиотека и один музей, по одной детской школе искусств и детско-юношеской спортивной школе, 50 спортивных залов, но всего один бассейн, 18 общеобразовательных организаций. При этом, на социальную политику и культуру в 2019 году в бюджете Усть-Кутского муниципального образования запланировано менее 10 % расходов. В августе 2018 г. город занял третье место с конца (из 1112 российских городов) по качеству и безопасности городской среды. По мнению сотрудников Минстроя России, город отстает по большинству основных показателей – там не только некомфортно, но и опасно жить, хуже всего дела обстоят с инфраструктурой и экологичностью среды.

По обозначенной теме было проведено социологическое исследование «Усть-Кут – моя малая Родина», целью которого явилось изучение отношения респондентов к образу родного края, а также факторов его формирования. В рамках данного исследования был проведен социологический анализ общественного мнения в мае 2019 г., в заочном анкетировании приняли участие 105 жителей города Усть-Кут в возрасте от 22 до 63 лет. Полученная выборочная совокупность состоит из 40 (38,1 %) мужчин и 65 (61,9 %) женщин, средний возраст респондентов 37,9 лет. 70 жителей (66,7 %) родились в городе Усть-Куте, 25 родились в другом месте, но считают Усть-Кут своей «малой Родиной», 10 человек являются приезжими жителями города.

В ходе социологического опроса 90,5 % респондентов согласились, что г. Усть-Кут обладает богатой историей, которой стоит гордиться, 5 человек не знают истории, и 5 человек не нашли событий, которые бы вызвали у них чувство величия своей родной земли. Действительно, город может похвастаться своим историческим прошлым, ведь на его территории происходили события, так или иначе влияющие на развитие целой страны; в нем проживают

люди, чьи заслуги вызывают неподдельную гордость, например, за участие в сражениях во времена Великой Отечественной войны четверо жителей удостоены звания Героя Советского Союза, в 2004 году Рудых А. В. удостоен звания героя России. Кроме того, 51,5 % жителей сошлись во мнении, что главным украшением города является его богатая и красивая природа, а также природные ресурсы, 36,4 % жителей ценят город за воспоминания, связанные с детством и родными людьми, 9,1 % отметили, что культурное наследие города вызывает у них чувство гордости, еще 3 % обозначили достоинством наличие крупных предприятий на территории Усть-Кута (ООО «УКНГ», ООО «Леналессервис», Осетровский речной порт). При этом, ни один респондент не выбрал вариант «уровень жизни населения, инфраструктура города и его облик».

На вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к городу в связи с ухудшением его социально-экономического положения после 1990-х?» 30 опрошенных (28,6 %) ответили отрицательно, 60 респондентов (57,1 %) негативно отнеслись к переменам, но сохранили свою любовь к городу, и лишь 15 жителей (14,3 %) восприняли последствия кризиса резко негативно, это послужило утрате чувств любви и гордости к городу. Далее респондентам было предложено расположить в порядке убывания факторы, влияющие на формирование негативного отношения к городу в настоящее время. Уровень жизни населения и плохое социально-экономическое положение города вызывают у жителей наиболее неприятные эмоции; не менее критически устькутяне откликаются и на облик города; на третьем месте оказалась плохая организация инфраструктуры (больницы, образовательные учреждения, дома культуры и т. д.); отрицательно влияют на мнение о городе особенности контингента населения (значительная доля людей с вредными привычками, бывшие заключенные) и отсутствие возможностей для самореализации и саморазвития; наименее значительно на мнение горожан оказывают влияние закрытие большинства некогда крупнейших заводов и суровый климат. Данные результаты подтверждают, что именно социально-экономическое положение города наиболее сильно влияет на возникновение нежелательного отношения жителей к родному краю.

По мнению 83 опрошенных (79 %), город Усть-Кут не вызывает чувства любви и гордости у нынешнего поколения (дети, родившиеся после 2000-х), 22 (21 %) жителя придерживаются иного

мнения. Последующий вопрос предлагал несколько возможных вариантов действий, которые поспособствовали бы возникновению позитивных чувств к родному городу у жителей, а также воспитывали бы чувства гордости и любви к «малой Родине» у будущих поколений. Наиболее популярным оказался вариант – «улучшение качества и комфорта городской среды (реставрация зданий, организация парков, ремонт дорог)» – 35,9 %; не менее важно, по мнению жителей, направить силы на улучшение качества жизни населения (повышение заработной платы, новые трудовые места, реконструкция объектов социального назначения) – 31,3 %; почти четверть опрошенных (18,8 %) считает, что целесообразно найти новый вектор развития города (экологический туризм, модернизация существующих предприятий или открытие новых, разработка разведанных месторождений); и 14,1 % респондентов сошлись на мнении, что без возрождения его истории, увеличения перечня объектов культурного наследия, и открытия новых памятников никак не обойтись. Таким образом, внешний вид Усть-Кута наиболее сильно влияет на восприятие образа «малой Родины» у горожан, поэтому жителям и органам муниципальной власти для предотвращения дальнейшего оттока населения и формирования позитивного образа своего края необходимо сделать все возможное в первую очередь для создания красивого, чистого, комфортного и безопасного города.

Стоит отметить, что муниципальные органы власти города Усть-Кут уже обратили внимание на важность формирования достойного бренда и моделирования позитивного имиджа отдельных территорий муниципального образования. На 2019–2021 годы в бюджете уже запланировано несколько мероприятий, способных изменить внешний вид города: капитальный ремонт берегоукрепления реки Лена; капитальный ремонт инженерных сетей; с помощью голосования приоритетными направлениями выбраны благоустройство сквера у стадиона «Водник», территории «РКДЦ Магистраль» и озеленение 22 дворовых территорий.

В настоящее время человек живет в эпоху массовой компьютеризации и глобализации, в современном техногенном мире с бешеными скоростями, постоянными социально-экономическими преобразованиями и «глобальной культурой», пропагандирующей индивидуализм и стремление к личному обогащению. Новому поколению как никогда необходимо чувство родины и любви к своей

земле, чтобы не чувствовать себя одинокими в этом сложном и бескрайнем мире, поэтому для жителей городов важной задачей видится воспитание любви к родному краю у своих детей, несмотря на сложившуюся ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паспорт муниципального образования. Усть-Кутский муниципальный район [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst25&r=25644000 (дата обращения: 12.05.2019).

2. Усть-Кут [Электронный ресурс] // АНО Иркипедия. URL: http://irkipedia.ru/content/ust_kut (дата обращения: 10.05.2019).

The social image of a small homeland on the example of the city of Ust-Kut

Abdrashitova O. A.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the formation of the image of a “small Motherland” among residents of economically disadvantaged cities. The author presents the main results of a sociological research on the problem of perception of the appearance of the native land by residents of the city of Ust-Kut in 2019.

Keywords: small homeland, Ust-Kut, quality of life, history.

Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития: на примере г. Братска

Крутова Е. А.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье анализируется влияние человеческого капитала на социально-экономическое развитие территорий на примере г. Братска. На основе статистических данных выявлены основные проблемы, препятствующие формированию человеческого капитала в г. Братске и предложены пути их решения. В заключение обосновано значение человеческого капитала отдельного субъекта федерации как фактора социально-экономического развития государства в целом.

Ключевые слова: человеческий капитал, инновационная экономика, экономический рост, развитие территории, управление человеческим капиталом, инвестиции.

В настоящее время одной из актуальных проблем, широко обсуждаемой в научных кругах, является проблема перехода России к инновационной экономике или экономике знаний. Особая роль в решении данной проблемы отводится человеческому капиталу, как главному фактору социально-экономического развития. Опыт стран, являющихся мировыми лидерами, доказывает, что именно наличие сформированного и развитого человеческого капитала

позволяет перейти к инновационной экономике, дает возможность адаптироваться к новым условиям глобализации, и наконец, является главным фактором, повышающим конкурентоспособность государства. Для России, стремящейся занять лидерские позиции на мировом уровне, тема использования человеческого капитала как фактора социально-экономического развития является особенно актуальной.

Одним из факторов, препятствующих социально-экономическому развитию России, являются региональные различия в формировании и развитии человеческого капитала. Данный дисбаланс выражен как в количественной разнице человеческого капитала в отдельных регионах, так и в разнице социально-экономических условий, формирующих человеческий капитал. Такие федеральные единицы, как Москва и Санкт-Петербург, безусловно, имеют больше возможностей для формирования и развития человеческого капитала [9, с. 52]. Вместе с тем ряд регионов имеет более низкий уровень возможностей, что негативно сказывается на развитии человеческого капитала всей страны в целом. Поэтому целью данного исследования явилось изучение возможностей формирования и развития человеческого капитала в отдельных территориях государства и разработка рекомендаций по совершенствованию управления человеческим капиталом. В качестве объекта был выбран г. Братск, как пример территории, нуждающейся в реформировании системы управления человеческим капиталом.

Категория «человеческий капитал» является относительно новой, вследствие чего нет единого определения данного термина, а также единого перечня его составляющих. Первыми, кто выделил человеческий капитал в отдельную экономическую категорию, стали Г. Беккер и Т. Шульц [8, с. 252]. Являясь основоположниками теории человеческого капитала, они подразумевали под данным термином запас знаний, способностей и навыков человека, позволяющих получить более высокие доходы в будущем. В данной работе была использована именно эта трактовка понятия, дополненная тем, что указанный выше перечень характеристик позволяет не только получить высокие доходы для отдельного человека, но и влияет на социально-экономическое развитие государства в целом.

Факторами, которые влияют на формирования человеческого капитала, являются системы образования и здравоохранения, а также рынок труда. Также одним из важнейших факторов является метод управления человеческим капиталом. Поэтому в ходе исследования были проанализированы именно указанные факторы и определены основные проблемы в данных сферах, препятствующие развитию человеческого капитала в г. Братске.

Уровень образования г. Братска можно охарактеризовать следующими данными: на 2018 г. в городе функционировала 41 организация общего образования. Обеспеченность педагогическими кадрами составляла 99 %. Доля выпускников общеобразовательных учреждений, освоивших основные общеобразовательные программы среднего общего образования и получивших аттестаты, составляет 98 % [7, с. 15]. Среднее и высшее профессиональное образование в городе представлено Братским государственным университетом, двумя филиалами, четырьмя техникумами и шестью колледжами.

Несмотря на развитую сеть образовательных учреждений, одной из острых проблем является несоответствия между популярными профилями образования и их востребованностью на рынке труда. Наличие данной проблемы приводит к переизбытку специалистов в одних сферах и одновременной нехватки квалифицированных кадров в других сферах. Последствием является высокий уровень безработицы среди выпускников, приводящий к тому, что молодые люди вынуждены устраиваться на работу не по полученной профессии. Как результат, более 50 % выпускников после получения диплома на протяжении нескольких месяцев находятся в стадии поиска работы [3, с. 18]. Одновременно данные Центра занятости г. Братска свидетельствуют о том, что потребность в специалистах, имеющих высшее образование, составляет 27 %, а потребность в специалистах со средним профессиональным образованием составляет 58 % [7, с. 6].

Данная статистка свидетельствует о неэффективном использовании человеческого капитала, что негативно отражается на социально-экономическом развитии города, а значит и на развитии государства в целом. Для решения данной проблемы местным органам власти следует направить усилия на разработку и внедрение мероприятий по укреплению связи между рынком труда и учебными заведениями.

Следующим фактором, влияющим на формирование и развитие человеческого капитала, является система здравоохранения. Показатели здоровья и заболеваемости населения имеют стратегическую значимость, отражающую демографические потери населения, а значит и потери человеческого капитала.

Стоит отметить отрицательные демографические тенденции, характерные для г. Братска. В 2018 г. численность населения составила 231 тыс. человек, тогда как в 2008 г. численность составляла 252 тыс. человек, т. е. за 10 лет численность города сократилась на 21 тыс. человек или на 8 % [3, с. 18]. Заболеваемость населения острыми и хроническими болезнями составляет 947 (на 1000 человек); естественная убыль населения составляет -2,4 (на 1000 человек), тогда как по Иркутской области данный показатель равен 0,5 [7, с. 20].

Безусловно, нельзя утверждать, что подобные негативные тенденции характерны только для г. Братска. Система здравоохранения нуждается в реформировании по всему государству, а негативные демографические показатели являются одной из острейших проблем современной России. На муниципальном уровне автор предлагает акцентировать усилия на решение следующих проблем: нехватка медицинских кадров, низкое качество и доступность медицинских услуг, пропаганда здорового образа жизни. Без решения данных проблем невозможно говорить о повышении качества человеческого капитала.

Управление человеческим капиталом реализуется через инвестирование в те сферы, которые оказывают влияние на его формирование. Поскольку термин «человеческий капитал» является относительно новым, целенаправленная политика управления человеческим капиталом в России только формируется. Про такие малые города, как Братск, сложно говорить о формировании и существовании данной политики, поскольку сам термин «человеческий капитал» не используется ни в официальных документах, ни в выступлениях муниципальных служащих. Поэтому невозможно говорить о развитии человеческого капитала до тех пор, пока отсутствует политика по его формированию [10, с. 32]. Человеческий капитал как объект управления должен быть составным элементом социально-экономической политики г. Братска. Для этого необходимо:

1) проанализировать основные проблемы формирования человеческого капитала в г. Братске;

2) сформировать соответствующую нормативно-правовую базу, в которой бы закрепились стратегия развития человеческого капитала как фактора социально-экономического развития г. Братска;

3) создать департаменты по формированию и развитию человеческого капитала.

Обобщая приведенные данные, стоит отметить позицию г. Братска на уровне ниже среднего. Многие показатели ниже не только по России, но и по Иркутской области. Стоит отметить, что подобная ситуация характерна не только для г. Братска, но и для многих городов России. Поэтому автор вновь подчеркивает, что невозможно говорить о повышении качества человеческого капитала в России и осуществлении поставленных перед государством целей без решения проблем, остро стоящих перед многими регионами России.

Таким образом, в ходе исследования автор пришел к следующим выводам:

Во-первых, для достижения поставленных перед Россией целей – переход на инновационный путь экономики и занятие лидерских позиций на мировой арене – необходимо акцентировать внимание на развитие человеческого капитала.

Во-вторых, для развития человеческого капитала России характерен региональный дисбаланс. Для реализации поставленных перед государством целей необходимо исследовать региональные проблемы, проанализировать причины низкого уровня развития человеческого капитала по каждому показателю и выработать стратегию по формированию и развитию человеческого капитала в регионах России в соответствии с их экономическими возможностями [11, с. 41].

В-третьих, в ходе исследования были определены основные проблемы, препятствующие формированию человеческого капитала в г. Братске и предложены пути их решения. Вновь обозначена необходимость разработки такой политики развития, которая обеспечить рост человеческого капитала.

В заключении хотелось бы отметить, что государство, которое стремится занять лидерские позиции на мировой арене, должно комплексно подходить к решению актуальных проблем. В данной

работе было показано, что обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие России возможно только при сформированном и развитом человеческом капитале во всех регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Двинских М. Н. Формирование человеческого капитала как фактор устойчивого социально-экономического развития региона // Проблемы современной экономики. 2010. № 4. С. 56–59.
2. Комаров А. В. Роль образования в формировании человеческого капитала в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 3. С. 83–88.
3. Крутова Е. А. Муниципальные целевые программы как механизм реализации молодежной политики // Труды Братского государственного университета. серия: гуманитарные и социальные науки. 2017. № 1. С. 16–20.
4. Крутова Е. А. Роль программно-целевых методов управления образованием в процессе социальной консолидации // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. 2018. С. 118–121.
5. Официальный сайт администрации г. Братска [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bratsk-city.ru> (дата обращения: 03.05.2019)
6. Меликсетян С. Н. Человеческий капитал как основной фактор социально-экономического развития государства и методы управления им // European science review. 2014. № 5–6. С. 206–208.
7. Публичный доклад о состоянии и перспективах развития системы образования города Братска. Братск, 2016. 136 с.
8. Устинова К. А. Человеческий капитал как фактор инновационного развития региона: теоретические аспекты // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 252–257.
9. Чучулина Е. В. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития региона // Вестник Пермского университета. 2014. № 1. С. 52–57.
10. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) : монография / Ю. В. Борисова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 170 с.
11. Заварзина Ю. В. Финансовый менеджмент в государственном и муниципальном секторах как инструмент развития территории (на материалах Иркутской области) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 163 с.

Human capital as a factor of social and economic development: on the example of Bratsk

Krutova E. A.

Abstract. The article analyzes the impact of human capital on the socio-economic development of territories on the example of Bratsk. On the basis of statistical data, the main problems hindering the formation of human capital in Bratsk are identified and ways to solve them are proposed. In conclusion, the importance of human capital of a particular subject of the Federation as a factor of socio-economic development of the state as a whole is justified.

Keywords: human capital, innovative economy, economic growth, territory development, human capital management, investments.

Ценности и нормы Юго-Восточной Азии

Попова Н. В.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье идет речь о взаимодействии ценностей и норм, влияющих на региональную идентичность, отношении субъектов к их принадлежности к определенному региону, в контексте стран Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: регион, норы, ценности.

В нормативном понимании идентичности Юго-Восточной Азии ценности могут играть определенную роль в силу их взаимосвязи с нормами.

Ценности – это «культурные продукты», которые также являются индивидуальными или общими концепциями желаемого. Нормы, с другой стороны, являются «общепринятыми, санкционированными предписаниями или запретами в отношении поведения, убеждений или чувств других». То есть того, что другие должны делать, верить, чувствовать. Ценности могут принадлежать одному человеку, нормы должны быть общими. Нормы включают санкции, ценности – нет. Ценности являются общими и явными, нормы – конкретными и молчаливыми.

Ценности и нормы различны, но они взаимодействуют и имеют активное взаимодействие. Ценности влияют на установление и развитие норм. Хотя это не является обязательным, общепринятые ценности в основном составляют нормы. Идентичность – междисциплинарная концепция, используемая в психологии, социологии и, все чаще, человеческой, культурной и региональной географии. Региональная идентичность относится к категории коллективной идентичности, которая отличает группы друг от друга. Региональная идентичность концептуализируется по-разному. Одна точка зрения утверждает, что это «эмоциональный феномен, связанный с региональным сознанием, что влечет за собой чувство принадлежности, а также различия между социальными группами». Такая преемственность препятствует тому, чтобы региональная идентичность имела «хорошо сформулированную основу» для своего становления и развития.

Поэтому региональная идентичность имеет два компонента: сознание жителей и образ региона. Нормы играют определенную роль, особенно в отношении первого компонента, поскольку они

совместно используются большинством членов региона, что может способствовать развитию сознания.

Нормы Юго-Восточной Азии разделяются несколькими типами субъектов (государствами, НПО и гражданами) и влияют на их методы работы. Нормы не являются эпифеноменальными, они оказывают независимое воздействие на поведение государства, переопределяя государственные интересы и создавая коллективные интересы и идентичности. Нормы внутрирегиональных взаимодействий создают ощущение «мы». Например, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии продемонстрировала это «мы» после азиатского финансового кризиса 1997/1998 годов посредством социального общения, актов взаимной речи и изменения отношений и интересов государств, сотрудничающих друг с другом.

«Мы» также создает понятие «инаковости», которое действует как центростремительная сила, усиливающая сознание региональной идентичности. Это ограничивает главенство крупных держав, в частности стратегическое господство Соединенных Штатов, отвергает западные конфигурации международных отношений, выступает за азиатский способ управления конфликтами путем консенсуса и консультаций и подчеркивает иные аспекты азиатской культуры, где благосостояние группы уважается над благосостоянием личности и где лояльность и обязанности господствуют над моралью.

Конструктивистское понимание норм дает региональным субъектам стимул чувствовать свою принадлежность к региону. Конструктивисты концептуализируют нормы как интересубъективные социальные структуры, обеспечивающие эволюцию региональных идентичностей. Хотя между различными лидерами Юго-Восточной Азии существуют разногласия по поводу «азиатскости» азиатских ценностей, есть достаточно общих элементов, которые все еще могут привести к формированию норм.

Азиатские ценности впервые были использованы в 1970-х годах, чтобы найти культурную ссылку на восточноазиатское чудо, сосредоточив внимание на азиатских качествах. Дискурс был обновлен как реакция на универсалистские утверждения Соединенных Штатов о правах человека и демократии в 1990-х годах. И в 1970-х, и в 1990-х гг. азиатский дискурс ценностей имел антизападное чувство, подчеркивающее азиатское превосходство.

Дискурс, о котором шла речь выше, имеет четыре основных направления. Первая нить утверждает, что Азия имеет отличную систему ценностей, основанную на коллективной судьбе, индивидуальной жертве, в которую западные демократические ценности/институты не полностью вписываются. Это утверждение подверглось критике на том основании, что оно может быть использовано для оправдания и защиты восточноазиатских полудемократических режимов.

Второе направление посвящено философским и историческим корням азиатских ценностей в конфуцианских и других традиционных текстах. Сторонники утверждают, что, хотя эти ценности не совместимы с понятиями западной демократии, они все еще демократичны по самой своей природе. Эти идеи подверглись критике на том основании, что «доказательство» демократических основ азиатских ценностей, ссылаясь на древние тексты Азии, неискренне: почти все может быть «доказано о продемократических идеях, используя этот метод».

Третья нить, которая вызвала меньше критики, ищет связи между экономическим развитием Азии и азиатскими ценностями.

Четвертая нить отвергает культурную аутентичность азиатских ценностей, утверждая, что они не являются особенно азиатскими по какому-либо значительному смыслу. Поэтому экономические реформы в странах Восточной Азии больше связаны с «социокультурной инженерией», чем с конфуцианским культурным наследием.

Влияние норм на идентичности является частой темой конструктивистов. Они утверждают, что воображаемые сообщества важны, потому что они создают чувство принадлежности, необходимое для региональной идентичности. Нормы способствуют этому через региональные взаимодействия и взаимозависимости, как подчеркивает Политика веры. В этих взаимодействиях и взаимозависимостях нормы оказывают независимое воздействие на коллективные интересы и поведение государств. С этими коллективными интересами нормы создают понятие «Мы», которое также порождает чувство «инаковости». Они оба действуют как центроориентированная сила, усиливая региональную идентичность.

Из-за активного взаимодействия между ценностями и нормами азиатские ценности могут быть очень значимыми для идентичности Юго-Восточной Азии. Они подчеркивают коммунитарную

этику и выступают в качестве неформального процесса для унификации представлений и интересов субъектов Юго-Восточной Азии, что косвенно консолидирует региональную идентичность. Азиатские ценности преуменьшают корыстные и конкурентные государственные отношения, формируют групповую идентичность, чтобы сделать регион тесно связанным в различных аспектах.

Values and norms of south east asia

Popova N. V.

Abstract. The article deals with the interaction of values and norms that affect regional identity, the attitude of subjects to their belonging to a particular region, in the context of South-East Asia.

Keywords: region, norms, values.

Взаимосвязь религий с проблемой межнациональных отношений

Татура М. О., Шарафеева Д. С.

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Россия является многонациональным государством и поэтому важным вопросом является взаимосвязь религий в межнациональных отношениях. Проблема взаимоотношений между представителями разных религий заключается в следующем: почему люди разных национальностей в большинстве своем испытывают взаимную неприязнь друг к другу. Актуальность темы состоит в исследовании роли религиозного фактора в современном состоянии и динамике межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, религии, межэтнический диалог, конфликты, толерантность, нация.

Проблема межнациональных отношений затрагивает многих людей и, соответственно, народов. Её пытаются решить на протяжении долгих лет, но, видимо эта задача будет существовать еще долгое время. Важно помнить, что каждая этническая община оригинальна, она имеет свои особенности, отличающие её от другой, но именно это отличие и вызывает чаще всего у других людей неприязнь, создает четкое, порой, очень твердо зафиксированное мышление.

Для того чтобы понять причину межнациональных разногласий, нужно определить значение понятия «национальность» и «национализм». Также необходимо знать, как определяется наци-

ональность человека. Именно большое количество существующих наций (народов, народностей, этносов, этнических общин) и определяет данную проблему. Народности имеют отличия друг от друга, причем эти отличия либо сразу бросаются в глаза, либо и вовсе незаметны. Принадлежность к определенному народу создает у человека чувство особенности, которое нередко путается с другим чувством – привилегированности, и часто перетекает в национализм.

В основе нетерпимости лежит убеждение, что твоя группа, твоя система взглядов, твой образ жизни выше, лучше, чем у других. Она отказывает в праве на существование тому, кто придерживается иных взглядов, предпочитает подавление, а не убеждение. Формы проявления нетерпимости разнообразны: оскорбления, игнорирование, осквернение религиозных или культурных символов, угрозы, запугивание, преследование, поиск врага, дискриминация, расизм.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что причиной неприязненных отношений между нациями является отсутствие толерантности. Ведь главное в человеке это не национальность, а моральные и человеческие качества [3]. Национальность, наоборот, может служить поводом для дружбы и общения, а не становиться камнем преткновения. Среди религий всегда были какие-то разногласия, но это не должно мешать людям уважать чувства и выбор других. Людям свойственно искать отличия и отличаться от других. Точно так же им свойственно доказывать свое превосходство над другими, или добиваться этого превосходства.

В современном мире наблюдается усиление напряженности межнациональных отношений. Изменения межнациональных отношений связано с участием религиозного фактора, тем самым традиционно выявляется связь национального и религиозного. Эти изменения зависят и от многих других факторов, к примеру, таких, как среда обитания, исторический опыт совместного проживания народов, национальная культура, особенности вероисповедания, общность или различия языка, этнические стереотипы поведения и восприятия друг друга, экономическая ситуация.

Каждый человек, общество или государство воспринимают религию как они хотят, т. е. по-разному. Можно взять двух разных людей и сравнить их: одного – придерживающегося какой-либо строгой и замкнутой секты, а другого – ведущего светский образ жизни и совершенно безучастного к религии. То же самое можно и

применить к различным обществам и государствам: одни живут по строгим законам религии (например, ислам), другие предоставляют своим гражданам полную свободу в вопросах веры и не вмешиваются в религиозную сферу, а третьи держат религию под запретом.

В ходе истории вопрос с религией в одной и той же стране может меняться. Ярким примером является наша страна. В ней много разных и смешанных религий. Они могут сплотить людей или же наоборот разъединять их, воодушевлять на творческий труд, на подвиги, призывать к бездействию, недвижимости и наблюдению, помогать распространению книжности и развитию искусства, но и в то же время ограничивать какие-либо сферы культуры, даже могут быть осуществлены запреты на отдельные виды деятельности, науки. Значение религии всегда следует рассматривать конкретно в определенном обществе и в заданный период. Ее роль для всей общественности, для отдельной группы людей или для конкретного человека может быть различна.

Кроме того, можно говорить, что религии обычно исполняют по отношению к обществу и отдельным людям множество функций. Главной из которой является – умение общаться между собой, несмотря на разные религии и верования, т. е. быть дружелюбнее к другим религиям и относиться с уважением к их ценностям и традициям.

Основными религиями, представленными в нашем регионе, являются христианство (главным образом православие), а также ислам, иудаизм, буддизм и др.

В ходе контент-анализа нами было проанализировано 97 высказываний, показывающих отношение людей к представителям другой, «не своей» религии. В результате рассмотрения различных мнений об отношениях к религиям из сайтов общественного мнения, мы выяснили как относятся люди к разным религиям и их взаимоотношения. Сравнивая все эти религии можно сказать, что все мы по-разному относимся к религиям и верованиям других людей. Большинство относится положительно, даже одобрительно, кто-то нейтрально, т. е. им не важно какая у тебя религия, если ты хороший человек, но также всегда находятся люди, которые выступают категорически против других религий.

Ведущей религией в Иркутской области является православие. Православия придерживаются русские, это большая часть живущих в области украинцев и белорусов, мордва, чуваша, часть татар и др. [1].

Христианство терпимо относится к тем или иным религиям. Оно является религией свободного выбора того или иного человека, причем этот выбор делается вне зависимости от того, где человек родился, к какому народу он принадлежит, на каком говорит языке, какой у него цвет кожи, кто были его родители и т. д. В христианстве нет и не может быть какого-либо принуждения к вере.

Буддизм не очень часто встречается в нашем регионе, но он все же есть. Буддизм учит уважительно относиться ко всем живым существам, а также проявлять равную заботу и сострадание к каждому существу во вселенной. Видимому и невидимому, большому и маленькому, родившемуся и не родившемуся. К жизни другого надо относиться точно также, как и к своей.

Один из аспектов взаимодействия религий мира – то, что они разделяют некоторые из своих особенностей. Возьмите, к примеру, взаимодействие буддистов и христиан. Многие христиане, которые имеют духовный сан и проводят большую часть времени в уединении, молясь и размышляя о Боге, заинтересованы в том, чтобы учиться методам сосредоточенности и медитации у буддизма. Христианство учит нас любить каждого, но не объясняет подробно, как это делать. Буддизм богат на методы развития любви. На своем высшем уровне христианская религия открыта к тому, чтобы учиться этим методам у буддизма. Это не означает, что все христиане собираются стать буддистами – никто никого не обращает в свою религию. Эти методы могут быть применены в рамках их собственной религии, чтобы помочь им следовать христианству на более глубоком уровне.

Точно так же многие буддисты заинтересованы в том, чтобы учиться у христианства социальному служению. Многие христианские традиции уделяют особое внимание тому, чтобы их монахи и монахини занимались преподавательской деятельностью, работали в больницах, заботились о пожилых людях, о сиротах и т. д. Хотя некоторые из буддийских стран и создали подобные социальные учреждения, по разным социальным и географическим причинам так обстоят дела не везде. Таким образом, между религиями мира существует открытый диалог, основанный на взаимном уважении.

Взаимодействие между религиями зачастую происходит на высшем уровне, на котором люди открыты и лишены предубеждений. Это на более низких уровнях люди становятся неуверенными

и развивают менталитет футбольной команды: «Это моя футбольная команда, а другие религии – футбольные команды соперников!» Из-за такого отношения мы соревнуемся и сражаемся. Это очень печально, независимо от того, происходит ли подобное между религиями или между различными традициями буддизма. Поэтому важно уважать все традиции, как буддийские, так и относящиеся к другим религиям [4].

Какого отношение буддизма к другим религиям? Буддизм также система убеждений, только более терпима к другим вероисповеданиям. Буддизм не только согласен с моральными учениями других религий, но буддизм идет дальше, предоставляя долгосрочные цели в пределах нашего существования, через мудрость истинного понимания [7].

А вот к примеру, религия ислам, чаще всего вызывает у людей больше негативного отношения. Многие считают, что ислам – это место где зарождается один терроризм, насилие и экстремизм. Есть такое высказывание как «неверные по исламу» – это те, кто поступает неверно по отношению к другому человеку. То есть, идет ущемление прав человека, лишение принадлежащей ему собственности, проявление агрессии, убийство близких. Также это атеисты или представители других религий, которые не признают или отвергают все догматы религии ислам. Сегодня довольно распространены мнения, что Коран проповедует нетерпимость и насилие. Невозможно представить себе что-то более далекое от истины. Ислам – религия любви и терпимости призывает верить во всех пророков мира и с большим уважением относиться к любой вере. Ислам противоречил средневековым представлениям христиан о божественном плане истории и даже казался им неким религиозно-историческим вызовом. Порой отношение православия к исламу можно было даже назвать чересчур эмоциональным.

Нередки и утверждения, что ислам запрещает дружбу с представителями других религий. Единственный запрет в исламе касается дружбы с врагами и агрессорами. Аллах запрещает уважать тех, кто вел войну против верующих мусульман из-за их религии, изгонял их из домов и помогал другим изгонять [5].

Некоторые ошибочно предполагают, что хорошее отношение к не мусульманам, приветливость в обращении с ними является унижением для ислама, его разрушением и наносит урон величию ислама. Но это абсолютно не так. Напротив, когда мусульманин проявляет дружелюбие, открытость, готовность поддержать и по-

мочь людям независимо от их религии, именно так он показывает величие ислама, исламской этики и нравственности [8].

Во взаимоотношениях буддизма и ислама был и остается элемент конфликта. Но было и многое другое. Понимание того, что в этой истории был не только конфликт, но и межкультурный обмен и взаимопонимание [6].

В последнее время все больше людей осознают необходимость диалога между конфессиями. Но практически ни в одном российском регионе такой диалог в полной мере пока так и не начался. Сегодня большинство верующих, причем практически каждой религии считают, что все другие религии плохие, кроме той в которую верят они. Во время межнациональных конфликтов создается образ "чужой" национальности как некультурной, жестокой, обладающей всеми мыслимыми пороками, причем этот образ распространяется обычно на всех без исключения представителей другой национальности. Национальные, религиозные конфликты продолжают достаточно длительное время, то затухая, то вновь разгораясь. Нужна настоящая ломка сознания, чтобы уничтожить стереотипы неприязни и ненависти.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИРКИПЕДИЯ – портал Иркутской области: знания и новости [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/religioznye_konfessii_i_techeniya_v_irkutskoy_oblasti. (дата обращения: 19.05.2019).
2. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/797/836/1219/006_Habermas_45-53.pdf
3. ПРОСВЕТЛЕНИЕ: Взгляд буддизма на другие религии [Электронный ресурс]. URL: https://mahabon.blogspot.com/2014/03/blog-post_3446.html (дата обращения: 31.05.2019).
4. Портал «Ислам Сегодня» [Электронный ресурс]. URL: <https://islam-today.ru/islam-and-other-religions> (дата обращения: 31.05.2019).
5. Исламосфера : сайт о современной мусульманской культуре [Электронный ресурс]. URL: <https://islamofera.ru/vzaimootnosheniya-buddizma-i-islama-mnenie-orientalista/> (дата обращения: 31.05.2019).
6. В поисках истины // Эзотерика Психология Религия [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrezo.com.ua/religiya/buddizm/chto-takoe-buddizm.html> (дата обращения: 31.05.2019).
7. Исламский информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://islam.ru/content/veroeshenie/43679>, свободный. (дата обращения: 31.05.2019).

The relationship of religion with the problem of interethnic relations

Tatura M. O., Sharafieva D. S.

Abstract. Russia is a multinational state and therefore an important issue is the relationship of religions with interethnic relations. The problem of relations between representatives of different religions is as follows: why people of different nationalities for the most part feel mutual dislike for each other. The relevance of the topic is to study the role of the religious factor in the current state and dynamics of interethnic relations.

Keywords: interethnic relations, religions, inter-ethnic dialogue, conflicts, tolerance, nation.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Абдрашитова Ольга Алексеевна, студент 3-го курса Института социальных наук (направление 38.03.04 Государственное и муниципальное управление), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: olga.abdrashitova98@mail.ru

Айварова Нина Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия; e-mail: ninaajvarova@yandex.ru

Амосова Наталья Олеговна, старший преподаватель, Институт солнечно-земной физики СО РАН, г. Иркутск, Россия; e-mail: amnata.isu@mail.ru

Анохина Анна Альбертовна, студентка 2-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: anokhinaa_anna@mail.ru

Апреликова Наталия Руслановна, аспирант кафедры психологии, Высшая школа бизнес-технологий, Московский инновационный университет, г. Москва, Россия, e-mail: aprelikovanr@mail.ru.

Арзуманов Игорь Ашотович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, профессор кафедры теории и истории государства и права Российского государственного университета правосудия (Восточно-Сибирский филиал), г. Иркутск, Россия; e-mail: arzumanov@mail.ru

Аркузин Михаил Геннадьевич, аспирант кафедры психологических наук социально-психологического института, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия; e-mail: arkuzin77@mail.ru

Аршинская Елена Леонидовна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики дошкольного образования, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: larshinskaya@yandex.ru

Атаманова Инна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия; e-mail: iatamanova@yandex.ru

Ахмадышина Надежда Валентиновна, студентка 2-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск; e-mail: nadjuha1111@mail.ru

Бажина Ульяна Николаевна, методист отдела анализа и методики клубной работы Государственного бюджетного учреждения культуры «Иркутский областной Дм народного творчества», г. Иркутск, Россия; e-mail: voropai@yandex.ru

Балова Дина Юсуфовна, кандидат психологических наук, доцент, Высшая школа бизнес-технологий, г. Москва, Россия.

Батьянова Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: julia661@mail.ru

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, факультет психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: Elena_belinskaya@list.ru

Бобков Александр Иванович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и социологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: iab71@inbox.ru

Бобков Алексей Александрович, студент 3-го курса (специальность «Социология»), Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, г. Иркутск, Россия; e-mail: alesha.bobkov@inbox.ru

Богомаз Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия; e-mail: bogomazsa@mail.ru

Бойко Елена Александровна, магистр факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия; e-mail: alena4131970@mail.ru

Большедворская Ирина Григорьевна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: irchona15@yandex.ru

Браун Ольга Артуровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологических наук социально-психологического института, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия; e-mail: oabraun09@rambler.ru

Буа Вероник, доктор наук Университета Париж-8, Париж, Франция.

Буравлева Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия; e-mail: buravljova-nata-bn@rambler.ru.

Вавакина Татьяна Сергеевна – кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник лаборатории социальной и экономической

психологии, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия; e-mail: tvavakina@mail.ru

Вахромеев Владислав Юрьевич – магистрант 1-го курса отделения гуманитарно-эстетического образования (направление 44.04.02 Психолого-педагогическое образование, направленность «Практическая психология личности»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Гагарина Мария Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Финансовый университет; ассоциированный научный сотрудник, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия; e-mail: MGagarina224@gmail.com

Гаевская Лариса Георгиевна, аспирант кафедры общей психологии Иркутского государственного университета, педагог-психолог ОГКУ СО «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Правобережного округа г. Иркутска», г. Иркутск, Россия; e-mail: lotos_lara@mail.ru

Галсанова Долгор Раднанимаевна, кандидат психологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия; e-mail: dolgor.bazarova@yandex.ru

Гантимуров Василий Русланович, студент 2-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: kerones@mail.ru

Гильдебранд Алиса Игоревна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: alisa-281999@mail.ru

Гордякова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия.

Гочияева Палисат Ильясовна, кандидат экономических наук, доцент, Высшая школа бизнес-технологий, г. Москва, Россия.

Грицких Надежда Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: anris@list.ru

Гунзунова Бальжима Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии, Бурят-

ский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия; e-mail: balzhimag@mail.ru

Го Чуньян, доктор традиционных физкультурных наук Южно-китайского педагогического университета, постдоктор исторических наук Хэнаньского Университета, доцент, Китай.

Давыдова Анастасия Анатольевна, студентка 4-го курса отделения гуманитарно-эстетического образования (направление 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, направленность «Психология личности»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: dna5879@mail.ru

Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры политической психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: o.deyneka@spbu.ru

Доржиева Марина Очиржаповна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия; e-mail: mдорzhieva@mail.ru

Дружинин Глеб Викторович, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: dru-zhinin93@mail.ru.

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития личности, Московский педагогический государственный университет; ведущий аналитик Центра развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия; e-mail: dugarovatts@mail.ru

Дунаев Владимир Юрьевич, доктор философских наук, профессор, ГНС Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК; e-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

Егунов Алексей Олегович, аспирант Хэнаньского университета, Китай.

Жукова Анна Сергеевна, бакалавр факультета психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: anyzhukova@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Заварзина Юлия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Инсти-

тута социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: julia661@mail.ru

Загородний Валентин Дмитриевич, студент 4-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: licric97@mail.ru

Зыкова Анастасия Алексеевна, студентка 2-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: a. a. zykova@mail.ru

Иванов Роман Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: history2002@bk.ru

Иванова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: ea444@yandex.ru

Калюжнов Никита Васильевич, кандидат социологических наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Калюжнова Надежда Яковлевна, доктор экономических наук, профессор, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Канавина София Сергеевна, аспирант, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: sofia.kanavina@yandex.ru

Карнышев Александр Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных ресурсов регионального развития и межнационального согласия, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: ale3441@yandex.ru

Карнышева Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры психологии образования и развития личности, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: borisovvla@yandex.ru

Карпачева Елена Владимировна, магистр факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия; e-mail: karpachevaelena81@gmail.com

Качан Мария Константиновна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский

государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: mariya.kachan97@gmail.com

Ким Александр Сергеевич, доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Хабаровский государственный университет экономики и права, руководитель Межвузовского конфликтологического центра (Научно-методический центр по профилактике экстремизма и межэтнических конфликтов), г. Хабаровск, Россия, e-mail: stosorok2005@yandex.ru

Китов Арсен Ахмедович, магистр (прикладная информатика в социальных системах), Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия.

Китов Марат Ахмедович, магистр (прикладная информатика в социальных системах), Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия

Китова Джульетта Альбертовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия; e-mail: j-kitova@yandex.ru

Коробцова Наталья Вадимовна, студент факультета иностранных языков, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Кошурникова Юлия Евгеньевна, ФПП, программный директор «Точки кипения», Россия.

Крутова Елизавета Александровна, магистрант 2-го курса Института социальных наук (направление 38.04.04 Государственное и муниципальное управление), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: liza_kr95@mail.ru

Кузьмина Юлия Викторовна, кандидат психологических наук, старший преподаватель Института образования, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия; e-mail: Ulya9@sibmail.com

Курганская Валентина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, г. Москва, Россия; e-mail: vkurganskaya@mail.ru

Лебедев Александр Николаевич, доктор психологических наук, в. н. с. лаборатории психологии личности, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия.

Ли Шаолун, доцент Института физической культуры, Хэнаньский Университет, Китай.

Лидин Константин Львович, кандидат технических наук, Межрегиональный фонд поддержки стратегических инициатив «Байкальские стратегии», Россия.

Лоскутов Дмитрий Викторович, магистрант 2-го курса Института социальных наук (направление 38.04.04 Государственное и муниципальное управление), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: honoy_dv@rambler.ru

Лутошлива Екатерина Станиславовна, кандидат педагогических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: eka3676@yandex.ru

Лянгузова Валерия Валерьевна, аспирант факультета психологии, Московский государственный университета, г. Москва, Россия; e-mail: v. v. lyanguzova@gmail.com

Малых Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра русского языка и общего языкознания Института филологии иностранных языков и медиа коммуникаций, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: lana.malyx@bk.ru

Маркер Анна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: annamarker@mail.ru

Маторина Екатерина Андреевна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: katyamatorina@mail.ru

Монсонова Арюна Раднанимаевна, кандидат психологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия; e-mail: monsonova77@mail.ru

Москвитина Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: natalikm@mail.ru

Мунгалов Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, старший методист сектора школьного образования центра развития общего образования, ГАУ ДПО ИРО ИО, г. Иркутск, Россия; e-mail: kham@inbox.ru

Мурзина Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии и педагогики, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия; e-mail: j. s. murzina@yandex.ru

Неврина Ольга Николаевна, магистрант кафедры возрастной и педагогической психологии, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия; e-mail: olganevrina@yandex.ru

Овруцкий Александр Владимирович, кандидат психологических наук, доктор философских наук, заведующий кафедрой речевой коммуникации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: alexow@mail.ru

Орлова Яна Владимировна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: Orlova199874@gmail.com

Орловская Ольга Витальевна, магистрант 2 года обучения (направление «Психология», направленность «Психологическое консультирование») факультета психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Осипов Тимур Алексеевич, студент 2-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: otukeyofficial@gmail.com

Павлюк Мария Александровна, студентка 2-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: marj.aleksandrovna.1999@mail.ru

Перикова Екатерина Игоревна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории поведенческой нейродинамики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.perikova@spbu.ru

Пиккарди Мауро, индивидуальный предприниматель в строительном бизнесе, г. Терни, Италия; e-mail: mauropiccardi13@gmail.com

Позняков Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт психологии РАН, действительный член Международной академии психологических наук (МАПН), г. Москва, Россия; e-mail: pozn_v@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна, доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: okwook@mail.ru

Попов Станислав Алексеевич, аспирант, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: marselo2@yandex.ru

Попова Владлена Владимировна, канд. философских наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: 900320@mail.ru

Попова Наталья Владиславовна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: popova_nv@bk.ru

Прокопьева Ксения Леонидовна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: prokoreva_xenia_1997@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич, магистрант 1-го курса Института социальных наук (направления 38.04.04 Государственное и муниципальное управление) Иркутский государственный университет, г. Иркутск; e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Прусакова Маргарита Александровна, соискатель кафедры общей психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: mar-belan@mail.ru,

Ревина Евгения Владиславовна, магистрант 2-го курса социально-психологического факультета, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия; e-mail: evgeshazrina@mail.ru

Решетников Владимир Алексеевич, доктор философских наук, профессор, директор Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: eresh80@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: eresh80@mail.ru

Саватди Анастасия Тхонгпановна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: nassavatdy@mail.ru

Савилова Ксения Андреевна, студентка 2-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: ksavilova06@gmail.com

Салпагарова Аминат Умаровна, кандидат психологических наук, доцент, Высшая школа бизнес-технологий, г. Москва, Россия.

Санжаева Римма Дугаровна, доктор психологических наук, профессор, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: rimmasan24@mail.ru

Сафонов Сергей Андреевич, студент 2-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: safonov36@gmail.com

Свитюк Светлана Юрьевна, старший преподаватель, Иркутский национальный исследовательский технический университет; аспирант кафедры общей психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: sveta-1984@inbox.ru.

Сергеева Лилиана Андреевна, студентка 3-го курса Института социальных наук (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: Liliannserga958@gmail.com

Серкин Владимир Павлович, доктор психологических наук, профессор; профессор департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; e-mail: vserkin@hse.ru

Серый Андрей Викторович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологических наук социально-психологического института, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия; avgrey@yahoo.com

Скуденков Владимир Алексеевич, магистр психологии, соискатель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: vskudenkov@mail.ru

Соснин Вячеслав Александрович, кандидат психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия.

Татура Мария Олеговна, студентка 2-го курса отделения гуманитарно-эстетического образования (направление 39.03.01 Социология, «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах»), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: marusya.tatura@yandex.ru

Терехова Наталья Владимировна, старший преподаватель, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: zabnata@yandex.ru

Терехова Татьяна Александровна, профессор, доктор психологических наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: terehovata@mail.ru

Толстопятов Юрий Юрьевич, студент 3-го курса (направление 39.03.02 Социальная работа) Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: captain1pipeline@gmail.com

Трофимова Елена Леонидовна, доцент, кандидат психологических наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: trofimova-bgy@mail.ru

Фальковская Татьяна Юрьевна, доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: dear_dear@inbox.ru

Шаков Ахмед Муссалиевич, кандидат психологических наук, доцент, Высшая школа бизнес-технологий, г. Москва, Россия.

Шibaева Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия; e-mail: shibaeva2003@gmail.com

Шишкина Анастасия Олеговна, аспирант, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Штроо Владимир Артурович, кандидат психологических наук, доцент; профессор департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; e-mail: vstroh@hse.ru

Щербакова Анастасия Станиславовна, студентка факультета психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: Space_ocean@bk.ru

Яницкий Михаил Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, директор Социально-психологического института, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия; e-mail: direktorspi@kemsu.ru

Ярославцева Ирина Владиленовна, доктор психологических наук, профессор, базовая кафедра медицинской психологии ФГБОУ ВПО «ИГУ» и ФГБНУ «Научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека», Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: ya-irk@yandex.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Редакционный совет
по просьбе гражданина Италии М. Пиккарди публикует
его статью на итальянском языке*

Психолого-экономические причины, ведущие к росту или к снижению уровня патриотизма среди итальянцев

Piccardi Mauro

Le ragioni economiche che possono far salire il livello di patriottismo economico in Italia sono molte: per quanto riguarda le produzioni industriali e artigianali, possiamo iniziare dal campo della moda, con la creazione di marchi che hanno fatto la storia in questo campo. Come Armani, Versace, Valentino, Dolce e Gabbana, Ferragamo, Prada, Gucci, Bulgari. Etc. Qui l'elenco è davvero troppo lungo per poterli citare tutti. purtroppo, molti di questi grandi marchi, hanno subito l'effetto della Globalizzazione. E sono stati acquistati da gruppi di investimento stranieri. Passando al campo dei motori con la creazione di marchi come: Ferrari, Lamborghini, Maserati, Bugatti, Pagani, Isotta Fraschini, Alfa romeo, Lancia, Fiat. Per le macchine. Per le moto. Ducati, Gilera, Bimota Moto Guzzi. MV Augusta, Piaggio con la creazione della mitica vespa. Che ha motorizzato intere generazioni di motociclisti. E ha dato il via ad un modello copiato in tutto il mondo.

Anche qui purtroppo gli effetti della Globalizzazione si sono fatti sentire. Ma la cosa straordinaria è che quasi tutti questi marchi sono nati in un fazoletto di terra che si trova in Emilia Romagna. Tanto da essere chiamata "motor valley". Ma non abbiamo solo motivi economici per essere patrioti anche artisti e umani. Il periodo del rinascimento ma non solo. È stato uno dei più prolifici. Artisti come: Michelangelo, Caravaggio, Leonardo da Vinci, Raffaello, Bernini, Botticelli, Giotto. Un elenco lunghissimo. Di geni che hanno arricchito artisticamente il mondo intero. Fu un'epoca di grandi sconvolgimenti economici e sociali. Che spesso viene tradotto come un' Epoca di rottura tra il medioevo e l'età moderna. In Questo piccolo paese al centro del mare mediterraneo. Anche nel campo musicale possiamo ritenerci orgogliosi di artisti come, Verdi, Vivaldi, Rossini, Donizetti, Puccini etc. E artigiani del calibro di Stradivari e molti altri. Per ultimo Ma non per importanza Ennio Morricone. Compositore di splendide colonne sonore da film.

Come vedete i motivi per poterci ritenere orgogliosi e patrioti sono molti. Ma una delle principali cause di perplessità in cui ci si imbatte, nel considerare le cose d'Italia. È l'assurda discrepanza tra l'eccellenza dei singoli e il destino generalmente sciagurato del paese Italia nel corso dei secoli. . Sproporzionato

alla modesta estensione della penisola e al numero degli abitanti. Che questi eminenti personaggi abbiano "arricchito" in modo decisivo la civiltà del mondo, è ormai un luogo comune. . Ma siamo stati anche autolesionisti, personaggi come Machiavelli fu' tenuto lontano dagli affari importanti, imprigionato e torturato, Galileo Galilei, fu' processato per la sua ostinazione scientifica, Garibaldi finì sorvegliato dalla polizia. Cercarono pace lontano dalla patria, Dante Alighieri, Mazzini, Enrico Fermi, Arturo Toscanini e infiniti altri.

Noi siamo allo stesso tempo soddisfatti e perplessi. D'Azeglio disse:fatta L'Italia. Ora bisogna fare gli italiani. Purtroppo credo che sia ancora attuale la sua affermazione. Un'altra cosa che divide gli italiani, come nella maggior parte del mondo, è la politica. Molti pensano che basta cambiare il politico di turno. Sul quale ricadono tutte le colpe della situazione attuale e anche quelle generate precedentemente. E come per magia. Tutti problemi sono risolti. Un po' la strategia dello Struzzo purtroppo non è così a memoria d'uomo mai i politici hanno risolto problemi di tale intensità. La storia lo insegna, certo la politica è importante. Assolutamente, ma prima bisogna cambiare le regole. . Che sono il vero motore di sviluppo, sono le calamite capaci di attrarre investimenti. Investire in ricerca, formazione. Ma questo non si ottiene con i proclami o con gli slogan. Cosa che avviene puntualmente in Italia oggi. Quindi cambiare le regole diventa doveroso e fondamentale, per creare lavoro e sviluppo.

Un'ultima analisi va alle elezioni Europee appena terminate, il risultato italiano vede una netta affermazione della lega di Matteo Salvini che ha preso voti anche al centro sud, cosa perlomeno strana essendo la Lega un partito federalista e secessionista. Ma questo purtroppo evidenzia un forte senso di disagio e confusione, e come se una "quaglia" votasse "si" al referendum per la caccia (opinione dello scrivente ovviamente) questa ondata di populismo e sovranismo, per ora non ha inciso sul parlamento Europeo. Ma a mio avviso bisogna cercare di contenere e cmq arginare questa ondata. Concludendo potrei affermare che, gli italiani sono patrioti solo se vengono offesi, allora si compatano, altrimenti sono spesso i primi critici di se stessi. Le divisioni interne per ragioni storiche non hanno potuto arginare, il Globalismo economico, perdendo via via dei pezzi importanti che hanno reso gli italiani orgogliosi e fieri di esserlo. Di conseguenza abbiamo perso tanti posti di lavoro. Con conseguenze importanti economicamente e politicamente. . Ovviamente la speranza e l'ottimismo è nello spirito degli italiani da sempre. Infatti per poter far fronte alla delocalizzazione delle imprese, alcuni impiegati e operai hanno investito il proprio TFR per rilevare L'azienda che altrimenti sarebbe caduta nelle mani di investitori senza scrupoli. Rischiando molto, un atto coraggioso, poi seguito da altri lavoratori nelle stesse condizioni, un vero atto di sopravvivenza e Patriotismo.

Научное издание

**Междисциплинарные ресурсы
экономической психологии в формировании
этнорегиональной идентичности
и позитивного образа малой родины**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Иркутск, 27–30 июня 2019 г.

*Материалы публикуются в авторской редакции
Дизайн обложки П. О. Еришов*

Темплан 2019. Поз. 62
Подписано в печать 20.06.2019. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 33,9. Усл. печ. л. 38,1. Тираж 100 экз. Заказ 87

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 124